

Дальневосточный федеральный университет
Школа региональных и международных исследований

А.А. Киреев

Дальневосточная граница России:

тенденции формирования и функционирования
(середина XIX – начало XXI вв.)

Монография

Владивосток
Издательство Дальневосточного федерального университета
2011

<http://www.ojkum.ru>

УДК 341.222
ББК 66.4
К43

Рецензенты:

В.А. Бурлаков, к. полит. н., доцент
В.Г. Дацьшен, д.и.н., профессор
С.И. Лазарева, к.и.н., с.н.с.
О.И. Сергеев, к.и.н., с.н.с.

На обложке:

*Место стыка государственных границ РФ, КНР и КНДР на р. Туманной.
Вид с территории КНР.
Фото автора.*

Киреев, А.А.

К43 Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.): монография / А.А. Киреев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 474 с.

Монография посвящена изучению развития дальневосточной границы России, анализу долговременных тенденций ее формирования и функционирования. В исторической динамике в работе рассмотрены основные факторы формирования границы, ее состав и структура, характер (режимы) ее функционирования, а также общее воздействие данного рубежа на развитие прилегающего к нему дальневосточного региона страны.

Книга предназначена для политологов, регионоведов, историков и международных работников, тех, кто интересуется проблемами РДВ.

УДК 341.222
ББК 66.4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Государственная граница: теоретические основы изучения	12
1. Граница: сущность и историческое развитие	12
2. Подходы к изучению границ	21
3. Факторы формирования и функционирования границы	32
4. Состав и структура границы	43
5. Функции границы	56
6. Типы границ	70
Глава II. Формирование и функционирование дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг.	78
1. Факторы формирования и функционирования дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг.	78
2. Состав и структура дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг.	98
3. Функционирование дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг.	144
4. Дальневосточная граница в 1854 – 1929 гг.: типологические особенности и тенденции развития	172
Глава III. Формирование и функционирование дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг.	179
1. Факторы формирования и функционирования дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг.	179
2. Состав и структура дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг.	201
3. Функционирование дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг.	239
4. Дальневосточная граница в 1929 – 1988 гг.: типологические особенности и тенденции развития	257

Глава IV. Формирование и функционирование дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг.	264
1. Факторы формирования и функционирования дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг	264
2. Состав и структура дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг.	285
3. Функционирование дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг.	355
4. Дальневосточная граница в 1988 – 2010 гг.: типологические особенности и тенденции развития	394
Заключение	405
Ссылки и примечания	416
Использованные источники и литература	455
Список сокращений и аббревиатур	471

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы федеральный центр ясно демонстрирует свою заинтересованность в решении острых и многочисленных проблем дальневосточного региона страны. При этом, насколько можно судить, речь идёт не только о преодолении последствий безоглядного дерегулирования регионального развития, имевшего место в постсоветский период, но и об исправлении гораздо более фундаментальных «перекосов», связанных с традиционно глубоко периферийным, служебно-инструментальным положением Дальнего Востока в структуре российского государства. Значительные финансовые средства, направленные в регион, кадровые и институциональные изменения в управлении им, ряд весьма конкретных по своему содержанию соглашений, подписанных с КНР, как будто говорят о том, что мы имеем дело с чем-то большим, нежели очередной всплеск патерналистской риторики Москвы. Однако можно ли рассчитывать на то, что масштабное вложение государственных сил и средств действительно даст планируемый эффект?

Любые оценки ожидаемой эффективности управления, вероятности достижения им поставленных целей, требуют неременного учёта того, насколько управляющая сторона знает и контролирует управляемый объект, т.е. в конечном счёте, того, в какой степени она практически управляет им в настоящий момент времени. Очевидно, что для того, чтобы управлять объектом необходимо, по крайней мере, отчётливо представлять себе его границы и быть в состоянии оказывать решающее (преобладающее) влияние на то, что заключено в их пределах, не допуская бесконтрольного взаимодействия данного объекта с внешней средой. Управление границей объекта имеет критическое значение для управления им как целым. Исходя из такого понимания управления, перспективы реализации планов государства относительно развития РДВ выглядят достаточно проблематичными.

Даже если принять во внимание происходящие в последнее время в федеральной политике изменения, протяжённые границы дальневосточного региона (прежде всего, в их межгосударственной части) и сегодня вряд ли могут считаться эффективным регулятором его внешних связей. Вместо того чтобы служить несущей опорой, прочным институционально-пространственным каркасом регионального управления, рубежи РДВ фактически явля-

ются одним из наиболее слабых и уязвимых его звеньев. Государственные границы региона устойчиво и отнюдь не беспочвенно ассоциируются в массовом сознании с различного рода «теневыми» процессами, демографическими, экономическими, политическими и иными внешними угрозами, процветанием криминальных и коррупционных отношений.

«Серое» состояние государственных границ РДВ, значительная часть структуры и функционирования которых остаются за рамками реального административно-правового контроля, тесным образом сопряжено с высокой степенью эпистемологической, научной непроницаемости этого объекта. Длительный период, с начала 30-х до начала 90-х гг. XX в., какое-либо независимое и полномасштабное его научное изучение было в принципе невозможным. В последующие двадцать лет положение стало меняться, и тем не менее, границы РДВ до сих пор остаются в числе наименее изученных компонентов региональной системы, что обусловлено не только объективной сложностью и многомерностью данного объекта, но и сохраняющейся закрытостью существенного объёма касающейся его информации.

Целенаправленные научные исследования дальневосточной границы (как части границы между СССР и КНР) были начаты отечественными учёными в 60-е гг. XX в. под непосредственным влиянием кризиса в советско-китайских отношениях. В этой международной ситуации основным их направлением вплоть до конца 80-х гг. являлось изучение вопросов формирования географических контуров данной границы, её дипломатической истории. Рассмотрению этой проблематики были посвящены работы Е.Л. Беспрозванных, В.С. Мясникова, С.Л. Тихвинского и ряда других авторов. Менее интенсивно в период 1960-х – 1980-х гг. разрабатывались проблемы функционирования дальневосточной границы, регулирования ею различных трансграничных процессов. В контексте изучения динамики социально-демографических и экономических отношений между Россией/СССР и Китаем эти проблемы затрагивались в трудах О.Е. Владимирова, В.М. Кабузана, Г.Н. Романовой, М.И. Сладковского, Ф.В. Соловьёва. В силу политических причин в основном за рамками научного анализа в данный период оставались состав и структура системы дальневосточной границы, а также многие эндогенные факторы её генезиса.

Общественно-политические перемены в стране и изменение характера её отношений с соседями по СВА с конца 80-х гг. при-

вели к заметному оживлению исследований дальневосточных рубежей, к их внутренней специализации и тематической реструктуризации. Судя по количеству публикаций, в центре внимания исследователей в последнее двадцатилетие оказалась проблематика трансграничных связей РДВ, включающая в себя и вопросы их пограничного регулирования. Особенно обширная литература посвящена миграционному взаимодействию региона с КНР и КНДР. К ней относятся статьи и монографии Ю.А. Авдеева, А.С. Ващук, Г.С. Витковской, В.Г. Гельбраса, А.В. Друзьяка, Л.В. Забровской, Е. Загребнова, О.В. Залесской, А.Г. Ларина, Л.А. Крушановой, Е.Л. Мотрич, Т.З. Поздняк, Л.А. Понкратовой, Г.А. Сухачёвой, Л.Л. Рыбаковского, Е.Н. Чернолуцкой и других авторов. Трансграничные экономические отношения РДВ с названными странами проанализированы в работах М.В. Александровой, А.В. Алепо, И.С. Безрукова, Е.В. Горбенковой, Е.И. Деваевой, П.А. Минакира, Н.П. Рыжовой, Т.Н. Сорокиной, К.В. Татценко. Исследования трансграничного взаимодействия в сфере военно-политической и общественной безопасности принадлежат таким авторам как И.Н. Баранник, В.А. Номоконов, Ю.С. Песков, С.А. Сидоров, В.В. Синиченко, А.М. Филонов. Проблемы отношений РДВ с сопредельными обществами в культурно-идеологической сфере освещались в работах В.И. Дятлова, А.П. Забияко, В.Д. Иванова, Р.А. Кобызова, Л.Е. Козлова, А.В. Лукина, Н.П. Рябченко. Многосторонний, комплексный анализ трансграничных отношений региона с Китаем и Кореей проведён в трудах А.Т. Кузина, В.Л. Ларина, Е.И. Нестеровой, Б.Д. Пака, А.И. Петрова, О.А. Тимофеева.

Продолжалось в 1990-е – 2000-е гг. и начатое в предшествующий период изучение формирования пространственной конфигурации дальневосточной границы, представленное работами А.Д. Воскресенского, Ю.М. Галеновича, В.С. Мясникова, А.Ю. Плотникова, Б.И. Ткаченко. Новым направлением в научных исследованиях данной границы стал анализ её общественной структуры, и, прежде всего, её институционального, правового и материально-технического компонентов. Структурные основы пограничной охраны, таможенного и миграционного регулирования на Дальнем Востоке рассмотрены в работах Н.А. Беляевой, А.М. Буякова, В.Г. Дацышена, С.Н. Ляпустина, В.Н. Мельникова, В.Ф. Печерицы, О.И. Сергеева, Н.А. Троицкой, Н.А. Шабельниковой, В.О. Шелудько, В.А. Черномаз.

В последние годы появляются исследования, направленные на изучение развития дальневосточной границы как целостного, системного явления, на раскрытие его общественных факторов и в особенности занимающей среди них ключевое положение государственной пограничной политики. К числу таких исследований относятся диссертационные работы В.Н. Мельникова и С.А. Сидорова.

Существующая литература по теме содержит обширный фактический материал, однако складывающаяся на его основе научная картина дальневосточной границы отображает этот объект крайне неравномерно и неполно. Во временном аспекте сравнительно мало изучено развитие границы в период после второй мировой войны. С точки зрения системной организации объекта, особенно значительные пробелы присущи результатам исследований состава, структуры и эндогенных факторов развития дальневосточной границы. В дисциплинарном отношении в изучении данной границы до сих пор доминирует исторический, описательный подход, тогда как концептуальный и методологический инструментарий других, более специальных, социогуманитарных наук – политологии, социологии, экономики (не говоря уже о лимнологии) – остаётся, как правило, не востребованным.

Слабая и фрагментарная изученность границ РДВ и, как следствие, недостаточность осмысленного и результативного властного контроля над ними, по моему мнению, являются одним из главных препятствий на пути повышения эффективности управления дальневосточным регионом страны. Ввиду этого постановка и решение проблемы комплексного исследования рубежей РДВ имеет (помимо связи с рядом общих вопросов теоретического регионоведения) безусловную прикладную, управленческую и общественно-политическую, актуальность.

Необходимое с точки зрения регионоведческой и лимнологической теории изучение границ такого обширнейшего региона, каким является РДВ, в их пространственной полноте и системной целостности представляется на сегодня задачей практически невыполнимой. Кроме того, следует учитывать, что разные участки их протяжённого периметра характеризуются различной географической спецификой и политико-правовым статусом и имеют неодинаковое влияние на конституирование и развитие общественной системы региона. Очевидно, что объективно наименьшую дифференцирующую, а значит и регулятивную роль для РДВ играет внутригосударственный, административный сегмент его

границ. Гораздо большей значимостью в этих аспектах обладает та часть границ региона, которая наделена статусом межгосударственного рубежа. Однако и государственному отрезку границ РДВ свойственна внутренняя структурная и функциональная неоднородность. Большая часть его протяжённости (около 17 тыс. км.) приходится на морские рубежи, которые в силу действия естественных факторов, отличаются сравнительно низкой интенсивностью трансграничных сообщений. Таким образом, практически наиболее значимым, как в структурном, так и в функциональном отношении, сегментом рубежей РДВ выступает относительно небольшой (около 3200 км.) материковый и государственный участок их периметра¹. Именно этот участок рубежей РДВ (именуемый в данной работе дальневосточной границей), рассматриваемый с одной стороны как функциональный компонент общественно-политической системы региона, а с другой как региональная подсистема системы государственной границы России в целом, и является объектом настоящего исследования.

Протянувшийся от побережья Японского моря в районе устья р. Туманной до места слияния рр. Шилки и Аргуни, материковый государственный участок границ РДВ исторически выступал главным социально-географическим входом/выходом данного региона в его взаимодействии с международной средой и, прежде всего, с непосредственно соседствующими с ним китайским и корейским обществами. Через него проходил основной объём трансграничных человеческих, товарных, информационных и иных общественных потоков, масштабы и значимость которых в некоторые периоды могли превосходить соответствующие параметры интраграницных, внутрироссийских интеракций дальневосточного региона. Огромная и разнообразная функциональная нагрузка, ложившаяся на дальневосточную границу, обусловила прочно занимаемое ей положение приоритетного объекта государственной пограничной политики в регионе и её сравнительно высокую внутреннюю структурную сложность.

Сложноорганизованный, системный характер дальневосточной границы как явления предполагает необходимость анализа её структуры и функций. При этом нельзя не учитывать того, что современное состояние структуры и функций системы дальневосточной границы является текущим результатом её длительного, более чем полуторавекового, исторического развития. В связи с этим, структуру и функции изучаемой границы целесообразно анализировать в их динамике, как процессы формирования и

функционирования данного объекта, как последовательную смену ряда его конкретно-исторических состояний. Таким образом, предметом представленного исследования следует считать формирование и функционирование дальневосточной границы России в период с окончательного определения в середине XIX в. её общих географических контуров и до настоящего времени.

Ввиду практической актуальности изучения дальневосточной границы, его направленности, в конечном счёте, на создание возможностей для осознанного и обоснованного воздействия на состояние этой границы в будущем, в центре исследования находятся долгосрочные тенденции динамики изучаемого объекта. Исходя из этого, цель работы можно определить как выявление и объяснение основных тенденций формирования и функционирования дальневосточной границы как фактора развития РДВ.

В ходе проведения исследования автором решались следующие задачи:

1) рассмотрение современного состояния лимнологической теории и методологии и формирование на их основе инструментария исследования дальневосточной границы России;

2) выявление факторов формирования и функционирования изучаемой границы;

3) характеристика эволюции состава и структуры системы дальневосточной границы;

4) характеристика динамики функционирования системы границы;

5) построение периодизации истории дальневосточной границы;

6) определение типологических особенностей системы изучаемой границы в различные исторические периоды;

7) выявление тенденций развития дальневосточной границы в различные периоды её истории.

Теоретической базой исследования послужили концептуальные положения и понятийный аппарат лимнологии, разработанные или адаптированные к изучению российских границ в трудах, прежде всего, отечественных исследователей её проблематики (Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов, В.А. Колосов, С.А. Королёв, В.А. Кудияров, Н.С. Мироненко, И.Г. Яковенко). Ядром методологического инструментария данной работы является системный (функциональный) подход, внедрявшийся и развивавшийся в лимнологической области такими учёными как Дж. Прескотт, О.

Мартинес и Дж. Хаус. Принципы и категории других основных подходов лимнологии, географического и конструктивистского, выполняли в настоящем исследовании вспомогательную роль. Диахронный ракурс рассмотрения предмета исследования потребовал применения в нём таких методов как историко-сравнительный и историко-типологический.

Основным эмпирическим методом проведённого исследования являлся анализ письменных источников. Источниковую базу исследования составили международные и национальные нормативно-правовые акты, документы государственных органов и общественных организаций, материалы периодических печатных изданий, информационные ресурсы Интернета, неопубликованные архивные источники.

Автор выражает благодарность своим коллегам, специалистам в различных научных областях, чьи отзывы о работе позволили сделать ее лучше. Нелегкий труд рецензирования рукописи настоящей монографии взяли на себя такие исследователи трансграничных отношений дальневосточного региона России как О.И. Сергеев и С.И. Лазарева, В.Г. Дацышен, В.А. Бурлаков. Целый ряд ценных замечаний и советов по содержанию и структуре исследования был высказан ознакомившимися с его текстом И.Н. Золотухиным, А.М. Кузнецовым, А.Л. Лукиным, Т.Г. Трояковой. Неоценимую помощь в подготовке данной работы к печати автору оказал В.Н. Караман.

ГЛАВА I. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ.

1. Граница: сущность и историческое развитие

Граница стала объектом специальных научных исследований по историческим меркам сравнительно недавно – не ранее второй половины XIX столетия. Только в последней четверти XX века сложились предпосылки к формированию на основе этих исследований особой области научного знания – лимологии, – и разработке необходимого для неё понятийного и теоретического аппарата¹. Однако краткий и пока весьма скромный по достижениям «послужной список» лимологии отнюдь не следует считать соразмерным значимости её объекта. Граница, в широком, родовом значении этого понятия, принадлежит к числу наиболее фундаментальных и универсальных явлений общественной жизни. Понятие границы непосредственным и необходимым образом связано с основными категориями анализа любого рода общественных и политических систем².

В наиболее общем для социальных наук значении границу можно определить как пределы данной человеческой общности в физическом пространстве. Будучи весьма удобным и наглядным, такое широко принятое понимание границы, вместе с тем, заставляет воспринимать её как нечто абсолютно простое, далее не разложимое и не имеющее собственного содержания. Однако в любых, в т.ч. самых ранних, социальных системах сущность границы не может быть сведена только лишь к пространственному отделению системы от внешней среды. Граница всякой социальной общности объективно является также и механизмом регулирования всех форм взаимодействия данной общности с её природным и общественным окружением. Этот механизм может быть весьма примитивен, но само его наличие служит необходимым условием существования социальной системы.

Таким образом, граница представляет собой не просто более или менее чётко проведённую разделительную линию между средой и социальной системой, но специфическую часть последней, её подсистему, обладающую той или иной степенью обособленности и внутренней сложности. Как органическая часть системы, граница обусловлена её структурой и отражает в себе общесистемные свойства и закономерности. Вместе с тем, являясь

медиатором импульсов, приходящих извне, граница сама в значительной (большей, чем иные подсистемы) мере формирует систему, обуславливает её внутреннюю динамику, её функционирование и развитие.

Поскольку речь идёт о системах социального типа, то формирование системой своей границы, также как и обратный процесс (т.е. обращённое на систему функционирование самой границы), наряду с объективной составляющей, включают в себя некоторую долю сознательной, целенаправленной деятельности людей. Иными словами, в этих процессах в разной пропорции постоянно присутствуют как стихийная системная самоорганизация, так и управление. Настоящее исследование сфокусировано, прежде всего, на управляемом формировании и функционировании границ, так как именно они связаны с сущностной спецификой социальных систем.

Реализацию основополагающей регулятивной функции границы социальной системы принципиально можно свести к выбору между двумя режимами взаимодействия между данной системой и средой – открытому и закрытому. Открытый режим взаимодействия системы и среды предполагает свободный, беспрепятственный обмен любого рода социально значимыми действиями между ними. Под закрытым режимом подразумевается блокирование социальных взаимодействий между системой и средой (при сохранении возможности косвенного взаимодействия на уровне несоциальных, физических связей). Необходимость поддержания и обеспечения этих двух возможных модусов регулирования отношений системы и среды – открытости и закрытости – обусловила появление двух важнейших подфункций всякой границы – контактной и барьерной. В свою очередь, осуществление границей контактной и барьерной функций исторически привело к возникновению в процессе их дифференциации целого спектра более специальных видов регулирующей (пограничной) деятельности, особенности которых лежат в основе большого типологического разнообразия социальных границ современной эпохи. Также как и регуляция в целом, контактная и барьерная функции границы социальной общности могут быть реализованы в форме как стихийного массового поведения, так и целенаправленного управленческого вмешательства в общественные процессы.

Усложнение, дифференциация структуры и функций границы были неразрывно связаны с социально-экономическим и

политическим развитием общества. Исходя из наличия этой связи, правомерно говорить о существовании всеобщей истории границы, состоящей из ряда последовательных, закономерно сменяющих друг друга стадий. Первая из основных стадий всеобщей истории границы, с моей точки зрения, соответствует эпохе древнейших социальных общностей – родовых общин охотников, рыболовов и собирателей. Специфика образа жизни этих построенных по кровно-родственному принципу и основанных на присваивающей экономике объединений обусловили формирование у них границ особого типа. Хозяйственная зависимость от ресурсов животного и растительного мира определяла сравнительно высокую подвижность родовых общин, практическую невозможность их длительного закрепления на какой-либо территории. Кочевая жизнь родовых общин придавала мобильный, экстерриториальный характер и их границам. По существу, в рассматриваемый период границы социальных общностей были связаны не столько с территорией, сколько с самими людьми, в буквальном смысле выступавшими в роли их носителей.

Другой особенностью границ родовых общин, также тесно сопряжённой с присваивающим способом природопользования, являлся их точечный контур. Даже в периоды остановок и временного проживания на какой-либо определённой территории охотники, рыболовы и собиратели, как правило, использовали её площадь очень неравномерно и нерегулярно. Их распределение (расселение и хозяйственное перемещение) по занимаемому пространству достаточно часто менялось под воздействием различных эколого-экономических факторов и просто случайных обстоятельств. В подобных условиях внешние пространственные рубежи первобытных общин на практике должны были функционировать как прерывистые, пунктирные.

Вместе с тем, по-видимому, именно в эпоху кровнородственных сообществ возникают зачатки тех представлений, ценностей и поведенческих установок, комплекс которых может быть обозначен термином «культура границы». При этом можно предположить, что наиболее ранними формами отображения границы в общественном сознании явились относящиеся к ней ценности и поведенческие стереотипы. Важнейшее место среди этих древнейших элементов культуры границы принадлежало идее о сакральной значимости общинно-родовых рубежей как необходимой части религиозно-мифологической картины мира, а также набору норм (обычаев, обрядов), регулирующих порядок их пе-

ресечения. Когнитивные представления о границах, в условиях относительной нестабильности, экстерриториальности последних, в этот период, судя по всему, ещё не могли иметь устойчивого, культурного характера.

Начало второй стадии в историческом развитии границ было связано с трансформацией социальных систем в ходе т.н. «неолитической революции». Развернувшиеся примерно с VIII тыс. до н.э. революционные изменения сначала в экономической, а затем, в социальной, политической и культурной жизни наиболее передовых человеческих сообществ не могли не затронуть типологических свойств их границ. Границы экстерриториального типа не исчезают вовсе, но вместе с сопряжёнными с ними архаичными кровнородственными отношениями постепенно вытесняются на периферию ойкумены, в неблагоприятные для проживания (в силу природных или общественных факторов) и слабоосвоенные регионы планеты. В плотно населённых же и экономически развитых очагах новой земледельческой цивилизации их место занимают собственно территориальные границы с более определёнными линейными контурами.

Переход от экстерриториальных к территориальным границам был обусловлен, прежде всего, значительно возросшей хозяйственной ценностью самой земли, превратившейся в объект целенаправленного возделывания, в различные сельскохозяйственные угодья. Длительная и регулярная сельскохозяйственная эксплуатация земель вела к формированию представления о праве земельной собственности хозяйствующих субъектов, в первую очередь субъектов коллективного типа. В своём развитии идея коллективной (клановой, общинной, племенной) земельной собственности явилась одним из источников понятия территориального суверенитета, т.е. верховной и исключительной власти над данной территорией. Судя по всему, с идеей коллективной земельной собственности по своему происхождению было связано и представление о территориальной идентичности, которая под воздействием последствий «неолитической революции» начинает постепенно замещать собой кровнородственные формы определения групповой принадлежности индивидов.

По-видимому, впервые территориальный принцип организации и идентификации подчиняет себе кровнородственный с появлением таких социально-политических общностей как вождества. Этому способствовали значительные размеры (до нескольких сотен тысяч человек) и смешанный, этнически гетерогенный

характер населения вождеств³, которые не позволяли эффективно поддерживать их единство с помощью брачно-родственных отношений.

Отделённая от человеческого коллектива как такового и прикреплённая к территории, граница нуждалась в чёткой фиксации её пространственных координат. При этом, возрастающая ценность возделанной или иным путём, материально или духовно, окультуренной земли, предъявляла все более высокие требования к точности демаркации границ социальных общностей на местности. Таким образом, в обществах, прошедших через «неолитическую революцию», на смену дискретным, пунктирным границам приходят рубежи сплошного, линейного типа. Безусловно, ранее всего этот процесс должен был охватить районы наибольшей плотности населения и наиболее интенсивной хозяйственной деятельности. Именно в таких районах (например, в плодородных поймах рек), где высокая ценность земли служила предпосылкой для многочисленных и частых поземельных конфликтов, зарождаются технологии землеустройства и землемерия, на основе которых, как известно, позднее возникла картография. Межевые линии и знаки, разделявшие поля соседствующих общин, по всей видимости, можно считать исторически первым прообразом границы линейного типа.

Относительная стабилизация рубежей в эпоху раннеземледельческих обществ способствовала развитию в культуре границы когнитивного компонента. В этот период в общественном сознании утверждаются знания и представления о «своей (родной) земле», её пространстве и пределах. При этом, границы «своей земли», соотносимые обычно с теми или иными ландшафтными барьерами, начинают восприниматься как исконные и естественные. Таким образом, конкретные географические границы раннеземледельческой общности встраиваются в уже сложившуюся традиционную, религиозно-мифологическую картину мира, а последняя, в свою очередь, проецируется на реальное физическое пространство, прикрепляется к нему. С этой эпохи когнитивный и ценностный компоненты культуры границ существуют в тесной связи друг с другом.

Формирование территориальных линейных границ вызвало изменения и в нормативно-поведенческой составляющей соответствующего культурного комплекса. Происходит детализация и ужесточение норм, регулирующих пересечение и в особенности перемещение границ общности. Покушение на целостность зе-

мель общины, независимо от того, влекло ли оно прямую угрозу физической безопасности её членов, начинает рассматриваться как тяжкое преступление, требующее самого сурового наказания, вплоть до лишения виновного жизни⁴.

Появление на рубеже IV – III тыс. до н.э. первых государств положило начало третьей стадии исторического развития границ, которая не завершилась до настоящего времени. Образование государственной машины, последовательный рост её сложности и могущества, в различной степени преобразили буквально все сферы жизни общества. Граница общественной системы оказалась в числе тех её компонентов, которые в силу особенно высокой значимости для государственной власти испытали в данную эпоху наиболее очевидные и глубокие изменения.

Значимость, придаваемая границе как объекту государственной политики, вытекает из самой сущности государства. Институт, монополизировавший политическую власть и принуждение на определённой территории, может существовать лишь при условии чёткой фиксации её границ и достаточной степени контроля над ними. Контроль над внешней границей общества, т.е. над взаимодействием общественной системы с окружающей средой, выступает необходимой предпосылкой возможности управления любого рода внутренними процессами и отношениями в данной системе. Иными словами, подобный контроль является, по сути, минимумом государственного суверенитета, тем обязательным базисом, отсутствие которого лишает государство способности к реализации своих функций, к проведению какой-либо определённой внутренней и внешней политики.

Складывание института государственной границы было чрезвычайно длительным, многоэтапным процессом. Этот процесс шёл рука об руку с историческим расширением и дифференциацией функций государства, как явления, и его результаты могут рассматриваться как достаточно надёжный показатель уровня зрелости последнего. Судя по всему, первым этапом огосударствления границ общества следует считать достижение государством военного контроля над ними. Ранние государства существовали, как правило, в обстановке интенсивных внешних конфликтов, и задачи охраны, обороны и расширения (зачастую в тех же оборонительных целях) своих пределов являлись для них наиболее актуальными, первоочерёдными.

В более поздний период государственная граница приобретает также роль инструмента экономического, прежде всего, фис-

кального контроля. С введением таможенного регулирования трансграничных экономических отношений было тесно связано появление такого характерного признака огосударствления границы как её правовая оформленность и институализированность. Если до этого граница существовала в качестве социокультурного феномена, комплекса в основном не зафиксированных и уже поэтому весьма гибких представлений, ценностей и традиционных норм, то отныне она получила второе, – законодательное, нормативно-принудительное, – измерение. Создаваемые и защищаемые государственной властью формально-правовые нормы и институты в дальнейшем постепенно вытесняли из практики функционирования границы неформальные поведенческие стереотипы, при этом, однако, обычно не оказывая значительного воздействия на когнитивные и ценностные компоненты её культуры.

С помощью правовых средств, по мере своего развития, государство придавало собственным границам всё более широкий круг функций. Апогея этот процесс достиг в период индустриального, капиталистического общества, и в особенности в XX веке, когда государственная граница стала постоянно и повсеместно использоваться для регулирования не только стремительно диверсифицирующихся политических и экономических, но также социальных и культурных контактов. В это время по существу не осталось ни одного сколько-нибудь значимого направления государственной внутренней и внешней политики, важным механизмом реализации которого так или иначе не служил бы институт границы. Таким образом, расцвет национального государства в XX в. в полной мере выявил такую типологическую особенность государственной границы как её универсальный, многофункциональный характер.

Монопольный контроль со стороны органов государственной власти и функциональная универсальность отличают государственную границу от границ негосударственного, общественного (в узком смысле) типа. Негосударственные границы (границы этносов, общин, предприятий, поселений и т.д.), по крайней мере, частично, контролируются и управляются соответствующими общественными (самоуправляемыми) субъектами. Кроме того, негосударственным границам присуща функциональная ограниченность, специализированность – они регулируют, как правило, лишь определённый, часто достаточно узкий спектр отношений данной социальной системы с её средой. Следует заметить, что

хотя в эпоху государств практически все негосударственные, общественные границы неизбежно подвергаются частичному огосударствлению, т.е. оказываются объектами более или менее систематического централизованного управления и законодательства, это, как правило, не приводит к утрате ими своей специфики. Негосударственные границы располагаются обычно внутри государственной территории и не пересекают её рубежей. Наложение границ общественного типа на государственные в рассматриваемый исторический период является в целом аномалией и встречается сравнительно редко.

Выделяя основные отличительные признаки государственной границы, необходимо подчеркнуть высокую внутреннюю дифференцированность границ этого типа. Как уже указывалось, на протяжении последних пяти тысяч лет параметры государственной границы существенно изменялись под влиянием такого фактора как историческое развитие государства и общества, а точнее под воздействием обновления социально-экономической, формационной организации последнего. Другим важным дифференцирующим фактором является специфика природных условий и, прежде всего, ландшафтной основы пролегания границы. Третьим фактором в этом ряду служит конкретный тип изучаемого государства, в определении которого наиболее значимы критерии этнической однородности его населения, экономической целостности и политического режима. Проблема видового разнообразия государственных границ будет более подробно рассмотрена в § 8 данной главы.

Несмотря на то, что третья, государственная, стадия в истории границ всё ещё не завершена, сегодня уже трудно игнорировать симптомы, указывающие на близость этого явления к переходу в новое качественное состояние. К таким симптомам следует, прежде всего, отнести умножающиеся со второй половины XX в. признаки кризиса национально-государственной формы организации общества. Размывание в глобализующемся мире государственного суверенитета «сверху» (со стороны надгосударственных, международных структур) и «снизу» (со стороны субгосударственных, общественных субъектов) не могло не коснуться и тесно связанного с ним института границы. В ряде регионов планеты, лидером среди которых выступает Европа, в течение нескольких десятилетий по существу успешно идёт процесс «разгосударствления» границ. Наиболее распространённой формой данного процесса выступает отказ государств от прямого

регулирования определённых видов трансграничных отношений, например, посредством введения безвизового обмена, отмены таможенного и валютного контроля и т.д. В итоге государственные границы утрачивают свою прежнюю «универсальность», их функциональный диапазон сужается, специализируется.

Другой, более сложной и более редкой формой разгосударствления является «демонополизация» тех регулирующих функций границы, реализация которых ранее была исключительной прерогативой государственной власти. Если «деуниверсализация» границы связана с ограничением государственного контроля в пользу граждан и организаций, то «демонополизация» сопряжена с передачей части полномочий центральных органов государственной власти различным территориальным образованиям субнационального уровня (регионам, национальным автономиям, муниципалитетам). Получая в том или ином объёме права управления режимом пересечения «своего» участка границы, подобные образования используют их для создания двусторонних и многосторонних трансграничных объединений, огромное разнообразие которых в последнее время всё чаще обозначается общим термином «еврорегионы». Понятие «еврорегион» фактически охватывает широкий спектр уровней трансграничного сотрудничества – от устойчивого информационно-консультационного взаимодействия администраций приграничных территорий до формирования ими общих исполнительных и законодательных органов. В своей наиболее развитой и институализированной форме еврорегионы действительно могут претендовать на статус «альтернативных государств», проводящих свои рубежи поверх границ государств национальных⁵.

Ещё более фундаментальной по своему значению современной тенденцией в эволюции границ является их постепенное отделение от территории. Возрастающее единство мира, информационная, транспортная, экономическая транснационализация в сочетании с сохраняющейся (и даже углубляющейся) неравномерностью развития различных стран и огромным неравенством в уровне жизни их населения стимулируют пространственную мобильность последнего. Экономически и социально мотивированные массовые и регулярные миграции всё чаще выходят за пределы государственной территории и ведут к появлению переплетающихся друг с другом разветвлённых и подвижных сетей диаспор. При этом эмигранты (даже переехавшие на постоянное место жительства) нередко сохраняют разнообразные связи со

своей родиной, включая права гражданства. Растёт число индивидов, обладающих статусом граждан двух и более государств⁶. Соответственно, всё большее количество мигрантов в той или иной форме и степени начинают пользоваться юридической экстерриториальностью. Таким образом, вновь, как и в догосударственную эпоху, граница (правда, на сей раз как правовой институт) становится мобильным феноменом, перемещающимся в пространстве вместе с людьми как своими носителями. Тенденция к утрате границами территориального характера выступает одним из проявлений автономизации и эмансипации индивидов и организаций в отношении не только государственных институтов, но и любого рода территориальных общностей в принципе.

2. Подходы к изучению границ

Несмотря на свой весьма молодой возраст, современная ли-мология располагает довольно богатым концептуальным, теоретико-методологическим арсеналом. Этот арсенал достался ей во многом в уже готовом виде в наследство от многочисленных «старших родственников», ближайшими из которых можно считать такие науки как история и география, политология и геополитика, а также теория международных отношений. Именно в их рамках, главным образом со второй половины XIX в., были выработаны либо адаптированы к интересующему нас объекту те подходы, которые в совокупности определяют основные принципы и порядок по существу всего спектра исследований границы, проводимых в настоящее время. Происхождение и развитие этих подходов, различным образом трактующих не только факторы формирования и функции, но и саму сущность границы, тесно связано как с объективными историческими метаморфозами последней, так и со сменой парадигм социального познания.

Первые результаты в научном изучении границы как общественного феномена были получены с помощью подхода, который может быть назван географическим. Вполне оформившийся только к концу XIX в. географический подход имеет очень глубокие корни в истории социального познания. Эти корни уходят в античную эпоху, когда происходило становление космоцентризма. Космоцентризм, самой распространённой и зачастую единственно легитимной при господстве религиозного сознания формой которого долгое время выступал теоцентризм, был наиболее ранней парадигмой научно-философской мысли. Призна-

ние решающей значимости для жизни человека природных условий и процессов, а затем установка на объяснение «натуры» исходя из неё самой, из внутреннее присущих её составляющим свойств и закономерностей, с XVI в. послужили предпосылкой для бурного роста естественнонаучного знания и его эмансипации от давления богословской догматики. В свою очередь, очевидные успехи естественных наук уже в XVII – XVIII вв. способствовали широкому экспорту их мировоззренческих приоритетов и теоретико-методологических средств в едва только обретавшее научный статус обществознание.

Одним из главных концептуальных результатов приложения космоцентристской, натуралистической парадигмы к изучению общества в эпоху Просвещения стал географический детерминизм. Впервые достаточно чёткое и последовательное выражение географический детерминизм, как концепция всеобъемлющей и решающей обусловленности специфической организации конкретного общества условиями его естественной среды, нашёл в известном труде Ш. Монтескье «О духе законов» (1749 г.)⁷. Однако отдельные родственные ему идеи, включая идеологему «естественных границ» государства, по-видимому, вошли в обиход европейских политиков и обществоведов значительно раньше⁸. Возросший спрос на подобные идеи был вызван активным строительством в Европе с начала Нового времени централизованных национальных государств, формировавших и отстаивавших свои рубежи в ходе ожесточённых военных конфликтов. В этой обстановке географический детерминизм был привлекателен как средство прямого и авторитетного обоснования фактического силового контроля государства над конкретной территорией. Замечая в той или иной степени применение вооружённой силы, такого рода аргументация способствовала определённому упорядочению и стабилизации межгосударственных отношений в европейском регионе.

Послужив одним из провозвестников географического детерминизма, идея «естественной границы» в дальнейшем на протяжении всего времени существования этой концепции входила в состав её ядра. При этом под «естественностью» границы понималась её объективная (или провиденциалистская) предопределённость самой морфологией земной поверхности, её орографической и ландшафтной структурой, а также, в некоторой степени, климатической поясностью. Иными словами, граница по существу трактовалась как физико-географический факт, наличест-

вующий до и помимо человеческой воли и нуждающийся только в обнаружении, осознании и признании.

На протяжении второй половины XVIII – XIX вв. географический детерминизм претерпевает значительную эволюцию. Из весьма абстрактного социально-философского учения он превращается в целое исследовательское направление, представленное рядом различных научных концепций, опирающихся на большой объём исторических и географических данных. Более того, в результате синтеза географического, исторического и отчасти политологического знания в конце XIX в. в рамках этого направления возникает особая дисциплина – геополитика, ставившая перед собой не только исследовательские, но и прикладные, практико-управленческие задачи. В силу прикладной ориентации, геополитика уже не довольствовалась простым географическим истолкованием общественно-политических явлений, но пыталась давать рекомендации государствам по активному использованию естественной организации пространства в своих интересах⁹.

Развитие геополитики способствовало определённому уточнению содержания понятия «граница». Геополитиками был описан широкий спектр вариантов сопряжённости линий государственной границы с различными географическими объектами, рассмотрены факторы, обуславливающие её устойчивость или подвижность. Ими же были предложены первые классификации и типологии границ. Одному из представителей британской геополитики лорду Керзону принадлежит идея различения разделительных и контактных рубежей, предвосхитившая современную дифференциацию основополагающих функций любой границы¹⁰.

Тем не менее, изучение границ в классической геополитике так и не смогло преодолеть характерных для неё жёстко заданных и весьма узких концептуальных рамок. С точки зрения геополитиков, международные отношения могли быть сведены к межгосударственным, а последние, в свою очередь, во многом исчерпывались силовым, военно-политическим взаимодействием сторон.

В соответствии с такими воззрениями, преимущественный интерес для них имели границы государственного типа, причём рассматриваемые, прежде всего, в своём барьерной аспекте, как оборонительные рубежи, как герметичные пространственные пределы некоего самодостаточного и внутренне неделимого политического организма. Формирование и изменение подобных гра-

ниц является результатом властно-силовой борьбы государств, основные закономерности и правила которой определены физико-географическими условиями.

Искусственное сужение объекта изучения, – а именно реального многообразия типов, функций и факторов формирования границ, – во многом объяснялось тем значительным местом, которое, в течение всего времени существования классической геополитики, в ней занимали мировоззренческие и идеологические ценности. Исходной питательной средой, в которой в конце XIX в. в Германии зародилась геополитика, послужили популярные в тот период в этой стране консервативно-романтические и националистические идеи. Большое и весьма непосредственное воздействие на становление геополитической мысли оказала иррационалистическая философия, прежде всего, немецкая «философия жизни», а также социал-дарвинизм. Развитие геополитики во второй четверти XX в., как известно, теснейшим образом было связано с идеологией и мифологией германского нацизма¹¹. Столь заметная роль в геополитических штудиях ценностных посылок, интуитивно-спекулятивных построений, безусловно, способствовали крайне одностороннему и избирательному использованию ими эмпирического материала.

Предвзятость и догматизированность классической геополитики, по существу, открыто пренебрегавшей требованиями научной объективности, не могло не сказаться соответствующим образом на проводившихся в её рамках исследованиях границ. Уже в 20-е – 30-е гг. XX в., задолго до приведшего геополитику к глубокому кризису крушения фашистских держав, намечается рост числа научных работ, отказывающихся от геополитических постулатов в определении и изучении границ.

Главным предметом критики оппонентов геополитики из числа европейских историков и географов (Ж. Ансель и др.) в эти годы стала краеугольная для неё категория «естественной границы». Опираясь на данные эмпирических исследований, они подвергли сомнению решающую роль физико-географической организации пространства в образовании и стабилизации межгосударственных рубежей. Действительной устойчивостью, с их точки зрения, обладали лишь те государственные границы, которые сложились как результат взаимодействия целого комплекса факторов, включающего в себя наряду с ландшафтными и рельефными условиями данного района, характерную для него кон-

фигурацию экономических, социальных и культурных отношений¹².

Отход от геополитического и шире – географического подхода был продиктован не только внутренней логикой развития самих исследований границ, т.е. постепенным расширением их эмпирической базы и появлением новых прикладных проблем. Перемены, наметившиеся с 20-х гг. XX в. в данной области науки были созвучны гораздо более глубоким процессам, состоявшим в формировании и распространении в социогуманитарном знании новой, социоцентристской, парадигмы. Её повсеместное утверждение в науках об обществе сопровождалось признанием последнего в качестве самодовлеющей реальности, управляемой собственными законами, не сводимыми к природным. Постепенная смена космоцентристских версий обществознания социоцентристскими происходила при ближайшем содействии таких философских учений как позитивизм и марксизм. При всех своих содержательных различиях и позитивистская, и марксистская философии в XX в. активно способствовали внедрению в научные исследования взгляда на общество как на автономную по отношению к природной среде системную целостность.

Получивший к началу 50-х гг. XX в. известность во всех социогуманитарных дисциплинах системный подход объединил вокруг себя различных европейских и американских исследователей границ, недовольных узостью натуралистической методологии их изучения. Отталкиваясь от принципов сначала структурно-функциональной, а затем и кибернетической разновидности системного подхода, эти учёные пересмотрели вслед за категорией «естественных границ» и другие положения геополитической лимологии. Исследователи послевоенного периода, прежде всего, отказались от характерной для их предшественников чрезмерной сосредоточенности на государстве и его военно-политических рубежах. Границы любого рода (в т.ч. и между государствами) стали рассматриваться ими как общественное явление, как атрибут социетальной системы в целом. Таким образом, типологический диапазон изучаемых рубежей резко расширился: наряду с политическими, объектом исследований становятся границы экономического, социального и культурного типов. Это, конечно, не означало уменьшения внимания учёных к государственным границам. Однако последние перестали рассматриваться исключительно в военно-политическом аспекте – с точки зрения представителей системного подхода, такие границы являлись много-

слойнными образованиями, рубежами наиболее высокого уровня типологической сложности¹³.

Изучение границы как части (подсистемы) общественной системы придало особую значимость проблеме выявления её системных функций. Исследования 50-х – 70-х гг. XX в. значительно дополнили научные знания о функциях границ. Если внимание геополитиков было сфокусировано в основном на барьерном предназначении границы, то системный подход способствовал активизации изучения комплекса контактных функций, разного рода трансграничных процессов и взаимодействий. Границы, в особенности границы государственные, стали рассматриваться как механизмы регулирования многочисленных международных и межобщественных потоков – товаров, людей, услуг, капиталов, информации¹⁴. Данные потоки могут иметь весьма различную интенсивность и разные последствия для взаимодействующих обществ и общностей, но само их существование в пограничных районах представляет собой объективно необходимое явление. В этом убеждении сторонники системного подхода к изучению границ были близки к либеральной теории международных отношений, постулировавшей тесную и многостороннюю взаимосвязанность и взаимозависимость современных обществ¹⁵.

Выявление целого ряда контактных функций границ позволило переосмыслить и расширить представление об их барьерных функциях. Быстрый рост различного типа взаимодействий между странами породил новые, практически не известные ранее проблемы национальной безопасности. В связи с этим во второй половине XX в. в политико-правовой и научный обиход вводятся понятия экономической, демографической, культурной, информационной и иных форм безопасности общества. В результате многие исследователи обращаются к вопросам эффективности функционирования границ в качестве инструментов защиты национальных интересов во всех этих сферах¹⁶.

Структурные особенности смежных обществ, природные и общественные факторы генезиса границы между ними и характер её функционирования в совокупности определяют то, что представители системного подхода именовали «пограничной ситуацией». Пограничные ситуации, часто неодинаковые на разных участках границы одного и того же государства, кроме того, могут различаться степенью своей устойчивости во времени. Наиболее полное описание возможных (гипотетических) погранич-

ных ситуаций на государственной границе принадлежит французскому исследователю М. Фуше¹⁷.

Длительное изучение функций границ со временем привело к новому пониманию их статуса в системах более высокого уровня. Признание получила идея о том, что современная граница не только относительно независима от естественных условий существования общественной системы, но и способна являться фактором, активно воздействующим на параметры её физической среды, видоизменяющим в определённой мере природные ландшафты. Ещё более заметное воздействие граница оказывает на внутреннюю структуру самой общественной системы. Демографическое, социально-экономическое, культурное состояние каждого данного общества во многом обусловлено режимом функционирования его границ¹⁸. Иными словами, общества не только формируют свои границы, но и в той или иной степени сами формируются ими.

Помимо содержательного расширения проблематики исследований границ, период доминирования в них системного подхода ознаменовался интенсивным методологическим обновлением. Именно в 50-е – 70-е гг. XX в. исследования в этой области приобретают ярко выраженный междисциплинарный характер. Вместе с историками и географами в них активно включаются социологи, политологи, международники и экономисты, антропологи и культурологи. В связи с этим в изучение границ был привнесён целый ряд новых понятий и методик различного научного происхождения. Особенно значительно этот процесс обогатил инструментарий эмпирических исследований границ, который пополнился методами сбора количественных и качественных данных, статистического анализа и моделирования.

Умножение дисциплинарных ракурсов в исследованиях границ не смогло, однако, помешать их конституированию в особое научное направление. В этом качестве «Border studies» получили широкое признание в самом конце рассматриваемого периода – во второй половине 70-х гг. XX в. Кроме общего предмета, сохранению весьма хрупкого единства исследований границ в эти годы способствовало согласие исследователей относительно основных принципов системного подхода и применяемого понятийного аппарата.

Наконец, ещё одной важной тенденцией послевоенных десятилетий явилось кардинальное расширение географии изучаемых границ. Если ранее интересы исследователей были обращены

главным образом к Северной Евразии и Северной Америке, то в этот период полем их анализа становятся практически вся ойкумена. Большое число лимнологических работ, появившихся в эти годы, были посвящены проблемам создания и изменения границ, трансграничным отношениям и конфликтам в различных регионах постколониального «третьего мира». Ускоряется географическая дифференциация исследований границ, формирование в них страноведческих и регионоведческих научных школ. Наряду с этим, выходят в свет первые работы, прилагающие к изучению границ методы компаративного анализа¹⁹.

Развитие многодисциплинарных системных исследований границы, накопленные в ходе него данные и концепции, создали предпосылки для очередной методологической перестройки этой области научного знания в 80-е гг. XX в. Благоприятным фоном для такой перестройки стал наметившийся ещё в 60-е гг. общий кризис социоцентристской парадигмы социогуманитарных наук и рост популярности антропоцентрических истолкований их предмета. Экспансия современного антропоцентризма, опровергающего целостность и упорядоченность, «системность» общества, и нашедшего наиболее яркое воплощение в философии постструктурализма и постмодернистской публицистике, судя по всему, была вызвана сложными процессами исторического перехода к общественным отношениям нового постиндустриального, «информационного» типа. Дополнительный импульс ей дало разрушение к концу 80-х гг. биполярного миропорядка и последовавшая за ним фрагментация и разбалансировка системы международных отношений.

Распространение антропоцентристской парадигмы не завершилось полным вытеснением парадигм-предшественниц. Напротив, присущая ей релятивистская позиция способствовала формированию ситуации сосуществования, плюрализма парадигм и тяготеющих к ним более специальных теоретических подходов. В исследованиях границ периода конца XX – начала XXI в. это выразилось не только в сохранении и дальнейшем развитии системного подхода, но и в возрождении скорректировавшего свои методологические основания применительно к новым реалиям геополитического направления лимнологического анализа²⁰. Однако наиболее характерной и широко востребованной методологией в исследованиях границ в этот период стал непосредственно восходящий к идеям антропоцентристской парадигмы конструктивистский подход.

Зарождение конструктивистского подхода, во многом определившего специфический облик современной лимологии, относят к 50-м гг. XX в. Его становление происходило первоначально в лоне антропологии, в работах, посвящённых изучению границ между оседлыми и кочевыми обществами Центральной Азии²¹. В конце 60-х гг., в связи с публикацией в 1969 г. сборника статей «Этнические группы и социальные границы» под редакцией Ф. Барта, развитие методологии конструктивизма переходит в свою теоретическую фазу²². Окончательное оформление важнейших положений конструктивистского подхода произошло в начале 80-х гг., когда в свет вышла работа английского антрополога Б. Андерсона «Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма» (1983 г.)²³. В последующие годы идеи Барта и Андерсона приобрели большое число сторонников среди исследователей границ, сначала в Европе, а затем и за её пределами. Стимулом к быстрому усвоению нового подхода стало кардинальное обновление политической карты Северной Евразии в результате распада социалистического блока (и отдельных из входивших в него государств) и Советского Союза, а также процессов общеевропейской интеграции и расширения ЕС. Видимая лёгкость, с которой изменялись или проблематизировались прежние рубежи, обнаружившаяся под давлением международных организаций и внутренних этнополитических субъектов хрупкость национальных общественно-политических систем, привели многих лимологов к разочарованию в любого рода объективистских объяснениях природы границ.

В соответствии с конструктивистским подходом граница рассматривается, прежде всего, как социальное представление, т.е. феномен коллективного и индивидуального сознания, зафиксированный и выражаемый в языке, символах и мифологемах, стереотипах восприятия и действия. При этом, материальные атрибуты и инфраструктура границы, её территориальное позиционирование трактуются скорее как производная, вторичная реальность²⁴. В качестве ментальных конструкций, границы принадлежат обычно к неотрефлексированному иррациональному компоненту сознания, к «бессознательному», и непроизвольно проявляют себя в мышлении и поведении своих носителей.

Тем не менее, генезис подобных бессознательных социальных представлений, по мнению многих конструктивистов, зачастую связан со вполне целенаправленной деятельностью различных элит. Будучи заинтересованы в сохранении или создании

собственного государственного или этнического сообщества, эти элиты конструируют и транслируют соответствующую ему индивидуальную идентичность, обязательным и важнейшим элементом которой и выступает представление о границах данного сообщества. Иными словами, конструирование границ осуществляется как часть более общего процесса государственного и национального строительства, происходящего путём идеологической индоктринации (и шире – социализации) граждан «сверху»²⁵.

Вместе с тем, сторонниками конструктивистского подхода в определённой мере признаётся и та роль, которую в формировании государственных, этнических и иных групповых рубежей играют стихийные культурные процессы. Стереотипы взаимного восприятия представителями различных общностей друг друга, возникающие в ходе массовых контактов, также способны влиять на характер функционирования и даже на пространственную конфигурацию конкретной границы.

Интерпретация конструктивистами сущности границ предопределила и основной способ типологизации последних. Наибольшую значимость для представителей данного подхода имеет деление границ на формальные (институциональные, юридические) и неформальные (ментальные, фактические). При этом, в фокусе их внимания находятся в первую очередь неформальные рубежи (или «ареалы идентичностей»), как наиболее устойчивые и глубокие, оказывающие самое непосредственное и всеобъемлющее воздействие на поведение граждан.

Ту или иную неформальную составляющую могут иметь и государственные, и негосударственные границы. Однако преобладающий интерес конструктивистов направлен на ментальные границы негосударственного типа. Такой акцент обусловлен общим смещением предметной области современной науки о международных отношениях в сторону их наднациональных и субнациональных субъектов²⁶. Незаслуженно недооценивавшиеся, а то и вовсе игнорировавшиеся ранее рубежи между цивилизациями и историко-культурными регионами, этнические и конфессиональные ареалы и даже границы локальных (родовых, соседских, профессиональных) групп и общин, в условиях кризиса и деэволюции национальной государственности действительно приобретают вполне зримые очертания и практическую осязаемость. Они оказывают всё более сильное влияние на направленность и интенсивность миграционных и товарных потоков, возникновение и развитие международных и внутригосудар-

ственных конфликтов. Более того, ментальные рубежи между различного типа неформализованными общностями при определённых обстоятельствах (подобных распаду СССР) становятся базой для построения юридически оформленных и институционально оснащённых новых межгосударственных границ. С другой стороны, утратившие прежний статус границы «де-юре» способны ещё длительное время продолжать своё существование на уровне неформальных, культурных представлений²⁷.

Сквозь призму социальных представлений сторонниками конструктивистского подхода рассматриваются и вопросы функционирования границ. В такой перспективе регулирующее воздействие границы на межобщественные (транснациональные) отношения считается значимым не само по себе, но лишь постольку, поскольку оно оставляет культурный след в сознании их участников, изменяя, так или иначе, их знания, ценности и поведенческие установки. Иными словами, конструктивистские исследования сосредоточены в основном на комплексе социокультурных функций границы. Центральное место в этом комплексе занимает функция, которую, на мой взгляд, следует именовать социализирующей. Суть данной функции заключается в том, что усвоение образа границы, сопряжённых с ней символов и представлений позволяет индивиду с предельно возможной чёткостью осознать собственную социальную (этническую, национальную, государственную) принадлежность. Закрепление границы в качестве феномена сознания по существу завершает процесс самоидентификации индивида, в наглядной пространственной форме концентрируя и разделяя совокупности уже знакомых ему (действительных или мнимых) характеристик представителей «своего» и «чужих» сообществ. Без интериоризации такого важного и ёмкого «маркера идентичности», каким является пространственная граница, социализация становится неполной и неустойчивой. В свою очередь, общность, включающая в себя достаточно значительную долю подобных «недосоциализированных» членов, не может рассчитывать на внутреннюю прочность.

Наиболее радикальные сторонники конструктивистского подхода придают границам не только социализирующую, но и генерирующую функцию. Эта функция реализуется в том случае, если граница служит не одним из элементов, формирующих групповую идентичность индивидов, но по существу единственным основанием их объединения в некую общность. С этой точки зрения, акт проведения (например, той или иной сепаратистски

настроенной элитой) пространственной или сугубо ментальной, дискурсивной границы как акт дифференциации сам по себе способен создать новую социальную (этническую) группу, которая в дальнейшем может трансформироваться в нацию-государство. Тем самым, границе отводится роль главного, самого мощного инструмента конструирования сообществ, своеобразного двигателя общественно-исторического процесса²⁸.

Конструктивистские концепции границы вполне адекватно отражают целый ряд свойств данного явления, получивших особенное развитие и значимость в исторических условиях конца XX – начала XXI вв. О реалистичности, познавательной и практической эффективности этого подхода свидетельствует в частности активная рецепция узловых для его категорий (таких как «идентичность», «ментальная граница», «образ границы» и др.) альтернативными теориями границы, прежде всего, геополитическими и системными. Вместе с тем, воззрения многих приверженцев конструктивизма характеризуются явной переоценкой детерминирующей роли индивидуального и общественного сознания, а в структуре последнего – преувеличением формирующей, конструктивной силы его идеологического, рационально-доктринального компонента.

3. Факторы формирования и функционирования границы

Понятийный и методологический аппарат современной лимнологии по существу представляет собой продукт стихийного синтеза научных результатов, достигнутых всеми рассмотренными выше подходами – географическим, системным и конструктивистским²⁹. Не обладая достаточной логической полнотой и стройностью, этот аппарат, тем не менее, в силу своего широкого использования обеспечивает определённую степень профессиональной общности и взаимопонимания учёных, занимающихся изучением границ, формирует единое проблемное поле данной области научного знания.

В своём дальнейшем изложении теоретических аспектов лимнологического анализа, я буду исходить из научно-практической необходимости поддержания такой общности. Поэтому понятия и методы, применяемые в изучении границ, будут группироваться далее не в зависимости от их концептуального происхождения, а с точки зрения связи с основными проблемами лимнологии. Среди

таких ключевых проблем, в относительно равной мере признаваемых и разрабатываемых представителями всех упомянутых подходов, можно назвать следующие: 1) факторы формирования, 2) состав и структура, 3) функции и 4) типологическое многообразие границ.

Вместе с тем, фактическое стирание граней между различными подходами на уровне отдельных понятий и конкретных методик, не означает исчезновения противоречий между ними на уровне понимания самой сущности своего объекта и основных принципов его изучения. В данном случае перед каждым исследователем возникает необходимость выбора. В настоящей работе я буду руководствоваться той трактовкой сущности границы и теми требованиями к порядку её изучения, которые выработаны в рамках системного подхода. Именно этот подход послужит средством упорядочения и интеграции разнообразного познавательного инструментария, накопленного современной лимологией – разумеется, в той его части, которая непосредственно связана с конкретным предметом данного исследования.

Рассмотрение обширной и чрезвычайно разнородной совокупности факторов, участвующих в процессах формирования границ, целесообразно начать с проведения их наиболее общей и принципиальной дифференциации. Речь идёт о делении таких факторов на природные и общественные. Несмотря на всю условность и упрощённость подобного бинарного деления³⁰, оно сохраняет немалый эвристический потенциал и логическую связь с целым комплексом теоретически и практически значимых проблем. В частности, её применение необходимо при решении вопросов о длительности исторического существования (жизненном цикле) конкретных границ и объективных пределах управления их конфигурацией и функционированием.

Весь спектр природных факторов, участвующих в формировании границ, может быть описан такой общей категорией как «дифференцированность ландшафтной оболочки Земли». По существу, все возможные формы дифференциации земной поверхности (включая её лито-, гидро- и биосферный компоненты) могут оказать влияние на процесс лимогенеза. В то же время, очевидно, что воздействие на него различных составляющих естественного ландшафта не только по своему характеру, но и по глубине (дифференцирующей силе) является весьма неодинаковым.

Как отмечали ещё представители классической геополитики, наиболее мощными и устойчивыми природными барьерами, спо-

собными послужить основой границ социальных общностей, выступают заданные климатическими параметрами пределы области, пригодной для проживания человека (ойкумены), а также береговые линии морей³¹. Их особая дифференцирующая сила заключена в многообразии и практически неодолимым характере тех ограничений, которые налагаются ими на человеческую деятельность и коммуникацию во всех основных сферах общественной жизни – экономической, социальной, культурной и политической.

К природным факторам второго (по убыванию) дифференцирующего уровня можно отнести рельефную (орографическую) и гидрографическую структуру ландшафта³². Рельеф и гидрография также оказывают значительное и комплексное влияние на разного рода общественные процессы, однако их барьерность, как правило, не создаёт столь же всесторонней и труднопреодолимой изоляции общностей, как факторы первого уровня.

Наконец, к третьему уровню по своему дифференцирующему потенциалу принадлежат границы климатических (ландшафтных) зон, почвенных регионов, ареалов распространения различных типов флоры и фауны³³. Для рубежей этого уровня свойственно значительно более узкое, специализированное воздействие на человеческую деятельность (прежде всего, хозяйственную) и сравнительно высокая проницаемость для товарных, информационных и денежных потоков. Их минимальный изолирующий эффект проявляется главным образом в направленности и интенсивности миграционного движения, в географии расселения конкретных обществ.

Предлагаемая градация физико-географических факторов лимогенеза, безусловно, является предельно общей и абстрактной. Её применение в исследовании конкретной границы требует учёта целого ряда опосредующих обстоятельств. В числе последних важнейшее место принадлежит историческим условиям формирования границы. Общественно-исторические условия могут опосредовать дифференцирующее воздействие природных ландшафтов в двух основных формах. Во-первых, влияние ландшафта зависит от стадиального (или формационного) статуса расположенного в нём общества. Известно, что стадиальное (т.е. прежде всего, социально-экономическое) развитие, чем далее тем более освобождает общество от любого рода ограничений, задаваемых природной средой. Эта закономерность в полной мере относится и к ландшафтным барьерам. Если для обществ с присваивающей

и даже достаточно высокоразвитой аграрной производящей экономикой столкновение с природными барьерами третьего уровня (например, с границами обитания основных промысловых животных или пределами распространения культивируемых растений) могло означать прекращение или, по крайней мере, длительную остановку их территориального роста, то современные постиндустриальные общества благодаря использованию новых технологий, в т.ч. технологий климатической адаптации, успешно расширяют в своих интересах вечные, как казалось ранее, рубежи ойкумены³⁴, планомерно преодолевая, таким образом, барьеры первого уровня.

Во-вторых, влияние ландшафтных барьеров опосредовано спецификой хозяйственно-культурного типа (подтипа) общества³⁵, его цивилизационными особенностями. Глубокое своеобразие способов природопользования и адаптационных стратегий, свойственных разным цивилизациям (как то, западным и восточным, оседлым и кочевым), предопределяет их различное практическое и ценностное реагирование на природные рубежи одного и того же уровня и типа. Эти различия не исчезают и в том случае, если сопоставляемые в данном аспекте цивилизации находятся на одной стадии социально-экономического развития.

Помимо внешних исторических условий на пути прямой детерминации границ естественными барьерами стоит и такое внутренне присущее им свойство как зональность. Природная дифференциация ландшафта, как правило, имеет не резко контрастный (линейный), а градуированный характер, при котором относительно однородные географические пространства разделены более или менее широкими зонами переходных форм. Иными словами, сами природные барьеры обычно представляют собой пространства или зоны, а не линии, вследствие чего они в принципе не могут однозначно детерминировать конфигурацию линейной границы. Зональность природных барьеров позволяет им достаточно однозначно обуславливать расположение лишь границ «широкого» типа.

Сказанное выше относительно состава и функционирования природных факторов лимогенеза даёт возможность уточнить содержание понятия «естественная граница». Традиционное истолкование «естественной границы» как непосредственно и точно (линейно) заданной природными барьерами, и в силу этого неизменной, «вечной», практически не применимо к рубежам социальных общностей. Естественные факторы лимогенеза всегда

реализуются в общественно опосредованной форме и определяют не столько саму линию границы, сколько пространственный диапазон возможностей её проведения. Исходя из этого, «естественной» может считаться граница, расположение которой в высокой степени коррелирует с географическими координатами определённого природного барьера, при условии, что данная корреляция является выражением косвенной (опосредованной) причинной зависимости первой от второго. Разумеется, что вывод от том, позволяет ли значение данной конкретной корреляции рассматривать её в качестве сильной может быть сделан только на основе сравнения измерений связи координат многих границ и природных барьеров. Кроме того, сильная степень такой корреляции должна проследиваться на протяжении длительного исторического периода, т.е. подтверждаться серией исторических данных по изучаемому объекту.

Следует особенно подчеркнуть, что никакая статистически зафиксированная сильная корреляция между линией границы и ландшафтным барьером сама по себе не достаточна для отнесения данной границы к типу «естественных». Исследователю необходимо убедиться в том, что вычисленные значения действительно являются результатом причинного воздействия природных условий, т.е. раскрыть механизм природопользования и адаптации данной социальной общности, посредством которого естественная среда формирует её пространственные пределы. Это тем более важно ввиду того, что та же корреляция может быть выражением обратной причины зависимости, когда тот или иной ландшафтный рубеж, наделяется значением маркера (натурального знака) границы данной социетальной системы, сложившейся под влиянием её взаимодействия не с природной, а с внешнесоциетальной средой, или в силу внутрисистемных процессов (например, демографически или религиозно обусловленных миграций). В подобном случае, несмотря на совпадение конфигурации границы с естественной дифференциацией ландшафта, она, безусловно, будет принадлежать к «общественному» типу. Очевидно, что деление границ на «естественные» и «общественные» является относительным и допускающим существование континуума промежуточных форм. Одна и та же граница в сравнении с другими, с точки зрения силы пространственной связи с ландшафтными барьерами и соотношения формирующих факторов, может оказаться ближе в одном случае к идеальному «естественному», а в другом – к «общественному» типу. Поэтому данная

типология значима, прежде всего, как инструмент теоретической, сравнительной лимологии.

Обращаясь к рассмотрению общественных факторов, участвующих в формировании границ, следует, в первую очередь, отметить их чрезвычайное разнообразие. В силу этого они могут типологизироваться по множеству критериев. Так, исходя из подсистемной организации общественной системы, данные факторы могут быть разделены на экономические, социальные, культурные и политические. С точки зрения происхождения, т.е. генетической связи указанных факторов с той общественной системой, частью которой является изучаемая граница, либо с внешними по отношению к ней системами, они могут быть разделены на эндогенные и экзогенные. Однако большей познавательной эффективностью в изучении процесса формирования границы, на мой взгляд, обладает типология его общественных факторов, основанная на степени их устойчивости. По этому критерию названные факторы распадаются на два основных типа – структурные и ситуативные.

В качестве структурных факторов выступают те внутренние связи в общественной системе, которые отличаются наибольшей устойчивостью и играют важнейшую роль в обеспечении её самосохранения и самоидентичности. Устойчивость структурных общественных факторов обусловлена как объективной длительностью времени их генезиса и изменения, так и неясностью, латентностью их содержания и действия, их укоренённостью в глубинах коллективного бессознательного. В силу этого, структурные факторы крайне мало поддаются любого рода целенаправленному регулированию, их ощутимая лишь в исторических масштабах динамика имеет, в основном, стихийный характер. Структурные отношения, наиболее непосредственным выражением которых служат общественные представления, ценности, поведенческие стереотипы и неформализованные институты, присутствуют во всех подсистемах общества, определяя рамки их функционирования.

В какой бы подсистеме общества не действовали структурные факторы, они выполняют, прежде всего, функцию обеспечения его целостности, единства составляющих его индивидов и групп. Именно эта интегрирующая роль структурных отношений обуславливает их исключительную значимость для процессов формирования границ. Различные структурные отношения конституируют пространственные общности людей разного типа

(экономические, социальные, культурные и политические) и масштаба. Границы этих общностей могут, как различным образом пересекать друг друга, так и совпадать. В последнем случае, это приводит к возникновению полиструктурных, комплексных общностей, обладающих особенно высокой прочностью и системной автономией. Наибольшей структурной сложностью и соответственно наивысшей устойчивостью и самодостаточностью обладает такая разновидность пространственной общности как национальное общество (или нация-государство). Подобные свойства национального общества обусловлены тем, что оно образовано взаимоналожением (более или менее полным совпадением территориальных границ) и вертикальной интеграцией общностей всех основных типов структурной организации – экономической, социальной, культурной и политической³⁶.

Особую значимость для длительного самосохранения общественных (национальных) систем имеет наличие у них политического (государственного) единства. Присутствие в структуре общества политической общности обеспечивает вертикальное институционально-правовое оформление и стабилизацию составляющих его общностей экономического, социального и культурного типов, создаёт возможность для их превращения в объект идеологической рефлексии и осознанного централизованного управления. Политико-государственное единство нации повышает степень её интегрированности не только «изнутри», но и «снаружи», в отношениях с внешней средой. Политическая (государственная) граница национального общества организационно аккумулирует и приводит к общему пространственному «знаменателю» его экономические, социальные и культурные рубежи, обеспечивая их защиту и одновременно подчиняя их единому регулированию в общесистемных (общенациональных) интересах.

Значение наличия у нации единой политической структуры особенно наглядно проявляет себя при её сопоставлении с этносом. Этноты также являются общностями комплексного характера, отличающимися исторической длительностью существования и высокой степенью самодостаточности. Однако их комплексность ограничена лишь тремя типами структурных связей – экономическим, социальным и культурным. Этнические общности лишены собственного (суверенного) политического каркаса, централизованного государственного управления и оберегающей их иммунитет государственной границы. Эти обстоятельства оп-

ределяют их в целом большую уязвимость для различных воздействий, исходящих из внешней среды. Этносы зачастую оказываются пассивными объектами политики государственно организованных наций, которая способна приводить к их разделению или даже полному разрушению.

Вместе с тем, влияние политической структурированности общества на формирование его границ, при всей его важности, не следует переоценивать. Государственная организация скорее оформляет, стабилизирует внешние рубежи общества, нежели создаёт их. Это хорошо заметно в ситуациях завоевания новых территорий, границы которых напрямую устанавливаются решениями государственной власти, исходящими из военно-политических интересов. Если возникшие подобным путём границы не будут в достаточно короткие сроки укреплены за счёт экономической, социальной и культурной интеграции завоёванных территорий, их дальнейшее сохранение, как правило, становится не только хронической и неразрешимой государственной проблемой, но и тяжёлым общественным бременем. Таким образом, границы, являющиеся продуктом одной только политической воли, ещё более уязвимы и неустойчивы, чем границы, политически защищённые.

Безусловно, даже у государственно организованных общественных систем полное совпадение пространственных конфигураций структурных отношений всех четырёх типов – явление исключительно редкое. Ведь различные подсистемы общества имеют разные закономерности, темпы и направления развития. Являющаяся практически нормой та или иная степень взаимного несоответствия физико-географических координат экономического, социального, культурного и политического пространств каждого данного общества служит одной из главных предпосылок исторической динамики его границ, их расширения или сжатия. Большой интерес для лимнологии представляют случаи взаимного наложения в пределах одной территории разнотипных структурных общностей, принадлежащих к смежным общественным системам. В подобных случаях такие территории (в зависимости от того, производится ли их политический раздел или нет) могут стать местом формирования промежуточных буферных образований³⁷, либо трансграничных общностей³⁸.

Несовпадение пространственных конфигураций структурных компонентов общества в значительной мере обусловлено их разнотипностью, зависимостью от его природной среды, от естественных фак-

торов лимогенеза. С последними наиболее тесно связаны очерта-ния экономического пространства общества, особенно география производства, и, в первую очередь, таких его отраслей как сель-ское хозяйство, добыча полезных ископаемых и энергетика. Наи-менее зависимы от дифференциации ландшафта когнитивные, ценностные и поведенческие структуры политических отношений, сравнительно легко преодолевающие природные барьеры и обладающие наибольшим потенциалом пространственной экс-пансии. Промежуточное положение в данном случае занимают социальный и культурный ареалы общественной системы.

К категории ситуативных общественных факторов лимогене-за относятся сохраняющиеся на протяжении времени существо-вания отдельного качественного состояния в развитии общест-венной системы конкретные сочетания её элементов и их функ-циональных взаимодействий. Каждая общественная (общест-венно-политическая) ситуация характеризуется определённым набором субъектов (индивидов, групп и институтов), их целей и интересов, ресурсов и действий. Ситуативные элементы и связи в общественной системе, как правило, доступны для осознания и регулирования, что обуславливает сравнительно высокую ско-рость изменения их параметров. Наиболее важными элементами общественной ситуации обычно выступают политические ли-деры, элиты и институты, с находящимися в их распоряжении ресурсами, а самые существенные связи в ней задаются направ-лениями государственной политики. Вместе с тем, существует немало типов ситуаций, значимую роль в которых могут играть неорганизованные групповые субъекты и образуемые их актив-ностью массовые процессы. Применительно к границе, ключе-выми ситуативными факторами, как правило, выступают погра-ничная политика и массовые процессы трансграничного харак-тера.

Формирующее воздействие экономических, социальных, культурных и политических ситуативных факторов на границу воплощается, как правило, в краткосрочных изменениях конфи-гурации последней. Результаты подобных изменений чаще всего достаточно неустойчивы и обычно ненадолго переживают те си-туативные причины (военное вторжение, трансграничное переселение, перенаправление товарных потоков и т.д.), которые их вы-звали. На длительный срок созданные таким образом рубежи мо-гут быть закреплены только в том случае, если ситуативные фак-

торы действовали в одном географическом направлении со структурными предпосылками.

Упомянутая множественность составляющих общество структурных общностей и несовпадение их пространственных контуров ведут к тому, что ситуативные факторы могут играть роль своего рода «переключателей», обеспечивающих перенос границы с одного объективно сложившегося контура на другой³⁹. В этом случае, даже самые, на первый взгляд, незначительные общественные события способны повлечь за собой лимогенетические последствия большого исторического и пространственного масштаба.

Более ощутимо, чем на пространственную конфигурацию, ситуативные факторы воздействуют на внутреннюю структуру и функционирование границы. Так, структурная организация и режим функционирования границы в значительной мере зависят от постоянно варьирующего объёма, интенсивности, организованности, законности и иных характеристик товарных, людских, информационных и других межобщественных (трансграничных) потоков. Но, безусловно, главной силой, формирующей структуру и функции границы национальной общественной системы чаще всего выступает пограничная политика государства. Её значимость связана не только с особыми ресурсными возможностями государственной власти, но и с тем, что её действия, в отличие от общественных процессов, носят более целенаправленный и планомерный характер.

Понятие пограничной политики не имеет устоявшегося научного определения. Отчасти это связано с существенными историческими изменениями в содержании обозначаемого этим понятием явления. Изначально пограничная политика (или политика в отношении государственной границы) охватывала совокупность мероприятий органов государственной власти по управлению формированием и функционированием границы в целях обеспечения безопасности данного государства. Позднее, под влиянием процессов демократизации и укрепления в современных политических системах позиций гражданского общества, в число субъектов пограничной политики, наряду с государственными органами, стали официально включаться органы местного самоуправления, общественные объединения и граждане, а круг решаемых этой политикой проблем расширился. Тем не менее, с точки зрения своей целевой направленности пограничная политика зачастую продолжает рассматриваться (в т.ч. и в действующем зако-

нодательстве РФ) как ориентированная на решение задач государственной (национальной) безопасности. Ряд отечественных исследователей справедливо указывают на однобокость такой трактовки данного понятия⁴⁰. Поэтому в настоящей работе понятие пограничной политики будет использоваться в более широком определении – как скоординированная деятельность органов государственной власти и негосударственных субъектов по управлению формированием и функционированием государственной границы в целях обеспечения безопасности и развития данного общества.

Особое место среди факторов формирования границ занимает общественная (национальная) идентичность. Особенность этого фактора состоит как в его исключительно сильном и наименее опосредованном влиянии на лимогенетические процессы, так и в крайней сложности, дискуссионности его научной категоризации⁴¹.

Будучи связанной одновременно с множеством ситуативных и структурных факторов лимогенеза, со множеством общностей, общественная идентичность играет важную роль в их взаимодействии. Организуя, иерархически соподчиняя и координируя частные идентичности индивида, общее (общественное) самоопределение последнего обеспечивает возможность его параллельного и неконфликтного практического участия во всей совокупности входящих в социум ситуативных и структурных общностей. В свою очередь, практическая вовлечённость достаточно большого числа индивидов в функционирование разноуровневых и разнотипных общностей способствует укреплению вертикальных и горизонтальных связей между ними, без поддержания которых существование таких комплексных общностей как общественная система было бы просто невозможно. Конечно, это не означает, что общественная идентичность выступает единственным интегратором общественного целого. Экономические, социальные, культурные и политические общности структурного и ситуативного уровней, находящиеся в общественном пространстве, связаны по вертикали и горизонтали также объективными отношениями, которые могут действовать и помимо индивидуальных идентичностей, или, по крайней мере, их рефлексивных компонентов. Однако незафиксированность и незакреплённость в сознании членов общества, делает эти стихийные отношения, а значит и всю общественную систему, крайне уязвимой для любого рода дестабилизирующих внешних импульсов.

Ввиду своего особого места в общественной системе, своей интегрирующей и эксплицирующей (объективную реальность) роли, идентичность выступает медиатором действия всех ситуативных и структурных факторов лимогенеза. Она может ускорить и усилить или замедлить и ослабить влияние этих факторов на процессы построения и разрушения общественных (национальных, государственных) границ. Поэтому общественная идентичность является чрезвычайно важным объектом управления (пограничной политики) для заинтересованных в изменении или сохранении существующих границ государственных институтов.

4. Состав и структура границы

Как отмечалось выше, для современных, индустриальных обществ характерны границы линейного типа. Восприятие государственной границы в качестве линии сегодня присуще и политико-правовой мысли, и массовому сознанию населения всё большего числа стран мира. Вместе с тем, как это не парадоксально, физико-географическое «сжатие» современных границ до практически «бесплотных» геометрических линий сопровождается их активным расширением в социальном пространстве. Граница (прежде всего, граница государственная) в настоящее время представляет собой весьма сложный объект, высококодифференцированную подсистему общественной системы, наряду с протяжённостью (линейностью) обладающую значительным внутренним объёмом, собственной структурной глубиной.

В составе государственной границы как подсистемы общества можно выделить следующие основные компоненты: 1) нормативно-правовой, 2) институциональный, 3) материально-технический, 4) социальный и 5) культурный. Названные компоненты и входящие в них элементы системы связаны различными устойчивыми (структурными) отношениями, важнейшую часть которых образуют регулярно воспроизводимые формы практического и коммуникативного взаимодействия и деятельности субъектов границы, т.е., прежде всего, государственных институтов и социальных общностей.

Значительный объём (площадь), занимаемый системой современной государственной границы (а точнее, входящими в её состав институциональными и социальными субъектами и материально-техническими объектами) в общественном пространстве, безусловно, требует для своего существования определённого

«носителя», т.е. пространства физико-географического. Таким образом, в системе границы целесообразно выделить ещё один специфический компонент, соединяющий её с природной средой и включающий в себя формы территориальной организации, физико-географического позиционирования её общественных компонентов и отношений. Этот компонент границы, лежащий на пересечении социального и физического пространств, может быть назван «социально-географическим». Именно с его рассмотрения, по моему мнению, и следует начинать анализ состава и структуры границы.

Даже в современный период, в эпоху высокой международно-правовой унификации пограничных норм, социально-географические параметры государственных рубежей отличаются большим разнообразием. Тем не менее, в этом разнообразии можно обнаружить два постоянных, объективно необходимых элемента, без которых существование системы государственной границы сегодня практически невозможно. Это пограничная линия и пограничное пространство.

Пограничная линия представляет собой результат материального обозначения делимитированной государственной границы на местности. Именно через пограничную линию проходит вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории. Можно сказать, что пограничная линия является границей в обыденном, узком, смысле этого слова. По отношению к границе в широком смысле, границе как подсистеме общества, она играет роль несущего каркаса, системообразующего стержня.

При своей внешней простоте, элементарности пограничная линия (в особенности на сухопутных участках) может обладать сложной структурой и множеством конкретных форм. Минимальным вариантом современной пограничной линии обычно служит цепь специальных пограничных знаков. Более сложная разновидность такой линии помимо пограничных знаков включает в себя контрольно-следовую и/или нейтральную полосу и проведённые вдоль неё заграждения. В особых случаях (закрытая граница) пограничная линия может быть одновременно обозначена и защищена капитальными инженерными сооружениями – валами, стенами и иными фортификационными конструкциями. Конкретный облик пограничной линии, степень её сложности, зависят в определённой мере от ландшафтных условий, но, в первую очередь, определяется общими типологическими особенно-

стями системы границы и, в конечном счёте, общественной системы в целом.

Несмотря на видимую самодостаточность пограничной линии, её существование и нормальное функционирование невозможны без той поддерживающей роли, которую выполняет социально-географическое «тело» государственной границы – пограничное пространство. В научный и правовой оборот термин «пограничное пространство» начал входить сравнительно недавно, с 90-х гг. XX в., и его содержание до сих пор трактуется разными авторами весьма неоднозначно. Можно выделить два основных, наиболее чётко различающихся подхода к интерпретации этого понятия – формально-юридический и функциональный.

Согласно формально-юридическому подходу, пограничное пространство объемлет собой примыкающую к линии границы территорию, воздушную и водную среду в пределах, определённых либо международно-правовыми актами (исключительная экономическая зона, континентальный шельф), либо национальным законодательством (административно-территориальные рубежи приграничных районов или регионов)⁴². Очевидным достоинством такого подхода является точность установления географических координат пограничного пространства, их однозначность⁴³. Это достоинство обусловлено прикладным происхождением формально-юридического подхода, его прямой связью с решением практических задач по государственному, региональному и муниципальному управлению границей и прилегающим к ней пространством. Данный подход позволяет чётко очертить географию ответственности управляющих субъектов, властных институтов разного уровня.

С помощью формально-юридического подхода могут быть зафиксированы не только пределы, но и внутренняя организация пограничного пространства. Речь идёт о входящих в состав последнего пространствах с особыми правовыми режимами. Например, ныне действующий Закон «О Государственной границе РФ», помимо общего «режима границы», устанавливает ещё две разновидности таких режимов – «пограничный режим» и «режим в пунктах пропуска», различным образом регулирующие порядок пребывания и деятельности на соответствующих территориях. Специфические нормы «режима в пунктах пропуска» действуют в местах пересечения границы транспортными (автомобильными, железнодорожными и др.) коммуникациями, т.е. в, как правило, незначительных по своей площади, но высоко значимых отдель-

ных узловых точках внутри пограничного пространства. Кроме того, данный режим реализуется в располагающихся во внутренних районах государства международных аэропортах, морских и речных портах, что даёт возможность говорить о существовании точечных анклавов пограничного пространства и далеко за пределами его основного массива. «Пограничный режим» распространяется на значительно более обширную часть пограничного пространства, включающую в себя пограничную зону, территориальное море и внутренние воды Российской Федерации, российскую часть вод пограничных рек, озёр и иных водоёмов. При этом наиболее важной составляющей той части пограничного пространства, которая охватывается пограничным режимом, является пограничная зона. В соответствии с упомянутым законом в пограничную зону входит территория шириной до 5 км. вдоль государственной границы на суше, морского побережья РФ, российских берегов пограничных рек, озёр и иных водоёмов и острова на указанных водоёмах⁴⁴.

Будучи, безусловно, ценным инструментом решения многих практико-управленческих и научных задач, формально-юридический подход, вместе с тем, имеет и серьёзные недостатки. Прежде всего, по самой своей сути, он не пригоден для выявления и анализа реальной многомерности, многослойности пограничного пространства, структура, а следовательно и география, которого ни в коей мере не исчерпывается административно-правовыми институтами и отношениями. Существенно восполнить картину этого сложного, системного объекта за счёт включения в неё огромного пласта его неформальных элементов и связей позволяет функциональный подход. С позиции этого подхода, пограничное пространство представляет собой социально-географическую зону, в пределах которой наблюдаются любого рода пограничные процессы и явления, где имеет место как формализованное, так и неформальное экономическое, социальное, культурное и политическое взаимодействие между смежными общественными системами⁴⁵.

Более адекватное реальности функциональное понимание пограничного пространства как многомерного, полиструктурного (и в этом смысле, гомоморфного общественной системе) образования, в то же время, в высокой степени проблематизирует его изучение. Для того чтобы зафиксировать пределы пограничного пространства как совокупности функциональных взаимодействий необходимо сначала в ходе специальных исследований выявить

пространственные структуры трансграничных потоков товаров и капиталов, людей и информации, власти и военной силы, а затем произвести их взаимное наложение. Можно с уверенностью сказать, что результат такой экстраполяции в большинстве случаев будет весьма далёк от той степени определённости, которой обладают административные границы приграничных районов или погранзон⁴⁶. Пределы пограничного пространства с точки зрения функционального подхода будут представлять собой скорее не линию, а более или менее широкую полосу, очертания которой к тому же подвержены частым изменениям.

Не менее сложной задачей является функциональный анализ и внутренней организации пограничного пространства. В данном случае критерием для дифференциации различных частей пограничного пространства служит степень плотности (интенсивности) формирующих его функциональных взаимодействий разного типа. В одном и том же районе приграничной территории уровни интенсивности экономических и культурных, политических и социальных трансграничных взаимодействий могут быть неодинаковы. Кроме того, уровень интенсивности пограничных процессов по мере удаления от государственной границы обычно постепенно убывает⁴⁷, что даёт основание говорить о своего рода внутренней поясности пограничного пространства. Таким образом, опираясь на критерий плотности, можно картографировать структурную неоднородность пограничного пространства, визуализируя его социально-географическую мозаичность и поясность. Однако построение подобной карты требует сбора и обработки обширного массива данных, доступ к немалой части которых (касающейся теневых и нелегальных форм трансграничного взаимодействия) крайне затруднён.

Переходя от социально-географического к собственно социальному, общественному измерению системы государственной границы, первоочерёдное внимание следует обратить на её нормативно-правовой компонент. Первостепенная значимость правовых норм связана с тем, что с момента огосударствления общественных границ, их важнейшие, системообразующие параметры стали предметом законодательного конструирования со стороны государственной власти. При этом, и ширина, и глубина (детализированность) правового регулирования системы границы в исторической перспективе постоянно возрастали.

В силу самой сущностной специфики государственной границы нормативно-правовая база её существования и функциони-

рования распадается на две основных части – нормы национального права и нормы международного права. Главными источниками национального пограничного права обычно являются конституция государства, специальные законы о границе, а также нормативно-правовые акты высших органов исполнительной власти. В демократических и федеративных государствах активную и весомую роль в формировании законодательства о государственной границе играют, кроме того, органы власти субъектов федерации и органы местного самоуправления, издающие нормативно-правовые акты соответствующего уровня. В круг вопросов, регламентируемых национально-правовыми источниками, входят пространственное устройство границы и действующие в пограничном пространстве правовые режимы, цели, задачи и порядок защиты и функционирования границы, полномочия, реализуемые в этой сфере, органами власти разного уровня, ведомствами и специальными пограничными институтами. В России в настоящее время ядро нормативно-правового компонента системы границы составляют Конституция РФ, ФЗ «О Государственной границе РФ», «Стратегия национальной безопасности РФ», «Основы пограничной политики РФ», «Концепция формирования системы обеспечения интересов РФ в пограничной сфере»⁴⁸.

Анализ национальных нормативно-правовых источников позволяет выявить степень правовой оформленности системы государственной границы, властно-рациональной упорядоченности всех составляющих её элементов и структурных отношений. В свою очередь, степень (полнота и детализированность) правовой оформленности границы служит одним из важнейших показателей уровня её исторического развития, её стадийного типа. Рассмотрение нормативно-правовой оснащённости системы границы имеет свой прикладной аспект: оно даёт возможность обнаружить в этой системе законодательные лакуны, создающие в ходе её функционирования условия для злоупотреблений, для появления разного рода общественно и государственно опасных трансграничных процессов. Таким образом, оно может стать средством оценки и степени безопасности (в особенности, общественной, – экономической, социальной и культурной, – безопасности) существующей границы.

Кроме того, содержательный анализ национальной нормативно-правовой базы способен выявить обусловленность системы границы типологическими особенностями вмещающего обще-

ства, и, прежде всего, его политического строя. Законодательство о границе, и, в первую очередь, конституционные нормы, как правило, достаточно наглядно отражают специфику основного механизма взаимодействия государства и общества, т.е. политический режим данной страны. При посредстве тех же законов политический режим и его идеология оказывают мощное влияние на структуру системы границы и порядок её функционирования, включая степень и сферы её закрытости или открытости.

Важное место в нормативно-правовом компоненте системы любой государственной границы занимают также принципы и нормы международного права, при чём с момента окончания второй мировой войны их значимость неуклонно возрастает. Среди источников международного права, имеющих наибольшее значение для формирования и функционирования государственных границ следует назвать многосторонние и двусторонние мирные договоры, договоры по вопросам международной безопасности, уставные и иные документы международных правительственных организаций, различные специальные (торговые, миграционные, таможенные и т.д.) соглашения по проблемам трансграничных отношений. Ключевым предметом международно-правового регулирования государственных границ, безусловно, являются вопросы их местонахождения (делимитации и демаркации) и статуса. Однако постепенно, особенно со второй половины XX в., сфера такого регулирования начинает расширяться вглубь пограничного пространства смежных обществ, распространяясь на те элементы и связи в системе границы, которые находились ранее исключительно во внутренней национальной юрисдикции. На сегодня в отношении многих государственных границ действуют международные соглашения, определяющие порядок их защиты, охраны и иного функционирования, меры по скоординированному или совместному осуществлению связанных с ними задач, пределы ответственности сторон и способы разрешения возможных пограничных инцидентов.

Наиболее интенсивные процессы развития международно-правовой регламентации режима государственной границы, замещающей национальную, происходят там, где пограничные пространства превращаются в зону межрегиональной и межгосударственной интеграции. В таких высокоинтегрированных международных системах, приближающихся к объединениям конфедеративного типа, как ЕС, режим функционирования государственных границ практически полностью выведен за пределы на-

циональной юрисдикции и определяется многосторонними договорами⁴⁹.

Таким образом, изучение международно-правовой оснащённости конкретной границы сегодня способно пролить свет на очень широкий, а порой и почти полный, спектр выполняемых ею функций. Вместе с тем, основным результатом такого исследования и в настоящее время является получение оценки уровня военно-политической безопасности границы, возможности и вероятности оспаривания её существующей географической конфигурации. Кроме того, международно-правовое изучение границ служит одним из средств типологической характеристики взаимодействующей с данным государством внешнесоциетальной среды, различных региональных и глобальных международных систем.

С нормативно-правовым компонентом системы государственной границы тесно связан её институциональный компонент. Формализованные институты являются результатом конкретизации и операционализации права в целях обеспечения организованного и регулярного осуществления тех или иных видов групповой деятельности. Институты выступают, по сути, связующим звеном между сознательно установленными правовыми нормами и объективно складывающейся практикой, т.е. (применительно к системе границы) реальными формами пограничной и трансграничной деятельности.

Именно государственные институты границы, и, в первую очередь, специализированная их часть, выступают проводником облечённой в нормативно-правовые акты пограничной политики государства. Исторически специализированные институты границы, как правило, появляются относительно поздно, в условиях существования уже достаточно развитой правовой базы. Современные государственные пограничные институты начинают создаваться в раннебуржуазной Европе в процессе практической реализации принципа территориального суверенитета государств, установленного Вестфальскими соглашениями 1648 г. Другим важным стимулом институционального строительства в данной сфере явилось формирование национальных товарных рынков и их противоречивое взаимодействие на международном уровне. Исходя из этого, задачами первых специальных пограничных институтов стали систематическая охрана линии границы и обеспечение пограничного таможенного контроля. В XVII в. в европейских странах (а с XVIII в. и в России) появляются подразделения

пограничной стражи, организационно обособленные от собственно армейских частей. Примерно в тот же период многие европейские государства обзаводятся более или менее полно контролирующими весь периметр их границ централизованными таможенными службами.

В XIX – начале XX вв. под влиянием бурного развития и транснационализации капиталистических отношений, оживления и омассовления трансграничных контактов, роста международных противоречий, институциональная структура государственных границ передовых стран мира значительно усложняется. Постановка новых задач пограничного контроля ведёт к созданию сетей миграционных, санитарно-карантинных, ветеринарных, транспортных и иных отслеживающих и регулирующих трансграничные потоки органов.

Уже в данный период развитие пограничных институтов в различных государствах заметно дифференцируется в зависимости от их политического режима. В демократических странах Запада процесс строительства государственных пограничных институтов, достигнув некоего оптимального, обусловленного национальными интересами, уровня, достаточно быстро завершается. Его своеобразным продолжением становится постепенное увеличение числа негосударственных институтов (коммерческих, общественных, политических организаций), не только активно участвующих в трансграничных отношениях, но и берущих на себя часть функций по их регулированию. Напротив, в авторитарных общественных системах, где безусловным приоритетом для правящей верхушки является, прежде всего, собственная безопасность в отношениях, как с управляемым обществом, так и с обществами-соседями, государство обычно строго монополизует механизмы оперативного регулирования всех пограничных и трансграничных процессов. В связи с постоянным объективным расширением последних, государственная власть здесь вынуждена создавать все новые специализированные институты границы. Крайней же степени своего развития система государственных пограничных институтов достигает при тоталитарном режиме. Вместе с тем, в данном случае начинает проявлять себя и другая тенденция, обусловленная стремлением тоталитарных государств к самоизоляции, к закрыванию своих границ. Преобладание барьерного, военно-оборонительного, значения границы над контактными приводит к снижению потребности в регуляции и, в конечном итоге, к деградации институтов, ответственных за

управление различными трансграничными (человеческими, финансовыми, товарными, информационными) потоками. Таким образом, гипертрофированная сложность и внешняя мощь системы государственных пограничных институтов при тоталитарном режиме сочетается с её функциональной деформированностью, односторонностью.

Институциональный компонент системы границы оказывает непосредственное влияние на её материально-техническое обеспечение, и, в то же время, сам в значительной мере зависит от последнего. В составе материально-технического компонента государственной границы можно выделить следующие основные элементы: 1) инженерно-архитектурные сооружения, 2) транспортные коммуникации, 3) информационные коммуникации, 4) финансовые ресурсы, 5) человеческие ресурсы.

Обеспеченность государственной границы инженерно-архитектурными сооружениями чрезвычайно сильно варьирует для различных обществ и исторических периодов в её развитии. Своего рода минимумом инженерно-технического оснащения границы является установка на её линии пограничных знаков. Необходимость решения на долговременной и регулярной основе задач по защите и охране границы ведёт к созданию на ней соответствующей военно-оборонительной и охранно-разведывательной инфраструктуры – от позволяющих предотвращать отдельные незаконные пересечения границы лёгких заграждений, контрольно-следовой полосы, наблюдательных пунктов и застав, до капитальных фортификационных сооружений, подобных «линии Мажино», и занимающих обширные приграничные пространства «укреплённых районов». Постановка же задач развития и интенсификации мирных трансграничных контактов, при одновременном обеспечении приемлемого уровня их безопасности для данного общества и государства, требует оборудования границы зданиями и помещениями, различными вспомогательными строениями для дислокации подразделений служб, осуществляющих контрольные функции. Особенности антропогенного, и в т.ч. архитектурного, ландшафта конкретной границы и приграничной территории, соотношение в нём элементов военно-охранного и административно-контрольного назначения сами по себе наглядно свидетельствуют о функциональной специфике изучаемого рубежа, его типе, независимо от того, как эта специфика трактуется в официальных источниках.

Достаточно важными и яркими показателями функциональных – барьерных или контактных – приоритетов границы служат также транспортные и информационные коммуникации. Высокие плотность и пропускная способность пересекающих границу троп, автомобильных дорог, железнодорожных и водных путей, авиалиний, трубопроводов указывают на развитость трансграничных отношений. При этом, исходя из наличия на названных транспортных артериях пограничной инфраструктуры (КПП, оборудованных погранпереходов и т.п.) можно определить степень фактического контроля государственных властей каждой из граничащих стран над данными отношениями. Преобладание на приграничных территориях транспортных путей, завершающихся близ линии границы или же проходящих вдоль неё, напротив, говорит о скорее барьерном характере рубежа. Аналогичные параметры (плотность, пропускная способность, направленность), а также площадь и контуры зоны охвата (для мобильной и интернет-связи) характеризуют функциональную специфику пограничных информационных коммуникаций.

Значительное влияние как на текущее функционирование системы границы, так и на перспективы её развития оказывают циркулирующие в ней финансовые ресурсы. Объём, источники и порядок финансирования (снабжения) специализированных пограничных институтов непосредственным образом определяют эффективность их деятельности по выполнению своих задач. Состояние же материальной инфраструктуры границы напрямую зависит от долгосрочных государственных и негосударственных (коммерческих) инвестиций, их направленности, величины и управляемости.

Особым, многофункциональным, а потому трудно поддающимся точной оценке, элементом материально-технического компонента государственной границы являются её человеческие (кадровые) ресурсы. Для полномасштабного раскрытия роли человеческого фактора в работе конкретной системы государственной границы необходимо выявление и анализ очень широкого круга его переменных, прежде всего, относящихся к сфере общественного сознания. Среди них, как минимум, следует обратить внимание на такие параметры личного состава военных и персонала гражданских пограничных институтов как их численность, профессиональная квалификация, морально-психологическое состояние и культурно-идеологическая ориентация.

Если институциональный компонент системы границы даже в наиболее либеральных странах мира сегодня отличается высокой степенью «огосударствления», т.е. более или менее выраженным доминированием государственно-властных институтов, то своего рода оплотом общественного присутствия в этой системе выступают её социальный и культурный компоненты.

Социальный компонент государственной границы включает в себя совокупность неформализованных социальных общностей, принимающих непосредственное участие в процессах формирования и функционирования данной границы. Как правило, наиболее значимой среди таких общностей является общность жителей приграничной территории (приграничных районов или регионов), в составе которой при необходимости, для решения специальных аналитических задач, могут быть выделены различные социальные (имущественные, профессиональные, статусные) группы. Вместе с тем, в индустриальную и постиндустриальную эпоху в системе границы неуклонно возрастает вес разнообразных общностей экстерриториального типа, представители которых не только пространственно отдалены от пограничной линии, но и вообще не обладают признаком компактности проживания. К подобным общностям, связанным с функционированием границы по роду своей экономической или социальной деятельности, можно отнести индивидуальных международных торговцев («челноков»), предпринимателей, трудовых мигрантов, туристов и некоторые другие категории населения.

Полнота, регулярность и мотивация вовлечения названных социальных общностей в систему границы весьма неодинаковы. Тем не менее, разнонаправленная стихийная активность этих неформальных общностей в большинстве случаев формирует в совокупности основную часть всех трансграничных потоков, соединяющих смежные общества и регулируемых границей. Кроме того, социальные общности играют важную роль в структуре внутренних взаимодействий в системе границы. Это обусловлено тем, что для осуществления своего участия в трансграничных процессах они вынуждены вступать в отношения с институциональными элементами данной системы, и, прежде всего, государственными пограничными институтами.

Взаимодействие социальных общностей с государством в лице его пограничных институтов в рамках и по поводу трансграничных процессов может варьировать в достаточно широком диапазоне. Его возможными полюсами являются либо поддержка

в целом данными общностями пограничной политики существующей власти и приведение своей активности в соответствие с её целями и задачами, либо преобладающие неприятие таковой и фактическое массовое нарушение её принципов вплоть до оказания прямого сопротивления представителям государства. При этом противодействие населения государственным институтам вовсе не обязательно будет являться дисфункциональным для системы границы и общественной системы в целом. Напротив, его длительность и распространённость может рассматриваться как симптом дисфункциональности, деструктивности самой государственной пограничной политики, её противоречия основополагающим общественным (национальным) интересам.

Латентным (и потому часто игнорируемым), но чрезвычайно важным компонентом системы государственной границы служит совокупность культурных представлений о последней. Значимость культуры границы (или, как минимум, – образа границы⁵⁰) заключается в том, что на бессознательном уровне она лимитирует возможные цели и определяет типичные формы соответствующего массового поведения членов общества. Кроме того, будучи духовным фундаментом разного рода идеологических концепций, культура границы в определённой мере обуславливает направленность и методы также и государственной пограничной политики.

В рамках культурного компонента системы границы можно выделить три категории элементов: когнитивные, ценностные и поведенческие. К категории когнитивных элементов культуры относятся массовые, значимые, как правило, не только для упомянутых социальных общностей, но и общества в целом, знания о конкретной государственной границе (или её определённом участке). Знания о границе могут иметь различную степень полноты и рациональности: образ границы в сознании граждан данного общества и государства может быть как вполне адекватным её реальным характеристикам, так и глубоко искажённым, мифологизированным. Ценностными элементами культуры границы выступают некие идеальные представления населения о том, каким должен быть государственный рубеж, а также оценки, устойчиво «выставляемые» им с помощью задаваемой этими идеалами шкалы реальным границам своего государства. Изучение данных элементов культуры позволяет выявить высоко- и малозначимые для культурного сознания границы, которые в свою очередь могут дифференцироваться в общественных представлениях на

«мирные» и «тревожные». К поведенческим элементам культуры принадлежат массово реализуемые установки пограничного поведения. Так, в отношении государственных пограничных институтов культурный стереотип поведения граждан на границе может быть описан как лояльный или нелояльный. По отношению же к представителям соседнего общества предписываемое культурой поведение может быть стереотипно дружественным или враждебным.

5. Функции границы

Согласно положениям системного подхода, существование всякой открытой системы предполагает наличие у неё общесистемных функций, т.е. определённых форм взаимодействия с внешней средой, необходимых для самоподдержания данной системы, сохранения её динамического равновесия. Наряду с внешними функциями, системе присущи и внутренние взаимодействия, участниками которых выступают входящие в её состав подсистемы и элементы. Функционирование подсистем и элементов имеет своей непосредственной целью обеспечение внутреннего равновесия в системе, а, в конечном счёте, направлено на поддержание равновесных отношений с внешней средой. Таким образом, вся совокупность функций системы может быть представлена в виде структурно организованной иерархии из общего, подсистемного и элементного уровней, в которой функции каждого нижележащего уровня являются результатом дифференциации функции вышележащего уровня, расщепления её задачи на ряд специализированно решаемых подзадач. При этом количество общих функций и степень их дифференцированности определяются структурной сложностью системы.

Подобно любой открытой системе, общественная система, стремясь к самосохранению, осуществляет функциональное взаимодействие с окружающей средой, которая в данном случае образована системами двух типов – природными и общественными. Как одна из подсистем общества⁵¹, граница участвует в общесистемном взаимодействии с внешнесоциетальным окружением, прежде всего, посредством выполнения функции регулирования последнего. Суть регулирующей функции границы состоит в приведении взаимодействия с внешней средой в соответствие с интересами общества в целом (национальными интересами), что

указывает на существенную связь пограничной подсистемы с политической, управляющей системой в обществе, и, в первую очередь, с институтом государства.

Безусловно, регулятивные процессы в любой системе, в т.ч. общественной, могут иметь и стихийный, не целенаправленный, а объективно обусловленный характер. Многие, порой весьма значимые, формы воздействия государственной границы на внешние отношения и структуру общества возникают как непредумышленное, никем не запланированное следствие её существования⁵². Однако в фокусе настоящего исследования находятся в первую очередь именно те функции границы, которые имеют сознательное, управленческое происхождение, т.е. являются воплощением государственной пограничной политики.

Поскольку общественная система (согласно модели Т. Парсонса) состоит из четырёх подсистем первого уровня, – политической, экономической, социальной и культурной, – каждая из которых так или иначе вовлечена в осуществление общесистемного функционирования, регулирующую функцию государственной границы целесообразно разделить соответственно на четыре составляющих, т.е. функции регуляции политических, экономических, социальных и культурных отношений с внешней общественной средой. При этом, как уже отмечалось (см. п. 1 данной главы), всякая пограничная регуляция, независимо от конкретной сферы общественных отношений, в конечном счёте, основана на выборе мер в широком диапазоне градаций стимулирования/блокирования трансграничного взаимодействия. Дихотомически упрощая этот механизм, каждую из четырёх осуществляемых границей регулятивных функций, на следующем уровне анализа, можно дифференцировать на две – контактную и барьерную. Текущее соотношение контактных и барьерных мер в процессе пограничного регулирования под влиянием изменений в политике государства может существенно колебаться, однако обе эти функции являются взаимонеобходимыми и постоянными принадлежностями системы государственной границы.

Формальная дифференциация комплекса регулятивных функций границы позволяет перейти к содержательному анализу таковых, выявлению присущих им задач, а также средств и методов их реализации. Такой анализ следует начать с рассмотрения регулирующей функции системы границы в области политических (военно-политических) отношений данного общества с окружающими обществами. Регуляция межгосударственных и ме-

жобщественных отношений в политической сфере является не только, по всей видимости, исторически древнейшей функцией государственной границы, но и имеет исключительную значимость в силу верховенства и инклюзивности политической подсистемы в структуре общества.

Барьерная функция границы в сфере регулирования политических (военно-политических) отношений нацелена на решение задач по защите государственного суверенитета и территориальной целостности страны, и, более широко, – безопасности национальной политической системы, – от любого рода внешних посягательств. Главными средствами осуществления барьерной функции границы в этой сфере выступают, помимо пограничной охраны и пограничных войск, контингенты вооружённых сил государства, размещаемые в приграничных районах, а также создаваемая вдоль линии границы и на прилегающей территории военная инфраструктура. Кроме прямых, массированных и открытых, военных вторжений политическая барьерность границы призвана предотвращать групповую и индивидуальную деятельность (шпионаж, разведку, диверсии, пропаганду, терроризм и т.п.) внешних государственных и негосударственных субъектов, могущую нанести урон национальным политическим интересам. Этот круг задач выполняют, в первую очередь, различные подразделения специальных служб и правоохранительных органов государства, которые обеспечивают выявление и задержание политически опасных лиц как посредством собственных методов контрразведывательной и оперативно-розыскной работы, так и (в сотрудничестве с пограничной охраной) с помощью общих мер по поддержанию режима границы.

Следует отметить, что барьерная функция границы (и это касается регулирования не только сферы политических отношений), наряду с внешним, имеет и свой внутренний аспект. Иными словами, государственная граница может выполнять (и, как правило, выполняет) роль политического барьера также и для населения самого данного государства. В этом аспекте барьерной функции границы её задачами являются воспрепятствование попыткам нарушения и ограничения государственного суверенитета со стороны отдельных граждан и групп (например, в форме незаконной эмиграции) или целых территориальных единиц, регионов (сецессия), а также блокирование тех действий своих граждан, которые способны представлять угрозу внешнеполитическим интересам страны⁵³.

Внутренняя контактная функция границы в сфере регулирования политических (военно-политических) отношений направлена на создание условий для реализации национальных интересов за пределами данного государства, вплоть до распространения его суверенитета на новые территории. Основными средствами осуществления этой функции также выступают, прежде всего, воинские контингенты, дислоцированные в приграничье, и обеспеченные вооружением, оснащением и инфраструктурой, которые позволяют им вести те или иные действия на территории соседних государств, и подразделения спецслужб, подготовленные к выполнению на той же территории разведывательных, диверсионных, пропагандистских и прочих операций. Вместе с тем, контактная функция границы в данной сфере может осуществляться на уровне не только силовых (военно-политических), но и мирных, т.е. собственно политических, отношений. В этом случае правовое устройство системы границы должно обеспечивать возможность непосредственного участия субъектов внутривнутриполитической жизни (партий, общественно-политических организаций, административно-территориальных образований) в различных зарубежных и международных политических процессах, вплоть до интеграционных.

Подобно барьерной, контактная функция границы может иметь и свой внешний аспект. Внешняя контактность границы в области политического регулирования направлена на создание условий для реализации на территории данного государства политических интересов внешнего происхождения, для ограничения в той или иной степени и форме его суверенитета. Как и внутренняя, внешняя контактная функция границы может воплощаться в её проницаемости и для силового (военного), и для мирного (политического) воздействия извне. Наиболее ярким примером открытости государственных границ для последнего является практика создания трансграничных еврорегионов, существование которых основано на добровольном (по двусторонним и многосторонним соглашениям) отказе заинтересованных государств от части своих суверенных прерогатив.

Международные экономические связи становятся объектом активного пограничного регулирования в целом исторически позже военно-политических отношений. Значимость систематического регулирования пересекающих границы экономических взаимодействий была в полной мере осознана лишь с началом эпохи капиталистических рыночных обществ, и с этого времени

данная функция приобретает всё возрастающий вес в пограничной политике всё более широкого круга государств мира.

Целью внешнего барьерного регулирования международных экономических отношений является защита внутреннего рынка страны, интересов национальных производителей и потребителей и, в конечном итоге, поддержание экономической (продовольственной, сырьевой, технологической и др.) безопасности государства и общества. Спектр средств и методов, применяемых сегодня для реализации барьерной функции границы в сфере экономической регуляции, чрезвычайно обширен и разнообразен. Ведущую роль среди них играют, как правило, нормативно-правовые инструменты защиты: тарифные ограничения и административные запреты на ввоз зарубежных товаров и услуг, регламентация валютно-финансовых операций, законодательные фильтры на пути движения капиталов, квотирование и запрещение использования иностранной рабочей силы, национальные правила ведения предпринимательской деятельности и т.д.⁵⁴. Важными средствами защиты национальных экономических интересов служат также соответствующие институты – такие как государственные организации, обладающие монопольным контролем над внешней торговлей, сотрудничеством и инвестициями, или ассоциации предпринимателей, решающие подобные же протекционистские задачи в условиях конкурентной экономики и с помощью более гибких договорных процедур. Наконец, к материально-техническим средствам реализации рассматриваемой функции можно отнести особенности транспортной инфраструктуры пограничного пространства, в т.ч. ограничение числа пограничных переходов и пропускной способности транспортных артерий, центростремительную, замкнутую географию путей сообщения, специфику технических стандартов и условий национальных перевозок и т.д. Аналогичные средства и методы могут использоваться и для обеспечения внутренней барьерности границы в экономической сфере, целью которой выступает ограничение вывоза из страны товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов и сырья, и поддержание, тем самым, автаркии национальной экономики.

Внутренняя контактная функция регулирования международных экономических отношений, напротив, направлена на обеспечение системой границы условий для осуществления данным государством и обществом внешней товарной, валютной и иной экспансии, захвата новых рынков, втягивания соседей в свою сферу влияния вплоть до их экономической колонизации.

Для решения этого комплекса задач также могут применяться и нормативно-правовые, и институциональные, и материально-технические средства и методы. К первой категории средств принадлежат стимулирующие экспорт пошлины и тарифы, свободная конвертация валюты, либеральная внешняя кредитная политика, упрощённый порядок вывоза рабочей силы, унифицированные (гармонизированные) с законодательством стран-партнёров нормы ведения экономической деятельности и т.д. Ко второй категории средств относятся создаваемые при участии государства или без него внешние торговые представительства, двусторонние и многосторонние комиссии и иные органы по развитию международных экономических контактов, а также крупные компании, способные к активному продвижению на внешние рынки. Третья разновидность средств в данном случае включает в себя, прежде всего, трансгранично ориентированную транспортную инфраструктуру, которая характеризуется достаточно большим количеством хорошо оборудованных погранпереходов, высокой пропускной способностью всех видов магистралей, соответствием национальных транспортных стандартов международным, а также развитую систему информационных коммуникаций с внешними экономическими партнёрами⁵⁵.

Внутренней контактности границы в сфере экономических отношений часто (хотя и не всегда в той же мере) сопутствует контактность внешняя. В этом случае функционирование государственной границы нацелено на либерализацию доступа зарубежных товаров и услуг, капиталов и рабочей силы на национальный рынок. Правовые, институциональные и материально-технические средства и методы, применяемые для достижения экономической открытости страны «внутри» и «вовне» являются либо идентичными, либо сходными.

Широкое развитие международных связей в социальной и культурной сферах, их превращение в подлинно массовые и регулярные отношения – явление, берущее своё начало главным образом в XX столетии. Соответственно именно в это время, особенно с наступлением эпохи постиндустриальных обществ, приобретает актуальность постоянное регулирование данных отношений системами государственных границ.

Целью внешней барьерной разновидности регулирования международных социально-демографических связей служит защита нации от нежелательного проникновения внешних социальных субъектов, обеспечение национальной безопасности в

сфере производства и социализации личности и воспроизводства общественной целостности. Объектами регулирования в данной области выступают, прежде всего, трансграничные потоки людей. Основными же средствами и методами реализации барьерной функции границы здесь являются административно-нормативные (визовые) ограничения различных форм нетрудовой (потребительской, образовательной, лечебно-медицинской, рекреационной) иммиграции (туризма), правовые фильтры на пути натурализации иммигрантов и заключения ими браков с гражданами данного государства, законодательные запреты на определённые виды деятельности и даже само существование на территории страны общественных (некоммерческих) организаций иностранного происхождения. Если барьерная функция границы в сфере социальных отношений обращена «внутрь» общественной системы, то её целью становится воспрепятствование участию индивидуальных и коллективных субъектов данного общества в социальной жизни зарубежных стран, что также может быть продиктовано интересами национальной безопасности. Для достижения этой цели используются аналогичные средства и методы миграционной и социальной политики, но уже применительно к собственным гражданам и организациям.

Внешняя контактная функция границы в области социально-демографических контактов имеет целью создание условий для участия в социальной жизни данного общества (государства) иных обществ (государств) и их представителей. Внутренняя контактная функция границы в этой сфере направлена на обеспечение возможностей реализации социальных интересов данного общества (государства) и его представителей за рубежом. Осуществление системой границы контактной функции в обоих направлениях международных социальных отношений происходит через применение общего набора основных методов. К их числу относится смягчение паспортно-визового режима (вплоть до отмены визовых процедур и контроля над въездом и выездом) для нетрудовых мигрантов (туристов), снятие правовых и административных ограничений для натурализации иммигрантов и эмигрантов и международных браков, пропаганда (реклама) международных социальных контактов (социального туризма), создание законодательных условий для трансграничной деятельности общественных организаций, а также целенаправленное формирование государствами координирующих институтов в этой сфере международных отношений.

В сфере международных культурных связей внешняя барьерная функция границы направлена на предотвращение проникновения в сознание данного общества культурных и идеологических ценностей иных обществ. Целью же внутренней барьерной функции в этой области пограничного регулирования является препятствование распространению (вывозу) собственных духовных ценностей общества, независимо от конкретной формы их носителей, за пределы его государственной территории. Духовные ценности переносятся из общества в общество вместе с трансграничными потоками людей и информации (в меньшей степени – материальных предметов, товаров), которые и выступают непосредственными объектами регулирования. Основными средствами и методами обеспечения внешней и внутренней барьерности государственной границы в культурной сфере служат административные запреты и экономические (тарифные) ограничения на различные формы трансграничного вещания и передачи данных, создание замкнутой системы национальных информационных коммуникаций (информационного пространства), осуществление цензуры и режимов секретности в отношении определённых видов информации, меры по пресечению организованной пропаганды инокультурных (иноидеологических) ценностей и ведение контрпропаганды, а также унифицирующая и изоляционистская образовательная и языковая политика.

Внешняя контактная функция границы в области регулирования культурных отношений нацелена на открытие общественной системы для международных культурных процессов, для приходящих извне ценностей и представлений. Внутренняя же культурная контактность границы ориентирована на создание возможностей для духовной экспансии данного общества и государства «вовне», для максимального расширения и интенсификации им своего культурно-идеологического присутствия на территориях других стран. К наиболее важным средствам и условиям выполнения границей в культурной сфере контактной функции можно отнести упрощение административных регламентов и снижение тарифов на создание и эксплуатацию международных информационных коммуникаций, отмену предварительного цензурного контроля над трансграничным оборотом информации и сужение объёма сведений, относимых к государственной тайне, либерализацию законодательства регулирующего международную деятельность культурных, образовательных и религиозных организаций.

Комплексное изучение фактических функций конкретной системы государственной границы (или её региональной подсистемы) позволяет дать общую оценку специфического режима её функционирования. Под режимом функционирования в данном случае понимается определённый набор регулирующих функций, выполняемых системой границы в отношении всех форм трансграничных взаимодействий, совокупность приоритетных целей и основных средств и методов их осуществления. Создание, поддержание и изменение режимов функционирования границ (наряду с формированием состава и структуры системы границы) составляет главное содержание пограничной политики любого государства.

В исследовательской литературе уже предпринимались попытки типологизации возможных режимов функционирования границ и построения на этой основе общей типологии государственной границы. Так, в работе В.А. Колосова и Н.С. Мироненко⁵⁶ государственные границы, с точки зрения степени развития (активизации) их контактных функций в военной, экономической, культурной и политической сферах, разделены на четыре типа: отчуждающие, полупроницаемые, соединяющие и интеграционные. На мой взгляд, эта типология обладает рядом недостатков, которые существенно ограничивают её применимость к изучению реальной практики функционирования границ. Одним из таких недостатков разработки Колосова и Мироненко является то, что все сферы пограничного регулирования рассматриваются в ней как жёстко связанные, а их развитие предстаёт как синхронное. Однако в действительности одна и та же граница в разных сферах трансграничных отношений может одновременно выступать и в качестве контактной, и в качестве барьерной⁵⁷. Другим упущением авторов представляется то, что контактность границы по умолчанию рассматривается ими как двусторонняя. Однако, нельзя исключать ситуаций, когда граница, будучи открытой в той или иной сфере для граждан и организаций своего государства, в то же время остаётся закрытой для зарубежных субъектов, и наоборот.

Таким образом, для описания возможной вариативности режимов функционирования границы необходим типологический инструментарий с большей разрешающей способностью. По моему мнению, процесс определения режима функционирования конкретной границы (в своей последовательной форме) должен включать в себя три стадии его анализа. На первой стадии необ-

ходимо выявить общий набор регулирующих функций, выполняемых системой границы в отношении четырёх основных сфер трансграничного взаимодействия – экономической, социальной, культурной и политической (военно-политической). Учитывая возможность параллельной постановки в четырёх разных сферах пограничного регулирования двух различных целей – контактной или барьерной – логически правомерно выделять 16 принципиально допустимых наборов регулирующих функций границы. Перечень этих наборов или, иными словами, общих, интегральных режимов функционирования системы государственной границы, можно представить в виде таблицы (Табл. 1).

С помощью предлагаемых критериев описания режим функционирования изучаемой границы может быть отнесён к одному из 16 типов в континууме от «полной закрытости» (I тип) до «полной открытости» (XVI тип). Путём группировки указанных типов, с точки зрения количества «открытых» сфер (каналов) трансграничных отношений, четырнадцать промежуточных режимов функционирования границы (со II по XV типы), можно, кроме того, разделить на одноканальные (контактная функция преобладает в только одной сфере – II – V типы), двухканальные (VI – XI типы) и трёхканальные (XII – XV типы).

На второй стадии анализа от выделенных в первом приближении общих режимов функционирования границы необходимо перейти к более детальной характеристике регулирования каждой из четырёх сфер трансграничного взаимодействия. Следует выявить направление реализации барьерных и контактных функций, осуществляемых границей в данной конкретной сфере – экономической, социальной, культурной, политической. Это направление может быть либо внешним (внешняя контактная и внешняя барьерная функции), либо внутренним (внутренняя контактная и внутренняя барьерная функции). Та или иная комбинация направлений реализации названных функций задаёт общую направленность функционирования границы в определённой сфере международных отношений – двустороннюю (закрытость или открытость) или одностороннюю (закрытость или открытость) (См. Табл. 2).

Задачей третьей стадии анализа является измерение уровня жесткости регулирования функционирования границы в определенной сфере. В данном случае можно воспользоваться уже упоминавшейся типологией Колосова и Мироненко, рассматривая её как порядковую шкалу уровней жесткости пограничного регу-

Таблица 1. Общие режимы функционирования границы

№ п/п	Режим функционирования границы	Сферы пограничного регулирования			
		Экономическая	Социальная	Культурная	Политическая
1	Полная закрытость	-	-	-	-
2	Экономическая открытость	+	-	-	-
3	Социальная открытость	-	+	-	-
4	Культурная открытость	-	-	+	-
5	Политическая открытость	-	-	-	+
6	Экономическая и социальная открытость	+	+	-	-
7	Социальная и культурная открытость	-	+	+	-
8	Культурная и политическая открытость	-	-	+	+
9	Экономическая и культурная открытость	+	-	+	-
10	Социальная и политическая открытость	-	+	-	+
11	Экономическая и политическая открытость	+	-	-	+
12	Экономическая, социальная и культурная открытость	+	+	+	-
13	Социальная, культурная и политическая открытость	-	+	+	+
14	Экономическая, культурная и политическая открытость	+	-	+	+
15	Экономическая, социальная и политическая открытость	+	+	-	+
16	Полная открытость	+	+	+	+

Источник: таблица разработана автором

Таблица 2. Типы направленности функционирования границы

Общая направленность функционирования границы в данной сфере отношений	Направления реализации конкретных функций границы			
	Внешняя барьерность	Внешняя контактность	Внутренняя барьерность	Внутренняя контактность
Двусторонняя открытость	-	+	-	+
Односторонняя открытость	-	+	+	-
Односторонняя закрытость	+	-	-	+
Двусторонняя закрытость	+	-	+	-

Источник: таблица разработана автором.

лирования. При этом, отчуждающий тип будет соответствовать максимальному, высоко барьерному уровню жесткости регулирования в изучаемой сфере трансграничных отношений (т.е. безусловному доминированию в ней барьерной функции), полупроницаемый – умеренно барьерному уровню, соединяющий – умеренно контактному уровню, а интеграционный – минимальному, высоко контактному уровню (т.е. безусловному преобладанию контактной функции).

Уровень жесткости пограничного регулирования в настоящей работе определяется как доля от объективно возможного (исходя из потенциалов «отправляющего» и «получающего» обществ) объема трансграничного потока (потоков), которая может пройти через систему данной границы с учетом пропускной способности ее правовой, институциональной, материально-технической, социальной и культурной структуры. При высоко барьерном уровне пограничного регулирования (функционирования) границы указанная доля является незначительной – условно менее 25% от объективно возможного объема потока в изучаемой сфере трансграничных отношений. При умеренно барьерном уровне пограничного регулирования граница может пропускать до половины (до 50%) возможного объема потока. Умеренно

контактный уровень регулирования предполагает пропуск большей части (до 75%) потенциального объема потока. В случае если граница функционирует на высоко контактном уровне, то она становится проницаемой для подавляющей части (свыше 75%) объективно могущих пересечь ее общественных ресурсов. На мой взгляд, анализ степени контактности/барьерности границы в терминах пропускной способности более гибок и удобен, нежели определение ее в качественных характеристиках отчуждения или интеграции. Ведь одна и та же количественная мера контактности границы (в какой-либо сфере) может быть выражением глубоко различных ценностных приоритетов пограничной политики, изучение которых составляет особый предмет исследования.

Уровень жесткости пограничного регулирования может быть целевым и фактическим. Целевой (должный) уровень жесткости задается той пропускной способностью границы, которая установлена в отношении нее текущей пограничной политикой, и, прежде всего, непосредственно воплощающими ее правовыми, институциональными и материально-техническими решениями органов государственной власти. Отправляясь от целевого уровня жесткости пограничного регулирования, исследователь может перейти к рассмотрению фактической проницаемости изучаемого рубежа, которая зависит от неформальных практик функционирования границы, и в особенности от состояния ее социального и культурного компонентов.

При всей значимости комплекса регулятивных функций системы, сосредоточенных на управлении взаимодействием общества (и государства) с его внешней средой, он не исчерпывает всех форм участия данной системы в функционировании общественного целого. Не менее важную роль граница выполняет и в собственно внутренних общественных процессах, процессах непосредственного самовоспроизводства общественной системы, поддержания её структурной целостности. Этот блок функций государственной границы может быть назван конституирующим. Данный блок функций реализуется системой границы в тесном взаимодействии с сознанием, культурой общества, и в особенности с политической культурой и идеологией. Проблема состава конституирующих функций границы безусловно ещё требует специального изучения, но, на мой взгляд, важнейшее место в нём принадлежит социализирующей функции.

Выступая в качестве культурного объекта (образа), совокупности устойчивых знаний, ценностей и поведенческих стереоти-

пов, государственная граница уже самим фактом своего существования в общественном сознании способствует социализации (политической социализации) членов данного общества. Та или иная форма осознания индивидом пространственных и символических пределов своего общества (государства) является обязательным условием достаточно прочной идентификации себя с ним. Усваивая, спонтанно или сознательно, стихийно или под действием организованной властями пропаганды, определённый образ государственной границы, представитель общества приобретает в итоге эффективное средство опознания «своих» и отделения их от «чужих», «иностранцев». Этот инструмент общественно-политической идентификации имеет особенную значимость в этнически неоднородных, многонациональных государствах (имперских или федеративных), где собственно этнокультурные маркеры (этнонимы, язык, обычаи и т.д.) не способны обеспечить духовной и практической целостности и пространственной обособленности гражданской нации. С XX столетия важность социализирующей функции границ стала широко осознаваться на уровне политико-государственных элит, в связи с чем её осуществление всё чаще принимает форму планомерной, масштабной и институализированной политики⁵⁸.

Следует отметить, что при анализе любых функций системы границы, как регулятивных, так и конституирующих, необходимо различать их нормативно-институциональный (эксплицированный) и практико-поведенческий (латентный) уровни. Должные и заявленные цели, средства, методы и порядок реализации функций, определяемые в государственно-правовых документах, могут существенно отличаться от их фактического, не отражаемого в официальных источниках, осуществления, как аппаратом управления, так и населением данной страны. Так, декларируемая властями экономическая барьерность границы в силу своего резкого расхождения с интересами приграничного населения и коррумпированности органов пограничного контроля может превратиться в фикцию, в действительности же государственный рубеж в этой сфере отношений будет функционировать в режиме той или иной степени открытости. Зафиксировать если не точную величину, то, по крайней мере, примерный масштаб рассогласования нормативного и практического функционирования границы позволяет изучение данных о динамике трансграничных процессов теневого и криминального типа, а также об уровне общественной легитимности государственной пограничной политики.

С различием явных и латентных функций государственной границы тесно связано выявление дисфункций последней⁵⁹. Среди латентных форм воздействия границы на общество и его внешние связи особенно часто встречаются такие, которые имеют по отношению к данному обществу деструктивный, антисистемный характер. При этом, деструктивное, подрывающее целостность и жизнеспособность, безопасность общественной системы функциональное воздействие может иметь как внутреннее, так и внешнее происхождение. Дисфункции границы могут быть результатом узкокорыстной, партикуляристской пограничной политики правящих сил, не отвечающей общенациональным интересам, либо возникать как следствие неравноправных и не соответствующих тем же интересам международных соглашений по вопросам трансграничного взаимодействия. Основную трудность в изучении дисфункций границы представляет, прежде всего, обоснование их антисистемного статуса, что невозможно без достаточно чёткой идентификации содержания коренных, системообразующих интересов данного общества.

6. Типы границ

Для описания огромного реального многообразия границ социальных систем в различных научных дисциплинах было создано большое количество их типологий. Вместе с тем, многие из этих типологий создавались «по случаю», для решения задач тех или иных специальных и, в основном, эмпирических исследований. Кроме того, значительная часть этих типологий основана на фиксации отдельных и внешних признаков границы, т.е. по существу имеет характер простых, предварительных группировок. Учитывая данные обстоятельства, в настоящей работе автор был вынужден, как правило, вносить в наличествующий типологический аппарат существенные изменения, либо (в ряде случаев) разрабатывать собственный инструментарий.

В рамках представленного исследования типологизация рассматривается как средство анализа двух важнейших лимнологических проблем – формирования и функционирования границы. Необходимой составляющей изучения первой из названных проблем является раскрытие общих исторических условий существования исследуемой границы. Решение этого вопроса требует применения типологии стадийного развития границ. Обобщая сказан-

ное в § 1 данной главы, можно выделить четыре основных исторических типа границ социальных систем: 1) экстерриториальные общественные; 2) территориальные общественные; 3) территориальные государственные; 4) экстерриториальные транснационализованные.

Первый и исторически наиболее ранний из указанных тип границ был характерен для родоплеменных общностей, для которых были свойственны подвижные и пунктирные рубежи. Вторым типом был присущ позднепервобытным (земледельческим) племенам и вождествам, границы которых были устойчиво (хозяйственно и культурно) привязаны к определённой территории и имели достаточно чётко фиксированные линейные очертания. Появление государств привело к превращению территориальных границ в государственный институт, к обеспечению их функционирования средствами властного принуждения и права. Развернувшееся с XX в. формирование четвёртого типа границ связано с возрастающей мобильностью индивидов и групп и ослаблением их зависимости от территории и государственного суверенитета.

Ввиду хронологических рамок настоящего исследования, первоочерёдной интерес для него представляют границы третьего из перечисленных типов. Вместе с тем, следует отметить, что в изучаемый период тип территориальных государственных границ отнюдь не представлял собой нечто однозначное и неизменное. Напротив, ему были свойственны внутренняя историческая динамика и вариативность. Поэтому полезным инструментом для данной работы будет ещё одна, более узкая по своей предметной области, типология, основанием которой служит степень «государствления» границы, контроля над ней со стороны государственной власти. По этому критерию, границы могут быть типологизированы на фронтирные, широкие и линейные.

Феномену фронтира, впервые зафиксированному и описанному на американском материале Ф. Тёрнером ещё в конце XIX в., посвящена обширная зарубежная и к настоящему времени уже достаточно многочисленная отечественная литература⁶⁰. Проведённые исследования, в основном эмпирического плана, способствовали не только содержательному развитию концепции фронтира, но и, к сожалению, размыванию и зачастую неоправданному расширению рамок этого понятия. На мой взгляд, основную специфику фронтирной границы составляет общественная, стихийная форма её существования, из которой вытекают такие важные производные признаки фронтира как его подвиж-

ность (процессуальность), зональность (диффузный охват широкого географического пространства) и высокая (централизованно нерегулируемая) контактность⁶¹. Вместе с тем, нельзя не учитывать того, что на государственной стадии исторического развития сходный по своим свойствам с границами древнейшего экстерриториального типа фронтир не мог формироваться и функционировать вне той или иной формы воздействия со стороны государства. Воздействуя на общество, участвующее в вольно-народной колонизации, государственная власть, таким образом, контролировала динамику фронтирной границы опосредовано, по крайней мере, в негативной форме, как фактор, вынуждавший население к миграции в определённых направлениях. Именно поэтому фронтирная граница также должна быть включена в предлагаемую типологию.

Более высокой мерой «огосударствления» характеризуется граница «широкого» типа⁶². Границами широкого типа, как правило, обладают крупные полиэтнические империи, государственная «оболочка» и этносоциальная, общественная «начинка» которых не образуют органического структурного единства, но могут пространственно расходиться или перекрывать друг друга в различных вариантах. К основным признакам границы данного типа можно отнести следующие: территориальная градуированность и взаимоналожение суверенитетов граничащих государств; неполнота и слабая регламентированность властного контроля над границей; восприятие пограничных рубежей как временных, промежуточных. Значительная проницаемость, «бесконтрольность» границ широкого типа является следствием не только объективно обусловленного дефицита всех разновидностей присутствия имперской власти на протяжённой периферии своих владений, но и сознательной политики размывания собственного суверенитета, которое при благоприятной геополитической обстановке становится предпосылкой к иррадированию его во вне и к внешней экспансии.

Наиболее последовательным огосударствлением отличаются границы «линейного» типа. Такие границы возникают в условиях Вестфальской системы международных отношений как атрибут государства-нации. К основным признакам линейной границы относятся: чёткая территориальная демаркация сфер действия государственных суверенитетов; полный и тщательно регламентированный контроль властных институтов над линией границы; восприятие пограничных рубежей как постоянных. Следует под-

черкнуть, что высокая степень государственной институализации границы в данном случае служит проявлением не только и не столько силы власти, её ресурсных возможностей, но, прежде всего, значительной органической и географической коррелированности государственной и общественной инфраструктуры страны, ввиду естественноисторических причин образующих устойчивую системную целостность, единое тело.

Важно учитывать, что и «широкая», и «линейная» границы могут возникнуть как в процессе длительного государственствования фронта, так и практически на «пустом месте». В зависимости от того, кому – обществу или государству – принадлежит исторический приоритет в формировании конкретных границ, их целесообразно разделять на два типа – «границы снизу» и «границы сверху». «Границы снизу» появляются там, где государство движется вслед за обществом, в основном закрепляя своей властью и оформляя международно-правовыми актами уже фактически сложившиеся колониционные рубежи. «Границы сверху» образуются там, где инициатива в присоединении территории принадлежит государственной власти, по тем или иным («высшим») соображениям не принимающей во внимание при проведении нового рубежа существующую (если она существует) систему расселения. Как следует из определения, границы подобного типа характерны, прежде всего, для районов с иноэтническим населением и для малоосвоенных или вовсе не освоенных человеком территорий⁶³.

Поскольку государственные границы представляют собой системные объекты, они могут быть типологизированы по такому основанию как уровень структурной сложности. В идеале государственная граница должна обеспечивать безопасность всех четырёх основных структурных пространств общества – экономического, социального, культурного и политического, т.е. иметь многомерный, комплексный характер. Однако единовременное создание полноценной границы комплексного типа – явление достаточно редкое. Многие государственные границы длительное время (если не на протяжении всей своей истории) существуют в виде редуцированных, в т.ч. одномерных (например, военно-политических или экономических), систем. Отсутствие в их структуре необходимых нормативно-правовых, институциональных и/или материально-технических элементов не позволяет им, несмотря на зачастую декларирование властью подобных задач, выполнять функции регулирования той или иной сферы транс-

граничных отношений. Если в условиях объективно низкого уровня развития соответствующих подсистем смежных обществ, «редуцированность» границы сама по себе не является источником проблем, то с усложнением общественных систем и интенсификацией их взаимодействия рубежи данного типа становятся «ахиллесовой пятой» национального суверенитета.

Наряду с внутренней структурной сложностью значимой характеристикой государственной границы, дающей возможность судить о степени завершенности её формирования, является такой признак как стабильность. По данному критерию границы могут быть разделены на три основных типа: нестабильные, проблематизированные и стабильные. Применение этой типологии к описанию конкретных границ предполагает оценку их состояния по трём параметрам – международно-правовая оформленность, конфликтность и изменчивость. Каждый из названных параметров может принимать по три значения. Так, с международно-правовой точки зрения государственная граница может быть неформальной, делимитированной или демаркированной. Уровень конфликтности границы, т.е. частота межгосударственных и межобщественных пограничных конфликтов, так или иначе связанных с территориальными претензиями, может оцениваться как низкий, средний и высокий. Уровень изменчивости пограничной линии, включающий частоту и масштаб изменения её контура в течение изучаемого периода, может принимать значения – нулевой (отсутствие изменений), низкий (редкие и маломасштабные изменения) и высокий (частые или крупные изменения).

На основе обобщения оценок границы по указанным параметрам можно определить общий ранг её стабильности, т.е. отнести её к одному из трёх вышеназванных типов. Таким образом, предлагаемая типология представляет собой по существу порядковую шкалу. В случае получения более дробных количественных оценок исходных параметров, разрешающая способность этой шкалы может быть повышена вплоть до перехода от ранговой типологии к фиксации уровня стабильности границы в числовых единицах, в баллах. Однако для обеспечения достоверности данных такого шкалирования необходима проверка адекватности количественной интерпретации изучаемого свойства границы, что требует уточнения его операционализации и сопоставления результатов его измерения у возможно более широкого круга конкретных объектов.

Целый ряд типологий позволяет выявлять особенности функционирования государственных границ. Важнейшим основанием для построения типологий в данной предметной области является такое понятие как режим функционирования границы. Три возможных уровня анализа режима функционирования границы уже были рассмотрены в § 5 первой главы настоящей работы. На базе данных, полученных на каждом из этих уровней анализа, может быть осуществлена соответствующая типологическая характеристика изучаемой границы. Таким образом, границы могут быть типологизированы по общему характеру функционирования (по комбинации открытости/закрытости различных сфер отношений), по его направленности и степени жёсткости.

Наряду с нормативно устанавливаемой пропускной способностью (жёсткостью) системы границы важным показателем её функционирования также интенсивность практического использования этой способности. Данный показатель наглядно характеризует конечный эффект воздействия изучаемой границы на трансграничные отношения и общее развитие вовлечённых в них обществ. Интенсивность фактического (в т.ч. нелегального) использования границы, т.е. объём проходящих через неё трансграничных потоков людей, товаров, капиталов, информации и т.д. может свидетельствовать о степени соответствия существующего режима пограничного регулирования как потребностям граничащих обществ (их заинтересованности в контактах или автаркии), так и их объективным возможностям по участию в международных отношениях различного рода. Интенсивность одностороннего и двустороннего использования границы может быть выявлена с помощью анализа статистики трансграничных потоков по четырём основным сферам взаимодействия. При этом, для обеспечения последующих сравнений, абсолютные статистические данные следует перевести в процентные величины, рассчитанные относительно соответствующих параметров, по крайней мере, одной из взаимодействующих общественных систем. Так, масштаб трансграничного миграционного обмена может быть оценен в процентах от общей численности населения страны в целом или прилегающего к изучаемой границе региона. Процентные величины могут быть преобразованы в балльные оценки и затем сведены в итоговый индекс, фиксирующий общую меру практической востребованности данного рубежа. Такое сопоставление полученных индексов различных границ, а также разных историче-

ских этапов в развитии одной и той же границы дало бы возможность интерпретировать их в качестве количественной меры одного из типов использования. Предварительно, в рамках типологии использования границ, целесообразно выделить три базовых типологических категории – активная, рутинная и пассивная. К активным, в этом типологическом ряду, будут принадлежать границы, интенсивность потоков, пересекающих которые, равна или превышает интенсивность внутренних взаимодействий, к рутинным – те, трансграничная деятельность на которых менее интенсивна, чем интраграничная, а к пассивным – границы, масштаб практического использования которых сторонами совершенно незначителен.

Как уже отмечалось, наряду с регулятивными, государственные границы выполняют и важные социокультурные, конституирующие функции, и, прежде всего, функцию политической (национально-государственной) социализации индивидов. Поскольку степень и формы реализации данной функции границами неодинаковы, они также могут служить основаниями для типологизации последних. Наиболее весомым, на мой взгляд, критерием для построения типологии в данном случае выступает именно степень социализирующего воздействия границы, та сила, с которой она влияет на процесс идентификации человека с определённой нацией и государством и на формирование отвечающего такой идентификации поведения.

По степени социализирующего воздействия границы могут быть разделены на два основных типа – формальные, существующие, главным образом, как нормативно-юридический и институциональный факт, и символизирующие, имеющие значение культурного объекта, образа, маркирующего и формирующего коллективную идентичность⁶⁴. Основанием для отнесения конкретной государственной границы к символизирующему типу служит долговременное (межпоколенное) присутствие её определённого образа в массовом сознании данного общества. Подобное присутствие может быть достаточно надёжно зафиксировано только с помощью комплексного исследования, применяющего такие методы как анализ фольклорных источников, опросы и интервью, количественный и качественный анализ книжных и журнальных (художественных, публицистических, учебных) публикаций, материалов печатных и электронных СМИ и других артефактов, созданных представителями изучаемого общества. Безусловный интерес в рамках изучения образа границы представляет

его отображение и в официальных политических, и, прежде всего, идеологических, документах, однако степень культурной значимости последних должна оцениваться только в связи с данными о масштабах и глубине восприятия репрезентируемых ими символов населением государства.

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ В 1854 – 1929 ГГ.

Первый из рассматриваемых в данной работе периодов истории дальневосточной границы России был начат событиями середины XIX в., которые привели к решению давно стоявшей перед нашей страной международной проблемы – Амурского вопроса. Несмотря на то, что исходные исторические предпосылки к возникновению изучаемой границы были заложены на двести лет раньше, ещё во второй половине XVII в., на всём своём протяжении и в современных очертаниях она сформировалась лишь в указанный период, с окончательным присоединением Приамурья и Приморья к России. Завершение первого периода истории дальневосточной границы пришлось на конец 20-х гг. XX столетия, когда, под воздействием обострившихся международных противоречий и смены политического курса советского государства, её структура и функции претерпели кардинальную трансформацию.

1. Факторы формирования и функционирования дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг.

Поскольку период 1854 – 1929 гг. был временем определения в дальнейшем в основном неизменной пространственной конфигурации сухопутной (материковой) части дальневосточных рубежей России, вопрос о факторах её определения имеет в рамках этого периода особенную значимость. Как было отмечено в первой главе работы, при самом общем рассмотрении факторы лимогенеза могут быть разделены на природные и общественные. Обе эти категории факторов находятся в тесном взаимодействии и постоянно опосредуют влияние друг друга на процесс формирования границы. Вместе с тем, естественные детерминанты лимогенеза исторически предшествуют общественным и обладают в целом большей устойчивостью. Эта стабилизирующая роль природных факторов вполне проявила себя и в истории изучаемой границы.

Как известно, начало генезису дальневосточной границы было положено в верхнем и среднем Приамурье, где с середины XVII в. происходили контакты представителей российского и китайского обществ и государств. На данной территории сущест-

вует большое число природных барьеров, важнейшими среди которых являются гидрографические и орографические. Именно речные артерии и горные хребты региона издавна обращали на себя внимание в качестве возможной физико-географической основы для межгосударственного разграничения. Так, во второй половине XVII в. на роль «естественной» границы России и Цинской империи претендовали крупные водоразделы, окружавшие Амурский бассейн с юга и севера, и, прежде всего, Большой Хинган и Становой хребет.

Проникновение русских поселенцев на правобережье южного притока Амура р. Аргуни, основание ими здесь деревень и острогов способствовали тому, что к 80-м гг. XVII в. Большой Хинган становится фактическим крайним юго-восточным рубежом российских владений. Однако закрепиться на данном рубеже России не удалось. Одной из причин такого исхода (помимо общественных факторов) явился недостаточный дифференцирующий потенциал Большого Хингана, представляющего собой широкую (от 100 км. и более) полосу разрозненно стоящих горных вершин, высотой не более 2000 м.

Развёрнутая в 80-е гг. XVII в. цинским правительством в Приамурье активная военная экспансия привела к политической и правовой актуализации географических барьеров, расположенных почти на 500 км. севернее – впадающей в Охотское море р. Уда и отходящего от её истоков в западном направлении Станового хребта. Согласно Нерчинскому договору, подписанному в 1689 г., южная граница владений России от р. Горбица (впадающей в северный приток Амура р. Шилку) и до моря (Охотского) должна была проходить по вершинам «каменных гор»¹. Ни одна из заключавших договор сторон на тот момент не обладала достоверными сведениями о точном географическом положении упомянутых «гор», однако их описание в наибольшей мере соответствовало линии прохождения Станового хребта, который является самым значительным орографическим барьером, обрамляющим бассейн Амура с севера. В сравнении с Большим Хинганом, Становой хребет, протянувшийся более чем на 1000 км., отличается более выраженным дифференцирующим воздействием на ландшафт. Это относительно узкая горная цепь с высотами до 2500 м. Вместе с прилегающим к нему с севера Алданским нагорьем, Становой хребет отделяет Приамурскую низменность от климатически значительно более холодных и континентальных районов Якутии².

Тем не менее, в дальнейшем Становой хребет также не смог сохранить свой пограничный статус. Главную роль в этом сыграли, прежде всего, общественные факторы. В течение всего XVIII и первой половины XIX вв. Цинская империя не предприняла никаких сколько-нибудь действенных мер по государственному освоению и обустройству этого удалённого от её фактических границ природного рубежа. Более того, предгорья Станового хребта не привлекали к себе интереса и населения Поднебесной, так и не став объектом вольной китайской колонизации. Таким образом, к середине XIX в. сделанная ранее военно-дипломатическая заявка Китая на превращение Станового хребта в «естественную» границу между двумя государствами, по существу, утратила свою актуальность.

Третьим важнейшим природным барьером в регионе, разграничивающий потенциал которого в полной мере был осознан и востребован на более позднем этапе российско-китайских отношений, являлись русла р. Амур и впадающей в неё р. Аргунь. С точки зрения своей значимости для структурирования ландшафта, Амур и Аргунь во многих отношениях превосходят рассмотренные выше водоразделы. Течения этих рек вместе образуют значительно более протяжённый (около 3 тыс. км.) и непрерывный водный рубеж, ширина которого (вплоть до устья Усури) местами достигает 4 км. Левобережье и правобережье Амура и Аргуни заметно различаются по своему растительному покрову: если на первом преобладают таёжные лесные массивы, то на втором – лесостепь и широколиственные леса. Не менее чётко выражены и особенности животного мира территорий, расположенных по разные стороны этих речных артерий.

Следует отметить, что ландшафтная барьерность Амура и Аргуни с древнейших времён налагала свой отпечаток на хозяйственную деятельность и социокультурный облик населения берегов названных рек. Вплоть до прихода русских к северу от данного естественного рубежа проживали, главным образом, малочисленные родоплеменные общности охотников и рыбаков тунгусо-маньчжурского происхождения. В районах же к югу от этих рек, на территории Маньчжурии ещё в I тыс. до н.э. этнически родственное народам Северного Приамурья местное население осуществило переход к производящему, земледельческому и скотоводческому, хозяйству. Следствием этого, стало резкое ускорение темпов социально-экономического и политического раз-

вития Маньчжурии, часть которой уже в VII в. н.э. была включена в состав Бохайского государства.

В отличие от Амура и Аргуни, р. Уссури, – приток Амура, протекающий в основном в меридиональном направлении, – сама по себе не является столь же чётко выраженным ландшафтным рубежом. Её берега мало отличаются друг от друга по своим климатическим параметрам, флоре и фауне. Однако благодаря орографическому фактору, а точнее почти вплотную подходящим к течению Уссури с востока отрогам горной системы Сихотэ-Алиня, бо льшая часть территории правобережья этой реки с точки зрения условий природопользования приближается к Северному Приамурью. Низкая благоприятность зауссурийской территории Приморья для проживания человека и ведения производящего хозяйства также надолго закрепила за ней положение исторической периферии Северо-Восточной Азии. Напротив, левобережье Уссури, включая земли юго-западного Приморья, по крайней мере, с начала I тыс. н.э. было активно вовлечено в общественные процессы, происходившие в Маньчжурии, и позднее входило в состав Бохайского государства и империи Цзинь³.

Впервые попытка придать Амуру (вплоть до устья р. Буреи) статус государственной границы была предпринята российской стороной в ходе обсуждения условий договора с Китаем в Нерчинске в августе 1689 г.⁴ Однако претендовавшая на безраздельный контроль над всем Приамурьем Цинская империя отказалась рассматривать этот вариант соглашения. Итоговый текст Нерчинского договора закрепил пограничный статус только за р. Аргунью. Лишь по прошествии полутора столетий, обнаруживших неспособность Китая к практическому подкреплению своих территориальных амбиций и общую тенденцию к ослаблению его военно-политических позиций на международной арене, вопрос о разграничении по Амуру был вновь поставлен на повестку дня российско-китайских отношений.

К середине XIX в. значимость Амура и его главных притоков не только возросла, но и приобрела новое содержание. В условиях постепенного освоения и экономического развития Дальнего Востока, Амур и его притоки всё больше проявляли свой потенциал не столько природного барьера, сколько естественной системы транспортных коммуникаций, соединявших между собой обширные внутренние районы Азии, и их вместе – с тихоокеанским побережьем континента. Необходимо также отметить, что потенциал Амура как водного пути к этому времени стал очеви-

ден не только для России и Китая, но и для ряда новых участников международных отношений в северной части АТР, и, прежде всего, Англии, Франции и США. Активное продвижение ими со второй четверти XIX в. своих интересов в Амурском вопросе значительно ускорило затянувшийся процесс его разрешения.

Инициатором завершения российско-китайского разграничения в середине XIX в. стала Россия. К интенсификации пограничного строительства на своих восточных окраинах Россию побуждали как внутренние, так и внешние факторы. С точки зрения внутренней структуры общества, ещё с середины XVIII в. наиболее актуальной помехой для полноценной интеграции дальневосточного региона в общероссийское пространство становилась крайняя слабость его транспортных связей с остальной территорией страны. Этот фактор, в свою очередь, обуславливал всестороннюю уязвимость российского присутствия на берегах Охотского и Берингова морей. Нестабильность региональных сообществ не просто осложняла управление и замедляла демографическое и экономическое развитие русских поселений в Северной Пацифике, но и создавала угрозу самому их существованию.

Вместе с тем, решение транспортной проблемы само по себе ещё не могло обеспечить надёжного включения Дальнего Востока в состав российского государства. Колонизационные возможности Охотского края, Камчатки и Русской Америки были объективно ограничены суровыми ландшафтно-климатическими условиями этих районов, их крайней неблагоприятностью для проживания и хозяйственной деятельности. Объектом массового заселения и широкомасштабного освоения на восточной окраине Северной Евразии могли стать лишь земли Приамурья и Приморья, естественные характеристики которых давали надежду на достижение РДВ в будущем, по крайней мере, относительной экономической самодостаточности. По существу, присоединение этих южных территорий являлось необходимым условием для обретения РДВ статуса особой региональной подсистемы российского общества.

Потребности дальнейшего, более сбалансированного и устойчивого, заселения и освоения РДВ были неотделимы от задач обеспечения его внешней безопасности. Дальневосточные владения России к середине XIX в. имели протяжённую и практически ничем не защищённую морскую границу. Пустынное морское побережье региона могло стать лёгкой добычей для любых иностранных держав, которые были бы способны направить на него

даже сравнительно небольшой по численности военный десант. В случае подобной высадки остановить дальнейшее продвижение противника во внутренние районы Дальнего Востока и Сибири было бы очень трудно⁵.

Создание новых военно-морских баз и укрепленных поселений на тихоокеанском побережье, в особенности в устье Амура и в районах к югу от него, было необходимо не только в оборонительных целях, для защиты континентальных владений России. Российская империя была заинтересована в расширении сферы своего влияния в АТР в восточном, юго-восточном и южном направлениях, что, прежде всего, предполагало прочное утверждение её власти над Сахалином и Курильскими островами. Наконец, строительство портов в Приамурье и Приморье должно было значительно увеличить масштаб и прибыльность внешней торговли России со странами Северо-Восточной, а возможно и Юго-Восточной и Южной Азии.

Названные проблемы внутреннего и внешнего развития РДВ как региональной подсистемы российского общества складывались и углублялись на протяжении всей его истории и могут рассматриваться в качестве структурных предпосылок генезиса дальневосточной границы. Однако реализация этих долговременных предпосылок лимогенеза, по-видимому, была бы невозможна без появления в середине XIX в. специфического сочетания ситуативных факторов, относящихся в первую очередь к двусторонним отношениям России и Китая, также к общей международной обстановке в СВА и мире в целом.

Первая опиумная война 1839 – 1842 гг. и завершивший её Нанкинский договор зафиксировали начало нового этапа в истории международных отношений в СВА. С этого времени соотношение экономической, технико-технологической и военной мощи системообразующего государства этого региона (Цинской империи) и западных держав (Англии, Франции и США) явственно изменяется в пользу последних. В руки заморских правительств в значительной мере переходит и политическая инициатива. Западные страны приступают к планомерному превращению Китая в зависимое, полукOLONиальное, государство, постепенно ограничивая суверенную власть империи над различными её провинциями.

Проникновение колониальных держав в Китай уже в начале 40-х гг. XIX в. вызывало обеспокоенность Петербурга. Крайне сложные, отягощённые европейскими и ближневосточными про-

тиворечиями, отношения России с Англией и Францией заставляли опасаться того, что военно-политическое присутствие этих государств на территории Поднебесной создаст прямую угрозу безопасности РДВ⁶.

Судя по всему, именно международная обстановка подтолкнула российское правительство к пересмотру своей политики в Приамурье⁷. Первым событием определённо свидетельствовавшим о завершении длительного периода пассивности России в решении Амурского вопроса, было назначение в 1847 г. на пост генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва, являвшегося убеждённым сторонником скорейшего разграничения с Китаем. В последующие годы под руководством Муравьёва в Забайкалье были сосредоточены значительные человеческие и материальные ресурсы, обеспечившие в дальнейшем быстрое закрепление Приамурья и Приморья за Россией. Ядром этих сил стали образованное в 1851 г. Забайкальское казачье войско (численностью более 48 тыс. чел.) и регулярные армейские части⁸.

Реализация созданного на восточных рубежах потенциала стала возможной после очередного изменения международной ситуации в СВА. Толчком к нему послужила Крымская война 1853 – 1856 гг., вспыхнувшая между Россией и Турцией и переросшая в военно-политический конфликт общеевропейского, а с точки зрения своих последствий, и общемирового значения. Крымская война обострила старую структурную проблему незащищённости морского побережья РДВ. Успешные действия англо-французского флота и десантных сил в Крыму наглядно продемонстрировали степень угрозы, которую они могли представлять для дальневосточной окраины России. Её сохранение требовало немедленного решения, по крайней мере, двух задач – укрепления главной тихоокеанской военно-морской базы империи в Петропавловске и предотвращения проникновения противника в устье Амура. Решить эти задачи иначе, нежели с помощью скорейшей переброски в указанные пункты значительных военных контингентов по амурскому водному пути, было невозможно.

Вместе с тем, обострив одни старые проблемы, Крымская война поспособствовала если не устранению, то, по крайней мере, смягчению других. Открытый конфликт России с Англией и Францией, создал условия для её политического сближения с потерпевшим недавнее поражение от этих держав Китаем. Сочувственная позиция цинского правительства в отношении политики

России диктовалась, впрочем, и вполне конкретной озабоченностью Пекина собственной безопасностью: в случае утверждения европейских держав в Приамурье Цинская империя столкнулось бы с их натиском одновременно и с юга, и с севера. Именно в силу этих особенностей международной ситуации, сложившейся в регионе к началу 1854 г., военная активность России в Приамурье не только не вызвала протеста китайских властей, но и, напротив, встретила благоприятное содействие с их стороны⁹.

Отправка в мае 1854 г. из Шилкинского завода вниз по Амуру сводного батальона регулярных войск и сотни забайкальских казаков¹⁰ положила начало новой кардинальной перестройке международных отношений в СВА, итогом которой стало значительное изменение политической карты этого региона. Амурские сплавы, осуществлённые в 1854 – 1855 гг., не только сыграли важнейшую роль в укреплении обороноспособности российского тихоокеанского побережья и в предотвращении его захвата Англией и Францией. Они подготовили необходимые условия для окончательного решения Амурского вопроса и завершения разграничения между Россией и Китаем. Так, благодаря амурским сплавам к началу 1858 г. в Приамурье насчитывалось свыше 6600 чел. русско-подданного населения, было основано около 30 казачьих станиц и крестьянских сёл, был расширен и укреплён заложённый в низовьях Амура ещё в 1851 г. г. Николаевск¹¹. В октябре 1856 г. созданная в тот же период на левом берегу Амура (вплоть до его устья) цепь военных постов и караулов была объединена в «Амурскую линию», начальник которой напрямую подчинялся губернатору Забайкальской области. В конце того же года из бывшей Камчатской области, территории Нижнего Амура и Сахалина была образована новая административная единица Российской империи – Приморская область¹². Таким образом, к моменту открытия официальных переговоров о проведении российско-китайской границы в Приамурье позиции на них России были существенно усилены целым рядом фактов, свидетельствовавших об успешном военном, демографическом и административном освоении ею левобережья Амура.

Деятельность администрации Восточной Сибири в Приамурье с самого начала осуществлялась при дипломатической поддержке российского МИД. Ещё в феврале 1854 г. правительство Российской империи уведомило Пекин о подготовке первого сплава по Амуру¹³. Однако долгое время китайское правительство никак официально не реагировало на действия России. Лишь

после развязывания Англией и Францией в 1856 г. второй опиумной войны и направления в Пекин в феврале 1857 г. посольства Е.В. Путятина, китайские власти выразили готовность к проведению переговоров о границе со своим северным соседом.

Переговоры между представителями двух государств были открыты в г. Айгуне 10 мая 1858 г. Обсуждение вопроса о проведении российско-китайской границы, занявшее пять дней, сопровождалось взаимными претензиями сторон. Представители Цинской империи пытались обосновать её права на левобережье Амура, ссылаясь на то, что оно населено китайскими подданными. Однако представлявший интересы России Н.Н. Муравьев настаивал на том, что естественным и фактически сложившимся к моменту переговоров рубежом между двумя странами является Амур¹⁴.

Подписанный 16 мая 1858 г. Айгунский договор показывал, что китайская сторона в целом согласилась с позицией России. Граница между двумя государствами была проведена по течению Амура. Земли между притоком Амура р. Уссури и берегом моря были оставлены в общем владении России и Китая. Амур, Уссури и Сунгари, как внутренние реки двух государств, были открыты для плавания и свободной торговли российских и китайских подданных. В то же время, движение по ним судов иностранных государств не допускалось, что вполне определённо свидетельствовало об общей заинтересованности договаривающихся сторон в защите своих владений в Приамурье от западных держав¹⁵.

Спустя две недели, 1 июня 1858 г. российский посланник в Пекине Е.В. Путятин подписал с представителями Китая Тяньцзиньский договор. В этом договоре был более подробно определён режим российско-китайской границы, условия пребывания российских и китайских подданных на территориях двух государств и порядок взаимодействия их властных органов в вопросах двусторонних отношений. Кроме того, Тяньцзиньский договор содержал указание на необходимость исследования и точного разделения в ближайшее время ещё не разграниченных территорий между Россией и Китаем¹⁶.

Однако, как продемонстрировали дальнейшие события, несмотря на подписанные договоры, отношение правительства Цинской империи к вновь установленной российско-китайской границе оставалось далеко неоднозначным. В следующем 1859 г. прибывшему в Китай новому российскому посланнику Н.П. Игнатьеву в Пекине было заявлено о том, что ратификация импера-

тором Айгуньского договора была ошибкой¹⁷. Столь резкое изменение позиции китайской стороны явилось прямым следствием поражения, нанесённого войсками империи англо-французским силам у фортов Дагу в июне 1859 г. Вопреки ожиданиям китайского правительства этот успех оказался временным и не смог изменить общего хода второй опиумной войны. Тем не менее, он наглядно показал значимость, которую для процесса российско-китайского разграничения имели ситуативные факторы и, прежде всего, текущие отношения Китая с Англией и Францией.

Перешедшие в наступление англо-французские войска в сентябре 1860 г. приблизились к Пекину. Цинской империи грозил полный крах. Только своевременно начатые при активном посредничестве Игнатьева переговоры и значительные уступки, сделанные западным державам, дали Китаю возможность сохранить основную часть своих суверенных прав. Содействие, оказанное Россией в критической ситуации цинскому правительству, позволило возобновить и ускорить приостановившийся процесс разграничения между двумя государствами. 2 ноября 1860 г. между сторонами был подписан дополнительный Пекинский договор, не только подтвердивший условия Айгуньского и Тяньцзиньского договоров, но и определивший принадлежность земель, остававшихся в общем владении сторон. Согласно тексту Пекинского договора, начиная от устья впадавшей в Амур р. Усури российско-китайская граница должна была проходить вверх по течению этой реки, а затем по её притоку Сунгача до оз. Ханка. После пересечения оз. Ханка от устья Сунгача до устья р. Бэленхе (Тур), граница шла по горным хребтам через устье реки Хубиту (Хубту) до р. Тумыньцзян (Туманная) и далее по участку её нижнего течения в 20 китайских вёрст (ли) до впадения в море. В состав Пекинского договора в качестве дополнительной статьи вошёл также подписанный представителями России и Китая 16 июня 1861 г. Турский протокол, содержащий более подробное описание установленной границы на участке от течения р. Усури до морского побережья¹⁸.

Таким образом, начавшийся в 1858 г. процесс политического и международно-правового определения границы между Россией и Китаем (а также находившейся в вассальной зависимости от последнего Кореей) на Дальнем Востоке в 1861 г. был завершён. Айгуньский и Пекинский договоры зафиксировали географические очертания дальневосточной границы России, в основном сохраняемые ею до настоящего времени. Кроме того, этими дого-

ворами, наряду с Тяньцзиньским, были заложены структурные, правовые и институциональные, основы функционирования нового внешнего рубежа страны.

Вместе с тем, общие условия и конкретные обстоятельства осуществлённого разграничения наложили на его результаты свой отпечаток. Как уже отмечалось, своим появлением новая граница была во многом обязана специфической международной ситуации, возникшей в СВА в 1854 – 1861 гг. Что же касается внутренних предпосылок, процессов собственного развития общественных систем России и Китая, то они, безусловно, сыграли в её формировании второстепенную роль. Тот факт, что разграничение между двумя государствами проводилось не только на малонаселённых и во всех отношениях слабо освоенных, но и недостаточно исследованных территориях, обусловил крайнюю структурную незрелость новообразованной границы как социальной системы.

Одним из главных проявлений этой незрелости дальневосточной границы стала неточность определения её пространственных координат. Прилагавшаяся к Пекинскому договору делимитационная карта имела мелкий масштаб – 25 вёрст в дюйме (10,5 км. в сантиметре). Подробности пограничного ландшафта на ней показаны не были. Река Уссури на карте была изображена сплошной линией без нанесения островов, а из множества островов на р. Амур были указаны лишь некоторые. Отмеченная красной линией граница проходила по Амуру вдоль его китайского берега¹⁹. Точностью не отличалась и последующая демаркация, охватившая, как говорилось выше, лишь южноприморский участок границы. В ходе демаркации этого в основном сухопутного (равнинного) участка границы, по большей части не привязанного к каким-либо чётко выраженным природным рубежам, на протяжении более чем 500 км. было поставлено только шесть пограничных столбов. значительные расстояния между пограничными столбами фактически демаркированы не были²⁰. Результаты демаркации при подписании сторонами Турского протокола были нанесены на мелкомасштабную карту, идентичную прилагавшейся к Пекинскому договору. Неточность проведённой разметки границы признавалась самими её участниками. Так, назначенный одним из членов демаркационной комиссии с российской стороны военный губернатор Приморской области П.В. Казакевич отмечал в донесении министру иностранных дел Горчакову, что «представленное описание удовлетворительно вполне на ме-

стности никем не заселённой, покрытой девственными лесами, где даже лишние вёрсты не имеют никакой цены»²¹.

В условиях конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. подобная прилизительность демаркации, равно как и узаконенная договорами высокая проницаемость границы в Приамурье и Приморье для экономической деятельности и миграционного движения китайского населения, действительно могли быть оправданы. Однако в дальнейшем под влиянием общественного развития смежных регионов России и Китая, итоги разграничения 1858 – 1861 гг. всё более становились источником взаимных противоречий. При этом, самые «живучие» и трудноразрешимые из порождённых данным разграничением двусторонних проблем оказались связанными именно с его территориальными результатами.

Первые сопряжённые с пограничными противоречиями осложнения в российско-китайских отношениях имели место уже в 1878 – 1879 гг. Однако влияние «Илийского кризиса», возникшего по поводу раздела между двумя государствами земель в Средней Азии, коснулось их дальневосточной границы лишь косвенно и не имело для неё международно-правовых последствий. Согласно урегулировавшему разногласия России и Китая Петербургскому договору 1881 г., постановления договоров, заключённых между сторонами ранее, были подтверждены.

Более заметный след в истории дальневосточной границы оставил следующий российско-китайский кризис 1882 – 1886 гг. Острота и длительность этого кризиса во многом были обусловлены общей международной обстановкой первой половины 80-х гг. XIX в. и прежде всего противоречиями в отношениях России с крупнейшей империей тогдашнего мира – Британской. Обеспокоенное продвижением русских в Средней Азии, английское правительство активно изыскивало возможности оказания политического давления на Петербург.

Интересы Англии оказались созвучны позиции части правящих кругов Цинской империи, неудовлетворённых результатами решения Амурского вопроса в 1854 – 1861 гг. Кроме того, изменение политики Пекина было вызвано постепенной утратой им своего сюзеренитета над Кореей. С 70-х гг. XIX в. в борьбу за контроль над Корейским полуостровом включился целый ряд государств, наибольшую активность среди которых проявляла Япония. Определённый интерес к Корее в это период времени стала проявлять и Россия, в 1884 г. установившая с корейским правительством официальные дипломатические отношения и за-

ключившая с ним первый двусторонний договор²². Вытеснение с территории Кореи, помимо прочего, означало для Цинской империи потерю выхода к побережью Японского моря.

Следует отметить, что в отличие от ситуации 1854 – 1861 гг., в 80-е гг. пограничные отношения России и Китая складывались под значительным влиянием не только международных и двусторонних, но и внутренних факторов. Ещё в 1878 г. цинское правительство отменило все существовавшие до тех пор ограничения на переселение китайцев в Маньчжурию, что способствовало быстрому росту населения и развитию хозяйства этого региона²³. Прямым следствием этого было заметное увеличение притока китайцев в смежные с Маньчжурией районы Приморья.

Во многом, ответом на эти процессы явилось ужесточение российской администрацией условий пребывания иностранцев на дальневосточных окраинах империи. В 80-е гг. XIX в. были отменены льготы для иностранцев, установленные «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» 1861 г. (1882 г.), ликвидирована неподсудность китайцев российским судам (1882 г.), введена «билетная система» учёта азиатских мигрантов (1884 г.), запрещено их поселение вблизи границы (1886 г.)²⁴. Наряду с этим, с 1883 г. правительство организует массовое переселение на РДВ морским путём жителей центральных губерний страны. Значительная их часть получила земельные участки в приграничных районах региона. Уплотнение населения приграничья, его сельскохозяйственное и административное освоение, интенсификация трансграничных контактов сами по себе требовали более точной демаркации и последовательной институционализации российско-китайской границы.

Однако в период кризиса 1882 – 1886 гг. намерения китайской стороны состояли не столько в уточнении, сколько в изменении существующей границы, как навязанной Китаю в неблагоприятной для него ситуации. Цинская империя претендовала на установление своего суверенитета над принадлежащей России южной частью залива Посыета. Тем самым, она рассчитывала одновременно получить выход к Японскому морю и отрезать Россию от своего традиционного вассала – Кореи²⁵. Надеясь на помощь со стороны Великобритании, китайское правительство было готово использовать для решения этой задачи вооружённую силу.

Но после того как в сентябре 1885 г. на встрече в Лондоне представителям Англии и России удалось урегулировать взаим-

ные противоречия, позиция Китая значительно смягчилась. В ходе проведённых российско-китайских переговоров конфигурация границы, установленной Пекинским договором, была подтверждена, включая и общее положение её демаркированного в 1861 г. южного участка. В то же время, стороны договорились провести совместную проверку (редемаркацию) участка границы к югу от оз. Ханка. Редемаркация, осуществлённая созданной с этой целью российско-китайской комиссией, была оформлена в виде девяти Новокиевских (Хуньчуньских) протоколов, подписанных сторонами в период с 10 июня по 21 сентября 1886 г. В соответствии с данными протоколами граница была описана на протяжении более чем 545 вёрст, от устья р. Бэленхе до берега р. Тумыньцзян. Прежние, разрушившиеся от времени деревянные пограничные столбы были заменены одиннадцатью каменными, в интервалах между которыми были поставлены 26 вспомогательных пограничных знаков. Результаты редемаркации были нанесены на весьма подробную для своего времени карту масштаба 1 верста в дюйме (420 м. в 1 см.), экземплярами которой обменялись представители сторон²⁶.

Редемаркация в 1886 г. южноприморского участка российско-китайской границы существенно уточнила его географические очертания и упрочила его международно-правовой статус. Она способствовала ослаблению на длительный (почти сорокалетний) период территориальных претензий Китая в отношении дальневосточных владений России. Вместе с тем, проведённое уточнение и правовое оформление границы само по себе, конечно, не могло обеспечить её прочности, зависевшей, в первую очередь, от характера политического (межгосударственного) и социально-экономического (межобщественного) взаимодействия сторон, уже отягощённого прошлыми противоречиями и в процессе своего ускоряющегося развития, порождавшего новые. Кроме того, Новокиевские соглашения не касались большей части дальневосточной границы, которая по-прежнему оставалась не демаркированной.

Несмотря на ряд политических кризисов, система международных отношений в СВА в период 1861 – 1894 гг. отличалась относительной стабильностью. Это зыбкое равновесие сил в регионе было нарушено японским нападением в июле 1894 г. на Китай, которое повлекло за собой целую цепь значимых по своим последствиям военно-политических конфликтов. Длительная полуса взаимосвязанных изменений структуры силовых и террито-

риальных отношений в СВА в основном завершилась лишь к 1922 г., под влиянием общей стабилизации ситуации в мире, оформленной Версальско-Вашингтонскими соглашениями. Существенной перестройке в рамках переходного периода 1894 – 1922 гг. подверглись и российско-китайские отношения. С точки зрения процесса формирования дальневосточной границы, наибольший интерес в контексте этой перестройки представляют события 1896 – 1901 гг., связанные с утверждением присутствия России в Маньчжурии.

Как известно, выступив в роли союзника Цинской империи в её противостоянии японской экспансии²⁷, Россия получила возможность заключить с Пекином в августе 1896 г. контракт на постройку КВЖД, линия которой должна была протянуться от ст. Маньчжурия в Забайкалье до ст. Пограничная в Приморье. Срок концессии был установлен в 80 лет, считая от окончания строительства железной дороги и пуска её в эксплуатацию²⁸. Формально признавая суверенитет Китая над линией КВЖД и прилегающей к ней территорией т.н. «полосы отчуждения», контракт устанавливал на них особый международно-правовой режим. В соответствии с ним Обществу КВЖД, фактически подконтрольному российскому правительству, предоставлялось право «полного и исключительного управления» своими землями. Его имущество и доходы освобождались от всех пошлин и налогов. Устав Общества КВЖД был согласован с уставами русских железнодорожных обществ²⁹. На российских подданных, пассажиров и служащих дороги, не распространялась китайская юрисдикция. Кроме того, для поддержания порядка и защиты своего имущества Общество КВЖД получило возможность создания охранной стражи, комплектовавшейся в основном из уволенных в запас чинов российской армии³⁰.

После заключения в 1898 г. конвенции о передаче в аренду России на 25 лет Ляодунского полуострова с портами Дальний и Порт-Артур и предоставлении ей земель под строительство южной ветки КВЖД, аналогичный правовой режим был распространён и на эти территории. При этом, в отличие от контракта 1896 г., конвенция 1898 г. прямо указывала, что территория полуострова Ляодун переходила «в прямое и исключительное пользование русского правительства»³¹.

Таким образом, российско-китайские соглашения 1896 и 1898 гг. привели к появлению в Маньчжурии территориальных анклавов России, обладавших особым международно-правовым

статусом, значительным русско-подданным населением и ощутимо влиявших на военную и экономическую ситуацию в данном регионе Китая. Их создание воспринималось многими современниками как первый шаг к превращению Маньчжурии в российский протекторат, колонию, которая в будущем могла бы стать органической частью империи³². Подавление в 1900 – 1901 гг. боксёрского восстания, давшее Петербургу повод к введению в полосу отчуждения КВЖД своих регулярных войск и образованию здесь Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи³³, ещё более укрепило подобные ожидания. В тот же период, опираясь на концессионные соглашения, Российская империя пыталась утвердить своё присутствие и в Корее³⁴.

Тем не менее, ожидаемого территориального расширения владений России на Дальнем Востоке не произошло. Поражение в войне 1904 – 1905 гг. привело к полному вытеснению России из Кореи и серьёзному ослаблению её военно-политического влияния в Китае. Российское политическое и экономическое присутствие сохранилось лишь в северной части Маньчжурии. Однако события 1896 – 1901 гг. не прошли для истории дальневосточной границы бесследно. Они в значительной степени замедлили процесс институционально-правового развития этого рубежа, превращения его в полноценный инструмент защиты национальных интересов страны. Рассматривая РДВ, прежде всего, как плацдарм для экспансии в Китай и Корею, царское правительство с середины 90-х гг. XIX в. фактически отошло от проводившейся с первой половины 80-х гг. политики по ужесточению режима границы в регионе. Предложения о дальнейших мерах по ограничению и упорядочению иммиграции корейцев и китайцев в дальневосточный регион перестали находить поддержку у центральной власти. Так, в 1902 г. министром финансов И.П. Шиповым был отклонён проект постановления об условиях пребывания азиатских иммигрантов в Приамурье, представленный и.о. генерал-губернатора края А.С. Биневским. Обосновывая свою позицию, министр писал: «Наша политическая цель не должна и не может заключаться в ограждении наших владений от Китая китайской стеною. Нам необходимо подчинить своему экономическому и культурному воздействию те элементы китайского и корейского населения, которые...будут проникать в наши пределы»³⁵.

Только окончание русско-японской войны и приход к власти кабинета П.А. Столыпина создали предпосылки для продолжения прерванного развития на РДВ государственных институтов по-

граничного контроля и правовой базы их функционирования. Экономическая и социальная направленность ускорившегося в этот период строительства системы дальневосточной границы определялась в основном внутренними факторами, и, прежде всего, политикой правительства по стимулированию заселения и хозяйственного освоения юга Приамурского края. Однако начавшаяся вскоре новая, – мировая, – война, а затем революционные потрясения в стране вновь надолго остановили этот процесс.

Следующим важным периодом в истории формирования дальневосточной границы стали 20-е гг. XX в., когда пограничные вопросы стали предметом обсуждения в контексте установления дипломатических отношений между Китаем и СССР. На этот раз актуализация пограничной проблематики произошла на фоне общей стабилизации в 1922 – 1929 гг. международной ситуации в мире и регионе СВА в частности. Частью этой стабилизации явился вывод в 1922 г. войск интервентов с территории РДВ (исключая Северный Сахалин, находившийся под японской оккупацией до 1925 г.) и восстановление в этой регионе русского (советского) суверенитета. Тем не менее, в Азии, также как и в Европе, внешнеполитическая обстановка для советского государства оставалась крайне тревожной. Находясь в почти полной³⁶ международной изоляции, в условиях существования множества неурегулированных противоречий с сильнейшими мировыми державами, оно имело веские основания опасаться новой иностранной интервенции. На Востоке наиболее вероятную угрозу для Советского Союза представляла Япония, постоянно наращивавшая свою военную мощь.

В таких условиях, советское государство остро нуждалось в любого рода внешних партнёрах, готовых к его признанию и установлению добрососедских отношений. Наиболее реальным и значимым кандидатом на роль подобного партнёра среди стран Азии в начале 20-х гг. XX в., безусловно, была Китайская Республика. Возникшее после Синьхайской революции 1911 – 1912 гг. новое китайское государство упорно (но в целом безуспешно) боролось за достижение статуса равноправного и в полной мере независимого субъекта международного сообщества. В связи с этим, его отношения с империалистическими державами, и, в особенности, с Японией, были достаточно сложными и напряжёнными. В то же время, часть верхушки правившей в Китайской Республике партии Гоминьдан, включая её основателя и лидера Сунь Ят Сена, позитивно оценивала послереволюционное разви-

тие России и даже видела в ней своего объективного союзника. Кроме того, с начала 20-х гг. XX в. в Китае возникло и стало быстро развиваться коммунистическое движение. Учитывая остроту социальных противоречий в этой стране, советское партийное руководство считало шансы китайских коммунистов на захват государственной власти весьма высокими³⁷.

Названные обстоятельства во многом определили гибкость и уступчивость политического курса, проводившегося советским руководством в отношении Китая. Ещё в 1917 г. большевистское правительство предлагало китайским представителям заключить равноправный советско-китайский договор, одновременно заявляя об аннулировании прежних тайных договоров, ущемлявших суверенитет Китая. При этом, в число договоров, которые подлежали аннулированию, включались договор 1896 г. о военном союзе, Пекинский протокол 1901 г. и всё касавшиеся Китая соглашения России с Японией 1907 – 1916 гг.³⁸ Позднее об одностороннем уничтожении названных договоров СНК РСФСР вновь объявил в своей декларации народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г.³⁹

Третья попытка налаживания отношений с Китайской Республикой была предпринята Москвой в сентябре 1920 г. Во вручённой главе прибывшей из Пекина военно-дипломатической миссии Чжан Сылиню ноте НКВД был предложен примерный текст договора между РСФСР и Китаем. Первый пункт предлагаемого договора гласил: «Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики объявляет не имеющими силы все договоры, заключённые прежним правительством России с Китаем, отказывается от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращает безвозмездно и на вечные времена всё, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией»⁴⁰. Таким образом, формулировка позиции РСФСР в ноте НКВД от 27 сентября 1920 г. была более широкой, чем раньше. Буквально она говорила об аннулировании уже всех прежних российско-китайских договоров, при чём это аннулирование связывалось с отказом от «всех захватов китайской территории». Несмотря на то, что нота 1920 г. содержала ссылку на декларацию 1919 г., её текст оставлял возможности для различных толкований⁴¹.

Подобная же неоднозначность формулировок была допущена советской стороной в тексте подписанного после длительных пе-

реговоров в Пекине 31 мая 1924 г. «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой». Согласно ст.4 Соглашения Правительство СССР, в соответствии с декларациями 1919 и 1920 гг., объявляло «уничтоженными и не имеющими силы все договоры, соглашения и т.д., затрагивающие суверенные права или интересы Китая»⁴². В таком виде эта статья Соглашения 1924 г. не позволяла чётко отделить от уничтожаемых пограничные договоры России и Китая, включая Айгуньский и Пекинский. Кроме того, её содержание ставило под сомнение конструктивный смысл ст.7 данного Соглашения, которая предусматривала проверку (редемаркацию) сторонами на будущей совместной конференции своих национальных границ⁴³.

20 сентября 1924 г. в Шеньяне (Мукдене) советские представители подписали дополнительное Соглашение с правительством трёх автономных восточных провинций Китайской Республики, в основном воспроизводившее содержание Пекинского соглашения от 31 мая и подтверждавшее его действие⁴⁴. Таким образом, Шеньянское соглашение от 20 сентября также сохраняло неясность в вопросе о будущем российско-китайской границы.

Судя по всему, дипломатические и правовые недостатки соглашений от 31 мая и от 20 сентября 1924 г. представлялись советскому руководству не столь принципиальными на фоне достигнутых благодаря их подписанию политического признания со стороны Китая и восстановления контроля над КВЖД. Помимо этого, широкие декларативные формулировки данных соглашений должны были иметь, с его точки зрения, мощный пропагандистский эффект и привлечь на сторону СССР симпатии китайского народа. Однако, если в краткосрочной перспективе такие ожидания и были в какой-то степени оправданы⁴⁵, то в дальнейшем этот политический успех стал источником новых двусторонних противоречий.

Как оказалось, советское руководство в целом переоценило влияние в политической элите Китая сил, стремящихся к установлению добрососедских отношений с СССР. К середине 20-х гг. доминирование в ней перешло к деятелям радикально-националистического толка, которые не проводили принципиальных различий между политикой СССР и царской России, а также между ними и экспансией в Китае колониальных держав. Более того, на протяжении 20-х гг. под воздействием борьбы с внутренним коммунистическим движением, внешнеполитиче-

ский курс правительства Китайской Республики всё более приобретал прямо антисоветскую и прозападную направленность⁴⁶.

Начало работы в марте 1926 г. в Пекине в рамках открытой в соответствии с соглашением от 31 мая 1924 г. советско-китайской конференции пограничной подкомиссии обнаружило резкую противоречивость представлений сторон о сущности поднятого вопроса. Представление о ней советской стороны было изложено в переданном 15 марта 1926 г. Л.М. Караханом китайской делегации проекте «Принципы соглашения о вопросах, касающихся границ». В проекте отмечалось, что пограничная линия между СССР и Китаем неоднократно и незаконно передвигалась как местным населением, так и местными властями обеих стран. При этом демаркационные знаки перемещались, либо уничтожались. Поэтому советская сторона считала необходимым восстановить (редемаркировать) первоначальную линию российско-китайской границы в соответствии с пограничными соглашениями и протоколами. Кроме того, китайским представителям предлагалось заключить соглашение об охране и режиме границы. Для проработки конкретных вопросов предусматривалось создание специальной смешанной комиссии, компетенция и функции которой должны были быть определены пограничной подкомиссией⁴⁷.

Однако китайская делегация, ссылаясь на Соглашение от 31 мая 1924 г., выступила с требованием коренного пересмотра предшествующих договоров о границе. В обоснование этой позиции представители Китайской Республики заявляли, что «современная линия границ является результатом военной агрессии бывшего царского правительства». Настаивая на буквальном толковании ст.3 Соглашения от 31 мая 1924 г., китайская делегация утверждала, что пограничные договоры должны быть аннулированы также как и все остальные ранее подписанные двусторонние соглашения. 6 мая 1926 г. представитель Китая передал советскому представителю «Проект договора о проведении пограничной линии между Китайской Республикой и СССР», в котором советской стороне открыто предъявлялись широкие территориальные претензии. В частности, согласно Проекту дальневосточный участок советско-китайской границы должен был быть проведён в соответствии с Нерчинским договором 1689 г.⁴⁸

Радикальные требования китайской делегации так и не позволили сторонам прийти к каким-либо решениям. По предложению китайских представителей 26 июня 1926 г. конференция

прервала свою работу на каникулы. Однако в дальнейшем, вопреки пожеланиям советской стороны, работа конференции не возобновилась. Когда же в 1927 г. к власти в Китайской Республике пришёл Чан Кай Ши, дипломатические отношения между Пекином и Москвой были разорваны. Единственным международным документом, касающимся советско-китайской границы, который всё же удалось подписать в этот период, стали «Временные правила для плавания по рекам Амур, Аргунь и Уссури», введённые в действие с января 1928 г. по согласованию между представителями СССР и правительством трёх автономных восточных провинций Китая. Правила, по существу, подтвердили установленный ранее пограничный статус названных рек⁴⁹.

В целом необходимо признать, что советскому руководству не удалось воспользоваться относительно стабильной международной ситуацией в США 1922 – 1929 гг. для разрешения пограничных противоречий с Китаем, возникших в предшествующий период. Более того, дипломатические шаги, предпринятые им в данном направлении, в конечном счёте, привели к расшатыванию правового статуса дальневосточной границы двух стран. Причиной такого исхода послужила не только радикальная и нереалистическая, а затем и прямо враждебная СССР, позиция правящих кругов Китайской Республики, которая в немалой степени сложилась под влиянием антикоммунистической политики западных держав. Другой, не менее важной причиной этого явилась крайняя идеологизированность в 20-е гг. внешнеполитического курса и дипломатии самого советского руководства, игнорировавшего возможные последствия своих мотивированных глобальными революционными амбициями демаршей для долговременных, в т.ч. территориальных, интересов государства.

2. Состав и структура дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг.

На протяжении рассматриваемого периода 1854 – 1929 гг. состав и структура дальневосточной границы России как общественного объекта, подсистемы политической системы РДВ, претерпели значительную эволюцию, основой которой были взаимосвязанные процессы их специализации (дифференциации) и усложнения (интеграции). Вместе с тем, с точки зрения связей границы с другими подсистемами (экономической, социальной и

культурной) дальневосточного региона, её развитие характеризовалось очевидным запаздыванием. Решающим фактором подобной структурной динамики дальневосточной границы являлось состояние её правового компонента и в особенности его международно-правовой составляющей.

Айгунский, Тяньзиньский и Пекинский договоры устанавливали на российско-китайской границе, включая её дальневосточный участок, особый правовой режим. Его основание составляла свобода осуществлявшейся через сухопутную границу торговли, включая отсутствие каких-либо ограничений по числу вовлечённых в неё лиц, количеству провозимых товаров и используемых капиталов, а также беспошлинный порядок товарооборота. Кроме того, подданным обеих империй предоставлялось право свободного судоходства и торговли по течениям рек Амура, Уссури и Сунгари. Наконец, названные договоры гарантировали оказавшемуся на российской территории китайскому населению дальнейшее проживание на прежних местах и возможность ведения промысловой деятельности⁵⁰.

Свободный и беспошлинный режим двусторонней торговли был закреплён в подписанных в 1862 г., а затем подтверждённых в 1869 г. «Правилах для сухопутной торговли России с Китаем». Правила уточняли, что данный правовой режим распространяется на территорию в пределах 50-ти вёрст по обе стороны от линии границы. При этом порядок надзора за взаимной торговлей был оставлен на усмотрение каждого из государств⁵¹. В 1881 г. все положения предшествующих двусторонних соглашений, касавшиеся российско-китайской торговли, были вновь подтверждены Петербургским договором⁵². Режим российско-китайской границы, установленный названными международно-правовыми актами и сохранявшийся на протяжении полувека, по существу, размывал территориальный суверенитет обеих империй. В условиях свободы торговли, а значит и связанных с ней трансграничных миграций, предоставления прав проживания и хозяйственной деятельности в приграничных районах иноподданному населению, полноценный государственный контроль над границей, нормальное выполнение ею своих регулятивных функций были практически невозможны, поскольку потребовали бы сложных организационных механизмов и огромных материальных издержек. Хотя как с российской, так и с китайской стороны, на уровне внутреннего национального законодательства неоднократно предпринимались попытки к снижению чрезмерной проницаемо-

сти пролежавшего между ними рубежа, международно-правовые основания для решения этой проблемы появились только в 10-х гг. XX в.

В первые два десятилетия после установления границы между Россией и Китаем на Дальнем Востоке, какие-либо специальные национально-правовые акты, определявшие её структуру и функционирование, практически отсутствовали. Текущее решение этих вопросов осуществлялось на основании таких обще-административных правовых документов как «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г., «Положение об управлении Приморской области» 1856 г. и «Положение об управлении Амурской области» 1858 г. В соответствии с ними, попечение об охране границы, таможенном контроле и пограничных сношениях возлагалось на восточносибирского генерал-губернатора и военных губернаторов областей⁵³. Непосредственные обязанности по охранению дальневосточного участка рубежей империи, согласно «Положению об Амурском казачьем войске» 1860 г., несли расселённые вдоль него казаки⁵⁴.

По-видимому, единственным специальным нормативно-правовым документом о дальневосточной границе, изданным в это период, стало «Мнение Государственного совета об учреждении пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае» от 12 ноября 1869 г.⁵⁵ Данное решение было прямым следствием вооружённого конфликта, произошедшего между китайскими иммигрантами и российскими властями и населением юга Приморья в 1868 г., и известного как «манзювская война». Учреждение управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, осуществлявшего административный надзор над всеми видами трансграничных отношений, по существу, положило начало созданию специальных пограничных институтов на РДВ. Впрочем, дальнейшее институциональное обустройство дальневосточной границы происходило довольно медленно. Второе на РДВ управление пограничного комиссара, находившееся в Амурской области, было образовано лишь в 1896 г.⁵⁶

С 80-х гг. XIX в., под влиянием заселения и освоения дальневосточных земель и аналогичных, но происходивших с куда большим размахом, процессов в северо-восточных провинциях Китая, нормотворческая деятельность в сфере формирования и функционирования дальневосточной границы заметно активизируется. Прежде всего, выражением возросшего внимания Петербурга к дальневосточному участку российской границы стала

дальнейшая дифференциация её административно-территориальной и военной структуры. С созданием в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства⁵⁷ дальневосточные рубежи, их защита и охрана, государственный контроль над ними были выделены в особую и единую управленческую компетенцию этого нового института. С 1889 г. обязанности по охране границы в пределах Приморской области (от устья Уссури до морского побережья) были возложены на образованное тогда же Уссурийское казачье войско⁵⁸.

Целый ряд законов, изданных в 80-е – 90-е гг. XIX в., касались, прямо или косвенно, режима функционирования дальневосточной границы. Так, в 1882 г. решением Государственного Совета было отменено примечание к ст. 172 Уложения о наказаниях 1866 г., согласно которому китайцы, совершившие преступления на российской территории, должны были передаваться китайским властям⁵⁹. Лишение китайских подданных прежней «экстерриториальности» способствовало повышению действенности контроля над ними со стороны российской администрации и укрепляло политико-правовую значимость дальневосточной границы. Вместе с тем, следует отметить, что этот закон входил в прямое противоречие со ст. 7 Тяньцзиньского договора.

На укрепление безопасности и управляемости государственных рубежей России на Дальнем Востоке был направлен и закон 1886 г. о воспрещении «прибывающим в Россию корейцам и другим из китайских и корейских пределов выходцам» селиться в пограничных местностях⁶⁰. Данный закон должен был ограничить значительно возросший в 80-е гг. иммиграционный приток и, по сути, остановить расширение функционального пограничного пространства вглубь РДВ.

Активным участником процесса формирования правового компонента системы дальневосточной границы в рассматриваемый период становятся власти Приамурского края. Уже в 1884 г. первым генерал-губернатором Приамурья А.Н. Корфом были изданы Временные правила о порядке выдачи китайским подданным русских билетов. Правила обязывали всех китайцев, не проживавших на территории края до 1860 г., визировать при переходе российской границы национальные паспорта, а затем в течение месяца получать в административных и полицейских учреждениях билеты, т.е. виды на жительство в России, действительные на срок до 1 года. За визирование паспортов и выдачу билетов с иммигрантов взимались денежные сборы. Нарушители

правил могли быть в принудительном порядке выдворены на родину. В 1889 г. аналогичные меры были распространены и на прибывавших в край корейцев⁶¹.

Установленные в 1884 г. Временные правила позднее неоднократно продлевались, корректировались и совершенствовались⁶². Послужив исходной основой становления на РДВ системы паспортно-визового и миграционного контроля, важную роль в котором играли институты границы, они фактически оставались ядром нормативной базы этой системы до 1917 г.

На рубеже XIX и XX вв. в развитии нормотворчества о дальневосточной границе происходят показательные изменения. При, по-прежнему, значительном месте, отводившемся в нём общеадминистративному, военно-охранному и миграционному аспектам границы, заметно возрастает удельный вес норм, регламентирующих экономические функции последней. Обострившийся интерес к дальневосточной границе как к экономическому рубежу был объективно обусловлен двумя важнейшими процессами. Во-первых, с конца XIX в., в особенности благодаря строительству Транссибирской магистрали, дальневосточный регион становится, хотя и весьма специфической, но всё же частью национального рынка России, вследствие чего проблема прозрачности его внешних границ приобретает общероссийскую значимость. Во-вторых, в это же время, в условиях активного проникновения российского капитала в Северо-Восточный Китай, происходит резкая интенсификация торговых связей РДВ с Манчжурией. Вызванные этими процессами дискуссии и политическая борьба между сторонниками свободной торговли («порто-франко») и протекционизма повлекли за собой ряд законодательных решений, оказавших существенное влияние на эволюцию дальневосточной границы.

В 1900 г. по утверждённому царём 10 июня решению Государственного Совета действовавший в Приамурском крае режим «порто-франко» был отменён. Однако для товаров китайского происхождения беспошлинный порядок ввоза сохранялся. Половинчатое решение вопроса привело к тому, что под видом китайских, через почти не закрытую таможенными сухопутную границу на РДВ стали ввозиться товары японского и европейского производства. Поскольку пределы 50-верстой приграничной полосы беспошлинной торговли практически ни кем не контролировались, эти товары свободно распространялись по всему дальневосточному региону и далее по России⁶³.

Впрочем, процесс экономической трансформации дальневосточной границы под влиянием нового законодательства вскоре был прерван. В связи с начавшейся русско-японской войной 1 мая 1904 г. «порто-франко» на РДВ было восстановлено. Окончательная его отмена произошла только с принятием закона от 16 января 1909 г. При этом, вывозимые в Китай товары пошлиной не облагались, также как и широкий перечень продуктов, поступавших из этой страны в Россию. В пределах 50-вёрстной приграничной полосы торговля по-прежнему оставалась свободной⁶⁴. В результате в Приамурский край вновь хлынул мощный поток контрабанды из-за китайской границы.

В 1913 г., при продлении действия Петербургского договора 1881 г., российское правительство изъяло из него статью, устанавливавшую свободный и беспошлинный порядок российско-китайской торговли в пределах 50-вёрстной полосы⁶⁵. Этот важный и давно назревший шаг, явившийся закономерным следствием избранного ранее внутривосточного курса, создавал предпосылки для ускорения исторического развития всей системы дальневосточной границы. Данным решением были сняты международно-правовые препятствия для превращения российско-китайской границы на Дальнем Востоке в полноценный таможенный рубеж, способный обеспечивать экономическую безопасность региона и страны в целом. С ликвидацией особого торгового режима экономическое пограничное пространство вдоль российско-китайской границы с формально-юридической точки зрения значительно сжалось, вплотную приблизившись к пограничной линии.

Примерно в эти же годы происходило совершенствование правовой базы функционирования дальневосточной границы и в сфере регулирования международных социальных отношений. В апреле 1912 г. приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти были внесены изменения в правила, определявшие порядок паспортного контроля и учёта иммигрантов. Новые нормы обязывали иностранцев, прибывавших в регион предъявлять национальные паспорта, завизированные российскими консулами, а также приобретать билеты (виды на жительство) непосредственно при пересечении границы⁶⁶. С 1 июля 1912 г. правила, предусматривающие приобретение особых билетов при переходе российской границы, были введены генерал-губернатором Приамурья и для «порубежных жителей», посещавших край в пределах 50-вёрстной полосы⁶⁷. С изданием этих нормативно-правовых

документов основные функции паспортно-визового контроля и миграционного учёта были сосредоточены в органах, действующих на самой границе (пограничная охрана и полиция), либо на территории сопредельных государств (российские консульства в Китае и Корее).

Таким образом, к началу 10-х гг. XX в. появились важнейшие международно- и национально-правовые основания для приведения российских рубежей на Дальнем Востоке к принятым в мировой (или, во всяком случае, западной) практике стандартам государственной границы, границы линейного типа. Однако завершить процесс трансформации дальневосточной границы в рамках рассматриваемого в данной главе периода так и не удалось. Важную роль в его затягивании сыграли известные военные и общественно-политические потрясения последующих лет в России и в мире в целом.

Процесс формирования советского законодательства о государственной границе начался ещё до окончания гражданской войны и включения дальневосточных территорий в состав Советской России. Важнейшим решением, определившим особенности организации и функционирования границ страны на весь советский период её истории, стало постановление Совета Труда и Оборона от 24 ноября 1920 г., возлагавшее всю ответственность за их охрану на ВЧК. В ведении Народного комиссариата торговли, выполнявшего эту функцию ранее, был оставлен лишь таможенный надзор. В июле 1921 г. было утверждено первое Положение об охране границ РСФСР⁶⁸.

27 сентября 1922 г. постановлением СТО и СНК РСФСР в системе войск ГПУ (бывшего ВЧК) создаётся Отдельный пограничный корпус. В его состав были переданы все части и соединения пограничных войск, подчинявшиеся Наркомату по военным делам. Тем самым, охрана государственных границ была организационно отделена от их собственно военной обороны и полностью сосредоточена в сфере компетенции органов политической (государственной) безопасности⁶⁹.

С присоединением РДВ к РСФСР в октябре 1922 г. на него было распространено действие названных выше норм советского законодательства. Таким образом, было положено начало ликвидации правовой, а вслед за ней также институциональной и функциональной, специфики дальневосточных границ, присущей им на протяжении всего дореволюционного периода. Показательно, что данный процесс развернулся в первую очередь имен-

но в военно-политической сфере пограничного регулирования, как имеющей приоритетную значимость для советского государства.

Однако в силу объективных обстоятельств, и, прежде всего, недостатка материально-технических ресурсов, процесс приведения охраны дальневосточных рубежей СССР в соответствие с требованиями общегосударственного законодательства не мог быть быстрым. Если в европейской части страны эта работа была в основном завершена к 1927 г., что нашло отражение в утверждённом (15 июня 1927 г.) ВЦИК и СНК СССР новом «Положении об охране государственной границы»⁷⁰, то на Дальнем Востоке она осуществлялась с определённым запаздыванием.

Реализация нормативных положений, направленных на организационную перестройку, унификацию и централизацию системы охраны границы в дальневосточном регионе завершается в целом лишь к началу 30-х гг., при чём их ускорению в немалой степени способствовало ухудшение международной обстановки. И, хотя практика военно-политического функционирования дальневосточной границы не утратила своих особенностей в полной мере и позднее, решающий шаг по её интеграции в единое правовое поле страны был сделан именно в 20-е гг. XX в.

Сходным образом, с точки зрения основных тенденций, шло развитие законодательства и в сфере пограничного контроля. Советские законы, постепенно вводившиеся в регионе с 1922 г., унифицировали организационную структуру таможенного и миграционного контроля на Дальнем Востоке и подчинили его осуществление общегосударственным интересам. Так, важной вехой в истории дальневосточной таможни явилась реализация созданного в 1924 г. первого общесоюзного Таможенного устава. Сводя воедино изданные ранее нормативные документы, Устав зафиксировал сложившую ранее четырёхзвенную структуру таможенных органов, включавшую в себя Главное таможенное управление и его территориальные отделения, районные таможенные инспекторские управления, таможни и таможенные посты. В Уставе были определены основные задачи таможенного контроля, особое место среди которых отводилось борьбе с контрабандой. Рост значимости данной функции был связан с введением в том же 1924 г. единого таможенного тарифа, который существенно повысил пошлины на ввоз в страну потребительских товаров⁷¹.

Аналогичным обобщающим нормативным документом в сфере миграционного контроля стало «Положение о въезде в

СССР и выезде из СССР», утверждённое Президиумом ВЦИК в 1925 г. В соответствии с ним, выдача виз на въезд иностранцев была закреплена за местными органами НКВД (т.е. за милицией), а визирование паспортов выезжающих за границу советских граждан – за органами Наркомата иностранных дел⁷².

Рассмотрение эволюции состава, структуры и функций дальневосточной границы с точки зрения правовых норм способно привести к серьёзным искажениям в оценке уровня её исторического развития. Как в дореволюционный период, так и в 20-е гг. реальная система изучаемой границы в своей целостности изменялась со значительным запаздыванием и во многом отличалась от нормативной модели. Причины этого были связаны, как правило, с состоянием остальных компонентов системы границы, и, прежде всего, институционального и материально-технического.

Институциональная структура дальневосточной границы начала формироваться уже в ходе её фактического установления Россией в 1854 – 1858 гг., т.е. во многом опережая процесс не только внутреннего, но и международно-правового оформления нового рубежа. Защита и охрана пограничной линии, а также общий контроль над ней с этого времени оказались в ведении Военного министерства, осуществлявшего данные функции силами регулярных и казачьих войск. При этом, регулярная армия (а точнее, линейные батальоны Восточно-Сибирского военного округа) выполняла пограничные функции в пределах главным образом Южно-Уссурийского края, тогда как на всём остальном протяжении дальневосточной границы империи их несли казаки Амурского казачьего войска (АКВ). Это положение сохранялось вплоть до 1869 г., когда для охраны южно-уссурийского участка границы было сформирована специальная военная часть – Уссурийская казачья сотня, комплектовавшаяся как из солдат линейных батальонов, так и из забайкальских и амурских казаков⁷³. С 1879 г., в связи с заселением казаками пограничной полосы между с. Турий Рог и р. Суйфун (Раздольная), основные обязанности по охране и контролю за данным участком границы окончательно переходят к казачеству⁷⁴. Армейские подразделения с этого времени продолжали нести ответственность лишь за отдельные пункты пограничной линии.

В соответствии с «Положением об АКВ» 1860 г., для несения полевой службы, частью которой являлась охрана границы, войско должно было выставлять два конных полка и два пеших батальона⁷⁵. Однако малочисленность населения войска не позво-

ляла комплектовать эти строевые части в полном составе. Ввиду этого с 1879 г. состав выставляемых АКВ частей был ограничен одним 6-сотенным конным полком и двумя 3-сотенными пешими полубатальонами в военное время, и двумя конными и двумя пешими сотнями – в мирное⁷⁶.

После создания самостоятельного Уссурийского казачьего войска (УКВ), принявшего на себя охрану границы на участке от устья Усури до морского побережья, в 1890 г. Уссурийский пеший полубатальон был переформирован в 3-сотенный конный казачий дивизион, в мирное время выставлявший одну сотню. В свою очередь, в АКВ с 1895 г. полевую службу в мирное время определено было нести 3-сотенному конному полку⁷⁷.

С начала XX в., по мере роста численности населения АКВ и УКВ, количество казаков, направляемых ими на пограничную (кордонную) службу, постепенно возрастало. Так, в 1912 г. на УКВ в мирное время была возложена обязанность выставлять 3-сотенный конный дивизион. АКВ в эти же годы для несения действительной службы формировало из своих казаков 6-сотенный конный полк. Кроме того, оба войска с 1897 г. совместно комплектовали Амурско-Уссурийскую казачью флотилию (в составе 5 судов и 50 чел. экипажа), обеспечивавшую наблюдение за речной частью дальневосточной границы⁷⁸.

Находившиеся на действительной службе части АКВ и УКВ дислоцировались на сухопутном участке границы, к югу от течения р. Усури. В конце 80-х гг. XIX в. на этом во многих отношениях наиболее уязвимом 500-вёрстном отрезке границы существовало 3 караула (места базирования сотен) и 9 охраняемых казаками пограничных постов. Между караулами и постами циркулировали казачьи разъезды, осуществлявшие наблюдение за линией границы⁷⁹. Сложившаяся в это время система охраны границы, состоящая из таких звеньев как караул – пост (позднее, застава) – разъезд (пикет), несмотря на некоторые изменения в количестве и расположении охраняемых пунктов, в целом сохранялась вплоть до гражданской войны⁸⁰.

В порядке отправления кордонной службы казачьи сотни в южном Приморье подчинялись южно-уссурийскому пограничному комиссару, военному губернатору Приморской области и (с 1884 г.) генерал-губернатору Приамурского края. Названные должностные лица разрабатывали и утверждали инструкции, определявшие круг конкретных обязанностей казаков на границе⁸¹. Согласно первой такой инструкции, изданной в 1869 г., кордон-

ная служба казаков включала в себя разведку и предупреждение возможных вторжений китайских хунхузов, задержание подозрительных лиц, а также всех лиц без паспортов. В дальнейшем перечень обязанностей пограничников (из числа, как казаков, так и военнослужащих регулярных войск) неуклонно расширялся и уточнялся. Накануне первой мировой в него, помимо собственно охраны границы, входили различные задачи паспортно-визового, миграционного, таможенного, санитарного и ветеринарного контроля⁸².

Помимо строевых частей, в защите, охране границы и, в определенной мере, выполнении на ней контрольных функций, участвовало и остальное население казачьих войск. Этому способствовало само расположение казачьих станиц и посёлков АКВ и УКВ, цепь которых тянулась вдоль дальневосточной границы почти на всём её протяжении. По существу, казачьи станицы и посёлки играли роль пограничных постов. В случае появления хунхузов или при объявлении тревоги на пограничной линии, из находившихся по месту жительства казаков составлялась поселковая стража, которая должна была обеспечить наблюдение и задержание нарушителей границы на близлежащей территории. При угрозе нападения хунхузов на сами казачьи поселения, всё их мужское население, способное носить оружие (в возрасте от 16 до 55 лет), образовывало поселковое ополчение во главе с поселковыми, станичными атаманами и войсковыми офицерами⁸³. Если в южном Приморье казачье население являлось вспомогательной силой по отношению к строевым пограничным частям, то для охраны речного участка дальневосточной границы по Усури и Амуру оно имело ключевое значение.

Малая численность АКВ и УКВ и ограниченность их строевых штатов, вынуждали власти искать дополнительные источники для усиления охраны дальневосточных рубежей. Так, с начала 80-х гг. XIX в. на границу с Кореей были направлены две сотни ЗКВ, а накануне первой мировой в охране дальневосточных границ участвовал уже конный полк (1-й Нерчинский) забайкальских казаков. По окончании русско-японской войны было увеличено присутствие на границе регулярных войск. В 1906 г. к охране государственных рубежей южного Приморья приступил Приморский драгунский полк. Выставленные им пограничные заставы и пикеты заменили существовавшие ранее заставы стрелковых линейных частей. В июне 1908 г. на РДВ впервые появились подразделения Отдельного корпуса пограничной

стражи. Это были две сотни пограничников, откомандированных из располагавшегося в Маньчжурии Заамурского округа пограничной стражи. Одна из них была направлена для несения охранной службы по Амуру, а другая – в Южно-Уссурийском крае⁸⁴.

К числу государственных институтов, в ведении которых входили вопросы функционирования границы, в дореволюционной России относилась и полиция. На Департамент полиции, принадлежавший к системе органов Министерства внутренних дел, помимо прочего, возлагалось заведование делами «об охране и возобновлении государственной границы; о пограничных сообщениях; о снабжении иностранцев видами на проживание в России и высылке иностранцев»⁸⁵. На РДВ к охране границы полицейские чины (исключая наделённую полицейскими функциями местную казачью администрацию) привлекались редко. Однако роль полиции в осуществлении миграционного учёта и контроля в регионе была весьма значима. С 1885 г. в Приморской, и с 1886 г. в Амурской области городские и окружные полицейские управления приступили к выдаче русских билетов, сначала китайским, а позднее и корейским иммигрантам. Иностранцев, нарушавших правила паспортного и билетного режима, полиция получила право штрафовать, либо высылать за границу⁸⁶. С 1912 г., когда иммигранты были обязаны приобретать русские билеты сразу при пересечении границы, представители полиции стали участвовать в выполнении функций миграционного учёта и контроля непосредственно на пограничной линии.

В начале XX в. на материковых рубежах Приамурского края начинается создание сети органов таможенного контроля, подведомственных Министерству финансов⁸⁷. До этого пограничный контроль над торговыми отношениями осуществлялся лишь на участке российско-корейской границы, где на основании подписанных в 1888 г. сторонами «Правил о пограничных сношениях и торговле» была учреждена Красносельская таможенная застава⁸⁸. Организация таможен на границе России и Китая развернулась после принятия в 1900 г. закона об отмене в Приамурском крае режима «порто-франко». С 1902 по 1904 гг. на российско-китайской границе появилось 6 таможенных застав (Лохасская, Благовещенская, Хабаровская, Пограничная, Хунчунская, Посьетская) и 3 переходных пункта (Иманский, Полтавский и Платоно-Александровский)⁸⁹.

Созданные таможенные органы взимали пошлины с ввозимых в край иностранных товаров, за исключением китайских. Из

числа последних обложению подлежали только чай и серебро. Кроме того, к ввозу на территорию России были запрещены китайские хлебное вино и водка⁹⁰.

После повторной отмены порто-франко в 1909 г. и ликвидации в 1913 г. 50-вёрстной полосы беспошлинной торговли процесс строительства системы таможенного контроля на дальневосточной границе был продолжен. В связи с резким ростом объёмов подлежащего обложению импорта (в том числе, из Китая) количество таможенных учреждений в регионе было существенно увеличено, а их штаты расширены. К 1915 г. на территории Приамурского края действовало в общей сложности 94 таможенных учреждения разного ранга⁹¹. Кроме того, в 1911 г. в дополнение к существующим в крае органам контроля над трансграничными экономическими отношениями, была создана (также подчинённая финансовому ведомству) корчемная стража, задачей которой являлось пресечение контрабанды подакцизных товаров, т.е. прежде всего, алкогольной продукции⁹².

Сложная система региональных институтов границы различной ведомственной принадлежности, объективно нуждалась в оперативном координирующем и управляющем центре. На областном уровне в качестве таких центров выступали южно-уссурийский и амурский пограничные комиссариаты, образованные соответственно в 1869 и 1896 гг., и непосредственно подчинявшиеся губернаторам своих областей и приамурскому генерал-губернатору⁹³. Обладая весьма незначительными штатами (в распоряжении южно-уссурийского погранкомиссара находилось только 3, а амурского – 2 переводчика), они, по существу, решали весь комплекс текущих задач по защите, охране и контролю протяжённых участков дальневосточной границы. При этом в целях защиты и охраны пограничной линии погранкомиссары осуществляли оперативное руководство размещёнными вдоль неё армейскими и казачьими подразделениями, а в сфере миграционного и торгового контроля – взаимодействовали с полицейскими и таможенными органами Приморской и Амурской областей⁹⁴.

Эта обширная компетенция не исчерпывала, однако, всех обязанностей пограничных комиссаров. Помимо указанного, они осуществляли дипломатические функции, участвуя в урегулировании международных (в т.ч. территориальных) споров и выполняя консульскую работу, а также вели разведывательную деятельность в приграничных районах Китая и Кореи⁹⁵. С созданием в 1906 – 1912 гг. в Китае и Корее ряда российских консульств, им

была передана часть возлагавшихся на погранкомиссариаты дипломатических функций, а также обязанности по визированию иностранных паспортов и предотвращению ввоза в край из-за рубежа контрабанды. Однако и после этого, в т.ч. по причине нечёткости разграничения полномочий консулов и пограничных комиссаров, сфера ответственности последних оставалось чрезвычайно широкой⁹⁶. В итоге, погранкомиссариаты, так и не смогли стать в полном смысле специализированными пограничными институтами, что, безусловно, снижало эффективность их работы.

В целом, наиболее существенными общими недостатками институционального компонента системы дальневосточной границы в дореволюционный период являлись его слабая организационная обособленность в структуре государственного управления, множественная ведомственная подчинённость (Военное министерство, МВД, Министерство финансов, МИД), нечёткость и противоречивость в регламентации его функций. Вплоть до 1917 г. так и не был завершён процесс функционального разделения пограничных институтов, в результате чего основную нагрузку не только по защите и охране границы, но и по контролю над трансграничными экономическими и социальными отношениями продолжали нести мало пригодные для решения такого рода задач регулярные войска и казачество.

Создание на Дальнем Востоке советских пограничных институтов началось осенью 1922 г. и осуществлялось в соответствии с нормами действовавшего на тот момент общегосударственного законодательства. Согласно этим нормам, все части пограничной охраны были объединены в специализированную и централизованную структуру Отдельного пограничного корпуса, подчинённого руководству ГПУ. К началу 1923 г. в регионе организуются губернские отделы ГПУ (Амурский, Приамурский и Приморский) во главе с Полномочным Представительством ГПУ по Дальнему Востоку. В июне 1923 г. для управления охраной государственной границы в Полномочном Представительстве ГПУ создаётся часть пограничной охраны. Аналогичные части появляются и в отделах ГПУ губернского уровня. Непосредственную службу по охране дальневосточной границы в первые годы советской власти несли переданные в ведение ГПУ Наркоматом по военным делам 8 пограничных эскадронов и два отдельных погранбатальона⁹⁷.

С 25 февраля 1924 г. в организационную структуру пограничных войск СССР вносятся существенные изменения. Вместо различных вариантов их территориального деления была введена единообразная четырёхуровневая структура, состоявшая из округов, отрядов, комендатур и застав. Эта введённая в 1924 г. структура пограничных войск в основе своей сохранялась до недавнего времени. В 1924 – 1925 гг. соответствующая реорганизация развернулась и на дальневосточных рубежах страны. Вместе с тем, в связи с нехваткой личного состава и материальных ресурсов, на Дальнем Востоке, в отличие от западных районов СССР, не были созданы такие низовые звенья новой организации пограничной охраны как посты и дозоры. Их роль на дальневосточной границе выполняли разъезды⁹⁸.

В целом, к середине 20-х гг. XX в. советским властям удалось построить централизованную и унифицированную систему пограничной охраны, которая охватывала дальневосточную границу на всём её материковом протяжении. В соответствии с «Положением об охране государственной границы СССР» 1927 г. основными задачами этой системы являлись обеспечение нерушимости границы, политическая охрана (включая пресечение незаконной переброски в пределы СССР литературы и оружия, а также перехода границы с целью организации контрреволюционных выступлений) и борьба с контрабандой⁹⁹. При этом, на Дальнем Востоке важнейшей из функций органов пограничной охраны в 20-е гг. было противодействие вторжениям на советскую территорию политических и уголовных банд из Китая. Значительные масштабы и высокая интенсивность трансграничного бандитизма в этот период вынуждали региональное руководство пограничной охраны ОГПУ регулярно привлекать к борьбе с ним войсковые части и милицию¹⁰⁰. Необходимость сосредоточения основных сил и средств на борьбе с бандитизмом, безусловно, оказывала негативное влияние на реализацию остальных функций пограничной охраны, и в т.ч. обязанностей по пресечению контрабандной деятельности. Что же касается предотвращения незаконной трансграничной миграции неполитического характера, то в 20-е гг. эта обязанность не входила в число основных задач пограничных органов.

Основную работу по учёту и контролю трансграничных миграций в 20-е гг. в регионе вели местные органы милиции, входившие в структуру НКВД. Их формирование началось в 1922 г., а в мае 1923 г. на Дальнем Востоке была введена в действие ин-

струкция НКВД от 14 февраля 1921 г. «О выдаче видов на жительство иностранным гражданам», отменившая сохранявшуюся до этого момента «билетную систему». Инструкция требовала от иностранных подданных наличия у них национальных паспортов, имеющих визы полномочных советских представителей за границей. В течение двух месяцев со дня оформления визы иностранец должен был подать в губернское управление внутренних дел заявление на предмет получения вида на жительство. Вид на жительство выдавался на срок до 6 месяцев с возможностью продления. При отъезде за границу вид на жительство обменивался на изъятый национальный паспорт¹⁰¹. Нарушители паспортно-визового режима выдворялись милицией за пределы страны. Правовое оформление новой системы учёта и контроля завершилось 5 июня 1925 г., с утверждением Президиумом ЦИК СССР «Положения о въезде в СССР и выезде из СССР». Этим документом и прилагавшейся к нему инструкцией на органы НКВД возлагалась функция выдачи заграничных паспортов выезжающим за рубеж советским гражданам и виз для иностранцев. Визирование выездных документов производилась органами НКВД¹⁰². Данная система миграционного учёта и контроля в целом продолжала действовать до начала 30-х гг.

С установлением на Дальнем Востоке советской власти на границе возобновилось функционирование таможенных органов, переданных в ведение Наркомата внешней торговли. В Дальневосточной области был образован Дальневосточный таможенный округ, включавший в себя Читинский, Благовещенский и Владивостокский участки, в составе которых работало 33 таможи I, II и III разряда и 94 таможенных поста¹⁰³. Сеть советских местных таможенных органов создавалась на базе дореволюционных учреждений и первоначально сохраняла организационную преемственность с ними. Однако подчинение таможенной политики обеспечению государственной монополии на внешнюю торговлю не могло не повлечь в дальнейшем изменений в функциях и структуре дальневосточной таможни. Обслуживание населения и частных предпринимателей в деятельности таможенных органов постепенно уступало место контролю внешнеторговых операций государственных предприятий. В результате общий объём нагрузки на таможню снизился. Следствием этого стало сокращение числа таможенных учреждений и, прежде всего, находившихся в сельской местности региона. Данная тенденция сохранялась на протяжении всех 20-х гг.

Согласно Таможенному уставу 1924 г., введённому на Дальнем Востоке в 1925 г., таможенные органы региона получили новую организацию и структуру управления. Дальневосточный таможенный округ был упразднён. Вместо него было создано Дальневосточное отделение Главного таможенного управления Наркомата внешней торговли, которому подчинялись районные таможенные управления, таможни и таможенные посты¹⁰⁴.

Введение Таможенного устава способствовало более активному включению таможенных органов в борьбу с перевозкой через границу контрабанды. Таможенники получили право производить конфискацию контрабандных товаров, налагать на виновных штрафы и привлекать их к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством. При крупных таможнях региона были созданы комиссии и оперативные группы по борьбе с контрабандой¹⁰⁵. Борьба с контрабандой осуществлялась таможенными органами в тесном взаимодействии с пограничной охраной ОГПУ. В условиях неуклонного сужения легальных возможностей для ведения населением и частным капиталом трансграничной торговли эта борьба по существу превращается в главную форму регулирования последней со стороны органов таможенного контроля.

Таким образом, основным содержанием институциональной истории дальневосточной границы в 20-е гг. стало восстановление входивших в её систему ранее (правоохранительных и таможенных) и создание новых (специализированных погранохранных) учреждений, а также приведение (полностью в эти годы не завершённое) их функций и структуры в соответствие с общегосударственными стандартами. При этом, если организация охраны границы в регионе в данный период (по сравнению с дореволюционным временем) была в значительной мере укреплена и усовершенствована, то добиться подобной же оптимизации и адаптации к общественным интересам структуры контрольных органов советской власти не удалось. Подобная неравномерность в развитии институционального компонента дальневосточной границы была обусловлена не только объективными факторами, но и во многом являлась отражением собственных приоритетов политики советского государства, которые в полной мере проявились уже в 30-е гг.

Действенность правовых норм и качество функционирования институтов границы в немалой степени зависят от того, в какой мере государственная пограничная политика обеспечена матери-

альными ресурсами. В историческом развитии дальневосточной границы России роль этого фактора была особенно велика, нередко же она оказывалась решающей. Не будет преувеличением сказать, что хронический и огромный по своему масштабу недостаток материальных ресурсов (в самом широком значении этого понятия) являлся одним из главных источников специфики структуры и исторической динамики дальневосточных рубежей.

Первой и важнейшей проблемой, с которой столкнулось строительство системы государственной границы на РДВ, было обеспечение охраны новых рубежей страны людьми. Крайняя малочисленность населения и государственных (военных и гражданских) служащих в регионе, равно как и нехватка финансовых средств, заставили правительство сделать основную ставку в охране дальневосточной границы на казачество. Выполняя, при минимальной поддержке со стороны казны, одновременно колониционные, хозяйственные и охранные задачи, казачество было оптимальным инструментом государственной пограничной политики в наиболее тяжёлые первые десятилетия утверждения российской власти на юге Дальнего Востока. К 1862 г. размещённое вдоль речной границы по Амуру и Уссури население АКВ насчитывало более 16 тыс. чел.¹⁰⁶, а к 1917 г. общая численность дальневосточных (амурских и уссурийских) казаков достигла 84 тыс. чел.¹⁰⁷

Однако обременённое собственным хозяйством и многочисленными войсковыми и государственными повинностями казачье население объективно не могло уделять охране границы достаточного внимания. Более действенной силой в этом отношении являлись строевые казачьи части. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. их численность и значимость в охране дальневосточной границы постепенно возрастали. Впервые приступившая к несению на РДВ пограничной службы в 1869 г. Уссурийская казачья сотня (набиравшаяся как из казаков, так и из служащих регулярных войск) включала в себя по штату всего 149 офицеров и строевых нижних чинов¹⁰⁸. Накануне первой мировой войны на южноприморском участке дальневосточных рубежей страны несли службу уже два казачьих конных полка (1-й Нерчинский ЗКВ и 2-й Амурский АКВ) и один конный дивизион (Уссурийский УКВ)¹⁰⁹. Их штатная численность в общей сложности должна была составлять около 2100 чел.

Достаточно эффективно выполняя собственно защитные и охранные функции, заключавшиеся, прежде всего, в противодей-

ствии вооружённым вторжениям хунхузских банд, казачьи части, вместе с тем, оказались мало пригодны для решения задач пограничного контроля. Помимо того, что обязанности по миграционному, таможенному, санитарному и ветеринарному контролю существенно усложняли и без того тяжёлую пограничную службу, их должное осуществление требовало определённых знаний и специальной подготовки, каковыми казаки в большинстве своём не обладали. Наконец, возложение на представителей казачества контрольных функций зачастую создавало прямой конфликт интересов, ведь в использовании труда китайских и корейских иммигрантов и контрабандной торговле в дореволюционный период участвовала значительная часть населения УКВ и АКВ.

Последнего из названных недостатков были лишены регулярные войска, привлечение которых к охране дальневосточной границы существенно расширяется по окончании русско-японской войны. В эти годы к службе на внешних рубежах Приамурского края приступили Приморский драгунский полк и две сотни пограничной стражи Заамурского округа. Общая численность строевых чинов этих частей составляла свыше 1200 чел.¹¹⁰ Однако, с точки зрения своей подготовленности к выполнению функций пограничного контроля, служащие регулярных войск мало чем отличались от казаков.

Таким образом, к началу первой мировой совокупную численность личного состава сил, охранявших дальневосточную границу (с учётом отвлечения части чинов Приморского драгунского полка на охрану морского побережья и неполной укомплектованности штатов частей) можно оценить примерно в 3 тыс. чел. Подобная численность давала возможность противодействовать вторжениям на российскую территорию вооружённых банд, однако качественная специфика состава охранных частей и, прежде всего, слабая профессиональная подготовка и низкая мотивация казаков и военнотружеников, не позволяла им должным образом обеспечивать пограничный контроль.

Первые подразделения советской пограничной охраны, появившиеся на Дальнем Востоке, были крайне малочисленны¹¹¹. Однако в последующие годы их штатный состав устойчиво возрастал. На 25 июля 1925 г. на материковой границе СССР в пределах ДВО несли службу уже 2282 чел.¹¹², что, с учётом большей протяжённости государственных рубежей области в сравнении с Приамурским краем, составляло около половины от рассчитанной выше численности охраны предреволюционного времени.

Достичь сопоставимых с последней количественных показателей личного состава дальневосточным пограничным войскам ОГПУ удалось к концу 20-х гг.

Заметно улучшились в 20-е гг. качественные характеристики кадров пограничной охраны в регионе. Этому способствовало, прежде всего, её освобождение от многих контролирующих функций, создававшее условия для сосредоточения внимания пограничников на борьбе с незаконным перемещением через границу людей и товаров. Более узкая специализация работы пограничной охраны послужила предпосылкой для начала формирования в советский период соответствующей системы профессионального образования. Её строительство развернулось с 1918 г., а в 1925 г. в её структуру входили Высшая пограничная школа, четыре окружные пограншколы и более 30 различных курсов. Уже в первой половине 20-х гг. специальную подготовку в этих учебных заведениях смогла получить значительная часть командного состава пограничных войск ОГПУ на Дальнем Востоке¹¹³.

Иные исторические тенденции имела динамика кадрового состава органов, отвечавших за торговый (таможня) и миграционный (полиция) контроль. В дореволюционный период своего максимального уровня численность их сотрудников в Приамурском крае достигла в 10-е гг. XX в. В это время в таможенных учреждениях края работало несколько сотен государственных служащих и вольнонаемных досмотрщиков. Кроме таможенников, с 1911 г. борьбу с контрабандой подакцизных товаров в крае вели 200 объездчиков и 50 контролёров корчемной стражи¹¹⁴. Штаты же городской и окружной полиции юга Дальнего Востока в эти годы насчитывали 333 единицы¹¹⁵.

В советский период общие штаты таможенной службы на Дальнем Востоке первоначально даже возросли. В первой половине 20-х гг. численность сотрудников Дальневосточного таможенного округа превысила 1000 чел.¹¹⁶ Впрочем, происходило это в основном за счёт крупных портовых таможен, тогда как штаты таможенников на материковой границе региона сокращались. Со второй же половины 20-х гг. сокращение численности таможенных служащих в регионе становится повсеместным, и их общее количество уменьшается в несколько раз.

Сходную направленность имела динамика личного состава дальневосточной милиции. Если в 1922 г. штатная численность сотрудников милиции ДВО (без Забайкальской и Прибайкаль-

ской губерний) составляла 2092 чел., то к 1926 г. она сокращается до 1049 чел., т.е. в 2 раза.¹¹⁷

Количественные и качественные параметры кадрового состава органов пограничной охраны и контроля, обеспеченность их деятельности техническими средствами и инфраструктурой в решающей степени зависели от источников, объёмов и порядка получаемого ими снабжения и финансирования. Вплоть до начала XX в. объёмы финансирования и снабжения государством системы дальневосточной границы в целом были весьма незначительны. По существу, относительно регулярное и достаточное централизованное финансирование и снабжение в этот период получали лишь привлекавшиеся к охране границы армейские части. Казаки, составлявшие основную часть пограничной охраны, оплачивали расходы, связанные с несением службы, включая затраты на лошадей, обмундирование, снаряжение и холодное оружие, за свой счёт. Казна обеспечивала служащих казаков только огнестрельным вооружением и провиантом. На казённые средства были приобретены и суда Амурско-Уссурийской флотилии, но содержание последней возлагалось на войсковые капиталы АКВ и УКВ¹¹⁸.

«Самоокупаемость» казачьей службы, её дешевизна для государства долгое время рассматривались представителями власти в качестве одного из важнейших преимуществ казачества перед регулярными войсками. Однако реализовать это преимущество было возможно лишь при достаточно высоком уровне благосостояния казачьего населения. Несмотря на постепенное укрепление казачьего хозяйства в регионе, большинство амурских и уссурийских казаков вплоть до 1917 г. подобного уровня достатка достичь так и не смогло. Это негативно сказывалось на исполнении дальневосточным казачеством строевой, в т.ч. пограничной, службы. О нерешённости этой проблемы, в частности, свидетельствуют выводы финансовой ревизии, проведённой в АКВ и УКВ в 1909 г.: «Мобилизационное дело поставлено плохо, материальная подготовка казаков недостаточная ни по количеству и качеству людей, ни по состоянию обмундирования»¹¹⁹.

Крайне скудным до конца XIX в. оставалось централизованное финансирование дальневосточной полиции. В связи с этим, в регионе была широко распространена практика найма дополнительных полицейских служащих за счёт городских властей и местного населения¹²⁰. Тем не менее, и это не позволяло существенно увеличить численность полиции, сил которой явно не хва-

тало даже для поддержания элементарного правопорядка, не говоря уже о решении такой не первоочередной задачи как налаживание миграционного учёта и контроля. Более того, применение различных слабо регламентированных законодательством «общественных» форм финансирования полиции способствовало укоренению в её работе таких явлений как непрофессионализм и коррупция. Это в полной мере относилось и к взаимодействию между полицией и пришлым населением региона. Так, в 90-е гг. XIX в. часть штатов полицейских управлений в городах юга РДВ содержалась на средства местных китайских обществ¹²¹, что уже само по себе не могло не оказывать негативного влияния на качество надзора за их членами. Объектом постоянных злоупотреблений должностных лиц являлись сборы за регистрацию азиатских иммигрантов (включая визирование паспортов, выдачу билетов, а с 1912 г. и личных наёмных книжек), также служившие одним из источников финансирования полиции. Бесконтрольность и неопределённость порядка учёта и расходования этих средств делали регистрационную работу не столько инструментом управления миграционными потоками, сколько средством удовлетворения личных нужд проводивших её чиновников¹²².

В конце XIX в. распределительная политика царского правительства в отношении Приамурского края начинает меняться. Рост государственных вложений в развитие региона был связан сначала с внешнеполитическими планами экспансии России в сопредельные с ним страны СВА, а позднее, с 1905 г., – со стремлением обеспечить его собственную безопасность перед лицом возросшей угрозы со стороны Японии.

Львиная доля казённых денег, предназначавшихся для дальневосточного региона, проходила через Военное министерство. За счёт этих средств в регионе было значительно увеличено (только за 1895 – 1902 гг. почти на 50 тыс. чел.¹²³) количество регулярных войск, развёрнуто масштабное военное строительство. Вследствие этого, в частности, появилась возможность более широкого использования армейских частей (особенно по окончании русско-японской войны) и в охране дальневосточной границы.

С 1897 г. правительственные ассигнования на содержание окружной и городской полиции Амурской и Приморской областей значительно возрастают¹²⁴. Благодаря этому была увеличена численность полицейских служащих и уменьшена их материальная зависимость от местного населения. С конца XIX в. уходит в прошлое практика финансирования дальневосточной полиции из

средств иммигрантских общественных самоуправлений. Тем не менее, судя по неоднократным обращениям представителей региональной администрации в Петербург, проблема ограниченности бюджета и штатов полиции края продолжала сохранять свою актуальность и в последующие годы¹²⁵.

На началах полного централизованного государственного финансирования с момента своего создания в крае в 1902 г. действовали пограничные таможенные учреждения¹²⁶. Однако количество таких учреждений и величина их штатов, судя по появившимся вскоре отзывам дальневосточных предпринимателей и чиновников, оказалась совершенно недостаточной для того, чтобы нормально справляться с оформлением трансграничного товарооборота¹²⁷. В ходе окончательной ликвидации на РДВ режима «порто-франко» правительство учло этот негативный опыт. рядом законов 1909 – 1912 гг. на укрепление дальневосточных таможен были направлены значительные объёмы государственных средств. Результатом данных мер стало резкое увеличение численности таможенников, расширение сети таможенных органов и усовершенствование структуры управления ими, а также создание в регионе корчемной стражи. Помимо денежного довольствия, осуществлявшие непосредственный контроль над движением товаров через границу таможенные досмотрщики и корчемные стражники были обеспечены со стороны казны обмундированием, оружием, лошадьми и другими средствами передвижения¹²⁸.

Увеличение к 10-м гг. XX в. объёмов государственного финансирования пограничных институтов на РДВ, в конечном счёте, так и не смогло покрыть растущих потребностей границы. Даже сеть таможенных органов, развитие которой получало наиболее масштабную и комплексную поддержку правительства, оставалась слишком редкой для того, чтобы обеспечить сплошной и достаточно плотный контроль над дальневосточной границей и существенно снизить оборот контрабандных товаров. Ещё менее способной к полному и эффективному выполнению возлагавшихся на неё функций миграционного учёта и контроля была система полицейских учреждений региона, финансирование которой отчасти продолжало зависеть от состояния бюджетов местных властей. Наконец, наиболее слабым в материальном отношении звеном в структуре институтов дальневосточной границы являлось казачество, вынужденное нести свои многочисленные охранные и контрольные обязанности при самой незначительной

помощи казны, главным образом на условиях самофинансирования.

Формирование советских органов пограничной охраны на Дальнем Востоке в первой половине 20-х гг. происходило при остром дефиците всех видов материальных ресурсов и фактическом отсутствии централизованной системы их распределения. По данным Комиссии РКИ РСФСР, по состоянию на июль 1925 г. комплект конского состава погранохраны на Дальнем Востоке достигал почти 30%, а из имевшихся в наличии коней 25% были негодны для строя. 25% винтовок не поддавались пристрелке, а остальные были «годны лишь для шума». Пограничникам не хватало 50% револьверов и 50% конского снаряжения¹²⁹.

В течение второй половины 20-х гг., благодаря подключению Дальневосточного пограничного округа к регулярному финансированию и снабжению по линии ОГПУ, его части были заметно усилены как в численном, так и в материально-техническом отношении. К 1927 г. пограничные части всех округов страны были вооружены новыми винтовками, гранатами и на 70% новыми пулемётами. К концу 1928 г. отряды дальневосточной погранохраны обеспечиваются служебными собаками. В 1928 – 1929 гг. пограничники региона переводятся на снабжение повышенным пайком¹³⁰.

Централизованное государственное финансирование и снабжение имели в 20-е гг. и таможенные органы Дальнего Востока. Однако объёмы правительственных ассигнований на них в это период не только не росли, но и (со второй половины 20-х гг.), напротив, устойчиво снижались. Следствием этого стали сворачивание сети и штатов дальневосточных таможен, а также возникновение финансовых затруднений в их текущей работе¹³¹.

В отличие от погранохраны и таможенной службы, милиция Дальнего Востока в рассматриваемый период, а точнее с января 1923 по декабрь 1930 гг., находилась на содержании местных бюджетов. Высокая дефицитность бюджетов губерний, городов и волостей крайне неблагоприятно сказывалась на размерах и регулярности всех форм финансового и материального обеспечения милицейских органов. Низкая заработная плата, недостаток обмундирования и оружия, средств передвижения, специальной техники и других необходимых ресурсов¹³² – эти так и не решённые до начала 30-х гг. проблемы неизбежно влияли на эффективность работы милиции, и в т.ч. в сфере контроля над трансграничной миграцией.

Таким образом, период 20-х гг. характеризовался дальнейшим увеличением среди источников финансирования и снабжения системы дальневосточной границы доли прямых государственных ассигнований. При этом, на фоне обусловленной после революционным и послевоенным состоянием страны общей ограниченности материальных возможностей советского государства, уже в эти годы обнаруживает себя приоритетная значимость для центральной власти военно-оборонительных и охранных функций границы и второстепенность, а значит и «экономный» режим поддержки, её контрольных, собственно регулятивных, механизмов.

Под непосредственным воздействием финансирования государством своей пограничной политики в 1854 – 1929 гг. развивалась и материальная инфраструктура приграничных территорий РДВ, включая её архитектурно-инженерную, транспортную и информационную составляющие. В то же время, другим, зачастую не менее значимым фактором формирования этой инфраструктуры являлась частная (или общественная) инициатива, во многих случаях опиравшаяся на частный же капитал. С точки зрения соотношения двух названных факторов в развитии инфраструктуры дальневосточного пограничья рассматриваемый период можно разбить на три основных этапа: 1) 50-е – 80-е гг. XIX в.; 2) 90-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в. и 3) 20-е гг. XX в.

На первом из выделенных этапов в обустройстве границы и приграничных территорий РДВ, безусловно, доминировало государство, что было обусловлено как сложными международными обстоятельствами присоединения края, так и незначительностью демографического и экономического потенциала последнего. В ходе ряда переселений и передислокаций 1855 – 1862 и 1879 гг. в соответствии с разработанными в правительстве и администрации Восточно-Сибирского генерал-губернаторства планами на дальневосточные рубежи были переброшены значительные контингенты казаков и солдат. В результате была создана протянувшаяся на 3 тыс. км. цепь казачьих станиц и посёлков, армейских гарнизонов и постов, важнейшим предназначением которой являлись охранение и защита новой российской границы. Расположение основанных в эти годы опорных пунктов на длительную историческую перспективу определило пространственную структуру заселения и хозяйственного освоения приграничья, направления проходящих по его территории транспортных и информационных коммуникаций.

Архитектурно-инженерное обустройство дальневосточной границы в 50 – 80-е гг. XIX в. было минимальным и состояло по существу из используемых в её охране служебных и жилых помещений в казачьих поселениях и местах постоянного размещения армейских подразделений. Последние обеспечивались также и некоторыми оборонительными сооружениями. В 80-е гг. XIX в. в связи с работами по строительству Владивостокской крепости, оборонительные сооружения поста Посъет, посёлка Янчихе и гарнизона в с. Новокиевском, расположенные в стратегически значимом районе близ стыка границ России, Кореи и Китая, были укреплены¹³³.

Сама пограничная линия какого-либо специального оснащения (помимо пограничных знаков) на этом этапе не имела. В 1886 – 1889 гг., по итогам подписанных с Китаем Новокиевских протоколов о редемаркации границы, на её южноприморском участке была проведена замена обветшавших деревянных пограничных столбов на монолитные каменные¹³⁴.

Решению первоочередных военно-административных задач было подчинено и создание на приграничных территориях первых путей сообщения. К началу 60-х гг. XIX в. на средства казны было налажено пароходное сообщение по Амуру, Усури, Сунгари и оз. Ханка. В 60-е же гг. в Южно-Уссурийском крае появляются почтовые выючьи тропы, которые соединяли с. Никольское с приграничными военными гарнизонами в Камень-Рыболове и Новгородской гавани¹³⁵. В полноценные, постоянно действующие грунтовые дороги их удалось превратить только в 80-е гг.

С 70-х гг. XIX в. города юга РДВ были связаны с Китаем телеграфной линией. С 80-х гг. телеграфной связью с административными центрами региона и между собой начинают обеспечиваться военные посты, расположенные вблизи границы.

Несмотря на преобладающую роль в развитии дальневосточного приграничья государства, уже на первом его этапе определённое влияние на его направленность оказывали и негосударственные субъекты. Так, с 50-х гг. XIX в., наряду с казённым, на реках Амурского бассейна появляется и частное паровое судоходство, прежде всего, торговое. В отличие от государственного, оно изначально было ориентировано не только на внутренние, но и на международные перевозки, в т.ч. по внутренним водным путям Китая. Российские предприниматели (опираясь на положения Айгуньского договора) неоднократно пытались наладить паро-

ходное сообщение по Сунгари, однако из-за противодействия китайских властей в данный период сделать этого так и не удалось¹³⁶.

Нельзя забывать и о стихийном генезисе транспортных коммуникаций, движущей силой которого являлась повседневная хозяйственная и социальная активность приграничного населения. С момента появления в регионе казаков, а затем и крестьян, для своих нужд ими было проложено множество речных и сухопутных дорог, часть из которых пересекла российско-китайскую границу. С середины 80-х гг. XIX в., после создания в Приморской области 8 пропускных пунктов¹³⁷, над функционированием некоторых, наиболее значимых из них, был установлен определённый контроль. Однако, как признавал позднее (в 1892 г.) южно-уссурийский пограничный комиссар, большинство подобных стихийно возникших трансграничных коммуникаций оставалось вне какого-либо пограничного надзора¹³⁸. В дальнейшем, это послужило одной из предпосылок для широкого развития на дальневосточной границе контрабандной торговли.

Начавшийся в 90-е гг. XIX в. второй этап инфраструктурной истории приграничья характеризовался значительным возрастанием роли в ней частной инициативы и капитала. В это время предприниматели центральной России и РДВ не просто дополняли своей деятельностью инфраструктурную политику государства, но и активно (хотя и далеко не равноправно) соучаствовали в её разработке и осуществлении¹³⁹.

Важнейшим объектом государственно-частного партнёрства и ведущим фактором развития приграничных территорий на этом этапе стало строительство и эксплуатация железнодорожных линий – Уссурийской (1891 – 1897 гг.), Китайско-Восточной (1897 – 1903 гг.) и Амурской (1908 – 1916 гг.). Названные железные дороги, имея с самого начала двойное – военно-стратегическое и экономическое – назначение, со временем (особенно после 1905 г.) всё более сосредотачивались на обслуживании коммерческих, негосударственных интересов. Их высокая пропускная способность создавала условия для резкой интенсификации не только российско-китайской торговли, но и трансграничных потоков мигрантов, капиталов и информации¹⁴⁰. Кроме пересекавшей границу КВЖД, в этих процессах активно участвовали и внутренние железные дороги РДВ, тесно связанные с ней в своём функционировании.

Проложенные в непосредственной близости от дальневосточной границы Уссурийская и Амурская железные дороги способствовали оживлению движения по водным и грунтовым путям приграничья и дальнейшему расширению их сети¹⁴¹. При этом, значительная часть из возникших на данном этапе коммуникаций являлись трансграничными. С середины 90-х гг. XIX в., в связи с железнодорожным строительством в регионе, в систему российских речных сообщений была включена и Сунгари¹⁴². Некоторое представление о плотности водных и сухопутных коммуникаций, пересекавших дальневосточную границу, даёт количество таможенных застав и постов, которые были созданы на ней в первые полтора десятилетия XX в. Как отмечалось выше, к середине 1915 г. в составе Владивостокского и Хабаровского таможенных участков насчитывалось уже 94 учреждения, большая часть которых располагалась именно на российско-китайской границе. Впрочем, несмотря на быстрое развитие таможенной службы, многие трансграничные коммуникации по-прежнему оставались безнадзорными, наглядным свидетельством чему являлся не прекращавшийся в те же годы рост масштабов контрабанды.

Подлинная транспортная революция, произошедшая на РДВ в конце XIX – начале XX вв., имела, главным образом, внешнюю направленность, расширив и интенсифицировав, в первую очередь, его сообщения с сопредельными территориями Китая. Центральное, системообразующее положение в сформировавшемся в это время едином трансграничном транспортном пространстве принадлежало КВЖД (включая её южноманьчжурскую ветвь) и неразрывно связанной с ней в экономическом и (с 1908 г.) организационном плане Уссурийской железной дороге. Кроме того, частью структуры этого пространства были речные пути по Амуру, Уссури и Сунгари, Амурская железная дорога, а также грунтовые дороги Южно-Уссурийского края. Специфическим «теневым» компонентом этой транспортной системы стала разветвлённая и подвижная сеть «стихийных» транспортных коммуникаций. Совокупность указанных транспортных сообщений послужила инфраструктурной основой для стремительной экономической интеграции РДВ и северо-восточных провинций Китая и фактического складывания общих для них рынков товаров, капиталов и рабочей силы. Остановить эти процессы не смогли даже поражение России в войне с Японией и вызванные им изменения во внешней политике Петербурга.

Контактный характер развития в 90-е гг. XIX – 10-е гг. XX вв. транспортной инфраструктуры дальневосточной границы нашёл отражение и в архитектурно-инженерном обустройстве последней. На этом этапе на границе появляется значительное число вновь построенных и приспособленных зданий, помещений и сооружений, предназначенных для использования в деятельности по регулированию различных трансграничных потоков. В 90-е гг. XIX в. это были, в основном, здания и помещения пропускных пунктов. Их количество увеличивалось, главным образом, за счёт Амурской области, где с 1886 по 1898 гг. было учреждено 7 таких пунктов¹⁴³. В 1900 – 1915 гг. архитектурно-инженерное обустройство границы было связано, прежде всего, с упоминавшимся выше бурным ростом сети таможенных учреждений – застав и постов. В тот же период в пунктах прогона скота на дальневосточной границе сооружаются ветеринарные карантинные.

Строительство названной архитектурно-инженерной инфраструктуры выполнялось в соответствии с решениями государственной власти и на средства казны. Вместе с тем, определённое влияние на это процесс оказывали частные предприниматели и общественность РДВ. Так, в ходе обсуждения вопроса о судьбе «порто-франко», они неоднократно призывали правительство обратить внимание на многочисленные недостатки существующего в Приамурском крае таможенного контроля и, в частности, на слабость его материальной инфраструктуры¹⁴⁴. Судя по всему, выделение правительством в 1909 – 1912 гг. значительных ассигнований на развитие таможенных учреждений региона стало реакцией, в том числе, и на эти жалобы и ходатайства.

На фоне активного создания коммуникационной и архитектурно-инженерной базы, необходимой для реализации контактных функций дальневосточной границы, изменения в её военном охранном обустройстве в 90-е гг. XIX – 10-е гг. XX вв. были незначительны. Несмотря на рост численного состава охранявших границу казачьих и армейских частей, количество располагавшихся на ней пограничных постов (застав) почти не увеличилось. Помещения застав и постов, средств на строительство, ремонт и содержание которых центральные и региональные власти не выделяли, находились, как правило, в крайне неудовлетворительном состоянии¹⁴⁵. Пограничная линия по-прежнему не имела никакого специального инженерно-технического оборудования, за исключением проложенных вдоль неё троп для разъездов. Развёрнутые правительством в 1909 – 1914 гг. в крае интенсивные военно-

строительные работы затронули лишь отдельные пункты приграничья (с. Новокиевское, с. Раздольное, г. Благовещенск, г. Хабаровск)¹⁴⁶.

На третьем этапе развития инфраструктуры дальневосточной границы, в 20-е гг. XX в., управление им вновь постепенно сосредотачивается в руках государства. В обстановке постепенного нагнетания международных, геополитических и идеологических противоречий, это в очередной раз привело к изменению функциональных приоритетов в обустройстве границы.

После подписания российско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г. объём грузовых и пассажирских перевозок через дальневосточную границу стал быстро увеличиваться¹⁴⁷. Однако этот относительный (после предшествующего глубокого спада) рост обеспечивался в основном за счёт той транспортной, архитектурно-инженерной и информационной инфраструктуры, которая была создана ещё в дореволюционный период. Более того, в 20-е гг. происходит частичное сворачивание прежней контактной инфраструктуры границы и, в особенности, материальной базы учреждений таможенного контроля. Данный процесс был вызван не только значительным дефицитом находившихся в распоряжении советского правительства финансовых средств. Он был связан также и с его политикой неуклонного сокращения частной международной торговли, для обслуживания нужд которой главным образом и была необходима разветвлённая сеть трансграничных коммуникаций и помещений контролирующих служб. Кроме того, развитию контактной инфраструктуры на дальневосточной границе отнюдь не способствовала очевидная хрупкость международной стабилизации в СВА 1922 – 1929 гг. и небезосновательные ожидания руководством СССР возможной агрессии со стороны Японии и Китая.

Отличие от контактной, барьерная (т.е., прежде всего, военно-охранная) инфраструктура границы в 20-е гг. привлекала к себе намного большее внимание советского государства. Несмотря на все объективные трудности, властям на этом этапе удалось добиться не просто её восстановления, но и некоторого расширения и модернизации.

Первые решения СНК и СТО СССР, направленные на обеспечение пограничной охраны необходимой архитектурно-инженерной и коммуникационной базой, были приняты ещё в 1922 – 1923 гг. В дальнейшем новые требования к оборудованию государственной границы были закреплены во «Временном уставе

службы пограничной охраны ОГПУ» 1924 г.¹⁴⁸ Однако их практическая реализация в Дальневосточном пограничном округе стала возможной лишь начиная с середины 20-х гг.

Упомянутые нормативные документы впервые предусматривали меры по сплошному оборудованию пограничной линии. Эти меры включали в себя проведение вдоль линии границы просек шириной в 15 сажень (около 32 м.), создание заграждений (лесных завалов, заборов и т.п.), прокладку патрульных дорог, установку наблюдательных будок и простейших сигнальных устройств¹⁴⁹. Соответствующие работы, хотя и в ограниченном масштабе, во второй половине 20-х гг. проводились и на дальневосточных рубежах.

К концу 20-х гг. заставы Дальневосточного пограничного округа обеспечиваются новыми зданиями, жилыми и подсобными помещениями, строившимися по типовым проектам. С 1928 г. на основных пересекавших дальневосточную границу шоссежных дорогах начинается установка контрольно-пропускных пунктов (КПП). Всего на Дальнем Востоке было запланировано создать 12 таких КПП¹⁵⁰.

Определённые усилия прилагались и к решению весьма острой для дальневосточной границы проблемы развития информационных коммуникаций. Как отмечалось в сделанном в апреле 1925 г. на совещании руководства пограничных округов докладе, Дальневосточный пограничный округ имел 138 км. собственной технической (телеграфной и телефонной) связи, а в остальном базировался на связи Наркомата почты и Наркомата путей сообщения. Ввиду неудовлетворительности такого положения руководство округа ставило перед центральными органами вопрос о постройке дополнительных линий пограничной связи¹⁵¹.

Как показывает история материально-технического развития системы дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг., даже в периоды наиболее выраженного доминирования в нём государства, это доминирование не было абсолютным. Государственные институты в той или иной степени и форме взаимодействовали в этой сфере с обществом, его различными группами и общностями. При этом влияние общества не ограничивалось только материально-технической составляющей дальневосточной границы. Активность ряда социальных общностей затрагивала всю систему границы, являясь важным, долговременным фактором её формирования и функционирования в целом. Такие общности

целесообразно рассматривать как органическую часть данной системы, как её особый социальный компонент.

Среди всех социальных групп восточнославянского населения РДВ в рассматриваемый период с системой государственной границы наиболее тесно и многосторонне было связано казачество. Такое положение во многом было обусловлено уже тем, что с момента переселения казаков в Приамурье и до 1917 г., охрана границы являлась одной из главных их обязанностей. Тому же способствовало и ставшее результатом государственных решений расположение казачьих поселений, занимавших почти всю приграничную полосу, за исключением её небольшого, самого южного, участка. Сделав казачество частью системы границы, государство, тем не менее, далеко не определяло всех форм участия казаков в её функционировании. Очень скоро, дальневосточное казачество перестало играть роль только государственного пограничного института, выполняющего главным образом барьерные функции, и начало превращаться в самостоятельного социального субъекта, в активного участника трансграничных взаимодействий.

Формы трансграничной активности казачества были чрезвычайно разнообразны. С 60-х гг. XIX в. казаки вели регулярную торговлю с жителями приграничных районов Китая, поставляя им продукты своего сельского хозяйства и промыслов и покупая различные товары повседневного спроса. При этом, значительное место в этой торговле занимал контрабандный оборот, и, прежде всего, вывоз из Маньчжурии спирта (ханшина) и ввоз в неё опиума. Кроме того, казаки присутствовали на трансграничном рынке в роли продавцов услуг. В 60-е гг. XIX в. представители казачества работали у соседей-китайцев в качестве батраков, а позднее – перевозчиков и охранников китайских товаров. В то же время, само казачье население широко использовало в своём хозяйстве труд китайских и корейских арендаторов и наёмных работников¹⁵². В начале XX в. «жёлтый труд» становится, по признанию многих современников, важнейшей основой экономики дальневосточных казачьих войск¹⁵³.

Помимо экономического взаимодействия с жителями Маньчжурии, а также китайскими и корейскими иммигрантами, казаков связывали и устойчивые социокультурные отношения. Эти отношения принимали различную форму – от соседского гостеприимства и дружеских связей до межэтнических браков¹⁵⁴. Социальные контакты и культурный обмен происходили не только

на базе экономически мотивированных миграций. Им способствовали и частые поездки казаков в приграничные районы Маньчжурии для отдыха и развлечений. В начале XX в. подобный стихийный туризм был уже вполне обыденным явлением казачьей жизни¹⁵⁵.

Исключительно высокие интенсивность и разнообразие трансграничных отношений казачества были во многом обусловлены минимальностью их государственного регулирования. Уже то обстоятельство, что функции пограничной охраны и контроля в районах проживания казаков возлагались на представителей самого казачества, мало способствовало строгости их исполнения. Охранявшие границу казаки не были заинтересованы ни в ограничении потока направлявшихся в казачьи поселения иностранных трудовых мигрантов, ни в борьбе с контрабандой.

Важной помехой для действенного государственного контроля над трансграничной активностью казачества являлась также его сословная и административно-территориальная (войсковая) обособленность. В силу специфических обязанностей казачества, его экономических привилегий, особого порядка управления, общегражданское законодательство слабо влияло на жизнь этой общности. Так, целый ряд принятых с 1886 г. решений центральных и региональных властей по ограничению хозяйственной деятельности азиатских иммигрантов на территории РДВ не оказали практически никакого воздействия на ситуацию с «жёлтым» трудом и арендой на землях АКВ и УКВ. Согласно опубликованному в 1909 г. отчёту посетившего регион сенатора Иванецкого, именно на землях дальневосточных казачьих войск наиболее «прочно и широко» обосновывались прибывавшие в Приамурский край китайцы и корейцы¹⁵⁶. Фактическая открытость округ АКВ и УКВ, а также подконтрольной войсковым администрациям территории «отвода Духовского» для иностранной миграции, являлась вторым (наряду с существованием 50-верстой полосы беспошлинной торговли) важнейшим фактором формирования на РДВ обширного функционального пограничного пространства, географические пределы которого неуклонно сдвигались вглубь региона.

На рубеже 900-х и 10-х гг. XX в. власти начинают прилагать целенаправленные усилия к распространению на территорию АКВ и УКВ общекраевых мер по решению «жёлтого вопроса». В связи с учреждением в крае в 1911 г. корчемной стражи и ликвидацией в 1913 г. 50-вёрстной полосы беспошлинной торговли

была развёрнута борьба с участием казаков в контрабандной торговле¹⁵⁷. В рамках кампании по вытеснению «жёлтого труда» в 1910 г. свернуть все свои отношения с азиатскими арендаторами и наёмными работниками были обязаны администрации казачьих войск, а с 1912 г. подобного же рода требования стали предъявляться и к казачьему населению¹⁵⁸.

Однако реализация названных мер натолкнулась на активное и упорное противодействие казачества. Пользуясь попустительством, а то и прямой поддержкой со стороны станичных и поселковых атаманов, казаки успешно обходили запреты на провоз через границу спирта и опиума и игнорировали призывы к прекращению использования труда иммигрантов. Более того, под воздействием обращений со стороны населения, в защиту его интересов были вынуждены выступить и войсковые администрации, представители которых указывали властям Приамурского края на невозможность быстрой ликвидации жизненно значимых для казаков экономических отношений с «жёлтой расой»¹⁵⁹. В итоге, как показывают результаты анкетного обследования 1914 г. и сельскохозяйственной переписи 1917 г., проведённых на территории УКВ, добиться сколько-нибудь существенного снижения масштабов участия казачества в контрабандной торговле и арендных отношениях с азиатскими иммигрантами государству так и не удалось¹⁶⁰.

Наряду с казачеством, в состав социального компонента системы дальневосточной границы входила и такая общественная группа региона как крупная буржуазия. При сравнительно небольшой численности и сосредоточенности в нескольких городах Приамурского края (прежде всего, Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и Николаевске-на-Амуре) она контролировала значительную часть его экономических отношений со смежными районами Китая и Кореи и оказывала заметное влияние на формирование государственной пограничной политики.

Деятельность дальневосточных предпринимателей рано приобрела международную направленность: их капиталы создавались в основном в сфере торговли, а внешнеторговые операции были наиболее прибыльны. Ввоз китайских товаров на РДВ первоначально значительно уступал ввозу из стран Европы и Японии, однако с 90-х гг. XIX в. его абсолютная стоимость и доля в общем объёме импорта стали быстро расти. В эти же годы возрастает и экспорт из дальневосточного региона в Китай, но, при этом, его совокупная стоимость по-прежнему была существенно

ниже стоимости ввозимых товаров. В составе поступавшего из Маньчжурии импорта преобладала сельскохозяйственная продукция (зерно, скот, чай и т.д.), тогда как предметом экспорта в Китай являлись главным образом природные ресурсы (лес, рыба, пушнина, морская капуста)¹⁶¹. Что же касается объёма торгового оборота РДВ с Кореей, то, при постепенном росте, вплоть до 10-х гг. XX в. он оставался в целом незначительным¹⁶².

С начала 90-х гг. XIX в. предприниматели Амурской и Приморской областей значительно расширяют наём китайской и корейской рабочей силы. Труд иммигрантов использовался, в первую очередь, в добыче золота и других полезных ископаемых, лесопромышленности и строительстве, при чём доля иностранных рабочих в этих отраслях хозяйства Приамурского края в целом устойчиво росла. Со второй половины 90-х гг., в связи с постройкой КВЖД, дальневосточная буржуазия принимает участие в инвестировании в Маньчжурию русского капитала. На её средства на территории Китая было создано значительное число предприятий в таких сферах как торговля, транспорт, добывающая и обрабатывающая промышленность¹⁶³.

Таким образом, уже к началу XX в. на РДВ сложился слой крупных предпринимателей, имевших постоянные торговые и инвестиционные интересы на северо-востоке Китая и ориентированных свои производства на использование дешёвой рабочей силы китайских и корейских иммигрантов. К мнению этих предпринимателей, фактически составлявших собой основную часть дальневосточной буржуазии, обычно внимательно прислушивались областные и краевые власти, неоднократно приглашавшие их представителей к участию в комиссиях по вопросам упорядочения притока и экономической деятельности китайцев и корейцев¹⁶⁴. Впрочем, и в тех случаях, когда государственная власть пыталась игнорировать интересы торгово-промышленных кругов региона, они, как правило, находили средства для донесения своей позиции до её сведения. Такими средствами служили ходатайства городских биржевых комитетов и различных отраслевых ассоциаций предпринимателей, индивидуальные письма (записки) в органы власти и публикации в прессе.

Впервые серьёзные разногласия между государственной администрацией и дальневосточной буржуазией возникли по вопросу о ликвидации режима «порто-франко», обсуждение которого на региональном уровне началось с середины 90-х гг. XIX в. Уже в 1895 г. владивостокские купцы и промышленники указы-

вали властям на ряд негативных последствий, которые могло иметь для экономики региона введение в нём таможенного обложения¹⁶⁵. Несмотря на то, что многие из этих замечаний были учтены правительством в законе от 10 июня 1900 г., его реализация вызвала волну нареканий и жалоб со стороны предпринимательства. Заявления Владивостокского биржевого комитета о разрушительном влиянии таможни на торговлю и промышленность Дальнего Востока, и соответствующие выступления видных местных предпринимателей и общественных деятелей не смогли помешать окончательной отмене «порто-франко» 16 января 1909 г. Однако принятый закон и сопровождавшие его нормативные акты содержали многочисленные оговорки, сохранявшие беспошлинный порядок ввоза для наиболее востребованных в регионе китайских товаров¹⁶⁶. Кроме того, претензии дальневосточных торговцев нашли отражение в правительственных мерах по расширению и усовершенствованию сети таможенных учреждений края, принятых в последующие годы.

Второй всплеск лоббистской активности дальневосточной буржуазии был связан с инициированной в 1907 г. генерал-губернатором Приамурья П.Ф. Унтербергером и продолженной затем Н.Л. Гондатти политикой ограничения притока китайских и корейских мигрантов и вытеснения из края «жёлтого труда». Большинство крупных предпринимателей региона считали, что этот курс наносит значительный ущерб их интересам. В 1913 г. Владивостокский биржевой комитет во главе со своим председателем А.А. Масленниковым несколько раз обращался к членам Совета Министров и депутатам Государственной Думы с призывами обратить внимание на вызванный действиями региональных и отчасти центральных властей экономический кризис в Приамурском крае. Результатом этих обращений стало образование по решению Совмина Междуведомственного Совещания по делам Дальнего Востока, которое, рассмотрев спорные вопросы, поддержало в целом позицию генерал-губернатора Гондатти¹⁶⁷.

Более успешно противодействовали пограничной политике краевой администрации предприниматели Амурской области. В течение нескольких лет, с 1909 по 1912 гг., амурским золотопромышленникам и примыкавшему к ним купечеству многочисленными ходатайствами в правительство удавалось затягивать введение в крае новых, более жёстких правил паспортно-визового режима. В 1913 г., на основании обращений съездов дальневосточных золотопромышленников, министр торговли и промыш-

ленности подписал постановление, разрешавшее, вплоть до завершения строительства Амурской железной дороги, принимать на золотые промыслы Приамурского края иностранных рабочих без русских билетов¹⁶⁸.

К социальному компоненту системы дальневосточной границы должны быть отнесены и такие специфические группы населения региона как китайские и корейские иммигранты. Несмотря на то, что в силу правовых и этноцивилизационных особенностей азиатские диаспоры до 30-х гг. XX в. так и не были интегрированы в дальневосточное общество, в социально-экономическом отношении они уже в конце XIX в. являлись его важной и необходимой частью. Длительная двойственность, промежуточность (межсистемность) общественного положения китайских и корейских иммигрантов сама по себе служила мощным стимулом для их трансграничной активности. Такой активности способствовала и география размещения иммигрантов, большинство которых было сосредоточено в непосредственной близости от государственной границы России – на правобережье Амура и Уссури и в западной части Южно-Уссурийского края. Наконец, высокая численность китайских и корейских иммигрантов (к 1917 г. в крае находилось около 100 тыс. корейцев и около 80 тыс. китайцев¹⁶⁹, вместе составлявших примерно одну пятую его населения) обуславливала их количественное преобладание над остальными участниками трансграничного взаимодействия.

Основным, самым массовым, видом миграции китайцев и корейцев на территорию РДВ был ввоз рабочей силы. При этом одна часть азиатских трудовых мигрантов продавала свой труд российским, государственным и частным, работодателям, тогда как другая вела самостоятельную хозяйственную деятельность, занимаясь промыслами или сельским хозяйством (на заимках или арендованных участках). Другими частыми мотивами китайской и корейской иммиграции являлись ведение торговли (в т.ч. контрабандной) и производственное предпринимательство. Наиболее высокой трансграничной подвижностью среди иммигрантов отличались промысловики и наёмные работники, занятость которых носила сезонный характер¹⁷⁰. Однако и так называемые «оседлые» иммигранты, обладавшие на российской территории собственными земельными хозяйствами или иным недвижимым имуществом, как правило, не порывали связей со своей родиной, время от времени пересекая границу, либо активно взаимодействуя с прибывающими из-за неё соотечественниками.

Уже в силу высокой подвижности и многочисленности китайские и корейские мигранты являлись важнейшим объектом российской пограничной политики в Приамурском крае. Большинство изменений в правовых основаниях и институциональной структуре системы дальневосточной границы (не говоря уже о её текущем функционировании) в 50-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв. было напрямую связано с решением задач по оптимизации контроля над трансграничной активностью китайцев и корейцев. Что же касается субъектности азиатских диаспор, то их участием в формировании пограничной политики на РДВ в этот период препятствовал целый ряд факторов. Так, длительное время (вплоть до начала 80-х гг. XIX в.) китайские иммигранты в России были по существу исключены из её правового пространства по причине своей, закреплённой в российско-китайских договорах, экстерриториальности. Столь же неясным, по той же причине, был объём прав и обязанностей и иноподданных корейцев. Помимо неопределённости правового статуса, артикуляции интересов диаспор препятствовало и характерное для них стремление к самоизоляции, к минимизации (сведению до сугубо экономических) своих контактов с внешним окружением. Наконец, серьёзной помехой в данном отношении являлась позиция российской региональной администрации, которая, как правило (за исключением периодов 1891 – 1897 и 1906 – 1917 гг.), рассматривала любую рода деятельность иммигрантских обществ в крае как потенциально опасную и недопустимую.

Тем не менее, было бы ошибкой считать китайских и корейских мигрантов только лишь пассивным объектом пограничного регулирования. Во-первых, постоянные массовые нарушения ими правил установленного в регионе с середины 80-х гг. XIX в. режима функционирования границы стали одним из главных побудительных мотивов его последующего совершенствования и развития. Во-вторых, по окончании русско-японской войны, в условиях легализации китайских и корейских обществ, российская администрация начала поддерживать с их представителями определённые официальные контакты. В ходе встреч членов иммигрантских обществ с высокопоставленными региональными чиновниками, ими, в частности, поднимались и вопросы о целях и возможных последствиях политики ограничения притока в край иностранцев¹⁷¹. Кроме того, каналами информирования властей о реакции иммигрантов на проводимую ими политику служили городские биржевые комитеты РДВ, в состав которых входили

многие крупные китайские купцы¹⁷². В-третьих, в защиту интересов своих подданных, находившихся на территории России, обычно активно и настойчиво выступало китайское государство, в лице, как центральных правительственных органов, так и работавших в Приамурском крае с конца XIX в. коммерческих агентов и консулов¹⁷³. Как правило, отклоняя или игнорируя попытки прямого внешнеполитического вмешательства в свои отношения с пришлым населением, дальневосточная администрация, вместе с тем, в некоторых случаях допускала представителей властей Китая к участию в процессе разработки мер по упорядочению положения китайских мигрантов¹⁷⁴.

Общественные преобразования, связанные с установлением на РДВ советской власти, внесли в состав и функционирование социального компонента системы дальневосточной границы существенные изменения. В наибольшей степени они коснулись предпринимательской прослойки в населении региона. Первым проявлением снижения общественного статуса дальневосточной буржуазии явилось резкое сужение возможностей представительства её интересов в органах власти, т.е. по существу её полная политическая изоляция. Вслед за этим, на РДВ развернулся процесс систематического административного ограничения экономической активности частных предпринимателей. При этом наиболее быстрыми темпами политика огосударствления осуществлялась во внешнеэкономической сфере. К 1926 – 1927 гг. частный капитал был практически вытеснен из внешней торговли советского Дальнего Востока¹⁷⁵. Одновременно, хотя и более медленно, сокращались трансграничная инвестиционная деятельность предпринимателей, а также использование ими китайской и корейской рабочей силы. В целом, ещё до конца 20-х гг. дальневосточная буржуазия утратила роль значимого участника трансграничных отношений.

Сходную эволюцию переживало в эти годы и дальневосточное казачество. Ликвидация сословных привилегий и войсковых организаций, с одной стороны, понизила социальный и политический статус дальневосточных казаков, их способность к защите своих групповых интересов, а, с другой, положило начало трансформации казачьего образа жизни и хозяйствования. С лишением казаков военных и погранохранных функций и связанного с ними повышенного земельного обеспечения исчезали основные объективные предпосылки высокой трансграничной активности казачества. И действительно, на протяжении 20-х гг. вовлечённость

казаков в легальную и контрабандную торговлю с Китаем, применение ими труда китайских и корейских арендаторов и работников неуклонно снижались¹⁷⁶. Однако, в условиях значительно масштабов необходимых землеустроительных работ, слабости государственного контроля над линией границы и сохраняющегося преобладания казачьего населения в приграничной полосе, эти изменения не могли быть быстрыми. Поэтому вплоть до конца 20-х гг. дальневосточное казачество сохраняло за собой положение наиболее тесно связанной с системой государственной границы группы восточнославянского населения региона.

Во многом противоположную направленность имело в 20-е гг. развитие на РДВ китайской и корейской диаспор. Вес и значимость иммигрантов в социальном компоненте системы границы в эти годы в целом заметно возросли. Это было обусловлено как упомянутым снижением роли в нём дальневосточных буржуазии и казачества, так и изменениями в положении самих азиатских мигрантов. Их общая численность в 20-е гг. продолжала увеличиваться. В 1926 г. в ДВК насчитывалось 168 тыс. корейцев и 72 тыс. китайцев¹⁷⁷. При этом, в большинстве своём китайские и корейские иммигранты по-прежнему активно участвовали в традиционных для них формах трансграничных отношений. Определённому сокращению во второй половине 20-х гг. под влиянием политики советского государства подверглась только торгово-промышленная деятельность иммигрантов¹⁷⁸.

Существенно расширились в 20-е гг. возможности политического представительства интересов китайских и корейских мигрантов. Наряду с ранее возникшими механизмами их артикуляции, связь между иммигрантами и советским государством стала поддерживаться с помощью созданных последним специализированных органов национальной политики.

На Дальнем Востоке эту функцию выполняли отделы национальных меньшинств, уполномоченные по делам нацменьшинств (до 1927 г. – по корейским делам), китайские и корейские институты, а также соответствующие совещания и комиссии, работавшие при советских исполнительных органах различного уровня¹⁷⁹. Кроме того, корейцы и китайцы, имевшие советское гражданство, избирали своих представителей в состав местных советов, вплоть до краевых¹⁸⁰. Более широкий доступ к властным инстанциям региона позволил обеспечить лучшую защиту прав иммигрантов (в т.ч. иноподданных) в их отношениях с коренным населением, российскими работо- и арендодателями. Вместе с

тем, он фактически не привёл к усилению влияния китайской и корейской диаспор на процесс формирования пограничной политики на Дальнем Востоке, разработка которой в это время всё более сосредотачивалась в руках высших партийно-государственных органов СССР.

Важным, хотя и косвенным, показателем вовлечённости в функционирование дальневосточной границы широких общественных слоёв региона и России в целом стало формирование в её системе в период 1854 – 1929 гг. культурного компонента. Уже в это время дальневосточная граница становится феноменом не только элитарного, но и массового, регионального и национального, сознания, связанным с его культурными ценностями и концентрирующим вокруг себя устойчивые представления и поведенческие установки.

Развитие культурного образа дальневосточной границы прошло через ряд этапов. На первом этапе, продолжавшемся с конца 50-х до конца 80-х гг. XIX в., были сформированы лишь некоторые элементы этого образа, существовавшие ещё в локальных формах, «ниже» порога собственно культурного сознания. Помимо государственной администрации, регулярный интерес к новым рубежам империи в эти годы проявляла довольно узкая прослойка образованной общественности, состоявшая из учёных, военных и журналистов. Ввиду крайнего недостатка информации этот интерес имел, прежде всего, познавательный характер. Ему соответствовало и содержание появившихся в 60-е – 70-е гг. XIX в. немногочисленных статей и книг, посвящённых РДВ и смежным с ним территориям Китая¹⁸¹. Среди данных публикаций преобладали записки путешественников и различные научные описания – географические, военные, этнографические. Собственно пограничные вопросы в них, как правило, затрагивались попутно, в связи с рассмотрением других тем, и освещались достаточно кратко и фрагментарно.

Кризис в отношениях России с Цинской империей в 1882 – 1886 гг. и переход правительства к политике стимулирования российской колонизации Приамурья и Приморья способствовали увеличению числа публикаций, которые, так или иначе, касались состояния дальневосточной границы. При этом количественный рост сопровождался и определёнными качественными изменениями. В 80-е гг. XIX в. восточные окраины империи всё чаще становятся объектом не только научной и научно-популярной, но и политико-публицистической литературы. Присутствие России

на Дальнем Востоке начинает рассматриваться в широком контексте её стратегических внешне- и внутривосточных приоритетов и даже с точки зрения её исторической, цивилизационной миссии. Такой подход закономерно вёл к осознанию огромной значимости для всей азиатской политики России её отношений с Китаем, на будущее которых уже в это время большинство авторов смотрели с тревогой¹⁸². Вместе с тем, истолкование конкретного содержания комплекса проблем двусторонних, в т.ч. пограничных, отношений, развившегося в дальнейшем в т.н. «жёлтый вопрос», было далеко не однозначным. Если публицисты из Европейской России, обсуждавшие возможную угрозу со стороны Китая, интерпретировали её скорее в военно-политическом ключе, то дальневосточные эксперты (в частности, участники II Хабаровского съезда 1886 г.) считали необходимым создать преграду для мирного, демографического и экономического, проникновения в край «жёлтой расы»¹⁸³.

Таким образом, к концу 80-х гг. XIX в., несмотря на общую нечёткость и неустойчивость образа дальневосточной границы, его невыделенность из более зрелых и сложных образов РДВ и Китая, он приобретает ряд черт, которые впоследствии надолго стали его неотъемлемой принадлежностью. Так, в когнитивную часть данного образа вошли представления о таких особенностях дальневосточной границы страны как слабость контроля над ней со стороны российской власти и населения, и, напротив, её хорошая освоённость азиатскими, китайскими и корейскими, иммигрантами. В ценностном аспекте дальневосточная граница уже в этот период рассматривалась преимущественно как «тревожная», ассоциируемая с ожидаемыми угрозами не только политической, но и культурной безопасности России. В поведенческом плане образ границы на Дальнем Востоке в сознании обращавшихся к нему связывался с задачами «укрепления» и «защиты». Вместе с тем, для большей части российского общества в данный период дальневосточная граница оставалась объектом незначимым, формальным, по существу находящимся за пределами его сознания.

90-е гг. XIX в. открыли новый этап в развитии изучаемого образа, ознаменовавшийся получением им в полном смысле культурного, общественно значимого статуса. Предпосылками к этому послужили исторические события, привлёкшие широкое внимание подданных Российской империи к её восточным окраинам. Одним из них стало начавшееся в 1891 г. строительство Транссибирской магистрали, неуклонно расширявшее на восток

социально-экономическое пространство России, национальный рынок. Другим резонансным шагом на пути интеграции РДВ в единое тело империи (на сей раз – политико-символическое) явился состоявшийся в это же время азиатский вояж цесаревича Николая, часть маршрута которого пролегла по территории Приамурского края. Наконец, важной по своим последствиям вехой политической и культурной истории РДВ и его внешних границ стала разразившаяся в непосредственной близости от них японо-китайская война 1894 – 1895 гг.

Последнее из названных событий оказало, помимо прочего, сильное влияние на общественную интерпретацию «жёлтого вопроса». Примерно с середины 90-х гг. XIX в. этот «вопрос» быстро утрачивает сложность и неоднозначность своего содержания, трансформируясь в достаточно определённый символ прямой опасности, угрожающей России со стороны «жёлтой расы» в лице усиливающейся Японии и пробуждающегося под её воздействием Китая. Последующие военные конфликты с российским участием (подавление восстания «ихэтуаней» 1900 – 1901 гг. и особенно война с Японией 1904 – 1905 гг.) ещё более укрепили и популяризировали этот негативный стереотипный образ, повысив эмоциональную остроту его восприятия. Содержательному упрощению, символизации «жёлтого вопроса», его трансформации в образ «жёлтой угрозы», способствовало значительное увеличение числа публикаций на эту тему в прессе, расширение круга пишущих о нём авторов и внимающей им читательской аудитории. Став частью массового сознания, этот концепт начинает развиваться во многом независимо от вновь поступающей информации об отношениях России с её восточноазиатскими соседями. Он всё больше превращается в герметическую мифологическую конструкцию, функционирующую по законам социально-психологических процессов, как спонтанных, так и идеологически направляемых.

В тесной связи с мифологемой «жёлтой угрозы» в рассматриваемый период эволюционировал и образ дальневосточной границы. С 90-х гг. XIX в., судя по частоте газетных и книжных публикаций, в общественном сознании за дальневосточной границей страны прочно утверждается статус национально значимой. При этом, с ценностной точки зрения, данная значимость имела, как правило, ярко выраженную алармистскую основу – степень «тревожности» границы с Восточной Азией на фоне других рубежей империи ощущалась как очень высокая. В содержа-

тельном аспекте опасность, грозившая России и, прежде всего, её тихоокеанскому побережью, из-за дальневосточной границы трактовалась современниками в целом весьма широко. Вместе с тем, в зависимости от своего социального положения и идеологической ориентации, различные представители общества предпочитали акцентировать либо военно-политический, либо социально-экономический характер трансграничной угрозы. Те же факторы определяли и различие поведенческих установок в отношении «тревожного» рубежа – если у одной части общественности его образ вызывал оборонительную реакцию, то у другой, он стимулировал наступательные, экспансионистские настроения.

Вплоть до 1905 г. ведущую роль в формировании и интерпретации культурного образа дальневосточной границы играли сторонники экспансии России в Восточную Азию. В состав этих сил входили, прежде всего, представители дворянства и крупной буржуазии, а также выходцы из более широких образованных слоёв, придерживавшиеся консервативных взглядов. Их позиция сочувственно воспринималась царским двором и правительством, которые в эти годы в целом следовали ей в своей политике. Военно-феодалное мировоззрение большей части этой общественности обуславливало общее истолкование ею как характера угрозы дальневосточным рубежам империи, так и способа реагирования на неё. «Экспансионисты» видели избавление от «жёлтой угрозы» в оккупации китайской Маньчжурии и Кореи, а в перспективе – и их аннексии, и перемещении, таким образом, границы империи далеко на юг¹⁸⁴. Ожидания грядущего «исправления» дальневосточной границы¹⁸⁵, способного разом решить все связанные с ней проблемы, зачастую сочеталось у них с пренебрежительным отношением к её текущему обустройству и укреплению¹⁸⁶.

Сокрушительное поражение в русско-японской войне привело к смещению акцентов в общественном восприятии «жёлтой угрозы» и образа дальневосточной границы России. После 1905 г. положение «властителей дум» общества и отчасти правящей элиты в значительной степени переходит от «экспансионистов» к «оборонцам», приверженцам всемерной защиты исторически сложившейся территории российского государства¹⁸⁷. Социальное ядро последних составляли те слои отечественной буржуазии и интеллигенции, которые исповедовали либеральные и, вместе с тем, национальные ценности. Буржуазные воззрения «оборонцев»

находили выражение в том, что в большинстве своём они опасались, в первую очередь, «мирного завоевания» Приамурского края азиатскими трудовыми мигрантами и торговцами. Отвратить подобную угрозу, по их мнению, могло лишь ускоренное заселение и освоение края русскими¹⁸⁸. С такого рода ценностями и представлениями была сопряжена установка на активное укрепление дальневосточной границы, на превращение её в надёжный, прежде всего, социально-экономический, барьер на пути наплыва «жёлтой расы»¹⁸⁹.

Необходимо отметить, что на самом РДВ в рассматриваемый период было немало тех, кто отнюдь не разделял алармистского отношения (в какой бы то ни было его разновидности) к азиатским соседям региона. Помимо предпринимателей и казачества, к ним, судя по всему, принадлежала и значительная часть дальневосточного крестьянства, в особенности, старожильского. Поддерживая регулярные контакты с китайцами и корейцами и хорошо зная реальную обстановку в приграничье, представители этих социальных групп в целом скептически воспринимали отвлечённые рассуждения о «жёлтой опасности», считая их надуманными и даже прикрывающими более вероятную «белую опасность», исходящую от самой России¹⁹⁰. Далекое не идеализируя своих китайских и корейских контрагентов, местное население (и особенно дальневосточные казаки) в целом не видело угрозы в их культурной инаковости как таковой. Терпимость на уровне культурных ценностей (как результат конкретного, практического оценивания другой стороны), служила важнейшей предпосылкой формирования образа дальневосточной границы как мирного, контактного пространства, как источника не угроз, но благосостояния и всевозможных выгод. С таким ценностным восприятием границы было связано настороженное отношение многих дальневосточников к проводившейся правительством после русско-японской войны политике пограничной барьеризации, затруднявшей и осложнявшей добрососедские и взаимовыгодные связи с населением Маньчжурии¹⁹¹.

Первая мировая война и общественно-политические потрясения в России 1917 – 1922 гг. повлекли за собой существенные изменения в образе дальневосточной границы, явившись исторической прелюдией к следующему этапу в его развитии, который продолжался до начала 30-х гг. Их следствием стало, прежде всего, заметное падение значимости этого образа в сознании российского (советского) общества. Масштабные военные кон-

фликты и последующая напряжённость на европейских рубежах России, длительная и ожесточённая внутривнутриполитическая борьба привели к значительному ослаблению общественного внимания к восточным окраинам страны¹⁹². Другим важным фактором эволюции изучаемого образа стал развернувшийся в прямой связи со сменой политического режима процесс разрушения мифологемы «жёлтой опасности». Социальные слои, игравшие ранее ведущую роль в генезисе и популяризации этого символа, потеряли свои прежние статус и влияние. В дискурсе же новой власти и формировавшейся вокруг неё культурной элиты, основанном на идеях интернационализма и мировой революции, это выражение могло символизировать лишь былую империалистическую политику царизма и её отдельные, неуклонно искореняемые, пережитки. Такие «пережитки» в общественной жизни (в т.ч. жизни недостаточно сознательных трудящихся), воплощавшиеся в разного рода дискриминации азиатских мигрантов, конфликтах с ними на национальной почве, в 20-е гг. квалифицировались обычно как проявления «великодержавного шовинизма», которые не только публично осуждались, но и порой преследовались в судебном порядке¹⁹³.

Под воздействием названных факторов уровень «тревожности» в массовом восприятии восточноазиатских соседей страны, а значит, и её дальневосточных рубежей в 20-е гг. снизился. Тем не менее, культурный образ дальневосточной границы в это время так и не стал «мирным». Этому препятствовало сохранение в значительной мере объективной основы «жёлтого вопроса» – геополитических противоречий СССР с государствами США и, прежде всего, Японией и весомого демографического и экономического присутствия китайцев и корейцев на советском Дальнем Востоке. Отвергнув прежнюю холистскую, культурно-цивилизационную или расовую, интерпретацию, большевистский режим был вынужден дать этой основе новое истолкование. Особенностью нового подхода был его дифференцирующий, классовый характер, требующий разделения восточных обществ на в основном враждебные СССР буржуазные или буржуазно-феодалы верхи и, по крайней мере, потенциально, дружественные и союзные народные массы.

Вплоть до 1927 г., исходя из представления о высокой готовности народов Восточной Азии (и, в первую очередь, Китая) к революционному ниспровержению своих правительств, советское руководство было склонно к наступательной политике в от-

ношении дальневосточных соседей. Эта политика не предполагала территориальной экспансии, но была связана с осуществлением активной политической и военно-технической поддержки коммунистических и антиимпериалистических сил в Китае и Корее¹⁹⁴. Компонентом этой политики являлась установка на максимальную открытость дальневосточной границы для представителей трудящихся классов восточноазиатских обществ. Их трансграничное движение рассматривалось как важнейшее средство распространения советского влияния в сопредельных странах, как канал массового экспорта идеи и ценностей мировой революции.

Разгром коммунистического движения в Китае породил серьёзные сомнения в революционном потенциале восточноазиатских масс и перспективности активного стимулирования их классовой борьбы. Он послужил важной предпосылкой для реанимации во второй половине 20-х гг. оборонительных и даже изоляционистских установок в отношении международного окружения советского Дальнего Востока. Корейские и китайские мигранты в регионе в этой связи стали всё чаще восприниматься в качестве проводников чуждого политического влияния, как вероятное орудие в руках империалистических правительств своих стран. Соответственно, в правящей элите крепло убеждение в том, что дальневосточная граница должна являться не только прочным военно-политическим, но и не менее надёжным социально-экономическим и культурно-информационным барьером, т.е. по существу универсальным механизмом обеспечения безопасности советского государства¹⁹⁵.

3. Функционирование дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг.

Функционирование дальневосточной границы России в период 1854 – 1929 гг. (равно как и в последующие годы) было обусловлено действием целого ряда рассмотренных выше факторов, как косвенных, средовых (международные и внутриобщественные условия формирования границы), так и прямых, системных (состав и структура самой системы границы). Весовые показатели этих факторов в изучаемой результирующей в различных исторических ситуациях могли быть весьма неодинаковы, порой сопоставимы. Однако при анализе процесса функционирования

границы в долгосрочной перспективе ни один из них не может быть исключён из его объяснения без существенного ущерба для полноты и достоверности последнего. Вместе с тем, именно такой подход присущ фактически большинству исследований, затрагивающих проблемы границ и трансграничных отношений, авторы которых априорно сосредотачивают своё внимание, прежде всего, на факторах политического и правового характера. Проведённое исследование дальневосточных рубежей России, на мой взгляд, достаточно наглядно показывает, что недооценка, а тем более игнорирование влияния институциональных, материальных, социальных и культурных факторов может привести к значительным искажениям как в выявлении этапов и тенденций функционирования государственной границы, так и в её типологической характеристике.

Кроме причинной обусловленности функционирования границы, оно должно быть проанализировано и с точки зрения своих следствий, а, в конечном счёте, – исторического влияния на развитие данного общества в целом и его приграничного региона в частности. Важнейшими показателями в этом отношении являются объёмы пропущенных изучаемой границей потоков людей, товаров, капиталов, информации и иных общественно значимых ресурсов. Следует отметить, что динамика этих показателей определяется действием многих факторов, главными из которых, помимо регулирующего эффекта исследуемой границы, служат пограничное регулирование со стороны смежных государств, а также общий (политический, экономический, социальный, культурный) потенциал каждого из участвующих в трансграничном взаимодействии обществ. Поэтому использование динамики показателей объёма трансграничных потоков для оценки регулирующего воздействия границы требует «очищения» её от влияния колебаний в значениях этих фоновых, «посторонних» с точки зрения основной цели исследования факторов.

Исходя из изменений в функционировании дальневосточной границы, и, прежде всего, в степени жёсткости регулирования ею четырёх основных сфер трансграничных отношений – военно-политической, экономической, социальной и культурной – период 1854 – 1929 гг. можно разбить на несколько этапов. Хронологическими рамками первого из этих этапов, по моему мнению, являются 1854 и 1885 гг.

Характерной особенностью этапа 1854 – 1885 гг. являлась структурная незрелость, по существу, примитивность системы

дальневосточной границы, которая определяла специфику её функционирования в эти годы. Эта незрелость заключалась, прежде всего, в крайней слаборазвитости институционального и материально-технического компонентов границы. Неспециализированность пограничных институтов, скудость человеческих и финансовых ресурсов, зачаточное состояние инженерно-технической инфраструктуры дальневосточных рубежей России во многом препятствовали реализации норм, заложенных в правовую базу их существования.

Несоответствие правовых норм и практики функционирования дальневосточной границы особенно явно проявляло себя в экономической и социальной сферах трансграничных отношений. Российско-китайские договоры 1858 – 1860 гг., «Правила о сухопутной торговле» 1862 г., а также введённые Россией в 1861 г. «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» устанавливали весьма либеральный порядок экономического и социального функционирования дальневосточной границы, в целом поощряющий соответствующие контакты с обеих сторон. При этом особенно широкая открытость для экономических и социальных контактов юридически была обеспечена на российской территории, что обуславливалось стремлением России активизировать заселение и хозяйственное развитие пустынных ещё земель Приамурья и Приморья, и отчасти – желанием избежать возможных противоречий с Китаем. Тем не менее, придание дальневосточной границе высокой степени контактности в указанных сферах вовсе не означало полного отказа от их регулирования. Об этом свидетельствуют, в частности, наличие исключений из беспешинного порядка торговли (касавшихся чая и ряда запрещённых к провозу товаров), лимитированность действия данного порядка пределами 50-вёрстной приграничной полосы, а также оговорённость особого миграционного и экономического статуса китайских подданных, появившихся на юге Дальнего Востока до его включения в состав России. Таким образом, несмотря на всю расплывчатость (рамочность) международно- и национально-правовых норм, созданных в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в., они предполагали существование на дальневосточной границе и в приграничной полосе определённых механизмов учёта и контроля, позволяющих хотя бы в минимальной мере (т.е. на уровне высокой контактности) управлять движением людей и товаров.

Однако вплоть до середины 80-х гг. XIX в. никакого систематического учёта и контроля в отношении трансграничных миграционных и товарных потоков на РДВ налажено не было. Судя по всему, до конца 70-х гг. (т.е. до переписи, произведённой в 1878 – 1879 гг. в Южно-Уссурийском округе) российская администрация не обладала информацией о численности и расселении китайцев, прибывших в регион до 1860 г.¹⁹⁶, поэтому специфические права последних фактически распространялись на всех китайских мигрантов. По существу фикцией в рассматриваемый период были и пределы установленной российско-китайскими соглашениями 50-вёрстной полосы беспошлинной торговли. До начала XX в. они оставались безнадзорными, более того – их точное расположение не было нанесено на карту¹⁹⁷.

Сходное положение с миграционным и товарным учётом и контролем сложилось в это время и на российско-корейской границе. Особенностью же функционирования данной части дальневосточной границы было то, что её институциональная и материально-техническая слабость усугублялись отсутствием какой-либо международно-правовой базы двусторонних отношений¹⁹⁸.

В целом, столь же бесконтрольными с российской стороны были и трансграничные потоки, шедшие из самой России. В качестве характерного примера, демонстрирующего размах беспрепятственного проникновения российских подданных на территорию Китая можно привести факт существования в первой половине 80-х гг. XIX в. на одном из правобережных (китайских) притоков Амура т.н. «Желтугинской республики». Входившие в состав этого существовавшего вне правового поля самоуправляющегося сообщества тысячи российских старателей, в течение нескольких лет, вплоть до лета 1885 г., в массовом порядке свободно пересекали в обоих направлениях государственную границу двух стран, переправляя через неё продовольствие, добытое золото и, по всей видимости, оружие¹⁹⁹.

Таким образом, в период 1854 – 1885 гг. дальневосточная граница практически не выполняла функций регулятора экономического и социального взаимодействия смежных обществ. Контакты между Россией, Китаем и Кореей в этих сферах имели в основном стихийный характер и становились объектом вмешательства со стороны российских властей лишь эпизодически (например, в связи с «манзовой войной» 1868 г.). Ещё меньшей значимостью государственная граница обладала в сфере культурных отношений, которая оставалась за рамками пограничного регули-

рования не только на институциональном и материально-техническом, но и на правовом уровне.

Единственной сферой, в которой дальневосточная граница в 1854 – 1885 гг. на деле осуществляла регулятивные функции, являлись военно-политические отношения. На контроле над ними были сосредоточены по существу все находившиеся на границе силы и средства – армейские и казачьи строевые части, военно-гражданская организация АКВ, выстроенная к 80-м гг. XIX в. цепь военных постов, станиц и посёлков, караулов и пограничных постов. Обязанности обслуживавших границу армейских и казачьих институтов на протяжении рассматриваемого периода были достаточно полно регламентированы нормативными документами – от военного устава и Положения об АКВ 1860 г. до специальных инструкций об исполнении пограничной службы. Как показывает содержание этих документов, приоритет в регулировании военно-политических отношений отдавался внешним барьерным задачам. На армию и казачество возлагались, прежде всего, функции по военной защите дальневосточных рубежей, отражению вооружённых вторжений хунхузских банд и пресечению проникновения на российскую территорию подозрительных и беспаспортных лиц²⁰⁰.

Что же касается российских подданных, то, несмотря на соответствующие требования инструкций по исполнению кордонной службы, для них дальневосточная граница военно-политическим барьером практически не являлась. Так, в нарушение закона, многие казаки без соблюдения каких-либо формальностей, и в т.ч. с оружием в руках, регулярно переходили российско-китайскую границу. Более того, казачьи общества, уже в эти годы имевшие на китайской территории сельскохозяйственные угодья, относились к ним как к неотъемлемой части своих владений. Возникавшие в ходе интенсивных трансграничных контактов проблемы и разногласия нередко решались также помимо действующих законов, путём неофициальных контактов представителей местной казачьей администрации и маньчжурских властей²⁰¹.

При крайне слабой, по сути, только формальной, внутренней барьерности в отношении общества, в интересах государства дальневосточная граница в 1854 – 1885 гг. достаточно активно осуществляла такую специфическую внутреннюю контактную функцию как разведывательная. Реализация в этой форме военно-политических целей России на территории сопредельных государств обеспечивалась не только через содействие поездкам рос-

сийских офицеров в приграничные районы Китая и Кореи. Оперативные разведывательные задачи в пределах непосредственно прилегавшего к границе пространства выполняли и сами охранявшие её армейские и казачьи подразделения. С 1869 г. ведением и организацией разведывательной деятельности на территории Северной Кореи и Маньчжурии занимался учреждённый в Южно-Уссурийской крае пограничный комиссариат²⁰².

Ввиду отсутствия надёжных и систематических статистических данных, оценить эффективность функционирования дальневосточной границы, меру её воздействия на трансграничные потоки на изучаемом историческом этапе довольно сложно. Наиболее определённа (хотя при этом недостаточно полна и надёжна) источниковая и исследовательская информация о движении на РДВ китайских и корейских мигрантов. По сводным данным В.М. Кабузана, в 1860 г. на территории Амурской и Приморской областей находилось около 8100 китайских подданных. В 1869 г. здесь было уже 12800 оседлых китайцев, а в 1881 г. – 29300. С 1863 г. на РДВ стали прибывать переселенцы из Кореи. В 1869 г. в регионе их насчитывалось 1800 чел., а в 1881 г. – 10761. Кроме оседлых китайских и корейских переселенцев, на РДВ в летнее время проживало немало сезонных мигрантов из этих стран (в основном из Китая). В 1869 г. таковых было 38 тыс. чел., а в 1881 г. – 25 тыс.²⁰³

Судя по приведённым данным, численность китайских и корейских иммигрантов в регионе в основном устойчиво возрастала (с 8100 в 1860 г. до 65 тыс. чел. в 1881 г.). При этом, темпы её роста (более чем в 6,5 раз за 20 лет) заметно опережали прирост российско-подданного населения края и развитие регионального хозяйства, создававшие спрос на иностранную рабочую силу. Более того, темпы увеличения числа китайских мигрантов (не говоря уже о корейских) были более высокими, чем скорость роста населения в главном регионе их выхода – активно заселявшейся в этот период Маньчжурии²⁰⁴. Несмотря на свою приблизительность, эта информация в целом подтверждает незначимость влияния границы на динамику трансграничных социально-демографических процессов, по существу отсутствие пограничного регулирования в этой сфере.

Труднее дать оценку объёмам пересекавших дальневосточную границу товарных потоков. По-видимому, важнейшей и наиболее быстро растущей их частью являлось движение товаров из Китая на РДВ. Масштабы этого движения были достаточны для

того, чтобы уже на данном этапе китайская продукция заняла значительную долю рынка края. По мнению исследователей, если в дальневосточных городах торговые обороты китайских коммерсантов в 80-е гг. XIX в. и уступали русским и иностранным, то торговля в сельской местности региона, безусловно, находилась в их руках²⁰⁵.

В отличие от социальных и экономических процессов, развивавшихся в целом стихийно, регулирование военно-политических отношений с соседями, как отмечалось выше, изначально являлось сферой приоритетного внимания российских властей. Тем не менее, результативность реализации фактически основной функции дальневосточной границы в рассматриваемый период – функции внешнего военно-политического барьера – была невысока. Об этом говорят многочисленные свидетельства незаконного распространения китайской администрацией своей власти на российскую территорию. Политико-административные отношения между китайскими властями в Маньчжурии и обществами китайских иммигрантов выражались не только в переписке и переправке через границу собранных податей, но и периодических командировках на РДВ цинских чиновников. При этом, в данные отношения, помимо собственно иммигрантов, было вовлечено и контактировавшее с ними аборигенное население региона, которое управлялось и судилось по китайским законам²⁰⁶. По-видимому, наиболее широкое развитие подобная практика имела в особенно слабо заселённом русскими Северо-Уссурийском крае. Проживавшее здесь и охранявшее границу немногочисленное казачество было не только не способно пресечь осуществление китайской власти на российской территории, но и относилось к нему достаточно терпимо²⁰⁷.

Столь же малой эффективностью дальневосточная граница обладала и в качестве барьера для передвижений хунхузов. В 60-е гг. XIX в. их проникновение на РДВ с территории Китая имело массовый характер и создавало реальную угрозу утраты российскими властями контроля над южными районами этого региона. «Манзовая война» 1868 г. повлекла за собой существенное сокращение масштабов деятельности хунхузских банд. Однако и в дальнейшем, на протяжении всего изучаемого этапа, вооружённые отряды китайских разбойников действовали в регионе весьма активно и, как правило, безнаказанно²⁰⁸.

Таким образом, фактический уровень жёсткости внешнего пограничного регулирования в военно-политической сфере в

1854 – 1885 гг. можно оценить как умеренно контактный. Поддержанию дальневосточной границей целевого, умеренно барьерного, уровня внешнего функционирования в этой сфере в 1854 – 1885 гг. препятствовали в первую очередь причины институционального (неспециализированность армейской и казачьей охраны границы, децентрализованность управления ими) и материально-технического (постоянный недостаток финансирования, инженерно-техническая необустроенность границы, малочисленность строевых погранохранных частей и их сосредоточенность в Южно-Уссурийском крае) плана. Кроме того, в целом негативное влияние на реализацию данной функции оказывали в системе границы её социальный и культурный компоненты, в формировании которых к 80-м гг. XIX в. важнейшая роль принадлежала дальневосточному казачеству. Высокая вовлечённость казаков в социальные и экономические отношения с населением Маньчжурии и китайскими мигрантами, наличие у них хозяйственных интересов по ту сторону границы, восприятие последней как условной, необязательной для местных жителей и вообще открытой для любых мирных контактов линии (культура «широкой» границы) уже в это время приходили в прямое противоречие с возложенными на АКВ задачами по охране государственных рубежей.

Начало второго этапа в истории функционирования дальневосточной границы, продолжавшегося с 1885 по 1909 гг., было связано с введением в действие Временных правил о порядке выдачи китайским подданным русских билетов²⁰⁹. Тем самым, дальневосточной границе была придана новая важная функция – функция миграционного учёта и контроля. Международными предпосылками этого шага, как уже отмечалось, послужили значительная активизация с 1878 г. процесса заселения северо-восточных провинций Цинской империи и продолжавшийся с 1882 по 1886 гг. военно-политический кризис в российско-китайских отношениях. Усилившийся наплыв на РДВ мигрантов из Поднебесной, рассматриваемый в свете вероятного вооружённого конфликта с Китаем, стал одной из причин (возможно, решающей) активизации российскими властями (с 1882 г.) крестьянской колонизации дальневосточных окраин и отмены ранее действовавших норм (экстерриториальность китайцев и налоговые льготы), поощрявших вселение в регион иностранцев.

В этом историческом контексте органической частью политики «русификации» дальневосточного региона и явилось приня-

тое в 1884 г. приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом решение о введении «билетной системы». Его реализация, по существу превращавшая дальневосточную границу в регулятора не только межгосударственных, но и межобщественных отношений, преследовала две основные цели. Первая из них заключалась в барьеризации, в уменьшении притока в Приамурский край азиатских мигрантов. Второй же, стратегической его целью, как следует из дальнейших действий А.Н. Корфа на своём посту, являлось общее упорядочение всей совокупности внешних, трансграничных отношений региона, обеспечение их управляемости со стороны российской администрации.

Созданная в 1885 – 1886 гг. система учёта и контроля миграционных потоков состояла из двух основных звеньев – пограничного и внутреннего. Пограничный миграционный контроль осуществлялся на специально предназначенных к этому пограничных заставах и пропускных пунктах²¹⁰ служившими здесь офицерами, а также пограничными комиссарами. В их обязанности входила проверка, визирование и регистрация национальных паспортов иностранных мигрантов и взимание с последних соответствующего денежного сбора (30 коп.). Внутренний миграционный контроль обеспечивался силами местной администрации и полиции – городскими полицмейстерами, начальниками округов и участковыми приставами (позднее, уездными начальниками и становыми приставами), горными исправниками, начальниками казачьих участков и станичными атаманами. Кроме того, в Амурской области в его осуществлении непосредственно участвовали чиновники канцелярии военного губернатора²¹¹. В течение месяца после визирования паспорта иммигранты были обязаны зарегистрироваться у названных должностных лиц и получить годичный русский билет (вид на жительство), сбор за который первоначально составлял 1 руб. 20 коп. Китайские и корейские подданные, не имеющие визированных паспортов или русских билетов, подлежали, по усмотрению властей, либо высылке за границу, либо уплате штрафа. Правила чётко выделяли из общей массы китайских мигрантов тех, кто проживал на территории РДВ до 1860 г.: последним выдавались особые бессрочные билеты с указанием места постоянного жительства и занятия²¹².

Передача части паспортно-визовых функций (выдача видов на жительство) органам местной власти, по-видимому, была обусловлена, прежде всего, невозможностью обеспечения соответствующего административно-полицейского присутствия на самой

линии границы. Однако и во внутренних районах края наличных административных и полицейских сил для осуществления надлежащего учёта и контроля над иммигрантами было явно недостаточно. В связи с этим с 1887 г. краевые власти стали привлекать к решению данных задач самих китайских мигрантов в лице их выборных старшин. С 1891 г., после принятия генерал-губернатором Корфом «Особых правил об общественном управлении китайского и корейского населения», подобная практика была закреплена и расширена. В круг обязанностей легализованных китайских и корейских обществ были включены регистрация прибытия и убытия иммигрантов, надзор за получением ими русских билетов, задержание нарушителей паспортного режима и содействие в их выдворении на родину²¹³. Встраивание в систему миграционного контроля органов китайского и корейского самоуправления, при всей неоднозначности этого шага, значительно расширяло возможности российских властей и в определённой мере восполняло острый недостаток находившихся в их распоряжении человеческих и финансовых ресурсов.

По признанию современников, и в т.ч. представителей российской администрации, «билетная система» обладала многими изъянами. Работа ответственных должностных лиц по учёту и тем более идентификации прибывающих в край иммигрантов, а также взиманию с них денежных сборов плохо контролировалась вышестоящими инстанциями и не отличалась строгостью делопроизводства и систематичностью. Это способствовало как нарушениям паспортного режима со стороны иностранцев (фальсификации или взаимной передаче паспортов и билетов, уклонению от их визирования и получения), так и злоупотреблениям самих представителей власти²¹⁴. Общими причинами этих недостатков являлось организационное и материально-техническое несовершенство «билетной системы». Её введение не сопровождалось созданием в структуре дальневосточной границы новых специализированных органов и привлечением дополнительных кадров и финансовых средств. Функция контроля над движением мигрантов была разделена между целым рядом уже существующих и перегруженных основными обязанностями институтов пограничной охраны, администрации и полиции, централизованно регулировать и проверять деятельность которых было крайне трудно. Функциональная перегруженность пограничной охраны и административно-полицейских органов усугублялась фактическим отсутствием внешнего звена системы миграционного кон-

троля: до 1906 г. в Маньчжурии не было российских консульств. Наконец, негативное влияние на реализацию данной функции оказывала по-прежнему высокая степень проницаемости линии дальневосточной границы в целом, позволявшая многим иммигрантам попадать на территорию края в обход установленных для них пунктов пропуска.

Тем не менее, несмотря на все недостатки созданного механизма контроля, его появление явилось важной вехой в развитии системы дальневосточной границы. Впервые объектом прямого пограничного регулирования стала сфера социально-демографических отношений РДВ с его восточноазиатскими соседями. Кроме того, следует отметить, что регулирование этносоциального состава и структуры населения региона, косвенно способствовало повышению военно-политической значимости дальневосточных рубежей, а также позволяло им опосредованно воздействовать на состояние экономической и культурно-информационной безопасности края.

С точки зрения поставленных целей уровень жёсткости регулирования человеческих потоков не был высок. «Билетная система» не предусматривала каких-либо запретительных мер в отношении трансграничного движения основной массы мигрантов. Поэтому заданный характер осуществлявшегося в 1885 – 1909 гг. социального пограничного регулирования можно в целом оценить как умеренно контактный. Барьерный же, защитный, эффект, ожидавшийся от данной реформы её инициатором был, таким образом, относительным: он был обусловлен тем, что переходу к контактному регулированию предшествовала ситуация практически полной стихийности миграционных потоков. Что же касается направленности регулирования в рассматриваемой сфере, то оно было в основном односторонним, внешним. Принимавшиеся в 1885 – 1887 гг. под влиянием обращений и действий китайских властей краевой администрацией меры в отношении упорядочения пересечения границы российскими подданными²¹⁵ имели скорее демонстративное значение и не получили в дальнейшем практического развития.

Последовательное проведение той пограничной политики, основы которой были заложены А.Н. Корфом, могло значительно ускорить историческую трансформацию материковых рубежей России на Дальнем Востоке во в полной мере государственно управляемую границу комплексного и линейного типов. Однако после смерти первого приамурского генерал-губернатора начатые

им преобразования не только не получили необходимого продолжения, но в определённой степени были обращены вспять. Причины этого заключались не только в противоречивости взглядов часто сменявшихся в последующие годы глав Приамурского края. Важнейшим фактором дальнейшей эволюции пограничной политики в регионе, с моей точки зрения, стал внешнеполитический курс российского правительства, определявшийся в основном сторонниками экономического, военного и, в конечном счёте, политического утверждения России в Маньчжурии. Постановка подобных задач имела своим закономерным следствием значительное снижение интереса центральных, а вслед за ними и региональных властей к проблемам укрепления и развития существующих границ империи на Дальнем Востоке.

Начиная с 1894 г. надзор российской администрации за пересечением границ края иностранными мигрантами был существенно ослаблен. В значительной мере сократились масштабы проводившихся ранее массовых депортаций на родину нелегальных иммигрантов. В 1897 г. китайские и корейские общества, игравшие важную роль в системе миграционного учёта и контроля, были ликвидированы²¹⁶. Несмотря на по-прежнему декларируемую властями разного уровня приверженность делу защиты края от наплыва «жёлтой расы», эти изменения не могли не сказаться на общей эффективности функционирования дальневосточной границы в сфере социально-демографических отношений.

Колебания между политиками укрепления и «исправления» существующей границы России на Дальнем Востоке отразились и на военно-политической сфере её функционирования. В рассматриваемый период властями были приняты определённые меры по повышению жёсткости внешнего регулирования в этой сфере. В 1895 – 1902 гг. в результате переселений казаков из Европейской России была увеличена численность населения АКВ и УКВ. Был расширен и состав служивших на границе строевых частей. Однако в сравнении с реальными потребностями защиты и охраны дальневосточных рубежей и на фоне потока людских и финансовых ресурсов, направлявшихся по линии военного и иных ведомств в Северо-Восточный Китай, принимаемые меры были совершенно незначительны. Судя по соотношению государственного внимания и затрат, во второй половине 90-х гг. XIX в. и первой половине 900-х гг. XX в. дальневосточная граница в основном выполняла роль инструмента поддержки военно-политического присутствия России в Маньчжурии. В числе приоритетов

её функционирования внешняя барьеризация во многом уступила место развитию внутренней контактности, связанной в это время не столько с разведкой, сколько с решением задач по защите и охране тыловых коммуникаций российских войск и администрации, находившихся на территории Китая. При этом институты границы не только создавали условия для реализации военно-политических интересов империи в Китае, но и (в лице пограничных комиссаров) напрямую участвовали в управлении оккупированными районами Маньчжурии²¹⁷.

Высокой противоречивостью и непоследовательностью на данном этапе отличалась и государственная политика по регулированию трансграничных экономических отношений. Подготовка к введению на РДВ таможенного контроля была начата властями центрального и регионального уровня ещё в первой половине 90-х гг. XIX в.²¹⁸ Однако законодательное решение об отмене в регионе «порто-франко» было принято лишь в 1900 г. При этом, закон от 10 июня 1900 г. касался материковых границ края в минимальной степени. В отношении подавляющего большинства китайских товаров созданные здесь таможи выполняли только учётные функции. Тем не менее, и этот порядок регулирования трансграничной торговли просуществовал очень недолго. Уже в мае 1904 г., имея в виду, прежде всего, задачи снабжения российских войск в Маньчжурии, правительство восстановило в крае режим «порто-франко». Таким образом, вплоть до конца периода 1885 – 1909 гг. дальневосточная граница так и не приобрела функции регулятора товарных потоков, что в значительной мере было обусловлено наличием у правящих кругов страны «особых интересов» на смежных с ней территориях Китая и Кореи.

Лишь после поражения в русско-японской войне, заставившего правительство кардинально изменить свои стратегические цели на востоке России, пограничная политика в регионе вновь возвращается к тому курсу, который впервые был намечен в середине 80-х гг. XIX в. В 1906 – 1908 гг. власти обращают внимание на необходимость укрепления «билетной системы». В этой связи ужесточается административный надзор за правильностью и точностью учёта иммигрантов и возобновляется взаимодействие с легализованными с 1906 г. китайскими и корейскими обществами. В ряде городов Маньчжурии в 1906 г., наконец, учреждаются российские консульства. Одновременно с этим, на границу перебрасываются дополнительные военные части, что позволяет, как усилить общий режим её охраны, так и активизиро-

вать борьбу с контрабандой. Однако названные меры носили в основном оперативный характер и не касались важнейших проблем функционирования и развития системы границы. Постановке и попыткам разрешения этих проблем был посвящён уже следующий этап её истории.

Рассматривая вопрос эффективности функционирования дальневосточной границы в 1885 – 1909 гг., следует сказать, что в этот период, приобретая функцию миграционного учёта и контроля, она получает весьма значимое для любой зрелой социальной системы качество – способность к самоописанию. Вместе с тем, в силу упоминавшихся выше причин, данные этого самоописания характеризуют функционирование изучаемой системы не только частично, но и не вполне достоверно. Как признают многие исследователи, приводимая в официальных изданиях иммиграционная статистика, основанная на результатах административного и полицейского учёта выданных русских билетов, существенно занижена. Её заниженность объясняется, прежде всего, недоучётом сезонных мигрантов, как правило, избегавших регистрации и проживавших в крае на нелегальном положении. Исходя из информации ряда источников дореволюционного периода, доля таких мигрантов в общей массе пришлого восточно-азиатского населения региона могла составлять примерно 25 – 35%²¹⁹. Если принять эту цифру как относительно постоянную величину, то погодные официальные данные о численности китайцев и корейцев в Приамурском крае следует увеличивать, по крайней мере, на треть.

Столь серьёзная заниженность данных официального миграционного учёта сама по себе весьма красноречиво демонстрирует меру эффективности системы дальневосточной границы в сфере регулирования социально-демографических процессов. Вместе с тем, на мой взгляд, она не исключает возможности использования административно-полицейской статистики для выявления и оценки общих, долгосрочных тенденций динамики трансграничных миграционных потоков.

Как показывает анализ официальной статистики, с точки зрения интенсивности миграционного движения, период 1885 – 1909 гг. можно разбить на два основных этапа. На первом из них, продолжавшемся примерно до середины 90-х гг. XIX в., рост численности иностранных мигрантов был сравнительно (в т.ч. в сопоставлении с предшествующим периодом 1854 – 1885 гг.) медленным. Так, численность «оседлых» китайцев, в 1886 г. состав-

лявшая в Приамурском крае 27500 чел., в 1893 г. определялась примерно в 28500 чел.²²⁰ Значительнее, но не более чем в полтора раза выросла в это время численность корейских мигрантов: в 1887 г. их было 12700 чел., а в 1893 г. – около 17,5 тыс.²²¹

Второй этап, пришедшийся на последнее пятилетие XIX и первое десятилетие XX вв., характеризовался в целом значительным повышением темпов прироста корейского и китайского населения региона. К 1907 г. в Приамурском крае насчитывалось 69340 китайцев и 36031 кореец²²². К 1910 г. их численность соответственно возросла до 98149 и 51554 чел.²²³ Военные события 1900 – 1901 и 1904 – 1905 гг. способствовали некоторому замедлению движения иммигрантов (особенно, китайцев), однако по их окончании скорость иммиграционного притока в край быстро восстанавливалась.

Общая численность населения РДВ, также как и производственный потенциал региона, создававший спрос на рабочие руки, в 1885 – 1895 и 1895 – 1910 гг. возрастали достаточно равномерно, и поэтому вряд ли могли оказать существенное влияние на возникновение выявленного различия. В определённой степени изменение скорости притока мигрантов можно объяснить двукратным ускорением прироста в 1900 – 1910 гг. (по сравнению с предшествующим десятилетием) населения Маньчжурии: в 1890 г. оно составляло 10 млн. чел., в 1900 г. – 12,5 млн., в 1910 г. – 17,7 млн.²²⁴ Однако увеличение притока в Приамурский край китайцев началось уже в середине 90-х гг. XIX в. и имело более высокие темпы. Не подходит на роль объясняющего фактора в данном случае и пограничная политика сопредельных государств: на протяжении всего периода 1885 – 1910 гг. китайские и корейские власти практически не ограничивали движения своих подданных в российские пределы.

Таким образом, специфика иммиграционного движения на РДВ в 1885 – 1895 гг., по моему мнению, не может получить полного и удовлетворительного объяснения без учёта фактора границы, а точнее той пограничной политики, которая проводилась властями края на протяжении большей части указанного периода. Насколько можно судить по приведённым данным, несмотря на отмечавшиеся недостатки «билетной системы», в 1885 – 1895 гг. граница в целом обеспечивала заданный, умеренно-контактный, уровень регулирования социально-демографических процессов, блокируя проникновение на территорию РДВ значительной части потенциальных китайских и корейских иммигрантов. В период

же 1895 – 1910 гг., в связи с вызванным политическими причинами ослаблением административного надзора краевых властей за исполнением установленных ранее правил миграционного учёта и контроля, жёсткость пограничного регулирования в этой сфере заметно снизилась, фактически достигнув уровня высокой контактности.

Как уже говорилось, экономическое взаимодействие РДВ с сопредельными азиатскими странами так и не стало объектом систематического пограничного регулирования. Объём практически не контролируемой государством трансграничной торговли (прежде всего, с Китаем) продолжал быстро расти. За 1890 – 1900 гг. торговый оборот РДВ с Китаем увеличился с 3 млн. до 7 млн. руб.²²⁵ При этом, всё больший вес в ней приобретал ввоз в регион крупных партий маньчжурского хлеба: если в 1896 г. на РДВ было ввезено более 4 млн. пудов хлеба, то в 1906 – 1910 гг. только в Приморскую область из Маньчжурии ежегодно поступало (по разным оценкам) от 9 до 15 млн. пудов зерна и муки²²⁶. По-прежнему, значительным было и присутствие на дальневосточном рынке китайских торговых фирм. Вместе с тем, уже в этот период определённое влияние на динамику трансграничных товарных потоков оказывали принимавшиеся российскими властями меры оперативного характера. Так, с 1907 г. в крае наблюдалась тенденция к сокращению мелкой китайской торговли²²⁷. Судя по всему, этот процесс стал результатом не только ужесточения контроля над соблюдением правил торговой деятельности²²⁸, но и следствием развёрнутой в те же годы борьбы с контрабандой, имевшей жизненно важное значение для работы многих мелких китайских торговых заведений.

Мало изменилась в 1885 – 1909 гг., по сравнению с предшествующим этапом, эффективность внешнего функционирования дальневосточной границы в военно-политической сфере. Фактическая степень жёсткости этого функционирования соответствовала не заданному, умеренно-барьерному, а более низкому, умеренно-контактному, уровню. Активность в крае прибывающих с китайской территории хунхузских банд в эти годы, по имеющимся данным, не только не снизилась, но и приобрела ещё больший размах. Так, в 1898 – 1899 гг. только в Амурской области хунхузы совершили 138 нападений на русское население. Хунхузские отряды контролировали целые районы региона, взимая дань с их жителей, неоднократно нападали на крупные сёла, рабочие посёлки и железную дорогу. Острой проблемой, тесно

связанной с хунхузничеством, в начале XX в. становится шпионская и диверсионная деятельность азиатских мигрантов, осуществлявшаяся в основном на деньги и в интересах японской разведки²²⁹. Таким образом, граница в целом не являлась препятствием для широкого проникновения в регион иностранцев, представлявших угрозу для общественной безопасности и государственных интересов России. Развитие институциональной и материально-технической базы её военно-политического функционирования явно не успевало за ростом объёмов и сложности трансграничных процессов в данной сфере, главной причиной которого было значительное повышение международной напряжённости в США.

С 1909 г. дальневосточная граница вступает в третий этап своей истории, который ознаменовался наиболее масштабными (в рамках рассматриваемого в данной главе периода) изменениями в её структуре и функционировании. Подобные изменения стали возможны благодаря тому, что пограничная политика на РДВ в 1909 – 1917 гг. формировалась в условиях активного взаимодействия и относительной общности целей центральной и региональной властей, а её осуществление было как никогда планомерным и хорошо обеспеченным государственным финансированием.

Важнейшей предпосылкой для очередного обновления системы дальневосточной границы послужили результаты российско-японской войны, а именно переход России к в основном оборонительной стратегии в США и сопряжённое с ним возрастание военно-политической и общественной значимости её ранее сложившихся границ в этом регионе. Однако события революции 1905 – 1907 гг., а также осуществление социально-экономических реформ в центральных районах страны ещё в течение нескольких лет не позволяли правительству сосредоточить своё внимание на Дальнем Востоке. Лишь в 1909 г., в особенности с учреждением Комитета по заселению Дальнего Востока под руководством премьер-министра П.А. Столыпина, регион на деле занимает место одного из приоритетных объектов внутренней политики Петербурга.

Первой и ключевой реформой в системе границы на этом этапе стала окончательная отмена в январе 1909 г. на юге Дальнего Востока режима «порто-франко». С этого момента дальневосточная граница начинает функционировать не только как военно-политический и социальный, но и экономический рубеж.

Начатая в 1909 г. функциональная трансформация была завершена в 1913 г., когда после ликвидации 50-вёрстной приграничной полосы новый экономический рубеж России приобрёл линейный характер. Преследуя в целом протекционистские, защитные цели, регулирование импортных товарных потоков, вместе с тем, не отличалось высокой степенью жёсткости. Учитывая сохранявшийся беспорядочный порядок ввоза очень широкого перечня продуктов, включая такие крупные статьи маньчжурского экспорта как хлеб и другие продовольственные товары массового потребления²³⁰, внешнее функционирование границы в экономической сфере на этом этапе можно оценить как умеренно контактное. В отношении же отечественных товаров уровень его контактности следует признать высоким.

Следует подчеркнуть, что заявленный на политико-правовом уровне переход к постоянному регулированию трансграничных экономических отношений достаточно скоро получил адекватное материальное и институциональное подкрепление. В течение 1909 – 1914 гг. на границе были созданы десятки таможенных застав и пунктов, обеспеченных необходимыми штатами и финансированием. В 1911 г. для обеспечения контроля над ввозом подакцизных товаров в регионе формируется корчемная стража.

Протекционистская пограничная политика в эти годы осуществлялась не только в форме прямого таможенного регулирования товарных потоков. Праволиберальные взгляды, распространившиеся в административных кругах страны в период премьерства Столыпина и характерное для них понимание экономической безопасности как важнейшей основы безопасности государственной, способствовали «экономизации» и других направлений функционирования дальневосточной границы. Так, приоритетной задачей регулирования ею миграционных потоков в 1909 – 1917 гг. становится защита регионального рынка от избыточного присутствия на нём «жёлтого труда».

Специальной мерой по ограничению притока китайской и корейской рабочей силы было введение в 1911 г. особого механизма её полицейской регистрации в форме обязательного выкупа иммигрантами личных наёмных книжек, с 1912 г. содержащих фотографию своего владельца. Одновременно с этим, совершенствовалась и старая «билетная система». В 1911 г. были увеличены сборы за получение русских билетов, а годом позже, в связи с переносом выдачи билетов непосредственно в пограничные пропускные пункты, было отменено право иммигрантов на

месячное пребывание в крае по завизированным национальным паспортам. Усиление миграционного учёта и контроля, повышение его фильтрующего эффекта дополнялись ограничительными мерами в отношении российских работо- и арендодателей иностранцев, которые были зафиксированы в законе от 21 июня 1910 г.²³¹ При условии своей полной и последовательной реализации указанные нормы обеспечили бы существенное сокращение азиатской трудовой миграции, повысив жёсткость внешнего социального функционирования границы до умеренно барьерного уровня.

Задачи внешнего функционирования дальневосточной границы в военно-политической сфере на этапе 1909 – 1917 гг. в основном не изменились. Вместе с тем, материально-технические и организационные условия выполнения этих задач, благодаря совместным усилиям правительства и региональных властей, на данном этапе в определённой мере улучшились. Так, с 1910 г. на выделенные из казны средства на территории южной части Приамурского края начинают проводиться масштабные военные операции по ликвидации хунхузских банд. В связи с проведением этих операций охрана границы была усилена дополнительными воинскими подразделениями²³². Примерно в это же время активизируется и приобретает планомерный характер работа полиции по выявлению в среде иммигрантов лиц, занимающихся шпионской, диверсионной и иной политически опасной деятельностью. В ходе неё были проведены проверки иммигрантских обществ (прежде всего, корейских), по результатам которых ряд из них были закрыты, а их члены высланы за пределы края или за границу²³³. В 1911 – 1914 гг. правительством было профинансировано строительство капитальных военных объектов (военных городков, баз) в некоторых ключевых пунктах приграничья Приморской и Амурской областей, включая с. Новокиевское, с. Раздольное, гг. Благовещенск и Хабаровск²³⁴.

Развитие системы дальневосточной границы привело к тому, что к концу этапа 1909 – 1917 гг. на пограничной линии, кроме собственно охранных частей, функционировал целый комплекс специализированных институтов, включавший полицию, жандармерию, таможенную службу и корчемную стражу. Однако это отнюдь не освободило армейские и казачьи части от необходимости осуществления множества непрофильных обязанностей, не относящихся к сфере военной и политической охраны, в т.ч. миграционного, санитарно-ветеринарного контроля и борьбы с кон-

трабандой²³⁵. Сохраняющаяся многофункциональность пограничной охраны, безусловно, препятствовала эффективному выполнению её основных задач.

Если внешней военной-политической функции границы государством по-прежнему был задан умеренно барьерный уровень, то в целях её внутреннего функционирования в данной сфере в 1909 – 1917 гг. произошли заметные изменения. Дальневосточная граница утратила ту высокую внутреннюю военно-политическую контактность, которую она имела на предыдущем этапе. Её основной внутренней контактной функцией вновь становится создание условий для ведения военно-разведывательной деятельности на территории смежных районов Кореи и Китая. Собственно же политические (в т.ч. общественно-политические) контакты с соседними странами подвергаются в эти годы барьеризации. С созданием в Маньчжурии консульских учреждений Министерства иностранных дел пограничные комиссары Приамурского края потеряли большую часть своих дипломатических полномочий²³⁶. Одновременно с этим, они усилили контроль за соблюдением запрета на сношения с китайскими властями неуполномоченных на то российских должностных лиц, каковые долгое время являлись обычной практикой в жизни российско-китайского пограничья²³⁷. По-видимому, главным побудительным мотивом к прекращению подобной практики являлись опасения того, что она может стать дополнительным источником недоразумений и осложнений в напряжённых международных отношениях в США послевоенного времени. Таким образом, внутреннему военно-политическому функционированию дальневосточной границы в 1909 – 1917 гг. российские власти также стремились придать умеренно барьерный характер.

Оценку эффективности функционирования дальневосточной границы в 1909 – 1917 гг., затрудняет то обстоятельство, что последствия многих нововведений этого этапа не смогли проявить себя в полной мере в связи с началом мировой войны, которая не только приостановила осуществление пограничной политики предшествующих лет, но и привела к её частичному пересмотру. По существу для рассмотрения результативности принятых мер могут быть использованы лишь данные, относящиеся к очень краткому историческому периоду 1910 – 1914 гг.

В 1910 г. численность китайцев, находившихся на РДВ, по данным официального учёта достигла своего максимума и составляла 98149 чел. Затем она постепенно снижалась. В 1912 г.

численность китайского населения региона, по исследовательским оценкам, составляла 91329 чел.²³⁸ По другим сведениям (по данным генерал-губернаторских отчётов) снижение количества китайцев в крае в эти годы было более значительным²³⁹. Что касается корейского населения, то после 1910 г. его рост не прекратился, однако темпы этого роста, в сравнении с периодом 1895 – 1910 гг., существенно замедлились. Если в 1910 г. корейцев на РДВ насчитывалось (по отчётам генерал-губернатора) 51554 чел., то в 1914 г. их численность составила 57440 чел.²⁴⁰

Отмеченные изменения в динамике китайской и корейской иммиграции в регион не могут быть объяснены влиянием внешних факторов. В 10-е гг. XX в. численность населения соседней с РДВ Маньчжурии продолжала быстро возрастать: в 1917 г. она достигла 21 млн. чел.²⁴¹ В связи с превращением Кореи в японский протекторат, власти которого, по сути, целенаправленно вытесняли из страны её коренное население, ещё больший размах, чем ранее, приобретает корейская эмиграция. Кроме того, сам дальневосточный регион переживал в эти годы бурный экономический рост, который способствовал устойчивому повышению спроса на рабочую силу, не покрывавшемуся за счёт переселения из центра России²⁴². Таким образом, фиксируемое замедление (а в отношении китайцев и прямое снижение) притока азиатских иммигрантов в край, судя по всему, стало результатом в первую очередь именно пограничной политики, а точнее принятых на рассматриваемом этапе мер по ужесточению регулирования трансграничных миграционных потоков.

Вместе с тем, приведённые статистические данные показывают, что практический эффект от этих мер был далёк от первоначально заявленных властью умеренно барьерных целей. Действенность принятых на данном этапе решений была снижена тем, что они не сопровождались достаточным увеличением штатов и финансирования полицейских органов, ответственных за их выполнение. Кроме того, в отсутствие общего иммиграционного закона, деятельность по миграционному учёту и контролю оставалась институционально неспециализированной и децентрализованной. Наконец, ужесточение внешнего функционирования границы в социально-демографической сфере в процессе своей реализации натолкнулось на упорное сопротивление части дальневосточного общества и, прежде всего, местных предпринимателей и казачества, активно и небезуспешно лоббировавших свои интересы в органах центральной власти. В итоге введённые зако-

ном 1910 г. ограничения, в конечном счёте, почти не затронули корейских и китайских работников и арендаторов, занятых в частном секторе. В отношении же азиатских рабочих, работодателем для которых выступала казна, они применялись со значительными изъятиями²⁴³. В целом, несмотря на относительное повышение жёсткости регулирования миграционных потоков, в 1909 – 1917 гг. оно не создавало каких-либо непреодолимых, запретительных барьеров на пути проникновения в регион основной массы китайских и корейских иммигрантов. Жёсткость внешней социальной функции дальневосточной границы на этом этапе, на мой взгляд, так и не достигла уровня умеренной барьерности, продолжая (как и в 1885 – 1895 гг.) оставаться умеренно контактной. Что же касается регулирования миграционного движения из региона за рубеж, то никаких существенных перемен в данной области в эти годы не произошло, и оно, как и ранее, характеризовалось высокой контактностью.

В отличие от социальной, в экономической сфере запланированный (умеренно контактный) уровень жёсткости регулирования трансграничных отношений на данном этапе в целом был достигнут. Таможенное обложение, а также борьба с контрабандой способствовали относительному сокращению китайского присутствия в мелкой (розничной) торговле региона. В 1910 г. в Приморской области численность российских торговцев (3101 чел.) впервые почти сравнялась с численностью китайских (3210 чел.), тогда как ещё в 1909 г. разрыв между этими цифрами был весьма значительным (2086 и 2697 чел. соответственно). По показателю же торгового оборота российская торговля на Дальнем Востоке в 1910 г. превосходила китайскую в десятки раз: 909,9 против 14,5 млн. руб. соответственно²⁴⁴. Вместе с тем, на общие объёмы крупнооптового ввоза на РДВ товаров из Китая и Кореи (в основном, сельскохозяйственной продукции) появление на границе таможен существенно не повлияло. Так, импорт в регион зерновых и скота из Маньчжурии в предвоенные годы продолжал устойчиво возрастать²⁴⁵.

Менее эффективным на данном этапе оставалось пограничное регулирование военно-политических отношений, которое всё ещё сохраняло фактически умеренно контактный характер. Главным результатом принятых мер по укреплению военно-политической барьерности стало существенное сокращение накануне войны активности в крае хунхузов²⁴⁶. Однако поскольку проведённые мероприятия носили оперативный характер и не стали сис-

тематической, институционализированной практикой, достигнутый успех оказался временным. В годы первой мировой войны деятельность хунхузов на РДВ вновь приобрела широкий размах. Кроме того, на изучаемом этапе российским властям так и не удалось превратить дальневосточную границу в надёжный барьер для проникновения на территорию края лиц, представлявших угрозу интересам национальной безопасности (шпионов, диверсантов, политических иммигрантов)²⁴⁷.

Четвёртый этап в истории функционирования дальневосточной границы (1922 – 1929 гг.) совпадает с периодом восстановления, полномасштабной реконструкции системы последней. В условиях вызванного военными и революционными событиями частичного или полного разрушения правовых, институциональных и материально-технических основ существования границы, её строительство во многом приходилось начинать заново. В то же время, возникла объективная необходимость приведения структуры и функций границы (и, в первую очередь, её социального и культурного компонентов) в соответствие с кардинально изменившимся политическим и общественным устройством России в целом и её дальневосточного региона. Сложность одновременного решения задач реконструкции и трансформации системы границы усугублялась её удалённым, периферийным положением и общей крайней ограниченностью управленческих ресурсов советского государства в 20-е гг.

Ввиду неспособности государственной власти уделять должное внимание всем основным сферам функционирования дальневосточной границы, её формирование и развитие в 1922 – 1929 гг. приобретает ярко выраженную неравномерность. Приоритетным для советского государства на данном этапе являлось восстановление границы на Дальнем Востоке как военно-политического рубежа. В соответствии с общей концепцией охраны советских границ, как внешнее, так и внутреннее функционирование этого рубежа должно было быть направлено на пресечение его любого рода незаконных нарушений, поддержание революционного порядка в пограничной полосе и защиту её населения от вооружённых нападений. При этом, особое место в регулировании данной сферы трансграничных отношений с начала 20-х гг. отводилось т.н. «политической охране», т.е. борьбе со всеми формами проникновения на территорию СССР «с целью учинения контрреволюционных преступлений»²⁴⁸.

В первые годы по установлении советской власти в регионе практическая реализация названных задач на дальневосточной границе сталкивалась со значительными трудностями, которые были обусловлены, прежде всего, малочисленностью частей пограничной охраны, её слабой вооружённостью и оснащённостью, неразвитостью инженерно-архитектурной инфраструктуры. Кроме того, негативное влияние на поддержание высокой степени жёсткости не только внутреннего, но и внешнего пограничного регулирования вплоть до 1927 г. оказывала активная вовлечённость партийного руководства страны во внутривнутриполитическую борьбу в Китае, осуществление им широкой помощи коммунистическому движению в этой стране. Другой важной помехой ужесточению функционирования границы в военно-политической сфере служила нелояльность советской власти и её пограничной политике части приграничного населения РДВ (прежде всего, из числа казаков и иммигрантов) и сложившаяся ранее в регионе культура границы.

К концу 20-х гг. усилиями центральной власти организационная структура пограничной охраны на Дальнем Востоке была усовершенствована и централизована, а её обеспеченность всеми видами материально-технических ресурсов заметно повысилась, во многих отношениях превзойдя уровень 1909 – 1917 гг. Одновременно с этим, интересы классовой солидарности и мировой революции в сознании большевистской элиты были оттеснены на второй план задачами защиты безопасности единственного социалистического государства. Эти изменения позволили, наконец, создать необходимые условия для практического достижения во внешнем и внутреннем функционировании дальневосточной границы в военно-политической сфере умеренно барьерного уровня. Её полной барьеризации к концу рассматриваемого этапа по-прежнему препятствовали упомянутые социальные и культурные факторы.

В целом значительно меньше новая власть была озабочена восстановлением пограничного регулирования социально-демографических отношений. Советские нормы иммиграционного контроля, введённые на РДВ с 1923 г., во многом были более мягкими, чем те, что действовали в последние годы существования старого режима: выдача иностранцам временных советских паспортов (видов на жительство) была вновь перенесена с линии границы во внутренние районы края; срок их получения был увеличен до 2 месяцев; перестал использоваться такой инструмент

учёта иностранной рабочей силы как трудовые книжки; была упрощена процедура получения иммигрантами советского гражданства²⁴⁹. Относительная либеральность советского иммиграционного законодательства усиливалась крайней недостаточностью кадров и средств, которыми располагали отвечавшие за его применение органы милиции²⁵⁰. Сколько-нибудь серьёзного содействия милиции в этом отношении не могла оказать и обременённая более государственно значимыми обязанностями погранохрана ОГПУ²⁵¹. Кроме того, нельзя не учитывать и препятствовавшей ужесточению социально-демографических функций границы политико-идеологической заинтересованности большевистских властей (до 1927 г.) в ознакомлении трудящихся из азиатских стран с преимуществами жизни в социалистическом обществе. В совокупности названные факторы обусловили сохранение вплоть до конца 20-х гг. внешним и внутренним функционированием дальневосточной границы в данной сфере умеренно контактного характера.

В 1922 – 1923 гг. центральными и региональными органами советской власти были приняты меры по восстановлению созданной на РДВ накануне первой мировой сети таможенных учреждений. Однако, преемственность между советской и царской политикой в области регулирования трансграничных экономических отношений оказалась весьма недолгой. Во второй половине 20-х гг. в регионе развернулись взаимосвязанные процессы монополизации государством внешней торговли и сворачивания таможенной инфраструктуры²⁵². В результате к концу изучаемого этапа функционирование дальневосточной границы в экономической сфере сохраняло свой умеренно контактный характер лишь для узкого круга государственных производителей и торговых организаций, а также для выступавших в качестве их партнёров представителей крупного зарубежного бизнеса. Что же касается мелких и средних частных производителей и торговцев по обе стороны границы, то для них в эти годы она становилась всё более жёстким и труднопреодолимым барьером. Впрочем, полностью закрыть границу для массового товарообмена, принявшего контрабандные формы, до конца 20-х гг. так и не удалось. Этого не позволяла сделать как ограниченность сил дальневосточных таможенников и пограничников, так и упоминавшаяся специфика интересов и культуры населения приграничных территорий региона.

Новой сферой пограничного регулирования на Дальнем Востоке в 1922 – 1929 гг. стали культурно-идеологические контакты смежных обществ. Подобное расширение регулятивных функций дальневосточной границы явилось отражением приверженности большевистского режима идее глобальной (интернациональной) коммунистической экспансии, важнейшим средством которой должна была послужить широкая международная пропаганда. В конечном счёте, именно пропагандистские цели преследовало активное поощрение советскими властями развития на территории РДВ национальных образовательных и культурных учреждений для китайского и корейского населения, а также ввоз для его нужд книжной и периодической печатной продукции из-за границы. В свою очередь, получившие советское образование и воспитание иммигранты, по возвращении на родину, наряду со специально издававшейся для зарубежной китайской и корейской аудитории литературой, должны были играть роль проводников коммунистических идей и ценностей²⁵³. Следует отметить, что уже в 20-е гг. трансграничное культурное взаимодействие достаточно последовательно контролировалось. Его внешняя и внутренняя контактность носила умеренный, чётко лимитированный характер: идеологически враждебная (буржуазно-националистическая и белоэмигрантская) или сомнительная информация из Кореи и Китая, также как и исходящие сведения, могущие бросить тень на образ советского общества, квалифицировались как «политическая контрабанда» и отфильтровывались.

По данным переписей, численность восточноазиатских иммигрантов на РДВ в 20-е гг. в целом продолжала устойчиво и быстро возрастать. В особенности это было характерно для корейской иммиграции: если в 1923 г. на территории ДВК (включавшего кроме РДВ, также Забайкалье) насчитывалось 110280 корейцев, то в 1926 г. их было уже 168009 чел., а в 1929 г. – 180700 чел.²⁵⁴ До самого конца 20-х гг. движение корейцев в регион, несмотря на попытки властей остановить его силами пограничной охраны, существенно не ослабевало²⁵⁵.

Вплоть до второй половины 20-х гг. росла на территории ДВК и численность китайских мигрантов: в 1923 г. она составляла 50183 чел., а в 1926 г. – 72005 чел.²⁵⁶ Постепенное снижение притока китайцев в регион началось, по-видимому, лишь с 1928 – 1929 гг. и было связано с массовым применением к ним советскими властями мер административного давления²⁵⁷.

Приведённые выше данные переписей о численности иммигрантов, также как и официальная статистика дореволюционного периода, имеют приблизительный, неполный характер и позволяют увидеть лишь основные тенденции миграционной динамики. Так, по оценкам самих представителей власти, недоучёт статистическими органами корейского населения в Приморской губернии в 1924 г. мог достигать почти 30%²⁵⁸. По некоторым же сведениям, процент не зарегистрировавшихся в милиции и соответственно не попадавших в официальную статистику иммигрантов был значительно большим. Например, в Амурском округе на июль 1926 г. доля китайских мигрантов, проживавших без регистрации, оценивалась в 65%²⁵⁹. Таким образом, в 1922 – 1929 гг. советские власти зачастую оказывались не в состоянии поддерживать функционирование дальневосточной границы в социальной сфере даже на сравнительно «мягком», умеренно контактном, уровне.

В целом мало действенными на протяжении 20-х гг. оставались меры по экономической барьеризации границы. Китайские предприниматели и товары вплоть до 1928 – 1929 г. преобладали в мелкой и средней частной торговле на советском Дальнем Востоке. Так, если в 1923 г. на территории ДВО работало 2955 китайских частных торговых заведений (против 2571 русского), то в 1926/1927 гг. в пределах ДВК (в отличие от ДВО не включавшего Прибайкалье) было уже 5146 таких предприятий. В это же время (1926 г.) в ДВК насчитывалось 8109 китайских торговцев (для сравнения: в 1910 г. в Приамурском крае их было 3677 чел.²⁶⁰). Рост присутствия иммигрантов на товарном рынке региона во многом был обусловлен неспособностью таможенных органов и оказывавшей им помощь пограничной охраны и милиции существенным образом уменьшить поток пересекавшей советско-китайскую границу контрабанды. В 20-е гг. этот поток возрастал как никогда быстрыми темпами, достигая по стоимости масштабов, сопоставимых со стоимостью промышленной продукции, ввозимой в регион легально. По данным Дальневосточного таможенного управления, оборот контрабанды, не превышавший в дореволюционное время 2-3 млн. руб., в 1923 – 1924 гг. составлял 11,8 млн., а в 1927 г. – 32,9 млн. руб. При этом, по официальной информации, на границе задерживалось 10% контрабанды²⁶¹.

Как можно судить по доступным данным, наибольшей степени соответствия между практикой функционирования дальневосточной границы и поставленными перед ней задачами в 1922

– 1929 г. удалось достичь в приоритетной для пограничной политике тех лет сфере военно-политических отношений. Так, на данном этапе была в основном решена чрезвычайно острая для дальневосточного региона проблема трансграничного бандитизма. В начале 20-х гг. деятельность хунхузских и белоэмигрантских банд, зачастую имевшая политическую направленность и поддерживавшаяся китайскими и японскими властями, имела огромный размах и представляла реальную угрозу сохранению суверенитета советского государства над пограничными районами РДВ. Однако, благодаря мерам по организационному и особенно материально-техническому укреплению охраны государственной границы, уже в 1926 – 1927 гг. случаи проникновения вооружённых банд на территорию региона стали единичными²⁶².

Ощутимые успехи были достигнуты и в борьбе с активно действовавшими в регионе с дореволюционных лет иностранными спецслужбами. К концу 20-х гг., в результате нейтрализации органами ОГПУ целого ряда крупных японских и белоэмигрантских организаций и агентурных сетей, были созданы условия, практически исключаящие подрывную деятельность подобного масштаба на территории советского Дальнего Востока²⁶³. При этом важную роль в резком сокращении незаконного иностранного политического присутствия в регионе сыграла пограничная охрана ОГПУ, обеспечившая ужесточение пропускного режима на границе. Только в 1927 – 1928 гг. дальневосточные пограничники задержали 14371 нарушителя, значительную часть из которых составляли шпионы, диверсанты и контрабандисты²⁶⁴. Тем не менее, ввиду многих изъянов в осуществлении миграционного контроля, именно порядок пропуска через границу оставался наиболее слабым звеном в системе государственной безопасности региона.

Довольно сложно оценить меру эффективности внешнего регулирования дальневосточной границей в 1922 – 1929 гг. культурно-идеологической сферы трансграничных отношений. С точки зрения пресечения ввоза в страну печатных изданий и материалов «политически чуждого» или контрреволюционного содержания (официальных китайских и японских, белоэмигрантских), граница выполняла свои фильтрующие функции достаточно надёжно. Однако, в условиях массового притока китайских и корейских мигрантов, она, безусловно, не могла обеспечить должного (умеренно контактного) уровня контроля над устной

коммуникацией. Поэтому главным фактором, лимитировавшим трансграничные культурно-идеологические контакты, в эти годы оставались разделявшие представителей советского и смежных азиатских обществ объективные языковые и ценностные различия.

4. Дальневосточная граница в 1854 – 1929 гг.: типологические особенности и тенденции развития

История дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг. была связана с нечастыми, но крупными структурными и функциональными преобразованиями. В своей совокупности они способствовали ряду глубоким, типологическим изменениям в системе границы, кардинальному обновлению её облика в целом.

Прежде всего, необходимо отметить, что за рассматриваемый семидесятилетний период существенно изменилась степень присутствия на дальневосточных рубежах российского (советского) государства. Несмотря на то, что создание и первоначальное обустройство дальневосточной границы во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XIX в. происходили путём «сверху», фактический, текущий контроль государственной власти над границей в первые десятилетия её существования был крайне незначителен. В 60-е – 80-е гг. XIX в. дальневосточная граница достаточно полно соответствовала признакам границы «широкого» типа. Так, Айгунский, Тяньцзинский и Пекинский договоры в целом ряде аспектов не обеспечивали чёткого территориального размежевания суверенных прав России и Китая. Это выражалось в сохранении свободы проживания и хозяйственной деятельности за оказавшимися на 1860 г. в регионе китайскими подданными (а за населением Зазейского района и прямого административного подчинения цинским властям), а также в предоставлении всем китайским иммигрантам прав «экстерриториальности». Подписанные Россией и Китаем в 1862 г. «Правила для сухопутной торговли» по существу выводили за рамки российского экономического суверенитета (структурного пространства) 50-вёрстную приграничную полосу. Крайне слабым и фрагментарным был в это время и оперативный контроль государства над самой линией границы: если военно-политическая защита и охрана осуществлялись хотя бы в некоторых ключевых её пунктах, то какое-либо пограничное регулирование социальных, экономических и культурных отно-

шений практически отсутствовало. Наконец, в указанный период дальневосточная граница в целом ещё не воспринималась обществом и правящей элитой как постоянный, «естественный» рубеж империи. Об этом говорит незначительная представленность региональной проблематики в литературе и журналистике 60-х – 80-х гг., а также инструментальное, «колонияльное» отношение (вплоть до начала 80-х гг.) к региону со стороны центральной власти²⁶⁵. Своеобразным отражением подобного восприятия «далёкой окраины» из центра страны, являлись «обратнические» настроения многих дальневосточников (в особенности, поселённых на границе казаков), которые долгие годы не могли расстаться с убеждением во временности своего пребывания в крае.

Процесс огосударствления дальневосточной границы, её перехода от «широкого» к «линейному» типу занял не менее полувека. По-видимому, раньше всего он начался в сознании правящей верхушки империи, инициировавшей в 80-х гг. XIX в. массовую колонизацию окраины и создание Приамурского генерал-губернаторства. Курс на прочное и окончательное закрепление дальневосточных земель за Россией нашёл отклик и поддержку у многих представителей общественности страны и, прежде всего, у активно формировавшейся в эти годы местной интеллигенции. Однако с 90-х гг. XIX в. сильным противовесом ему становится новая разновидность «инструментального» подхода к региону, в соответствии с которой он стал рассматриваться в первую очередь как плацдарм для дальнейшего продвижения Российской империи в США. Такой подход, нашедший сторонников в самом высшем эшелоне государственной власти, возрождал пренебрежительное представление о дальневосточной границе как о временном, ситуативном рубеже, подлежащем в ближайшем будущем «исправлению». В свою очередь, подобный образ границы послужил важным фактором замедления в конце XIX – начале XX вв. и без того весьма затянувшегося процесса её этатизации.

Отношение к Дальнему Востоку как к органической части российского государства, а к его внешним границам – как к жизненно важным и символически значимым рубежам единого от Балтики до Тихого океана отечества, возобладаало в национальном сознании лишь после сокрушительного поражения России в войне с Японией. В послевоенные же годы в основном завершается и процесс формирования правовой базы государственного контроля над дальневосточной границей. В результате отмены неподсудности китайских подданных (1882 г.), ликвидации За-

зейского анклава (1900 г.) и 50-вёрстной зоны свободной и беспошлинной торговли (1913 г.) территориальные пределы действия суверенных прав российского государства были приведены в полное соответствие с линией прохождения государственной границы. Заметно возрастает к этому времени и структурная сложность границы: накануне первой мировой она превращается в комплексный, трёхмерный рубеж, наряду с военно-политическими задачами выполняющий также функции социально-демографического и экономического регулирования.

Прерванный и частично повёрнутый вспять событиями 1914 – 1922 гг. процесс огосударствления дальневосточных рубежей был возобновлён в 20-е гг. Советской власти в достаточно короткие сроки удалось воссоздать в значительной мере разрушенную систему границы, и, прежде всего, её правовой и институциональный компоненты. Кроме того, в 1922 – 1929 гг. ею были сделаны первые шаги по распространению пограничного регулирования на сферу культурно-идеологических отношений и приданию дальневосточной границе тем самым характера четырёхмерного, универсального рубежа. Тем не менее, до конца 20-х гг. процесс строительства полноценной «линейной» границы на советском Дальнем Востоке не был завершён. Помимо объективно высокой социально-экономической зависимости дальневосточного региона от отношений с соседними странами и обусловленной ею внешней ориентации интересов и ценностей значительной части местного населения, препятствием к этому оставалась крайне неравномерная и недостаточная для эффективного выполнения системой границы государственных задач обеспеченность её материально-техническими ресурсами.

Важным фактором, на протяжении всего рассматриваемого периода оказывавшим существенное влияние на развитие дальневосточной границы, являлся относительно низкий уровень её стабильности. По данному критерию, дальневосточную границу периода 1854 – 1929 гг., несмотря на отсутствие каких-либо официальных изменений её линии, можно определить как проблематизированную. В пользу этого свидетельствует неполная международно-правовая оформленность границы и средняя степень её межгосударственной конфликтности. На первую указывает то, что в изучаемый период на большей части своего протяжения (на речном участке, по течениям Амура и Уссури) дальневосточная граница была лишь делимитирована, но не демаркирована. Достаточно подробная (для того времени и тогдашней степени осво-

енности приграничных территорий) демаркация была проведена в 1886 г. только в Южно-Уссурийском крае (на участке от оз. Ханка до морского побережья). Выражением второй являлись многочисленные политико-дипломатические конфликты сторон, связанные главным образом с регулярно выдвигавшимися территориальными претензиями китайских властей. Подобные претензии неоднократно принимали форму военных акций, провоцируя пограничные инциденты и, по крайней мере, дважды (в 1882 – 1886 гг. и в конце 20-х гг. XX в.) приводя соседние государства на грань полномасштабной войны. Со своей стороны, заявления о возможности изменения границы с Китаем неоднократно (особенно в конце XIX – начале XX вв.) позволяли себе и представители российской власти. Практическим воплощением этих заявлений стал «полуофициальный» российско-китайский военный конфликт 1900 – 1901 гг., на семилетний срок приведший к оккупации и фактическому отторжению от Цинской империи Маньчжурии.

Проблематизированность, длительная оспариваемость сторонами российско-китайской части дальневосточной границы оказывала противоречивое влияние на её историческое развитие. С одной стороны, привлекая к границе внимание правительства, она в целом стимулировала процесс её огосударствления, способствовала её общему организационному усложнению и материально-техническому укреплению. Однако, с другой стороны, она же обуславливала односторонность, неравномерность развития границы, опережающее формирование и преобладающий вес в её системе элементов и функций военно-политического характера. При этом иные функции системы границы не только формировались и поддерживались государством, как правило, по «остаточному принципу», но и во многом оказывались в зависимости от состояния её базовой, военно-политической, инфраструктуры и стоящей перед ней задач. Данная тенденция в эволюции дальневосточной границы, наметившаяся ещё во второй половине XIX в. и ставшая особенно очевидной в 20-е гг., достигла своего полного проявления уже за рамками изучаемого в данной главе периода.

Рассматривая особенности режима функционирования дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг., следует, прежде всего, отметить, что, несмотря на постепенно нарастающую барьеризацию, в нём заметно преобладали контактные функции. Вплоть до начала 20-х гг. контактные цели в той или иной степени домини-

ровали над барьерными во всех сферах трансграничных отношений, где в это время осуществлялось пограничное регулирование, т.е. в военно-политической, социальной и экономической. Только в 1922 – 1929 гг., в связи с ужесточением (до умеренной барьерности) порядка военно-политических и экономических отношений с соседями, открытость (на уровне умеренной контактности) дальневосточной границы была сжата до двухканальной – социальной и культурной.

Длительная контактность внешнего функционирования дальневосточной границы в целом противоречила общему, неоднократно декларировавшемуся (особенно с 80-х гг. XIX в.) стремлению центральных и региональных властей оградить РДВ от массивованного китайского и корейского проникновения в любой его форме. Однако целый ряд объективных обстоятельств вынуждал российскую, а затем во многом и советскую, администрацию отступать от её стратегических установок, так или иначе, смягчая жёсткость пограничного регулирования. Первым и наиболее фатальным из этих факторов являлось географическое «неудобство» дальневосточной границы, обусловленное её удалённостью от центра страны, огромной протяжённостью, сложными ландшафтными условиями, а также неосвоенностью, общей инфраструктурной необустроенностью приграничных районов. Вторым основным фактором в этом ряду была устойчиво высокая зависимость слаборазвитого и оторванного от центра России дальневосточного региона от состояния его социально-экономического взаимодействия с сопредельными территориями (и, прежде всего, с Северо-Восточным Китаем), и активное лоббирование интересов, связанных с поддержанием такого взаимодействия, различными региональными общественно-политическими субъектами. С двумя вышеназванными был тесно связан третий фактор, состоявший в хронической недостаточности материально-технических (людских, финансовых, инженерных, коммуникационных) ресурсов и возможностей государства на РДВ, что оказывало серьёзное сдерживающее, лимитирующее влияние не только на осуществление, но и на само формирование государственной пограничной политики.

Преобладающая в целом контактность дальневосточной границы изучаемого периода, с точки зрения своей направленности, отличалась асимметричностью: контактность границы «во вне», как правило, превосходила её открытость «во внутрь». Подобную превалирующую открытость во вне (относительная односторон-

няя закрытость), на мой взгляд, нельзя считать специфической принадлежностью дальневосточной границы. Она имеет более широкое значение и может рассматриваться как один из вариантов традиционной для российского имперского государства XV – начала XX вв. модели функционирования границы, которая была выработана в ходе его длительных контактов с менее социально-экономически развитыми (порою стадиально) и более военно-политически слабыми (зачастую догосударственными) азиатскими обществами. Данная модель ассиметрично регулируемой открытой (экспансионистской) границы во второй половине XIX – начале XX вв. была стереотипно применена Россией и к Китаю. Однако несоответствующий ей исходный потенциал, имперский статус, а главное ускоряющийся социально-экономический прогресс китайского общества с конца XIX в. стали превращать такой механизм пограничного регулирования в дополнительный фактор нагнетания и без того достаточно высокой двусторонней напряжённости. Под её влиянием, по окончании войны 1904 – 1905 гг., российская сторона начинает переход к более сбалансированному режиму функционирования границы. Этот переход к симметричной границе в основном завершается на Дальнем Востоке (уже в условиях усиливающегося внешней и внутренней барьеризации) в 20-е гг., когда советское государство официально провозглашает принцип равноправия наций основой своей внешней политики.

Оценивая функционирование дальневосточной границы в 1854 – 1929 гг. с точки зрения уровня его жёсткости, следует учитывать, что реальная проницаемость изучаемого рубежа для различных трансграничных потоков в данный период, как правило, была заметно выше той, которая задавалась текущей пограничной политикой и законодательством. Такое расхождение или, иными словами, низкая эффективность пограничного регулирования, помимо упоминавшейся скудости государственных ресурсов, может быть объяснена несколькими основными факторами. Важнейшим из них, на мой взгляд, являлась высокая степень активности дальневосточной границы, её общественной востребованности с обеих сторон. В силу постоянного роста объёмов и интенсивности трансграничных потоков людей, товаров, капиталов и информации, широты и изменчивости их географии, меры по пограничному регулированию в регионе имели обычно реактивный и запаздывающий характер. В свою очередь, высокая активность и длительная стихийность трансграничных отношений

способствовала появлению на РДВ социальных групп (иммигранты, казачество, часть предпринимателей), чьи жизненные интересы были самым тесным образом связаны с их динамикой. Являясь постоянным компонентом системы границы, эти группы во многих случаях определяли её реальное функционирование не в меньшей степени, чем официальные институты. Обладая инициативой и зачастую лучшим знанием ситуации в приграничье, их представители не только успешно противодействовали государственному регулированию, но и в различном масштабе осуществляли по сути альтернативное ему теневое управление трансграничными потоками. Наконец, благоприятные условия для появления у дальневосточной границы подобных устойчивых дисфункций создавало инерционное сохранение на всём протяжении изучаемого периода в сознании населения региона додерновой по своему происхождению культуры открытой границы. Характерными признаками последней являлись нелояльность её носителей к любого рода централизованным технологиям организации пространства и их склонность воспринимать границу фрагментарно, видеть в ней средство реализации в первую очередь местных (общинных, корпоративных) интересов и ценностей.

ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ В 1929 – 1988 ГГ.

Начало второго периода в историческом развитии дальневосточной границы России было связано с крупным вооружённым конфликтом между СССР и Китаем (точнее, Автономными тремя восточными провинциями Китайской Республики). Этот конфликт дал толчок к переосмыслению и резкой активизации Москвой своей пограничной политики в регионе, следствием чего стала глубокая трансформация всей системы границы. Сформировавшаяся в 30-е гг. система дальневосточной границы просуществовала в своих основах до конца 80-х гг. XX в., когда под влиянием политической нормализации советско-китайских отношений и, шире, изменения общих принципов внешней и внутренней политики СССР, её структура и функции подверглись кардинальному обновлению.

1. Факторы формирования и функционирования дальневосточной границы 1929 – 1988 гг.

В период 1929 – 1988 гг. географическая конфигурация дальневосточной границы с точки зрения международного права оставалась в основном неизменной. Единственное делимитационное соглашение, подписанное в указанный период (в 1985 г.), касалось только 17-ти километрового советско-корейского участка данной границы. Результатом этого соглашения стало перемещение линии границы между СССР и КНДР с северокорейского берега на середину течения пограничной р. Туманной. Делимитации и демаркации других участков дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. не производилось. Тем не менее, считать конфигурацию дальневосточной границы 1929 – 1988 гг. устойчивой можно лишь с определёнными оговорками.

На протяжении почти всего рассматриваемого в этой главе периода дальневосточная граница находилась в силовом поле ряда международных противоречий как двустороннего, так и регионального и глобального уровней. При этом, важное место в данных противоречиях занимали территориальные проблемы, включая такую их разновидность как пограничные споры. Международные противоречия неоднократно выливались в попытки изменения границы, в т.ч. путём прямых военных вторжений. На

целом ряде участков дальневосточной границы (прежде всего, на речных акваториях Амура и Уссури, с расположенными здесь островами) такие попытки привели к смещению фактически охраняемого рубежа относительно пограничной линии, зафиксированной в подписанных ранее международных соглашениях¹.

Однако главным, наиболее существенным изменением в период 1929 – 1988 гг. дальневосточная граница подверглась не как социально-географический (общественно-природный), а именно как общественный объект. Масштабная перестройка системы границы охватила все её основные компоненты – правовой, институциональный, материально-технический, социальный и культурный. В свою очередь, произведённое советским государством всеобъемлющее преобразование состава и структуры дальневосточной границы имело своим следствием существенное изменение режима её функционирования. Исходными и важнейшими предпосылками обновления в изучаемый период структурных и функциональных параметров системы границы стали уже упомянутые факторы международной среды, а также внешняя политика, проводившаяся самим Советским Союзом.

Открывший новый период в истории дальневосточной границы советско-китайский конфликт июля – декабря 1929 г. стал проявлением целого комплекса противоречий, которые назревали в течение длительного времени. Ключевое положение среди них принадлежало политико-идеологическому противостоянию китайских буржуазных правительств в Мукдене (Маньчжурия) и Нанкине и советского большевистского режима, острота которого возрастала на протяжении второй половины 20-х гг. Обострению этого противоречия в немалой степени способствовала активная (в т.ч. военно-техническая) поддержка Москвой китайских коммунистов, зачастую осуществлявшаяся под прикрытием дипломатической и торгово-экономической деятельности. В то же время, политико-идеологическая напряжённость в отношениях СССР и Китая усиливалась под влиянием антикоммунистической позиции западных держав и Японии, видевших в Маньчжурии и Корее своего рода аналог «санитарного кордона», существовавшего на западных границах советского государства².

Определённую роль в возникновении конфликта сыграли и имевшие более давнее происхождение национально-государственные противоречия. Часть китайской элиты рассматривала сохранение СССР контроля над КВЖД, а также «интернационалистские» попытки Москвы вмешаться во внутренние дела Китая

как прямое продолжение политики царской России, как угрозу суверенитету и независимости страны. С её точки зрения, СССР в этом отношении ничем не отличался (несмотря на политические декларации 1917 – 1920 гг. и соглашение 1924 г.) от других империалистических держав³.

Наконец, одной из предпосылок конфликта 1929 г. послужили также давно существовавшие у китайской стороны территориальные претензии к своему соседу. В пользу этого свидетельствовал сам ход конфликтного взаимодействия сторон. Маньчжурские власти не только осуществили захват КВЖД, но и совершили серию нападений на территорию СССР, в Приморье и Забайкалье. Судя по численности сосредоточенных к концу лета 1929 г. у советских границ войск мукденского правителя Чжан Сюэяна (около 300 тыс. солдат и офицеров)⁴, в том случае, если бы эти локальные нападения обнаружили слабость защиты дальневосточных рубежей, они вполне могли перерасти в крупномасштабное военное вторжение.

Однако спешно сформированной Особой Дальневосточной Армии удалось отбить атаки китайских частей, а затем перенести боевые действия на территорию противника. 22 декабря 1929 г. конфликт был завершён подписанием в Хабаровске советско-китайского протокола о возвращении к статус-кво на КВЖД⁵. Тем не менее, нанкинское правительство Чан Кайши не признало Хабаровский протокол. Разорванные в июле 1929 г. дипломатические отношения между СССР и Китайской республикой не были восстановлены. Обстановка на дальневосточной границе продолжала оставаться напряжённой. Это побуждало советское руководство взять курс на наращивание военных сил на Дальнем Востоке. Одновременно с этим было активизировано хозяйственное развитие региона, получившее отчётливую оборонную и изоляционистскую направленность. В тех же видах Москва приняла меры к увеличению притока на Дальний Восток переселенцев из центральных областей страны⁶.

Частью новой дальневосточной политики советского правительства стало укрепление государственной границы с Китаем. Оно включало в себя увеличение численности пограничной охраны, ужесточение режима границы и изменение правил пропуска через неё людей, товаров и валюты, что в целом заметно сократило объём трансграничных потоков. С самого начала конфликта на КВЖД, используя меры административного давления и прямые репрессии (аресты, высылки, конфискации имущества),

советские власти приступили к широкому и планомерному вытеснению с территории региона китайских мигрантов⁷.

Советско-китайский конфликт 1929 г. и последовавшее за ним ухудшение двусторонних отношений открыли дорогу дальнейшему обострению международных противоречий в СВА, связанному, прежде всего, с внешнеполитической активностью Японии. Правящие круги Японии вынашивали планы расширения своей сферы влияния в Северо-Восточном Китае, по крайней мере, с момента падения царского режима в России. Однако благоприятная международная ситуация для решения этой задачи возникла лишь в конце 20-х гг. XX в.

В период с сентября 1931 по январь 1932 г. японская Квантунская армия, быстро сломив сопротивление войск Чжан Сюэяна, полностью оккупировала Маньчжурию. Правительство Китайской Республики в Нанкине отказало маньчжурским властям в предоставлении военной помощи. Европейские державы и США также воздержались от принятия каких-либо мер против японской агрессии. По-видимому, главным основанием для такой позиции Чан Кайши и политического руководства стран Запада было представление о том, что закрепление Японской империи в Маньчжурии является угрозой, прежде всего, для СССР⁸.

Однако события 1929 – 1932 гг. в Северо-Восточном Китае имели, как оказалось, куда более масштабные исторические последствия. Они привели к необратимому распаду существовавшего ранее Вашингтонского порядка на всём пространстве СВА и АТР в целом. Несмотря на функциональную (практическую) стабилизацию международной обстановки в этой части Азии в 1932 – 1937 гг., структурное равновесие геополитических потенциалов и интересов присутствовавших в ней держав было потеряно. Главный нарушитель этого равновесия, – Япония, – приступил к выстраиванию в СВА и АТР новой системы международных отношений, основанной на военной гегемонии одного государства. Осуществлявшаяся, прежде всего, силовыми средствами борьба Японии за свой порядок в регионе продолжалась (во многом благодаря прямой и косвенной помощи её союзников в Европе) до 1945 г.

В течение всего длительного периода структурной разбалансировки международных отношений в АТР, сопровождавшейся чередой крупных и локальных военных конфликтов, советский Дальний Восток оставался одним из наиболее вероятных объектов японской агрессии. С 1932 г. дальневосточные рубежи стано-

вятся самой тревожной из границ Советского Союза. Нигде более угроза извне не была столь же непосредственной и масштабной. При этом, военно-экономический потенциал, находившийся в распоряжении японского командования в Маньчжурии, неуклонно возрастал. Если в середине 1932 г. численность дислоцированной в этом районе Квантунской армии составляла 130 тыс. чел., то в начале 1938 г. она достигала уже около 300 тыс., к осени 1941 г. – 700 тыс., а к середине 1945 г. – более 1 млн. чел.⁹ Кроме того, близ советских границ были сосредоточены вспомогательные войска, набранные из местного населения (китайцев, маньчжуров и монголов) и японских колонистов. К середине 1945 г. они насчитывали в общей сложности свыше 300 тыс. чел.¹⁰ Часть дивизий Квантунской армии были размещены на территории Кореи. В 30-е – первой половине 40-х гг. японцами в Маньчжурии были построены крупные предприятия добывающей и тяжёлой обрабатывающей промышленности, расширены и модернизированы транспортная инфраструктура и линии связи, сооружены мощные укрепленные районы, созданы значительные запасы боеприпасов, горючего, снаряжения и продовольствия. Таким образом, на границах СССР Японией был подготовлен стратегический плацдарм, в равной мере пригодный служить средством ведения, как долговременной обороны, так и широкого наступления¹¹.

Вскоре после оккупации северо-восточного Китая Япония стала осуществлять в отношении СССР действия откровенно враждебного характера. С 1932 г. японские и маньчжурские власти начали предпринимать попытки насильственного захвата имущества КВЖД. В результате в 1935 г. советское правительство было вынуждено уступить КВЖД Маньчжоу-Го по существенно заниженной цене¹². С 1934 г. всё более частыми становятся нарушения японскими военнослужащими советской границы. Только в 1936 – 1938 гг. на границе СССР и Маньчжурии было зафиксировано 231 нарушение, и в т.ч. 35 крупных боевых столкновений¹³. Японскими войсками была оккупирована значительная часть принадлежавших Советскому Союзу островов на реках Амур и Уссури¹⁴.

Выступая в роли «защитника интересов» полностью зависимого от неё Маньчжоу-Го, Япония пыталась обосновать свои действия неточностью произведённого ранее российско-китайского разграничения. Так, в 1935 г., после нарушения японским отрядом границы в районе оз. Ханка, японские власти заявили о

«неясности границ между Маньчжоу-Го и СССР». Это и подобные заявления и действия японской стороны вызвали протесты советского правительства. Доказывая необоснованность притязаний на пограничные участки советской территории, народный комиссар по иностранным делам М.М. Литвинов предъявил японскому послу прилагавшуюся к Пекинскому договору разграничительную карту 1861 г., где, в частности, все острова на реках Амур и Уссури были отнесены к владениям России¹⁵.

В 1937 – 1940 гг. военно-политическая напряжённость на дальневосточной границе достигает своего пика. В июле 1937 г. японские войска развернули с севера наступление на прибрежные провинции Китая. Их быстрое продвижение на наиболее населённые и развитые территории страны грозило Китайской Республике крахом, который сделал бы геополитическую обстановку вокруг советского Дальнего Востока ещё более неблагоприятной. В этих условиях, перед лицом общей опасности правящие круги СССР и Китая на время забывают о прежних острых разногласиях, подписывая 21 августа 1937 г. Договор о ненападении¹⁶. В течение нескольких лет по подписании договора Москва оказала режиму Чан Кайши значительную военно-экономическую помощь, выражавшуюся в предоставлении крупных кредитов, поставках оружия, техники, различных материалов, а также направлении в Китай советских «добровольцев» и специалистов¹⁷.

Одновременно Москва продолжала искать возможности для дипломатического урегулирования своих противоречий с Токио. Летом 1938 г. советское правительство передало японскому послу предложение создать трёхстороннюю смешанную комиссию по редемаркации участка границы на юге Приморья. Однако японская сторона фактически проигнорировала его¹⁸.

Более действенным средством умиротворения «беспокойного соседа» стали поражения и значительный урон, нанесённые японским войскам Красной армией в ходе известных событий июля – августа 1938 г. близ оз. Хасан и мая – сентября 1939 г. в районе р. Хал Кин Гол, на территории МНР. Вместе с начавшимся в августе – сентябре 1939 г. сближением Москвы и Берлина, эти военные неудачи подвигли правительство Японии к постепенному смягчению своей политики в отношении СССР.

Важной вехой в развитии советско-японских политических отношений стал подписанный сторонами 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете. Участники соглашения обязались «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно

уважать территориальную целостность и неприкосновенность». В случае нападения на одну из договаривающихся сторон третьей державы, другая должна была соблюдать нейтралитет¹⁹. Подписание пакта несколько разрядило политическую напряжённость на дальневосточной границе. Однако, поскольку военно-экономический потенциал Японии в Маньчжурии не только был сокращён, но и продолжал наращиваться, объективные предпосылки для крупного советско-японского конфликта сохранялись. В 1941 – 1945 гг. вероятность внешнего вторжения на советский Дальний Восток оставалась достаточно высокой.

Крайне неблагоприятная внешняя обстановка 30-х – первой половины 40-х гг. XX в. оказала сильнейшее, решающее влияние на формирование внутренней региональной политики Москвы на Дальнем Востоке. Отдельные меры по укреплению безопасности региона, имевшие на рубеже 20 – 30-х гг. скорее экстренный, оперативный характер, в дальнейшем, по мере активизации Японии, сложились в последовательно провидимый стратегический курс. Его целью было создание социально-экономической базы, которая в условиях внешней автаркии и при отсутствии прямой помощи из центра страны могла бы в течение длительного времени обеспечивать высокий уровень обороноспособности региона²⁰.

В 30-е гг. государство значительно увеличивает централизованное финансирование развития Дальнего Востока (до 6, 3% всех государственных капиталовложений по стране). Это позволило достичь более быстрого, чем в других регионах СССР (примерно в 1,5 раза по показателям объема промышленной продукции с 1913 по 1940 гг.), роста дальневосточной экономики, провести модернизацию старых и создать целый ряд новых для нее отраслей промышленности, значимых в оборонном отношении. В целях обеспечения форсированной индустриализации региона рабочей силой и общего укрепления его демографического потенциала советскими властями были расширены масштабы организованных переселений из центра страны. В основном благодаря последним население советского Дальнего Востока за 1931 – 1939 гг. увеличилось на 1 млн. чел.²¹ Помимо прочего, это дало возможность сократить применение в регионе труда китайских и корейских мигрантов, а в 1937 – 1938 гг. и вовсе депортировать подавляющую их часть за его пределы.

В тесной связи с подготовкой необходимой социальной и экономической инфраструктуры шёл процесс развёртывания на

советском Дальнем Востоке всё новых воинских контингентов. Так, в середине 1932 г. в регионе дислоцировалась 90-тысячная Особая Краснознамённая Дальневосточная армия, уступавшая по численности находившейся по ту сторону границы Квантунской армии. К 1936 г. численность советских войск на Дальнем Востоке была доведена до 300 тыс. чел., а к 1939 г. – до 570 тыс. К маю 1945 г. советские войска в регионе насчитывали уже 1,2 млн. чел., что давало им перевес над противостоящими вооружёнными силами японцев²².

Под прямым влиянием внешне- и внутривосточного курса советского правительства на Дальнем Востоке эволюционировала и его пограничная политика. В 30-е гг. государство резко повышает степень своего контроля над дальневосточной границей, которая в результате в полной мере приобретает признаки рубежа «линейного типа». Процесс огосударствления границы в этот период отличался высокой интенсивностью и всеобъемлющим, тотальным характером. Он был сопряжён не только с дальнейшим нормативным упорядочением и организационной централизацией системы дальневосточной границы, значительным увеличением объёмов включённых в неё человеческих, финансовых и технических ресурсов. В 30-е гг. государственная власть, впервые с подобным размахом, приступила к выдавливанию (в т.ч. путём депортаций из приграничных районов) из системы дальневосточной границы её социального компонента, и к замещению в сознании общества культуры пограничной открытости (характерной для «широкой» границы) идеологией «священных рубежей».

Непосредственной целью форсированной этатизации дальневосточной границы являлась её максимально возможная внешняя и внутренняя барьеризация. Осуществлявшаяся одновременно во всех сферах трансграничных отношений, эта барьеризация привела к почти полной изоляции советского Дальнего Востока от сопредельных территорий Китая и Кореи.

Главным средством достижения высокой степени огосударствления и барьеризации дальневосточной границы с конца 20-х гг. стала её милитаризация. Если ранее система дальневосточной границы являлась четырёхмерной при доминировании военно-политической сферы регулирования, то с этих пор она превращается преимущественно в оборонительный рубеж, экономические, социальные и культурные функции которого либо полностью атрофируются, либо всецело подчиняются задачам защиты региона. Редуцирование границы к военному объекту наиболее наглядно

выражалось в переориентации на оборону всей инженерно-архитектурной, транспортной и информационной инфраструктуры приграничных районов, строительстве здесь крупных фортификационных сооружений (укрепрайонов), повышенной концентрации в приграничье войск и его заселении демобилизованными военными («армейские колхозы») ²³.

К сентябрю 1945 г. Японская империя и её проект создания восточноазиатской «зоны процветания» потерпели окончательное поражение. Однако это не привело к завершению длительного периода нестабильности в международных отношениях в АТР. Утверждению в регионе нового международного порядка по окончании второй мировой войны препятствовали острые внутренние политические противоречия в ряде азиатских стран, а также углубляющийся раскол в стане держав-победительниц. Переход к новой устойчивой системе послевоенных отношений в АТР занял восемь лет, на которые пришлось два больших военных конфликта – гражданская война в Китае (1945 – 1949) и война в Корее (1950 – 1953).

В период 1945 – 1953 гг. СССР становится одним из наиболее активных и влиятельных участников политического взаимодействия в СВА и АТР в целом. От обороны он переходит к экспансии, в настойчивому продвижению своих интересов за пределы государственных границ. Основной целью советской экспансии в эти годы являлось создание в регионе такой структуры отношений, которая исключала бы возможность возрождения японской угрозы и препятствовала бы установлению региональной гегемонии США. Будучи вынужденным примириться с тем, что Япония была поставлена под исключительный контроль американских оккупационных властей, СССР намеревался компенсировать это неблагоприятное обстоятельство расширением сферы своего влияния в сопредельных Китае и Корее.

Военно-политическое продвижение Советского Союза в СВА в 1945 – 1953 гг., в отличие от сходного курса, проводившегося на рубеже XIX – XX вв. царской Россией, в целом не было сопряжено с претензиями на получение каких-либо новых территорий. Хотя, в соответствии с Договором от 10 августа 1945 г. с Китайской Республикой, СССР восстанавливал свои права на эксплуатацию КВЖД и ЮМЖД (объединённых под именем КЧЖД), а также на долгосрочную (на 30 лет) аренду Порт-Артура и Дальнего, советское руководство одновременно официально признало полноту китайского суверенитета на Маньчжурией. К маю 1946 г.

находившиеся в этой части Китая советские войска были выведены. В декабре 1948 г. на родину возвратился и воинский контингент, участвовавший в освобождении Северной Кореи²⁴.

Воздерживаясь от прямого вооружённого вмешательства в дела восточноазиатских соседей, которое могло бы привести к глобальному конфликту с США и их союзниками, Москва предпочитала действовать через местные коммунистические силы, получавшие от неё обильную и скорую политическую и военнотехническую помощь. Эта помощь сыграла важную роль в победе КПК в гражданской войне в Китае в 1949 г. и в сохранении в годы войны 1950 – 1953 гг. коммунистического режима на севере Корейского полуострова. Тем самым советское руководство, как, по всей видимости, ему представлялось, содействовало появлению вдоль дальневосточных границ страны буферной зоны из государств-сателлитов, своего рода азиатского филиала социалистического лагеря, образовавшегося незадолго перед этим в Восточной Европе.

Однако с первых лет своего существования коммунистические режимы в Китае и Северной Корее пользовались большей степенью самостоятельности, чем социалистические страны Восточной Европы. Уже в 1950 г., вместе с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, советское правительство обязалось в течение 1950 – 1952 гг. безвозмездно передать Пекину все свои права, касающиеся КЧЖД, Порт-Артура и Дальнего. В связи с началом Корейской войны и вмешательством в неё США, впоследствии передача Китаю военно-морской базы в Порт-Артуре (по просьбе китайской стороны) была отложена до 1955 г.²⁵, но общий, взятый Москвой с 1950 г., курс на сворачивание своего прямого военного и экономического (концессионного) присутствия на китайской и корейской территории оставался неизменным. Резко активизировавшееся с 1950 г. советско-китайское экономическое сотрудничество во многом носило характер односторонней финансовой, технико-технологической и кадровой помощи²⁶, которая не давала СССР ни сколько-нибудь существенных материальных выгод, ни возможности управления развитием экономики младшего партнёра в своих интересах.

Исчезновение угрозы японской агрессии, а затем появление в сопредельных восточноазиатских странах «братских» СССР режимов способствовали изменению политики Москвы в отношении дальневосточного региона. С одной стороны, военный по-

тенциал советского Дальнего Востока, темпы его стимулируемого правительством промышленного и демографического освоения в 1945 – 1953 гг. были снижены²⁷. Помимо более благоприятной внешней обстановки вокруг региона, это было обусловлено и необходимостью концентрации сил и ресурсов на восстановлении понёсшей тяжёлый урон от военных действий европейской части Советского Союза. С другой, после длительной полной автаркии, перед Дальним Востоком открылись возможности развития внешних связей, социально-экономического сотрудничества со своими соседями. Впрочем, осуществляемое в данный период под жёстким контролем государства взаимодействие региона со смежными территориями Китая и Северной Кореи было подчинено решению, прежде всего, насущных военно-политических задач. В 1945 – 1953 гг. советский Дальний Восток играл роль не столько заинтересованного экономического партнёра сопредельных восточноазиатских стран, сколько мобилизованного Москвой стратегического тыла выдвинувшегося далеко за границы СССР международного фронта борьбы против американского империализма.

Поскольку значение дальневосточного региона продолжало рассматриваться руководством страны в парадигме войны (на сей раз не ближней, оборонительной, а дальней, наступательной), коррективы, внесённые им в свою пограничную политику, оказались не принципиальными. Реанимация контактных функций дальневосточной границы была очень избирательной, не касавшейся части её сфер. Трансграничные отношения с КНР и КНДР были ограничены отдельными, заключёнными в основном на центральном уровне, соглашениями и контрактами. Сложившиеся в предыдущие годы институциональная организация и материально-техническая (в т.ч. транспортная) инфраструктура границы и приграничья, обеспечивавшие высокий уровень их этатизации и милитаризации, закрытости для общества и отчуждённости от его интересов, оставалась в 1945 – 1953 гг. в основном прежними.

Компромиссное завершение в июле 1953 г., при активном содействии представителей СССР и США, войны в Корее стало точкой отчёта для новой эпохи стабильности в международных отношениях в АТР – эпохи биполярного порядка. Двухполюсное устройство международных отношений в АТР, как и в мире в целом, номинально просуществовало вплоть до 1991 г. Вместе с тем, на протяжении этого долгого, почти сорокалетнего, периода

биполярность не представляла собой чего-то неизбежного. Напротив, за эти годы она пережила значительную эволюцию, главным содержанием которой являлось постепенное смягчение, размывание взаимоуравновешивающего доминирования двух сверхдержав. При этом, процесс эрозии биполярного порядка в Тихоокеанском регионе протекал более интенсивно и масштабно, раньше обнаружив пределы исторической живучести данной международной системы.

Стабильность, созданная и поддерживаемая биполярным порядком, имела относительный, «конфронтационный» характер. Её сердцевину составляло т.н. «равновесие страха» противостоящих друг другу лагерей перед последствиями возможного применения ядерного оружия. Подобное равновесие позволяло избегать крупных и прямых военных конфликтов между сверхдержавами и их ближайшими сателлитами, которые могли бы вылиться, в конечном счёте, в столкновение глобального уровня. Однако оно не исключало вероятности локальных и опосредованных конфликтов с участием сторон на мировой периферии («третий мир»), а также острой политической борьбы внутри самих двух лагерей²⁸. Эти периферийные и полупериферийные столкновения, вытесненная на геополитические «задворки» биполярной системы и не нашедшая своего разрешения международная напряжённость в дальнейшем послужили одной из важнейших предпосылок её крушения.

Хронологическими вехами первой ситуации в рамках рассматриваемой эпохи в истории международных отношений стали 1953 и 1963 гг. Основная специфика ситуации 1953 – 1963 гг. была связана с отходом СССР от курса на активное расширение сферы своего влияния в АТР и заметным снижением остроты советско-американского противостояния в этом регионе. Военно-политические факторы как экзогенного (внешние угрозы), так и эндогенного (внешняя политика самого СССР) типа утратили свою прежнюю значимость для развития Дальнего Востока. Наиболее наглядным выражением этого стало ощутимое сокращение дислоцированных в дальневосточном регионе страны вооружённых сил. Если к концу Великой Отечественной войны на советском Дальнем Востоке было сосредоточено 60 сухопутных дивизий, то в течение 50-х гг. XX в., по оценкам западных специалистов, на всей территории Сибири и Дальнего Востока их насчитывалось не более 20²⁹. В целом столь же незначительными были

и базировавшиеся в этой части страны силы авиации, флота и ракетных войск.

В то же время в 1953 – 1963 гг. Москва стала проявлять бо́льшую активность в налаживании экономических связей с соседями по СВА. В отношении КНР и КНДР такое сотрудничество во многом по-прежнему рассматривалось как инструмент политического сплочения и укрепления социалистического лагеря. И, тем не менее, для внешнеэкономической деятельности советского правительства в эти годы была свойственна тенденция к определённой деполитизации. Её возникновение было обусловлено как внутренними процессами в Китае и Северной Корее, так и позицией самого советского руководства. Так, постепенный подъём экономики Китая и упрочение его международного положения в годы первой пятилетки 1953 – 1957 гг. способствовали тому, что китайские власти стали стремиться к выравниванию экономических отношений с СССР, к ослаблению своей объективно весьма высокой зависимости от помощи «старшего брата». Советская сторона в целом относилась к подобным настроениям с пониманием, как правило, предпочитая ради сохранения имиджа «бескорыстного» друга, уважающего суверенитет своего младшего партнёра, идти на серьёзные уступки Пекину. Кроме того, к большей умеренности и взвешенности в стимулировании модернизации китайской экономики Москву побуждали возникшие на рубеже 50-х – 60-х гг. проблемы в развитии собственного народного хозяйства и усилившееся в связи с этим желание получить от взаимодействия с союзниками не только политические, но и материальные дивиденды.

В результате заключения в 1953 – 1957 гг. целого комплекса двусторонних соглашений в сфере торговли и кредита, промышленного, транспортного, научно-технического, социального и культурного сотрудничества спектр направлений советско-китайского взаимодействия расширился, а его объёмы, по сравнению с предшествующим периодом, значительно возросли. Высшей точкой в развитии социально-экономических отношений между странами стал 1959 г., когда удельный вес СССР во внешней торговле КНР достиг 50%³⁰. Помимо товаров и кредитных капиталов, через советско-китайскую границу в 50-е гг. двинулись потоки граждан обеих государств и различной информационной продукции³¹. Следует подчеркнуть, что в данный период трансграничное взаимодействие сторон инициировалось и осуществлялось не только на центральном, межгосударственном

уровне. Москва (как и Пекин) в основном достаточно благожелательно относилась к установлению прямых контактов с зарубежными партнёрами со стороны краевых и областных властей, районных администраций и даже отдельных производственных коллективов Дальнего Востока. Определённая децентрализация управления советско-китайскими отношениями создала условия для быстрого развития между дальневосточным регионом и северо-восточными провинциями КНР сначала торговых связей, а затем, и производственной кооперации. Более того, в 1956 – 1960 гг., после подписания соответствующих соглашений, СССР и Китай приступили к подготовке реализации ряда проектов глубокой инфраструктурной (прежде всего, энергетической и транспортной) интеграции экономик двух стран в бассейне р. Амур. Непосредственное участие в разработке этих проектов принимали дальневосточные хозяйственники и учёные³².

Рост влияния на внутреннее развитие и внешние отношения советского Дальнего Востока эндогенных социально-экономических факторов, находивших своё воплощение, как в политике центральных властей, так и в некоторой степени в активности администраций и населения субъектов самого региона, не мог не сказаться на состоянии системы дальневосточной границы. Степень её функциональной проницаемости для разного рода трансграничных потоков в 1953 – 1963 гг. безусловно возросла. Однако к каким-либо качественным, структурным изменениям в системе границы это не привело. На пути наметившейся в обстановке послесталинских реформ полномасштабной либерализации пограничной политики СССР на Дальнем Востоке очень скоро возникли серьёзные препятствия. Одно из них было связано с возрождением, по мере оживления двусторонних контактов, старой структурной проблемы резкого неравенства демографических, а в перспективе, и социально-экономических потенциалов советского Дальнего Востока и сопредельных с ним китайских территорий, т.е. иными словами с реанимацией, казалось бы, канувшего в прошлое «жёлтого вопроса». Осознавая объективную, так и не изжитую уязвимость региона с этой точки зрения, советское руководство, по крайней мере, уже с 1954 г. стало весьма сдержано реагировать на предложения Пекина, касавшиеся использования труда китайских рабочих на советской территории³³. Другим важным препятствием к структурной перестройке системы границы явилось имевшее скорее ситуативный (обусловленный внутрикитайской политической борьбой) характер нара-

тание с конца 50-х гг. политико-идеологических противоречий между двумя странами. Руководство основанного на единственно верной интерпретации марксистского учения государства не могло допустить массовых контактов своих граждан с представителями страны, правящая партия которой открыто начала ставить под сомнение универсальность и ортодоксальную чистоту советской модели социализма.

В 1963 – 1969 гг. появившиеся в предшествующие годы в советско-китайских отношениях противоречия выливаются в открытое военно-политическое противостояние двух государств, сопровождавшееся вооружёнными конфликтами. Острый двусторонний кризис привёл по существу к расколу мирового социалистического лагеря и существенному изменению международной обстановки в АТР. Вступив в противоборство с СССР, Китай пошатнул основы биполярного порядка в Тихоокеанском регионе. Более того, с точки зрения своих отдалённых последствий, превращение Китая в самостоятельный центр силы, претендующий не только на региональный, но и глобальный статус, на политическое лидерство среди развивающихся стран, стало фактором, ускорившим разрушение биполярной структуры отношений во всём мире.

Как уже отмечалось, исходные причины советско-китайского кризиса коренились в идеологических разногласиях правящих партий двух стран, подогреваемых в свою очередь борьбой за власть между радикальными (левыми) и умеренными (правыми) силами в руководстве КПК, борьбой, апогеем которой явилась т.н. «культурная революция» в Китае 1966 – 1969 гг.³⁴ Однако со временем фокус двусторонних противоречий постепенно перемещался в область вполне материальных интересов сторон, в сферу разграничения их территориальных суверенитетов. С переходом в территориальную форму взаимные противоречия приобрели значительно бо льшую остроту и массовый, не только межгосударственный, но и межобщественный характер.

С конца 20-х и до конца 50-х гг. XX в. территориальных споров, неоднократно имевших место между сторонами в прошлом, между властями Китая и СССР не возникало. Это, безусловно, не означало исчезновения в этот период предпосылок для подобных конфликтов. В китайском обществе и его политической элите по-прежнему было немало тех, кто считал существующее разграничение между двумя государствами несправедливым и требующим исправления. Кроме того, в это время во многих районах совет-

ско-китайского пограничья местное китайское население продолжало вести хозяйственную (промысловую и скотоводческую) деятельность, связанную с несанкционированным пересечением государственной границы³⁵. Тем не менее, эти обстоятельства практически не оказывали влияния на взаимодействие соседей на официальном уровне. Данное положение стало меняться с конца 50-х гг., когда взявший курс на обострение отношений с Москвой Пекин увидел в уже несколько подзабытых территориальных претензиях действенное средство для достижения своей цели.

Уже с 1960 г. количество нарушений советско-китайской границы китайскими гражданами стало быстро возрастать. В 1963 г. их число превысило четыре тысячи. Этот рост не был стихийным: по крайней мере, часть незаконных переходов провоцировалась и направлялась китайскими властями, причём в ряде случаев последние официально заявляли советским представителям о спорности нарушавшихся участков границы³⁶. В полном же объёме территориальные противоречия между СССР и Китаем обнаружили себя осенью 1963 г., когда китайская сторона предложила обсудить проблему на межгосударственном уровне в форме официальных консультаций правительственных делегаций.

В ходе открытых в феврале 1964 г. в Пекине консультаций китайские представители заявили о «неравноправном» характере российско-китайских пограничных договоров, подписанных в XIX в., а затем потребовали пересмотра линии прохождения границы на 22 участках, пять из которых были расположены на её восточной части. В результате длительного обсуждения к лету 1964 г. стороны смогли прийти к согласию по конфигурации большинства спорных участков. Благодаря готовности Москвы к уступкам, участники переговоров вплотную приблизились к полному дипломатическому разрешению территориальной проблемы. Однако неожиданный демарш руководства КНР по существу перечеркнул достигнутое. В июле 1964 г. Мао Цзедун выступил с известным заявлением о существовании реестра территорий Советского Союза, включавшего в себя весь советский Дальний Восток вплоть до Байкала и Камчатки, по которому Китай вправе предъявить свои претензии. Вызвавшее крайне негативную реакцию в Москве заявление повлекло за собой перерыв в двусторонних консультациях по пограничным вопросам, после которого они так и не возобновились³⁷.

С этого времени конфликтные отношения двух государств фактически окончательно выходят за рамки политико-дипломатического взаимодействия, принимая всё более жёсткий, силовой характер. Умножаются случаи санкционируемых китайскими властями насильственных действий и запугивания в отношении находившихся на территории Китая советских граждан, включая дипломатических работников. На границе осуществляются вооружённые демонстрации и провокации китайских военнослужащих, направленные на втягивание в открытый конфликт советских пограничников. Крупнейшими инцидентами на границе, связанными с применением тяжёлого вооружения, десятками убитых с советской, и сотнями – с китайской стороны, стали события 2 и 14 – 15 марта 1969 г. на о. Даманский в Приморском крае и 13 августа 1969 г. в районе населённого пункта Жалана-школь в Семипалатинской области³⁸. Летом 1969 г. СССР и КНР оказались на грани полномасштабной войны. Только экстренно проведённая в пекинском аэропорту 11 сентября 1969 г. встреча Председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем позволила предотвратить крайний вариант развития кризиса и договориться о возобновлении переговорного процесса³⁹.

Таким образом, в 1963 – 1969 гг. фактор внешней военной угрозы вновь (как и в 30-е гг.) приобрёл для советского Дальнего Востока определяющее значение. Советское правительство было вынуждено спешно принимать меры по всестороннему укреплению обороноспособности восточной окраины страны. К 1967 г. численность советских войск у границ Китая (в Сибири, МНР и на Дальнем Востоке) была увеличена до 250 – 300 тыс. чел., а в 70-е гг. здесь дислоцировались уже около 500 тыс. солдат, 14 тыс. танков, 1 тыс. боевых вертолётов и 1,5 тыс. самолётов. Ввиду значительного превосходства Китая в живой силе, особую роль в сдерживании потенциального противника Москва придавала ракетно-ядерным средствам: к концу 60-х гг. на Дальнем Востоке было размещено 120 баллистических ракет изменяемого радиуса действия СС-11⁴⁰.

Параллельно и взаимосвязано с наращиванием военного потенциала, правительство придало новый импульс социально-демографическому и экономическому освоению дальневосточного региона. На создание более прочного общественного фундамента государственной оборонительной политики было нацелено вышедшее в июне 1967 г. Постановление ЦК КПСС и Совета мини-

стров «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного района и Читинской области». Оно предусматривало достижение опережающих темпов роста в энергетике, тяжёлой промышленности, строительной индустрии и сельском хозяйстве. К 1975 г. планировалось преодолеть сложившиеся на Дальнем Востоке социально-экономические несоответствия и диспропорции, троекратно увеличить выпуск промышленной продукции и создать условия для заселения региона и закрепления в нём кадров⁴¹.

Кризис в советско-китайских отношениях резко изменил и пограничную политику в регионе. К концу периода 1963 – 1969 гг. почти все налаженные ранее трансграничные связи были оборваны. Государство вновь в полной мере превратило дальневосточное пограничье в зону своих исключительных интересов, изолировав его от населения региона. В результате ретатизации и ремилитаризации дальневосточной границы степень её закрытости (барьерности) приблизилась к уровню 30-х гг. Однако в отличие от довоенного периода упор в обеспечении подобного режима функционирования делался в большей мере не на наращивании численности пограничных войск (хотя и она существенно возросла), а прежде всего на развитии организационно-управленческих и инженерно-технических элементов системы границы.

В 1969 – 1982 гг. международная обстановка вокруг государственных рубежей советского Дальнего Востока по-прежнему определялась в первую очередь «китайским фактором». С осени 1969 г. советско-китайские отношения переходят из фазы острого кризиса в состояние относительно более спокойной с военной точки зрения, вялотекущей политико-дипломатической конфронтации. На протяжении большей части рассматриваемого этапа стороны вели межправительственные переговоры, главное место на которых занимала пограничная проблематика⁴². Однако прийти к каким-либо обоюдно приемлемым решениям существовавших противоречий советским и китайским участникам переговорного процесса в эти годы не удалось. Численность войск и количество вооружений, сосредоточенных в приграничных районах обеих стран, в 70-е – начале 80-х гг., оставались стабильно высокими. Кроме того, на границе, хотя и реже, чем раньше, продолжали происходить вооружённые инциденты⁴³.

Новой тенденцией, существенно изменившей общую ситуацию в АТР, стало наметившееся с начала 70-х гг. (Шанхайское

коммунике 1972 г.) политическое сближение между Пекином и Вашингтоном. Направленное по замыслу его китайских инициаторов против «советского гегемонизма», оно снижало эффективность усилий Москвы по поддержанию разрядки в отношениях с США. Китайско-американское сближение ещё более осложняло и без того неблагоприятное международно-политическое положение СССР в регионе⁴⁴. С началом же в конце 70-х гг. нового раунда холодной войны оно обернулось для Москвы и дополнительными военно-экономическими издержками⁴⁵.

Высокий уровень внешней угрозы в 1969 – 1982 гг. по-прежнему был одной из главных причин (если не важнейшим фактором) включения советским правительством Дальнего Востока в число регионов приоритетного и ускоренного развития. С 1970 по 1985 гг. в народное хозяйство дальневосточного региона было вложено 70 млрд. рублей, что составляло 25% от объёма средств, направленных на строительство в восточных районах РСФСР в целом. Вместе с тем, наряду со ставившимися и ранее задачами наращивания добычи топлива и минерального сырья, производства энергии и развёртывания транспортных коммуникаций⁴⁶, для привлечения на советский Дальний Восток мигрантов были намечены новые цели по развитию в регионе потребительских отраслей экономики. Однако повышение сбалансированности освоения дальневосточного региона, зафиксированное в планах правительства, во многом обесценивалось неполнотой и низким качеством реализации последних. Отступление от плановых показателей имело место уже в ходе осуществления упоминавшегося постановления Совмина 1967 г., задания которого были выполнены только на 80%. Аналогичное постановление правительства, принятое в 1972 г., было выполнено лишь на 65%⁴⁷. Замедление темпов социально-экономического развития Дальнего Востока было тесно связано с общим процессом торможения советской экономики, которая уже не могла обеспечить необходимого уровня инвестиций в развитие окраин страны.

В системе дальневосточной границы в 1969 – 1982 гг. не произошло каких-либо существенных изменений. В условиях сохраняющейся конфронтации с Китаем она продолжала функционировать в крайне жёстком режиме, представляя собой почти непроницаемый для двусторонних контактов оборонительный рубеж. Высокий уровень барьерности поддерживался достигшей в эти годы пика своего экстенсивного роста институциональной и материально-технической структурой границы. Вместе с тем, по

мере углубления кризисных проявлений в советской экономике, особенно рано обнаруживших себя на периферии, государству становится всё труднее содержать всю эту сложную и разветвлённую структуру в работоспособном состоянии.

Основное историческое значение следующей международной ситуации, сложившейся в СВА и АТР в 1982 – 1991 гг., состояло в неуклонном, хотя по началу и малозаметном, ослаблении внешнеполитических позиций СССР. Это ослабление, тесно связанное с процессом прогрессирующего распада в регионе и мире в целом биполярного порядка, имело одним из своих следствий, изменение характера советско-китайских отношений. Благодаря целому ряду направленных на примирение с соседом инициатив Москвы, 1982 – 1991 гг. ознаменовались медленным, но устойчивым потеплением советско-китайских отношений. Постепенно отходя от военно-политического противостояния, стороны приступили к реанимации своих пришедших за два предыдущих десятилетия в полный упадок социально-экономических связей. В налаживании социально-экономического взаимодействия были заинтересованы оба государства. Советский Союз рассчитывал использовать его в целях подталкивания замедляющегося развития своих восточных районов, для КНР же оно должно было стать ещё одним средством ускорения общей модернизации национальной экономики. При этом, если ранее (до 1963 г.) ведущим субъектом трансграничных социально-экономических отношений безусловно выступал СССР, то теперь ситуация не была столь однозначной. К концу рассматриваемого этапа более активная, инициативная роль в этих отношениях переходит к быстро укрепляющему своё экономическое положение китайскому обществу.

Первым заметным проявлением новых тенденций во взаимодействии СССР и Китая стало открытие в Пекине в октябре 1982 г. советско-китайских политических консультаций. Начавшиеся переговоры были посвящены поиску путей нормализации отношений между странами. В ходе консультаций осенью 1983 г. советское правительство предприняло попытку развернуть обсуждение наиболее острой из существующих между двумя государствами проблем – вопроса о границе. Однако китайская сторона оказалась не готовой к ведению переговоров по данной теме. Поэтому участникам консультаций пришлось сосредоточиться на согласовании позиций по военной и экономической проблематике. По второму из этих направлений вскоре были достигнуты определённые результаты. Сторонами были подписаны межпра-

вительственное соглашение об экономическом сотрудничестве, а также соглашение о взаимной торговле на 1986 – 1990 гг.⁴⁸ Это способствовало значительному росту объёмов советско-китайского торгового оборота: с 1980 по 1985 гг. его стоимость увеличилась в 10 раз – со 190 млн. до 1,9 млрд. долларов⁴⁹. С 1983 г. между странами возобновилась приграничная торговля. Параллельно с этим, власти обоих государств санкционировали оживление двусторонних связей в социальной и культурной сферах⁵⁰.

Интенсивность изменений в советско-китайских отношениях существенно возрастает после перехода власти в КПСС в руки реформаторских сил. Поворотным моментом в развитии дальневосточной внешней и внутренней политики СССР явилась известная Владивостокская речь М.С. Горбачёва в июле 1986 г. В ней нашли выражение готовность Москвы к решительным шагам по сокращению советского военного присутствия по периметру китайских границ и намерение стимулировать развитие дальневосточного региона страны посредством активизации его экономического сотрудничества (и даже «интеграции») с соседями по АТР⁵¹. Насыщенная свежими идеями декларация Горбачёва встретила благожелательную реакцию в Пекине и в 1987 г. китайская сторона высказала желание приступить к переговорам по пограничной проблематике.

Несмотря на то, что поначалу переговорный процесс шёл достаточно медленно, он способствовал внесению изменений в функционирование дальневосточной границы. Новый импульс процесс согласования линии границы получил в 1989 г., когда СССР приступил к практическому осуществлению обещанной демилитаризации пограничных районов, а советский лидер совершил первый в истории страны визит в Китай (май 1989 г.). Сделанное в ходе данного визита совместное заявление о достижении нормализации советско-китайских отношений, а также заключённое в апреле 1990 г. в Москве Соглашение о руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области в районе границы позволили перевести переговорный процесс в завершающую фазу. Его главным итогом стало подписанное 16 мая 1991 г. Соглашение о государственной границе СССР и КНР на её восточной части⁵².

Достигнутому благодаря Соглашению от 16 мая 1991 г. существенному укреплению международно-правовых оснований системы дальневосточной границы (несколько ранее в рамках того же этапа, в апреле 1985 г., СССР подписал договор о прохо-

ждении государственной границы с КНДР)⁵³, сопутствовало снижение роли в её функционировании военно-политических задач и обеспечивающих их реализацию институциональных и материально-технических структур. Соглашение создало благоприятные условия для интенсификации всех форм трансграничного взаимодействия Дальнего Востока СССР (РФ) с Китаем. Политические и социально-экономические последствия его заключения во многом определили историю этого региона в 90-е гг. XX в., а в определённой мере и в более поздний период.

На фоне достаточно полной реализации внешнеполитических задач, поставленных правительством Горбачёва, осуществление им планов внутреннего развития советского Дальнего Востока оказалось куда менее успешным. Принятая ЦК КПСС и Совмином СССР в 1987 г. «Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья на период до 2000 г.» предусматривала превращение Дальнего Востока в сбалансированный и высокоэффективный хозяйственный комплекс, включённый в мировое разделение труда. Однако, едва начавшись, работа по выполнению данной программы очень скоро фактически была прекращена⁵⁴. Уже в 1989 г. министерства и ведомства перешли к политике сокращения централизованных капиталовложений в регион, а в 1991 г., в обстановке принявшего всеобъемлющий характер общественно-политического кризиса в стране, правительственная поддержка Дальнего Востока была практически полностью свёрнута⁵⁵. Таким образом, происходившая в эти годы стремительная утрата регионом роли территориального плацдарма и социально-экономической базы военной мощи СССР в АТР так и не была компенсирована обретением им новой «гражданской» (открытой внешнему миру) модели освоения и заселения. Дальний Восток не только не стал местом экономического прорыва страны в рыночное будущее, но и, напротив, оказался одной из первых и понёсших наиболее тяжёлый урон жертв вышедших из-под контроля своих инициаторов перестроечных реформ.

Развернувшаяся во второй половине 80-х гг. демилитаризация, а затем и дезаттизация региона самым непосредственным образом отразилась и на состоянии системы дальневосточной границы. Сжатие и упрощение этой системы в ходе демонтажа (то и просто забрасывания) значительной части военной инфраструктуры приграничных районов и выведения отсюда многих военных частей не было возмещено созданием структурных ус-

ловий для функционирования границы в более открытом, либеральном режиме. Между тем, после заключения с КНР, начиная с 1988 г., ряда соглашений, поощрявших развитие двусторонних социально-экономических отношений, нагрузка на дальневосточную границу стала быстро расти⁵⁶. Подобный рост фактической функциональной контактности системы дальневосточной границы, при практическом отсутствии или крайней недостаточности её структурного обеспечения, уже на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. положил начало тенденции к широкой «теневизации» входящих и исходящих из региона трансграничных потоков.

2. Состав и структура дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг.

В рассматриваемый исторический период состав и структура системы дальневосточной границы подвергались многочисленным и разнообразным изменениям. При этом в целом их развитие характеризовалось высокой степенью неравномерности. Не только темпы, но и направления развития различных компонентов системы дальневосточной границы были неодинаковы. Поступательному совершенствованию, дифференциации и интеграции одних частей этой системы сопутствовали процессы упрощения и разрушения (деградации) других. Сложившаяся в ходе подобного развития однобокая, деформированная структура дальневосточной границы являлась, в конечном счёте, закономерным отражением в основном крайне неблагоприятных внешних условий существования региона и общей специфики внутреннего устройства советского общества.

Наибольшей стабильностью на протяжении периода 1929 – 1988 гг. отличался правовой компонент системы дальневосточной границы. В особенности, это относилось к его международно-правовой части. В изучаемый период международно-правовая база существования дальневосточной границы состояла главным образом из договоров и соглашений, подписанных в предшествующие годы. В их число входили сохранявшие своё действие нормы Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров, Турского протокола 1861 г. и Новокиевских протоколов 1886 г., а также подтвердившие юридическую силу более ранних пограничных соглашений Пекинское соглашение от 31 мая 1924 г. и Мукденское соглашение от 20 сентября 1924 г. Договоры и соглашения, заключённые СССР с Китаем и Кореей в 1929 – 1988

гг., содержали лишь принципиальные положения о взаимном уважении территориальной целостности и государственного суверенитета сторон, как правило, не касаясь напрямую вопросов формирования и функционирования границы. В ряду таких международно-правовых актов следует назвать договоры СССР с Китайской Республикой 1937 и 1945 гг., с КНР 1950 г. и с КНДР 1961 г. Исключением с этой точки зрения являлись соглашения о правилах судоходства на пограничных реках, заключённые советскими представителями в 1936 г. с властями Маньчжоу-Го и Японии, а в 1951 г. – с представителями КНР, а также советско-северокорейская конвенция о порядке разрешения пограничных вопросов 1957 г.⁵⁷ Однако, эти последние документы имели весьма узкоспециальный характер.

Только в самом конце рассматриваемого в этой главе периода в международно-правовые основания дальневосточной границы были внесены важные дополнения и коррективы. В результате подписания СССР в апреле 1985 г. договора с КНДР на северокорейском участке дальневосточная граница была делимитирована заново. Несмотря на то, что новая делимитация изменила географическое положение линии границы (по сравнению с зафиксированным в ранее действовавших документах) незначительно, её осуществление имело весьма значимые, долгосрочные исторические последствия. Она не только повлекла за собой появление целого ряда других международных документов⁵⁸, но и спровоцировала обновление внутреннего законодательства о дальневосточной границе, а также способствовала в той или иной степени корректировке остальных компонентов её системы.

Предпосылкой заключения договора между СССР и КНДР о прохождении линии советско-корейской государственной границы от 17 апреля 1985 г. являлось несоответствие её юридического оформления международным реалиям. Вплоть до 80-х гг. XX в. роль правовой основы данной границы играл Пекинский договор 1860 г., а также Турский (1861 г.) и Новокиевские (1886 г.) демаркационные протоколы, подписанные представителями России и Китая. Корейская сторона в подготовке этих документов участия не принимала. Это объяснялось тем, что в тот исторический период Корея находилась в политической (вассальной) зависимости от Цинской империи и по существу была лишена статуса полноценного субъекта международных отношений. Кроме того, названные документы описывали пространственное положение российско-корейской границы очень нечётко.

Переговоры сторон по вопросу прохождения линии государственной границы были начаты в 1984 г. по инициативе СССР. Подписанный в их итоге 17 апреля 1985 г. советско-северокорейский договор делимитировал границу двух государств на всём её протяжении, включая её сухопутный участок, проходивший от точки стыка границ КНР, КНДР и СССР по р. Туманная (протяжённость – 17 км.) и морскую часть, пролежавшую от конечной точки сухопутной границы до пределов 12-мильной зоны территориальных вод (протяжённость – 22, 2 км.). При этом при определении положения сухопутного участка границы был использован принятый в современной международной практике принцип её проведения по середине главного русла пограничной несудоходной реки. В соответствии с этим принципом 16 из 17 островов на пограничном участке р. Туманная отошли КНДР. На основании договорной делимитации в 1986 – 1990 гг. граница СССР и КНДР была демаркирована специально образованной двусторонней смешанной комиссией. В ходе демаркации пограничная линия по р. Туманная была обозначена 22-мя пограничными знаками. Прохождение демаркированной советско-корейской государственной границы было подробно описано в правительственном протоколе, подписанном в Пхеньяне 3 сентября 1990 г., и отображено на карте масштаба 1:25000⁵⁹.

Вместе с тем, демаркация 1986 – 1990 гг. не была полной. Полному завершению демаркации советско-корейской границы в этот период помешала неопределённость исходной для неё точки стыка границ СССР, КНДР и Китая. Установление координат этой точки было связано с неоконченным в это время процессом советско-китайского разграничения и требовало проведения трёхсторонних переговоров.

Национальная часть правового компонента системы дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. развивалась в целом более динамично, чем международная. Большое влияние, чем внешние отношения СССР и их договорное оформление, на её содержание оказывала внутривнутриполитическая жизнь советского общества. Важнейшие изменения в законодательстве о государственной границе были тесно связаны с созданием в СССР тоталитарного режима, его авторитарной трансформацией и последовавшей за ней перестроечной демократизацией. В условиях высокой унифицированности советской правовой системы, эволюция национально-правовой базы дальневосточной границы почти полностью опре-

делялась тенденциями в общегосударственном законодательстве в данной сфере.

Поскольку на протяжении всего советского периода функционирование рубежей страны было подчинено решению, прежде всего, военно-политических задач, центральное и основное место в пограничном законодательстве в это время принадлежало правовым актам, регулирующим вопросы охраны границы и деятельность пограничных войск.

В 30-е – 50-е гг. XX в. охрана дальневосточной границы СССР осуществлялась в основном в соответствии с нормативно-правовыми документами, введёнными в действие в предшествующий период. В их число входили утверждённые в 1927 г. «Положение об охране государственных границ СССР», «Временный устав пограничной охраны», «Инструкция о порядке въезда в запретную пограничную полосу» и «Положение о КПП»⁶⁰. Вместе с тем, в эти годы нормативно-правовая база охраны границы неоднократно дополнялась и корректировалась изданием специальных нормативных актов различного уровня. Их появление было обусловлено быстрым изменением внешне- и внутривосточной ситуации, постановкой перед пограничными институтами новых задач, совершенствованием их организационной структуры и методов работы.

Одним из первых важных дополнений к действующим в данной сфере нормативно-правовым документам стала изданная 9 мая 1931 г. «Инструкция о порядке привлечения населения пограничной полосы к охране государственной границы СССР». Инструкция закрепила и регламентировала возникшую ещё в 20-е гг. практику формирования государственными органами вспомогательных охранных организаций из жителей приграничных районов. С появлением этого документа создание подобных организаций (т.н. бригад или групп содействия), способствовавших повышению эффективности борьбы с нарушениями границы, приобрело по всей стране, включая Дальний Восток, массовый размах⁶¹. С некоторыми изменениями, этот специфический институт общественной охраны границы просуществовал до конца советской эпохи.

Обеспечение более надёжной охраны и более высокой степени закрытости государственной границы входило в число основных задач и принятого 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР постановления «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов». Данное поста-

новление предусматривало введение ограничений права проживания определённых категорий населения в части районов страны. К таким районам, получившим статус режимных зон, были отнесены в т.ч. и приграничные территории СССР. На Дальнем Востоке паспортные ограничения применялись особенно широко. Согласно инструкции СНК СССР от 12 января 1933 г., статус режимных зон был придан 100-километровой полосе вдоль сухопутной границы с Маньчжурией, а также всем территориям ДВК, расположенным к югу от течения р. Амур. Таким образом, в совокупности режимный статус получили территории, на которых проживало 97% населения советского Дальнего Востока⁶².

Жители режимных зон, причисленные к тунеядцам (не занятым в общественном производстве), лишенцам (лишённым избирательных прав), укрывавшимся кулакам, лицам, ранее осуждённым по ст. 58 и 59 УК РСФСР, бывшим белым офицерам и жандармам, нарушителям государственной границы, контрабандистам и некоторым другим категориям населения, паспортов не получали. Они подлежали выселению и в 10-дневный срок были обязаны самостоятельно выехать в нережимные районы страны⁶³. Тем самым проведённая в 1933 – 1934 гг. на советском Дальнем Востоке паспортизация вылилась в массовую (преследовавшую внешне- и внутривнутриполитические и отчасти социально-экономические цели) «чистку» приграничья и региона в целом. Установление паспортной системы и режимных зон создало правовые условия и институциональные механизмы и для ряда последующих депортаций 1937 – 1939 гг., объектами которых стали китайцы и корейцы, а также «антисоветские элементы» в населении Дальнего Востока. Последствия этих репрессивных акций оказали ощутимое и многогранное влияние на состояние дальневосточной границы и всего региона.

Хотя на Дальнем Востоке создание режимных зон было направлено в первую очередь на укрепление безопасности региона перед лицом растущей угрозы со стороны Японии, его значение выходило далеко за рамки военно-политической сферы трансграничных отношений. Вводимый с 1933 г. институт прописки с его различными территориальными особенностями (режимами) стал по существу универсальным инструментом государственного контроля над функционированием границы, позволившим заметно повысить уровень её барьерности также в социальной, экономической и культурно-идеологической сферах. Создание режимных зон послужило одним из самых ярких проявлений

проводившейся в СССР политики тотального огосударствления системы границы и последовательного вытеснения из неё общественных субъектов. То обстоятельство, что на Дальнем Востоке подобное этатизированное формальное пограничное пространство получило особенно большую географическую глубину, было связано с объективно сложившейся спецификой дальневосточной границы. Определяя пределы режимных зон, советские власти не могли не учитывать того, что к началу 30-х гг. неформальное, функциональное (прежде всего, социально-экономическое) пограничное пространство охватывало практически всю территорию региона⁶⁴.

Расширение состава задач по охране границы, изменения в её методах и организационных формах, произошедшие в 30-е гг., нашли обобщение и систематизацию в изданном в 1940 г. «Уставе пограничной службы войск НКВД СССР», сменившим «Временный устав службы пограничной охраны» 1927 г. Новый устав более подробно регламентировал функции пограничных округов по борьбе с вооружёнными вторжениями на советскую территорию, незаконными пересечениями границы с политическими (разведка, шпионаж, диверсии, пропаганда) и экономическими (контрабанда) целями. Особое внимание в нём уделялось участию пограничников в контроле над выполнением договоров и соглашений СССР с сопредельными государствами, разрешении (через пограничных представителей) возникающих на границе инцидентов, обеспечении соблюдения населением правил пограничного режима. Устав 1940 г. устанавливал более строгие требования к обучению личного состава, и в т.ч. его подготовке к ведению боевых действий⁶⁵.

Последующие изменения в нормативно-правовой базе охраны государственной границы имели место уже в 50-е гг. Они были тесно связаны с начавшимися после смерти Сталина преобразованиями политических отношений и государственного управления, сущность которых состояла в постепенном демонтаже основ тоталитарного режима в стране. В рамках процесса передачи пограничных войск из МГБ в структуру МВД, с 1953 г. разворачивается процесс введения в действие новых инструкций и наставлений по пограничной службе⁶⁶. Обновление нормативно-правовой базы охраны советских границ в целом было направлено на обеспечение их более высокой проницаемости, на смягчение и упрощение порядка их пересечения.

Наиболее полным выражением перемен, которые произошли в пограничной политике советского государства в послесталинскую эпоху, явилось новое Положение «Об охране государственной границы СССР», утверждённое указом Президиума Верховного Совета СССР 5 августа 1960 г. К Положению прилагалась утверждённая Совмином СССР закрытая Инструкция, определявшая порядок его применения и устанавливавшая режимы пограничной зоны и пограничной полосы⁶⁷. В изложении общих задач пограничных войск Положение 1960 г. в основном сохраняло преемственность с Положением 1927 г. Вместе с тем, оно значительно более подробно и чётко описывало структуру и функционирование государственной границы, а также права и обязанности пограничных войск.

Так, в I главе нового Положения были впервые определены понятия государственной границы, режима государственной границы и пограничного режима. Во II главе был изложен порядок осуществления железнодорожного, водного, воздушного, автомобильного и иного сообщения через границу, таможенного, медико-санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля над ней, регламентированы вопросы различных форм хозяйственного использования приграничных территорий и акваторий. Положение 1960 г. подтверждало центральное место, занимаемое пограничными войсками в структуре и функционировании системы границы. В то же время, оно закрепляло практику служебного взаимодействия пограничников с милицией, местными органами власти и населением (добровольные народные дружины) – в процессе охраны линии границы и поддержании пограничного режима, и с органами рыболовного надзора – в целях охраны морских и речных богатств страны. Характерным для периода хрущёвских реформ проявлением внимания к законности действий представителей власти была намного более тщательная, чем раньше, регламентация Положением порядка применения оружия в отношении нарушителей границы. Особенно подробно этот вопрос освещался в закрытой части Положения (Инструкция), где в частности определялись различия в порядке применения оружия на границах с капиталистическими и социалистическими странами⁶⁸.

Развитие наметившейся с середины 50-х гг. XX в. тенденции к некоторой либерализации законодательства о границе уже в 60-е гг. столкнулось с серьёзными препятствиями. Одним из таких препятствий стал консервативный внутриполитический курс

пришедшего к власти в 1964 г. партийного руководства во главе с Л.И. Брежневым, приведший к сворачиванию процессов реформирования советской общественно-политической системы. Другим фактором, вставшим на пути смягчения и определённой дестатизации пограничной политики, явилось ухудшение международной обстановки. С начала 60-х гг. рост напряжённости на восточных границах страны был вызван агрессивными действиями властей КНР. С конца 70-х гг. военное вмешательство самого советского руководства в дела Афганистана спровоцировало распространение этой напряжённости по существу на весь периметр советских границ.

Вместе с тем, в эпоху Брежнева руководство СССР неоднократно предпринимало попытки нормализации отношений со своими многочисленными политическими противниками среди капиталистических и социалистических государств. Так, шагом в направлении политико-правовой интеграции в мировое сообщество (или, по крайней мере, выхода из состояния изоляции в нём) стало участие СССР в работе совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. Противоречивый характер общего политического курса (и в т.ч. пограничной политики) Москвы в эти годы нашёл отражение и в принятом 24 ноября 1982 г. Верховным Советом СССР Законе «О государственной границе СССР».

Первый в истории советского государства Закон о государственной границе 1982 г. с юридической точки зрения поставил правовое регулирование её структуры и функций на новый, более высокий уровень. Это выразилось не только в дальнейшей дифференциации и конкретизации правовых норм и достаточно подробном освещении процедур работы пограничников, что уже само по себе способствовало укреплению законности в функционировании границы. Немаловажно и то, что содержание Закона 1982 г. было приведено в соответствие с нормами международного права. Тем самым, советское руководство давало понять международному сообществу о своей заинтересованности в расширении контактов (прежде всего, экономических) с внешним миром. Продемонстрировать готовность к определённому (выборочному и в целом скорее декларативному) смягчению пограничной политики должны были также статьи Закона, предусматривавшие налаживание служебного взаимодействия пограничных войск СССР с пограничной охраной сопредельных социалистических государств и предоставление права участия в охране госу-

дарственной границы общественным организациям и гражданам⁶⁹.

Однако, наряду с этим, Закон 1982 г. содержал положения, свидетельствовавшие о стремлении его разработчиков к повышению степени барьерности и военному укреплению советских рубежей. Так, второй раздел Закона расширял спектр видов (сфер) государственного контроля над пересечением границы. К ранее существовавшим его видам был добавлен контроль над вывозом из СССР культурных ценностей. Кроме того, Закон предоставлял возможность осуществления на границе и «иных видов контроля». В четвёртом разделе Закона 1982 г. предусматривалось, что при охране границы «в необходимых случаях» могут применяться боевое оружие и боевая техника не только пограничных войск и войск ПВО, но и других видов Вооружённых сил СССР. Данная норма перекликалась с текстом преамбулы Закона, в котором охрана государственной границы трактовалась как «важнейшая неотъемлемая часть защиты социалистического Отечества»⁷⁰.

Порядок применения изданного в 1982 г. Закона о государственной границе был определён инструкцией, утверждённой Советом министров СССР. Данный закон продолжал действовать вплоть до конца советского периода (и даже далее – до принятия в 1993 г. нового закона).

Во многом синхронно с нормативно-правовой базой охраны государственной границы эволюционировало миграционное законодательство СССР. Тесная связь пограничной и миграционной политики в этот период обуславливалась их общей безусловной и прямой подчинённостью интересам военно-политической безопасности советского государства и высокой степенью скоординированности работы, а на ряде этапов и организационной интегрированности, отвечавших за их реализацию погранохранных и милицейских органов.

Ключевым событием в формировании советской миграционной политики 1929 – 1988 гг. стало появление в 1932 г. уже упоминавшегося Постановления ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы...». Данное постановление положило начало резкому ограничению прав советских граждан на въезд и выезд из страны, а также передвижение по её территории, в особенности в районах, примыкавших к государственной границе.

В соответствии с названным постановлением, Положением о паспортах 1932 г. и рядом развивавших их документов, при органах милиции различного уровня⁷¹ были образованы паспортные отделы (столы), отвечавшие, в том числе, и за выдачу гражданам СССР пропусков и разрешений на въезд в пограничную зону⁷². При принятии решения о допуске в пограничную зону учитывались социальное происхождение (положение) заявителя и его политическая благонадёжность. Лица, уличённые в несоблюдении паспортного режима, подвергались высоким штрафам, а при повторном его нарушении (согласно введённой в 1934 г. ст. 192а УК РСФСР 1926 г.) – несли уголовную ответственность.

Вслед за ужесточением законодательства в сфере внутренних миграций, подобные же меры были приняты и в отношении порядка пересечения государственной границы СССР. Постановлением СНК СССР от 4 октября 1935 г. иностранные отделы и столы, находившиеся в 1930 – 1935 гг. в подчинении исполкомов местных советов, были включены в структуру объединённого НКВД⁷³, в которую ранее уже вошли паспортные отделы. Тем самым функции контроля за внутренними (в т.ч. приграничными) и трансграничными миграциями были сосредоточены в рамках одного ведомства, которое по существу монополизировало решение всего круга задач по охране правопорядка, внутренней и внешней безопасности в стране, превратившись в один из главных центров политической власти в ней. Даже без формального изменения общих норм въезда и выезда из СССР (они по-прежнему определялись Положением 1925 г.) данный законодательный акт существенно повышал эффективность государственного регулирования пересечения границы, что в условиях тоталитарного режима означало повышение уровня её социально-демографической барьерности. Возможности легального (не говоря уже о нелегальном) въезда и выезда из страны были резко сужены.

В дальнейшем созданная в первой половине 30-х гг. система миграционного (паспортно-визового) контроля постоянно совершенствовалась. Основными вехами в процессе её развития были Положения о паспортах 1940 и 1953 гг. Не внося в паспортную систему каких-либо принципиальных новшеств, данные положения были направлены на то, чтобы придать ей подлинно тотальный, всеохватывающий характер. Это выражалось в распространении паспортной системы на всё новые категории населения и расширении территории СССР, подлежащей полной паспортизации. Этот процесс шёл и на Дальнем Востоке. К 1953 г. глубина

пограничной зоны в регионе увеличилась до 500 км. Большая часть входивших в него крупных административно-территориальных образований целиком получили статус режимных местностей⁷⁴.

Незыблемость основ советской миграционной политики и законодательства впервые была поставлена под сомнение в годы «оттепели». Её либерализация началась с изменений в сфере регулирования внешних миграций. С 1953 г. движение людских потоков через советские границы заметно активизировалось. Оживление трансграничного миграционного обмена, безусловно, прежде всего, коснулось социалистических «друзей» СССР, в число которых на Дальнем Востоке входили КНР и КНДР. Нормативно-правовой базой этих изменений послужили соответствующие международные соглашения о безвизовых поездках, а также ряд постановлений Совета министров СССР и ведомственных инструкций. Некоторые меры по расширению прав советских граждан в данной сфере были зафиксированы и в новом «Положении о въезде в СССР и выезде из СССР», утверждённом Совмином 19 июня 1959 г. Так, в Положении был впервые обнародован перечень лиц, которым выдавались дипломатические и служебные паспорта, а также разрешался въезд и выезд не только по заграничным паспортам, но и по документам их заменяющим (удостоверениям и внутренним паспортам)⁷⁵.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. советское правительство пошло на некоторое смягчение паспортного режима и внутри страны. В частности, в уголовном порядке с этого времени стало преследоваться не менее чем трёхкратное нарушение паспортных правил, а максимальное наказание за такое нарушение было уменьшено до 1 года лишения свободы⁷⁶.

Последним базовым законодательным актом советского периода, регламентировавшим трансграничную миграцию, было «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР» 1970 г. В нём впервые были сформулированы основания для отказа гражданам в выдаче разрешения на выезд за границу по частным делам, установлены периодичность частных поездок и предоставление характеристик для оформления выезда. Положением также отменялось использование для выезда из СССР документов, заменяющих заграничные паспорта (удостоверений, вкладышей и т.п.)⁷⁷.

Подписание СССР Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки повлекло за собой дальнейшую либерализацию практики рассмотрения заявлений граждан о въезде и выезде. Специальное

постановление Совета министров, изданное в 1975 г., обязало МВД и МИД сократить сроки рассмотрения заявлений и количество документов, подаваемых заявителями, и установило порядок пересмотра отрицательных решений⁷⁸.

Перемены в международном положении СССР в годы «разрядки» в определённой мере сказались и на внутренней миграционной политике Москвы. Так, в утверждённом Совмином 28 августа 1974 г. новом «Положении о паспортной системе в СССР», помимо прочего, были обнародованы ранее введённые инструкции об особом режиме пограничных районов, в соответствии с которыми специальные разрешения на прописку в них граждане должны были получать в органах МВД ещё до момента въезда⁷⁹.

В целом, либерализация советского миграционного законодательства во второй половине 50-х – 70-х гг. XX в. носила весьма умеренный, выборочный характер. При этом нормы законов зачастую имели сугубо декларативное значение. Куда более важную роль в этой сфере играло административное регулирование миграционных процессов, что обуславливало быструю обратимость любого рода послаблений. Именно такое быстрое возвращение к жёсткому режиму въезда и выезда из страны имело место на рубеже 70-х – 80-х гг., с началом очередного витка «холодной войны». В тесной связи с этим был ужесточён и паспортный контроль в пограничных зонах, в пределах которых по-прежнему находилась значительная часть Советского Союза. Согласно Постановлению Совмина СССР от 17 октября 1983 г. «О мерах по обеспечению выполнения Закона СССР «О государственной границе СССР»», статус пограничной зоны распространялся примерно на 16,4% территории страны (или более 3640 тыс. кв. км. её площади)⁸⁰. К числу наиболее «режимных» регионов СССР в это время продолжал относиться и Дальний Восток, почти вся территория которого входила в пограничную зону.

Действительно кардинальные (а порой и радикальные) изменения в нормативно-правовой базе функционирования границы в области социально-демографических отношений произошли уже в перестроечную эпоху. Эти изменения были следствием, в первую очередь, интенсификации процесса приведения советского законодательства в соответствие с нормами международного права, и в особенности с содержанием договорённостей, достигнутых в ходе Венских встреч СБСЕ 1986 – 1989 гг. В 1986 г. действующее «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР» 1970 г. решением правительства было дополнено согласованным с ме-

ждународными нормами открытым разделом о порядке рассмотрения заявлений о въезде – выезде по частным делам. С 1987 г. были практически отменены все существовавшие ограничения на выезд из страны во все страны мира, в т.ч. на постоянное жительство, за исключением случаев, связанных с безопасностью государства⁸¹.

Тем не менее, вплоть до конца советского периода, и даже позднее, в течение нескольких лет после ликвидации СССР, правовую основу регулирования людских потоков на государственной границе и в приграничных районах продолжали составлять законодательные акты, изданные ещё в 70-е гг.⁸²

С историей советского пограничного и миграционного законодательства было тесно связано и развитие таможенного права рассматриваемого периода. Вместе с тем, законотворчество в сфере регулирования трансграничных экономических отношений в целом осуществлялось менее интенсивно, что отражало сравнительно низкую значимость таможенного контроля в ряду функций государственных границ СССР.

В основу функционирования всего периметра советских границ в экономической сфере вплоть до начала 60-х гг. XX в. был положен Таможенный кодекс СССР, утверждённый Постановлением ЦИК и СНК 19 декабря 1928 г. Согласно данному нормативному документу, главной задачей таможенных органов являлся контроль над соблюдением монополии государства на внешнюю торговлю. Из этой задачи напрямую вытекала необходимость жёсткого пресечения таможенной попыток перемещения через границу могущих иметь торговое назначение грузов (товаров, ценностей и иных предметов) со стороны любого рода негосударственных субъектов. Подобные действия расценивались с позиции советского таможенного права как контрабанда. Таможенный кодекс 1928 г. уделял вопросам борьбы с контрабандой большое внимание, подробно описывая виды и формы контрабандной деятельности, порядок выявления и задержания контрабандных предметов и ответственность лиц, виновных в нарушении таможенного законодательства. Всякая контрабанда определялась в Кодексе 1928 г. как уголовное деяние и влекла весьма суровые наказания. Вместе с тем, в соответствии с законом ведущая роль в расследовании и решении дел о контрабанде была отведена органам ОГПУ (позднее – НКВД). Компетенция же таможенных органов ограничивалась лишь применением к виновным административных санкций (штрафов и конфискации товаров)⁸³.

В дальнейшем Таможенный кодекс 1928 г. неоднократно дополнялся документами, издаваемыми СНК СССР, Главным таможенным управлением и другими ведомствами. Однако в массе своей эти нормативные документы касались частных вопросов. Наиболее существенные дополнения в действующий Таможенный кодекс были внесены в конце 30-х гг. В это время за таможней были закреплены функции осуществления карантинного досмотра и ветеринарно-санитарного надзора, а также контроль над пропуском через границу печатных изданий и почтовых отправлений⁸⁴.

С середины 50-х гг. в рамках начавшейся либерализации пограничной политики СССР работа таможенных органов также подверглась определённой корректировке. Она выразилась, прежде всего, в упрощении и унификации правил пропуска ручной клади и багажа лиц, следовавших через государственную границу. Кроме того, утверждённый в 1961 г. Таможенный тариф по привозной торговле обеспечил более благоприятные условия для развития экономических связей СССР с зарубежными партнёрами⁸⁵.

Перемены в советской таможенной политике отразил новый Таможенный кодекс СССР, утверждённый Совмином в мае 1964 г. Впрочем, зафиксированные в нём основные задачи таможенной службы остались неизменными. Приоритетное значение для неё по-прежнему имели защита государственной монополии внешней торговли и борьба с контрабандой. Более того, преследование последней было ужесточено. В ст. 102 Таможенного кодекса 1964 г. контрабанда была отнесена к государственным преступлениям. Преследование контрабанды как государственного уголовного преступления находилось в компетенции КГБ СССР. В ведении таможенных органов оставались только мелкие нарушения закона, наказуемые в административном порядке⁸⁶.

В 70-е – первой половине 80-х гг. пограничная политика СССР в экономической области, как и в других сферах отношений с внешним миром, отличалась противоречивостью. С одной стороны, в целях выполнения своих международных обязательств, улучшения имиджа страны и привлечения зарубежных партнёров и туристов, советское руководство принимало меры по повышению экономической проницаемости границ. Так, в 1973 г. правительством был отменён сплошной, массовый досмотр лиц, мест ручной клади и багажа при пересечении границы, упрощены таможенные формальности. Однако, с другой стороны, власти

постоянно совершенствовались нормативно-правовые инструменты обеспечения экономических и тесно связанных с ними политических интересов государства. В 70-е – 80-е гг. был принят ряд решений, усиливающих таможенный контроль и повышающих ответственность за незаконный провоз валюты, культурных ценностей, наркотических и психотропных средств и т.д. К этому периоду относится внедрение практики использования в работе таможенных органов помощи представителей местной администрации, населения и производственных коллективов, в частности в форме т.н. общественных таможенных групп⁸⁷.

Поворотной вехой в развитии советской таможенной политики стал 1986 г. В этом году постановлением Совмина таможенной службе был придан статус самостоятельного ведомства, что отразило её возросшую государственную значимость⁸⁸.

Регулирование трансграничных отношений в культурно-идеологической сфере в 1929 – 1988 гг. не имело под собой какой-либо особой законодательной базы. Тем не менее, отсутствие специальных законов ни в коей мере не являлось свидетельством недостатка внимания к такому регулированию со стороны партийно-советского руководства СССР. На всём протяжении изучаемого периода культурно-идеологический контроль над трансграничными потоками входил в число приоритетных функций государственной границы страны. Управление движением информации (на самых разных её носителях – от печатной продукции, радио- и телевидения до «живых источников») и в первую очередь борьба с ввозом в СССР «идеологически вредной» литературы регламентировалась служебными инструкциями и правилами, предназначенными для органов безопасности и пограничной охраны, а позднее и для сотрудников таможни. Исходные нормативные документы по осуществлению на границе культурно-идеологического контроля были разработаны и введены в период с конца 20-х до конца 30-х гг.⁸⁹ В дальнейшем, по мере расширения и технического усложнения идущих через границу информационных потоков, они дополнялись и корректировались.

Изменения в институциональном компоненте системы советской, и в т.ч. дальневосточной, границы в 1929 – 1988 гг. происходили значительно активнее, чем в её правовой составляющей. Во многом, это было обусловлено такими основополагающими особенностями общественно-политической системы СССР как высокая степень декларативности (идеологизированности) советского права, и безусловное преобладание в государственном

управлении административно-командных методов. Вместе с тем, следует учитывать, что частые реорганизации государственных институтов порой имели чисто политические и бюрократические (связанные с борьбой в правящей элите страны) причины и поверхностный характер, не оказывая, в конечном счёте, существенного влияния на функционирование границы.

К началу рассматриваемого в данной главе периода советская пограничная охрана входила в состав ведомства государственной безопасности СССР – ОГПУ. С 1926 г. в рамках этого ведомства действовало Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ, заведовавшее одновременно оперативной и войсковой охраной границы⁹⁰. К этому же времени сложилась и просуществовавшая в основе своей до 2000-х гг. четырёхзвеньевая организационно-территориальная структура пограничной охраны, состоявшая из округов, отрядов, комендатур и застав. Охрана материковой и морской государственной границы СССР на Дальнем Востоке обеспечивалась в эти годы Дальневосточным пограничным округом, который с 1930 г. возглавлялся Управлением пограничной охраны и войск Полномочного представительства ОГПУ ДВК, располагавшимся в Хабаровске⁹¹.

В июле 1934 г. ОГПУ вливается в объединённый НКВД СССР. В этом могущественном ведомстве, сыгравшем одну из важнейших ролей в строительстве советского тоталитаризма, были сосредоточены функции охраны общественного порядка, государственной безопасности и государственных границ, обширные судебные и карательные полномочия. В составе НКВД пограничники были подчинены Главному управлению пограничной и внутренней охраны (ГУПВО НКВД СССР). Помимо охраны границ, ГУПВО НКВД руководило охраной важных промышленных объектов, железных дорог, конвойными, строительными и иными частями⁹².

Во второй половине 30-х гг. неуклонно ухудшающаяся международная обстановка вынуждала советское руководство принимать меры к превращению границ страны в передовой оборонительный рубеж, к повышению боеспособности пограничных частей. Данная тенденция нашла своё отражение и на институциональном уровне. В августе 1937 г. ГУПВО было преобразовано в Главное управление пограничных и внутренних войск (ГУПВВ НКВД). С этого времени соединения и части пограничной и внутренней охраны стали именоваться войсками⁹³.

Знаменательным событием в институциональной истории пограничной охраны явилось принятие 2 февраля 1939 г. СНК СССР постановления о разделении ГУПВВ НКВД на шесть самостоятельных главных управлений. Одним из них стало Главное управление пограничных войск (ГУПВ НКВД)⁹⁴. Тем самым был завершён длительный (начавшийся ещё в годы гражданской войны) период тесной функциональной и организационной связи пограничных органов и институтов внутренней охраны (внутренних войск) страны. Данное решение, судя по всему, было сопряжено не только с ростом внешней напряжённости на границах, но и со спадом волны массовых репрессий в СССР (1929 – 1938 гг.), и, прежде всего, осуществлявшихся при непосредственном участии пограничников социальных и национальных «чисток» приграничных районов. Хотя случаи использования пограничных войск в борьбе с внутренними противниками советского государства имели место и позднее⁹⁵, Постановление СНК от 2 февраля 1939 г. можно считать решающим шагом в направлении специализации работы этого института.

Одновременно с реформой высшего управления охраной границы в марте 1939 г. была проведена реорганизация окружной структуры пограничных войск. В ходе неё Дальневосточный пограничный округ (охватывавший пространство ликвидированного в 1938 г. Дальневосточного края) был разукрупнён. Ответственность за охрану дальневосточной границы отныне возлагалась на Хабаровский и Приморский округа пограничных войск, управления которых размещались соответственно в Хабаровске и Владивостоке. Приближение окружных управлений к частям и подразделениям, несшим службу непосредственно на линии границы, должно было повысить эффективность руководства ими⁹⁶.

Уровень организационного развития и укрепления пограничной службы, достигнутый в СССР, включая его восточные окраины, к концу 30-х гг. XX в., можно наглядно представить на примере внутренней структуры Управления Приморского пограничного округа. Центральным органом в составе Управления являлся штаб пограничных войск округа, включавший в себя пять отделений (службы; боевой подготовки; связи; организации и комплектования; административно-хозяйственного) и комендатуру. Кроме того, в состав Управления входили политический, морской, начсостава, медицинский, финансовый, разведывательный, квартирно-эксплуатационный отделы, секретариат, отделения тыла и ветеринарной службы. Разведывательный отдел

Управления округа состоял из четырёх отделений: разведывательного, контрразведывательного, следственного и информационного⁹⁷.

Активной реорганизации на протяжении 1930-х гг. подвергались и нижние звенья охраны дальневосточной границы. Её основной тенденцией был количественный рост и пространственная дифференциация территориальной структуры местных пограничных органов региона. По мере повышения угрозы со стороны Японии и учащения вооружённых нарушений границы, на Дальнем Востоке формировались новые пограничные отряды, комендатуры и заставы. Накануне Великой Отечественной войны дальневосточную (материковую) границу страны охраняли уже 11 пограничных отрядов, в т.ч. 7 в составе Хабаровского округа (Кумарский, Инокентьевский, Благовещенский, Екатерино-Никольский, Ленинский, Казакевичевский, Бикинский) и 4 в составе Приморского округа (Иманский, Гродековский, Комиссаровский, Посьетский). В соответствии с типовой организацией, погранотряд включал в себя четыре-пять пограничных комендатур, каждая из которых объединяла четыре линейных заставы и одну резервную. Кроме того, в пограничный отряд входила маневренная группа, в составе которой находилось от 3 до 5 застав⁹⁸.

Институциональные преобразования пограничных войск в послевоенные годы были обусловлены, в первую очередь, внутриполитическими процессами в стране. В 1949 г. партийное руководство пошло на ограничение властных полномочий МВД (как с 1946 г. стал именоваться объединённый НКВД), выделив из него Министерство государственной безопасности (МГБ). В ведение нового министерства были переданы и пограничные войска. Однако нахождение последних в структурах органов безопасности оказалось недолгим. Уже в марте 1953 г. МГБ и МВД были вновь слиты в единое «суперведомство»⁹⁹.

Окончательное определение ведомственной принадлежности пограничных войск произошло только 28 марта 1957 г., когда Совмин СССР принял постановление об их переподчинении из МВД созданному в 1954 г. при Совете министров Комитету государственной безопасности¹⁰⁰. Это решение, с одной стороны, обеспечивало необходимое для авторитарной эволюции режима взаимное уравновешивание и общее ослабление влияния двух силовых структур, а, с другой, фиксировало преимущественно политический характер задач пограничников. В ведении КГБ пограничные войска оставались вплоть до распада СССР.

Целый ряд перестроек в послевоенный период пережила и территориальная структура пограничных войск на Дальнем Востоке. По окончании военных действий против Японии, осенью 1945 г. Управление Приморского пограничного округа было реформировано в Управление пограничных войск на Тихом океане. В мае 1953 г. последнее преобразуется в Управление погранвойск МВД Тихоокеанского округа. В сферу ответственности Тихоокеанского округа была включена морская граница СССР в регионе, а также участок материковой границы на юге Приморского края. Большая же часть линии дальневосточной границы, к которой прилежали территории севера Приморья, Хабаровского края, ЕАО и Амурской области, была отнесена к компетенции Хабаровского пограничного округа, с мая 1953 г. переименованного в Дальневосточный¹⁰¹.

Параллельно с реорганизацией пограничных округов с 1953 г. правительство приступает к масштабным преобразованиям их внутренней структуры, в целом направленным на её укрупнение и упрощение. Так, уже к 1954 г. в Дальневосточном пограничном округе число погранотрядов сократилось с 9 до 2, а количество застав было уменьшено в 3-4 раза. С 1953 г. был начат процесс ликвидации такого административного звена погранвойск как комендатуры. Крупные сокращения численности пограничных войск и связанные с ними реорганизации в стране в целом и её дальневосточном регионе в частности повторялись затем в 1956 и 1960 гг. В ходе очередного такого сокращения, в январе 1960 г., ЦК КПСС и Совмином было принято решение о расформировании Дальневосточного пограничного округа и образовании на его основе Хабаровской оперативной группы пограничных войск¹⁰².

Проводимая Хрущёвым в целях политического и экономического реформирования советского государства форсированная демилитаризация привела к существенному ослаблению охраны внешних рубежей страны. В условиях растущего военно-политического давления на дальневосточную границу СССР со стороны Китая это вскоре стало совершенно очевидным. Уже в марте 1963 г. постановлением правительства Хабаровская оперативная группа была вновь преобразована в Дальневосточный пограничный округ. Вслед за этим, к концу 60-х гг. была в основном восстановлена существовавшая в регионе к 1953 г. территориальная структура пограничных войск, на уровне, как отрядов, так и застав. В последующие годы она оставалась в целом стабильной. Последней крупной реорганизацией советского периода явилось

включение в середине 80-х гг. в вертикаль управления пограничными войсками комендатур, что по существу означало возвращение к показавшей себя наиболее эффективной четырёхзвеневой структуре охраны границы, которая была разработана ещё в 20-е гг.¹⁰³

Непосредственное, оперативное регулирование трансграничной миграции с 20-х гг. XX в. находилось в совместном ведении органов НКВД и НКВД. Регулированием въезда граждан в 7,5-километровую пограничную полосу занимались органы ОГПУ и НКВД. На рубеже 20-х – 30-х гг., в связи с ликвидацией НКВД, задачи обеспечения внутреннего контроля над въездом в страну и выездом из неё были возложены на исполкомы местных советов, руководившие работой соответствующих подразделений (иностранных отёлов и столов).

Взятый сталинским руководством курс на тотальную этатизацию общественно-политической системы привёл к изменению этого институционального порядка. С принятием 27 декабря 1932 г. Постановления ЦИК и СНК СССР «Об образовании главного управления рабоче-крестьянской милицией при ОГПУ СССР»¹⁰⁴, в подчинённых ОГПУ (а с 1934 г. объединённому НКВД) областных и городских управлениях РКМ были образованы паспортные отделы, а в отделениях милиции – паспортные столы. В состав их обязанностей по паспортизации, а затем текущему поддержанию паспортного режима, входила, в том числе, и функция выдачи гражданам пропусков и разрешений на въезд в пограничную зону¹⁰⁵.

После принятия 4 октября 1935 г. соответствующего постановления СНК СССР в структуру объединённого НКВД перешли также иностранные отделы и столы исполкомов советов. На их основе в милицеских органах различного уровня были созданы отделы, отделения и группы виз и регистрации иностранцев (ОВиРы). Помимо работы с иностранцами (выдачи им документов на право проживания в СССР, надзора за проживанием и перемещением, приёма заявлений на получение гражданства), ОВиРы выдавали выездные документы (загранпаспорта, визы, удостоверения и т.д.) гражданам СССР¹⁰⁶. Активное участие в принятии решений о выдаче выездных документов советским гражданам обычно принимали также местные партийные органы.

Ввиду недостаточной кадровой и финансовой обеспеченности милиции, на местах паспортные отделы нередко выполняли и функции ОВиРов. Вплоть до конца 60-х гг. и даже позднее по-

добное положение было характерно и для Дальнего Востока. Кроме того, паспортные и визовые органы милиции неоднократно объединялись по инициативе центральных властей. Так, в ноябре 1952 г. в Главном управлении милиции (ГУМ) МВД СССР был образован паспортно-регистрационный отдел, в котором было сосредоточено руководство паспортными аппаратами и ОВиРаами. Однако в ноябре 1968 г. после ликвидации ГУМ паспортные отделы и отделы виз и регистраций вновь получили организационную самостоятельность в рамках структуры МВД¹⁰⁷.

На протяжении всего послевоенного периода часть работы по оформлению въездных и выездных документов для граждан СССР и иностранцев продолжали выполнять органы МИД, включая министерские структуры внутри страны, и посольства, миссии и консульства – за границей. Помимо оформления въездных и выездных виз, органы МИД имели полномочия по выдаче являющихся условием их получения для советских граждан общегражданских загранпаспортов и служебных паспортов (а до 1970 г. специальных удостоверений). Вместе с тем, выдачу загранпаспортов, а также служебных паспортов для выезжающих в служебные командировки в социалистические страны могли производить и органы внутренних дел¹⁰⁸.

Основные звенья организационной структуры советского таможенного контроля сложились к концу 20-х гг. На вершине этой структуры находилось Главное таможенное управление (ГТУ) НКВД (с 1946 г. МВТ), которому подчинялись региональные (республиканские) отделения, таможни и таможенные посты. Без каких-либо принципиальных изменений данная организация таможенных учреждений просуществовала вплоть до второй половины 80-х гг. Институциональная динамика таможенного контроля в этот период сводилась главным образом к количественным преобразованиям.

До завершения второй мировой войны в развитии таможенной инфраструктуры страны преобладала тенденция к сворачиванию и упрощению. Те же процессы шли и на советском Дальнем Востоке. К 1936 г. на дальневосточной границе действовало лишь 4 таможенных учреждения: таможни в Гродеково и Благовещенске и аппараты уполномоченных по борьбе с контрабандой в Имане и Хабаровске. После их ликвидации, ввиду практического прекращения внешнеторговых операций¹⁰⁹, в феврале 1938 г. приказом НКВД Дальневосточное отделение ГТУ было упразднено. Его обязанности были возложены на Владивостокскую таможню,

в подчинение которой перешли сохранившиеся к тому времени в регионе 4 морских (портовых) таможи с входившими в их состав таможенными постами¹¹⁰.

В послевоенный период, и особенно с 50-х гг., по мере ослабления экономической автаркии и оживления международных связей СССР, штаты таможенной службы и сеть таможенных учреждений стали постепенно расширяться. Примечательно, что дальневосточный регион эти перемены в политике Москвы затронули меньше остальных. В октябре 1945 г. на границе с Маньчжурией были созданы 10 таможенных постов, находившихся в ведении Владивостокской таможни¹¹¹. Однако этот всплеск был обусловлен скорее конъюнктурными военно-политическими интересами и не стал началом поступательного развития институциональной структуры таможенного дела на советском Дальнем Востоке. Более того, с 60-х гг. в связи с состоянием советско-китайских отношений процесс сворачивания сети органов таможенного регулирования экономических отношений на дальневосточной границе возобновляется.

Особенностью периода 1929 – 1988 гг. было крупномасштабное и качественное обновление материально-технического компонента системы дальневосточной границы. При этом для заметно ускорившегося процесса материально-технического развития границы была характерна ярко выраженная барьерная направленность. Ставшее фактически единственным субъектом данного процесса государство бросало подавляющую часть своих ресурсов на достижение максимально возможной закрытости границы, и, прежде всего, её непреодолимости для любых военно-политических проникновений извне.

Преимущественно военно-политическая озабоченность советского руководства проявляла себя в неравномерности его усилий по материально-техническому обеспечению различных сфер функционирования дальневосточной границы. Приоритетной поддержкой властей в рассматриваемый период, безусловно, пользовались институты охраны границы. Предпочтение, оказывавшееся им в материально-техническом отношении, можно зафиксировать уже на кадровом уровне. Если в середине 20-х гг. в ДВО (включавшей кроме Дальнего Востока также Забайкалье и Прибайкалье) служило 2282 пограничника, то на протяжении 30-х гг. численность пограничной охраны на советском Дальнем Востоке была увеличена более чем в 10 раз. К началу Великой Отечественной войны в охранявших дальневосточную границу

Хабаровском и Приморском пограничных округах (за вычетом личного состава морских погранотрядов) насчитывалось в общей сложности 16 545 солдат и офицеров¹¹². Столь резкое повышение численности личного состава пограничных частей региона было обусловлено не только стремлением усилить охрану линии границы, снизить её проницаемость, но и планами использования пограничников в ходе вероятной в будущем войны с Японией.

В ходе уже упоминавшихся преобразований послесталинского времени, штаты пограничных войск на Дальнем Востоке подверглись значительному урезанию. После сокращений 1953 – 1954, 1956 и 1960 гг. они уменьшились, по крайней мере, на половину. Такие массовые и поспешные сокращения, сопровождавшиеся ликвидацией многих пограничных частей и соединений, повлекли за собой существенное ослабление охраны дальневосточной границы¹¹³.

С 1963 г. советское правительство вновь берёт курс на наращивание пограничных сил на советско-китайской границе, включая её дальневосточный участок. Так, в период с января 1965 г. по май 1970 г. численность пограничников, несущих службу на границе с Китаем (кроме Тихоокеанского и Дальневосточного, она охранялась Забайкальским и Восточным пограничными округами), возросла с 10 276 чел. (в т.ч. 1012 офицеров) до 51 250 чел. (в т.ч. 5850 офицеров). Войсковая плотность охраны советско-китайской границы, составлявшая в 1965 г. 0,8 чел. на км., увеличилась к 1969 г. до 4 чел. на км.¹¹⁴

Стабильно высокую численность личного состава пограничные войска на дальневосточной границе сохраняли вплоть до второй половины 80-х гг. Одновременно с количественным, росли и качественные параметры пограничных кадров, и, прежде всего, уровень их общего и профессионального образования и подготовки: к 70-м гг. потребности Тихоокеанского и Дальневосточного округов в этом отношении обеспечивали не только центральные, но и собственные военно-учебные заведения. Таким образом, к концу рассматриваемого периода по обеспеченности кадровым ресурсом, в его как количественном, так и особенно качественном аспектах, дальневосточная граница не только восстановила, но и превзошла предвоенный уровень.

Динамика кадрового потенциала дальневосточной милиции в 1929 – 1988 гг. также в целом характеризовалась тенденциями к количественному и качественному росту. Совокупная штатная численность органов внутренних дел региона в изучаемый пе-

риод увеличилась в несколько раз. В целом ряде краёв и областей Дальнего Востока были созданы специальные учебные заведения, работа которых способствовала пополнению дальневосточной милиции квалифицированными кадрами.

С 30-х гг. в учебных заведениях органов внутренних дел началась подготовка специалистов для паспортно-визовых подразделений, осуществлявших непосредственный учёт и контроль в отношении трансграничной и приграничной миграции. Тем не менее, первоначально подготовленных кадров было крайне недостаточно и на работу в паспортные отделы мобилизовывались активисты предприятий и учреждений, которые не имели специального образования. В полной мере решить проблемы количества и качества кадров, занятых в сфере миграционного контроля, не удалось и в послевоенный период. Так, в самом многонаселённом на советском Дальнем Востоке Приморском крае на 1972 г. личный состав паспортных отделений и столов УВД насчитывал 67 чел. К 1984 г. их аттестованный штат увеличился до 74 офицеров, высшее образование из числа которых имели лишь 26,6%. При этом, на сотрудников паспортных подразделений возлагалось и выполнение функций по линии виз и регистраций¹¹⁵.

В отличие от служащих погранвойск и милиции, численность работников дальневосточной таможни в 30-е гг. резко сократилась. На 1 декабря 1936 г. штат таможенных учреждений на дальневосточной границе составлял всего 10 единиц. Фактически же в них насчитывалось 6 сотрудников¹¹⁶.

Крайне незначительной численность дальневосточных таможенников оставалась и в дальнейшем. В частности, на 1973 г. штат Владивостокской таможни составлял 32,5 единицы, а Гродековской – 4 единицы. На 1986 г. их штаты были расширены соответственно до 35 и 9 единиц. Даже в условиях сравнительно низкой интенсивности трансграничного грузо- и пассажирооборота наличных сил таможенников для обеспечения эффективного контроля над ним не хватало. Ускорение роста кадрового состава таможенных органов Дальнего Востока наметилось лишь в последние годы советского периода. Так, с 1986 по 1990 гг. штат Гродековской таможни был увеличен с 9 до 35 чел.¹¹⁷

Финансирование системы дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. в полном объёме осуществлялось за счёт средств государственного бюджета и носило централизованный характер. По-видимому, единственным исключением в данном отношении было финансирование региональных органов внутренних дел в пе-

риод с 1960 по 1968 гг. Ввиду упразднения общесоюзного МВД и децентрализации управления милицией, их содержание в это время осуществлялось на средства местных советов.

Автору не удалось обнаружить данных об общем объёме государственного финансирования системы дальневосточной границы и входящих в неё пограничных, правоохранительных и таможенных органов в 1929 – 1988 гг. Судя по всему, такого рода, засекреченная в советский период, информация до сих пор в целом отсутствует в открытом доступе. Поэтому финансовая динамика дальневосточной границы в рассматриваемый период может быть оценена здесь лишь на уровне её основных тенденций.

Государственное финансирование охраны границы СССР в регионе в 1929 – 1988 гг. в основном демонстрировало устойчивый рост. Он отражал общую направленность советской пограничной политики, входившей с 30-х гг. в число приоритетных сфер деятельности государства. По некоторым открытым данным, в период с 1955 по 1987 гг. финансирование пограничных войск в СССР возросло в 5 раз¹¹⁸. При этом, по всей видимости, темпы роста объёмов финансовой поддержки правительством охраны границы на Дальнем Востоке превосходили общесоюзные. В пользу этого говорит поставленная Москвой ещё в 20-е гг. и сохранявшая свою значимость до конца советского периода задача по приближению качественных и количественных показателей пограничной службы в регионе к общесоюзному уровню, а также повышенное внимание центральной власти к проблемам тревожной дальневосточной границы, особенно ярко проявлявшееся в 30-е и 60-е гг. XX в. Именно в эти годы правительственные расходы на дислоцированные на Дальнем Востоке пограничные войска резко возрастают.

Отношение государственной власти к охране границы выразилось, в частности, и в такой статье расходов как денежное содержание пограничников. Вплоть до 1942 г. служащие в пограничных войсках получали 15% надбавку к основному окладу содержания, а с 1950 г. размер этой надбавки был установлен в 25%¹¹⁹. Приоритетную финансовую поддержку погранохранные институты получали и в дальнейшем.

Общая тенденция к росту была характерна и для объёмов финансирования дальневосточных органов внутренних дел. Вместе с тем, темпы этого роста, равно как и степень обеспеченности им объективных потребностей милиции региона были более низкими. Особенно неблагоприятным в финансовом отношении для

милиции был период преобразований первой половины 60-х гг. Проблемы финансирования органов внутренних дел в эти годы усугублялись тем, что, как и в 20-е гг., они оказались в зависимости от ограниченных возможностей местных бюджетов.

В связи со сворачиванием сети и штатов таможенных органов Дальнего Востока в 30-е гг. их финансирование существенно сократилось. В целом сравнительно низким оно оставалось и в послевоенный период. Государственные ассигнования на развитие органов таможенного контроля в регионе стали быстро расти лишь во второй половине 80-х гг., что было обусловлено реформированием правовых и институциональных основ таможенного дела в стране и резкой активизацией трансграничных связей СССР.

Значительную часть материального обеспечения государством институтов границы составляло прямое снабжение последних необходимыми средствами осуществления профессиональной деятельности. В отличие от денежных средств, процесс их поступления на дальневосточную границу отражён в доступных источниках с большей полнотой и конкретностью.

В сфере прямого материального снабжения основным объектом заботы государства в 1929 – 1988 гг. также являлись институты пограничной охраны. Уже в 30-е гг. были в основном решены проблемы обеспечения дальневосточных пограничников стрелковым оружием, снаряжением и лошадьми, в пограничные войска стала поступать современная военная техника. С конца 20-х гг. развернулись пополнение и модернизация дальневосточного пограничного флота, как морского, так и речного. С 1933 г. на Дальнем Востоке началось формирование частей пограничной авиации¹²⁰.

Более масштабный и планомерный характер процесс технизации охраны дальневосточной границы приобретает с середины 50-х гг. Наряду с автоматическим оружием, пограничники в это время начинают обеспечиваться новыми сигнальными системами, средствами радио- и проводной связи, автомобилями и самолётами. Ставка на широкое оснащение пограничных войск новым вооружением и военной техникой во многом была связана со стремлением компенсировать неоднократно проводившиеся в эти годы массовые сокращения их личного состава. Тем не менее, скорость поступления в войска технических средств была явно недостаточной для того, чтобы нейтрализовать последствия значительного уменьшения их численности. Слишком поспешным в

этих условиях было и решение о ликвидации в пограничных войсках кавалерийских частей¹²¹.

Дальнейшие изменения в материально-техническом снабжении дальневосточных пограничников определялись прогрессирующим ухудшением советско-китайских отношений. Под влиянием этого фактора объёмы поставок техники и вооружения в пограничные войска значительно возрастают, а их состав становится более широким, комплексным. Только в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР, вышедшим в сентябре 1963 г., пограничные войска на границе с КНР получили 10 вертолётов Ми-4, самолёт Ли-2, 2 самолёта Ан-2, 20 БТР-60п, 20 БРДМ, 20 речных катеров БМК-90 и другую технику. Если в январе 1965 г. охранявшие советско-китайскую границу пограничники располагали 3-мя группами речных катеров и 2-мя авиационными отрядами, то к маю 1970 г. в их распоряжении находились уже 5 отдельных бригад сторожевых кораблей, 3 отдельных авиационных эскадрильи и 2 отдельных авиационных полка, 11 танковых батальонов и 22 миномётные батареи¹²².

Безусловно, что столь стремительное материально-техническое укрепление пограничных войск на Дальнем Востоке было, прежде всего, реакцией на конкретную международную ситуацию 1963 – 1969 гг. Советское руководство готовило дальневосточную границу к боевым действиям, к возможному военному конфликту с Китаем, о чём говорит уже сам состав поставок в пограничные округа региона. Тем не менее, хотя и не такими быстрыми темпами, наращивание снабжения пограничных войск происходило и позднее, в 70-е гг. и первой половине 80-х гг. Количество используемых пограничниками региона самолётов и вертолётов, кораблей и катеров, радиолокационных и прожекторных станций, автомобилей, иной техники и оружия постоянно увеличивалось, а их качественные характеристики – повышались. При этом, в эти годы приоритет в снабжении постепенно вновь стал отдаваться средствам, необходимым именно для охраны, а не защиты (обороны) границы. К концу изучаемого периода, роль техники в выполнении пограничными войсками своих основных служебных функций становится по существу определяющей. Так, в 1981 г. с использованием технических средств на участке Тихоокеанского пограничного округа было обнаружено и зафиксировано свыше 90% нарушителей границы¹²³.

На фоне значительных объёмов материально-технических ресурсов, направлявшихся государством в 1929 – 1988 гг. на уси-

ление военно-политической охраны и защиты дальневосточных рубежей, снабжение институтов, ответственных за осуществление миграционного и таможенного контроля, было намного более скудным. Несмотря на то, что материальные потребности содержания паспортно-визовых и таможенных органов региона были сравнительно меньшими, они, тем не менее, удовлетворялись далеко не в полной мере. Снабжение этих институтов границы было нацелено, скорее, на обеспечение их текущих нужд, нежели на их развитие и в особенности техническую модернизацию. Такое положение, во многом, обуславливалось вспомогательной ролью отводимой милиции и таможне в функционировании системы советской границы, и тем, что значительная часть их регулятивных функций фактически исполнялась в этот период пограничниками. Заметные положительные сдвиги в материально-техническом обеспечении и оснащении контрольных органов намечаются лишь в 70-е – 80-е гг., что было напрямую связано с определённой интенсификацией трансграничных экономических и социальных контактов. Внедрение в эти годы на пропускных пунктах технических средств таможенного и паспортно-визового контроля (вычислительной и рентгеновской техники) позволили с одной стороны ускорить процесс оформления пассажиров и грузов, а, с другой, повысить процент выявления нарушений соответствующих норм законодательства¹²⁴.

Развитие в 1929 – 1988 гг. архитектурно-инженерной, транспортной и информационной инфраструктуры дальневосточного пограничья осуществлялось также, прежде всего, в интересах укрепления военно-политической охраны и защиты границы и носило в целом выраженный барьерный характер. Этапом наиболее бурного её роста были 30-е гг. В это время государством были выделены средства на проведение работ по инженерно-техническому оборудованию границы, по его приведению в соответствие с требованиями действующих нормативных документов. Развёрнутые на дальневосточной границе работы были направлены на обновление и расширение сети сигнальных устройств, заграждений, наблюдательных пунктов и патрульных дорог. Однако накануне войны эта деятельность была ещё очень далека от своего завершения. Так, по состоянию на февраль 1941 г. в 58-ом и 59-ом погранотрядах Приморского пограничного округа был построен лишь один наблюдательный пункт из 15-ти предусмотренных планом. Проволочных заграждений в 58-ом отряде из 33,4 км. было построено 1,9 км., а в 59-ом из 10 км. – 1,2 км.

Полностью отсутствовали на участках Приморского и Хабаровского округов активно создавшиеся в это время на западных границах страны контрольно-следовые полосы (КСП)¹²⁵.

Отставание линии дальневосточной границы СССР от его западных рубежей в степени инженерно-технической оборудованности было следствием не только её физико-географических особенностей и слабой освоенности региона в целом. Оно было связано и с ограниченностью выделяемых на решение этой задачи средств, нехватку которых пограничное руководство пыталось восполнить использованием в строительных работах труда самих пограничников. Причиной такого положения в свою очередь являлось то, что более важной задачей, чем инженерно-техническое укрепление охраны дальневосточной границы для властей в эти годы было усиление её обороноспособности, предполагавшее уделение первоочёрдного внимания строительству в приграничье фортификационных сооружений. Именно на их возведение были брошены основные силы и ресурсы государства. К 1938 г. на Дальнем Востоке было построено 120 оборонительных районов, большая часть которых располагалась вблизи границы¹²⁶.

В рамках оборонительных мероприятий в 30-е гг. активно совершенствовалась и расширялась транспортная инфраструктура приграничной территории. В дальневосточном приграничье появились новые военные речные порты и аэродромы, была уплотнена сеть железных и особенно шоссейных дорог. В 30-е гг. завершилось строительство трактов, соединяющих Никольск-Уссурийский с Барабашем, Гродеково и Камень-Рыболовым¹²⁷.

Развитие в предвоенный период на дальневосточной границе информационных коммуникаций было связано, прежде всего, с внедрением средств радиосвязи. Уже в 1931 г. в Дальневосточном пограничном округе вошла в строй мощная приёмно-передающая радиостанция. Тем не менее, вплоть до конца 30-х гг. большинство пограничных застав и комендатур на Дальнем Востоке надёжной радиосвязи не имели. Основой информационных коммуникаций в приграничье продолжала оставаться проводная связь. При этом, в отсутствие собственных телефонно-телеграфных линий, штаб Дальневосточного округа был вынужден использовать для сообщений с отрядами узлы и линии НКС¹²⁸.

Несмотря на тяжёлое социально-экономическое состояние страны, в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы работа по инженерно-техническому оборудованию дальневосточной границы не прекратилась. К началу 50-х гг. протяжён-

ность оборудованных (в т.ч. КСП) участков границы в регионе существенно увеличилась. Вместе с тем, основное бремя по выполнению соответствующих работ по-прежнему нёс личный состав пограничных частей. Так, в ходе инженерно-технического месячника в 1953 г. пограничники-хасанцы отремонтировали 115 км. проволочного забора, вспахали 8 км. контрольного валика, построили 525 м. гатей, прорубили 5,3 км. просек и прочистили 180 км. дозорных троп¹²⁹.

Новый импульс приостановившемуся во время хрущёвских преобразований развитию материальной инфраструктуры приграничья был дан в 1963 г. Поскольку он стал реакцией на военную угрозу со стороны Китая, инфраструктурное развитие дальневосточной границы вновь приобрело скорее оборонительную, нежели охранную направленность. Однако на этот раз оно не было связано со строительством масштабных фортификационных сооружений. В условиях повышения маневренности войск и вероятности применения оружия массового поражения ценность последних существенно снизилась. Ввиду этого упор в укреплении дальневосточной границы был сделан на модернизации военно-транспортной сети, а также на создании современных материально-бытовых условий для возросшего контингента пограничников. С 1963 по 1967 гг. в строительство жилых и культурно-бытовых объектов Дальневосточного пограничного округа Москва вложила средств больше, чем за 20 предыдущих лет. В то же время были приняты меры к обновлению инженерного оборудования линии границы, включая установку на ней электро-сигнализационных заграждений¹³⁰.

В 70-е – 80-е гг. развитие материальной инфраструктуры границы постепенно переориентируется на решение охранных задач. Значительно повышается оснащённость пограничных подразделений средствами связи. Параллельно с дальнейшим наращиванием протяжённости инженерно оборудованных участков дальневосточной границы, была произведена замена действующих на них сигнальных систем новыми, более технически совершенными и надёжными¹³¹.

Барьерная, охранно-оборонительная направленность пограничной политики 1929 – 1988 гг. в целом не способствовала развитию в этот период на дальневосточной границе инфраструктуры трансграничного назначения. Это касалось как информационных коммуникаций (особенно радиосвязи), выступавших долгие годы в первую очередь инструментом политико-пропаганди-

стского воздействия и подавления соответствующей активности сопредельных стран, так и транспортной сети, эволюция которой на советском Дальнем Востоке после продажи в 1935 г. КВЖД приняла автаркичный, замкнутый характер.

Пропускные пункты, открытые на дальневосточной границе в послевоенный период по большей части оказались временными, ситуативными. Более или менее регулярное трансграничное сообщение региона с соседними странами в 50-е – первой половине 80-х гг. осуществлялось только через Хасан и Гродеково. Соответственно, в изучаемый период на дальневосточной границе практически не велось строительства контактной архитектурно-инженерной инфраструктуры¹³².

Если, при всей общей неоднозначности и нередко резких поворотах советской пограничной политики, правовой, институциональный и материально-технический компоненты системы дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. в целом поступательно развивались, то эволюцию её социальной составляющей в эти годы лучше всего можно охарактеризовать при помощи понятия «деградация». В тоталитарный, да и в последующий, авторитарный, периоды советской истории общество во многом утратило ту степень субъектности, т.е. активности и способности влиять на политику государства, которой оно достигло в первой четверти XX в. Эта десубъективация общества, безусловно, не была абсолютной: в некоторых случаях и сферах и в 1929 – 1988 гг. государство не только допускало общественную активность, но даже стимулировало и поддерживало её. Однако гражданское участие в этот период было возможным, как правило, в жёстко регламентируемых и управляемых «сверху» формах. Данная модель отношений власти и общества достаточно чётко прослеживается и в сфере функционирования государственной границы.

Специфика дальневосточной границы СССР состояла в том, что к началу изучаемого периода социальный компонент в её структуре занимал ещё весьма значительное место. В течение 20-х гг. XX в. советским властям удалось исключить из числа участников трансграничных отношений региона лишь по существу ликвидированный ими слой местных предпринимателей (как русских, так и китайцев). Однако проживавшие на советском Дальнем Востоке и особенно на его приграничных территориях казаки и отчасти крестьяне-старожилы, а также основная масса китайских и корейских иммигрантов всё ещё сохраняли определённые экономические, социальные и культурные связи с сопредельными

странами¹³³. Поэтому для достижения полной этатизации системы дальневосточной границы, полного контроля над её функционированием, который являлся неременным условием существования тоталитарного режима, его не только внешней, но и внутренней безопасности, государству предстояло произвести масштабную перестройку общественной структуры региона.

Эта перестройка была осуществлена в сжатые сроки за счёт широкого использования различных методов принуждения, и, прежде всего, выселений, депортаций и физического уничтожения «проблемных» категорий населения. Первая волна массовых репрессий на Дальнем Востоке пришлась на 1930 – 1931 гг., – время наиболее интенсивной коллективизации, – и проходила в форме т.н. «раскулачивания». Общее число раскулаченных в ДВК составило более 5 тыс. семей, высланных из наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении районов (в первую очередь, приграничных) в основном на север края¹³⁴.

Вторая волна репрессий, прокатившаяся по региону в конце 1933 – начале 1934 гг., была связана с паспортизацией и имела форму «чисток» режимных зон. По итогам проведённых «чисток», к осени 1934 г. места своего проживания были вынуждены покинуть 40,3 тыс. чел. «беспаспортных», в большинстве опять-таки жителей приграничных сёл и деревень¹³⁵.

В качестве третьей волны репрессий можно рассматривать события 1937 – 1939 гг., соединившие в себе общесоюзный «большой террор», переселение «национальных контингентов»¹³⁶ и очередную «чистку» режимного региона от «контрреволюционного и социально чуждого элемента». В рамках «большого террора» только в Приморье с августа 1937 по ноябрь 1938 гг. было расстреляно 9 тыс. чел.¹³⁷ Кроме того, с августа 1937 г. по декабрь 1939 г. с юга Дальнего Востока на север края, в Казахстан, Среднюю Азию и за границу (Синьцзян) было депортировано свыше 11,5 тыс. китайцев (включая смешанные семьи) и почти 172 тыс. корейцев¹³⁸. В процессе «чистки» Приморского края в августе – декабре 1939 г. из него за пределы Дальнего Востока были выдворены свыше 14 тыс. чел.¹³⁹

Принимая во внимание неучтённость в приведённых данных многих жертв репрессий (расстрелянных, заключённых в лагеря, бежавших за границу или в другие регионы страны), можно утверждать, что в 1930 – 1939 гг. социально-демографическая и этническая структура дальневосточного региона подверглась кардинальной трансформации. При этом, наибольший численный, а

также материальный и моральный урон понесли группы населения, отличавшиеся самой высокой трансграничной активностью. Резко сократилась численность дальневосточного казачества и старожильского крестьянства. Почти полностью были ликвидированы в регионе китайская и корейская диаспоры. Население целого ряда районов региона, в первую очередь, приграничных, на протяжении 30-х гг. сократилось в 2,5 – 3 раза и более. Практически обезлюдившая в значительной своей части приграничная полоса Дальнего Востока заново заселялась демобилизованными красноармейцами и переселенцами из центральных областей страны¹⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что произошедший в результате репрессий 30-х гг. разрыв сложившихся ранее трансграничных связей региона было бы неверно считать лишь побочным следствием мер сталинского руководства по решению внутренних социально-экономических и политических задач. Цели обеспечения внешней безопасности и укрепления государственной границы имели в репрессивной политике на Дальнем Востоке не только не меньшую, но порою и определённо бо льшую значимость. При решении вопроса о выселении или аресте конкретного лица органы НКВД и партийные инстанции зачастую руководствовались, прежде всего, не его социальным и имущественным положением и даже не информацией об участии во внутривнутриполитической борьбе, но наличием у данного лица родственников за границей, фактами его вовлечённости в контрабандную деятельность и иные контакты с жителями сопредельных стран, которые сами по себе служили достаточным основанием для занесения в категорию «неблагонадёжных»¹⁴¹. Таким образом, партийно-государственная власть посредством массовых репрессий вполне целенаправленно проводила курс на пресечение любого рода несанкционированных самим государством общественных связей трансграничного типа, и, в конечном счёте, на максимальную изоляцию региона от сопредельных территорий Китая и Кореи.

С конца 30-х до конца 80-х гг. XX в. в населении советского Дальнего Востока не было социальных групп, интересы и деятельность которых позволили бы рассматривать их в качестве постоянных субъектов трансграничных отношений. Конечно, и в этот период, и особенно в 50-е гг., имели место различные контакты между жителями региона и сопредельных стран, в т.ч. связанные с достаточно длительным пребыванием сотен и даже тысяч советских граждан в Китае, а выходцев из Китая и Кореи в

СССР. Однако решения об установлении таких контактов (независимо от их сферы) принимались исключительно государственными властями. Взаимодействие между обществами по обе стороны границы носило управляемый, жёстко регламентированный и дозируемый «сверху» характер. Всякого рода не вписывающаяся в эти рамки трансграничная активность расценивалась как противозаконная и обычно немедленно пресекалась. Что же касается регулирования этой активности, то по существу единственной возможной и реально работающей формой участия в нём общества в изучаемый период было привлечение его представителей к охране границы. При этом создававшимся из жителей приграничья на Дальнем Востоке с начала 30-х гг. группам содействия, а затем добровольным народным дружинам отводилась роль вспомогательной структуры пограничных войск, дополнительного инструмента осуществления государственной политики барьеризации дальневосточной границы.

Только в конце 80-х гг. стали появляться международно- и национально-правовые предпосылки для превращения общества в полноценного субъекта трансграничных процессов и полноправного соучастника формирования пограничной политики. С созданием соответствующей договорной и законодательной базы, и даже опережая её развитие, в это время на Дальнем Востоке начинается бурный рост международных товарных и миграционных потоков, и возрождение связанных с ними своими интересами групп предпринимателей и наёмных работников, а также широких слоёв потребителей. Однако более или менее устойчивые и определённые формы, качественные и количественные характеристики этот вновь возникший в системе дальневосточной границы социальный компонент приобрёл уже в постсоветский период, в 90-е гг. XX в.

Глубокие изменения произошли в 1929 – 1988 гг. в культурном компоненте системы дальневосточной границы. Предпосылкой этих изменений послужило формирование в СССР нового механизма взаимодействия государственной идеологии и культуры общества, устойчивого ядра его сознания. К началу изучаемого в данной главе периода большевистским государством была создана совокупность образовательных, воспитательных, просветительских и информационных институтов, способных осуществлять массовую индоктринацию граждан. В результате структура и содержание культурного (и особенно политико-культурного) сознания общества стало в небывалой ранее степени опреде-

ляться идеологическими максимами управлявшей этим механизмом правящей элиты.

С 30-х гг. XX в. политико-культурному сознанию советского общества, и в т.ч. его культуре границы, были присущи такие структурные особенности как доктринальность и гомогенность. Доктринальный характер организации новой культуры границы, её обоснованность в большей мере общими, абстрактными идеями большевистского учения (советского варианта марксизма), нежели обыденной, конкретной практикой жизни населения страны, вытекали из самого названного выше способа её формирования. С доктринальностью (теоретичностью) советской культуры границы была тесно связана высокая степень её однородности. Внедряемая путём «сверху», она изначально была нацелена на тотальный охват общества, на преодоление любых социальных и территориальных различий в нём. Стирая (путём пропаганды, опиравшейся на политику репрессий) сохранявшиеся вплоть до 20-х гг. соответствующие субкультуры элиты (старой и новой) и масс, центра и периферии, советская культура границы должна была стать одним из инструментов создания единой и единственно возможной общественно-политической идентичности граждан страны как представителей «советского народа».

В содержательном плане наиболее заметным изменениям подверглась когнитивная составляющая культуры дальневосточной границы. Это было связано, прежде всего, с колоссальным расширением к рубежу 20-х – 30-х гг. потока информации о границе, транслирующих её средств и каналов, а также воспринимающей её аудитории. Создание системы всеобщего среднего образования способствовало распространению знаний о физико-и социально-географическом положении дальневосточных рубежей, а бурное развитие сети политпросвета и СМИ (прежде всего, газет и радиовещания) – оперативному ознакомлению масс с меняющейся международной обстановкой вокруг них. Результатом этих процессов было значительное повышение реалистичности, полноты и конкретности образа дальневосточной границы в общественном сознании. Другим их следствием явилось обретение образом дальневосточной границы относительной самостоятельности, автономности. Ранее, с 50-х гг. XIX по 20-е гг. XX вв., этот образ был произведен и вторичен по отношению к более общей и широко востребованной категории (образу) Востока (Восточной Азии), а также концепту «жёлтого вопроса». Однако, начиная с

30-х гг. (под влиянием, как притока информации, так и идеологических ценностей нового режима) последние утрачивают не только свою доминантность, но и целостность. Образ Восточной Азии («жёлтого мира») окончательно расщепляется на самодовлеющие образы отдельных обществ (государств), – прежде всего, Японии и Китая, а позднее также Северной и Южной Кореи. Эти национальные образы, в свою очередь, имели тенденцию к дальнейшей дифференциации по социально-политическому (классовому) признаку, к разделению на власти и народ, враждебные «феодално-буржуазные верхи» и дружественные «народные массы». В контексте этой усложняющейся культурно-идеологической картины внешнего окружения дальневосточная граница начинает всё чаще восприниматься как особый географический и общественный объект. При этом процесс аналитической дифференциации практически не затронул отношений между образами границы и советского Дальнего Востока. В политико-культурном сознании советского общества они по-прежнему представляли собой нерасторжимое единство. Вместе с тем, в их связке в 30-е гг. образ дальневосточной границы, безусловно, получает ведущую роль: в массовом восприятии весь советский Дальний Восток превращается по существу в тыловое пространство, в «приложение» к охраняемому и защищаемому им далёкому рубежу страны¹⁴².

Необходимо отметить, что когнитивное уточнение, конкретизация образа дальневосточной границы сами по себе ещё не гарантировали его достоверности. Упомянутая выше теоретичность, дедуктивная технология построения советской культуры границы изучаемого периода создавали возможности для ослабления связи данного образа с реальным объектом, для произвольного конструирования знаний и представлений о границе в соответствии с текущими задачами государственной пограничной политики. Эффективность подобного мифотворчества относительно среды, структуры и функционирования границ СССР, включая их дальневосточный участок, обеспечивалась монопольным контролем властей над информационными коммуникациями и физической отчуждённостью подавляющего большинства граждан от любого рода пограничных процессов. В отсутствие собственного опыта пограничных и трансграничных контактов, общество было не способно критически оценивать транслируемую «сверху» информацию о состоянии границ страны¹⁴³.

В 1929 – 1988 гг. в значительной мере были обновлены и ценностные основания культуры дальневосточной границы. Прежде всего, под влиянием государственной пропаганды, произошло резкое повышение политико-культурной, символической значимости рубежей СССР на Дальнем Востоке. Отчасти это было связано с общей переоценкой роли государства и его границ в сталинский период, особенно очевидной на фоне пренебрежительного или сугубо прагматичного отношения к ним в первые годы советской власти. В 30-е гг. границы СССР перестали восприниматься (его руководством и лояльным к нему населением) как некая временная политическая условность, обречённый на отмирание по мере успехов мировой революции пережиток. Напротив, как и государство в целом, они приобрели значение важнейшего условия сохранения социализма в «отдельно взятой стране», осаждённой капиталистическим миром «крепости», а значит и возможности его территориального распространения в будущем, как оказалось, не столь близком. Новый культурно-идеологический статус границы был закреплён в такой вошедшей в эти годы в постоянный общественно-политический обиход паремии как «священные рубежи Отчизны»¹⁴⁴. Важно подчеркнуть, что, в связи ускорившейся централизацией и унификацией политической системы, подобная сакрализация охватила весь периметр советских границ, в результате чего дальневосточные рубежи были, пожалуй, впервые в полной мере приравнены по своей неформальной, символической значимости к «старым» границам государства¹⁴⁵.

Впрочем, не будет преувеличением сказать, что в 30-е гг. дальневосточная граница получила в глазах советского государства и общества значение даже большее, чем его западные, европейские рубежи. Причиной тому послужило действие другого фактора, а именно – внешней угрозы. Как и в конце XIX в., рост внимания к дальневосточной границе в 30-е гг. имел «негативный» характер и был прямо обусловлен её высокой тревожностью. Однако, если в царской России источником опасности для дальневосточных рубежей страны считали «жёлтую расу» (или точнее, народы, принадлежавшие к буддийско-конфуцианской цивилизации), то в России советской её место заняли господствующие классы Японии и Китая, движимые антикоммунистическими и империалистическими целями. Понимание внешней угрозы как классовой, исходящей от правящих слоёв сопредельных государств, закономерно вело к преимуще-

ственно военно-политической, а не социально-экономической и, тем более, социокультурной интерпретации её содержания.

Наиболее преобладающей, инерционной частью культуры дальневосточной границы 1929 – 1988 гг. оказались сопряжённые с ней поведенческие установки. Как и другие элементы культуры границы этого периода (а возможно, и более остальных), они задавались официальной идеологией и характеризовались высоким уровнем социальной гомогенности и однозначности. Вместе с тем, сменившую дискредитировавший себя с точки зрения советского руководства к концу 20-х гг. «революционный экспансионизм» изоляционистскую установку, на мой взгляд, можно рассматривать и как своеобразное развитие зародившейся ещё в XIX в. традиции дальневосточного оборонничества¹⁴⁶. Утвердившийся в 30-е гг. в качестве общегосударственной политики изоляционизм («железный занавес») предполагал не только воздержание от военного экспорта революции и территориальной экспансии, но и отказ от любого рода внешних контактов, не вынужденных жизненными интересами государства. Таким образом, изоляционистская установка, сформировавшаяся у советского руководства в предвоенные годы, по существу объединила обе разновидности дореволюционного оборонничества (военно-политическую и социально-экономическую) и довела их до крайней, тотальной формы. Эта категоричная реакция на действительно чрезвычайно сложную международную ситуацию на Дальнем Востоке, в отличие от дореволюционного периода стала не одним из конкурирующих подходов к регулированию функционирования дальневосточной границы, а «единственно верным» и «единственно возможным» для государства и общества способом практического отношения к ней.

Сложившаяся в своей основе в 30-е гг. обновлённая культура дальневосточной границы без особых изменений просуществовала вплоть до второй половины 80-х гг. XX в. Определённые колебания в советской пограничной политике этого времени, как правило, не находили отражения в идеологическом официозе, и поэтому в целом проходили незамеченными для культурного сознания общества. Лишь в последние годы изучаемого периода, в связи с провозглашением Москвой доктрины «нового мышления», стабильность образа советских границ была всерьёз поколеблена. Для культурного компонента системы дальневосточной границы первым импульсом к структурной и содержательной трансформации послужила упоминавшаяся речь М.С. Горбачёва,

произнесённая им в 1986 г. во Владивостоке. Однако для того, чтобы заявленные идеи открытости миру и интеграции в АТР, а тем более новая, демократическая модель взаимодействия между государственными и общественными интересами и ценностями были усвоены массовым сознанием, требовалось длительное время.

3. Функционирование дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг.

На всём протяжении периода 1929 – 1988 гг. дальневосточная граница СССР обладала максимальной, – четырёхмерной, – структурной сложностью. В связи со стабильностью набора сфер пограничного регулирования важнейшие изменения в функционировании границы в это время были обусловлены колебаниями уровня его жёсткости. По этому критерию изучаемый период может быть разбит на четыре основных этапа.

Первый из этих этапов продолжался с 1929 по 1945 гг. На данном этапе под действием экзогенных (прежде всего, военно-политической угрозы со стороны Японии) и эндогенных (формирование в СССР тоталитарного режима) факторов происходит окончательное оформление четырёхмерной структуры системы дальневосточной границы и становление нового режима её функционирования. Это режим функционирования отличал высокий уровень жёсткости (высокая барьерность), который распространялся на все сферы трансграничных отношений и имел двустороннюю, как внутреннюю, так и внешнюю, направленность.

Отправной вехой в процессе перехода дальневосточной границы к новому режиму функционирования стали события июля – декабря 1929 г., известные как советско-китайский «конфликт на КВЖД». Силовой захват КВЖД, произведённый маньчжурскими властями по согласованию с нанкинским правительством Чан Кайши, вынудил СССР разорвать дипломатические отношения с Китайской Республикой и принять меры к укреплению своих рубежей на Дальнем Востоке. Разумеется, в первую очередь эти меры коснулись сферы военно-политических отношений. В целях отражения участвовавших вооружённых проникновений китайских войск и белогвардейцев на советскую территорию, охрана и защита дальневосточных границ была усилена дополнительными армейскими частями. В августе 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о формировании дислоцированной в пригра-

ниче Особой Дальневосточной Армии¹⁴⁷. Эти решения выражали готовность советского руководства не только покончить с сохранявшейся на протяжении 20-х гг. недопустимо высокой военно-политической слабостью и проницаемостью дальневосточной границы, но и обеспечить бо льшую жестокость её функционирования в этой сфере в сравнении с другими, не столь тревожными, рубежами страны.

Бывшее первоначально реакцией на конкретную международную ситуацию, повышение барьерности дальневосточной границы в военно-политической сфере в дальнейшем стало приобретать характер последовательно проводимого долгосрочного курса. Его закреплению способствовала активизация с 1930 г. на Северо-Востоке Китая Японии, захватившей в 1931 г. Маньчжурию и начавшей на её территории военные приготовления, направленные против СССР. С 1934 г. японские войска систематически совершали на советской границе вооружённые провокации. Ответом на подобные действия Японии были неоднократно принимаемые советской стороной меры по дальнейшему укреплению обороноспособности дальневосточной границы и ужесточению порядка её охраны.

Почти одновременно с барьеризацией внешнего военно-политического функционирования границы, задача достижения высокого уровня её военно-политической барьерности была поставлена государством и в отношении своих собственных граждан. Этого потребовала развёрнутая с 1930 г. на Дальнем Востоке форсированная коллективизация, которая сопровождалась всплеском «политического бандитизма» и бегством раскулачиваемых крестьян за кордон. Позднее усиление охраны дальневосточной границы «изнутри» осуществлялось в связи с паспортизацией и «чисткой» режимных зон 1933 – 1934 гг. и массовыми депортациями «восточников» 1937 – 1939 гг.

Постановка задачи повышения уровня военно-политической барьерности дальневосточной границы, вместе с тем, не означала стремления советских властей к достижению её абсолютной непроницаемости. На рассматриваемом этапе государственные органы, как правило, допускали переход на советскую территорию лиц, которые с политической точки зрения могли быть для них полезны¹⁴⁸. Кроме того, советская сторона не прекращала осуществлять на сопредельной китайской и корейской территории (находившейся под фактической властью Японии) разведывательной и диверсионной деятельности, в которую были непосредственно

вовлечены специальные подразделения пограничных войск¹⁴⁹. В определённых случаях, как, например, в ходе депортации корейцев с Дальнего Востока в 1937 г., власти разрешали постоянным жителям региона, в т.ч. имевшим советское гражданство, выселяться за рубеж, переходя дальневосточную границу¹⁵⁰.

С обеспечением высокого уровня жёсткости дальневосточной границы в военно-политической сфере, были тесно сопряжены аналогичные меры в области социальных и экономических отношений. Связь между этими сферами функционирования границы была тем более непосредственной, что главную роль в регулировании всех их играли пограничные войска, которые не только выполняли значительную часть обязанностей по контролю над миграционными и товарными (в части контрабанды) потоками, но и нередко осуществляли прямое оперативное руководство в отношении соответствующих милицейских и таможенных подразделений.

Меры по сворачиванию трансграничной торговли и миграции впервые были приняты уже во второй половине 1929 г., в связи с отзывом СССР своих дипломатических, консульских и торговых представителей из Китая и прекращением железнодорожных сообщений между двумя странами. В 1930 г. торговые операции с Маньчжурией в ограниченном объёме были возобновлены. Однако для мигрантов в 1930 – 1931 гг., ввиду начавшихся в Маньчжурии военных действий японской армии, граница оставалась закрытой. Исключения допускались для лиц, имевших специальные приглашения от официальных инстанций. В то же время, выезд иностранных подданных с Дальнего Востока за границу советскими властями препятствий не чинилось¹⁵¹.

Окончательный разрыв трансграничных экономических и социально-демографических связей произошёл вслед за продажей в марте 1935 г. КВЖД Маньчжоу-Го (фактически, Японии) и ликвидацией всех легальных форм советского присутствия в Северо-Восточном Китае. К этому моменту действия Японии становятся откровенно враждебными, а обстановка на дальневосточной границе крайне напряжённой. В таких условиях государственные органы полностью прекращают торговые отношения с Маньчжоу-Го и Кореей, ужесточают преследование контрабандной деятельности и начинают планомерное административное вытеснение ещё не покинувших регион иноподданных «восточников»¹⁵². Логическим завершением этой политики стало принятие во второй половине 1937 г. руководством партии и НКВД ряда

решений о принудительном удалении с советского Дальнего Востока «национальных контингентов», представители которых могли (хотя бы потенциально) иметь с сопредельными странами какие-либо политические, экономические или социально-демографические (родственные) контакты¹⁵³.

Достаточно тесно сопряжённым с вышеназванными сферами функционирования дальневосточной границы являлось и пограничное регулирование культурно-информационных отношений. С конца 20-х гг. возможности трансграничных культурных связей советского Дальнего Востока с сопредельными странами также были резко сужены. Если в 20-е гг. в регион регулярно поступала китайская пресса и литература, предназначавшиеся, прежде всего, для находившихся здесь иммигрантов, то с началом кризиса в советско-китайских отношениях её завоз был сокращён. Одновременно на пограничников, а затем и таможенников, были возложены задачи по усилению контроля над провозом на советскую территорию антисоветских идеологических материалов белогвардейского и японского производства.

Судя по выявленным мной данным, на рассматриваемом этапе (1929 – 1945 гг.) государству в целом удавалось обеспечивать соответствие реального функционирования дальневосточной границы в её четырёх основных сферах целевым уровням жёсткости. Вместе с тем, для достижения этого относительного соответствия понадобилось несколько лет. Даже в приоритетной сфере военно-политических отношений перестройка пограничной политики происходила довольно медленно. Так, в 1929 – 1932 гг., несмотря на принимавшиеся меры по усилению охраны границы, она часто пересекалась политическими и уголовными бандами внешнего (хунхузского и белогвардейского) и внутреннего (крестьянского) происхождения. При этом некоторые банды переходили границу безнаказанно¹⁵⁴. Лишь к 1933 г., с изменением военно-политической ситуации в Китае и подавлением сопротивления коллективизируемого крестьянства, с трансграничным бандитизмом в регионе было в основном покончено.

Однако с 1934 г. начинает усиливаться давление на дальневосточную границу японских войск. В 1936 г. на участке Дальневосточного пограничного округа ими было совершено 50, в 1937 г. – 87, а за весну 1938 г. – 124 вооружённые провокации, только часть из которых была пресечена советскими пограничниками. После событий на Хасане и Хал Кин Голе, давление японцев на рубежи СССР ослабевает (в т.ч. в связи с наращиванием

численности пограничных войск), однако с меньшей частотой вооружённые провокации продолжались и позднее. Впрочем, большинство подобных проникновений теперь получали быстрый отпор. В общей сложности с 1931 по 1941 гг. между советскими пограничниками и японцами произошло 306 значительных боевых столкновений¹⁵⁵.

С началом Великой Отечественной войны активность японских войск на границе вновь стала возрастать. Однако достигнутая накануне войны высокая степень жёсткости военно-политического регулирования дальневосточной границы не снижалась, и вторжения на советскую территорию вооружённых отрядов, как правило, немедленно пресекались. Ввиду трудности преодоления наземных рубежей страны, в 1942 – 1944 гг. японские вооружённые провокации происходили главным образом в форме проникновений в её воздушное пространство¹⁵⁶.

Высокой интенсивностью в 1932 – 1945 гг. характеризовалась разведывательная, диверсионная и иная подрывная деятельность японцев. В отличие от частоты открытых вторжений, на всём протяжении данного периода она практически не снижалась. При этом эффективность противодействия скрытым переходам границы постоянно возрастала. Только в Хабаровском крае с ноября 1939 по март 1940 г. пограничниками было задержано 408 нарушителей, в т.ч. 152 японских шпиона. Тем не менее, полностью пресечь деятельность японских спецслужб в приграничных районах советского Дальнего Востока накануне войны так и не удалось. Определённая часть разведчиков и диверсантов переходили границу беспрепятственно. Более эффективная борьба с их проникновением была налажена уже в военные годы¹⁵⁷.

Несмотря на то, что в целом в 1929 – 1945 гг. функционирование дальневосточной границы в военно-политической сфере соответствовало высокому целевому уровню жёсткости и позволяло отражать, как правило, подавляющую часть угроз этого типа, в нём имели место и серьёзные недостатки. К их числу можно отнести не только допускаемый в отдельные периоды (в начале и второй половине 30-х гг.) значительный процент безнаказанных прорывов границы (особенно, агентами спецслужб), но и, по-прежнему, реактивный, запаздывающий характер пограничной политики в регионе, при котором инициатива в трансграничном военно-политическом взаимодействии обычно принадлежала внешним субъектам. Главным фактором, снижавшим эффективность военно-политического функционирования дальневосточной

границы на данном этапе, на мой взгляд, являлся всё ещё остро ощущавшаяся слабость материальной (инженерно-технической, транспортной, информационной) базы пограничной охраны, которая даже в условиях постоянного роста численности личного состава не позволяла решить проблему его перегруженности служебными обязанностями¹⁵⁸.

На рассматриваемом этапе, как и прежде, сохранялись объективные предпосылки для массового притока на советский Дальний Восток азиатских мигрантов. Население Маньчжурии продолжало быстро расти: к 1940 г. оно достигло 43,2 млн. чел. При этом, экономическая и репрессивная политика японских властей (как на территории Маньчжоу-Го, так и в Корее) способствовала усилению вынужденной миграции местных жителей за рубеж¹⁵⁹. Экономика же советского Дальнего Востока, пусть и в меньшей степени, чем ранее, испытывала нехватку трудовых ресурсов.

Подобные внешние условия объясняют те трудности, с которыми столкнулось осуществление советскими властями курса на социально-демографическую барьеризацию дальневосточной границы, начатое во время конфликта на КВЖД. В течение 1929 – 1932 гг. пограничной охране и милиции не удавалось поставить надёжный заслон на пути нелегальной и полуполигальной трудовой иммиграции в регион, которая прямо поощрялась руководителями многих предприятий¹⁶⁰. После некоторого снижения в конце 20-х гг. численность иммигрантов вновь стала расти. В 1932 г., судя по официальным данным, она достигла своих пиковых для советского периода значений: в ДВК в это время насчитывалось 57 тыс. китайцев и 199,5 тыс. корейцев¹⁶¹.

Существенно повысить реальный уровень жёсткости регулирования трансграничной миграции на Дальнем Востоке советское государство смогло лишь после проведения паспортизации его населения. С этого времени наметилось не только быстрое снижение притока корейских и китайских мигрантов в регион, но и активизация процесса их возвращения на родину, всё более приобретавшего характер административного вытеснения. Наконец, финальной фазой социально-демографической барьеризации границы стали массовые депортации 1937 – 1939 гг., к моменту завершения которых на советском Дальнем Востоке китайская диаспора сократилась до 5,5 тыс. чел., а корейская практически перестала существовать¹⁶². Проведённые репрессии позволили окончательно и полностью закрыть границу для миграционного движения в обоих направлениях. Единичные случаи её пересече-

ния отныне приравнивались к государственному преступлению и сурово карались.

В тесной связи с социальным в 1929 – 1945 гг. эволюционировало и экономическое функционирование дальневосточной границы. Вплоть до начала 30-х гг. барьеризация границы в экономической сфере шла медленно. В это время СССР сохранял в Маньчжурии определённые торговые и производственные интересы. Кроме того, на границе по-прежнему активно действовали контрабандисты из числа китайских и советских граждан¹⁶³. Быстрые темпы сворачивание трансграничных экономических отношений принимает после полной оккупации Маньчжурии Японией и принятия решения о продаже КВЖД. При этом, наряду с официальной, стремительно сокращалась и теневая торговля. Так, если в 1932 г. сотрудниками Благовещенской таможни было задержано контрабанды на сумму 626 830 руб., то в 1935 г. – на сумму 237 695 руб. К концу 30-х гг. контрабандные операции на советском Дальнем Востоке становятся очень редким, эпизодическим явлением. В этом отношении показателен факт ликвидации в 1938 г. в таможенных органах региона аппарата уполномоченных по борьбе с контрабандой¹⁶⁴.

В целом, эффективность барьеризации дальневосточной границы в социальной и экономической сферах в 1929 – 1945 гг. можно признать даже более высокой, чем в области военно-политических отношений. Столь высокая степень социального и экономического закрытия границы была обеспечена не только за счёт оперативных охранных и контрольных мероприятий, но и благодаря устранению ряда объективных предпосылок развития трансграничных контактов в этих сферах. Уже в 30-е гг. в СССР были практически ликвидированы (изолированы) негосударственные субъекты международных отношений, а социум и экономика приобрели структуру автаркических систем. Кроме того, широкая полоса советской территории (22 км.) вдоль дальневосточной границы была обезлюжена и выведена из хозяйственного оборота.

Что касается регулирования культурно-информационных отношений, то эффективность барьерных мер в этой сфере была близка к степени их действенности в военно-политической области. Поскольку часть японских агентов в 1929 – 1945 гг. всё же проникала через границу, постольку на советскую территорию попадала и запрещённая печатная продукция (политические брошюры, журналы, листовки)¹⁶⁵. Подобным же путём в пригранич-

ные районы Китая и Кореи поступали идеологические материалы из СССР. Для информации же массового неполитического характера дальневосточная граница на этом этапе становится по существу непреодолимой преградой.

По окончании второй мировой войны степень жёсткости регулирования трансграничных отношений в регионе была в целом ослаблена. Главным фактором этих изменений стала новая международная обстановка, сложившаяся вокруг советского Дальнего Востока, которая, в конечном счёте, подтолкнула Москву к принятию курса на строительство в Азии «филиала» социалистического лагеря. В 1945 – 1953 гг., в связи с гражданской войной в Китае, а затем в Корее, через дальневосточную границу велась активные поставки оружия и других военных грузов, а также переброска армейских частей. Уже в эти годы СССР наладил со своими соседями и определённое экономическое сотрудничество. С 1945 г. в Маньчжурии были развёрнуты восстановительные работы и возобновились транзитные перевозки на вновь перешедшей в совместное советско-китайское управление КВЖД (КЧЖД), а в 1950 – 1951 гг. между СССР и КНР были подписаны соглашения о взаимной торговле и судоходстве на пограничных реках. Подобные же соглашения были заключены и с КНДР. В Китай и Северную Корею были направлены советские специалисты, а советский Дальний Восток впервые после длительного перерыва был открыт для приёма трудовых мигрантов из этих стран¹⁶⁶.

Тем не менее, степень либерализации пограничной политики в 1945 – 1953 гг. не следует переоценивать. Некоторое снижение (до умеренного уровня) барьерности дальневосточной границы в военно-политической сфере носило специализированный, строго централизованный и односторонний (внутренний) характер. Внешнее регулирование военно-политических отношений по-прежнему оставалось в высокой степени жёстким.

На умеренно барьерном уровне осуществлялось в эти годы регулирование внутренних и внешних социальных отношений. Об этом свидетельствует как точное контрактное лимитирование их объёмов¹⁶⁷, так и подчинение движения мигрантов решению конкретных государственных задач СССР. Показательно, что наиболее проницаемой для китайских и корейских мигрантов дальневосточная граница была в 1945 – 1949 гг., т.е. в период, когда страна наиболее остро нуждалась в рабочей силе, а социалистические государства в Китае и Северной Корее только фор-

мировались. Когда же в 1953 г. КНР сама предложила увеличить численность направляемых в СССР китайских рабочих, Москва отклонила это предложение¹⁶⁸.

Более существенным коррективом в 1945 – 1953 гг. подверглось регулирование трансграничных экономических отношений. В целях укрепления позиций своих коммунистических союзников в борьбе с внутренними противниками и внешними империалистическими силами (прежде всего, США) советское правительство взяло курс на ускоренное расширение торговых, инвестиционных и производственных связей с Китаем и Северной Кореей. Большая часть ввозимого советскими ведомствами и организациями рассматривалось как помощь «братским народам» и пропусклась в упрощённом порядке, без таможенного обложения. Такие же упрощённые процедуры были предусмотрены и для экспортируемых в СССР в значительных объёмах китайских и северокорейских товаров, в основном, сырьевых¹⁶⁹. В целом, в своих политических интересах советское правительство установило умеренно-контактный уровень экономического функционирования дальневосточной границы.

Столь же очевидные изменения в послевоенные годы были внесены в задачи функционирования границы в культурно-информационной сфере. Открытость дальневосточной границы для государственной информационной продукции из социалистических Китая и Кореи заметно возросла. Советская сторона сняла препятствия для ввоза большинства видов книжных изданий, кинолент, для въезда театральных и художественных коллективов. Таким образом, можно говорить о том, что в 1945 – 1953 гг. внешнее регулирование трансграничных культурных связей осуществлялось на умеренно барьерном уровне. Что же касается внутреннего регулирования отношений в этой сфере, то оно по существу было поставлено на уровень умеренной контактности. В КНР и КНДР в эти годы могли поступать практически любые легальные художественные, научно-технические, политические издания и материалы, за исключением лишь тех, что имели для СССР особую стратегическую значимость¹⁷⁰. Учитывая состав допускавшейся к вывозу печатной и иной информационной продукции, а также количество специалистов, которые направлялись для строительства системы образования и преподавания русского языка, можно прийти к выводу, что внутреннее пограничное регулирование в этой сфере в 1945 – 1953 гг. стало средством обеспечения подлинной культурно-идеологической экспансии СССР,

целью которой было не только укрепление обороноспособности новых социалистических государств Азии, но и гарантирование их политической лояльности Москве в будущем.

Эффективность функционирования дальневосточной границы на изучаемом этапе в целом оставалась весьма высокой. Вместе с тем, в условиях благоприятного изменения средовых факторов её обеспечение стало требовать меньших усилий. Это особенно проявлялось в военно-политической сфере. Так, в 1945 – 1953 гг., по мере создания и укрепления социалистических государств в Китае и Северной Корее, военно-политическое давление на дальневосточную границу извне существенно ослабевает. При том, что организационная структура и материально-технические ресурсы пограничных войск в основном оставались прежними, это способствовало общему повышению практической жёсткости охраны границы.

Существенно изменяются в 1945 – 1953 гг. и внешние условия социального функционирования дальневосточной границы. Под их влиянием уже с лета 1945 г. возобновляется трансграничная миграция, в первую очередь военная. Помимо советских военнослужащих, находившихся на территории Маньчжурии и Северной Кореи вплоть до начала 50-х гг., через дальневосточную границу в сопредельные страны выезжали сотни гражданских специалистов¹⁷¹. С другой стороны, на территорию советского Дальнего Востока въезжает большое количество китайских и корейских рабочих¹⁷². В 1945 – 1948 гг. в регионе работало 11,5 тыс. китайцев, а в 1946 – 1949 гг. – около 50 тыс. корейцев¹⁷³. Тем не менее, заметный рост объёмов миграционных потоков свидетельствовал о смягчении регулирования социально-демографического взаимодействия с соседями лишь до умеренно-барьерного уровня. В сравнении с возможностями и потребностями сторон объёмы трансграничных людских потоков оставались незначительными. Кроме того, перемещение и пребывание иммигрантов из Китая и Северной Кореи всецело определялось и контролировалось органами власти, которые допускали его лишь в той мере, в какой это было необходимо для решения поставленных правительством политических и экономических задач. По истечении договоров вербовки китайские и корейские рабочие (за исключением принявших советское гражданство) организовано и в полном составе возвращались на родину¹⁷⁴.

Послевоенный период стал временем интенсивного развития трансграничных экономических связей СССР с Китаем и Север-

ной Кореей. Особенно бурное их развитие началось с установлением в этих странах коммунистических режимов. Так, уже в 1953 г. удельный вес КНР в общем объеме внешнеторгового оборота СССР составлял 20 %, а удельный вес СССР в общем объеме внешнеторгового оборота КНР – 55,6 %. Значительная часть двустороннего торгового оборота проходила через дальневосточную границу¹⁷⁵. Таким образом, к концу рассматриваемого этапа дальневосточная граница действительно функционировала в экономической сфере на установленном для неё целевом уровне умеренной контактности. При этом трансграничное экономическое взаимодействие было практически полностью монополизировано Москвой, которая не допускала к участию в нём не только население советского Дальнего Востока¹⁷⁶, но и региональные власти.

В соответствие с декларируемыми членами социалистического лагеря принципами культурно-идеологического единства в 1945 – 1953 гг. объёмы информационных потоков, пересекавших дальневосточную границу, резко выросли. При этом ведущая роль в информационном обмене, безусловно, принадлежала СССР. В частности, только в 1951 – 1952 гг. в КНР из Советского Союза поступило 3 млн. экземпляров советских книг на китайском языке. Поток политической, художественной и научно-технической литературы и материалов, шедший в обратном направлении был значительно меньшим¹⁷⁷. Подобная структура трансграничных культурно-информационных отношений между СССР, с одной стороны, и Китаем и Северной Кореей, с другой, на мой взгляд, являлась следствием не только объективного неравенства материальных и организационных условий, в которых находились культура и идеология этих стран, но и последовательно реализуемых приоритетов советской пограничной политики. Активно и успешно поощряя вывоз в молодые социалистические государства Азии идеологически «правильной» литературы, советские власти с осторожностью относились к поступающему из них культурно-идеологическому импорту, содержание которого (учитывая возникавшие ранее с местными коммунистами разногласия) могло не соответствовать линии ВКП(б) (КПСС).

Переход к следующему этапу в истории функционирования дальневосточной границы, продолжавшемуся с 1953 по 1963 гг., был обусловлен, прежде всего, внутривосточными переменами в СССР, развернувшимися после смерти Сталина. Происхо-

дившая в эти годы трансформация тоталитарной общественно-политической системы страны в авторитарную закономерно повлекла за собой определённую либерализацию и пограничной политики. Особенно активно этот процесс шёл на границах СССР с дружественными социалистическими государствами, в число которых входили КНР и КНДР.

Наиболее существенные изменения в задачах функционирования дальневосточной границы на данном этапе коснулись регулирования военно-политических отношений. Несмотря на то, что, согласно общим нормативно-правовым документам, граница, как и ранее, должна была действовать в этой сфере на уровне высокой барьерности, фактически руководство страны перестало требовать от пограничных войск обеспечения её полной непроницаемости. Необходимость защиты военно-политических интересов СССР более не рассматривалось в качестве достаточного основания для жёсткого, тем более, вооружённого, пресечения любой попытки нарушения пограничной линии со стороны советских или иностранных граждан. Даже после начала инцидентов на советско-китайской границе, охранявшие её пограничники были обязаны проявлять при встречах с военнослужащими и гражданами КНР «выдержку и такт», стремиться к урегулированию конфликтных ситуаций мирным путём¹⁷⁸. Если иностранец нарушал границу в целях ведения хозяйственной деятельности, к нему, как правило, применялись не немедленный арест и выдворение, а тактика увещаний и зачастую занимавшего долгое время вытеснения¹⁷⁹. Такая политика по существу свидетельствовала о снижении целевого уровня жёсткости военно-политического функционирования дальневосточной границы до умеренно барьерного.

Определённое смягчение пограничного регулирования наблюдалось на этом этапе и в других сферах трансграничных отношений. Однако, по ряду причин изменения установленного к тому времени уровня жёсткости в них в конечном итоге не произошло. Так, не нашёл своего воплощения возникший в ЦК КПСС в 1954 г. проект массового завоза в Сибирь и на Дальний Восток рабочей силы из Китая. После длительного обсуждения в высших партийных и государственных органах, несмотря на наличие обоюдной заинтересованности в использовании китайского труда, эта идея была отклонена. Судя по воспоминаниям Н.С. Хрущёва, главным основанием для такого решения послужили

опасения, что массовая трудовая миграция приведёт к заселению и отторжению азиатских районов страны китайцами¹⁸⁰.

В 1953 – 1963 гг. советское руководство продолжило следовать курсу на наращивание товарооборота, расширение инвестиционных и производственных связей с КНР и КНДР. На дальневосточной границе по-прежнему действовал упрощённый порядок таможенного оформления шедших в эти страны грузов¹⁸¹. Новшеством же стало то, что, наряду с центральными ведомствами и организациями, в эти годы в трансграничное экономическое сотрудничество начали вовлекаться также региональные и местные субъекты, включая предприятия общественно-кооперативного сектора. Более того, с 1956 г., после подписания соответствующих советско-китайских соглашений, в приграничных районах были развёрнуты научно-исследовательские работы, нацеленные на подготовку к реализации проектов совместного освоения и хозяйственного использования бассейна Амура¹⁸².

Однако процессы развития интеграционных связей между приграничными территориями и расширения круга участников трансграничного сотрудничества, которые могли бы привести к снижению уровня экономической жёсткости границы с умеренно до высоко контактного, едва начавшись, вскоре были прерваны. Уже в 1960 г., под влиянием политических факторов, китайская сторона приступила к сворачиванию экономических отношений с СССР.

Сходным образом, эволюционировали задачи функционирования дальневосточной границы в культурно-информационной сфере. На протяжении 50-х гг. Москва последовательно стимулировала развитие различных форм идеологических и культурных контактов (в области литературы, кино, радио и телевидения) с КНР и КНДР. Причём одновременно с этим всё более открытым для взаимодействия с сопредельными странами в данной сфере становилось и само советское общество¹⁸³. Однако, вскоре после того, как с 1960 г. китайское руководство стало создавать препятствия на пути культурно-идеологических отношений между странами, советские власти вернулись к умеренно контактному уровню внутреннего и умеренно барьерному уровню внешнего регулирования трансграничных связей этого типа.

Безусловно, важную роль в том, что либерализация функционирования дальневосточной границы в 1953 – 1963 гг. оказалась непродолжительной и во многом декларативной сыграла политика китайской стороны, с конца 50-х гг. целенаправленно на-

гнетавшей напряжённость в двусторонних отношениях. И, тем не менее, главной причиной её пробуксовки на изучаемом этапе, по моему мнению, являлась внутренняя природа самой советской общественно-политической системы. Так и не вышедший за рамки авторитаризма режим Хрущёва был несовместим с полномасштабной открытостью общества внешнему миру, фундаментально не заинтересован в высокой двусторонней контактности границ страны. Дальнейшая либерализация трансграничных экономических, социальных, культурно-информационных и, в конечном счёте, политических отношений СССР неизбежно потребовала бы адекватного ей продолжения внутренних реформ, к чему творцы «оттепели» в целом не были готовы.

Снижение целевого уровня жёсткости регулирования военно-политических отношений в 1953 – 1963 гг. сопровождалось существенным снижением эффективности охраны дальневосточной границы. Это было связано с тем, что процесс упрощения организационной структуры и уменьшения материально-технического (особенно, кадрового и финансового) обеспечения пограничных войск в регионе, значительно опережал сокращение их служебных обязанностей. По оценкам некоторых специалистов, несоответствие задач и реальных возможностей пограничников в эти годы было столь велико, что «охрана советской границы на её дальневосточном участке приобрела чисто символический характер»¹⁸⁴. Первоначально, в условиях достаточно спокойной военно-политической обстановки и дружественных отношений с соседями подобные изменения в функционировании границы не оказывали заметного влияния на безопасность региона. Однако, с началом частых китайских проникновений на советскую территорию (в 1963 г. на советско-китайской границе было зафиксировано более 4 тыс. нарушений)¹⁸⁵, многие из которых своевременно не пресекались или вообще не фиксировались, низкая эффективность охраны дальневосточной границы стала очевидной.

Трансграничные социально-демографические отношения на рассматриваемом этапе отличались достаточно высокой интенсивностью, но незначительными абсолютными масштабами. В 1953 – 1959 гг. в командировках в КНР побывало почти 11 тыс. советских гражданских специалистов в области науки и техники, культуры, образования и здравоохранения. В 1951 – 1962 гг. Советский Союз посетили (в основном, с образовательными целями) более 20,5 тыс. китайских граждан – рабочих, студентов и аспирантов, техников и учёных¹⁸⁶. Однако, бо льшая часть ми-

грантов с обеих сторон следовали через сибирский и среднеазиатский участки советско-китайской границы. Напротив, социально-демографические отношения СССР и КНДР осуществлялись главным образом через дальневосточную границу и, как и ранее, имели характер, прежде всего, трудовой миграции. Согласно советско-северокорейскому соглашению от 30 июля 1957 г. на лесозаготовках в Хабаровском крае в 1958 – 1964 гг. работало 4460 граждан КНДР¹⁸⁷.

Контроль над въездом и выездом из страны по линии МВД и МИД был строго централизован (в частности, поездки жителей Дальнего Востока в Китай оформлялись через Москву) и характеризовался в целом высокой надёжностью¹⁸⁸. Вместе с тем, эффективность контроля над иностранными мигрантами на советской территории, находившегося в ведении милиции, на этом этапе заметно снизилась. Так, занятые на лесозаготовках в регионе северокорейские рабочие неоднократно нарушали правила пребывания и передвижения иностранцев в СССР, а порой совершали и более серьёзные преступления¹⁸⁹.

В 1953 – 1959 гг. в соответствии со стратегическим курсом Москвы на содействие экономическому развитию социалистических стран Азии, объёмы трансграничных потоков в этой сфере неуклонно росли. В годы первой китайской пятилетки (1953 – 1957 гг.) доля СССР в экспорте КНР составляла в среднем 59,4%. В 1960 г. на максимальный уровень вышла торговля советского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, достигнув почти 15 млн. руб. Однако с 1960 г., в связи с отказом китайского руководства от целого ряда двусторонних контрактов, масштабы большинства форм экономического взаимодействия сторон стали быстро сокращаться. Уже в 1962 г. объём экономического сотрудничества между двумя странами составил примерно 5% к уровню 1959 г.¹⁹⁰ При этом, со своей стороны СССР, как правило, продолжал принимать все меры к выполнению взятых ранее обязательств. До конца изучаемого этапа на дальневосточной границе действовал режим наибольшего благоприятствования в торговле¹⁹¹. Тем не менее, в условиях постоянно ухудшающихся отношений между Москвой и Пекином, выполнять своей стимулирующей функции он уже не мог.

По тем же причинам с конца 50-х гг. резко снизилась эффективность проводимой СССР политики поощрения культурно-идеологических связей с Китаем. Если за 1950 – 1958 гг. в КНР было переведено и издано более 13 тыс. произведений советских

авторов общим тиражом около 230 млн. экз., то с 1960 г. китайская сторона приступила к снижению объёмов ввоза и переиздания советских книг, при чём, в первую очередь, эти меры коснулись политико-идеологической литературы. СССР по началу избегал ответных действий в регулировании трансграничных отношений в этой области, но когда с 1963 г. Пекин развернул против Москвы полномасштабную пропагандистскую кампанию, информация, поступавшая из КНР, стала подвергаться жёсткой фильтрации и цензурному редактированию¹⁹².

В 1963 г. долгое время накапливавшиеся политические разногласия между СССР и КНР выходят на дипломатический уровень и принимают форму открытого межгосударственного противостояния. С этого времени дальневосточная граница вступает в новый этап своего функционирования, продолжавшийся до 1988 г. Осознав то, что изменения в политике Пекина имеют долговременный, стратегический характер, на этом этапе советское руководство по существу отказывается от попыток восстановить дружественные отношения с соседом и переходит к курсу на комплексную барьеризацию границы.

Повышение уровня жёсткости пограничного регулирования в регионе в первую очередь затронуло военно-политическую сферу. Уже в сентябре 1963 г. ЦК КПСС и Совмин приняли совместное Постановление «О мероприятиях по усилению охраны советско-китайской государственной границы». Аналогичные постановления высших партийных и государственных органов принимались в дальнейшем неоднократно – в 1965, 1967, 1971 и 1975 гг.¹⁹³ Данные решения были направлены на обеспечение полного закрытия границы для любого рода вооружённых и невооружённых, массовых и индивидуальных проникновений. Окончательно этот новый режим охраны границы утвердился с конца 60-х гг., когда пограничным войскам было предоставлены право и возможность применять для решения своих задач тяжёлое вооружение. Вместе с тем, жёстко отстаивая неприкосновенность территории страны, защищая и охраняя её военно-политическую безопасность, пограничники были обязаны использовать все возможности для уклонения от конфликтов, провоцируемых другой стороной¹⁹⁴.

В ответ на действия КНР, в 1963 – 1988 гг. Москва проводила политику ограничения двусторонних экономических отношений. С 1966 г. фактически единственной формой этих отношений стала торговля, объёмы которой были минимизированы¹⁹⁵. Совет-

ская сторона отказалась от облегчённого режима таможенного регулирования торговых связей. Вся двусторонняя торговля вновь полностью сосредотачивается под управлением центральных государственных ведомств, и какое-либо участие в ней дальневосточных предприятий и организаций становится возможным лишь по инициативе и при посредстве последних. Некоторое оживление трансграничных экономических отношений между двумя странами наметилось только с 1983 г.¹⁹⁶

В тесной связи с регулированием взаимодействия в экономике, развивалась пограничная политика СССР и в других сферах. Во второй половине 60-х гг. СССР перестаёт командировать в Китай своих специалистов, а с 1967 г. прекращается организация туристических поездок в эту страну. В то же время, советские власти начинают высказывать претензии к поведению на территории СССР китайских граждан: туристы, студенты и члены различных делегаций из КНР неоднократно обвинялись в антисоветской деятельности и сборе секретных данных¹⁹⁷. В подобной обстановке к концу 60-х гг. китайская миграция в СССР сходит на нет.

Основным содержанием культурно-информационных отношений СССР и КНР на данном этапе стала взаимная пропагандистская борьба. С советской стороны она приобретает в это время почти столь же тотальную и ожесточённую форму, как и с китайской. Задача «критики маоизма» превращается в безусловный приоритет для всей политической и научной литературы, а также периодической печати, так или иначе касающейся китайской тематики¹⁹⁸. Одновременно с этим, перед спецслужбами и пограничниками были поставлены задачи по усилению бдительности в отношении идеологических диверсий со стороны Китая. Информация, поступающая из этой страны, была доступна советским гражданам, как правило, лишь после предварительной обработки партийными цензорами¹⁹⁹. Процесс демонтажа режима высокой барьерности (по сути, изоляции) в социальной и культурной сферах отношений СССР и КНР начался только в 1983 г., под влиянием внутрисполитических перемен в обеих странах. Однако вплоть до конца 80-х гг. темпы этого процесса оставались крайне медленными.

В поддержании высокого уровня барьерности в основных сферах функционирования дальневосточной границы в 1963 – 1988 гг. советское государство в целом действовало весьма успешно. Вместе с тем, осуществление перехода к такому режиму

пограничного регулирования с установленных ранее умеренно барьерного или, тем более, умеренно контактного его уровней потребовало времени. Так, добиться надёжного закрытия границы в военно-политической сфере Москве удалось лишь к концу 60-х гг., после целой серии шагов по наращиванию материально-технической базы пограничных войск региона. В 70-е и первой половине 80-х гг. происходит заметное, по сравнению с периодом 1963 – 1969 гг., сокращение количества нарушений советско-китайской границы, а также снижение численности их участников. Кроме того, в это время на границе значительно уменьшилось число силовых, и в т.ч. вооружённых, конфликтов, всплеск которых имел место в 1967 – 1969 гг.²⁰⁰ Однако главным показателем возросшей эффективности охраны дальневосточной границы с начала 70-х гг. стало существенное снижение, в условиях непрекращающегося военно-политического давления с китайской стороны, числа безнаказанных прорывов через пограничную линию²⁰¹.

Ежегодное падение объёмов советско-китайской торговли достигло низшей точки в 1969 г., когда её оборот составил всего 51 млн. руб. (в 1959 г. – 1849 млн. руб. по курсу 1961 г.). В 70-е гг. максимальный объём товарооборота между странами (338,7 млн. руб.) был достигнут в 1978 г. Важно отметить, что даже на этом этапе, несмотря на последовательно и весьма эффективно²⁰² проводимую с обеих сторон политику барьеризации экономической границы, ни СССР, ни Китай не смогли отказаться от взаимных контактов в данной сфере полностью. Так, Китай был вынужден продолжать приобретение некоторых особенно значимых для него видов советских машин и оборудования, а СССР – закупать (для нужд Дальнего Востока) продовольственную продукцию китайского сельского хозяйства²⁰³. Устойчивый рост объёмов двусторонней торговли начался после заключения ряда межгосударственных договорённостей в 1983 г. За этот год советско-китайский товарооборот составил 448,2 млн. руб.²⁰⁴

На рассматриваемом этапе миграционное движение через советско-китайский участок дальневосточной границы практически не осуществлялось. В то же время, в соответствии с межправительственным соглашением 1967 г., на советский Дальний Восток для лесозаготовительных работ ежегодно ввозились партии северокорейских рабочих численностью в 15 тыс. человек. Качество контроля над пребыванием трудовых мигрантов из КНДР в это время удалось повысить. В мае 1984 г. КНДР и СССР достигли

договорённости об увеличении количества северокорейских рабочих в регионе до 20 – 30 тыс. чел.²⁰⁵

С весьма высокой эффективностью в 1963 – 1988 гг. решались и задачи закрытия дальневосточной границы для культурно-идеологического проникновения извне. Китайские власти прилагали немалые усилия для достижения политико-пропагандистского воздействия на население советского Дальнего Востока, используя для этого самые разные средства – от демонстраций на линии границы до нелегального ввоза пропагандистских материалов на советскую территорию и организации специального радиовещания²⁰⁶. Однако, благодаря мерам противодействия и контрпропаганды, осуществлявшимся силами погранвойск, спецслужб и партийных органов, прямое влияние этих действий на сознание дальневосточников было ничтожным. Более того, именно в это период советское государство добилось (при наличии достаточно благоприятных объективных условий) ощутимых успехов в формировании негативного образа Китая, который во многом реанимировал представления и оценки, связанные ранее с мифологемой «жёлтой опасности»²⁰⁷.

4. Дальневосточная граница в 1929 – 1988 гг.: типологические особенности и тенденции развития.

В 1929 – 1988 гг. развитие дальневосточной границы в значительной степени определялось теми тенденциями, которые зародились и обозначили себя в предшествующий период. Несмотря на то, что в изучаемые в этой главе десятилетия страна и регион переживали масштабные преобразования, связанные с трансформациями советского политического режима, история дальневосточной границы отличалась в целом высокой преемственностью. Вместе с тем, в ряде аспектов процесс продолжения и разворачивания прежних тенденций развития достиг такого уровня, который привёл к изменению некоторых типологических характеристик границы.

На мой взгляд, самым значимым результатом развития системы дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. стало завершение формирования у неё основных признаков границы линейного типа. Достаточно медленно шедший во второй половине XIX – первой трети XX вв. процесс огосударствления дальневосточных рубежей, в условиях начавшегося в 30-е гг. строительства советского тоталитаризма резко ускорился. Сосредоточив в своих ру-

ках и монополизировав львиную долю всех видов общественных ресурсов на всей территории страны, государство получило небывалые ранее возможности по усилению собственного присутствия на линии и в системе границы. И эти возможности в основном были им использованы.

Уже к концу 30-х гг. СССР удалось чётко зафиксировать территориальные контуры своего суверенитета на Дальнем Востоке и в целом обеспечить их практическую нерушимость. С этого времени в дальневосточном приграничье уже не было (и не могло появиться) районов с двойной или редуцированной (неполной) государственной принадлежностью, а сколько-нибудь длительное военно-политическое присутствие здесь другого государства рассматривалось отныне как нонсенс. При этом следует отметить, что фактически охраняемая и инженерно оборудованная линия границы на большем своём протяжении (на речном участке) по-прежнему оставалась с формально-юридической точки зрения не демаркированной. Однако это обстоятельство, как и отчасти связанные с ним претензии китайской стороны, отнюдь не мешали советскому государству в полной мере осуществлять на очерченной данной пограничной линией территории свои суверенные права.

В 30-е гг. советское государство также добилось значительного расширения и дифференциации своего нормативно-правового и институционального контроля над трансграничными потоками. В эти годы дальневосточная граница окончательно приобрела четырёхканальную структуру. К концу 30-х гг. какие-либо стихийные, свободные от пограничного надзора и регулирования военно-политические, экономические, социальные и культурные трансграничные контакты становятся невозможными. Несмотря на определённые колебания в пограничной политике в регионе (особенно в 1953 – 1963 гг.) на протяжении изучаемого периода полнота и тщательность оперативного контроля со стороны государственных служб над четырьмя основными функциональными сферами системы дальневосточной границы в целом устойчиво возрастали.

Наконец, именно в период 1929 – 1988 гг. государство и общество расстались с представлением о возможной временности, промежуточности границы на Дальнем Востоке. В советской политической культуре этих лет дальневосточные рубежи были приравнены по своему статусу к европейским (и всем остальным) границам страны, и также как и последние постоянно стерео-

типно определялись в качестве «священных и нерушимых». Не только в официальных декларациях, но и в СМИ и в художественно-публицистической литературе систематически проводилась мысль об органической (не колониальной) принадлежности советского Дальнего Востока к СССР («ни пяди своей земли не отдадим»). Кроме того, в своих обращениях и к внешней, и к внутренней аудитории советские власти категорически отвергали возможность территориальных приобретений по ту сторону дальневосточной границы («чужой земли нам не надо»). Косвенным подтверждением тому, что «нерушимость» границ страны на Дальнем Востоке являлась феноменом не только государственной пропаганды, но и массового сознания служат масштабы миграции в этот регион в 30-е и 50-е – 70-е гг. XX в. населения из европейской части СССР.

Сказанное, вместе с тем, не означает, что в изучаемый период дальневосточная граница достигла стопроцентного соответствия признаком границы линейного типа. Вплоть до конца периода 1929 – 1988 гг. полному огосударствлению данной границы продолжал препятствовать целый ряд факторов. К ним относились уже упомянутая незавершённость демаркации дальневосточного рубежа, а значит и вероятность сомнений и споров по поводу суверенитета, а также неизжитые до конца и в советскую эпоху проблемы недостаточности материально-технического обеспечения функционирования границы. Их существование, в свою очередь, было следствием не только просчётов в пограничной политике Москвы, но и, что, с моей точки зрения, более значимо, труднопреодолимых объективных условий, включая длительную угрозу агрессии со стороны Японии и Китая и природную специфику дальневосточной границы (её протяжённость и ландшафтную сложность).

Важной типологической особенностью дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. оставалась её проблематизированность. Несмотря на то, что в эти годы Москва в основном отказалась от экспансионистского курса в Азии, заместив военно-политическое проникновение в регион политико-идеологическим и экономическим, это мало способствовало повышению стабильности границ СССР. Хотя в практическом и тем более формально-правовом плане линия дальневосточной границы на протяжении 1929 – 1988 гг. была в целом неизменной, стабильность этого рубежа расшатывалась как неоднозначным состоянием её международно-правового оформления, так и прямыми конфликтами сопредель-

ных стран. Особенно драматичная военно-политическая обстановка складывалась на дальневосточной границе во второй половине 30-х и второй половине 60-х гг., когда интенсивность вооружённых (японо-маньчжуро-советских и китайско-советских) инцидентов, сопровождавшихся жертвами с обеих сторон, вплотную подводила СССР к началу широкомасштабной войны. При этом, наряду с политико-идеологическими факторами, данные конфликты были вызваны конкретными территориальными претензиями, питательную почву для которых создавала, в том числе, и всё та же незавершённая демаркации дальневосточной границы.

Проблематизированность дальневосточной границы была тесно связана с характерной неравномерностью в развитии её структуры. Если ещё в предшествующий период сфера военно-политического регулирования заняла в системе изучаемой границы преобладающее место, то с 30-х гг. её доминирование становится абсолютным. Военно-политические институты, включая как собственно пограничные войска, так и непосредственно взаимодействующие с ними органы госбезопасности, не только располагали большей частью материального потенциала системы границы и являлись символическим центром её культурного образа, но и осуществляли стратегическое²⁰⁸ руководство в отношении органов пограничного контроля (милицейских и таможенных). Кроме того, в 1929 – 1988 гг. сами пограничные войска несли ряд контрольных функций (в сферах регулирования миграционных, товарных и информационных потоков), фактически заменяя в этих аспектах соответствующие специализированные институты границы.

Очевидные изменения в 1929 – 1988 гг. произошли в характере функционирования дальневосточной границы. Безусловно, ведущей тенденцией этих лет являлась её комплексная барьеризация. Большую часть рассматриваемого периода²⁰⁹ дальневосточная граница функционировала в режиме полной (четырёхканальной) закрытости на целевом уровне высокой барьерности. Только с 1945 по 1963 гг. режим границы был в определённой степени смягчён, при чём в экономической и культурно-информационной сферах его смягчение достигло уровня умеренной контактности. Такое снижение уровня жёсткости пограничного регулирования было обусловлено особой международной ситуацией: в сопредельных странах в это время шёл процесс строительства социалистических государств, которые остро нуж-

дались в поддержке и прямой помощи своего старшего союзника и покровителя – СССР. Именно ярко выраженное неравенство потенциалов сторон, объективная зависимость, несамостоятельность китайского и северокорейского коммунистических режимов сделали на время возможной относительную открытость дальневосточной границы для взаимных контактов. Тем не менее, даже для отношений между братскими социалистическими странами это являлось скорее исключением.

В основном же нормальным уровнем жёсткости функционирования дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. была высокая барьерность. Тяготение к этому уровню изучаемой системы границы задавалось самой структурой последней – доминированием в её нормативно-правовом, институциональном, материально-техническом и культурном компонентах элементов и отношений военно-политического характера, и почти полным (исключая нелегальные формы, такие как контрабанда) вытеснением из неё социальной составляющей. В свою очередь, подобная структура системы дальневосточной границы была гомоморфна организации советской общественно-политической системы в целом, её стратегическим ценностям и интересам. Высокая степень закрытости для отношений с внешним миром являлась фундаментальной потребностью советского режима 30-х – 80-х гг. XX в., по существу, одним из главных условий его выживания, а позднее – стабильности. Отступления от неё, случаи повышения контактности в тех или иных сферах функционирования границы могли быть связаны лишь с необходимостью решения конкретных, оперативных или тактических задач. Кроме того, длительная малая вариативность режима советских границ, практическая узость диапазона уровней их функционирования имели под собой и чисто экономическую подоплёку: государство, как правило, не располагало средствами для создания по огромному периметру своих рубежей дорогостоящей материально-технической базы, без которой их эффективно регулируемая либерализация была просто невыполнима.

С точки зрения направленности для функционирования дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. была в целом характерна симметричность. Осуществлявшаяся в этот период барьеризация границы была в равной мере направлена как на внешних субъектов, так и на собственное общество. Разумеется, что подобная политика являлась следствием не только постоянно декларируемой советским руководством приверженности принципу равно-

правия наций, а затем и выражаемой им лояльности нормам международного права. Во многом она диктовалась интересами государственной безопасности, потенциальная угроза которым, согласно коммунистической идеологии, «изнутри» была принципиально не меньшей, чем «извне». Вместе с тем, в ситуациях явного силового перевеса над соседями (например, в послевоенные годы), и советское правительство было склонно обеспечивать бо льшую проницаемость дальневосточной границы для своей, нежели для «братской», военной, политической и идеологической активности.

Отличительной чертой функционирования дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. являлась сравнительно высокая степень его эффективности, соответствия целевого и практического уровней. Главной предпосылкой этого служило полное огосударствление системы границы, равно как и многих других подсистем советского общества, и те колоссальные возможности, которыми обладало государство при тоталитарном и авторитарном режимах. Однако небывало высокая результативность государственного пограничного регулирования в изучаемый период своей оборотной стороной имела увеличение ущерба, понесённого обществом и в особенности населением дальневосточного региона. Потребности последнего в 1929 – 1988 гг. не раз приносились в жертву широко и вольно трактуемым властью интересам государственной (отождествляемой с национальной) военно-политической безопасности, как внешней, так и внутренней. Несомненно, что в 30-е – первой половине 40-х и со второй половины 60-х по начало 80-х гг. советское руководство просто не могло не отдавать безусловный приоритет задачам защиты и охраны границы, но сохранение режима её закрытости в военно-политической и социальной и отчуждённости от общества в экономической и культурной сферах за пределами этих кризисных лет, т.е. на протяжении всего периода 1929 – 1988 гг., вряд ли можно считать оправданным. Негибкость советской пограничной политики, её обусловленная идеологической косностью и бюрократической неповоротливостью управления ярко выраженная инерционность усугубили то деструктивное воздействие, которое было оказано на функционирование дальневосточной границы неблагоприятными факторами международной среды.

Главным общественным следствием советской пограничной политики 1929 – 1988 гг. стала пассивизация дальневосточной границы, резкое, по сути катастрофическое, снижение интенсив-

ности всех форм трансграничных отношений. Этот процесс омертвления границы был неразрывно связан с глубокими изменениями в социальной и экономической структуре регионального общества. Из неё практически исчез ряд социальных и этнических общностей (групп), являвшихся ранее активными субъектами трансграничных процессов. Кардинально сократилась доля в региональной экономике отраслей и видов хозяйственной деятельности, развивавшихся до тех пор благодаря импорту-экспорту рабочей силы, капиталов и готовой продукции. Из экономического оборота были выведены обширные территории дальневосточного приграничья, принадлежавшие в предшествующий период к наиболее перспективным и быстро осваиваемым районам РДВ. Деградировали или были оборваны активно эксплуатировавшиеся ранее транспортные коммуникации.

Конечно, влияние барьеризации границы на развитие дальневосточного региона не сводилось к названному выше. Необходимость укрепления обороноспособности рубежей страны, наряду с обеспечением и содержанием дислоцировавшихся в регионе крупных воинских контингентов стала фактором ускоренного роста некоторых отраслей тяжёлой промышленности (судо- и авиастроение), связанных с ними направлений добычи полезных ископаемых, а также обслуживавших производств третичного сектора (строительство, пищевая и химическая промышленность). Мощное военное присутствие на советском Дальнем Востоке создавало немалое количество рабочих мест для его гражданского населения и, что немаловажно, формировало у него представление об определённой защищённости и внимании со стороны государства. Однако ни «индустриальная милитаризация», ни планомерное налаживание советскими властями демографических и экономических связей между Дальним Востоком и центром страны, в конечном счёте, так и не позволили региону преодолеть своей многосторонней уязвимости и отставания в темпах и результатах развития от соседей по СВА. К середине 80-х гг. XX в. это положение вещей и его связь с искусственной изоляцией дальневосточного региона нашли признание и в руководстве СССР. Владивостокская речь М.С. Горбачёва в 1986 г. явилась по существу констатацией того факта, что в качестве долгосрочного (стратегического, а не ситуативного) курса советская пограничная политика, проводившаяся с 30-х гг. XX в., себя не оправдала.

ГЛАВА IV. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ В 1988 – 2010 ГГ.

Отправной вехой третьего основного исторического периода в развитии дальневосточной границы России, продолжающегося до настоящего времени, стал 1988 г. Эта дата, с моей точки зрения, является более значимой для изучаемого процесса, чем 1991 г., которому по праву отводится место одного из главных поворотных пунктов российской истории. Сопряжённое с распадом СССР в 1991 г. радикальное обновление структуры политической системы страны действительно оказало сильное влияние на развитие дальневосточной границы как её органической части. Однако качественные перемены в функционировании данной границы начались всё же раньше, во многом опережая процессы общегосударственного уровня. Такая последовательность событий вполне объяснима, если учитывать, с одной стороны, относительную автономность системы государственной границы в общественной и политической системах, а, с другой, – по существу революционный характер «перестроечных» преобразований, типичным проявлением которого было то, что функциональные изменения в обществе зачастую предшествовали структурным.

1. Факторы формирования и функционирования дальневосточной границы 1988 – 2010 гг.

Период 1988 – 2010 гг. отличался заметной активизацией процессов формирования дальневосточной границы. Подписание ряда международных документов по вопросам делимитации и демаркации этой части государственной границы СССР/России привело к тому, что на нескольких участках её пространственные контуры были изменены. Хотя с географической точки зрения масштабы этих изменений можно считать незначительными, они, тем не менее, оказали серьёзное и многостороннее влияние на внутреннее и международное положение страны и РДВ, а также на развитие функций и структуры самой дальневосточной границы.

Ещё более весомым фактором трансформации функций и структуры изучаемой границы в 1988 – 2010 гг. являлась динамика трансграничных отношений. В рассматриваемый период, после долгого перерыва, дальневосточная граница вновь стано-

вится зоной оживлённого экономического, социального и культурного взаимодействия России и Китая. Международно-правовые основания для такого взаимодействия были заложены правительствами и региональными властями обеих стран. Таким образом, трансграничные отношения стали во многом продуктом осознанных усилий двух государств, их целенаправленной внешней и пограничной политики. Вместе с тем, весьма значимая роль в развитии трансграничных процессов принадлежала негосударственным, общественным и частным, субъектам, инициативы и стихийная активность которых прямо и косвенно (через воздействие на органы власти) способствовали изменениям не только в режиме фактического функционирования, но и в формальной структуре системы дальневосточной границы.

Международным контекстом начала нового исторического периода в развитии дальневосточной границы послужила ситуация 1982 – 1991 гг. Как уже отмечалось (см. гл. III), данная ситуация характеризовалась прогрессирующим ослаблением позиций СССР в мире и связанным с этим (как, впрочем, и с другими факторами) ускоряющимся разрушением прежнего биполярного порядка. Главным проявлением этих процессов в рамках региона СВА была инициированная Москвой нормализация советско-китайских отношений. Ключевыми вехами медленно и с большими трудностями происходившего между СССР и КНР потепления стали два события – ознаменовавший полное восстановление межгосударственных отношений сторон визит в Пекин М.С. Горбачёва в мае 1989 г. и подписание разрешившего значительную часть наиболее острых – пограничных – противоречий двух стран Соглашения о советско-китайской границе от 16 мая 1991 г. Однако ещё до того как нормализация советско-китайских отношений вступила в свою завершающую фазу и принесла свои важнейшие политико-дипломатические плоды, меняющийся характер двустороннего взаимодействия нашёл отражение в состоянии системы дальневосточной границы.

Опережающие внешнеполитические процессы перемены в функционировании дальневосточной границы страны, отчётливо прослеживаемые с 1988 г., стали возможны, прежде всего, благодаря действию внутренних факторов. К 1988 г. «перестройка», развернувшаяся в первую очередь в экономической сфере, привела к значительному повышению самостоятельности государственных и кооперативных предприятий и организаций. При этом объективная уозость внутреннего рынка и многочисленные инсти-

туционально-правовые препятствия для ведения предпринимательской деятельности всё ещё существенно ограничивали возможности этих хозяйствующих субъектов на территории СССР. Гораздо более привлекательными на этом фоне выглядели перспективы установления экономических связей с зарубежными партнёрами, законодательные препоны на пути которого (в виде механизмов госмонополии внешней торговли) в течение 1986 – 1989 гг. были полностью сняты¹. В активизации внешнеэкономических отношений в высокой степени были заинтересованы также региональные и местные власти. Причём на Дальнем Востоке, население которого раньше и глубже жителей других регионов ощутило на себе последствия системного кризиса советской экономики, упования властей на грядущие выгоды от международного сотрудничества были особенно сильны.

Поскольку с 1989 г. инвестиционная и социальная поддержка дальневосточного региона со стороны центра неуклонно сворачивалась, а объективные возможности для внутрирегиональной торговли и производственной кооперации были весьма ограничены, стремление дальневосточников использовать для решения нарастающих проблем потенциал стран-соседей можно считать вполне закономерным². Таким образом, государственная политика в отношении региона сама подталкивала его к интенсификации трансграничных связей. При этом, такое «подталкивание» носило в целом характер не столько планомерной реструктуризации и переориентации региональной экономики, сколько побочного эффекта резко возросшего дефицита централизованного управления ею.

Интересы дальневосточных хозяйственников и управленцев, опиравшихся на обретающее гласные формы общественное мнение, послужили важной причиной того, что в конце 80-х гг. развитие советско-китайских отношений в экономической, а затем социальной и культурной сферах стало заметно опережать ход политического диалога между сторонами³. В пользу того, что подобная структура отношений двух стран во многом сформировалась под давлением «снизу», свидетельствует сравнительно большой объём приграничной и местной торговли, который был достигнут к моменту введения в действие предназначенной для её развития международно-правовой базы. Уже в 1988 г. этот объём для дальневосточных и сибирских регионов РСФСР и Китая составлял 145 млн. долл.⁴ Кроме того, ещё до заключения в июне 1988 г. межправительственного соглашения о развитии тор-

гово-экономических отношений регионального и местного уровня, власти и общественность приграничных регионов обсуждали с представителями соседних территорий КНР возможности налаживания связей такого рода и даже подписывали с ними официальные протоколы. Действия региональных администраций опережали политику Москвы также в сфере использования труда китайских мигрантов, в области культурных и научных контактов⁵.

Ускорению процессов децентрализации и разгосударствления двусторонних отношений способствовали встречные шаги китайского руководства. Уже в апреле – мае 1988 г. правительство КНР по существу полностью ликвидировало со своей стороны государственную монополию приграничной торговли. Таким образом, китайские предприятия, раньше, чем советские, получили правовую базу для установления прямых экономических связей с зарубежными партнёрами⁶.

Эндогенные и экзогенные факторы, наконец, подвигли к обновлению своей внешней политики и Москву. В июне 1988 г. советское и китайское правительства подписали Соглашение «Об устройстве и развитии торгово-экономических отношений между провинциями, автономными районами и городами КНР, республиками, краями, областями, соответствующими предприятиями и организациями СССР». В июле того же года стороны заключили межправительственное соглашение о взаимных поездках граждан⁷. Появление этих правовых документов не только стимулировало дальнейшее расширение трансграничных контактов в экономической, социальной и культурной сферах, но и, судя по всему, создало более благоприятные условия для прогресса в нормализации военно-политических отношений сторон, и в т.ч. для переговоров по пограничной проблематике.

Особенности внутри- и внешнеполитического контекста конца 80-х – начала 90-х гг. определили специфику и проводившейся в это время на РДВ пограничной политики. Эта политика воплощала в себе либеральные идеи «перестройки» и, по сути, была направлена на форсированную дебарьеризацию дальневосточной границы. Надеясь поспособствовать преодолению внутренних трудностей и ожидая качественного улучшения отношений с Китаем, советское руководство с 1988 г. пошло (зачастую в одностороннем порядке) на ликвидацию целого ряда элементов и структурных звеньев той системы границы, которая создавалась на Дальнем Востоке с 30-х гг. XX в. Так, с августа 1988 г. в ре-

гионе, раньше чем в других частях страны, начался процесс отмены действовавших в предшествующий период нормативных положений о пограничной зоне и её режиме. В результате ширина погранзоны была значительно уменьшена, а порядок въезда и пребывания на её территории – упрощён⁸. Определённому сжатию и упрощению в 1988 – 1991 гг. подверглись также институциональный и материально-технический компоненты дальневосточной границы. Эти процессы были связаны, прежде всего, со значительным сокращением численности располагавшихся близ границы с Китаем советских армейских соединений и реорганизацией дислоцировавшихся в регионе ракетно-ядерных сил⁹.

Важно отметить, что ликвидация прежних барьерных элементов и структур в системе дальневосточной границы, как правило, не сопровождалась их заменой новыми, контактными. Даже правовые основы начавшейся в эти годы перестройки дальневосточного рубежа состояли главным образом из общих, рамочных международных соглашений, процедурный порядок реализации которых был неясен. Что же касается необходимых контактных институтов и инфраструктуры границы, то для их появления требовались время и значительные средства. То обстоятельство, что демонтаж старых структур границы происходил значительно быстрее строительства новых, не могло не оказать негативного воздействия на регулирование трансграничных потоков, особенно в таких вновь открытых сферах отношений как экономическая и социальная. В этих условиях развернувшаяся с 1988 г. либерализация функционирования дальневосточной границы на практике часто вела к снижению управляемости последнего со стороны государства, к его «теневизации» и криминализации.

События второй половины 1991 г., связанные с распадом СССР и появлением на его месте ряда независимых государств, кардинально изменили международную обстановку во всём мире. Ставшая правопреемником Советского Союза Россия объективно не могла удержать статус своего предшественника и по большинству геополитических параметров (исключая военный потенциал) переместилась на позицию одной из мировых держав. Её внешнеполитическая активность не только заметно снизилась, но и приобрела выраженный несамостоятельный, прозападный, характер. Сильное влияние на внешнюю политику РФ в первые годы её истории оказывали острые внутренние политико-идеологические и этнополитические противоречия, угрожавшие самому существованию российского государства, его целостно-

сти. В такой обстановке оставшиеся единственной сверхдержавой США естественным образом заняли место учредителя и гаранта нового, ещё неясного в своих деталях, миропорядка. Опираясь на положение лидера победившего лагеря и сложившиеся в предшествующую эпоху институциональные механизмы (прежде всего, НАТО), они приступили к последовательному, хотя и по началу достаточно осторожному, переформатированию системы международных отношений с целью её интеграции и стабилизации в рамках моноцентричной структуры.

В 1991 – 1996 гг. международная ситуация в СВА в целом соответствовала новому раскладу сил на глобальном уровне. США ещё более укрепили свои позиции в этом регионе, в т.ч. за счёт активизации участия в работе структур АТЭС¹⁰. Вместе с тем, рост американского влияния здесь не был столь ощутим как во многих других частях земного шара, что обуславливалось, в первую очередь, наличием в СВА (и АТР) такого сохраняющего свою обретенную еще в 60-е гг. самостоятельность центра силы как Китай. Однако в рассматриваемые годы активность КНР серьезно сдерживалась неблагоприятным международным политико-дипломатическим положением этой страны. Одной из причин подобного положения являлась уже упомянутая радикально-либеральная и прозападная ориентация политики северного соседа Китая – России.

Несмотря на соблюдение российским руководством ранее заключённых советско-китайских соглашений, проведение демаркационных работ и в основном успешное продолжение двусторонних переговоров по целому ряду пограничных и социально-экономических вопросов, 1991 – 1996 гг. характеризовались общим охлаждением в отношениях двух стран. Падение интереса Москвы к Китаю было особенно заметно на фоне её настойчивых усилий по укреплению и расширению сотрудничества с США и Европой, и тех немалых уступок, на которые ради интеграции в «цивилизованный мир» российская сторона готова была идти. Стремление России дистанцироваться от своего «недемократического» соседа¹¹ проявлялись в эти годы в относительной редкости контактов с ним на высшем уровне и том скромном месте, которое в этих контактах занимала военно-политическая проблематика. Российское руководство рассматривало свои отношения с Китаем в основном в узко прагматическом свете, как инструмент решения текущих, прежде всего, экономических, проблем. По существу, именно экономические проблемы, а также необходи-

мость завершения пограничного размежевания не позволили Москве занять в отношении Китая ту же игнорирующую позицию, которую она заняла в это время в отношении КНДР.

Кроме того, китайскую политику Москвы в 1991 – 1996 гг. отличала высокая зависимость от активности властей и общества дальневосточного региона страны. С одной стороны, разнонаправленная деятельность региональных и местных администраций, а также общественных и частных субъектов, как и в последние годы советского периода, продолжала оставаться наиболее динамичной, ведущей движущей силой российско-китайских отношений. В этих условиях роль центра в значительной мере сводилась к договорному оформлению поступавших «снизу» инициатив, упорядочению фактически сложившейся практики двустороннего взаимодействия. С другой стороны, с 1994 г., по мере обострения внутренней борьбы вокруг демаркации российско-китайской границы, Москве всё чаще приходилось сдерживать демарши региональных властей, грозившие осложнением и без того не безоблачных политических отношений между государствами¹².

Сравнительно высокое влияние на внешнюю политику центра в 1991 – 1996 гг. интересов дальневосточной периферии было тесно связано со спецификой внутренней политики, проводившейся российским руководством в данном регионе. На рассматриваемом этапе федеральный центр (отчасти из либеральных идеологических принципов, отчасти в силу нехватки финансовых ресурсов) по существу устранился от решения социально-экономических проблем РДВ. Регион не получал необходимых государственных ассигнований не только на перспективное развитие, но и зачастую на текущие нужды. Фактическая бюджетная «независимость» дальневосточных субъектов федерации от центра не могла не отразиться на поведении их элит. Изыскивая возможности пополнения своих бюджетов и стабилизации социальной ситуации, региональные и местные администрации налаживали разнообразное сотрудничество с зарубежными соседями без оглядки на Москву. Более того, они позволяли себе публичную критику, а порой и игнорирование внешнеполитических решений центральных властей, если такие решения принимались без учёта их интересов¹³.

Неопределённость стратегических целей и децентрализация механизмов реализации политики Москвы в отношении РДВ и СВА на фоне общего снижения внимания к этим регионам в пол-

ной мер отразились и на состоянии в 1991 – 1996 гг. государственного управления дальневосточной границей. Президент и правительство эта граница интересовала главным образом с точки зрения выполнения международных обязательств по её демаркации, принятых РФ как правопреемником СССР. Тем не менее, и в данном вопросе центр не проявлял необходимой активности и последовательности. По сообщению полномочного российского представителя в Комиссии по демаркации Г. Киреева, к началу 1997 г. российско-китайская граница на её восточной части была демаркирована на протяжении лишь 2500 (из 4204) км.¹⁴ Столь медленные темпы демаркационных работ, начатых ещё в апреле 1993 г. и планировавшихся к завершению в 1996 г.¹⁵, в первое время, были, по всей видимости, следствием занятости российского руководства решением острых общегосударственных проблем. Позднее, с осени 1993 г. всё более сильное влияние на ход демаркации стало оказывать политическое, а иногда и силовое, противодействие её проведению со стороны властей и населения регионов РДВ, и, прежде всего, Хабаровского и Приморского краёв. Центр (в лице в первую очередь президента Ельцина и руководства МИД) посредством торга с дальневосточными элитами или прямого давления на них неоднократно пытался ускорить процесс разметки пограничной линии. Однако добиться прорыва в решении этого вопроса ему удалось только в 1997 г.¹⁶

Затяжной и остро политизированный характер процесса демаркации дальневосточной границы был самым наглядным, но не единственным проявлением слабости реального контроля над ней со стороны Москвы в период 1991 – 1996 гг. Немногим более эффективной в эти годы была политика центральных властей в области функционирования данной границы. Хотя закон «О государственной границе РФ», закладывавший основы этого направления пограничной политики, был издан ещё 1 апреля 1993 г., практическая работа по упорядочению в соответствии с новыми принципами регулирования трансграничных потоков на РДВ развернулась значительно позже. В мае 1994, а затем в августе 1995 гг. между Россией и Китаем были заключены специальные соглашения, посвящённые вопросам режима российско-китайской границы¹⁷. Однако, с российской стороны эти документы носили во многом декларативный характер, в частности потому, что государство было не в состоянии подкрепить свои намерения выделением необходимых материально-технических ресурсов. Пер-

вые реальные признаки усиления охраны и контроля на дальневосточной границе страны появились не ранее 1996 г.

В 1993 – 1996 гг. недостаточность государственного присутствия на дальневосточной границе стала столь очевидной, что это вызвало целый ряд обращений к Москве представителей региональных властей. При этом, не слишком рассчитывая на оперативную и соразмерную проблеме реакцию центра, власти дальневосточных субъектов федерации принимали собственные меры по повышению эффективности пограничного регулирования. Так, в эти годы регионами были изданы нормативные акты, которые устанавливали правила пограничного режима на их территории¹⁸. Подобные действия наглядно свидетельствовали о том, что государственная пограничная политика утрачивает своё единство.

В 1996 г. накапливавшиеся в предшествующие годы в России острые общественно-политические противоречия, наконец, привели к существенному изменению курса российского руководства. Причиной этих перемен послужили, прежде всего, внутренние процессы в стране, однако их следствием явилась значительная корректировка международной ситуации в мире в целом и его Северо-Востоочноазиатском регионе в частности. Хронологическими рамками новой международной ситуации в СВА стали 1996 и 2001 гг.

Поворот в российской политике, оказавшийся особенно решительным в её внешней сфере, произошёл в период между парламентскими выборами декабря 1995 г. и вторым туром выборов президента РФ в июле 1996 г. Широкая поддержка избирателями кандидатов в Думу от левых и патриотических сил и реальная угроза для Б.Н. Ельцина не быть избранным на следующий срок, вынудили правящую элиту демонстративно отстраниться от потерявших популярность в обществе радикально-либеральных и западных ценностей и взять на вооружение более умеренный и национально ориентированный вариант рыночной идеологии. На волне связанных с данным поворотом кадровых перемен в правительстве, на пост главы МИД в январе 1996 г. пришёл Е.М. Примаков, являвшийся сторонником равноудалённости России от мировых центров силы. Новое руководство внешнеполитического ведомства считало, что лучшим средством против пренебрежения российскими интересами со стороны Запада, в особенности в вопросе о расширении НАТО, должно стать развитие недооценивавшихся ранее отношений с Востоком, и, прежде всего, с КНР. Подобные настроения в российском руководстве нашли

живой отклик в Пекине, обеспокоенность которого «американским гегемонизмом» обозначилась ещё в начале 90-х гг.¹⁹

Наступление нового этапа в российско-китайских отношениях подтвердило подписание целого ряда двусторонних документов в ходе состоявшегося в апреле 1996 г. визита в Китай президента Ельцина. Важнейшими среди них стали Совместная российско-китайская декларация от 25 апреля 1996 г. и заключённое на следующий день в Шанхае главами России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Недвусмысленно направленная против чрезмерного расширения влияния США и НАТО, декларация от 25 апреля 1996 г. провозглашала решимость сторон «развивать отношения равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»²⁰. Несмотря на то, что эта декларация не налагала на стороны каких-либо конкретных взаимных обязанностей, дальнейшие события показали, что заявленное в ней сближение позиций России и Китая по основной международной проблематике действительно стало долгосрочной тенденцией их отношений.

Соглашение от 26 апреля 1996 г. подкрепляло положения декларации рядом практических мер. Так, его участники обязались не использовать свои вооружённые силы, дислоцированные в 100-километровой зоне по обе стороны от границы для нападения друг на друга и не вести в этой полосе какую-либо деятельность, угрожающую соседям. Соглашение предусматривало согласование состава и численности пограничных войск стран-участников и осуществление регулярного обмена информацией о них. Выполнение данного соглашения должно было обеспечиваться особым организационным форматом взаимодействия подписавших его государств, получившим наименование «Шанхайской пятёрки»²¹.

В апреле 1997 г. Москва и Пекин предприняли шаги, которые подтверждали и развивали договорённости, появившиеся годом ранее. 23 апреля 1997 г. сторонами в Кремле была подписана Совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, вновь противопоставлявшая общую позицию России и Китая взглядам и действиям сторонников однополюсности и политики силы. Вслед за этим, 24 апреля, на открывшемся саммите «Шанхайской пятёрки» было заключено пятистороннее Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы. Оно детально регламентировало виды

и количество вооружённых сил (главным образом, сухопутных), категории вооружений и военной техники, которые могли размещаться участниками в 100-километровой приграничной зоне, и определяло систему контроля над соблюдением установленных норм²².

Высшая точка в развитии военно-политического партнёрства России и Китая была достигнута ими в 2001 г. 15 июня этого года Россия и Китай, а также Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан выступили с Декларацией о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), придавшей начавшемуся в 1996 г. процессу взаимодействия сторон устойчивую институциональную форму. При этом главной целью существования ШОС стала не нормализация обстановки в приграничных районах, и даже не стабилизация её в пределах Центрально-Азиатского региона, но по существу защита коллективной безопасности членов организации в более широком международном контексте²³.

Обобщением концептуальных основ российско-китайских отношений, выработанных в предшествующие годы, явился Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный 16 июля 2001 г. Договор закреплял заявленные ранее отношения «доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия» между сторонами и их отказ от использования друг против друга силы или угрозы силой. Исходя из почти полной завершённости к этому моменту демаркации российско-китайской границы, особую значимость имела ст. 6. Договора, фиксирующая отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий и их готовность руководствоваться принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ. Не указывая прямо на США и НАТО, документ, тем не менее, специально оговаривал неприемлемость для России и Китая «действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств» (ст. 11) и необходимость «обеспечения главной ответственности Совета Безопасности ООН в области поддержания международного мира и безопасности» (ст. 13). Вошедшее же в Договор обязательство сторон в случае «угрозы миру» или «угрозы агрессии» против одной из них «немедлительно вступить в контакт друг с другом и провести консультации в целях устранения нависшей угрозы» (ст. 9) прида-

вала ему черты документа о двустороннем военно-политическом союзе²⁴.

Значительное место в российско-китайском договоре 2001 г., кроме того, принадлежало, намерениям и обязательствам сторон двух стран по развитию сотрудничества, в т.ч. приграничного и межрегионального, в экономической, социальной и культурной областях (ст. 14, 16 – 19). Данные положения опирались на целый комплекс заключённых ранее договорённостей. Число последних в 1996 – 2001 гг., в условиях общего стратегического сближения России и Китая, существенно возросло. При этом, взаимодействие между странами в неполитических сферах также приобрело более долговременный, стратегический характер. Так, 27 июня 1997 г. в результате межправительственного соглашения была создана Комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая, целью работы которой стала «координация сотрудничества двух стран в торговой, экономической, военной, научно-технической, энергетической, транспортной областях, в сфере ядерной энергетики и других отраслях, в том числе по крупным проектам и долгосрочным программам сотрудничества». Позднее, на руководство российской части Комиссии во главе с зам. председателя Правительства Б. Немцовым была возложена ответственность за реализацию утверждённой на правительственном уровне 1 ноября 1997 г. Стратегии экономического сотрудничества РФ и КНР²⁵.

Управляемость и целостность внешней политики России в отношении Китая и других стран СВА в 1996 – 2001 гг. заметно повысилась. Этому способствовала серия правовых мер по ограничению внешнеполитической самостоятельности региональных и местных властей, по упорядочению и унификации форм их международной активности. Начало такому курсу было положено президентским указом от 12 марта 1996 г. о координирующей роли МИД в проведении единой дипломатической линии РФ. Своё развитие эта политика получила в ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ», принятом в январе 1999 г. и Концепции приграничного сотрудничества в РФ, утверждённой российским правительством в феврале 2001 г. Ту же направленность, но более специальный характер имело и подписанное 10 ноября 1997 г. межправительственное соглашение о принципах сотрудничества между администрациями субъектов РФ и местными правительствами КНР²⁶.

Курс на рецентрализацию в 1996 – 2001 г. был взят Москвой и в сфере внутренних отношений между федеральным правительством и регионами. Заявка на восстановление целостности политического и экономического пространства страны была сделана в принятых в 1996 г. «Основных положениях региональной политики в РФ». Принятие этого документа дало толчок к расширению практики разработки федеральных целевых программ развития отдельных регионов и заключения индивидуальных договоров между центром и субъектами федерации о разграничении полномочий и предметов ведения. Однако дефицитность федерального бюджета и отсутствие необходимых институциональных и правовых механизмов осуществления региональной политики не позволили на этом этапе существенно изменить сложившийся в первой половине 90-х гг. баланс сил между Москвой и регионами²⁷. К числу регионов, где попытки центра укрепить свою власть оказались особенно мало действенными, относился и РДВ. Руководство дальневосточных краёв и областей продолжало жёстко и открыто оппонировать федеральной политике, чему во многом способствовали настроения широких слоёв местного населения, недовольных стремлением Москвы использовать регион в своих интересах, ничего не давая ему взамен. Эти настроения были далеко не беспочвенными, о чём свидетельствует тот факт, что централизованные вложения в развитие РДВ в рассматриваемый период оставались ничтожными. Так, инвестиционные задания принятой в 1996 г. Президентской программы развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 гг. были выполнены, в конечном счёте, лишь на 10%²⁸.

Ареной острой борьбы между центром и дальневосточными властями и населением в 1996 – 2001 гг. по-прежнему являлась и пограничная политика. Главным успехом в ней Правительства РФ в эти годы стало завершение затянувшегося процесса демаркации границы с КНР на её восточной части. Официальное совместное заявление об этом глав двух стран было сделано в Пекине 10 ноября 1997 г., а 9 декабря 1999 г. министры иностранных дел РФ и КНР подписали Протоколы-описания линии российско-китайской границы на её восточной и западной частях. Неразграниченными остались только два речных острова близ г. Хабаровска и один остров в верховьях р. Аргунь, переговоры по которым продолжались²⁹.

Следует отметить, что упорное сопротивление региональных властей заставило российское правительство внести в первона-

чальный проект разграничения определённые коррективы. Так, компромиссное решение было принято по хасанскому участку российско-китайской границы. 300 га спорной территории на этом участке были разделены между Россией и Китаем примерно поровну³⁰. Кроме того, российской стороне удалось убедить китайское руководство дать согласие на совместное хозяйственное использование передаваемых Китаю пограничных островов населением обеих стран³¹. Несмотря на то, что величина этих уступок с точки зрения материальных интересов сторон была невелика, они, безусловно, имели важное политико-культурное и политико-психологическое значение, в т.ч. как фактор укрепления национальной и региональной идентичности жителей дальневосточных субъектов РФ.

Международно-правовая фиксация линии российско-китайского разграничения на большей части её протяжения позволила завершить начатый ранее процесс демаркации границы с КНДР. В результате трёхсторонних переговоров он был окончен подписанием российско-китайско-корейского соглашения о границе по р. Туманная, которое вступило в силу в июне 1999 г.³² Почти полное завершение комплекса демаркационных мероприятий послужило предпосылкой для активизации обновления структуры и функций системы дальневосточной границы.

Ускорению перестройки системы изучаемой границы способствовало и создание к этому моменту определённой законодательной базы государственной пограничной политики. В октябре 1996 г. президентом Ельциным были утверждены «Основы пограничной политики РФ». В том же году были приняты ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» и Постановление Правительства РФ «О порядке перемещения физическими лицами через таможенную границу РФ товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности»³³. Содержание этих нормативных документов показывало, что первоочередной задачей спешно формируемой государством в обстановке правового вакуума пограничной политики являлась упорядочивающая барьеризация трансграничных отношений и обеспечение тем самым военно-политической безопасности государства, его суверенитета и целостности. О ещё большей озабоченности проблемами безопасности в пограничной сфере говорит содержание большинства касавшихся её решений, принятых в эти годы на уровне региональных властей.

Со второй половины 2001 г. в совокупности экзогенных и эндогенных факторов развития системы дальневосточной границы начинают происходить важные изменения. События 11 сентября обозначили собой окончание отсчитываемого с 1991 г. периода поступательного укрепления американоцентричного порядка и наступление кризиса этого варианта однополярной модели международных отношений. Атака исламских террористов стала наиболее ярким проявлением целого комплекса военно-политических, экономических и культурно-идеологических противоречий, разделяющих США с правительствами и народами не только многих стран Азии, Африки и Латинской Америки, но и ещё недавно вполне лояльной Вашингтону Европы. Попытки США удержать контроль над глобальной международной ситуацией путём вооружённых интервенций в Афганистан и Ирак только осложнили политическое положение этого государства в мире. Очередной удар по американской гегемонии был нанесён финансовым кризисом 2008 – 2009 гг., показавшим шаткость самого прочного из её оснований – лидерства США в мировой экономике.

Как это не парадоксально, но глубину проблем, с которыми столкнулась прежняя модель международных отношений в первое десятилетие XXI в., лучше всего выражает произошедшее в этот период снижение жёсткости оппонирования США со стороны таких принципиальных критиков данной модели как Россия и Китай. Поскольку слишком быстрое и стихийное разрушение «Рах Америка» содержало в себе потенциальную угрозу дестабилизации международного порядка как такового, названные державы заняли относительно этого процесса достаточно умеренную и осторожную позицию. Несмотря на осуждение неадекватности в применении Вашингтоном военной силы и его стремления расширительно толковать интересы своей «национальной безопасности», Москва и Пекин продемонстрировали солидарность с США в том, что касается борьбы против антисистемных сил международного терроризма.

Ослабление глобальной роли США и изменение отношения к этому государству России и Китая не могло пройти бесследно и для структуры международных отношений в СВА. Постепенное снижение актуальности (в особенности после сворачивая в 2005 г. политики «цветных революций») задачи совместного военно-политического противостояния слабеющему «гегемону» объективно требовало переосмысления содержания возникшей ранее

концепции «стратегического партнёрства» двух стран. Не отказываясь от военно-политического сотрудничества, с 2001 г. Россия и Китай начинают действовать на международной арене без прежней степени координации, более автономно и прагматично. В последнее десятилетие акцент во взаимных отношениях сторон (что особенно характерно для региона СВА) переносится на их экономическую сферу³⁴. Опираясь на свой возросший потенциал в этой сфере, Китай расширяет присутствие на рынках соседей и как поставщик товаров, рабочей силы и капитала, и как основной покупатель местных (сырьевых) факторов производства. Такая политика мирного проникновения как нельзя более утверждает КНР в качестве доминирующей державы региона. При этом, для экономически существенно более слабой России, непосредственным представителем которой в СВА является депрессивный даже по отечественным меркам РДВ, этот процесс объективно, т.е. независимо от намерений другой стороны, становится источником всё возрастающих угроз.

Поскольку, как уже было отмечено, переход к новой международной ситуации в СВА (и АТР) был спровоцирован действием внешних факторов, и, прежде всего, эрозией американоцентричного мирового порядка, он происходил в опосредованном и достаточно плавном, постепенном режиме. Своё продолжение в рамках ситуации 2001 – 2010 гг. получил ряд тенденций, наметившихся ещё в предшествующий период. Так, с заключением российско-китайского соглашения от 14 октября 2004 г. о разделении спорных речных островов близ г. Хабаровска (о-ва Большой Усурийский и Тарабаров) был, наконец, полностью завершён длительный процесс делимитации границы России и КНР³⁵. Было продолжено в эти годы и начатое ранее развитие институтов ШОС, оказывающих возрастающее влияние на обстановку в СВА и АТР. В 2002 – 2005 гг. происходит принятие устава этой организации и создание её постоянно действующих административных органов, в состав ШОС на правах государств-наблюдателей входят Монголия, Индия, Иран и Пакистан³⁶. По-прежнему энергичный дипломатический отпор со стороны России и Китая, а также остальных членов ШОС получали попытки США расширить сферу своего влияния в мире. В июле 2005 г. в ответ на серию срежессированных Вашингтоном «цветных революций», главы двух стран подписали совместную Декларацию о международном порядке в XXI в., которая стала прелюдией к требованию ШОС о выведении американских войск из Узбекистана³⁷.

Однако важнейшие события в отношениях России и Китая в этот период происходили всё же не в политической области. Наиболее динамичным и по существу ведущим в них в 2001 – 2010 гг. становится социально-экономический компонент. Рост активности и масштабов взаимодействия сторон в данной сфере наметился ещё с ноября 2000 г., когда были подписаны сразу четыре межправительственных соглашения, касавшихся регулирования туризма, трудовой миграции, торговли и сотрудничества в лесной промышленности. В дальнейшем эти договорённости получили дополнение и развитие в российско-китайских соглашениях о межбанковских расчётах в торговле в приграничных районах (август 2002 г.) и о поощрении и взаимной защите капиталовложений (ноябрь 2006 г.), а также в меморандуме о партнёрстве между объединениями туристических компаний двух стран (март 2007 г.). Обобщающими документами, определившими стратегию среднесрочного развития социально-экономических отношений сторон, стали принятый 14 октября 2004 г. План действий по реализации положений Договора 2001 г. на 2005 – 2008 гг., и подписанный в ноябре 2005 г. План развития торгово-экономического сотрудничества на 2006 – 2010 гг.³⁸

Со стороны России подписание вышеназванных и ряда других документов было продиктовано не только стремлением резко увеличить крайне незначительные в общенациональных масштабах объёмы сотрудничества с одним из главных экономических центров мира, о чём неоднократно заявляли российские власти. Создавая столь беспрецедентно широкую, специализированную и в то же время концептуально согласованную международно-правовую базу социально-экономического взаимодействия с соседом российское руководство, очевидно, рассчитывало и на повышение управляемости этого взаимодействия, на приведение его в соответствие с интересами модернизации страны. Показательно, что наряду со стимулирующими в двусторонние соглашения закладывались нормы и механизмы и ограничивающего, протекционистского характера. Введение таких норм и механизмов являлось частью общего упорядочения деятельности иностранных экономических субъектов в России, которое не осталось незамеченным и китайскими наблюдателями³⁹.

Как показывают результаты российско-китайского взаимодействия в социально-экономической сфере к концу первого десятилетия XXI в. России действительно удалось существенно интенсифицировать своё сотрудничество с Китаем. В 2001 – 2010

гг., в достаточно точном соответствии с планами Москвы, многократно выросли объёмы двусторонней торговли. Параллельно с этим, расширился спектр социально-экономических отношений сторон, заметное место в котором, наконец, заняли взаимные инвестиции и туристический (в собственном смысле слова) обмен. Однако соответствие результатов растущего российско-китайского сотрудничества национально-государственным интересам России по-прежнему остаётся проблематичным. В структуре российского экспорта сохраняется резкое преобладание топливно-сырьевой составляющей, тогда как в импорте из Китая быстро растёт доля машин и оборудования. Укрепляется доминирующее положение КНР среди поставщиков необходимых для РДВ товаров и рабочей силы. В рассматриваемый период было утрачено (в 2007 г.) ранее положительное для России сальдо двусторонней торговли⁴⁰. В конечном же счёте, сотрудничество с Китаем так и не стало фактором ускорения модернизации российской экономики, что особенно очевидно на примере РДВ⁴¹. Тенденции социально-экономического взаимодействия сторон отвечают пока интересам развития скорее не России, а Китая, с провозглашением в 2000 г. политики «идти во вне» взявшего курс на мобилизацию внешних ресурсов для своего роста.

То, что отношения России и КНР в социально-экономической сфере в 2001 – 2010 гг. развивались в основном по «китайскому сценарию», в определённой мере можно объяснить недостатками внешней политики Москвы. В частности, последствия мирной экспансии Китая, безусловно, могли бы быть смягчены за счёт большей диверсификации международных связей России в США и АТР. Тем не менее, несмотря на инициирование ряда новых экономических проектов с участием Японии и Южной Кореи (ВСТО, судостроительное предприятие в Большом Камне и др.), на фоне китайского направления, внешнеполитическая поддержка Москвой сотрудничества с этими странами остаётся слабой и несистематической.

Однако, главные причины отмеченных выше тенденций российско-китайского взаимодействия в последнее десятилетие лежали, на мой взгляд, в области внутренней политики Кремля. С точки зрения обстановки в самой России период 2001 – 2010 гг. характеризовался последовательной централизацией государственного управления и расширением вмешательства Москвы в региональные процессы. К 2005 г. посредством таких мер как реформа Совета Федерации, создание федеральных округов и ин-

ститута президентских представителей в них, переход к новому порядку избрания губернаторов и приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным, центру удалось обеспечить высокую степень политико-правового единства страны⁴². В полной мере эту политику ощутил на себе и РДВ, власти субъектов которого в этот период были вынуждены прекратить какие-либо попытки прямого противодействия решениям Москвы.

Повышению лояльности властей, и в определённой мере, населения РДВ федеральному центру способствовало и значительное перераспределение в пользу него бюджетных средств. Важнейшим инструментом государственной инвестиционной поддержки дальневосточных территорий на данном этапе стала целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», первый вариант которой, рассчитанный на срок до 2005 г., был создан ещё в 1996 г. 19 марта 2002 г. постановлением Правительства РФ была утверждена вторая редакция данной программы, период действия которой был продлён до 2010 г.⁴³ Однако наибольшие размах и значимость этот план регионального развития получил в третьей редакции, утверждённой в ноябре 2007 г. и пролонгированной до 2013 г. Объём финансирования ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.» был определён в 567 млрд. руб. (включая 426 млрд. руб. из средств федерального бюджета), что превысило финансовое обеспечение той же программы в редакции 2002 г. почти в 21 раз⁴⁴. В декабре 2009 г., в связи с принятием правительством «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.», была начата работа над подготовкой новой редакции программы⁴⁵.

Реализация указанной программы, а также ряда отдельных крупных проектов, позволила приступить к решению наиболее острых социальных и инфраструктурных проблем РДВ. Это благоприятно сказалось на уровне жизни дальневосточников и, безусловно, ослабило у них опасное для национальной идентичности чувство «заброшенности» Москвой. Что же касается собственно модернизационного (а не амортизационного) эффекта, то в этом аспекте результативность данной программы будет, судя по всему, куда более скромной. Прежде всего, с точки зрения масштабов и условий РДВ, объём централизованных капиталовложений, предусмотренных в третьей редакции этого документа,

является далеко не достаточным для кардинального обновления состава и структуры регионального хозяйства. Тем более что значительная доля средств, выделяемых в нём на модернизацию промышленности, предназначена традиционным топливным и сырьевым отраслям региональной специализации. Обращает на себя внимание и то, что в своей политике развития региона федеральный центр сделал ставку на преимущественно внутренние источники финансирования. Такая позиция не только сужает инвестиционную базу подъёма дальневосточной экономики, но и не даёт возможности достаточно широкого привлечения в регион крупного иностранного бизнеса, который мог бы стать альтернативой экономическому присутствию Китая. Наконец, принимаемые государством меры не в состоянии смягчить острую для РДВ проблему депопуляции и нехватки рабочих рук. Повышению численности населения РДВ реализация целевой программы его развития может поспособствовать только косвенным образом и в достаточно отдалённой, долгосрочной перспективе. Объёмы же начатого в 2006 г. по специальной государственной программе переселения в регион соотечественников из стран СНГ оказались крайне незначительными⁴⁶.

Интенсификация трансграничных отношений с Китаем, равно как и с другими непосредственными соседями России, способствовала признанию российским руководством в 2001 – 2010 гг. возросшей государственной значимости пограничной политики. Это признание, в частности, нашло отражение в институциональной реформе пограничной службы, с 2003 г. включённой в состав ФСБ. Кроме того, правительство, наконец, обратило внимание на неблагоприятное состояние материально-технической базы границы. В рамках ФЦП «Государственная граница РФ» (2003 – 2010 гг.) им были выделены значительные средства на комплексное обустройство рубежей страны, для координации работ по которому в ноябре 2007 г. было создано специальное федеральное агентство – «Росграница»⁴⁷. С возобновлением пограничного строительства было тесно связано и издание на этом этапе целого ряда законов и постановлений по вопросам регулирования трансграничной миграции и торговли. Заявленной общей целью взятого в последние годы государством курса являлось создание централизованной и современной системы границы, которая могла бы комплексно обеспечивать безопасность и национальные интересы страны в пограничной сфере⁴⁸. Вместе с тем, в ходе практической реализации данного курса, он обнару-

жил свою содержательную неопределённость, связанную с отсутствием у руководства России единого принципиального ответа на вопрос об оптимальном балансе между безопасностью и интересами развития страны в целом и её дальневосточного региона в частности.

Анализ совокупности мер, осуществлявшихся в 2001 – 2010 гг. в рамках пограничной политики на РДВ, не даёт возможности однозначно оценить её в целом как барьерную или контактную. На данном этапе этапа политика выстраивалась скорее как некая равнодействующая борьбы различных заинтересованных сил. Одной из сторон в этой борьбе выступали силовые ведомства (ФСБ, МО, МВД), влияние которых было особенно ощутимо на федеральном уровне. Представители этих ведомств в основном придерживались несколько смягчённой советской концепции границы как, прежде всего, военно-политического рубежа, который должен обладать высокой степенью непроницаемости. По другую сторону этой борьбы находились ведомства экономического блока, а также большая часть элит и населения дальневосточного региона, которые в той или иной мере были привержены либеральной модели границы как социально-экономического института, как основы для формирования контактного (трансграничного) пространства.

В целом более выраженное влияние на дальневосточную пограничную политику консервативной концепции границы в 2001 – 2010 гг. сдерживалось отсылающими к советскому опыту опасениями её федеральных сторонников перед возможностью международной изоляции России в СВА и АТР, а также негативной реакцией на неё жителей РДВ, воплощавшейся как в открытых протестах, так и в широком потоке контрабанды. В то же время, на пути реализации либеральной концепции границы в эти годы стояла достаточно очевидная не только для центральной и региональной элит, но и для населения РДВ объективная угроза экономического поглощения региона богатым и сильным соседом. В этих условиях дальневосточная пограничная политика России приобрела компромиссный и неустойчивый характер, сочетая в себе в различных комбинациях элементы протекционизма и контактности. Процесс синтеза целостной модели системы дальневосточной границы, с дифференцированным по сферам трансграничных отношений, но согласованным набором барьерных и контактных функций, не завершён до сих пор.

2. Состав и структура дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг.

Рассматриваемый в этой главе относительно краткий – двадцатидвухлетний – период истории системы дальневосточной границы оказался самым насыщенным различными изменениями в её составе и структуре. Главной, наиболее общей предпосылкой ускорения этих изменений послужили процессы глобализации (транснационализации) общественных отношений в современном мире. Не всегда осознанное и управляемое, но объективно неизбежное втягивание в данные процессы постсоветской России и её дальневосточного региона предъявило к изучаемой границе весьма высокие (в полном смысле слова – мировые) и во многом совершенно новые требования. Ответом на новые вызовы международной среды стали преодоление приобретённых системой дальневосточной границы в советский период деформаций и дальнейшее усложнение и дифференциация её структуры. Вместе с тем, в силу просчётов в государственной пограничной политике и воздействия объективных национальных и региональных факторов, дальневосточной границе так и не удалось в этот период избавиться от таких родовых черт своего исторического развития как структурная неравномерность и стадийное запаздывание.

Происходившие в изучаемый период в СССР, а затем России общественно-политические преобразования, одной из заявленных целей которых было построение в стране демократического и правового государства, привели к существенному изменению роли и места права в системе дальневосточной границы. Эти перемены были связаны не только с резким ростом объёма и сложности определяющего структуру и функционирование данной системы комплекса правовых норм, а также с обусловленным этим процессом сужением сферы административно-властного произвола. Не менее значимой и весьма характерной (учитывая упомянутую транснационализацию современной общественной жизни) особенностью правового компонента системы дальневосточной границы периода 1988 – 2010 гг. стала корректировка соотношения его международно- и национально-правовой составляющих.

Повышение веса в системе границы международно-правовых норм явилось результатом как подписания и ратификацией Россией целого ряда новых многосторонних и двусторонних документов, так и переоценки ей юридической силы наднациональ-

ных правовых актов. Как известно, в Конституции РФ 1993 г. была впервые закреплена (часть 4, ст. 15) возможность прямого применения положений международных договоров. Несмотря на во многом декларативный характер этого приоритета, он, безусловно, отражает фактическое повышение влияния международного права на внутреннюю жизнь, а тем более трансграничные связи России.

Юридическим ядром международно-правовой базы существования и функционирования российских границ, значимость которого в 1988 – 2010 гг. заметно возросла, являются такие основополагающие многосторонние документы как Устав ООН и Устав Совета Европы, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Заключительный акт СБСЕ 1975 г., а также ряд международных актов, развивающих и уточняющих их положения. В числе последних следует особо выделить Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 1980 г., ратифицированную Россией в июле 2002 г. Действие этой группы правовых источников, воплощающих в себе либеральные и демократические ценности, имеет вполне определённую направленность: в целом их положения ориентированы на обеспечение прав и интересов субнациональных субъектов (граждан и групп, организаций, муниципалитетов и регионов), повышение открытости государственных границ, стимулирование трансграничного сотрудничества и интеграции. Вместе с тем (и в этом состоит внутренняя противоречивость современного международного права), в них закреплены и более ранние по своему происхождению консервативно-этатистские принципы государственного суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ⁴⁹. Главным механизмом реализации положений указанных актов является их включение, как правило, в трансформированном виде, в двусторонние договоры и внутреннее законодательство РФ.

Значительно более непосредственное воздействие на формирование и функционирование дальневосточной границы в изучаемый период оказывала такая часть международно-правовых актов как российские договоры и соглашения с сопредельными государствами. Особое место среди них принадлежит документам, посвящённым вопросам делимитации, демаркации и режима границы.

16 мая 1991 г. представителями СССР и КНР было подписано Соглашение о советско-китайской границе на её восточной части.

Подписание Соглашения означало, что сторонам удалось преодолеть большую часть своих разногласий относительно положения этой части пограничной линии, межправительственное обсуждение которых с перерывами велось с 1964 г. Из пяти находившихся на восточной части границы спорных участков, советские и китайские представители смогли договориться по трём. По двум оставшимся участкам (располагавшиеся в районе слияния Амура и Уссури о-ва Большой Уссурийский и Тарабаров и о. Большой на р. Аргунь) переговоры, согласно ст. 3 Соглашения, решено было продолжить⁵⁰.

В соответствии со ст. 1 Соглашения от 16 мая 1991 г., оно должно было «уточнить и определить прохождение линии границы», международно-правовым фундаментом которой сторонами по-прежнему признавались заключённые ранее пограничные договоры. Это положение, по существу направленное против поползновений к пересмотру Айгуньского и Пекинского договоров как якобы «неравноправных», имело для СССР ключевую значимость. Вместе с тем, Соглашение устанавливало новый, принятый в современной международной практике, принцип проведения линии границы. Он предусматривал проведение пограничной линии по середине главного фарватера – на судоходных реках, и по середине реки или по середине её главного рукава – на несудоходных⁵¹. Определение сторонами исходя из этого принципа положения восточной части советско-китайской границы (протяжённостью в 4204 км.) получило подробное описание в ст. 2 Соглашения. Кроме того, оно было зафиксировано на прилагавшихся к тексту Соглашения советских и китайских делимитационных картах масштаба 1:100000. Задача установления линии делимитированной границы на местности была возложена договаривающимися сторонами на образуемую на паритетных началах Совместную Демаркационную Комиссию⁵².

В Соглашении было учтено возможное влияние на географические координаты пограничных рек природных процессов. Ст. 7 данного документа указывала, что «любые естественные изменения, которые могут происходить на пограничных реках», не должны повлечь за собой изменений в положении демаркированной на местности линии советско-китайской границы, а также в принадлежности речных островов, если только договаривающиеся стороны не согласятся об ином⁵³.

Соглашение касалось также некоторых, особенно важных для СССР и КНР, вопросов функционирования границы. Так, в нём

было закреплено право китайских судов совершать плавание из реки Уссури в реку Амур мимо Хабаровска (ст. 8) и по реке Туманная в Японское море (ст. 9). Правила осуществления плавания по этим рекам должны были быть разработаны компетентными ведомствами сторон⁵⁴.

В целом, Соглашение от 16 мая 1991 г. можно расценивать как весьма значимый и комплексный по своим последствиям успех советской дипломатии. Подписание этого документа не только привело к правовому решению ряда двусторонних пограничных проблем, многие из которых возникли ещё в XIX в., и стало одним из факторов устойчивой нормализации отношений между странами. Оно создало условия для демилитаризации и ускорения функциональной и структурной перестройки системы дальневосточной границы. В то же время, как показал дальнейший процесс делимитации и демаркации границы, достижение согласия на уровне руководства двух стран отнюдь не означало автоматического устранения противоречий на межобщественном уровне.

Начавшаяся в июле 1992 г. и сопровождавшаяся острой внутривосточной борьбой работа демаркационной комиссии завершилась только 9 декабря 1999 г. подписанием министрами иностранных дел РФ и КНР Протоколов-описаний линии российско-китайской государственной границы на её восточной и западной частях. Итоги демаркации несколько отступали от положений, зафиксированных в Соглашении от 16 мая 1991 г. Как уже отмечалось, на ряде участков Россия сохранила часть территории, которая в соответствии с результатами делимитации должна была перейти к Китаю. Кроме того, в ходе демаркации китайская сторона согласилась с возможностью временного совместного использования отошедших к ней речных островов. В целом же, в конечном счёте, демаркация привела к передаче КНР свыше ста тысяч гектаров российской территории, в основном в пределах дальневосточного региона. Из 2000 принадлежавших России островов на рр. Амур и Уссури, Китаю было передано 1055. На восточной части российско-китайской границы с обеих сторон было поставлено 1182 пограничных столба, 2 створных знака и 24 буя. Помимо этого, линия границы была демаркирована сотнями километров новых просек.⁵⁵

14 октября 2004 г. между РФ и КНР было подписано Дополнительное соглашение о российско-китайской государственной границе на её восточной части. Тем самым были делимитированы

два последних спорных участка границы, включая речные острова близ г. Хабаровска. Новая линия границы поделила площадь островов Большой Уссурийский и Тарабаров примерно поровну⁵⁶. В октябре 2008 года, после окончания демаркационных работ, представителями сторон был подписан соответствующий протокол⁵⁷.

Ещё до завершения международно-правового оформления скорректированной линии российско-китайской границы быстрое увеличение объёмов трансграничных потоков и возрастающие трудности их регулирования заставили правительства двух стран приступить к созданию общей нормативной базы функционирования данного рубежа. Первыми результатами переговорного процесса в этой сфере стали межправительственное Соглашение о пунктах пропуска на российско-китайской границе от 27 января 1994 г., а также Соглашение о режиме границы, подписанное 27 мая 1994 г. Названные соглашения и ряд подписанных вслед за ними в 1995 – 1996 гг. специальных соглашений и протоколов между ФПС РФ и Министерством обороны и Министерством общественной и государственной безопасности КНР обеспечили основу для решения наиболее острых вопросов охраны и контроля дальневосточных рубежей. В частности, стороны договорились о проведении периодических проверок линии границы, об условиях хозяйственной деятельности в приграничных районах, о порядке пересечения границы и способах разрешения пограничных инцидентов. Ведомства обеих стран обязались осуществлять обмен информацией и оказывать друг другу содействие в поиске и задержании нарушителей границы, сотрудничать в пресечении незаконного трансграничного трафика людей, оружия и боеприпасов, наркотиков, психотропных, ядовитых и радиоактивных веществ⁵⁸.

По завершении делимитации российско-китайской границы стороны вновь вернулись к рассмотрению международно-правовых аспектов её функционирования. 9 ноября 2006 г. ими было заключено новое межправительственное Соглашение о режиме границы РФ и КНР. Оно обобщило положения Соглашения 1994 г. и последующих двусторонних документов, а также опыт практического взаимодействия сторон по обеспечению охраны и контроля границы в военно-политической, экономической и социальной сферах. Это позволило создать весьма детализированный правовой акт, регламентирующий широкий круг процедурных вопросов оперативного управления границей. Особенно подроб-

ное освещение в Соглашении 2006 г. получил порядок работы российских и китайских пограничных представителей, институт которых был создан в 1994 г. Важной новацией, появившейся в Соглашении 2006 г., стало учреждение Совместной Российско-Китайской комиссии, на которую были возложены функции надзора за его выполнением, урегулирования возникающих разногласий и адаптации режима границы к меняющимся условиям и характеру трансграничных отношений⁵⁹.

В рассматриваемый период правовой акт о режиме государственной границы был подписан и с КНДР. Основой для его подписания в сентябре 1990 г. послужили советско-корейский Договор о прохождении линии границы от 17 апреля 1985 г. и Протокол о демаркации границы от 3 сентября 1990 г. Договор о режиме советско-корейской границы содержал нормы её пересечения людьми и транспортными средствами, устанавливал правила ухода за пограничными знаками и определял порядок хозяйственного использования пограничных вод⁶⁰.

Завершение в основном процесса российско-китайского разграничения вызывало необходимость трёхстороннего решения вопроса о месте соединения границ РФ и КНР с границей КНДР. Решение этого сложного вопроса было оформлено Соглашением от 3 ноября 1998 г. об определении линии разграничения пограничных водных пространств трёх государств на р. Туманная. Протокол-описание точки стыка государственных границ России, Китая и Северной Кореи был подписан представителями правительств этих стран 20 июня 2002 г.⁶¹ Вкупе с советско- и российско-китайскими соглашениями и протоколами, соответствующие документы, подписанные с участием северокорейской стороны, обеспечили к концу периода 1988 – 2010 гг. делимитацию и демаркацию дальневосточной границы России на всём её протяжении.

Важной частью международной составляющей правового компонента системы дальневосточной границы являются заключённые в изучаемый период общие договоры между Россией и Китаем и Россией и Северной Кореей. В целом ряде их положений зафиксирована консолидированная позиция сторон по вопросам формирования и функционирования межгосударственных рубежей. Так, в ст. 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. закрепляются результаты уже проведённого российско-китайского разграничения и обязательство участников Договора завершить этот про-

цесс, утверждается отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий и их стремление превратить границу между ними в «границу вечного мира и дружбы». Ст. 7 и 16 того же Договора фиксируют намерение сторон развивать военно-политическое, экономическое, социальное и культурное взаимодействие и сотрудничество, включая его межрегиональный и приграничный уровни. С проблемами функционирования границы тесно связаны также положения о гарантиях прав и интересов юридических и физических лиц одной стороны, находящихся на территории другой (ст. 18), о предотвращении трансграничных загрязнений окружающей среды (ст. 19), о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, преступностью и незаконным оборотом, нелегальной миграцией (ст. 20)⁶².

Сходные положения содержит и заключённый несколько ранее Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР от 9 февраля 2000 г. Ст. 1 этого Договора выражает приверженность его участников принципу сохранения территориальной целостности двух государств. Значительная часть текста документа (ст. 5, 6, 7) посвящена вопросам развития сотрудничества РФ и КНДР в экономической, социальной и культурной сферах, как на государственном, так и на общественном уровне. Согласно ст. 9 Договора, российская и северокорейская стороны обязались вести совместную борьбу с такими имеющими по сути своей трансграничный характер явлениями как преступность, терроризм и различные виды незаконного оборота⁶³.

Особое место в международной составляющей правового компонента системы дальневосточной границы занимают специализированные двусторонние соглашения, касающиеся вопросов регулирования трансграничных отношений между сторонами в различных конкретных сферах – военно-политической, экономической, социальной, культурной. Особенности этой категории международно-правовых актов являются её обширность, сравнительно высокая скорость обновления и развития, а также многоуровневость, многосубъектность процесса формирования. В первом приближении сложную и, безусловно, требующую более углублённого изучения эволюцию этих правовых источников в период 1988 – 2010 гг. можно разделить на три основных этапа. Первый из данных этапов продолжался с 1988 по 1993 гг. Развитие международно-правовых основ трансграничного взаимодействия в эти годы стремительно двигалось в направлении расширения форм и либерализации условий последнего.

Начало новому периоду в истории дальневосточной границы, как уже отмечалось, было положено летом 1988 г., когда советской и китайской сторонами были подписаны три важных международных документа. Первым из них стало межправительственное Соглашение о принципах создания и деятельности совместных предприятий от 8 июня 1988 г. Оно послужило основой для заключения дальневосточными предприятиями договоров с китайскими партнёрами об импорте оборудования и технологий, а также о создании с их помощью на территории региона новых производств. Вторым документом явилось Соглашение об устройстве и развитии торгово-экономических отношений между провинциями, автономными районами и городами КНР, республиками, краями, областями, соответствующими предприятиями и организациями СССР от 8 июня 1988 г. Данное Соглашение открывало широкие возможности для налаживания связей между субнациональными субъектами двух стран в сфере торговли, привлечения трудовых ресурсов и инвестиций. Немногим позже, 15 июля 1988 г. правительства СССР и КНР заключили Соглашение о взаимных поездках граждан. Оно стало базой для развития массового обмена туристическими группами.

В начале 1991 г. советское и китайское правительства вновь вернулись к рассмотрению вопроса о регулировании двустороннего туризма. Между ними была достигнута договорённость о допущении безвизового режима для групповых туристических поездок. Эта договорённость была обнародована в нотам МИД КНР от 4 января 1991 г. и посольства СССР в КНР от 1 марта 1991 г.⁶⁴

Дальнейшая правовая либерализация и диверсификация двусторонних трансграничных отношений происходила уже после распада СССР. В число первых межправительственных и междуведомственных документов, подписанных РФ с КНР, вошли Соглашение о торгово-экономических отношениях (от 5 марта 1992 г.), Соглашение о принципах направления и приёма китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России (от 19 августа 1992 г.), Соглашение о направлении российских технических специалистов в КНР (от 18 декабря 1992 г.), Соглашение о научно-техническом сотрудничестве (от 18 декабря 1992 г.) и Соглашение о культурном сотрудничестве (от 18 декабря 1992 г.)⁶⁵.

Наибольшее внимание сторон продолжали привлекать проблемы правового обеспечения туристических связей. 18 декабря

1992 г. было подписано межправительственное Соглашение «О безвизовых групповых туристических поездках». Соглашение в определённой мере упорядочивало бурно развивавшийся безвизовый туризм, фиксируя основания (согласованные списки групп и загранпаспорта) и сроки пребывания (до 6 мес.) туристов, а также устанавливая перечень имеющих право на работу в этой сфере ведомств и компаний. Тем не менее, порядок пересечения границы по каналу безвизового туризма оставался весьма либеральным и открытым для дальнейших послаблений. Так, Соглашение предусматривало возможность расширения списка уполномоченных турорганизаций по согласованию между сторонами. Кроме того, Соглашение оставляло без ответа многие вопросы учёта и контроля в отношении безвизовых туристов⁶⁶. Наконец, его заключение не повлекло за собой создания необходимых для его надлежащей реализации институциональных механизмов. Таким образом, с практической точки зрения, значение Соглашения от 18 декабря 1992 г. свелось по существу к закреплению и легализации сложившейся в предшествующие годы миграционной «прозрачности» дальневосточной границы.

Среди значимых для развития структуры и функций дальневосточной границы международно-правовых документов, появившихся на данном этапе, следует упомянуть и межправительственное Соглашение «О руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области в районе советско-китайской границы» от 24 апреля 1990 г. Это Соглашение, сохраняющее силу до настоящего момента, регламентировало начатый ранее процесс демилитаризации дальневосточных рубежей. Оно не только отражало готовность сторон сократить свои военные силы в районе границы до минимального уровня и придать им сугубо оборонительный характер, но и закладывало основы для создания механизмов взаимного контроля в этой области и налаживания постоянных консультаций между соответствующими ведомствами двух стран⁶⁷.

Особенностью этапа 1988 – 1993 гг. явилась чрезвычайно высокая международно-правовая активность властных органов регионального и местного уровней. Краевые, областные, городские и районные органы власти юга РДВ в эти годы заключили со своими китайскими контрагентами десятки различных соглашений и протоколов о сотрудничестве. При этом по своему содержанию данные международно-правовые акты не только развивали и уточняли подписанные ранее документы межгосударст-

венного уровня. Инициативы «снизу» нередко опережали внешнеполитические шаги Москвы, вносили в межправительственные соглашения коррективы, а порой и прямо им противоречили. При этом, несмотря на несоответствие решениям центра, именно нормативно-правовые акты региональных и местных властей зачастую определяли реальную практику функционирования дальневосточной границы. Более того, в 1991 – 1993 гг. регулирование значительной части трансграничных товарных и миграционных потоков вообще оказалось за пределами официального правового поля и осуществлялось в соответствии с договорённостями между предприятиями, фирмами и частными лицами двух стран⁶⁸.

С конца 1993 г. в международно-правовую базу трансграничных отношений с сопредельными странами начинают вноситься важные изменения. В целом этап 1993 – 1999 гг. характеризовался попытками российских властей усилить контроль над пересекавшими дальневосточную границу потоками мигрантов, товаров и валюты. Однако даже на формально-правовом уровне эта политика проводилась непоследовательно и несистематично.

Так, в декабре 1993 г. между правительствами РФ и КНР были подписаны Соглашение «О визовых поездках граждан» и Соглашение «О безвизовых поездках по дипломатическим и служебным паспортам». В соответствии с этими соглашениями граждане обеих стран, имевшие общегражданские паспорта, при пересечении границы с коммерческими, трудовыми, образовательными и иными нетуристическими целями должны были предъявлять предварительно полученную визу. При этом, стоимость оформления такой визы, действовавшей в течение 1 года на период пребывания в 90 дней, была весьма высокой и составляла 70 долларов США (позднее 50 долларов). Безвизовый режим поездок сохранялся только для обладателей дипломатических и служебных паспортов⁶⁹.

Однако наряду с названными документами на данном этапе продолжало действовать и уже упоминавшееся Соглашение «О безвизовых групповых туристических поездках» от 18 декабря 1992 г. Имея возможность с меньшими затратами времени и денег попасть в Россию или КНР под видом «туристов», коммерческие и трудовые мигранты в массовом масштабе обходили установленный паспортно-визовый контроль. Таким образом, взаимная несогласованность международно-правовых актов не позволила существенно повысить барьерность дальневосточной границы в отношении нелегальной миграции⁷⁰.

В конце 90-х гг. XX в., откликаясь на инициативу со стороны Китая, российское правительство вновь приняло меры по либерализации порядка пересечения дальневосточной границы. В феврале 1998, а затем в августе 1999 г. между правительствами двух стран были подписаны соглашения об упрощённом пропуске российских и китайских граждан в торговые комплексы, действующие в районе границы (прежде всего, в Хейхе и Суйфунхе). Примечательно, что на момент заключения этих соглашений необходимая торговая инфраструктура была создана лишь на китайской стороне⁷¹.

В целом стимулирующую направленность имело развитие в эти годы международно-правовой базы в сфере трансграничного экономического взаимодействия. В соответствии с Соглашением между правительствами РФ и КНР от 5 марта 1992 г. был установлен порядок ежегодного подписания ими протокола о торгово-экономическом сотрудничестве на следующий год. С 1997 г. совместному государственному регулированию двусторонних отношений в этой сфере был придан больший временной масштаб. С этой целью российское и китайское правительства подписали Торговое соглашение на 1997 – 2000 годы. Стремление Москвы поставить торгово-экономическое взаимодействие с соседом на более планомерную, стратегическую основу было тесно связано с её усилиями по повышению степени централизации этого взаимодействия. Поэтому закономерно, что 10 ноября того же года по предложению российского руководства стороны заключили межправительственное Соглашение «О принципах сотрудничества между администрациями субъектов РФ и местными правительствами КНР», которое, в частности, зафиксировало, что органы власти этого уровня не имеют права решения вопросов, касающихся государственной границы, суверенитета и территории⁷².

Вместе с тем, поощрение и упорядочение экономических контактов сторон сопровождалось рядом решений, усиливающих взаимный контроль в данной сфере, в т.ч. на линии границы. Так, в 1994 г. правительствами РФ и КНР было подписано Соглашение «О сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах», а в 1996 г. – Соглашение «О сотрудничестве и взаимной помощи в области валютного контроля».

Своё продолжение в 1993 – 1999 гг. получил начатый в предшествующие годы двусторонний процесс демилитаризации дальневосточной границы. На рассматриваемом этапе согласова-

ние связанных с ним вопросов происходило в рамках переговорного процесса между странами-участниками «Шанхайской пятёрки» (РФ, КНР, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). Результатами переговоров стали два пятисторонних соглашения – Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 г. и Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы от 24 апреля 1997 г. Данные соглашения не только подтверждали общие положения советско-китайского Соглашения от 24 апреля 1990 г., но и существенно конкретизировали их. В частности, в них была установлена 100-километровая зона по обе стороны границы, определён порядок сокращений и итоговые количественные показатели находящихся в ней вооружённых сил, вооружений и военной техники, регламентирована система контроля над соблюдением принятых обязательств⁷³.

На этом же этапе, после некоторого перерыва, было возобновлено формирование международно-правовой базы трансграничных отношений России и Северной Кореи. Основными межправительственными документами, подписанными ими в 1997 – 1999 гг. стали Соглашение о взаимных поездках граждан (от 24 января 1997 г.), Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве (от 14 октября 1997 г.) и Соглашение о сотрудничестве в области лесного комплекса (от 28 декабря 1999 г.)⁷⁴. Ввиду специфики политического режима и изоляционистской внешней политики КНДР, налаживание отношений с этой страной осуществлялось в довольно узком диапазоне, и было направлено на выполнение небольшого числа совместных проектов.

Международно-правовая активность субнациональных субъектов в 1993 – 1999 гг. заметно снизилась. Это было связано как со снижением объективного социально-экономического потенциала дальневосточных территорий, так и с политическими причинами. К последним можно отнести рост негативных ожиданий дальневосточных элит от китайского проникновения в регион, а также усилия Москвы по ограничению внешнеполитической самостоятельности субъектов федерации⁷⁵. Тем не менее, на изучаемом этапе администрации Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв, а также таких городов как Благовещенск, Владивосток, Находка и некоторых других, подписали с приграничными провинциями, округами и городами Китая ряд соглашений, посвящённых, главным образом, вопросам торгово-эко-

номического сотрудничества. Впрочем, в большинстве своём эти договорённости так и не были реализованы⁷⁶.

С 2000 г. развитие международно-правовой базы трансграничных контактов РДВ вступает в третий этап, особенностью которого было то, что процесс её расширения и специализации проходил в эти годы в целом в соответствии с интересами федерального центра и формируемой им внешнеполитической стратегией в СВА и АТР.

Начало нового этапа ознаменовалось, прежде всего, пересмотром правовых основ трансграничной миграции. В соответствии с заключённым 29 февраля 2000 г. российско-китайским Соглашением «О безвизовых групповых туристических поездках», их допустимая продолжительность была сокращена до 30 дней. Одновременно были введены более жёсткие требования (наличие лицензии на международную туристическую деятельность и занятие ею не менее трёх лет) для организаций, осуществляющих услуги в сфере безвизового туризма. Цели повышения качества учёта и контроля мигрантов преследовало и Соглашение «О временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ» от 3 ноября 2000 г. Оно предусматривало оформление подтверждения на право трудовой деятельности на каждого работника и ограничение срока его пребывания в стране 1 годом (ранее – 3 года)⁷⁷.

В 2006 г. специальным межправительственным протоколом в Соглашение от 29 февраля 2000 г. были внесены изменения, сократившие срок пребывания безвизовых туристов в РФ и КНР до 15 дней. Вскоре после этого, 28 марта 2007 г. на очередном заседании подкомиссии по туризму российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству некоммерческое партнёрство «Объединение международной интеграции в туризме «Мир без границ»» и Китайская ассоциация туристских компаний подписали меморандум о партнёрстве⁷⁸. Эти договорённости, с одной стороны, сужали возможности для нелегальной трудовой, социально-экономической миграции, а с другой, стимулировали оживление всё ещё слабо развитого социокультурного миграционного обмена между двумя странами.

Курс Москвы на избирательную, управляемую активизацию отношений с Китаем нашёл воплощение и в двусторонних документах, посвящённых собственно экономической проблематике. Основным направлением экономического взаимодействия сторон в 2000-е гг. оставалась торговля. В 2000 г. между правительст-

вами РФ и КНР было подписано Торговое соглашение на 2001 – 2005 гг. В ноябре 2005 г. премьер-министры двух стран подписали новый основополагающий документ в этой области – План развития торгово-экономического сотрудничества на 2006 – 2010 гг.⁷⁹ Цели оживления двустороннего товарообмена преследовало и заключённое 22 августа 2002 г. (а в 2004 г. продлённое на неопределённый срок) Соглашение между Центральным Банком РФ и Народным Банком КНР о межбанковских расчётах в торговле в приграничных районах. В соответствии с ним, банки обеих стран, зарегистрированные на приграничных территориях, получили право вести расчёты в национальных валютах (рублях и юанях)⁸⁰.

Вместе с тем, характерным для этапа 2000 – 2010 гг. стало стремление России и Китая диверсифицировать свои отношения в экономической сфере и дополнить торговые связи инвестиционными и инфраструктурными формами сотрудничества. Так, ещё 3 ноября 2000 г. стороны подписали Соглашение о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов. В ноябре 2006 г. было подписано российско-китайское Соглашение «О поощрении и взаимной защите капиталовложений», которое устанавливало между странами инвестиционный режим наибольшего благоприятствования⁸¹. Однако наиболее значимым свидетельством изменений в содержании двусторонних экономических (а также социальных и культурных) отношений стало появление ряда международных документов, направленных на выполнение положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 2001 г. Первый План действий по реализации положений Договора 2001 г., рассчитанный на 2005 – 2008 гг., был подписан 14 октября 2004 г.⁸², второй, охватывающий 2009 – 2012 гг. – 15 ноября 2008 г. Несмотря на свой в целом декларативный характер, эти документы послужили основой для подготовки подписанной главами правительств двух государств в октябре 2009 г. вполне конкретной и весьма насыщенной Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (на 2009 – 2018 гг.).

Указанная Программа включает широкий комплекс проектов, практическое осуществление которых могло бы не только кардинально интенсифицировать двусторонние трансграничные связи, но и вывести их на новый, интеграционный, уровень. Показательно, что первоочередное место в Программе отведено мерам в области обустройства, строительства и реконструкции пунктов

пропуска, приграничной инфраструктуры, также транспортных коммуникаций. Особые разделы этого документа посвящены проектам научно-технического сотрудничества, использования трудовых ресурсов и создания на смежных территориях двух стран новых промышленных предприятий. Помимо экономических проектов Программа определяет направления российско-китайского сотрудничества в развитии туризма и культурных связей, в охране окружающей среды⁸³.

Следует отметить, что появление Планов по реализации Договора 2001 г. и Программы на 2009 – 2018 гг. во многом меняет формат международно-правового взаимодействия на уровне отдельных регионов РФ и КНР. Данные документы играют роль рамочных межгосударственных соглашений, которые обязывают региональные власти сосредоточить свои усилия на детальной проработке и реализации намеченных в них общих мер. Таким образом, они значительно сужают прежде весьма широкие возможности для самостоятельной, инициативной международно-правовой активности дальневосточных субъектов РФ.

Повышение управляемости трансграничных отношений с Китаем с российской стороны проявлялась не только в последовательной централизации их правового регулирования. В целом демонстрируя готовность идти на встречу желанию руководства КНР расширять масштабы двустороннего социально-экономического взаимодействия, Москва, вместе с тем, сдержанно реагировала на некоторые конкретные китайские предложения, касающиеся этой сферы трансграничного сотрудничества. Так, поддержки российского правительства не получила настойчиво продвигаемая КНР с начала 2000-х гг. идея создания в рамках ШОС зоны свободной торговли. Кроме того, Россией был отклонён или отложен ряд подготовленных в Китае проектов по совместному развитию дальневосточного приграничья, включая инициативы по строительству моста Хейхе-Благовещенск, железной дороги Хуньчунь – Зарубино и передаче порта Зарубино в долгосрочную (на 49 лет) аренду КНР⁸⁴. Во многих случаях, соглашаясь на подписание предлагаемых Китаем документов на межгосударственном уровне, российская сторона «замораживала» их реализацию на уровне внутреннего законодательства. Осторожность и умеренность Москвы в вопросах либерализации социально-экономических отношений с КНР, безусловно, были связаны с пониманием огромного неравенства потенциалов сторон.

Что касается состояния на данном этапе трансграничных отношений с КНДР, то развитие их международно-правовой базы в 2000 – 2010 гг. по-прежнему шло сравнительно медленно. Расширению социально-экономических связей между двумя странами способствовала ратификация Россией в декабре 2005 г. заключённого ещё 28 ноября 1996 г. Соглашения «О поощрении и взаимной защите капиталовложений» и подписание 31 августа 2007 г. Соглашения «О временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства». Документом, непосредственно направленным на повышение эффективности функционирования российско-северокорейской границы, стало Соглашение «О сотрудничестве в таможенных делах» от 8 октября 2003 г.⁸⁵

Эволюция национальной составляющей правового компонента системы дальневосточной границы была в основном синхронна общему ходу развития её международно-правовой базы. При этом, как правило, изменения во внутреннем законодательстве несколько опережали появление соответствующих международных документов, выступая, таким образом, в качестве их основы. Вместе с тем, подписание Россией двусторонних или многосторонних соглашений, инициированных извне, зачастую воздействовало на содержание национально-правовых актов со значительным запаздыванием. Реализация ряда международных обязательств РФ до сих пор тормозится отсутствием необходимого для этого национально-правового обеспечения.

Учитывая сказанное, историю развития национального законодательства, так или иначе, касающегося вопросов формирования и функционирования дальневосточной границы в изучаемый период можно разделить на три основных этапа: 1) 1988 – 1993; 2) 1993 – 1999 и 3) 2000 – 2010 гг.

Начало созданию национально-правовой базы современной системы дальневосточной границы было положено двумя постановлениями Совмина СССР, изданными 2 декабря 1988 г. и 7 марта 1989 г. Их появление завершило продолжавшийся с 1986 г. процесс демонтажа государственной торговой монополии, предоставив всем предприятиям и организациям страны право прямого выхода на внешний рынок⁸⁶.

Следующий шаг в направлении открытия государственных границ в экономической сфере был совершен уже российским руководством. Указом Президента России от 15 ноября 1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности на терри-

тории РСФСР» к экспортно-импортным операциям были допущены предприятия любой (в т.ч. частной) формы собственности и вида деятельности. Кроме того, Указом были сняты ограничения на бартерные операции и открытие валютных счетов юридическими и физическими лицами⁸⁷.

Не менее радикальной ломке на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. подверглись законодательные барьеры, стоявшие на пути трансграничных миграций. 27 ноября 1990 г. Совмином СССР было принято Постановление «О внесении изменений и дополнений в Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1983 г. «О мерах по обеспечению выполнения Закона СССР «О государственной границе СССР»», которое упраздняло пограничную зону на границе со странами социалистического лагеря⁸⁸. С осени 1990 г. все закрытые ранее территории РДВ были открыты для свободного посещения.

Быстрое повышение проницаемости государственных границ в 1988 – 1993 гг. не сопровождалось адекватными изменениями в механизмах контроля над трансграничными потоками. Необходимое таможенное и миграционное законодательство либо отсутствовало, либо не отвечало новым социально-экономическим реалиям. Отдельные правовые акты центральных и региональных властей (например, Закон РФ от 9 октября 1992 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»), в условиях общего правового хаоса, не могли иметь ощутимого практического эффекта⁸⁹.

Тем не менее, именно на данном этапе был принят акт, ставший базовым для современного российского законодательства по вопросам формирования и функционирования дальневосточной границы. 1 апреля 1993 г. президент Б.Н. Ельцин подписал Закон «О Государственной границе РФ», который остаётся действующим до настоящего времени. В основу данного законодательного акта был положен текст ранее действовавшего Закона «О государственной границе СССР» 1982 г. Вместе с тем, Закон 1993 г. отличался большей детальностью и содержал ряд важных новаций. Так, принятый в перестроечные годы курс на демилитаризацию рубежей страны нашёл отражение в изменившейся трактовке понятия «охрана государственной границы». Если в Законе 1982 г. охрана границы определялась как «важнейшая неотъемлемая часть защиты социалистического Отечества», то Закон 1993 г. трактовал её как «составную часть государственной системы обеспечения безопасности РФ», включающую в себя наряду с

политическими, правовыми, экономическими и иными, в том числе и военные меры (ст. 3). Кроме того, в ряде случаев (в отношении женщин и несовершеннолетних, транспортных средств с пассажирами и т.д.) Закон 1993 г. прямо запрещал пограничникам и привлекаемым к охране границы военнослужащим применять оружие и боевую технику (ст. 35)⁹⁰.

В первой редакции Закона 1993 г. отсутствовало понятие «пограничная зона». «Исходя из характера отношений РФ с сопредельным государством», вдоль границы могла устанавливаться лишь пограничная полоса шириной до 5 км. При этом, право устанавливать пределы пограничной полосы и содержание правил действующего в ней пограничного режима было предоставлено органам власти субъектов РФ (по согласованию с соответствующими старшими должностными лицами пограничных войск) (ст. 16). В совместном ведении федерального центра и регионов, согласно Закону, находилось решение также ряда вопросов формирования законодательства о границе (ст. 4), её охраны (ст. 3, 29) и открытия пунктов пропуска (ст. 12)⁹¹.

Появление Закона «О Государственной границе РФ», заменившего устаревший к тому моменту советский акт 1982 г., само по себе являлось, безусловно, необходимым шагом. Однако непосредственный эффект от принятия Закона 1993 г. был незначительным, что объяснялось, прежде всего, общим состоянием его правового и институционального контекста, не говоря уже о крайне сложной внутривнутриполитической ситуации в стране. Закон от 1 апреля 1993 г. был принят ещё до создания и ввода в действие Конституции РФ (декабрь 1993 г.), в условиях, когда правовые и институциональные основания российской государственности во многом оставались неопределёнными, а разработка таких тесно сопряжённых с пограничным направлением государственной политики как военное, таможенное и миграционное только начиналось. Предпосылки для полноценной реализации Закона 1993 г. появились не ранее начала 2000-х гг. Вместе с тем, быстрое развитие общественной и политической системы России в дальнейшем неоднократно заставляло вносить изменения в текст самого Закона. До конца 2000-х гг. было принято свыше 20 актов о поправках к нему.

Во второй половине 1993 г. законодательская деятельность в сфере формирования и функционирования государственной границы России, и в т.ч. её дальневосточного сегмента, принимает новое направление. Этому способствовали как политические

процессы общероссийского масштаба (прежде всего, концентрация государственной власти в органах её исполнительной ветви), так и деструктивные последствия безоглядного открытия рубежей, с быстрым разрастанием которых одним из первых столкнулся дальневосточный регион страны. Именно позиция и законодательные меры региональных властей положили начало развернувшейся в 1993 – 1999 гг. перестройке государственной миграционной, таможенной, а затем и погранохраной политике на РДВ.

5 октября 1993 г. Малый совет Приморского края, а 16 ноября глава администрации Хабаровского края приняли постановления, которые фактически прекратили на территории этих краёв практику безвизового миграционного обмена с Китаем. 6 декабря того же года распоряжение о введении визового порядка въезда, выезда и транзита через территорию России граждан КНР, имеющих общегражданские заграничные паспорта, было подписано правительством РФ. Вскоре после этого соответствующие соглашения были заключены российским правительством с китайской стороной⁹².

На региональном уровне были осуществлены и первые меры по квотированию использования иностранной рабочей силы (постановление главы администрации Приморского края от 10 марта 1992 г.) и пресечению нелегальной миграции (например, постановление главы администрации Амурской области от 30 ноября 1993 г.)⁹³. Соответствующие решения со стороны Москвы были приняты позднее. 16 декабря 1993 г. Президент РФ подписал сразу два указа, посвящённых вопросам миграционной политики. Первый из них – «О мерах по введению иммиграционного контроля» – обязывал вновь созданную Федеральную миграционную службу (ФМС РФ) обеспечить на линии границы учёт и контроль в отношении пересекающих её иностранцев. Второй указ – «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ» – требовал от российских работодателей получения в органах ФМС разрешений на ввоз иностранных работников. При этом использование труда иностранных граждан допускалось лишь при наличии трудовых виз и в пределах устанавливаемых в соответствии с состоянием внутреннего рынка рабочей силы квот⁹⁴.

В сентябре 1994 г. в развитие первого из названных указов Правительство РФ издало постановления «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле» и «О мерах по предупреждению неконтролируемой внешней миграции». Они конкре-

тизировали задачи ФМС в данной сфере, включив в них контроль над въездом на территорию России иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществление мер по предупреждению неконтролируемой миграции, депортацию иностранцев и рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища. Кроме того, они позволили непосредственно приступить к созданию на границе постов иммиграционного контроля⁹⁵.

Документом, обобщившим предшествующий опыт регулирования трансграничной миграции, стал ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» от 15 августа 1996 г. Данный закон в частности устанавливал правила пересечения российской границы по общегражданским заграничным, служебным и дипломатическим паспортам. Он дифференцировал статус и условия пребывания на территории страны иностранцев в зависимости от типа полученной ими визы⁹⁶. Впрочем, и после его появления на реальную практику регулирования иммиграции на РДВ зачастую в большей мере, чем федеральные нормы, влияли решения региональных властей.

По пути упорядочения и одновременно барьеризации трансграничных отношений в 1993 – 1999 гг. развивалось и таможенное законодательство. 18 июня 1993 г. был принят первый Таможенный кодекс РФ, а в марте 1994 г. правительством было впервые осуществлено повышение таможенных пошлин и акцизов⁹⁷. Однако к действительно жестокому и целенаправленному регулированию идущих через границу товарных потоков федеральный центр приступил позднее, во многом под влиянием обращений всё тех же региональных властей, обеспокоенных бурным ростом неконтролируемой китайской торговли. Так, 15 августа 1994 г. Государственным Таможенным комитетом РФ был издан Приказ № 408 «О перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации» (подтверждённый затем Постановлением Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 808). Согласно этому документу, вес беспошлинно ввозимых в страну товаров был ограничен 50 кг., а их стоимость – 1000 долларов (ранее 2000 долларов). Целью данной меры являлось создание условий для перехода от челночной торговли к более «цивилизованной» и доступной для государственного контроля деятельности торговых компаний⁹⁸.

Изменения в регулировании трансграничных социальных и экономических взаимодействий не могли не затронуть и государственной политики в области пограничной охраны. Уже в 1995 г.,

с изданием специального постановления Правительства РФ, была создана правовая база для усиления охраны границ страны за счёт привлечения к участию в ней приграничного населения⁹⁹. Поворотным же для политики государства в отношении системы своих границ, как в военно-политической, так и в других сферах её функционирования, стал 1996 г. 5 октября этого года Президентом РФ были утверждены «Основы пограничной политики». Появление этого документа можно считать моментом возникновения постсоветской пограничной политики как концептуально оформленного и планомерно реализуемого направления деятельности государственной власти России.

«Основы пограничной политики» определили цель и задачи пограничной политики РФ, основные угрозы национальным интересам и безопасности страны в пограничном пространстве, направления пограничной политики и институциональные механизмы её реализации. В документе были даны определения таким ключевым для пограничной политики категориям как «пограничное пространство» и «пограничная безопасность». Содержание «Основ» отразило новое понимание руководством страны характера её отношений с внешним миром, с непосредственными соседями и, в особенности, с государствами Запада. Среди названных в документе основных задач пограничной политики РФ преобладали связанные с противодействием прямым и косвенным угрозам, включая покушения на суверенитет и территориальную целостность страны, её пограничную безопасность; экономическую и демографическую экспансию других стран; попытки международной изоляции России со стороны отдельных государств и военно-политических блоков. Даже упомянутое в ряду основных задач пограничной политики межгосударственное сотрудничество рассматривалось в документе как средство предотвращения военной опасности, кризисов и конфликтов в пограничном пространстве РФ¹⁰⁰.

Смена приоритетов внешней и пограничной политики России потребовала внести коррективы в уже существующее законодательство. Так, 29 ноября 1996 г. изменению был подвергнут текст ст. 3 ФЗ «О Государственной границе РФ». Понятие «охрана государственной границы», использовавшееся в первой редакции Закона, было заменено более широким, комплексным понятием «защита государственной границы». Под «защитой» понималась деятельность по обеспечению жизненно важных интересов личности, общества и государства на государственной границе, осу-

ществляемая всеми органами государственной власти, организациями и гражданами. Защита границы рассматривалась в новой редакции Закона как часть системы обеспечения безопасности РФ и реализации государственной пограничной политики. Охрана же границы отныне определялась как составная часть защиты, осуществляемая пограничными органами, вооружёнными силами и другими силами обеспечения безопасности РФ¹⁰¹.

Вслед за этим была разработана и в октябре 1997 г. утверждена президентом Ельциным Концепция охраны государственной границы РФ, рассчитанная на 1997 – 2000 гг.¹⁰² Она конкретизировала задачи и принципы охраны границы, а также определила её перспективы и направления на различных региональных участках и в разных сферах (сухопутной, морской, воздушной и подводной).

Последним крупным нормативным актом в рамках пограничной политики 1993 – 1999 гг. стало принятое Правительством РФ 9 января 1998 г. «Положение о пунктах пропуска». Комплексное по своему характеру Положение регламентировало порядок осуществления в пунктах пропуска пограничного, таможенного, иммиграционного, санитарно-карантинного, ветеринарного, фитосанитарного, транспортного и иных видов контроля, также общие схемы пропуска через границу людей и транспортных средств¹⁰³.

Приход к руководству страной в 2000 г. В.В. Путина повлёк за собой кардинальное обновление российского законодательства, которое затронуло структуру и функционирование государственной границы РФ как в военно-политической, так и в экономической и социальной сферах. При этом на данном этапе (продолжающемся до настоящего времени) инициатива в формировании законодательной базы в основном перешла к федеральным властям, что, с одной стороны, привело к стиранию правовых особенностей системы дальневосточной границы, а, с другой, увеличило временной, а порою и содержательный, разрыв между нормативными требованиями и реальной практикой работы последней.

Перестройка национальной части правового компонента системы российской границы началась с её концептуального ядра. Ещё до официального вступления В.В. Путина в должность президента, 10 февраля 2000 г. им была утверждена новая редакция Концепции национальной безопасности РФ. В соответствии с ней пограничная безопасность впервые была определена в качестве

важнейшей приоритетной составляющей безопасности национальной. В дальнейшем на основе новой Концепции национальной безопасности была разработана утверждённая Президентом РФ 1 сентября 2001 г. Концепция охраны государственной границы на 2001 – 2005 гг. В ней был заметно расширен перечень основных угроз национальным интересам в пограничном пространстве. Данный перечень, в частности, дополнили разведывательно-подрывная деятельность иностранных спецслужб и увеличение масштабов незаконной миграции граждан иностранных государств. Противодействие именно этим угрозам (наряду с пресечением экономической и демографической экспансии, контрабанды наркотиков и стратегического сырья) было отнесено Концепцией к числу главных задач охраны государственной границы в дальневосточном регионе¹⁰⁴.

С 2003 г. законотворческая деятельность в рамках пограничной и смежных с ней направлений государственной политики России заметно активизировалась. Такое оживление законотворчества, на мой взгляд, имело под собой две важнейшие предпосылки. Во-первых, к этому времени в руководстве страны окончательно возобладала формировавшаяся, по крайней мере, с середины 90-х гг. XX в.¹⁰⁵ широкая, комплексная трактовка пограничной и, в целом, национальной безопасности России. Согласно ей в современных условиях состав внешних угроз национальным интересам принципиально усложняется, изменяясь в пользу нетрадиционных, наднациональных и субнациональных, факторов, противодействие которым только военно-политическими средствами неэффективно, либо невозможно. Во-вторых, у федеральных органов, наконец, появились необходимые материальные ресурсы для того, чтобы приступить к непосредственному решению застарелых проблем системы границы.

Курс на придание пограничной безопасности комплексного характера получил воплощение в Указе «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности РФ» от 11 марта 2003 г. и Указе «О создании Государственной пограничной комиссии» от 28 мая 2003 г. Первый из них передавал пограничную службу под управление ФСБ и тем самым сосредотачивал в одном ведомстве оперативную и войсковую охрану границы (при ведущем положении первой). Второй создавал институциональную основу для постоянного межведомственного взаимодействия по вопросам формирования и функционирования границы ФСБ, МВД, МО, МИД и других правительственных

структур под общим руководством Председателя Правительства РФ¹⁰⁶. Принципы новой комплексной, согласованной пограничной политики названных федеральных органов исполнительной власти и иных субъектов были изложены в специальном документе Государственной пограничной комиссии от 28 января 2005 г. Этот документ, сменивший Концепцию охраны границы 2001 г., получил название «Концепция формирования системы обеспечения интересов РФ в пограничной сфере» (на период до 2010 г.)¹⁰⁷.

Примерно в это же время федеральные власти приняли важные решения, направленные на системное развитие материальной инфраструктуры границ РФ. В 2003 г. правительством была утверждена ФЦП «Государственная граница РФ на 2003 – 2010 гг.», предусматривавшая крупномасштабное обустройство новых участков рубежей страны, появившихся в постсоветский период, и всестороннюю модернизацию старых. С принятием данной программы был связан переход к полностью централизованному порядку финансирования и материально-технического снабжения системы границы, что повлекло за собой соответствующие изменения в законодательстве, включая ФЗ «О Государственной границе РФ».

Предметом особого внимания законодателей стали вопросы принадлежности, обустройства и работы пунктов пропуска. Возвращение в собственность государства всей инфраструктуры пограничных пропускных пунктов сопровождалось мерами по тщательной регламентации процедур их открытия и закрытия, функционирования и реконструкции. Этой проблематике был посвящён ФЗ от 30 декабря 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного контроля в пунктах пропуска» и целая серия постановлений и распоряжений Правительства РФ 2005 – 2008 гг.¹⁰⁸

С 2002 г. федеральный центр приступил к пересмотру и специализированного законодательства. Так, в сфере регулирования социально-демографических отношений 25 июля 2002 г. был принят ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», который существенно ужесточил и централизовал контроль над въездом в страну. Он предусматривал введение для иммигрантов миграционных карт и разрешений на временное проживание (на срок не более 3-х лет), установление общероссийских и региональных квот на привлечение иностранной рабочей силы и повышение для российских работодателей платы за оформление

приглашений иностранным работникам (до 4 тыс. руб. за человека). Детальное описание новой процедуры оформления трудовых мигрантов было дано в вышедшем 30 декабря того же года Постановлении Правительства РФ «О порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на работу». Вместе с тем, данное постановление впервые зафиксировало, что правом привлечения трудовых мигрантов обладают и иностранные граждане, зарегистрированные в России в качестве индивидуальных предпринимателей¹⁰⁹.

Дальнейшее развитие миграционного законодательства было нацелено на избирательную барьеризацию рубежей страны для отдельных категорий мигрантов и облегчение их пересечения для остальной, желательной части иностранцев. В частности, центральные власти начали принимать специальные законодательные меры по предотвращению нелегальной миграции, борьба с которой ранее осуществлялась в основном на региональном уровне. С 2004 г. в результате внесения поправок в действующие законы, организация нелегальной миграции была включена в категорию уголовно наказуемых преступлений. Вслед за этим, правовые преграды были поставлены и перед легальными мигрантами, едущими в Россию с торговыми целями. С принятием в конце 2006 г. ФЗ «О розничных рынках» и конкретизирующего его Постановления Правительства РФ от 15 ноября 2006 г., деятельность иностранцев в сфере розничной торговли с 1 апреля 2007 г. была полностью запрещена¹¹⁰.

Вместе с тем, 18 июля 2006 г. Президентом РФ был подписан ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан». Он заменял разрешительный порядок постановки на учёт иностранцев на уведомительный по месту их пребывания. При этом, в целях обеспечения полноты и качества такого учёта, Закон обязывал органы пограничного контроля оперативно снабжать местные органы ФМС информацией об иностранных гражданах, въехавших на территорию страны¹¹¹. Хотя Закон бы ориентирован, прежде всего, на мигрантов из стран СНГ, он способствовал общему снижению миграционной барьерности российской границы по всему её периметру, включая дальневосточный участок.

Следует отметить, то большое внимание, которое на данном этапе государство уделяло формированию нормативно-правовых условий для повышения скоординированности в работе ведомств, участвующих в регулировании трансграничной миграции. Одним из характерных проявлений этого внимания стал Приказ МВД,

МИД, ФСБ, МЭРТ и МИТС от 10 марта 2006 г. о создании и использовании этими структурами общего банка данных по учёту иностранных мигрантов¹¹².

Сходные тенденции развития в направлении централизации и избирательной барьеризации регулирования соответствующей сферы трансграничных отношений были свойственны в 2000 – 2010 гг. и экономическому законодательству. Крупные изменения в последнем произошли в 2003 г. 28 мая этого года Президентом РФ был подписан новый Таможенный кодекс, вступивший в силу с 1 января 2004 г. Кодекс 2003 г. в целом стал шагом к дальнейшей либерализации трансграничной торговли, обеспечив упрощение таможенных процедур и снижение таможенных барьеров для её участников. Вместе с тем, эта либерализация не коснулась неорганизованной, «челночной» торговли, имеющей особую значимость для РДВ. Кроме того, подробность нового Кодекса, более тщательная регламентация в нём работы таможенных органов сузили возможности адаптации его норм к специфике региональных форм трансграничных отношений¹¹³.

Унификация, обеспечение единства и безопасности национального экономического пространства являлась одной из задач и ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», изданного 8 декабря 2003 г. Передавая большую часть полномочий в этой области в руки федеральных органов, Закон отводил региональным властям и местному самоуправлению роль главным образом исполнителей политики центра¹¹⁴.

Следующий всплеск нормотворчества в экономической сфере, оказавший значительно более прямое воздействие на функционирование дальневосточной границы, пришёлся на 2006 – 2007 гг. Постановлением от 23 января 2006 г. Правительство РФ предприняло очередную попытку ликвидации челночного бизнеса. Согласно этому документу, предельный вес беспошлинно ввозимых в Россию физическими лицами товаров был снижен с 50 до 35 кг. Кроме того, подобный ввоз товаров отныне мог производиться физическим лицом не чаще чем раз в месяц (ранее – раз в неделю)¹¹⁵. Напрямую коснулся РДВ и ряд введённых в это время правительством тарифных и нетарифных ограничений на торговлю некоторыми видами продукции. Так, важное значение для региона имело существенное повышение ставок таможенных пошлин на активно вывозимую в Китай необработанную древесину. К серьёзному изменению ситуации на дальневосточном

рынке привело, по сути, протекционистское ужесточение норм фитосанитарного и ветеринарного контроля применительно к китайским сельхозпродуктам¹¹⁶.

Ограничительная политика в некоторых секторах внешней торговли, направленная на изменение её структуры, сочеталась с поощрением ввоза из-за рубежа капитала и технологий. С этой целью в июле 2005 г. был принят ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ»¹¹⁷. Вместе с подписанными впоследствии российско-китайскими Соглашением об инвестициях 2006 г. и Программой сотрудничества между регионами на 2009 – 2018 гг., данный закон должен был стать правовой основой для оживления этого всё ещё нового для РДВ направления трансграничного экономического взаимодействия. Тем не менее, внутреннее российское законодательство в сфере инвестиционного сотрудничества по-прежнему содержит целый ряд норм, ограничивающих активность иностранных предпринимателей. К ним относятся запреты на покупку недвижимости, лимиты на приобретение акций государственных предприятий и долей в капиталах банков, условия допуска к разработке нефтегазовых месторождений и т.д. По мнению китайских экспертов, правовые барьеры являются одной из главных причин незначительности объёма капиталовложений, идущих в Россию из Китая¹¹⁸.

Стремительный рост и усложнение правового компонента системы дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг., при своей в целом объективной общественно-политической обусловленности, далеко не всегда оказывали на её развитие благотворное воздействие. Следствиями очень интенсивного, многосубъектного и зачастую беспорядочного нормотворчества этого периода явились разнородность и аморфность сложившейся в итоге правовой базы. Их проявлениями служат как многочисленные противоречия между составляющими её международно- и национально-правовыми документами, так и обширные правовые лакуны (особенно в области внутреннего регулирования сотрудничества между приграничными территориями). Подобная фрагментированность нормативно-правового поля функционирования границы сама по себе создавала (и создаёт) предпосылки для выхода за его пределы, открывала (и открывает) широкие возможности для административного произвола и коррупционных отношений.

Другим следствием форсированного развития правового компонента системы дальневосточной границы стал растущий разрыв между ним и факторами его реализации, принадлежа-

щими к иным компонентам той же системы. В отличие от революционных темпов и масштабов обновления законодательства, динамика этих компонентов в период 1988 – 2010 гг. отличалась куда большей инерционностью. Эта особенность может быть зафиксирована при рассмотрении, в том числе, и такой тесно связанной с правовым компонентом подсистемы изучаемой границы как институциональная.

Начало преобразованиям институциональной организации военно-политической охраны и контроля дальневосточной границы было положено в 1991 г. Впрочем, первоначально эта реформа носила политико-идеологический и достаточно поверхностный характер. Её главным объектом являлись структуры высшего управления пограничной службой. Так, прямой реакцией на попытку консервативного переворота, предпринятую ГКЧП, стало решение президента СССР М.С. Горбачёва от 3 сентября 1991 г. о выведении пограничных войск из состава КГБ. С ликвидацией последнего 3 декабря того же года на базе упразднённого Главного управления пограничных войск КГБ СССР указом президента СССР был образован самостоятельный государственный орган – Комитет по охране государственной границы СССР (КОГГ СССР)¹¹⁹.

Однако распад СССР и обострение внутривнутриполитической ситуации в получившей независимость России обнаружили неоправданность и несвоевременность столь поспешной децентрализации. Уже 12 июня 1992 г. структуры КОГГ, реорганизованные в Пограничные войска РФ, указом президента Б.Н. Ельцина были включены в состав центрального органа исполнительной власти, соединившего в своей компетенции все основные направления обеспечения государственной безопасности. Этот орган получил наименование Министерства безопасности РФ. Командующий Пограничными войсками РФ занял в нём должность заместителя министра¹²⁰.

Только 30 декабря 1993 г., в связи с относительной стабилизацией ситуации в стране и ликвидацией Министерства безопасности, органы военно-политической охраны и контроля границы вновь получили автономный статус. Созданная президентским указом Федеральная пограничная служба РФ (ФПС РФ), приравненная к министерству, в дальнейшем неоднократно трансформировалась, пополняясь новыми органами и получая дополнительные полномочия. Её окончательный облик был определён изданием 4 мая 2000 г. ФЗ «О Пограничной службе РФ». В соот-

ветствии с данным законом, ФПС РФ являлась руководящим органом государственной военной организации, включающей в себя охранные, контрольные, оперативные, образовательные и производственные структуры и координирующей деятельность иных органов исполнительной власти по защите и охране границы. В круг основных функций ФПС входило участие в разработке пограничной политики РФ и подготовке нормативно-правовых актов в этой области¹²¹.

Однако наиболее кардинальные реформы в организации пограничной службы были ещё впереди. Их проведение стало следствием смены власти в Кремле и упоминавшегося выше принятия новым руководством России «комплексной» концепции национальной и пограничной безопасности. Переход от сохранявшегося с советских времён приоритета обеспечения военно-политической охраны пограничной линии к целям защиты национальных интересов от всего спектра внешних военных и невоенных угроз в пограничном и, шире, государственном и околোগраничном пространстве страны потребовал создания адекватных им институциональных механизмов¹²². Подписанным президентом Путиным 11 марта 2003 г. указом ФПС РФ была упразднена, а её функции с 1 июля 2003 г. были преданы ФСБ, в составе которой появилась Пограничная служба (ПС ФСБ РФ). В результате решение всех основных задач государственной (а значит, и национальной) безопасности, включая пограничные, было вновь, как и в советский период, сосредоточено в руках единого ведомства¹²³.

Тем не менее, реформа отнюдь не сводилась к простому реанимированию советского опыта. Интеграция пограничной службы в состав ФСБ предполагала, что централизация управления будет сопровождаться также глубокой перестройкой внутренней структуры пограничных органов. Одной из главных составляющих этой перестройки стало постепенное замещение войскового способа охраны границы оперативными методами и механизмами её защиты. Другим направлением реформы было освобождение пограничных органов ФСБ от избыточных и непрофильных функций и звеньев, прежде всего административно-хозяйственного плана¹²⁴.

Начавшийся с центральных органов ПС ФСБ, с 2004 г. процесс реформирования охватил и её территориальные органы. К этому моменту территориальная структура ПС в основном сохраняла конфигурацию, унаследованную от советских пограничных войск. Изменения, произошедшие в ней в постсоветский период,

были связаны главным образом с уменьшением государственной территории и преобразованием в 1998 г. пограничных округов и групп в региональные управления¹²⁵.

С 2004 г. на смену сложившемуся ещё в 20-е гг. окружному делению погранвойск приходит новое, привязанное к административно-территориальной сетке РФ. На уровне федеральных округов создаются региональные пограничные управления, выполняющие в основном организационно-контрольные функции. Основные же административные и все хозяйственные полномочия передаются пограничным управлениям, учреждаемым в приграничных субъектах РФ. Так, во второй половине 2000-х гг. на базе Дальневосточного и Тихоокеанского региональных управлений (до 1998 г. – округов) было создано 5 пограничных управлений по субъектам федерации, в т.ч. 3 (по Приморскому краю, по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области и по Амурской области) – на дальневосточной границе. Одновременно в эти годы происходит ликвидация пограничных отрядов, на базе которых формируются районные (межрайонные) службы, управляющие пограничными отделениями. В соответствии с замыслом реформы, районные пограничные службы освобождаются от функций материально-технического обеспечения. Их основной задачей должен стать автоматизированный контроль над линией границы и пресечение с помощью оперативных подразделений зафиксированных на ней правонарушений. Вместе с тем, по признанию руководителей самой ПС ФСБ, на целом ряде участков российских рубежей, включая китайский и северокорейский, войсковой порядок охраны и соответствующая инфраструктура в ближайшем будущем будут сохранены¹²⁶.

Институциональным воплощением нового понимания пограничной безопасности явилась также образованная 28 мая 2003 г. Государственная пограничная комиссия. Главной функцией этого органа, работающего под руководством Председателя Правительства РФ, стала координация деятельности всех субъектов формирования и реализации пограничной политики страны – от федеральных и региональных органов государственной власти до местного самоуправления, общественных организаций и объединений. Помимо директора ФСБ (в ранге заместителя руководителя комиссии) в её состав входят заместитель секретаря Совета Безопасности, начальник Управления президента по кадровым вопросам, представители президента в федеральных округах, главы субъектов федерации, министры и руководители служб (в т.ч. ПС

ФСБ, ФТС, МИД, МВД)¹²⁷. Пограничная комиссия стала по существу основным центром принятия стратегических решений по вопросам развития и функционирования российских границ, включая разработку и утверждение федеральных целевых программ их обустройства на 2003 – 2011 и 2012 – 2017 гг.

В качестве организационного инструмента исполнения принятых Пограничной комиссией решений 11 октября 2007 г. было создано Федеральное агентство по обустройству государственной границы РФ (Росграница). Этот подчинённый Правительству РФ и располагающий сетью территориальных управлений в федеральных округах орган, как и Пограничная комиссия, имеет межведомственный характер и весьма широкую сферу ответственности. Росгранице принадлежит ключевая роль в выполнении указанных выше целевых программ, предусматривающих масштабные работы по строительству и модернизации пограничной инфраструктуры как военно-охранного, так и социально-экономического назначения¹²⁸.

Сходные тенденции, – к специализации и обретению автономного статуса в 90-е гг. и к централизации и тесной межведомственной координации в 2000-е, – были свойственны и эволюции органов миграционного и таможенного контроля. Вместе с тем, и в их случае циклической динамике сопутствовали значимые качественные изменения.

Уже в конце 80-х гг. XX в. быстрое увеличение пересекающих границы СССР людских потоков потребовало реорганизации прежних институциональных механизмов контроля над ними. В 1990 г. ранее обособленно функционировавшие в структуре МВД паспортные отделения и отделения виз и регистраций иностранцев стали подразделениями единого органа – паспортного отдела. 15 февраля 1993 г. на базе паспортного отдела была создана Паспортно-визовая служба (позднее – управление) МВД РФ (ПВС МВД РФ)¹²⁹. На ПВС, в частности, возлагалось оформление документов на въезд и выезд из страны, регистрация иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих в России, а также выдача пропусков в пограничную зону.

Однако, работы паспортно-визовых органов, даже после усовершенствования их структуры, было явно недостаточно для обеспечения учёта, контроля, а тем более стратегического регулирования набирающих силу миграционных процессов. Первой попыткой создания специализированного управляющего органа в этой области стало учреждение в декабре 1991 г. при Министер-

стве труда и занятости населения РФ Комитета по делам миграции. 14 июля 1992 г. Комитет был реорганизован в самостоятельную государственную структуру – Федеральную миграционную службу (ФМС РФ)¹³⁰.

В 1993 – 1994 гг. на ФМС были возложены функции выработки и реализации государственной политики в отношении внешней и внутренней миграции, включая организацию учёта въезжающих в страну иностранных граждан и лиц без гражданства, контроль над их пребыванием и борьбу с нелегальной иммиграцией. Для выполнения последних задач в структуре ФМС были созданы (с сентября 1994 г.) посты иммиграционного контроля, действующие в пунктах пропуска через государственную границу¹³¹. Выполнять свои функции на практике эта не имевшая предшественников в отечественной истории служба стала через несколько лет после учреждения, с образованием сети территориальных управлений ФМС по субъектам федерации. Создание её территориальных управлений на РДВ было в основном завершено к середине 90-х гг.

Следует отметить, что деятельность дальневосточных подразделений ФМС и ПВС МВД определялась нормативно-правовыми актами федеральных органов далеко не полностью. Фактически более активную роль в управлении ей в 90-е гг. играли региональные власти, выступавшие в этот период главными субъектами государственной миграционной политики. Именно на уровне субъектов федерации были приняты меры по обеспечению планомерности и согласованности в работе миграционных и паспортно-визовых структур, а также их взаимодействия с органами ФПС и ФСБ, таможенного и налогового ведомств, МИД. С этой целью при администрациях Приморского и Хабаровского краёв и Амурской области были созданы координационные советы и межведомственные комиссии по вопросам миграционной политики¹³².

Дальнейшее развитие органов, ответственных за регулирование трансграничных миграций, происходило в контексте постепенно концентрации власти в руках федерального центра. Уже в 1998 г. территориальные управления ФМС РФ были выведены из состава органов исполнительной власти субъектов федерации. Следующим шагом по пути централизации миграционной политики стало придание ФМС статуса министерства. Однако образованное в конце 1999 г. Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики оказалось слишком гро-

моздкой структурой, перегруженной очень разными по содержанию обязанностями, и в октябре 2001 г. было ликвидировано. Функции миграционного контроля были переданы МВД, в составе которого в феврале 2002 г. вновь появился орган с прежним названием – ФМС¹³³.

Передача миграционной службы в МВД помимо выстраивания «вертикали власти» в данной сфере государственной политики мотивировалась стремлением повысить эффективность её работы за счёт подкрепления гражданского ведомства силовым аппаратом и устранения дублирования функций. Рост сети подразделений ФМС МВД в регионах на городском и районном уровнях, а также включение в структуру ФМС Паспортно-визового управления МВД и его территориальных органов действительно расширили оперативные возможности контроля над иностранными мигрантами.

Вслед за учреждением ФМС МВД были приняты решения о создании институциональных механизмов координации её работы с другими субъектами власти, участвующими в регулировании миграций. С июня 2002 г. центром разработки единой государственной миграционной политики и высшим координатором взаимодействия федеральных исполнительных органов в сфере её реализации стала Правительственная комиссия по миграционной политике. В марте 2005 г. для координации деятельности органов, осуществляющих контроль над трансграничными миграционными потоками (МВД, МИД, ФСБ, СВР и МЗСР) была образована Межведомственная комиссия по упорядочению въезда и пребывания на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства¹³⁴.

Совершенствованию организационной структуры органов миграционного контроля сопутствовали изменения в процедурах их работы, предусмотренные в ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» от 25 июля 2002 г. Так, с ноября 2002 г. универсальным средством учёта иммигрантов стали миграционные карты. Сопровождающая иностранца на всём протяжении его нахождения в России миграционная карта используется миграционными органами, как на границе, так и в местах пребывания (проживания) её владельца внутри страны. Таким образом, этот документ значительно облегчает отслеживание перемещений иммигранта и, в конечном счёте, контроль над его жизнью в стране. Введение миграционных карт позволило упростить информационное взаимодействие между ФМС и другими вовлечён-

ными в регулирование трансграничных миграций ведомствами и послужило предпосылкой для создания в марте 2006 г. межведомственного банка данных по учёту иностранных граждан и лиц без гражданства¹³⁵. Необходимо отметить, что предложения по введению иммиграционных карточек и централизованной информационной системы учёта формулировались миграционными органами РДВ ещё во второй половине 90-х гг.¹³⁶ Поэтому изменения, внесённые в технологии работы с иммигрантами, безусловно, отвечали нуждам региона.

Повышение качества иммиграционного учёта и контроля, ужесточение норм ответственности за нарушение его правил и отработка механизма депортации нарушителей создали условия для перехода с 2007 г. к более гибкому уведомительному порядку регистрации иммигрантов по месту их пребывания или жительства. В соответствии с ФЗ «О миграционном учёте» от 18 июля 2006 г., обязанность по предоставлению необходимой для регистрации иностранцев информации в миграционные органы была возложена на принимающую сторону (включая гостиницы и работодателей), которая несла ответственность за соблюдение этого закона¹³⁷. Такой порядок учёта должен был мотивировать иммигрантов и принимающие организации к легализации своей деятельности. Разрешительный порядок регистрации иностранных граждан (равно как и граждан РФ) сохранялся лишь на режимных территориях, в т.ч. территориях пограничных зон. С ноября 2006 г. функции выдачи пропусков в пограничные зоны были закреплены за региональными управлениями ФСБ¹³⁸.

Главный субъект регулирования трансграничных отношений в экономической сфере, – таможенная служба, – приобрела автономный статус ещё в 1986 г., с созданием Главного управления таможенного контроля при Совете Министров СССР. 25 октября 1991 г. на базе этого ведомства был образован Государственный таможенный комитет (ГТК) России, наделённый в дальнейшем полномочиями по разработке и реализации таможенной политики, обеспечению экономической безопасности и экономических интересов РФ и единства её таможенной территории. В его структуру вошли 7 региональных таможенных управлений, одним из которых являлось Дальневосточное, созданное 7 августа 1990 г.¹³⁹

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. стали временем быстрого развития сети таможенных органов. В 1991 г. в составе Дальневосточного таможенного управления (ДВТУ) находилось уже 17

таможен, включая 5 (Благовещенская, Гродековская, Хабаровская, Хасанская и Биробиджанская) расположенных на дальневосточной границе¹⁴⁰.

С изданием в 1993 г. первого Таможенного кодекса РФ государство взяло курс на усиление контроля над трансграничными экономическими отношениями. Это выразилось в придании таможенным органам Указом Президента РФ от 22 декабря 1993 г. статуса военизированной организации. Кроме того, в число их функций, наряду с надзорной и контрольной, была включена оперативно-розыскная деятельность, которая ранее осуществлялась по таможенным правонарушениям органами госбезопасности. Согласно Приказу ГТК России от 13 января 1994 г., отделы дознания были созданы во всех таможах и таможенных управлениях страны¹⁴¹. Следующим шагом на пути укрепления таможенной службы как силовой структуры стало начавшееся с 1996 г. преобразование подразделений правоохранительного блока региональных таможенных управлений в централизованные региональные оперативные таможни. С 1 декабря 1997 г. к работе приступила и Дальневосточная оперативная таможня¹⁴².

Принятие в 2003 г. нового Таможенного кодекса дало старт дальнейшим институциональным преобразованиям в данной сфере. Они были направлены на либерализацию таможенного регулирования, на его приведение в соответствие с мировыми стандартами, т.е., по существу, нормами, характерными для развитых стран, в высокой степени интегрированных в мировую экономику. Прежние приоритеты безопасности и протекционизма были отодвинуты на второй план целями стимулирования экономического развития России. Организационным воплощением отказа от «силовой» модели таможенной политики стало преобразование ФЗ от 29 июня 2004 г. ГТК РФ в Федеральную таможенную службу (ФТС), подчинённую МЭРТ и частично МФ. Несмотря на то, что в мае 2006 г. ФТС вновь получила статус самостоятельного ведомства при Правительстве РФ, его тяготение к экономическому блоку федеральных исполнительных органов сохранилось и в последующие годы¹⁴³.

Административная реформа затронула и нижние этажи системы таможенных органов. В связи с децентрализацией управления и передачей части его функций в таможни и на таможенные посты, аппарат регионального уровня подвергся сокращениям. По мере компьютеризации работы таможенников, внедрения (с 2005 г. и на РДВ) технологий электронного декларирования, про-

цесс оптимизации штатов и структуры распространился и на местные подразделения ФТС. Во второй половине 2000-х гг. их количество в дальневосточном регионе уменьшилось: на 2010 г. в подчинении ДВТУ осталось 13 пограничных таможен и 48 таможенных постов¹⁴⁴. Однако это сокращение происходило в основном за счёт морских таможенных органов. Напротив, число расположенных на дальневосточной границе пограничных переходов за 1990-е – 2000-е гг. резко возросло – с 2 до 25 (на 2010 г.).

Организационные и технологические преобразования были направлены, прежде всего, на упрощение и ускорение процедур таможенного оформления и контроля. Они коснулись пропуска через границу не только товаров, валюты и транспортных средств, но также пассажиров и их багажа. В 2005 г. с погранперехода на границе с КНР в Полтавке началось введение на РДВ упрощённой системы прохождения пассажирского контроля, т.н. «зелёного коридора»¹⁴⁵.

Таким образом, на фоне быстрого обновления в 1988 – 2010 гг. правового компонента системы дальневосточной границы, процессы её институционального реформирования существенно запаздывали. Кардинальные, глубокие изменения в организационных механизмах функционирования границы в военно-политической, социальной и экономической сферах были начаты на общегосударственном уровне лишь в 2002 – 2004 гг., в дальневосточном же регионе их практическая реализация развернулась в основном уже во второй половине 2000-х гг. Основным содержанием перестройки институциональной составляющей системы дальневосточной границы стала, с одной стороны, внутренняя технологическая модернизация работы этого компонента, а, с другой, – приведение его в соответствие с новыми контактными функциями данной системы, с задачами стимулирования развития РДВ посредством управляемой интенсификации трансграничных отношений региона. Вместе с тем, до настоящего времени институты границы сохраняют выраженную преемственность по отношению к своим советским предшественникам, с присущими им высокой степенью централизации управления, закрытым и авторитарным стилем функционирования.

Процессы институционального развития системы дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг. довольно чётко коррелируют с динамикой состояния её материально-технической базы. С конца 80-х гг. XX в. органы центральной власти практически прекратили финансирование строительства пограничной инфраструк-

туры в регионе. Более того, в 90-е гг. они зачастую оказывались не способными выполнять свои обязанности и по текущему материальному обеспечению работы институтов границы. В этих условиях активную, а порой и определяющую роль в решении материально-технологических проблем границы стали играть региональные власти и местный бизнес, не исключая и субъектов «теневой», криминализованной экономики. Так, на средства администраций РДВ и частных предпринимателей в 90-е гг. на российско-китайском участке дальневосточной границы было создано и оборудовано большинство погранпереходов¹⁴⁶. По мере вовлечения в развитие пограничной инфраструктуры общественных субъектов, оно всё более приобретало контактную направленность. Следует, однако, отметить, что подобные вложения со стороны бизнеса были обычно минимальными и носили краткосрочный характер.

Изменения в структуре финансовых потоков не могли не привести к снижению качества исполнения федеральных законов и к ослаблению административного контроля центра над деятельностью дальневосточных пограничных, миграционных и таможенных органов. Кроме того, они сформировали благоприятную среду для развития коррупционных связей в системе границы и для складывания комплекса трансграничных отношений, осуществляемых фактически помимо государственного политико-правового регулирования.

Резкое сокращение состава и численности сосредоточенных близ дальневосточной границы армейских и пограничных частей (до 50 – 60 тыс. чел. на середину 2000-х гг.) сопровождалось разрушением и расхищением расположенных вдоль неё военно-охранных коммуникаций, сооружений и оборудования. Несмотря на принципиальную оправданность ликвидации прежней инфраструктуры, бесплановость и бесконтрольность этого процесса привели к нарушению целостности системы обеспечения пограничной безопасности в регионе. По мнению знакомых с вопросом экспертов, в 90-е гг. материально-техническое состояние дальневосточной границы перестало соответствовать потребностям её защиты¹⁴⁷.

Только с конца 90-х гг., после принятия ФЗ «О статусе военнослужащих» (1998 г.) и «О Пограничной службе РФ» (2000 г.) объёмы государственных средств, выделяемых на материально-техническое обеспечение работы пограничных органов и, прежде всего, денежное довольствие пограничников стали возрастать.

Тем не менее, и в начале 2000-х гг., по отзывам руководства ФПС, бюджетное финансирование деятельности этого ведомства оставалось недостаточным. Особенно остро пограничной службе не хватало средств на закупку новой техники и вооружений¹⁴⁸. Актуальной проблемой для пограничных войск РДВ оставалась и их значительная недоукомплектованность личным составом.

С аналогичными трудностями сталкивались органы экономического и миграционного контроля, несмотря на то, что их территориальная сеть в регионе в эти годы в целом росла и расширялась. Так, важнейшими препятствиями на пути повышения эффективности работы дальневосточных таможен в 90-е гг., по мнению самих таможенников, являлись недостаточная численность сотрудников, не отвечающая возросшим объемам грузо- и пассажиропотока, их низкая заработная плата, слабость и отсталость материально-технической базы таможенного контроля¹⁴⁹.

На неудовлетворительное финансирование своей деятельности в этот период неоднократно указывали и представители миграционных служб региона. При этом, особенно серьезной помехой в их работе было отсутствие средств, необходимых для оплаты мероприятий по выдворению за рубеж иностранцев, нарушавших порядок пребывания¹⁵⁰.

Переломным для развития материально-технического компонента системы дальневосточной границы стал 2003 г., когда накопившиеся в данной сфере проблемы, наконец, привлекли к себе внимание российского правительства. Предпосылками к этому перелому послужили значительный рост доходов бюджета РФ и внесённые в законодательство поправки, согласно которым финансирование пограничной, миграционной и таможенной политики было отнесено к расходным обязательствам федерального центра.

По оценкам входящих в систему государственной границы ведомств, на 2003 г. более 80% пограничной инфраструктуры нуждались в реконструкции. Общая потребность в финансировании мероприятий по обустройству российских рубежей, по их расчётам, определялась цифрой в 203 млрд. руб.¹⁵¹ Однако, даже с учётом возросших возможностей государства, к выделению бюджетных средств в таком объёме оно оказалось неготовым. В результате согласований расходы по составленной в правительстве ФЦП «Государственная граница РФ» (2003 – 2010 гг.) были запланированы в размере почти 53 млрд. руб.¹⁵² Эти инвестиции должны были быть направлены на строительство и модернизацию

цию архитектурной, инженерно-технической, транспортной и информационной инфраструктуры границы как военного-охранного, так и контрольного назначения. Следует отметить, что первоочередным получателем вложений по упомянутой программе являлись «новые границы» страны, и, прежде всего, рубежи РФ с Грузией и Азербайджаном, также с Казахстаном. Дальневосточной границе предназначалась сравнительно небольшая доля средств ФЦП, которые стали поступать на неё в основном уже во второй половине 2000-х гг. В соответствии с программой, на этом участке рубежей страны было запланировано возведение более 145 различных объектов¹⁵³.

Как показала практика, сроки и содержание ФЦП «Государственная граница РФ» (2003 – 2010 гг.) оказались нереалистичными. Обнаружившиеся ошибки в планировании заставили, в конечном счёте, отказаться от большинства предусмотренных программой мероприятий. На 1 сентября 2010 г. исполнителями было освоено только 38 млрд. 235 млн. руб. Не помогло исправить ситуацию и продление периода реализации программы на два года. По предварительным оценкам представителей Росграницы, к 2012 г. будет введено в строй лишь 742 объекта пограничной инфраструктуры, что составляет 30% от их первоначально запланированного количества¹⁵⁴.

С особенными трудностями реализация программы столкнулась на РДВ. Здесь её приоритетом стали ремонт и модернизация старых и строительство новых пунктов пропуска. Однако осуществление данных мероприятий затянулось в связи с нерешённостью вопросов собственности – большинство пунктов пропуска в регионе к 2009 г. принадлежали муниципальным властям и частному бизнесу. Инициированный федеральным центром процесс добровольно-принудительной (безвозмездной) передачи этих объектов в государственную собственность к настоящему времени (на конец 2010 г.) всё ещё не завершён. В результате к предусмотренным программой работам Росграница в 2010 г. смогла приступить лишь на 5 пунктах пропуска из 53 функционирующих в ДФО. Из них на дальневосточной границе расположены два – в Пограничном и Краскино. Общий объём государственного финансирования мероприятий на дальневосточных пунктах пропуска в 2010 г. был определён в 360,58 млн. руб.¹⁵⁵

При всей значимости пунктов пропуска с находящимися на них постами пограничного, таможенного, миграционного и иных видов контроля, нормальное функционирование системы гра-

ницы невозможно без отвечающего современным требованиям обновления инженерно-технического оборудования всей пограничной линии. Осуществление такой модернизации являлось одной из главных задач ФЦП «Государственная граница РФ» (2003 – 2010 гг.). Тем не менее, на РДВ результаты выполнения этой задачи остаются достаточно скромными. Несмотря на то, что во второй половине 2000-х гг. дальневосточные пограничные органы стали действительно получать в своё распоряжение современные технические средства контроля (приборы видеонаблюдения, тепловизоры, стационарные и передвижные радиолокационные станции и т.д.) системный характер их применение получило лишь на некоторых, весьма непротяженных участках дальневосточной границы. В частности, сплошной и комплексной технической модернизации были подвергнуты участки границы в районе Благовещенска и Хабаровска (на о. Большой Уссурийский). В 2008 г. в пос. Николаевка, в зоне ответственности регионального управления по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области, была создана первая на РДВ пограничная застава (отделение) нового типа. Устанавливаемые на таких заставах АСУ позволяют осуществлять дистанционный электронный мониторинг обстановки на границе, оперативную компьютерную обработку собранных данных и их передачу в пограничные органы вышестоящего уровня¹⁵⁶. Однако на большей части протяжения линии дальневосточной границы она по-прежнему оборудована главным образом КСП, электросигнализационными системами, наблюдательными вышками и скрытыми постами, т.е. в соответствии с инженерно-техническими требованиями советского времени¹⁵⁷.

Наряду с ФЦП «Государственная граница РФ» материально-техническое обеспечение работы различных институтов дальневосточной границы во второй половине 2000-х гг. продолжалось и в ведомственном порядке, в т.ч. через реализацию специальных программ. Так, в 2006 г. была введена в действие «Программа вооружения Пограничной службы ФСБ России на 2006 – 2015 гг.» В рамках данной программы в пограничные части были поставлены новые автомобили, станции спутниковой связи и узлы стационарной специальной связи, комплексы технических средств охраны границы нового поколения. Что же касается снабжения пограничников материально-техническими ресурсами, не относящимися к военной, специальной технике и боеприпасам, то с 2007 г. оно было децентрализовано. Снабжение

такими ресурсами (включая продовольствие и обмундирование) было возложено на пограничные управления по субъектам федерации, которые стали получать необходимые для этого финансовые средства из Москвы¹⁵⁸.

Определённого прогресса в техническом оснащении и, прежде всего, во внедрении в свою деятельность информационных технологий в 2000-е гг. удалось достичь и другим контролирующим органам границы региона. Со второй половины 2000-х гг. помимо создания специализированных баз данных и обеспечения внутриведомственного документооборота, информационные технологии стали использоваться ими и для непосредственной работы с клиентами. Так, к концу 2010 г. многие таможенные и таможенные посты ДВТУ были оснащены оборудованием и программным обеспечением для осуществления электронного декларирования и предварительного информирования. К автоматизированному паспортно-визовому контролю и оказанию интернет-услуг по выдаче загранпаспортов к этому времени перешла и значительная часть территориальных и местных миграционных органов дальневосточного региона¹⁵⁹.

Вместе с тем, тот факт, что автоматизация и компьютеризация внутренней работы ведомств до сих пор не стали всеохватывающими, пока не позволяет реализовать все заложенные в них возможности повышения эффективности функционирования дальневосточной границы. Ведь технологии «умной границы», обеспечивающие сбор более полной и объективной информации, её быструю и комплексную обработку и, в конечном счёте, принятие оперативных и обоснованных регулирующих решений, по сути, призваны дать качественно новый ответ на проблему нахождения оптимального баланса барьерных и контактных функций дальневосточных рубежей, или, иными словами, сделать их зоной активного международного сотрудничества без ущерба для национальной безопасности. Кроме того, они могли бы кардинально уменьшить затраты государства на регулирование трансграничных потоков, что для протяжённой границы России в регионе особенно актуально. Однако раскрытие этого потенциала новых технологий требует соединения всех существующих локальных и разнородных информационных комплексов контролирующих органов в единую межведомственную систему.

Основой такого информационного каркаса всей системы границы может стать Межведомственная интегрированная автоматизированная информационная система контроля на пунктах

пропуска (МИАИС), разработка которой по решению Правительства РФ была начата в мае 2008 г. С 2009 г. обсуждение вопросов внедрения МИАИС развернулось и на уровне ДФО, в комиссии при Представителе Президента РФ по информационной безопасности.

Проведённые в ходе подготовки к реализации данного проекта обследования показали, что основным препятствием к его осуществлению является неудовлетворительное состояние собственных информационных систем ведомств, обеспечивающих контроль в пунктах пропуска. Уровень готовности к внедрению МИАИС наиболее технически оснащённого из них – ФТС – по состоянию на 2008 г. не превышал 69%. В некоторых же контролирующих структурах (таких как, Россельхознадзор, отвечающий за фитосанитарный контроль) он был близок к нулевой отметке¹⁶⁰. Таким образом, подлинная «информационная революция» в системе российской границы, а тем более её дальневосточного участка, остаётся делом отдалённой перспективы¹⁶¹.

Тем не менее, некоторые последствия технико-технологической модернизации проявляют себя уже сегодня. В частности, этот процесс тесно связан с изменениями в количественных и качественных параметрах кадрового состава институтов границы. Если в 90-е гг. штатная численность пограничных войск на РДВ сокращалась главным образом в соответствии с соглашениями с Китаем 1990 и 1997 гг., а штаты таможенных и миграционных органов постепенно увеличивались, то в начале 2000-х гг. кадровая политика государства в отношении этих ведомств подверглась существенной корректировке.

В 2000 г. правительство приняло план крупномасштабного сокращения личного состава пограничных войск. Данное сокращение производилось ввиду технического перевооружения пограничного ведомства и его окончательного перехода на контрактную форму комплектования. На РДВ призыв срочников на службу в пограничные части был прекращён в 2008 г. Таким образом, полностью на «контракт» пограничная служба в регионе перешла в конце 2009 г.¹⁶²

С 2004 г. сокращения штатов развернулись и в таможенных органах дальневосточного региона. К середине 2005 г., после того как центральный аппарат ДВТУ был уменьшен на 25%, численность дальневосточных таможенников составляла 4755 чел. Сокращения, связанные со структурной оптимизацией и технологическим обновлением таможенной службы, происходили в ре-

гионе и в дальнейшем. Однако активизация внешнеэкономических отношений РДВ к концу 2000-х гг. вновь потребовала наращивания численности сотрудников таможни. В результате, к середине 2010 г. в органах, находящихся в составе ДВТУ, работало уже 5506 чел.¹⁶³ Это наглядно показывает, что, при всех оптимизирующих возможностях современной техники, она ещё далеко не является решающим фактором в организации таможенного регулирования.

В отличие от смежных ведомств, органы миграционного контроля в 2000-е гг. серьёзных сокращений не переживали. Напротив, как на федеральном, так и на региональном уровнях их штатная численность в целом (особенно с 2002 г.) постепенно возрастала. Этот рост был объективно обусловлен опережающим увеличением объёма работы миграционных органов и недостаточной плотностью их территориальной сети. Тем не менее, к концу 2000-х гг. проблема обеспечения потребностей миграционного контроля достаточным кадровым ресурсом так и не была решена. Численность гражданских сотрудников ФМС, в отличие от входящих в неё милиционеров, как правило, не обладающих необходимой профессиональной подготовкой, остаётся незначительной и составляет в каждом из регионов РДВ не более нескольких десятков человек.

Обращаясь к качественной стороне кадрового состава институтов, осуществляющих охрану и контроль на дальневосточной границе, следует, прежде всего, отметить, то влияние, которое оказывали на неё изменения в уровне материального обеспечения служащих. Особенно наглядно они могут быть прослежены на примере органов пограничной охраны. Обвальное ухудшение материальных условий службы личного (в первую очередь, офицерского) состава погранвойск в 90-е гг. имело для них не только непосредственные, но и долгосрочные негативные последствия. Низкое денежное довольствие, фактическая утрата ряда социальных льгот, невозможность получить жильё в эти годы стали причиной увольнения со службы многих офицеров-пограничников, должности которых замещались подготовленными по ускоренным программам прапорщиками¹⁶⁴. Вместе с постсоветской ценностно-идеологической дезориентацией и деградацией технического потенциала пограничных войск, сопряжённое с этим снижение уровня их профессионализма, безусловно, не могло не отразиться на надёжности охраны границы.

Благодаря принятым с 2004 г. мерам, включая повышение денежного довольствия, введение надбавки за пограничную службу, строительство жилья для военнослужащих и иные шаги, отток кадров из пограничной службы удался в основном остановить. Последующий полный отказ от призыва солдат-срочников и их замена «контрактниками», т.е. офицерами, прапорщиками и сержантами, проходящими при приёме на службу специальный отбор, также способствовали повышению среднего уровня профессиональной (теоретической, политической, психофизической) подготовленности пограничников. Условия службы по контракту сегодня привлекают на дальневосточную границу выпускников не только специализированных учебных заведений (таких как созданный в 1993 г. в Хабаровске Пограничный институт), но и многих гражданских вузов региона¹⁶⁵.

Тем не менее, кадров офицеров-пограничников на РДВ до сих пор не хватает. По данным пограничных органов, на 2008 г. неуккомплектованность офицерских штатов в регионе составляла около 40%¹⁶⁶. Кроме того, даже действительно качественное образование далеко не всегда может восполнить неизбежный для молодых кадров недостаток практического опыта. В настоящее время, в отсутствие достаточного числа офицеров старшего поколения, выпускники вузов нередко назначаются на должности командиров застав (отделений) уже через 1 – 1,5 года службы¹⁶⁷. Подобное вынужденное омоложение среднего командного звена погранслужбы, являющееся своего рода эхом 90-х гг., представляет собой важную проблему для обеспечения эффективной работы ведомства, решить которую, по-видимому, может только время.

Кадровая ситуация в других ведомствах системы границы в изучаемый период отличалась в целом большей стабильностью. Так, в 90-е гг. в условиях низкой оплаты труда сотрудников таможенные органы РДВ также сталкивались с проблемами высокой текучести кадров и слабости их профессиональной подготовки¹⁶⁸. Однако, в отличие от погранслужбы, эти проблемы не были столь масштабны. К началу 2000-х гг., когда зарплаты сотрудников ведомства стали повышаться, дальневосточной таможне в основном удалось сформировать и сохранить своё кадровое ядро. По данным на 2005 г., 58% личного состава таможенных органов региона имело стаж работы по профессии от 5 до 15 лет. 78,4% сотрудников дальневосточной таможни имели высшее образование. Одним из факторов сравнительно благополучной

ситуации с кадрами в таможенных органах были предпринимавшиеся их руководством с 1990 г. меры по развитию системы профессиональной подготовки и обучения работников. Важной вехой в этой деятельности стало создание в декабре 1994 г. Владивостокского филиала Российской таможенной академии, обеспечивающего сегодня подготовленными и переподготовленными специалистами таможенного дела весь дальневосточный регион¹⁶⁹.

Пожалуй, самым проблемным из качественных параметров кадрового состава таможни в настоящее время является состояние его морально-правовой культуры, внешним поведенческим выражением которого служат коррупционные отношения. Количество судебных дел и особенно оценки экспертов показывают, что уровень коррумпированности сотрудников дальневосточной таможни остаётся весьма высоким¹⁷⁰.

Миграционная служба и ее кадровый потенциал по сей день пользуются значительно меньшим вниманием со стороны российского правительства. Об этом свидетельствует и относительно невысокий уровень зарплат ее сотрудников, и отсутствие прогресса в решении давно назревшего вопроса о создании в структуре ФМС укомплектованной гражданскими специалистами миграционной инспекции. Основную часть кадров ФМС и в особенности ее руководящего звена составляют выходцы из «силовых», правоохранительных органов. Особенно острой проблемой для ведомства является слабость специальной профессиональной подготовки сотрудников. В стране до сих пор отсутствуют специализированные учебные заведения, готовящие кадры для органов миграционного контроля.

Период 1988 – 2010 гг. стал временем противоречивого и волнообразного, но, в целом, очевидного возвращения в политическую жизнь страны гражданского общества, множества разнотипных негосударственных субъектов. Прямым отражением этого макропроцесса явилось восстановление в системе государственной границы почти полностью вытесненного из неё в предшествующий период социального компонента. За последнее двадцатилетие на РДВ произошло более или менее чёткое оформление ряда социальных групп, которые наряду с государственными органами занимают своё место в числе постоянных и активных участников трансграничных отношений региона с сопредельными странами. Различными путями и с разным успехом, но с неизменно настойчивостью эти группы артикулируют свои инте-

рессы на уровне региональной и даже национальной политики, оказывая влияние на развитие структуры и регулирующих функций дальневосточной границы.

Вовлечение негосударственных субъектов в социально-экономическое взаимодействие Дальнего Востока со странами-соседями (прежде всего, с КНР) начинается в 1987 г. на волне «перестроечных» перемен в сознании и поведении общества и власти, ещё до появления каких-либо необходимых для этого правовых и институциональных условий. Несмотря на неполноту тех статистических данных за 1988 – 1993 гг., которые можно найти в литературе, они достаточно определённо свидетельствуют о том, что эти годы характеризовались скачкообразным ростом интенсивности негосударственных трансграничных отношений.

При этом, уже на данном этапе негосударственное трансграничное взаимодействие осуществлялось в двух основных формах – неорганизованной (основанной на неформальных, межличностных отношениях) и организованной (базирующейся на в той или иной степени формализованных отношениях между институциональными субъектами). По крайней мере, до начала 2000-х гг. неорганизованная форма взаимодействия оставалась доминирующей не только с точки зрения массовости, но и по своему экономическому эффекту для региона. Так, по самым осторожным оценкам, объём неофициального импорта Дальнего Востока из Китая в 90-е гг. составлял примерно 500 – 600 млн. долл. в год, что в 2 – 2,5 раза превышало объём импорта официального¹⁷¹.

В 1988 – 1993 гг. организованные трансграничные отношения РДВ с Китаем быстро приобрели в основном экономическую направленность. В регионе путём как «сверху» (через приватизацию государственной собственности), так и «снизу» (в порядке частной инициативы) возникло множество мелких и средних предприятий и фирм, ориентированных на взаимодействие с китайскими контрагентами, главным образом в форме бартерной торговли. В начале 90-х гг. только в южных районах РДВ насчитывалось около 1300 подобных организаций¹⁷². Что касается неорганизованного компонента трансграничных потоков, то в эти годы он ещё не обладал какой-либо чётко выраженной социальной и целевой структурой. Среди посещавших в это время Китай в качестве туристов россиян были достаточно равномерно представлены самые разные социальные группы, а в целях их поездок экономическая (коммерческая), социальная и культурная составляющие были обычно неотделимы друг от друга.

Ужесточение со второй половины 1993 г. таможенного и миграционного законодательства нанесло серьёзный удар по объёмам «организованной» бартерной торговли. Дальневосточный бизнес, занимавшийся торговлей с Китаем, был существенно потеснён крупными столичными компаниями, которые, пользуясь предоставленными им центральными властями таможенными и налоговыми льготами, во многом взяли поставки китайского импорта в регион в свои руки¹⁷³. Значительно сократился в 1994 г. и общий поток мигрантов, пересекавших российско-китайскую границу. Однако неорганизованные трансграничные связи, в конечном счёте, оказались более способными к адаптации к новым условиям. Реакцией на них стало, в частности, ускорение размежевания выезжавших в Китай жителей РДВ на мигрантов экономического (в основном, мелких торговцев, «челноков») и социокультурного (т.е. собственно туристов) типов.

Последующая детализация и барьеризация правового регулирования и естественные процессы укрупнения и специализации неорганизованной российско-китайской торговли во второй половине 90-х гг. привели к усложнению состава и самих «челноков». Из числа типичных индивидуальных торговцев, работающих без регистрации и налогообложения, под видом «туристов», стали выделяться успешные дельцы, заинтересованные в дальнейшем упрочении и расширении своего бизнеса. Регистрируя и легализуя свою деятельность, они пополняли тем самым поредевшие ряды малого и среднего предпринимательства региона. Кроме того, борьба государства с челночной торговлей стала причиной широкого вовлечения в эту сферу вспомогательного персонала, различных категорий наёмных работников («кирпичей», «фонарей», «кэмелов»). Деятельность этого вербуемого из безработных и малоимущих жителей приграничья наёмного персонала, также как и большинства его российских и китайских работодателей, принадлежит к области «серой», неофициальной экономики¹⁷⁴.

Наконец, нельзя не упомянуть и о такой специфической социальной группе, сформировавшейся на РДВ в 90-е гг. как криминалитет, члены организованных преступных группировок (ОПГ). На фоне высокого уровня общей криминализации региона, многочисленности и сплочённости его преступного мира, внешнеэкономические отношения были и остаются особенно привлекательной сферой деятельности для дальневосточных ОПГ. В отношениях с Китаем важнейшими отраслями крими-

нального бизнеса являются незаконный экспорт нефти- и морепродуктов, леса, цветных и драгоценных металлов, наркобизнес. По утверждению представителей силовых структур, на РДВ те или иные связи с преступными сообществами на конец 90-х гг. имело порядка 400 легально работающих фирм¹⁷⁵. Однако, всё же главной питательной средой для развития дальневосточного криминалитета, по-видимому, служит огромный «серый», неформальный пласт экономики региона, включая её транснациональные сегменты.

Почти столь же труднодоступной для идентификации и изучения частью напрямую вовлечённого в трансграничные отношения населения РДВ как криминалитет является иммигрантское сообщество. Весьма сложную проблему представляет уже установление точной численности восточноазиатских мигрантов в регионе и, прежде всего, их крупнейшей группы – китайцев. Учитывая, с одной стороны, очевидную неполноту данных официальной (переписной и ведомственной) статистики, а с другой, политико-полемическое происхождение цифр, называемых алармистки настроенными экспертами, за наиболее реалистичные, на мой взгляд, можно принять оценки, согласно которым текущая численность китайских мигрантов на РДВ на начало XXI в. составляла в среднем около 150 тыс. чел.¹⁷⁶ При этом, к числу постоянно (от 1 года и более) проживающих в регионе лиц, судя по этим оценкам, можно отнести не более трети мигрантов из Китая¹⁷⁷. Именно последняя часть иммигрантов, которая, помимо длительности нахождения в России, отличается внутренней культурной и организационной сплочённостью и наличием устойчивых интересов в стране пребывания, может рассматриваться в качестве китайской диаспоры¹⁷⁸. С точки зрения социальной принадлежности, её ядро образуют коммерсанты, служащие и студенты. Вместе с тем, следует отметить, что два десятилетия, прошедшие с момента возобновления миграции китайцев на РДВ, являются слишком кратким периодом для того, чтобы считать формирование китайской диаспоры в регионе вполне свершившимся фактом.

Впрочем, недосформированность и нестабильность свойственны положению и организации отнюдь не только иммигрантского сообщества. В значительной степени они присущи всей постсоветской социальной структуре общественной системы региона и страны в целом. К началу 2000-х гг., под действием в основном стихийных социально-экономических процессов, сложи-

лись лишь самые общие контуры этой структуры. В первое десятилетие XXI в. структурирование дальневосточного общества продолжалось, причём его главным фактором стала государственная политика. Правовыми и административными средствами в последние годы Москва вносила существенные коррективы в ресурсную базу, статус, численность и влияние социальных групп населения региона, – в особенности тех, которые входят в состав социального компонента системы дальневосточной границы.

В течение изучаемого в этой главе периода роли различных социальных групп и их интересов в развитии системы дальневосточной границы претерпели значительную эволюцию. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. наиболее заметное влияние на формирование и функционирование этой системы оказывал стремительно расширявшийся в эти годы слой дальневосточных предпринимателей, в основном малых и средних. Его интересы, состоявшие, прежде всего, в налаживании беспрепятственной трансграничной торговли товарами и услугами, как правило, быстро находили понимание и в органах местной власти, и в администрациях краёв и областей, которые фактически контролировали в это время ситуацию на границе. С 1992 г. региональные власти стали привлекать дальневосточный бизнес к строительству и оснащению открывавшихся пограничных переходов, тем самым по существу делегируя его представителям определённые полномочия по регулированию трансграничных потоков¹⁷⁹. Взаимодействие администраций и бизнеса, в отсутствие соответствующего законодательства, осуществлялось главным образом на неформальном уровне, что создавало благоприятную среду для появления негласных преференций и устойчивых коррупционных связей.

С 1994 г. в составе социального компонента системы дальневосточной границы начинают происходить изменения, связанные с активным продвижением на региональные рынки крупного московского капитала. Оно явилось закономерным результатом процесса становления новой российской буржуазии, который резко ускорился с победой в руководстве страной радикально-либеральных сил. Укрепив свои позиции в центральных органах государственной власти (в т.ч. путём прямого олигархического сращивания с ними), сконцентрированный в столице крупный бизнес получил возможность приступить при их содействии к завоеванию периферии экономического пространства России.

Политической предпосылкой для такой экспансии служило стремление российского руководства ослабить региональный «сепаратизм», лишив его независимой финансовой (в т.ч. внешнеэкономической) базы. Впрочем, к этому моменту власти дальневосточных субъектов РФ сами всё более утверждают в роли защитников национальных интересов и территориальной целостности. Столкнувшись с последствиями политики безоглядной открытости внешнему миру, они приступают к ограничению свободы трансграничного туризма и торговли.

В действительности, однако, регулирование трансграничных социально-экономических отношений как со стороны региональных, так и центральных властей, имело с защитой национальных интересов очень мало общего. Фактически каждое ужесточение таможенного и миграционного режима (начиная с 1993 г.) сопровождалось введением нарушавших его общеобязательный характер льгот и преференций, предназначавшихся в первую очередь для бизнес-структур, негласно связанных с органами власти разного уровня. Так, центральные ведомства, усиливая контроль над дальневосточной границей, вместе с тем, сохраняли особые льготные условия внешнеэкономической деятельности для целого ряда крупных компаний, включая оптовых импортёров, ввозивших на РДВ китайские товары, и предприятия добывающей промышленности, применявшие труд иммигрантов и вывозившие в Китай сырьевые продукты (нефть, газ, металл и лес)¹⁸⁰. В свою очередь, администрации приграничных регионов, получившие право определять возможность допуска туристических и транспортно-логистических фирм к работе на российско-китайской границе, далеко не всегда руководствовались в своём выборе декларируемыми целями протекционизма и барьеризации. В результате, отданные на откуп «своим» предпринимателям пункты пропуска, инфраструктура и потоки безвизовых туристов, управлялись и развивались в соответствии не столько с законодательством, сколько с коммерческими интересами отдельных лиц¹⁸¹.

Наиболее серьёзное воздействие меры государственного регулирования трансграничных процессов оказали на тех их участников, которые не имели неформальных связей в органах центральной и региональной власти, т.е. на большинство представителей малого и среднего бизнеса, российских и китайских индивидуальных торговцев («челноков») и наёмных работников. Однако, налаживая отношения с носителями власти более низкого, локального уровня (органами местного самоуправления, сотруд-

никами таможи, милиции, миграционной службы и др. структур) они также получали возможность преодолевать установленные законодательством барьеры. Для реализации частных интересов в обход таможенного и миграционного режима использовались не только прямой подкуп контролирующих субъектов, но и более сложные схемы. Так, муниципальные власти, примыкавших к дальневосточной границе районов, зачастую были готовы «закрывать глаза» на нелегальное положение прибывавших на их территорию под видом туристов китайских торговцев и рабочих, рассчитывая на то, что их присутствие позволит существенно увеличить налоговые поступления в местный бюджет¹⁸².

Широкое распространение «серых» форм трансграничной экономической деятельности и связанных с ними коррупционных отношений создавало условия для быстрого развития в регионе ОПГ. Вторая половина 90-х гг. стала временем расцвета дальневосточной организованной преступности, достижения ею (в т.ч. методами уголовного террора) наибольшей степени контроля над региональной экономикой.

К рубежу веков негосударственные субъекты и используемые ими неформальные практики стали определять социально-экономическое функционирование системы дальневосточной границы, по крайней мере, не в меньшей степени, чем государственные институты и законодательство. Пересечение таможенной и миграционной границы по существу превратилось в предмет частного торга между уполномоченными представителями власти и заинтересованными представителями общества. В определённых сферах (таких как экспорт сырья, оптовый импорт ширпотреба) и географических пунктах (погранпереходы) дальневосточная граница фактически являлась объектом децентрализованного управления со стороны отдельных бизнес-структур, ОПГ и связанных с ними чиновников.

Смена высшей политической власти в стране, произошедшая в 2000 г., послужила прологом к существенному изменению состава социального компонента системы дальневосточной границы и его места в структуре последней. Меры по централизации государственного управления и встраиванию губернаторов в единую исполнительную вертикаль способствовали дальнейшему расширению присутствия на Дальнем Востоке крупного общероссийского бизнеса. При этом наиболее заметной и активной его частью стали добывающие компании с государственным участием. Напротив, дальневосточное предпринимательство, ли-

шившееся прежнего покровительства региональных властей, было вынуждено сдавать свои позиции. Так, принятые в 2005 г. поправки в ФЗ «О туризме», привели к сокращению числа дальневосточных турфирм, имеющих право оказывать международные туристические услуги. Место выбывших заняли соответствующие новым требованиям закона московские туроператоры¹⁸³. В 2006 г. правительством были установлены таможенные правила, ограничивающие возможности ввоза в Россию товаров физическими лицами. Введённые, по мнению аналитиков, в интересах отечественной лёгкой промышленности и крупных торговых сетей, они нанесли ощутимый удар по развитой в регионе членочной торговле¹⁸⁴. С 2009 г., в связи с реализацией ФЦП «Государственная граница РФ», Москвой был взят курс на возвращение в государственную собственность находящихся в руках частных компаний и муниципалитетов дальневосточных погранпереходов. При этом, как было решено уже в 2010 г., передача этих переходов на баланс Росграницы должна производиться не путём выкупа, а на безвозмездной основе¹⁸⁵.

Передел рынков и перераспределение собственности сопровождалась активизацией в 2000-е гг. работы правоохранительных органов по выявлению и ликвидации преступных группировок, действующих в трансграничном бизнес-сообществе, контролируемых в ведомствах и органах власти региона. Особенно интенсивно такая работа велась в Приморском крае. Одним из самых громких расследований, касающихся незаконной экономической деятельности на дальневосточной границе, стало возбуждённое в 2005 г. уголовное дело о контрабанде товаров из Китая, среди обвиняемых по которому проходили начальник ДВТУ и ряд представителей краевой власти¹⁸⁶.

Произошедшее в 2000-е гг. масштабное изменение состава социального компонента системы дальневосточной границы неоднозначно как по своим целям, так и по последствиям. Вполне оправданное стремление Москвы навести порядок на границе, и восстановить единство экономического и социального пространства страны приняло форму не долговременной политики региональных реформ, но лишь серии оперативных, в основном карательных, мероприятий. Кроме того, оно зачастую было неразрывно сплетено с реализацией корпоративных, ведомственных и частных интересов тех, кто рассматривал регион как «законную добычу» победителей очередного раунда борьбы за федеральную власть. Поэтому жертвами этой политики стали отнюдь не только

недобросовестные бизнесмены, криминальные чиновники и криминальные элементы. От резкого пересмотра нормативно-правовых режимов, часто не оставлявшего объективных возможностей для адаптации к новым нормам, пострадали широкие слои населения РДВ, включая как непосредственно участвующих в трансграничных отношениях предпринимателей, «челноков» и наёмных работников, так и массу потребителей предлагаемых ими товаров и услуг. В отсутствие институциональных механизмов для ведения прямого диалога с властью, недовольство этих слоёв смогло найти своё выражение только в материалах некоторых печатных СМИ, в информационном пространстве Интернета, а также в отдельных акциях уличного протеста¹⁸⁷. Для большинства же недовольных главной стратегией защиты своих интересов в условиях ужесточения пограничного регулирования стало изобретение новых «серых» схем и технологий ведения трансграничного бизнеса.

Менее заметной, чем описанные выше, но, на мой взгляд, весьма важной тенденцией изменения состава социального компонента системы изучаемой границы в 2000-е гг. было медленное, но устойчивое укрепление в нём позиций малых и средних предпринимателей, работающих в обрабатывающих отраслях промышленности и в сфере торговли их продукцией. После значительного сокращения в 90-е гг., в период господства торгово-сырьевой экономики, в первое десятилетие XXI в. доля этой группы в рядах дальневосточной буржуазии вновь стала увеличиваться. Этому процессу способствовали протекционистские меры правительства, ослабление налогового и административного давления на малый бизнес и даже выделение бюджетных средств на его поддержку в рамках специальных государственных программ. Что касается РДВ, то усиление политической и финансовой поддержки государством товаропроизводителей в данном регионе было тесно связано с принятием второй (2002 г.) и особенно третьей (2007 г.) редакций ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья».

С точки зрения своих общих интересов региональные товаропроизводители (предприниматели импортозамещающего сектора) противостоят, с одной стороны, бизнесу, основанному на ввозе (в основном «сером») на РДВ дешёвых потребительских товаров из Китая, а, с другой, крупным энергетическим и добывающим компаниям, экспортирующим в КНР необработанное сырьё, повышая цены на него на внутреннем рынке¹⁸⁸. Китай эти

предприниматели рассматривают, прежде всего, как источник инвестиций, оборудования и технологий, а также рабочей силы. Кроме того, для этой части дальневосточных предпринимателей характерна отличная от других групп модель взаимодействия с органами власти. Если крупный капитал, располагая соответствующими возможностями, во многом сохраняет приверженность неформальным методам лоббирования своих интересов, а теневое положение ведущих трансграничную торговлю «челноков» и мелких фирм-однодневок не оставляет им никаких иных способов общения с властью, кроме коррупционных, то представители импортозамещающего бизнеса выступают за использование гласных и легальных форм лоббизма¹⁸⁹.

В целях доведения до власти своих нужд, в т.ч. в сфере внешнеэкономической деятельности, дальневосточные производители не только используют различные институциональные механизмы, сформированные «сверху» (такие как комиссии и советы по делам предпринимателей при полпреде Президента и главах регионов), но и активно создают собственные. Только с 2003 по 2009 гг. в ДФО количество отраслевых и территориальных предпринимательских объединений, союзов и ассоциаций увеличилось с более чем 50 до 166¹⁹⁰. С 2005 г. было начато проведение Дальневосточных международных экономических конгрессов, где бизнесмены региона имеют возможность обсуждать свои планы и проблемы с представителями как органов власти субъектов федерации, так и федерального центра и сопредельных государств¹⁹¹.

В резолюциях и обращениях, которые направлялись в последние годы различными представлявшими интересы предпринимателей институтами в адрес Президента РФ, Правительства, Федерального Собрания, центральных ведомств и региональных властей неоднократно формулировались проблемы трансграничных отношений РДВ, решение которых требует вмешательства государства. Среди них – слаборазвитость пограничной и транспортной инфраструктуры, неоперативность работы таможенных органов, недостаточность контроля над вывозом сырья, значительный размах контрабандных операций, существование нелегальной миграции, отсутствие необходимой нормативно-правовой базы для создания приграничных торгово-экономических комплексов и особых экономических зон и стимулирования притока в регион иностранных инвестиций¹⁹².

Как указывалось выше, во второй половине 2000-х гг. меры по решению части из этих проблем государством были приняты. Тем не менее, по признанию самих дальневосточных товаропроизводителей, результативность их лоббистской деятельности, особенно на уровне центральной власти, остаётся в целом довольно низкой. Инициативы дальневосточного предпринимательства, касающиеся создания СЭЗ «Дальний Восток», принятия ФЗ «О приграничном сотрудничестве», внесения поправок в ФЗ «О туризме», и ряда других значимых для региона вопросов, до сих пор не реализованы. В процессе выработки в московских «коридорах власти» пограничной политики значительно чаще верх одерживают интересы крупных корпораций, и, прежде всего, ресурсодобывающих компаний. Очередным свидетельством тому стало подписание в октябре 2009 г. главами правительств РФ и КНР «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.)», задающей будущему трансграничному сотрудничеству региона с сопредельными территориями определённо экспортно-сырьевой вектор¹⁹³.

Стремление к самоорганизации на законных основаниях для защиты своих интересов всё чаще демонстрируют и китайские иммигранты. В 2000-е гг. созданные ими и официально зарегистрированные организации регионального масштаба существовали в Приморском крае и Амурской области¹⁹⁴. Однако влияния на иммиграционную политику российских властей, а тем более на пограничную политику в регионе в целом, данные организации практически не оказывали. Отчасти это обусловлено позицией региональных администраций: даже те из них, которые готовы мириться с существованием на своей территории формальных китайских общественных институтов, как правило, не допускают возможности их превращения в политических субъектов.

Другими, более фундаментальными, на мой взгляд, причинами слабой институализированности китайской иммиграции служат её внутренний состав и те широкие возможности ведения «теневой» деятельности, которые предоставлены иммигрантам в России. Как уже отмечалось, до недавнего времени в составе китайских мигрантов на РДВ безусловно преобладали мелкие торговцы и низкоквалифицированные рабочие, ориентированные в основном на кратковременное пребывание в регионе. Их потребностям вполне отвечают разного рода неофициальные локальные «общинные» объединения, образованные как по профессиональ-

ному, так и по земляческому признакам¹⁹⁵, и имеющие своих признанных руководителей. Подобные общины не только выполняют функции внутреннего самоуправления, но и через своих глав неформальным путём улаживают текущие вопросы, возникающие в отношениях с представителями власти. В случае возникновения более серьёзных конфликтов, локальные китайские общины могут апеллировать к обеспечивающим юридическую помощь и поддержку иммигрантам в широких территориальных границах официальным зарубежным представительством администраций китайских городов и крупных фирм. Такие представительства действуют в частности в Благовещенске, Владивостоке и Уссурийске¹⁹⁶. Возрастающее внимание к нуждам китайских мигрантов проявляет и консульство КНР, расположенное в Хабаровске.

Наблюдающееся в последние годы изменение состава выходцев из Китая на РДВ, повышение среди них доли представителей зарегистрированного малого и среднего бизнеса, служащих и студентов, которые отличаются более высоким образованием, знанием российского законодательства и наличием долгосрочных интересов в регионе, способно оживить процесс выхода иммигрантов из «тени» и создания ими общественных организаций. Стимулом к этому служат и появляющиеся заявления высокопоставленных федеральных чиновников о необходимости защиты законной деятельности китайских бизнесменов в России¹⁹⁷. Исходя из этого, значительное повышение в ближайшем будущем степени формальной институализации китайского населения РДВ и рост его лоббистского потенциала можно считать весьма вероятными.

Присутствие общества в системе дальневосточной границы в изучаемый период не исчерпывалось различными формами его автономного (инициативного) участия в формировании и функционировании последней – от политической и криминальной борьбы до легального (частно-государственное партнёрство) и противозаконного (коррупция) сотрудничества. Определённое место в структуре взаимодействия государства и общества в сфере пограничного регулирования в регионе и в этот период занимало мобилизованное (управляемое) поведение граждан.

К началу 90-х гг. сеть ДНД, посредством которых в советский период осуществлялось привлечение гражданского населения к охране границы, в основном прекратила своё существование. Однако очень скоро стало ясно, что организованное содейст-

вие со стороны жителей приграничья по-прежнему сохраняет для пограничников актуальность. Признание государством этого факта в ФЗ «О Государственной границе РФ» 1993 г. (ст. 37, 38) положило начало попыткам восстановления системы мобилизации общественных сил на решение задач государственной пограничной политики¹⁹⁸. В ряде субъектов РФ, включая дальневосточные, основной социальной опорой органов власти в решении этих задач стало возрождающееся казачество.

Процесс социального и институционального возрождения казачества на РДВ, начавшийся в 1990 г., оказался весьма противоречивым. Осуществлявшаяся в 90-е гг. демаркация российско-китайского участка дальневосточной границы, по существу, поставила большинство казаков региона в оппозицию политике федерального центра. В то же время, именно она способствовала укреплению отношений между казачьими объединениями и региональными властями, при поддержке и под руководством которых и производилось (в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22 апреля 1994 г.) практическое вовлечение казаков в работу государственных институтов, входящих в систему дальневосточной границы. Так, в Приморском крае представители Уссурийского казачьего войска принимали участие в мероприятиях, проводимых пограничными, таможенными и миграционными органами уже с середины 90-х гг.¹⁹⁹

Завершение разграничения с Китаем и отказ российского руководства от либеральной идеологии в пользу национально-консервативных ценностей способствовали оживлению взаимодействия между дальневосточным казачеством и федеральными органами власти. С середины 2000-х гг., с принятием ФЗ «О государственной службе российского казачества», процесс формирования нормативно-правовых и институциональных механизмов, обеспечивающих участие казаков в реализации государственной пограничной политики значительно ускорился. В ходе выполнения этого закона, в ноябре 2010 г. региональные казачьи общества из 8 субъектов ДФО были объединены в Уссурийское войсковое казачье общество (УВКО), подчиняющееся Совету при Президенте РФ по делам казачества. Казаки, вошедшие в состав реестрового УВКО, которое получило статус мобилизационного резерва силовых структур, стали государственными служащими, получающими официальную зарплату и специальные звания. В числе основных задач новообразованного войска его атаманом

О.А. Мельниковым были названы охрана границы и хозяйственное освоение приграничных территорий²⁰⁰.

Реестровый способ привлечения казачества к выполнению государственных задач нашёл поддержку далеко не у всех дальневосточных казаков. Внутриказачьи разногласия по вопросу о реестре, возникшие ещё во второй половине 90-х гг. не изжиты и сегодня. Часть казаков, объединённых в общественные организации, считает, что происходящие централизация и унификация казачьих обществ, их полная интеграция в систему государственных институтов, лишает казачество самостоятельности и самобытности. По их мнению, свою службу государству казаки должны сочетать с сохранением традиций внутренней автономии и самоуправления²⁰¹.

Таким образом, реформирование организации казачества, повышая его управляемость, вместе с тем, создаёт угрозу его отрыва от гражданского общества и сужения, в конечном счёте, социальной базы содействия государственной пограничной политике. Между тем, на ноябрь 2010 г. реестровых казаков в ДФО насчитывалось лишь 5261 чел.²⁰² В 2007 г. в имеющем наиболее многочисленное среди дальневосточных субъектов РФ казачье население Приморском крае в охране границы принимали участие 348 казаков, а в охране общественного порядка – 846²⁰³. Очевидно, что, в условиях широкой вовлечённости местного населения в отношения с сопредельными китайскими территориями и высокого уровня трансграничной преступности, помощи этих сил для обеспечения надлежащего контроля над линией границы и пограничной зоной совершенно недостаточно. Возможно, что отказ от наращивания численности ДНД²⁰⁴ и реестровое ограничение рядов казачества, его профессионализация связаны со ставкой государства на создание высокотехнологичной «умной» границы. Однако, как уже отмечалось выше, появление на РДВ границы такого типа является делом достаточного отдалённого будущего.

Возвращение в трансграничные отношения негосударственных субъектов и демонополизация информационного пространства страны не могли не повлечь за собой изменений в структуре и содержании культурного компонента системы дальневосточной границы. Структурные изменения в культуре дальневосточной границы в период 1988 – 2010 гг. выразились, прежде всего, в том, что, перестав быть организуемой по преимуществу дискурсом власти, она быстро распалась на ряд вполне самостоятельных

и во многом игнорирующих друг друга субкультур. Основные субкультурные разломы прошли по линиям элита (в особенности, политическая и научная) – массы и центр – дальневосточный регион. Особый, в значительной мере отличающийся от остальных слоёв общества, культурный образ дальневосточной границы сложился в этот период у социальных групп РДВ, непосредственно вовлечённых в трансграничные отношения. Быстрота произошедшей субкультурной дифференциации была обусловлена не только революционным характером общественно-политической трансформации страны в 90-е гг., но и тем, что в её основе лежала давняя и глубокая социальная и пространственная неоднородность российского общества, лишь сглаженная или отчасти вытесненная в «культурное подполье» в советскую эпоху.

Либерализация и плюрализация процессов формирования культуры границы способствовали резкому росту её информационной, когнитивной ёмкости. Если в предшествующий период основным источником знаний общества о дальневосточной границе являлась официальная политико-публицистическая литература, то в 1988 – 2010 гг. помимо появления неофициальной публицистики, кардинально увеличился поток публикаций нормативно-правовых документов и научных исследований, а также оперативной новостной информации. Возник (или был открыт для широкой аудитории) целый ряд специализированных (ведомственных) периодических и сериальных изданий, регулярно освещающих работу институтов границы, в т.ч. на её дальневосточном участке²⁰⁵.

Чрезвычайно важным фактором когнитивного усложнения культурного образа дальневосточной границы явилось то, что как объект, она стала намного более доступной как для исследователей, так и для рядовых граждан. За рассматриваемый период российско-китайский участок дальневосточной границы был пересечен миллионами россиян, значительно возросла посещаемость примыкающих к нему приграничных территорий. Интенсификация трансграничных и приграничных миграций привела не только к расширению массовых знаний о границе, повышению их полноты и достоверности, но и к изменению сущностного представления об этом объекте. На смену абстрактному и упрощённому представлению о государственной границе как о линейном, разделяющем рубеже пришло понимание её в качестве сложноорганизованного связующего пространства, транзитной зоны, где осуществляются и регулируются разнообразные контакты с

внешним миром. При этом, среди функций данного пространства экономическое (таможенное) регулирование в современном культурном сознании россиян явно оттесняет на задний план военно-политическую защиту страны, пограничную охрану²⁰⁶.

Фактор личного опыта в формировании образа границы особенно значим для жителей РДВ. По данным опроса, проведённого в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной областях в 2003 г., 35% дальневосточников хотя бы раз в жизни бывали в Китае. 8% (видимо, в основном из числа «челноков» и «помогаек») посещали Китай многократно. Судя по ответам респондентов, поездки в Китай и общение с китайцами в России являются для дальневосточников основным источником информации об этой стране и её населении²⁰⁷. Разумеется, что такую же весомую роль как в создании образа Китая и китайцев, непосредственный опыт играет и в формировании в сознании жителей региона образа дальневосточной границы, служащей главным пространством и регулятором массовых контактов с соседями. Можно предположить, что в сочетании со сведениями, почерпнутыми из СМИ, научной и научно-популярной литературы, подобная широкая личная осведомлённость населения РДВ обеспечивает сравнительно высокую достоверность и объективность его представлений о дальневосточной границе. Опосредованный способ формирования (через СМИ) и относительно высокая мифологизированность сегодня остаются характерными для культурных представлений лишь о северокорейском участке этой границы.

При общем росте в 1988 – 2010 гг. абсолютных объёмов потребляемой российским обществом информации о Китае, трансграничных отношениях с ним и дальневосточной границе²⁰⁸, занимаемая ей относительная доля информационного поля страны, которая может свидетельствовать о значимости данной проблематики для общественного сознания, была неустойчива. Некоторое представление о её колебаниях даёт рассмотрение тематической динамики сюжетов и публикаций в российских медиа изучаемого периода. После кратковременного всплеска интереса со стороны СМИ, связанного с провозглашённой Горбачёвым политикой интеграции в АТР и примирения с Китаем и с оживлением советско-китайских межгосударственных контактов²⁰⁹, китайская проблематика надолго была оттеснена на периферию внимания центральной печати. Тем более незначительной её доля была в эфире имевших наибольшую аудиторию телевизионных

СМИ. В материалах центральных газет и каналов, посвящённых происходящему во внешнем мире, в 90-е гг. безусловно доминировали США и страны Европы²¹⁰. Некоторый рост интереса журналистов к восточному соседу наметился только во второй половине 90-х гг., однако он имел скорее официальную и ситуативную подоплёку, и, как правило, был приурочен к участвовавшим в эти годы двусторонним визитам и подписанию соглашений.

Следует отметить, что культурная девальвация в 90-е гг. образа Востока, включая не только Китай, но и зарубежную Азию в целом, сопровождалась значительным понижением в общественном сознании России и статуса РДВ. В рамках прежнего изоляционистского, военно-политического мировосприятия советского общества, Дальний Восток оценивался как органическая, а, следовательно, принципиально равноценная часть государственного целого, без сохранения и развития которой обеспечить его «герметичность» перед лицом внешних угроз невозможно. В контексте возобладавшей в постсоветский период идеологии «открытого общества», функционирующего поверх границ и имеющего своим духовным и материальным центром Запад, РДВ неизбежно стал мыслиться как принадлежащий к глубокой мировой периферии. Утратив самодовлеющую значимость, образ региона вновь обнаружил свою инструментальность, зависимость от «ценности» сопредельных и сообщающихся с ним азиатских стран. Культурная же «ценность» последних определялась мерой их соответствия стандартам «цивилизованных» демократических государств.

В начале 2000-х гг. рост доли материалов, посвящённых Китаю, в российских масс-медиа значительно ускоряется и превращается в устойчивую тенденцию. Согласно данным Фонда развития сотрудничества с Китаем, если в ноябре 2004 г. печатные российские СМИ в целом опубликовали 409 статей о Китае, то в марте 2007 г. количество таких статей выросло до 1269²¹¹. Конечно, столь серьёзное перекраивание информационного поля отразило, прежде всего, изменения в политике государственных органов, которые с приходом в Кремль В.В. Путина стали проводить курс на «стратегическое партнёрство» с Пекином более твёрдо и последовательно. Однако, на мой взгляд, нельзя исключать и того, что в нём нашли воплощение и более глубокие процессы, происходящие в ценностном слое культурного сознания самого общества. Как показывают данные ряда общероссийских опросов, проводившихся в период с 1989 по 1998 гг., уже к концу

90-х гг. имевшее место ранее стремление большинства россиян практически во всех отношениях идентифицировать свою страну с западной цивилизацией сменилось менее однозначным, внутренне дифференцированным самоопределением. Так, большая часть участников опроса 1998 г. указала, что Россия стоит ближе к Западу (США, Франция, Германия) только в культурном отношении, тогда как в экономическом тяготеет к странам Востока (Китай, Япония, Индия), а по своему национальному характеру занимает промежуточную позицию²¹².

Ценностная реабилитация Востока и в частности Китая в сочетании с вновь возродившимися ожиданиями ускорения экономического развития страны от интеграции в АТР имели своим прямым следствием заметное повышение интереса российского общества к дальневосточному региону. Рост присутствия РДВ в национальном информационном пространстве в 2000-е гг. также во многом был инициирован «сверху». Ему способствовали не только публичные выступления руководителей государства и высокопоставленных чиновников по дальневосточной повестке, но и их участвовавшие поездки в регион, создававшие информационные поводы для СМИ.

Столь сильные колебания в оценке значимости Китая и отношений с ним не были характерны для сознания жителей РДВ. Китайская проблематика, утвердившаяся в дальневосточных СМИ и публицистической литературе с конца 80-х гг., с тех пор неизменно остаётся в них одной из наиболее освещаемых. При большом разбросе позиций авторов публикаций по отношению к трансграничному взаимодействию с КНР и политике его регулирования, сама по себе огромная значимость их для настоящего и будущего региона сомнению практически не подвергалась. Вполне согласуются с подобным представлением и взгляды представителей научного сообщества РДВ, что подтверждает проведённый в апреле 2010 г. опрос 20 исследователей из Владивостока, Благовещенска и Хабаровска. По мнению всех участников опроса, Китай является наиболее важным партнёром РДВ из числа стран, имеющих с регионом трансграничные отношения. Оценивая значимость трансграничных отношений с Китаем среди других факторов развития РДВ, 40% опрошенных ответили, что она «велика», а 50% – что она «очень велика»²¹³.

Что касается характера трансграничных отношений с Китаем, и их вероятных последствий для России и её дальневосточного региона, то, в зависимости от территориальной и социальной

принадлежности авторов публикаций и респондентов, они получали в период 1988 – 2010 гг. очень разные, порой полярные, толкования. Заметные разногласия в оценках российско-китайского взаимодействия появились уже в начале 90-х гг. Впрочем, первоначально эти разногласия едва ли имели под собой какую-либо определённую ценностную, культурно-идеологическую основу: их появление было обусловлено скорее конъюнктурными и индивидуальными факторами, а также ограниченностью и фрагментарностью информации об обсуждаемом предмете. Именно такая ситуация сложилась в 90-е гг. в центральных СМИ и, судя по всему, российском общественном сознании в целом. Вялая и отвлечённая, в условиях общей низкой оценки значимости Китая, полемика по вопросу о возможных результатах отношений с этой страной, так и не привела в этот период к появлению в российском обществе какого-либо доминирующего мнения²¹⁴.

Иную динамику в 90-е гг. демонстрировало общественное сознание населения РДВ. Уже с 1993 г. пестрота частных точек зрения на состояние и перспективы взаимодействия с великим соседом начинает сменяться в регионе консолидацией, формированием коллективного мнения по данному вопросу. И это мнение имело в целом негативную окраску. Роль своеобразного «спускового крючка», спровоцировавшего стремительные изменения в структуре сознания дальневосточников, сыграли, по-видимому, развернувшиеся весной 1993 г. демаркационные работы на российско-китайском участке дальневосточной границы. С этого времени в печатных СМИ региона стали в большом количестве появляться публикации, в различной форме развивавшие тему «жёлтой опасности», «китайской угрозы». Помимо ожидаемой утраты Россией тех или иных территорий (от отдельных приграничных земель до всего пространства от Тихого океана до Байкала), предметами таких публикаций являлись насущные негативные последствия китайского присутствия на РДВ, включая скупку китайцами российской собственности и сырья, ввоз некачественных товаров и контрабанды, нанесение экологического ущерба и распространение инфекционных заболеваний²¹⁵. Кроме того, в этот период в регионе был издан целый ряд книг, дававших резко отрицательные оценки состояния российско-китайских отношений. Во многих из них подчёркивались глубокие исторические корни «китайской угрозы», её неизменную актуальность для дальневосточного региона на протяжении всей его истории²¹⁶. Вплоть до начала 2000-х гг. частота появления в регио-

нальной печати разного рода антикитайских публикаций оставалась стабильно высокой.

С преимущественно негативным характером освещения китайской темы в периодической и книжной печати, как правило, вполне совпадали и взгляды участников опросов, проводившихся на юге РДВ в период с 1994 по 2003 г. По результатам различных исследований, мнение о существовании «китайской угрозы» («китайской экспансии») в эти годы разделяло от 54 до 74% опрошенных²¹⁷. При этом, в ответ на уточняющие вопросы (опрос лета 2003 г.) большинство убеждённых в уже идущей «китайской экспансии» определяло её как территориальную (40%). В существовании демографической экспансии со стороны Китая был уверен 31% опрошенных, экономической – 27%, политической и культурной – по 4%²¹⁸.

Судя по всему, понимание китайской угрозы как, в первую очередь, территориальной было тесно связано с отношением населения региона к происходившей в это время демаркации российско-китайской границы. О преимущественно негативном восприятии этого процесса дальневосточниками говорят, в частности, данные опроса, проведённого в Хабаровском и Приморском краях и Амурской области в октябре 1994 – марте 1995 г. Приамурским географическим обществом. Мнение о том, что политика Правительства РФ по защите интересов населения РДВ и переговорам по демаркации границы учитывает интересы дальневосточников целиком не получило поддержки более чем 4,6% респондентов ни в одном из трёх регионов. С тем, что эта политика учитывает интересы РДВ только частично, согласились от 22,7 до 37,5% респондентов, а с тем, что она не отражает их вовсе – от 16,7 до 40,9%²¹⁹.

Примечательно, что ожидание территориальных потерь не было связано в сознании дальневосточников с военной угрозой со стороны китайского государства. Так, по данным опроса в мае – июне 2003 г., лишь 12,4% жителей Благовещенска считало, что соседство с Китаем опасно по «военно-политическим причинам», тогда как по иным причинам оно представлялось опасным 49,4% респондентов²²⁰. Таким образом, вероятность утраты территорий страны ассоциировалась скорее с трансграничными отношениями негосударственных субъектов. При этом, нельзя сказать, что эти отношения вызывали у населения дальневосточного региона полное неприятие. Напротив, как показывают многие исследования, в 90-е гг. большинство дальневосточников принципиально под-

держивало идею развития экономического сотрудничества с Китаем. Даже в конце 1994 – начале 1995 гг., в самый разгар политической борьбы вокруг демаркации российско-китайской границы, своё позитивное отношение к этой идее выразили более 64% опрошенных жителей региона²²¹. Исходя из этого, можно заключить, что опасения населения были обусловлены в большей степени текущим состоянием трансграничных отношений с КНР и качеством их государственного регулирования.

С точки зрения поведенческих установок, наиболее характерной реакцией дальневосточников на китайское присутствие в регионе в рассматриваемый период была защитная. Как показывают результаты трёх опросов, проведённых летом 2002 г. на основе общего вопросника в Благовещенске, Владивостоке и сельской местности РДВ, от 60 до 75% респондентов были готовы допустить пребывание в стране лишь «небольшого количества китайцев, приезжающих для работы, торговли»²²². Настроенность большинства дальневосточников на проведение скорее ограничительной политики в отношении трансграничного взаимодействия с Китаем подтверждают данные и других исследований 90-х – начала 2000-х гг. При этом, результаты некоторых из них достаточно ясно демонстрируют внутреннюю дифференцированность барьерных установок респондентов по сферам двусторонних отношений. Так, опрос жителей Хабаровского и Приморского края, Амурской, Иркутской и Читинской областей и республики Бурятия октября 1996 – мая 1997 гг., показал, что наибольшую поддержку среди респондентов находят меры по запрещению китайцам покупки и строительства жилья («нельзя разрешать» по мнению 83% опрошенных), долгосрочной аренды земли (82%), создания своих предприятий (65%), работы в России (49%). Однако в вопросе о ведении китайцами в России торговой деятельности сторонники запретительных мер оказались в меньшинстве (19% «неразрешающих» против 79% «разрешающих»)²²³.

Помимо ограничительно, умеренно барьерно настроенного большинства, к началу 2000-х гг. в населении РДВ сформировались группы, взглядам представителей которых были свойственны бо́льшая категоричность и взаимная противоположность. Особенно наглядно существование данных групп отражают уже упоминавшиеся опросы, проведённые в Благовещенске, Владивостоке и сельской местности РДВ летом 2002 г. К первой из этих групп, которую можно условно обозначить как «изоляционисты», принадлежат те респонденты, которые, отвечая на

вопрос исследования «Каково ваше мнение относительно масштабов присутствия китайцев», выбрали ответ «Лучше бы их не было вовсе». Среди опрошенных во Владивостоке такой ответ выбрали 24%, в сельской местности – 21,4%, в Благовещенске – 17,2%. Ко второй группе (условно «интеграционистов») можно отнести тех респондентов, которые при ответе на тот же самый вопрос выбрали вариант «Допустимо пребывание значительного количества китайцев, приезжающих для работы, торговли». Доля таких респондентов составила во Владивостоке – 14%, Благовещенске – 7,4%, в сельской местности – 0%²²⁴.

Несмотря на то, что политическая элита, не говоря уже о научном сообществе, вряд ли могут рассматриваться в качестве выразителей массовых настроений, три выделенных выше способа реагирования (поведенческих установки) на развитие трансграничных связей с Китаем – «ограничительный», «изоляционистский» и «интеграционистский» – обнаруживают себя и в тех подходах к проблеме, которые формулировались в 90-е – начале 2000-х гг. российскими политиками и учёными²²⁵. В частности, к взглядам «интеграционистов» в населении региона была близка радикально контактная стратегия развития РДВ, отстаиваемая с середины 90-х гг. целым рядом либеральных авторов, и в особенности исследователями, группировавшимися вокруг Московского Центра Карнеги (Г.З. Витковская, Ж.А. Зайончковская, Д. Тренин и др.). Сторонники этой стратегии, считая азиатскую и, прежде всего, китайскую миграцию единственной силой, способной остановить демографическую и экономическую деградацию региона, призывали не только к максимальному устранению стоящих перед ней барьеров, но и к принятию стимулирующих мер для её дальнейшего расширения.

Указанному подходу противостояла не столь заметная в информационном пространстве страны, но находившая куда больший отклик у дальневосточных политических элит, радикально барьерная стратегия²²⁶, продвигаемая, главным образом, представителями национально-патриотического лагеря (А.П. Деревянко, В.С. Мясников, А.И. Солженицын, Б.И. Ткаченко, А.Г. Яковлев и др.). Суть данной стратегии состояла в том, чтобы, в целях нейтрализации вероятных угроз российскому суверенитету над Дальним Востоком, обеспечить развитие региона за счёт демографических и экономических ресурсов самой России и, возможно, русскоязычного населения стран СНГ.

Третьим, наиболее сложным и детализированным, но вплоть до начала 2000-х гг. наименее востребованным, подходом являлась стратегия, которую можно определить как умеренно-дифференцированную. Её многочисленные, в разной степени проработанные и не имеющие единой политической платформы варианты (П.Я. Бакланов, В.Г. Гельбрас, В.Л. Ларин, А.П. Латкин, П.А. Минакир, Л.Л. Рыбаковский, М.Л. Титаренко и др.) в целом исходили из того, что сотрудничество с Китаем и другими странами АТР должно осуществляться избирательно и дозировано, в соответствии с определённой концепцией развития РДВ и под строгим контролем со стороны государства. В своём принципиальном виде эта стратегия была наиболее созвучна установкам большинства жителей региона.

Начало 2000-х гг. ознаменовалось появлением ряда новых факторов, которые не могли не оказать влияния на динамику образцов Китая, РДВ и дальневосточной границы в сознании российского общества. Прежде всего, изменению само- и мироощущения последнего способствовала заметная общая стабилизация политического и экономического положения и укрепление внешних позиций России в годы президентства Путина. Одним из проявлений этой тенденции стало возросшее внимание Москвы к острым проблемам РДВ, принятие новых редакций (2002 и 2007 гг.) федеральной программы развития региона и реализация мер по повышению эффективности регулирования его трансграничных связей. Знаковые события произошли и в сфере российско-китайских отношений. В 2001 г. был заключён российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а в 2004 г. был, наконец, завершён длительный и болезненный процесс делимитации восточного участка границы двух стран²²⁷.

В том же 2004 г., обеспечившее себе контроль над ведущими СМИ страны (и, в первую очередь, телевидением), государство активизирует деятельность по формированию позитивного образа своего «стратегического партнёра». Рубежной в этом отношении можно считать опубликованную 21 марта 2004 г. в «Известьях» статью помощника Президента РФ по вопросам внешней политики и международных отношений С.Э. Приходько под названием «Мы не должны бояться Китая». Недвусмысленное выражение приверженности высшей власти задаче устранения «уродливых стереотипов восприятия Китая» подтолкнуло к смещению акцентов в подаче китайской проблематики российскими масс-медиа. По сведениям Фонда развития сотрудничества с Китаем,

если в ноябре 2004 г. доля позитивного освещения Китая в российских СМИ в целом составляла 29,3% , а негативного – 15,5%, то в марте 2007 г. эти показатели имели значения соответственно 39,2% и 12,1%. Особенно заметно изменилась тональность телевидения, а также крупнейших центральных газет и наиболее известных общественно-политических и научных журналов, где материалы на тему о «китайской угрозе» стали крайне редкими, единичными²²⁸. Судя по всему, ещё более резким, на фоне предшествующих лет, был процесс сокращения с начала 2000-х гг. объёма антикитайских публикаций в дальневосточной печати²²⁹.

Вместе с негативными оценками последствий российско-китайского взаимодействия, на периферию информационного пространства в 2000-е гг. постепенно оттеснялись и публикации авторов, придерживавшихся радикально барьерной стратегии развития РДВ. При этом, подобная же «маргинализация» в эти годы была характерна и для работ их прямых оппонентов – сторонников радикально контактного подхода к будущему региона. Напротив, умножалось число научных и общественно-политических публикаций, которые давали рекомендации по регулированию трансграничных отношений РДВ, сформулированные в русле умеренно-дифференцированной стратегии. Предпосылкой к этому стало возросшее внимание к защитникам последней со стороны высшей власти. Так, в апреле 2009 г. один из виднейших представителей данного подхода к развитию региона губернатор Хабаровского края В. Ишаев был назначен на пост представителя Президента РФ в ДФО. Несмотря на всю внутреннюю сложность и противоречивость действий Москвы, на мой взгляд, можно говорить о том, что в рамки умеренно-дифференцированной стратегии в основном укладывалась не только официальная риторика правительств В.В. Путина и Д.А. Медведева, но и фактически проводимая ими в 2000-е гг. региональная и пограничная политика на востоке страны²³⁰.

Перемены в объективном состоянии страны и региона, новая пограничная и информационная политика государства повлекли за собой изменения в общественном сознании. Однако связь между ними была далеко не прямолинейной. Результаты массового опроса, проведённого ВЦИОМ в Москве, Благовещенске, Владивостоке и Хабаровске во второй половине 2007 г., показывают очевидное снижение (по сравнению с данными 2002 г.) распространённости среди дальневосточников «изоляционистских» и «интеграционистских» установок, и рост доли сторонников огра-

ничительной политики в отношении иммиграции из Китая. Так, идею запретить въезд мигрантов из этой страны поддержали 7% дальневосточных респондентов (в Москве – 5%), а снять любые ограничения на их приток – 2% опрошенных (в Москве также 2%). В то же время за разные варианты ограничительного регулирования китайской иммиграции высказалось 84% респондентов (в Москве – 81%)²³¹.

Такие изменения в структуре поведенческих установок населения можно рассматривать не только как выражение согласия с происходящим усилением государственного регулирования трансграничных процессов, но и как косвенное признание гражданами определённых успехов, достигнутых на этом пути. Однако ответы на другие вопросы исследования показывают, что всех усилий государства в пограничной и иных сферах его политики оказалось недостаточно для того, чтобы сколько-нибудь существенно снизить общую обеспокоенность общества в отношении возможных последствий российско-китайского взаимодействия. 75% участников опроса в дальневосточном регионе указали, что считают преобладание китайцев и китайского влияния на РДВ возможным или неизбежным (в Москве – 53%). Некоторой коррекции, по сравнению с периодом 1993 – 2003 гг., подверглось лишь понимание гражданами внутреннего содержания «китайской угрозы»: её территориальная форма была отодвинута на второй план социально-демографической. Опасающиеся китайского преобладания на РДВ дальневосточники в 41% случаев (в Москве – в 44%) связывали свои опасения с численным преобладанием китайских иммигрантов над местным населением, в 24% ответов (в Москве – в 25%) – с переходом к Китаю участков российской территории, и в 21% (в Москве – в 16%) – с приобретением китайцами контроля над экономикой²³².

Несмотря на неизбежную (для опросного метода как такового) поверхностность и зависимость от конъюнктурных факторов, приведённые результаты опросов достаточно определённо указывают на то, что ореол тревожности вокруг образов Китая и дальневосточной границы (трансграничных отношений), появившийся ещё в XIX в., продолжал сохраняться в региональном и национальном культурном сознании и в период 1988 – 2010 гг. В значительной степени вытесняемый на какое-то время (как это было в 1988 – 1993 гг.) из актуального слоя массового сознания, он не переставал воспроизводиться в его глубинных пластах, питаемых исторической памятью. Это, безусловно, не означает, что

за последние 100 – 120 лет содержание мифологемы «жёлтой угрозы» не претерпело значимых изменений. В отличие от дореволюционной эпохи, сегодня она в целом утратила свой расовый и религиозно-цивилизационный смысл. В условиях внутренней дифференциации (распада?) культурных образов «белого» и «жёлтого» миров, на современном этапе эта угроза устойчиво ассоциируется не с монголоидным, конфуцианско-буддийским Востоком, а с конкретным обществом – китайским. Значительно отличается нынешняя культурная интерпретация «китайской угрозы» и от того её понимания, которое было свойственно массовому сознанию позднесоветского периода. Тревоги российских граждан сосредоточены отнюдь не в плоскости прямого военно-политического противостояния (а тем более конфликта) с Китаем, а в сфере социально-экономического сотрудничества с ним, которое одновременно (амбивалентно) служит источником и общественных надежд и фобий.

Однако главная особенность современного культурного осмысления «жёлтой угрозы» связана всё же не с изменившимся восприятием внешнего мира и отношений с ним. Она состоит в том, что сегодня эта «угроза» имеет скорее внутреннюю, чем внешнюю обусловленность. Её главным фактором становится самоощущение российского общества, чувствующего качественное понижение своего общего потенциала, особенно наглядное перед лицом бурно развивающегося и усиливающегося соседа. Если вплоть до конца советского периода все явные преимущества Китая сводились к его демографическим возможностям, то к концу XX в. Россия начала, безусловно, уступать ему также по экономической мощи и по эффективности государственного управления²³³. По существу, впервые за последние 150 лет Россия в целом (а не только её дальневосточный регион) стала комплексно, системно слабейшим участником двусторонних отношений. Именно медленное, но, в конечном счёте, неизбежное массовое осознание этого нового объективного обстоятельства, а не воспоминания об историческом прошлом, превращается сегодня в важнейший фактор негативизации образа Китая. Очевидно, что имеющий под собой столь фундаментальные основания миф о «китайской угрозе» в обозримом будущем будет оказывать постоянное и осязаемое влияние на поведение не только граждан, но и органов власти, участвуя в формировании всех форм российско-китайских отношений, как на региональном, так и на общегосударственном уровне. Все же попытки информационно-

идеологического разрушения этой мифологемы будут в итоге наталкиваться на необходимость решения тех проблем, которые являются её объективным, немифическим субстратом.

3. Функционирование дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг.

Несмотря на сравнительную краткость изучаемого в данной главе периода, характер функционирования дальневосточной границы на его протяжении неоднократно менялся. Четырежды эти изменения приводили к обновлению общего режима функционирования границы. Исходя из этого период 1988 – 2010 гг. может быть разделён на четыре этапа: 1988 – 1993, 1993 – 2000, 2000 – 2006 и 2007 – 2010 гг.

Длительное сохранение высокого уровня барьеризации дальневосточной границы наложило глубокий отпечаток на развитие всех сфер общественной жизни советского Дальнего Востока и сопредельных территорий КНР и КНДР. Однако оно не привело к исчезновению факторов, которые в предшествующий период (до 1929 г.) являлись объективными предпосылками активного трансграничного взаимодействия между ними. К 1988 г. государственная переселенческая политика так и не смогла в полной мере решить проблему дефицита трудовых ресурсов дальневосточного региона²³⁴. Особенно сильно их недостаток ощущался в сельском хозяйстве, что, наряду со сложными климатическими условиями, не позволяло Дальнему Востоку самостоятельно обеспечивать себя основными продовольственными продуктами²³⁵. Со своей стороны, для сопредельных с РДВ территорий Китая и Северной Кореи к концу 80-х гг. XX в. была по-прежнему характерна трудоизбыточность. При этом, в СВК, численность населения которого в 1988 г. составляла 99,9 млн. чел., высокий уровень безработицы был обусловлен, прежде всего, устойчиво значительными темпами демографического роста. Что же касается КНДР, население которой в 1988 г. насчитывало 22,4 млн. чел., то главными факторами, вызывавшими эмиграцию из этой страны, являлись низкий уровень жизни и неэффективная структура экономики²³⁶.

Экономика СВК к началу изучаемого периода достигла относительно высоких показателей как промышленного, так и сельскохозяйственного развития. Основу промышленности СВК составляли топливно-энергетический, металлургический и лесо-

промышленный комплекс, продукция которых имела общенациональную значимость, а также обрабатывающие отрасли. Сельское хозяйство, удовлетворявшее основные потребности северо-восточных провинций в продовольствии и технических культурах, обеспечивало и вывоз ряда видов продукции (лён, соя, сахарная свёкла, яблоки и др.) за пределы региона. Не покрывавшиеся ресурсами региона потребности в сырье и энергии, наряду с существовавшими экспортными возможностями, уже в 1986 г. побудили руководство КНР провозгласить курс на развитие связей СВК со странами и территориями СВА, включая советский Дальний Восток. Координируемая на центральном и региональном (прежде всего, администрацией провинции Хейлуньцзян) уровнях, политика «открытости» предусматривала административное, правовое и экономическое стимулирование трансграничного сотрудничества с СССР в соответствии и в рамках общей программы развития СВК²³⁷.

Обострение с конца 80-х гг. социально-экономического кризиса в СССР и последовавшая за ним дезорганизация государственного управления в стране, особенно тяжело отразившаяся на состоянии её дальневосточного региона, послужили мощным дополнительным фактором повышения объективной взаимной заинтересованности сторон в развитии трансграничных отношений. Начавшийся с 1991 г. устойчивый отток населения с территории РДВ (в 1991 г. в регионе проживало свыше 8 млн. чел., а в 2002 г. – немногим более 7 млн.)²³⁸ ещё более обострили проблему нехватки в регионе рабочих рук. Разрушение многих крупных сельхозпредприятий (совхозов и колхозов), вместе с сокращением соответствующих поставок из центральных районов страны, усугубили продовольственные трудности РДВ. Кроме того, обрыв экономических и в значительной мере (из-за роста тарифов) транспортных связей РДВ с центром России создал целый ряд новых (или давно забытых регионом старых) проблем. Так, дальневосточная добывающая промышленность столкнулась с необходимостью поиска покупателей для своей не востребованной внутри страны сырьевой продукции. В связи с резким уменьшением объёмов транзитных перевозок под угрозой оказалась стабильная работа транспортных предприятий. Утрата государственной поддержки сделала актуальным практически для всех отраслей региональной экономики вопрос привлечения инвестиций. Ликвидация централизованной системы торговли товарами широкого потребления, общественного питания, бытовых услуг, ту-

ристического обслуживания сформировала огромный неудовлетворённый спрос на них со стороны населения региона.

Экономика СВК (и отчасти КНДР) чутко отреагировала на насущные потребности РДВ и смогла быстро приспособиться к их структуре. В приграничных районах Китая возникли многочисленные производства и виды экономической деятельности, непосредственно ориентированные на нужды соседей. Их сравнительно высокая прибыльность и стремительное расширение побуждали китайскую сторону к постановке всё более амбициозных задач развития трансграничного сотрудничества.

Первые серьёзные изменения в функционировании дальневосточной границы, открывшие широкие возможности для реализации объективно сложившегося потенциала не только межгосударственных, но и межобщественных трансграничных отношений, произошли в середине 1988 г. Их главной основой явилось заключённое в июне этого года правительствами СССР и КНР соглашение об устройстве и развитии торгово-экономических отношений между административно-территориальными образованиями, предприятиями и организациями двух стран. Заложенная этим соглашением база для либерализации и децентрализации трансграничного взаимодействия стала воплощением сходной по своей форме новой пограничной политики советского и китайского правительств. Следуя официальной риторике обеих сторон, её можно обозначить общим наименованием политики «открытости». Вместе с тем, по своему содержанию и способам формирования, и, как оказалось в дальнейшем, по своим последствиям национальные варианты этой политики были глубоко различны. В китайском случае, политика «открытости» осуществлялась под постоянным контролем руководства страны, постепенно делегировавшего полномочия на нижележащие уровни управления, была подчинена долго- и среднесрочным планам государственного и регионального развития и включала в себя целенаправленный и согласованный набор мер. Что же касается её советского, а затем российского, варианта, то он складывался как стихийная результирующая инициатив множества политических субъектов, преследовавших разнонаправленные и, как правило, ситуативные цели.

Интерес советского правительства к дальневосточной границе изначально диктовался в первую очередь необходимостью скорейшей нормализации военно-политических отношений с КНР. В этой связи, декларировавшиеся М.С. Горбачёвым с 1986

г. намерения Москвы развивать двустороннее экономическое, и в т.ч. приграничное, сотрудничество являлись скорее средством создания благоприятного фона для разрядки, нежели свидетельством существования действительных государственных приоритетов подобного рода²³⁹.

Тем не менее, к 1988 г. пограничная политика на Дальнем Востоке приобретает, прежде всего, социально-экономическое содержание. Важнейшей причиной этого стало вовлечение в процесс формирования данной политики общественных субъектов региона и выражавших их интересы региональных и местных властей. Рост их активности был вызван как общими последствиями «перестройки», так и тем специфическим потенциалом международного сотрудничества, который к этому времени сложился в дальневосточном регионе СССР.

Уже в 1988 г. советское правительство, учитывая неуклонное сокращение возможностей прямой государственной поддержки Дальнего Востока, а также мнения местных руководителей и хозяйственников, принимает меры по дополнительному стимулированию внешнеэкономической деятельности региона, опережавшие и без того весьма быстрый процесс либерализации последней в масштабах страны в целом. Помимо упомянутого и ряда других межправительственных соглашений с КНР, на такое стимулирование было нацелено постановление Совмина СССР от 2 декабря 1988 г., предоставившее дальневосточным предприятиям и организациям, участвующим во внешнеэкономических отношениях, особые валютные и налоговые льготы²⁴⁰. В совокупности эти меры правительства создавали правовые условия для значительного расширения, как числа участников, так и спектра форм сотрудничества с Китаем.

Дальнейшие шаги по смягчению режима регулирования экономических отношений с внешним миром принимались в общегосударственном масштабе. Так, с 1 апреля 1989 г. вступило в силу решение Совмина СССР от 7 марта 1989 г., дававшее право всем предприятиям и организациям страны выходить на внешний рынок напрямую, т.е. без посредничества государственных внешнеторговых организаций. Единственным условием для проведения экспортно-импортных операций становилась регистрация участника внешнеэкономической деятельности в качестве юридического лица²⁴¹.

Последние ограничения на доступ к внешнеэкономической деятельности были устранены с изданием 15 ноября 1991 г. указа

Президента России, в соответствии с которым ведение всех видов такой деятельности было разрешено любым юридическим и физическим лицам независимо от форм собственности. Кроме того, данный указ отменял ещё сохранявшиеся ограничения на бартерные операции во внешней торговле и открытие юридическими и физическими лицами валютных счетов²⁴². Таким образом, к концу 1991 г. процесс либерализации внутреннего функционирования дальневосточной границы в экономической сфере по существу достиг своих максимально возможных пределов. Открытие внешнеэкономической деятельности для всех заинтересованных субъектов, наряду с сознательным и резким сужением возможностей таможенного и валютного контроля над ней, свидетельствовали о снижении жёсткости пограничного регулирования в этой сфере до высоко контактного уровня.

Ликвидация пограничных барьеров на пути экономической активности российских граждан сопровождалась их постепенным устранением и для нерезидентов. Важнейшим шагом в этом направлении стало российско-китайское соглашение от 5 марта 1992 г., устанавливавшее между сторонами режим наибольшего благоприятствования в торгово-экономических отношениях и определявшее условия взаимного освобождения от таможенных пошлин и иного налогообложения. Данное соглашение, а также весьма несовершенное центральное и региональное инвестиционное законодательство открывало, в частности, широкие возможности для создания в России предприятий со смешанным и на 100% иностранным капиталом, обладающих почти равными с российскими хозяйствующими субъектами правами²⁴³. Таким образом, внешнее функционирование дальневосточной границы в экономической сфере по степени своей контактности к концу этапа 1988 – 1993 гг. было приближено к внутреннему.

В тесной связи с либерализацией экономического функционирования дальневосточной границы изменялся и характер регулирования трансграничных отношений в социально-демографической сфере. Трансграничное движение мигрантов с обеих сторон с самого начала имело преимущественно экономическую (торговую и трудовую) мотивацию, и в дальнейшем (вплоть до начала 2000-х гг.) взаимная сопряжённость экономической и социальной составляющих трансграничного взаимодействия, равно как и мер по управлению ими, только усиливалась.

Первое в рамках изучаемого периода советско-китайское соглашение, приоткрывавшее границу для граждан обеих стран,

было заключено 15 июля 1988 г., вскоре после появления междуна-родно-правовой базы для развития приграничных торгово-эко-номических отношений. В соответствии с этим соглашением, с сентября 1988 г. между СССР и КНР были начаты обмены тури-стическими группами, сформированными на базе предприятий. Продолжительность таких туров, первоначально рассчитанных на один день, постепенно увеличивалась²⁴⁴.

С начала 1991 г., по взаимной договорённости советской и китайской сторон, обмен туристическими группами стал произ-водиться на безвизовой основе. В начале 1992 г. безвизовый ре-жим был установлен и для индивидуальных поездок по служеб-ным паспортам. С вступлением же в силу в мае 1993 г. двусто-роннего соглашения от 18 декабря 1992 г., канал безвизового въезда был открыт и для туристических групп, формируемых коммерческими компаниями. Быстрое пополнение сторонами со-глашения первоначально узкого перечня таких компаний вскоре сделало поездки в другую страну доступными для широких слоёв населения сопредельных территорий²⁴⁵. Так, менее чем за пять лет высокий уровень двусторонней барьерности дальневосточной границы в социальной сфере уступил место режиму столь же вы-сокой миграционной открытости.

Подобная же радикально либеральная политика проводилась на данном этапе и в отношении такой специфической разновид-ности трансграничной миграции как движение рабочей силы. В соответствии с двусторонними соглашениями 1989 и особенно 1992 г., большая часть полномочий по регулированию ввоза ра-бочей силы из КНР (включая определение её численности, со-става, сроков пребывания и т.д.) была передана предприятиям и организациям, являвшимся работодателями²⁴⁶. При этом, цели и механизмы контроля над трудовой миграцией, формально возла-гавшегося на государственные органы (Минтруда РФ), остава-лись политически и нормативно не определёнными.

В отличие от экономической и социальной сфер, изменения в военно-политическом функционировании дальневосточной гра-ницы в 1988 – 1993 гг. не были столь значительными. Во многом, это было связано с тем, что решение вопросов военно-политиче-ского характера в эти годы по-прежнему являлось прерогативой Москвы и относительно мало зависело от мнения властей и об-щества региона. Усилия центра были направлены на то, чтобы, сохраняя приемлемый уровень безопасности дальневосточной границы, вместе с тем, обеспечить её демилитаризацию и «уде-

шевление» для государственного бюджета. Одновременная реализация этих задач была возможна только на основе двустороннего сокращения сосредоточенных близ границы войск и вооружений и создания механизмов взаимного военного контроля и сотрудничества. Международно-правовая база под эти процессы была заложена советско-китайским соглашением от 24 апреля 1990 г.

Параллельно с этим, на Дальнем Востоке, также как и по всей стране, государство выработывало новый подход к охране границы. В условиях «перестройки», наряду с обеспечением неприкосновенности границы, перед пограничными войсками региона была поставлена задача оказания содействия развитию международного сотрудничества. Конкретным выражением подобной корректировки приоритетов стало смягчение («демократизация») пограничного режима и, в определённой мере, режима границ, включавшее в себя упрощение порядка въезда, пребывания и хозяйственной деятельности в пограничной зоне и полосе, снятие некоторых других ограничений, а также воздержание от применения к нарушителям оружия. С августа 1988 г. на Дальнем Востоке, раньше чем в других регионах страны, начался процесс сокращения площади пограничной зоны. В 1993 г. она была полностью ликвидирована²⁴⁷.

Военной сопутствовала и собственно политическая дебарьеризация дальневосточной границы. Решающим шагом в этом направлении явилось уже упоминавшееся советско-китайское соглашение от 8 июня 1988 г., создавшее основу для установления прямых связей между региональными и местными властями приграничных территорий. В целом, предпринимавшиеся государством меры свидетельствовали о снижении целевого уровня функционирования дальневосточной границы в военно-политической сфере до умеренно контактного.

Очень резкий, обвальный характер имел процесс дебарьеризации дальневосточных рубежей в сфере культурно-информационных отношений. Дискредитация и крушение коммунистического режима и возникший в результате к началу 90-х гг. «идеологический вакуум» повлекли за собой не просто преодоление информационной изолированности общества от внешнего мира, но фактически полный отказ от контроля над трансграничными потоками информации. В отсутствие государственной идеологии и внятной культурной и информационной политики к концу эта-

па 1988 – 1993 гг. границы России, по сути, перестали выполнять регулирующие функции в данной сфере.

Политика комплексной, хотя и неравномерной, либерализации функционирования дальневосточной границы создала условия для реализации объективно существовавших потенциалов сотрудничества РДВ и сопредельных стран, спровоцировав стремительный рост масштабов и интенсивности различных форм трансграничного взаимодействия между ними. В свою очередь, быстро расширявшиеся трансграничные отношения подталкивали к дальнейшему смягчению их государственного регулирования. При этом, сокращение государственного присутствия в системе дальневосточной границы зачастую напоминало не организованное отступление, а беспорядочное бегство. Новые целевые параметры функционирования границы, как правило, не имели ни чёткого политического и правового определения, ни необходимой структурной основы. В таких условиях обеспечить их соблюдение и эффективное управление системой границы в целом было практически невозможно.

Из всех видов трансграничного взаимодействия РДВ с сопредельными странами наиболее быстрыми темпами роста в 1988 – 1993 гг. характеризовалась миграция. Общее число граждан, пересёкших российско-китайскую границу в обоих направлениях, не превышавшее нескольких тысяч человек в начале данного этапа, в 1993 г. достигло 1 млн. 528 тыс. чел. При этом, из 751 тыс. въехавших в 1993 г. в Россию граждан КНР, через дальневосточную границу в страну попали почти 480 тыс. чел.²⁴⁸ Численность одновременно находящихся на РДВ китайцев, составлявшая по переписи 1989 г. 1742 чел., в 1993 г., по оценочным данным, достигла 100 тыс. чел.²⁴⁹ Китайская миграция на РДВ имела главным образом экономическую мотивацию и краткосрочный, маятниковый характер. Судя по всему, крупнейшей категорией китайских мигрантов уже в 1988 – 1993 гг. являлись торговцы, «челноки». Кроме того, значительную долю среди них составляли рабочие²⁵⁰ и студенты.

Противоположная тенденция развития в 1988 – 1993 гг. была присуща практически однонаправленному миграционному взаимодействию между РДВ и КНДР, динамика которого определялась не столько стихийными общественными факторами, сколько межгосударственными отношениями сторон. В начале рассматриваемого этапа, как и в два предшествующих десятилетия, численность северокорейских рабочих в дальневосточном регионе

была сравнительно высокой. Так, в 1989 г. на РДВ насчитывалось более 20,5 тыс. трудовых мигрантов из КНДР. Однако в дальнейшем их количество быстро уменьшалось. Этому способствовали как политическое охлаждение между Москвой и Пхеньяном, так и приток на дальневосточный рынок труда рабочей силы из Китая²⁵¹.

Все существующие сведения о численности и составе китайской иммиграции на РДВ и России в целом в рамках этапа 1988 – 1993 гг. являются экспертными и весьма приблизительными, что связано с отсутствием официального систематического учёта в эти годы пребывания китайцев на российской территории. В 1988 – 1993 гг. в регионе практически не было ни специализированной правовой базы²⁵², ни институциональных механизмов, необходимых для проведения регистрации пребывавших в нём иммигрантов и осуществления надзора и контроля над их активностью. Спорадический, политически не направляемый и законодательно не организованный контроль со стороны местной милиции, конечно, ни в коей мере не мог восполнить этого недостатка. В подобных обстоятельствах уже к 1993 г. среди находившихся на РДВ китайцев стали преобладать нелегальные и полунелегальные мигранты²⁵³. Нарушения закона выходцами из Китая, как правило, выражались в несоблюдении заявленных целей пребывания в России (торговая или трудовая деятельность под видом туризма) или превышении его установленной (6 мес. для безвизовых групповых поездок) продолжительности.

Таким образом, в начале 90-х гг. российская сторона продемонстрировала свою неспособность удерживать устремившийся на РДВ поток трансграничных мигрантов даже в весьма широких (высоко контактных) рамках действовавшего в это время в стране законодательства. Ликвидация советских правовых и институциональных механизмов регулирования трансграничной миграции в отсутствие новых привела к тому, что последняя фактически перестала быть объектом государственного управления. Потеряв функции контроля над движением мигрантов, система границы была по существу редуцирована к инструменту учёта въезда-выезда. В конкретных, прежде всего, социально-демографических, условиях РДВ и сопредельных стран такая трансформация очень скоро стала источником острых проблем.

Очень бурно развивалось в 1988 – 1993 гг. и трансграничное экономическое взаимодействие между РДВ и Китаем. Ведущей его формой являлась торговля, объём которой, согласно офици-

альной статистике, вырос с 520 млн. долл. в 1989 г. до 1188 млн. долл. в 1993 г.²⁵⁴ Однако реальные масштабы торговли региона с Китаем, судя по всему, были существенно бо льшими. Подавляющая часть торговых операций в эти годы осуществлялась в бартерной форме²⁵⁵, которая позволяла значительно занижать таможенную стоимость товаров. Кроме того, мимо таможенного учёта проходил достигший к концу изучаемого этапа весьма заметных объёмов поток товаров, провозимых через дальневосточную границу «челноками». Так, по оценкам газеты «Коммерсант», за первую половину 1993 г. общий объём российско-китайской челночной торговли составлял 613,3 млн. долл.²⁵⁶

К концу этапа 1988 – 1993 гг. в трансграничных торгово-экономических отношениях с КНР на РДВ участвовали не менее 1300 российских предприятий и фирм, а также около 800 компаний со смешанным и на 100% китайским капиталом²⁵⁷. В 1993 г. доля Китая во внешнеторговом обороте Хабаровского и Приморского краёв составила около 48%, Амурской области – 92%, а ЕАО – 94,6%. Ещё несколькими годами ранее экзотические, потребительские, промышленные и продовольственные, товары из Китая стали безусловно доминировать на внутренних рынках дальневосточных территорий²⁵⁸.

С конца 80-х гг. на РДВ начали поступать китайские инвестиции. Однако общий объём капиталовложений в регион из КНР на протяжении изучаемого этапа оставался незначительным. Ввоз китайского капитала был направлен главным образом на создание небольших компаний, которые занимались в большинстве своём не производственной деятельностью, а экспортно-импортными операциями. Несмотря на предоставленные законом весьма значительные льготы, подобные операции, а также связанное с ними перемещение валюты, осуществлялись, как правило, в теневой форме, позволявшей в той или иной степени уходить от таможенного и налогового обложения. Точно определить масштабы теневой деятельности совместных и китайских предприятий на РДВ в 1988 – 1993 гг. не представляется возможным, однако по оценкам исследователей, итоговые потери от бесконтрольного вывоза ими за границу валютных средств значительно превышали объём полученных регионом из Китая инвестиций²⁵⁹.

Сложившаяся к концу этапа 1988 – 1993 гг. ситуация сопоставимости объёмов легальных и нелегальных трансграничных потоков товаров и валюты наглядно свидетельствует о неэффективности функционирования дальневосточной границы в эконо-

мической сфере. Оказавшись не в состоянии остановить и стабилизировать процесс либерализации пограничного регулирования трансграничного экономического взаимодействия с КНР на уровне высокой контактности, к 1993 г. государство по существу стало терять управление этим взаимодействием, всё более подчинявшимся стихии дикого рынка. Главными причинами этого являлись неполнота и несовершенство законодательной базы внешнеэкономической деятельности, а также комплексная (организационная, инфраструктурная, техническая, кадровая) неготовность дальневосточных таможенных органов к работе в условиях активных рыночных отношений региона с сопредельными странами.

В сфере регулирования военно-политических отношений, вплоть до начала 90-х гг. эффективность функционирования системы дальневосточной границы (в силу действия инерционных процессов) в целом была весьма высокой и вполне достаточной для реализации поставленных перед ней новых умеренно контактных задач²⁶⁰. Однако уже во второй половине периода 1988 – 1993 гг. на качестве охраны дальневосточной границы начали сказываться последствия ухудшения материально-технического обеспечения и финансирования пограничных войск, а затем и отток наиболее квалифицированных офицерских кадров. Количество нарушений режима границы и пограничного режима, в т.ч. безнаказанных, стало быстро возрастать. Граница нарушалась главным образом гражданами КНР в связи с осуществлением ими хозяйственной (промысловой) деятельности. Одновременно с этим возобновился практически прекратившийся в советский период провоз в обход пунктов пропуска контрабанды, состоявшей в основном из сырьевых продуктов. Оживление незаконной экономической активности на дальневосточной границе создавало благоприятные условия и для её нарушений с собственно военно-политическими (разведывательными) целями²⁶¹. В то же время данный этап характеризовался активным и практически беспрепятственным налаживанием прямых, не опосредованных решениями центральных государственных органов, политических контактов между региональными и местными властями РДВ и соседних территорий КНР.

Многообразные последствия для региона, и в т.ч. для его военно-политической безопасности, имело фактически бесконтрольное развитие в 1988 – 1993 гг. трансграничных отношений РДВ и КНР в культурно-информационной сфере. Оценить объём

и содержательные параметры информационных потоков, пересекавших в эти годы дальневосточную границу, крайне трудно. Однако, очевидно, что в условиях массового миграционного обмена, расширения оборота информационной продукции, возобновления взаимного радио- и телевещания, установления прямых связей между культурными, научными и образовательными учреждениями двух стран, интенсивность и насыщенность трансграничных коммуникаций резко возросли. При этом, в обстановке общей либерализации культурного взаимодействия, российская сторона, в отличие от китайской, практически полностью отказалась от защиты своего информационного пространства. Наиболее опасным ближайшим следствием этого стали многочисленные утечки в Китай научно-технических данных, имеющих стратегическую значимость.

Во второй половине 1993 г. в истории функционирования дальневосточной границы наступает новый этап, продолжавшийся вплоть до конца 90-х гг. XX в. Он ознаменовался отходом государства от прежней либеральной политики пограничного регулирования. Поворот к барьеризации был инициирован властями приграничных регионов, где наплыв китайских мигрантов на фоне развёрнутых на границе демаркационных работ уже в 1993 г. стал вызывать широкую обеспокоенность и недовольство населения. Немаловажную роль в нём сыграли и фискальные интересы центральной власти, нуждавшейся в дополнительных источниках для пополнения государственного бюджета. Формировавшаяся в ходе решения текущих проблем политика барьеризации 1993 – 2000 гг. не обладала какой-либо концептуальной целостностью и представляла собой ряд слабо связанных друг с другом оперативных мер.

Резкая корректировка целей была произведена в первую очередь в сфере регулирования трансграничной миграции. Во второй половине 1993 – 1994 гг. региональными администрациями, а затем президентом и правительством РФ была издана серия нормативно-правовых актов, которые в совокупности повышали целевой уровень жёсткости функционирования границы в этой сфере до умеренно барьерного. Важнейшими среди барьерных мер, введённых федеральным центром, являлись установление визового порядка въезда и выезда для граждан КНР, имеющих общегражданские паспорта, и создание на РДВ органов ФМС с возложением на них функций иммиграционного учёта (в т.ч. в пунктах пропуска), квотирования иностранной рабочей силы, а также вы-

дворения нелегальных мигрантов за пределы страны. Дополнительные, ещё более строгие правила въезда и пребывания иностранных граждан (включая регистрацию паспортов безвизовых туристов, введение контроля на внутренних транспортных коммуникациях, регламентацию торговли) были введены в эти годы по инициативе региональных властей. В соответствии с нормативными актами, изданными в приграничных регионах РДВ, турфирмы, не осуществлявшие должного контроля над въездом и пребыванием своих клиентов, наказывались повышенными штрафами или приостановкой лицензий на право деятельности. Несоблюдение региональных миграционных правил самими иностранцами могло повлечь за собой их выдворение за пределы страны²⁶².

Более продолжительное время заняла выработка новых, умеренно барьерных, нормативных положений в области регулирования трансграничных экономических отношений. Необходимые изменения в таможенном и банковском законодательстве были в основном произведены к 1997 г. Они включали введение запрета на бартерный вывоз сырья, повышение базовых пошлин на бартерный импорт (с 15% в 1991 г. до 50% в 1993 г.) установление пошлин на импортные продовольственные товары, снижение (с 10 в 1992 г. до 1 тыс. долл. с 1996 г.) необлагаемой стоимости грузов, провозимых «челноками», а также формирование нормативных и институциональных механизмов валютного контроля экспортно-импортных операций и усиление борьбы с контрабандой²⁶³.

Определённому ужесточению в 1993 – 2000 гг. подверглось и пограничное регулирование военно-политических отношений. Тенденция к этому стала особенно заметной с октября 1996 г., когда Президентом РФ были утверждены «Основы пограничной политики», где впервые за постсоветское время давалось официальное определение военно-политических угроз национальным интересам и безопасности России в пограничном пространстве. Вместе с тем, требование центральной власти усилить барьерные функции государственных границ ни в коей мере не означало её стремления вернуться к изоляционизму советского типа. Как и на предыдущем этапе, Москва сохраняла приверженность курсу на одновременное и взаимосвязанное решение задач обеспечения национальной безопасности и развития международного сотрудничества (в т.ч. в сфере охраны границы). Переноса акцент на задачи первого типа, государство не отказывалось и от реализа-

ции задач второго типа. Кроме того, в официальной интерпретации содержания самой национальной безопасности основное место уделялось противодействию угрозам социально-экономического, а не военно-политического характера²⁶⁴. Таким образом, барьеризация российских границ в военно-политической сфере осуществлялась в целом в пределах умеренно барьерного целевого уровня их функционирования.

В достаточно точном соответствии с общегосударственными приоритетами формировалась на этом этапе и политика в области охраны дальневосточных рубежей. Основные усилия пограничных войск региона в 1993 – 2000 гг. нацеливались не столько на борьбу с деятельностью иностранных спецслужб, сколько на решение более актуальных и острых проблем защиты приграничных территорий от незаконной хозяйственной и демографической активности в форме контрабандного импорта товаров и экспорта сырья, браконьерского промысла, перевозок наркотиков и оружия, различных видов нелегальной миграции²⁶⁵. При этом, фактически важнейшим направлением государственной политики по укреплению пограничной безопасности РДВ как в военно-политической, так и в неполитических сферах в эти годы являлось расширение сотрудничества, координации и оперативного взаимодействия с органами власти и особенно силовыми структурами КНР. В этих целях в мае 1994 и в августе 1995 гг. российскими и китайскими представителями были подписаны соглашения по вопросам обеспечения режима границы между РФ и КНР, а в апреле 1996 г. в пятистороннем формате (между РФ, КНР, Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном) – соглашение о мерах доверия в военной области, касавшееся 100-километровой зоны вдоль границ этих государств²⁶⁶.

В регулировании трансграничного движения информации никаких существенных изменений на этапе 1993 – 2000 гг. не произошло. Какая-либо систематическая, концептуально обоснованная и законодательно оформленная политика в этой сфере в России по-прежнему отсутствовала. Вмешательство органов безопасности и правоохранительных органов в оборот информации на дальневосточной границе для защиты государственных интересов имело точечный и случайный характер.

Как показывает динамика трансграничных потоков 1993 – 2000 гг., практический эффект от взятого курса на барьеризацию дальневосточной границы далеко не соответствовал ожидаемому. При этом особенно заметным такое несоответствие оказалось в

тех сферах, где пограничная политика была изменена наиболее кардинальным образом.

В 1994 г. количество пересечений дальневосточной границы резко снизилось. Так, через пропускные пункты Амурской области в 1994 г. в Россию было совершено в 3,6 раза меньше поездок граждан КНР, чем в 1993 г. Количество поездок российских граждан в Китай сократилось за то же время в 2 раза²⁶⁷. Общее же число въездов китайцев на территорию РФ составило в 1994 г. всего 207 тыс.²⁶⁸

Однако в последующие годы масштабы прибытия китайских граждан в Россию и (в ещё большей степени) российских – в Китай вновь стали устойчиво возрастать. В 2000 г. в РФ въехало уже 494 тыс. китайцев, а в Китай – 997 тыс. россиян. Таким образом, к концу этапа 1993 – 2000 гг. въезд в РФ достиг двух третей от уровня 1993 г., а выезд в КНР превысил это уровень на треть. Большая часть (от половины до двух третей) миграционного оборота через российско-китайскую границу по-прежнему приходилась на её дальневосточный участок. Так, в 1998 г. через дальневосточные пропускные пункты прошло около 260 тыс. из 473 тыс. въехавших в Россию китайцев²⁶⁹. По данным миграционных органов Дальнего Востока, въезд в него китайских граждан в 1996 – 1999 гг. находился в пределах 250 – 280 тыс. чел.²⁷⁰

На этом этапе региональным властям и центральным ведомствам (МВД и ФМС) удалось добиться определённых успехов в налаживании учёта и контроля в отношении иммигрантов, пребывающих на территории РДВ. Так, если в 1993 – 1996 гг. в территориальных органах УВД Приморского края регистрировались только около трети въехавших в край граждан КНР, то к концу 90-х гг. их доля увеличилась до 64%. Особенно существенно, по данным паспортно-визовой службы Приморья, повысилось в это время качество учёта и контроля пребывания в крае безвизовых китайских туристов: их своевременная «возвращаемость» на родину, составлявшая в 1994 – 1995 гг. менее 70%, в 1999 г. возросла до 99%²⁷¹.

Большой размах на этапе 1993 – 2000 гг. получили оперативные мероприятия правоохранительных, пограничных и миграционных органов региона, направленные на выявление, наказание и выдворение нелегальных иммигрантов. За 1994 – 1999 гг. только из Приморского края на родину было депортировано почти 24 тыс. китайских граждан. Несколько тысяч китайцев в эти годы было выдворено с территории других дальневосточных субъек-

тов РФ. Ещё большее количество нарушителей режима пребывания в России из числа граждан КНР и КНДР, а также целый ряд российских работодателей и туристических компаний понесли административную ответственность в виде уплаты штрафов или лишения лицензий²⁷².

Тем не менее, несмотря на все принимаемые государственными органами меры, величина главного показателя эффективности их усилий – численность нелегальных иммигрантов в регионе – в 1993 – 2000 гг. так и не снизилась. Судя по всему, по крайней мере, до 1996 г., даже в условиях общего сокращения въезда из КНР, масштабы китайского присутствия на РДВ продолжали расти. По экспертным оценкам конца 1996 г., количество одновременно находящихся в регионе китайцев могло достигать 200 тыс. чел.²⁷³ В последующие годы, это количество снижалось, однако вплоть до 2000 г. оно составляло не менее 80 тыс. чел.²⁷⁴, что не намного уступало уровню 1993 г. Сохранение такой общей величины китайского присутствия в регионе на фоне существенного снижения (в 1,5 раза) притока иммигрантов извне, свидетельствовало о том, что доля в нём нелегальных мигрантов если не увеличилась, то, во всяком случае, осталась в основном прежней. Острота проблемы нелегальной иммиграции на этом этапе признавалась и сотрудниками миграционных служб региона. В частности, по данным представителей этой службы по Приморскому краю, на конец 90-х гг. общая численность нелегальной иммиграции на его территории превышала численность легальной примерно в 2 раза²⁷⁵. По мнению же экспертов, доля среди китайских мигрантов в регионе и стране в целом «нелегалов» была значительно большей²⁷⁶.

Существенно (примерно в 3 раза) снизилась в 1993 – 2000 гг. численность на РДВ мигрантов из КНДР. В 2000 г. в регионе находилось лишь 5831 северокорейский рабочий, занятый главным образом в лесной отрасли²⁷⁷. Однако официальная статистика северокорейского присутствия на РДВ также не может считаться исчерпывающей, поскольку в результате частичного или полного прекращения работы многих предприятий, применявших труд иммигрантов, часть из них оказалась на положении «нелегалов». Только в Хабаровском крае в 1997 – 1998 гг. насчитывалось не менее 350 северокорейских безработных²⁷⁸. Трудоустраиваясь в «теневом» секторе, граждане КНДР нарушали сроки пребывания, а то и вовсе отказывались от возвращения на родину²⁷⁹.

Столь низкая эффективность системы дальневосточной границы в регулировании миграционных потоков, осуществлявшемся фактически не на умеренно барьерном, а на умеренно контактном уровне, объяснялась целым комплексом факторов. Одним из них была неполнота и внутренняя противоречивость существовавшей правовой базы такого регулирования. В частности, в 1993 – 2000 гг. продолжали действовать соглашения о безвизовых туристических поездках с КНР и (до 1997 г.) о безвизовом ввозе рабочей силы с КНДР²⁸⁰. Вторым фактором, серьёзно осложнявшим реализацию принятых в эти годы «барьерных» нормативных актов, являлось отсутствие политического единства в отношении к миграции между властями разного уровня. Если администрации дальневосточных субъектов РФ (хотя и в различной степени) были в целом активными сторонниками последовательного ограничения иммиграции, то федеральный центр занимал в этом вопросе более осторожную и сдержанную позицию, а многие местные, городские и районные, власти были прямо заинтересованы в притоке китайских торговцев²⁸¹. Наконец, третьим основным фактором, на мой взгляд, являлась организационная рассогласованность в работе так или иначе занимавшихся миграционными вопросами структур (МВД, ФПС, ФМС, МИД и др.), которая весьма показательно проявляла себя в крайне разноречивых ведомственных оценках масштабов и динамики китайского присутствия в регионе. В совокупности названные факторы обусловили спорадический и преимущественно административно-репрессивный характер регулирования миграции в регионе на изучаемом этапе, главным следствием которого стала скорее прогрессирующая «теневилизация» последней, нежели решение связанных с ней проблем.

К сходным результатам политика барьеризации привела и в сфере регулирования экономических связей РДВ. Резко (в 4,7 раза) упавший в 1994 г. объём торговли региона с КНР в дальнейшем медленно повышался, вплоть до конца рассматриваемого этапа так и не достигнув показателя 1993 г.: в 2000 г. объём торговли составлял 1125 млн. долл., тогда как в 1993 г. – 1188 млн. При этом, особенно серьёзный удар новая политика нанесла по китайскому импорту: вплоть до 2000 г. его годовая величина ни разу не превышала 50% от уровня 1993 г. Государству удалось существенно сократить долю в торговых операциях региона с КНР бартера: в 2000 г. его вес составлял лишь 10%. Повышение таможенных пошлин и введение валютного контроля способст-

вовали развитию банковской инфраструктуры и приходу в трансграничную торговлю крупного бизнеса, что в целом повысило организованность и эффективность её легального сектора²⁸².

Однако, повысив упорядоченность видимой части трансграничных товарных и денежных потоков, принятые государством меры мало затронули его обширный теневой компонент. Ужесточение пограничного регулирования привело в целом не столько к его сжатию, сколько к разрастанию, а также к трансформации многих из составлявших его транзакций из полулегальных «серых» в прямо криминальные «чёрные». Так, на конец 90-х гг., по самым осторожным оценкам, объём неофициального челночного импорта РДВ из Китая составлял 500 – 600 млн. долл. в год, что в 2 – 2,5 раза превышало объём импорта официального²⁸³. Ещё более быстрыми темпами в 1993 – 2000 гг. рос поток шедшей через дальневосточную границу контрабанды, основными объектами которой были лес, металл, морепродукты и алкоголь. К концу данного этапа, контрабанда спирта из Китая, по информации помощника по связям с общественностью командующего ДВПО А. Филонова, достигала 200 тыс. л. в месяц, что покрывало до 20% общей потребности в этом продукте Хабаровского и Приморского краёв. При этом, на дальневосточной границе выявлялось и задерживалось лишь около 100 тыс. л. спирта и водки в год²⁸⁴.

По-прежнему практически бесконтрольной оставалась деятельность предприятий с китайскими инвестициями, которых к началу XXI в. на РДВ было зарегистрировано более 700²⁸⁵. Китайские предприятия систематически совершали экономические правонарушения, важнейшими из которых являлись невозвращение валютной выручки, уклонение от уплаты налогов и незаконный вывоз валюты в Китай. Размер ущерба, наносимого таким образом экономике региона, был вполне сопоставим с величиной китайских инвестиций в его приграничные территории, составлявшей в 2000 г. 3568,3 тыс. долл.²⁸⁶

Огромная, и, по-видимому, преобладающая, доля в трансграничных экономических отношениях РДВ с КНР разного рода теневых взаимодействий, свидетельствует о том, что меры по барьеризации дальневосточной границы оказались, в конечном счёте, паллиативными и степень её практической проницаемости в этой сфере в 1993 – 2000 гг. по сравнению с предшествующим этапом принципиально не изменилась. Столь низкая эффективность пограничного регулирования в экономической сфере (ещё более низкая, чем в сфере социальных отношений) была обусловлена не

только объективно большей технологической, и в т.ч. нормативно-правовой, сложностью его осуществления²⁸⁷ и ограниченностью организационных и материально-технических возможностей таможенных и пограничных органов региона. Главной причиной особенной безуспешности государственной политики ограничения трансграничных экономических связей региона заключалась в том, что в данном случае она находилась в противоречии не интересами иммигрантов и достаточно узкого круга их работодателей, а с фундаментальными (витальными) потребностями широких слоёв дальневосточников.

На фоне других сфер функционирования дальневосточной границы относительно более эффективно в 1993 – 2000 гг. ею выполнялись задачи регулирования военно-политических отношений с сопредельными обществами. В эти годы пограничным органам РДВ удалось остановить рост числа нарушений границы и добиться его значительного снижения. Переломным в этом отношении стал 1997 г., когда количество зафиксированных нарушений режима границы снизилось по сравнению с 1996 г. в 1,8 раза (с 1664 до 992). Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем: в 1998 г. количество нарушений границы сократилось до 784²⁸⁸. Тем не менее, вплоть до конца рассматриваемого этапа интенсивность незаконных пересечений границы, совершавшихся в основном гражданами КНР, оставалась значительной, существенно превышавшей уровень 80-х гг. XX в. Кроме того, необходимо отметить, что относительное укрепление дальневосточных рубежей, по признанию представителей ДВПО, было обеспечено, главным образом, благодаря изменениям в пограничной политике Китая и расширению сотрудничества с китайскими пограничниками²⁸⁹. Плачевное состояние самих дальневосточных погранвойск и, прежде всего, нехватка личного состава, техники и материальных ресурсов, не создавали к этому никаких предпосылок²⁹⁰.

Ещё менее, и по материально-техническим, и по институционально-правовым причинам, пограничные органы региона были готовы к противодействию такой новой угрозе его безопасности как трансграничная организованная преступность. Эта угроза имеет по своей сущности не только экономический, но и политический характер, поскольку деятельность крупных ОПГ, как правило, предполагает их сращивание с государственными органами и ограничение суверенной власти государства над теми или иными частями его географического и социального пространства.

В частности, на РДВ активные процессы формирования ОПГ²⁹¹ сопровождалась их попытками поставить под свой контроль различные пункты (участки) дальневосточной границы, организовать с помощью коррумпированных представителей местных администраций и правоохранительных органов каналы незаконной переправки через неё людей и товаров²⁹². Я не располагаю данными, которые бы позволили оценить достигнутую организованной преступностью меру контроля над границей и пограничным пространством региона, но, судя по бурному росту в 1993 – 2000 гг. контрабандных потоков, далеко не все из этих попыток были неудачными.

В 1993 – 2000 гг. продолжалось расширение информационного взаимодействия РДВ и КНР. По мере того, как двусторонние контакты приобретали устойчивый характер, на сопредельных территориях развернулся процесс наращивания обеспечивающей их организационной и материальной инфраструктуры, прежде всего, образовательной и издательской. Развитие преподавания русского и китайского языков и культуры, выпуск китайской литературы, журналов и газет на РДВ и русских изданий в Китае происходили в основном под действием внутренних факторов, в соответствии с интересами принимающих обществ, но определённый вклад в них внесли и иммигрантские сообщества. В особенности, это касается китайской иммиграции на РДВ как более многочисленной и активной. Вместе с тем, уже на этом этапе отчётливо проявляла себя тенденция к информационной самоизоляции китайских иммигрантов в регионе, превращавшее взаимопроникновение смежных культурных пространств в процесс формирования социокультурных анклавов²⁹³.

Первое десятилетие XXI в. стало временем существенной корректировки внешних условий функционирования дальневосточной границы, связанной с изменением соотношения социально-экономических потенциалов сопредельных территорий. Среди них наиболее выраженную динамику демонстрировал СВК. К началу XXI в. численность населения северо-восточных провинций КНР достигла 108 млн. чел.²⁹⁴. Исходя из наблюдавшейся в 90-е гг. 12% величины прироста, численность жителей СВК в 2010 г. прогнозировалась исследователями на уровне в 120 млн. чел. При этом, ежегодный избыток рабочей силы в данном регионе КНР в 2000-е гг. составлял, по некоторым оценкам, свыше 10 млн. чел.²⁹⁵

Высокими темпами росла и экономика СВК: в 2004 г. его ВРП достиг 182,85 млрд. долл., увеличившись более чем в 6,8 раза по сравнению с уровнем 1990 г.²⁹⁶ Количественному росту сопутствовали важные качественные изменения: в структуре региональной экономики повысилась доля перерабатывающей промышленности, включая её высокотехнологичные отрасли, базой для развития которых служило в основном российское сырьё. Преимущественно на Россию были нацелены и возросшие возможности промышленного экспорта СВК. С 1999 г., когда китайское руководство приняло концепцию глобального внешнеэкономического наступления («идти вовне»), именно наращивание экспортных операций становится наиболее поощряемым Пекином направлением торгово-экономического взаимодействия между СВК и РДВ²⁹⁷.

Относительно стабильными, особенно на фоне СВК, оставались в первое десятилетие XXI в. параметры социально-экономического состояния КНДР. Судя по доступным статистическим данным, численность населения этой страны увеличилась незначительно: на 2011 г. она оценивается в 24 млн. 457 тыс. чел.²⁹⁸ Что же касается экономики Северной Кореи, то в 2000-е гг. она продолжала находиться в фазе затяжного спада производства, начавшегося ещё в середине 80-х гг.²⁹⁹

Противоречивыми тенденциями в 2000-е гг. характеризовалось социально-экономическое развитие РДВ. Так, после более чем двукратного уменьшения за 90-е гг., показатель ВРП РДВ вновь стал расти. Составлявший в 1998 г. (в ценах 1994 г.) 29 млрд. руб., в 2002 г. он увеличился до более чем 34 млрд., а в 2010 г. (по прогнозным данным) может составить более 60 млрд. руб.³⁰⁰ Вместе с тем, движущей силой этого роста являются почти исключительно сырьевые отрасли, господствующее положение которых в структуре дальневосточной экономики ещё более укрепилось. Кроме того, возобновление экономического роста в регионе происходило в условиях непрекращающегося оскудения демографических ресурсов РДВ. Если к началу 2002 г. численность населения региона (в границах ДФО) составляла более 7 млн. чел., то на 1 января 2008 г. в нём проживало уже менее 6,5 млн. чел.³⁰¹

Подобная экономическая и демографическая динамика способствовала углублению таких старых системных проблем РДВ как нехватка рабочей силы и недостаточная обеспеченность спроса потребительскими товарами. При этом с точки зрения

перспектив развития особенную остроту из этих проблем имеет первая. Так, к началу 2000-х гг. потребительские расходы дальневосточников превышали производство товаров потребления в регионе в 5 раз. Частичное восстановление практически разорванных связей с центром России и подъём отечественной промышленности и сельского хозяйства в дальнейшем несколько смягчили остроту этой проблемы, но отнюдь не сняли её с повестки дня. Что же касается недостатка рабочих рук, то его актуальность для РДВ в этот период только возрастала. Незначительная во время экономического спада, потребность региона в привлечении рабочей силы извне стала быстро расти с 2000 г. По расчётам специалистов, уже в 2004 г. величина этой потребности оценивалась в 483 тыс. чел., а в 2010 г. она должна была составить 1120 тыс.³⁰² Неблагополучная демографическая ситуация в стране не даёт оснований надеяться на сколько-нибудь существенное удовлетворение этой потребности за счёт межрегиональных миграций. Покрытие дефицита регионального рынка труда, в ещё большей мере, чем рынка товаров, таким образом, может быть достигнуто только за счёт внешних источников, главным из которых объективно становится Китай.

Глубоко неблагополучное социально-экономическое состояние РДВ на рубеже XXI в. было достаточно хорошо известно не только региональным властям, но и руководству страны. Тем не менее, наступление следующего этапа в истории функционирования дальневосточной границы, хронологически охватывающего 2000 – 2006 гг., было связано не столько с артикуляцией интересов региона, сколько с политическими процессами общегосударственного масштаба. В начале 2000-х гг. к власти в России пришла новая правящая элита, безусловными приоритетами для которой являлись практическое восстановление внутреннего единства государства и обеспечение его внешней безопасности. В соответствии с этими приоритетами была перестроена и федеральная пограничная политика. При этом изменения в ней коснулись, прежде всего, не общих целей, умеренно барьерный характер которых был задан «Основами пограничной политики» ещё в 1996 г., а механизмов их реализации. Принятие целого ряда концепций и базовых законов в области национальной безопасности, миграционного, таможенного и пограничного контроля было направлено на то, чтобы сделать эту политику комплексной, централизованной и технологически эффективной.

Предметом первоочередного внимания федеральной власти на данном этапе стало повышение эффективности регулирования трансграничных миграций. Важнейшие шаги в этом направлении были совершены в 2000 – 2002 гг. Они были связаны с встраиванием ФМС в обладавшую бо льшими оперативными возможностями систему правоохранительных органов и с модернизацией порядка учёта мигрантов за счёт внедрения миграционных карт. Дальнейшее усовершенствование функционирования государственной границы в социально-демографической сфере велось в основном путём налаживания координации работы ФМС МВД с ФСБ, МЭРТ, МИД и другими структурами и разработки технологий межведомственного обмена информацией. Кроме того, большое значение для дальневосточного участка рубежей страны имели российско-китайские соглашения 2000 и 2006 гг., нацеленные на ограничение и упорядочение группового безвизового туризма как главного канала нелегальной миграции из КНР в Россию³⁰³.

Позднее, в основном с 2002 г., правительство РФ приступило к обновлению пограничной политики и в сфере регулирования экономических отношений. В отличие от политики в сфере регулирования миграционных потоков, это обновление не сводилось преимущественно к институциональным и технологическим преобразованиям, хотя и включало в себя целую серию мер по централизации и оптимизации управления таможенной службой, регламентации работы пунктов пропуска и повышению качества учёта и контроля занятости иностранных рабочих³⁰⁴. Главным его содержанием стала дифференциация задач пограничного регулирования в отношении различных направлений и форм трансграничного взаимодействия. Объектом политики умеренной барьеризации на РДВ на этом этапе оставалась главным образом «серая» челночная торговля. В то же время, путём снижения пошлин, либерализации валютного контроля и развития банковской инфраструктуры, государство целенаправленно поощряло двусторонние торговые операции зарегистрированного (т.е. в основном, крупного и среднего) бизнеса. Подобная же умеренно контактная политика проводилась и в отношении взаимных китайских и российских капиталовложений³⁰⁵.

Не претерпели значительных изменений в 2000 – 2006 гг. задачи функционирования системы дальневосточной границы в военно-политической области. По сути, главной среди них по-прежнему являлась борьба против трансграничной организован-

ной преступности, в осуществлении которой, как и ранее, российская сторона стремилась к активному сотрудничеству с государственными органами КНР. Вместе с тем, на этом этапе в число официально продекларированных задач охраны дальневосточного участка российской границы было впервые включено противодействие разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб³⁰⁶. Кроме того, с 2003 г. государством была, наконец, развёрнута институциональная реформа пограничной службы, связанная с её передачей в структуру ФСБ и организационной перестройкой, а также начата (в рамках ФЦП «Государственная граница РФ») модернизация погранохранной инфраструктуры. Эти меры были призваны привести пограничную службу, во многом ещё сохранявшую советское устройство, в соответствие с её новыми задачами, т.е. повысить её эффективность как, прежде всего, инструмента отражения невоенных (политических и неполитических) угроз.

На рассматриваемом этапе, с принятием в 2000 г. Доктрины информационной безопасности РФ³⁰⁷, начинается процесс формирования идейных и правовых основ государственной информационной политики. Одним из главных институциональных субъектов её осуществления стали ФСБ и входящие в её структуру пограничные органы. Таким образом, система дальневосточной границы, после долгого перерыва, вновь приобрела функцию регулятора трансграничных культурных отношений. Вместе с тем, как показывает содержание нормативных документов, включая подписанное в мае 2000 г. российско-китайское соглашение о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации³⁰⁸, функционирование границы в культурной сфере было направлено на этом этапе в основном на исходящие потоки. Интерес государственных органов к данной сфере был связан, прежде всего, со стремлением исключить из вывозимой из страны информации сведения, относящиеся к государственной тайне. Узость поставленных в 2000 – 2006 гг. перед внутренним регулированием трансграничного культурного взаимодействия барьерных задач позволяет определить его целевой уровень жёсткости как высоко контактный. Что же касается «культурного импорта», то, несмотря на упоминания о необходимости защиты «внутреннего информационного рынка», внимание законодателей к этой проблеме было сугубо декларативным.

Доступные данные о динамике трансграничных потоков на РДВ в 2000 – 2006 гг., включая как официальную информацию,

так и экспертные оценки, в целом показывают, что фокусировка усилий государства на проблемах повышения качества реализации своей пограничной политики, по крайней мере, в пределах изучаемого региона, в итоге так и не оказала на её конечную практическую эффективность ожидавшегося воздействия. На РДВ, помимо ряда общероссийских факторов, её малая успешность была обусловлена также сохраняющейся недооценкой центром значимости этого региона как объекта управления и продолжающимся заметным запаздыванием в распространении на него иницилируемых Москвой преобразований и программ.

В 2000 – 2006 гг., в условиях перехода руководства КНР к политике стимулирования экономически мотивированной миграции граждан страны за рубеж, давление их потоков на российские границы значительно возросло. Въезд китайских мигрантов на территорию России, составлявший 493,8 тыс. в 2000 г., в 2004 г. возрос до 813,2 тыс., несколько снизившись затем до 765,3 тыс. в 2006 г.³⁰⁹ Рост числа прибытий китайских граждан наблюдался в эти годы и на РДВ: если в 2000 г. в регион въехало 350 тыс. китайцев, а в 2001 г. – 386 тыс., то в 2005 г. количество зафиксированных на границе случаев их въезда достигло 445,5 тыс.³¹⁰ По приведённым цифрам видно, что приток граждан КНР в регион возрастал несколько с меньшей скоростью, чем в страну в целом. Вполне возможно, что подобная переориентация миграционных потоков из Китая на более западные районы России была вызвана, в том числе, относительно большей жёсткостью функционирования дальневосточной границы. На самой линии границы эта большая жёсткость выражалась, прежде всего, в быстро растущем количестве не пропущенных через неё (в связи с внесением в списки нарушителей режима пребывания в России или с отсутствием необходимых документов) китайских граждан.

Значительно увеличилась к концу рассматриваемого этапа численность китайцев, одновременно пребывающих на РДВ. На 2005 г., по сведениям ФМС, в пределах ДФО китайцев насчитывалось более 170 тыс. чел.³¹¹ По данным же Ассоциации китайской граждан Владивостока, на весну 2007 г. на Дальнем Востоке работало около 200 тыс. китайцев³¹². По-видимому, последняя из этих цифр также является неполной, и к концу этапа 2000 – 2006 гг. количество одновременно находящихся в регионе мигрантов из КНР превысило уровень 1996 г.

Следует отметить, что если принять во внимание приводившиеся выше оценки избытка рабочих рук в СВК и их дефицита

на РДВ, а также поощряющую, контактную политику КНР в данной сфере, то подобный, более чем двукратный, рост китайского присутствия в регионе в 2000 – 2006 гг. оказывается не столь уж большим. Его величина говорит о том, что дальневосточная граница действительно выполняла в отношении миграционных потоков из КНР лимитирующую, барьерную роль. Эта роль особенно наглядна на фоне значительно более стремительного роста в эти же годы показателей въезда и пребывания на территории КНР жителей РДВ. Вместе с тем, рассмотрение внутренней структуры китайской иммиграции в регионе показывает, что эффективность реализации границей барьерной функции в социально-демографической сфере в это время трудно назвать высокой.

Для этапа 2000 – 2006 гг. были характерны взаимосвязанные тенденции к сокращению доли в составе китайских мигрантов, въезжающих на РДВ, туристов³¹³, в особенности безвизовых, и повышению доли официально зарегистрированных наёмных работников (в приграничных субъектах ДФО в 2000 г. их насчитывалось 10783 чел., а в 2006 г. – 48946 чел.)³¹⁴. Это свидетельствует о том, что российской стороне удалось в целом повысить соответствие между заявляемыми и реальными целями пребывания китайцев на территории региона. Об определённом улучшении качества иммиграционного контроля говорит и устойчивое сокращение числа граждан КНР, депортировавшихся на родину. Однако частота более мелких нарушений миграционного законодательства, наказывавшихся административными штрафами, с их стороны не снижалась. Напротив, с 2000 по 2004 гг. количество выявленных среди китайских мигрантов в ДФО нарушителей режима пребывания, по данным миграционных органов, выросло почти в 4 раза³¹⁵.

На то, что в китайской миграции на РДВ значительное место по-прежнему занимала теневая и криминальная составляющая указывают и другие данные. Так, за 1998 – 2005 гг. число преступлений иностранцев в ДФО (90% из которых составляли граждане КНР), включая в основном незаконный переход границы и контрабанду, возросло на 20%. При этом, по оценкам сотрудников правоохранительных органов региона, ими выявлялось лишь менее 25% преступлений, связанных с незаконной миграцией³¹⁶. По оценочным данным представителей УВД Приморского и Хабаровского краёв, на каждого легального иностранного мигранта на их территории в эти годы приходилось от 3 до 9 нелегаль-

ных³¹⁷. Даже если считать уровень нелегальной миграции среди граждан КНР наиболее низким, следует констатировать, что добиться кардинального изменения ситуации с ней по сравнению с этапом 1993 – 2000 гг. органы системы границы так и не смогли.

То, что принятые государством меры по совершенствованию механизмов пограничного регулирования миграционных процессов на РДВ позволили, в конечном счёте, повысить его эффективность лишь частично и незначительно, на мой взгляд, можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, такие результаты связаны с самой масштабностью начатых в первые годы XXI в. институциональных и материально-технических преобразований, охвативших не только миграционную службу, но и другие институты в системе государственной границы. Полностью завершить их в течение изучаемого этапа, тем более в таком отдалённом и финансируемом по остаточному принципу регионе как РДВ, было невозможно. Во-вторых, усилия государства были распределены неравномерно: сделав упор на развитие миграционного контроля, и, прежде всего, на более широкое применение к мигрантам административных санкций, власть не уделила достаточного внимания выстраиванию столь же всеохватывающей системы их учёта. Слабость учётно-информационной основы регулирования трансграничной миграции оставалась самым уязвимым звеном механизма функционирования дальневосточной границы в данной сфере вплоть до конца этапа 2000 – 2006 гг.

В целом бо льшую эффективность государственная пограничная политика показала в 2000 – 2006 гг. в сфере регулирования экономического взаимодействия РДВ с сопредельными странами. Торговый оборот между РДВ и КНР рос в эти годы весьма быстрыми темпами: составлявший 1125 млн. долл. в 2000 г., в 2006 г. он достиг величины в 4030 млн. долл.³¹⁸ Новой тенденцией в экономическом взаимодействии региона с Китаем стал рост объёмов инвестиций из этой страны.

Успешной реализации политики умеренного поощрения «белых» (официально регистрируемых) торгово-экономических отношений между РДВ и КНР сопутствовали в эти годы и очевидные сдвиги в таможенном противодействии «серой» и особенно «чёрной» трансграничной торговле. Борьба с последней, оживившаяся с 2004 г., приняла наибольший размах в 2006 г., когда на российско-китайской границе по инициативным органам ДВТУ уголовным и административным делам были задержаны контрабандные товары на сумму соответственно 622,8 млн. руб. и

около 3 млрд. руб.³¹⁹ Косвенным показателем растущей эффективности таможенного и валютно-банковского регулирования трансграничных экономических отношений стала отмечаемая исследователями с начала 2000-х гг. тенденция к легализации, правовому оформлению связанной с ними предпринимательской деятельности, как торговой, так и производственной³²⁰.

Впрочем, несмотря на относительное общее сокращение доли в экономическом взаимодействии РДВ с КНР не учитываемого и не облагаемого российским государством теневого оборота товаров и валюты, его масштабы оставались весьма значительными. Так, по результатам обследования рынков Хабаровского края, в 2004 г. вес нерегистрируемого (челночного) импорта в общем объёме ввезённых из Китая в этот регион товаров составлял 45,8%³²¹. О ещё бо льших масштабах неучтённой торговли (включая как «личные вещи» челноков, так и «серую растаможку» крупных перевозчиков) свидетельствуют результаты сопоставления российской статистики ввоза китайских товаров в ДФО с данными китайской таможни об их вывозе³²². Расхождение между ними показывает, что, например, в 2005 г. незарегистрированный российской стороной импорт более чем в 2 раза превышал зарегистрированный³²³. Высокая доля контрабанды была характерна и для дальневосточного экспорта. Судя по всему, самой криминализированной его сферой на протяжении всего изучаемого этапа являлся вывоз леса. Так, по данным МВД, около половины экспортированного (преимущественно в Китай) с РДВ в 2004 г. круглого леса было вывезено нелегально³²⁴.

Сохранение высоких объёмов теневого трансграничного оборота в экономической сфере в 2000 – 2006 гг. было обусловлено многими факторами. Однако, если рассматривать ту роль, которую в их существовании играла сама система дальневосточной границы, то в её составе важнейшими из таких факторов, на мой взгляд, следует считать инфраструктурные и кадровые. Малая численность, низкая пропускная способность и слабая техническая оснащённость располагавшихся на дальневосточной границе пунктов пропуска являлись объективными препятствиями налаживанию надлежащего учёта и контроля над быстрорастущим товарным потоком. Не менее серьёзной, но уже субъективной преградой повышению эффективности пограничного регулирования в этой сфере были широкая коррумпированность причастных к ней контролирующих институтов, их глубокая внутренняя

криминализация, охватившая в т.ч. и руководящее звено этих органов³²⁵.

Относительно высокую эффективность в 2000 – 2006 гг. имело функционирование дальневосточной границы в военно-политической сфере. Степень защищённости дальневосточных рубежей от незаконных внешних проникновений в эти годы в целом продолжала повышаться: если в 2000 г. было допущено 666 нарушений режима границы китайскими гражданами, то в 2006 г. только 437³²⁶. Особенностью данного этапа было учащение нарушений границы региона со стороны КНДР. Однако подавляющая часть подобных действий северокорейских граждан своевременно пресекалась. Важнейшую роль в сокращении числа незаконных пересечений дальневосточной границы на этом этапе по-прежнему играла координация работы российских пограничников с профилактическими мерами пограничных и правоохранительных органов КНР и КНДР³²⁷. Вместе с тем, свой вклад в него внесло и улучшение с начала 2000-х гг. материально-технического состояния самих пограничных частей региона.

В 2000 – 2006 гг., как и ранее, дальневосточная граница нарушалась главным образом в хозяйственных целях. В то же время, среди нарушителей регулярно выявлялись лица, проникавшие на российскую территорию для ведения разведывательно-подрывной деятельности. В частности, в 2005 г. за подобную деятельность лишь в Хабаровском крае было осуждено 4 человека. Всего же с территории этого субъекта РФ в 2005 г. в интересах национальной безопасности было выдворено 62 иностранца³²⁸. Не столь систематичной и результативной была совместная борьба органов погранслужбы, ФСБ и МВД с трансграничными операциями ОПГ. По данным опроса сотрудников правоохранительных органов ДФО 2005 г., в регионе выявлялось менее 25% преступлений, совершаемых в этой сфере. Тем не менее, эффективность противодействия трансграничной преступности в эти годы также возросла: ежегодно на РДВ ликвидировалось от 20 до 30 ОПГ, имеющих международные связи³²⁹. Результаты борьбы органов системы дальневосточной границы с незаконной трансграничной деятельностью, а также централизация и ограничение с начала 2000-х гг. международных контактов органов власти РДВ³³⁰ свидетельствуют о том, что фактическое функционирование этой системы в военно-политической сфере на данном этапе в целом действительно отвечало заявленному умеренно барьерному уровню.

Период 2000 – 2006 гг. характеризовался продолжающимся расширением культурно-информационного присутствия Китая на РДВ. Это расширение было связано как с ростом китайской иммиграции в регион, так и с активизацией усилий Пекина по распространению в восточных районах России китайского языка и культуры. Подобная политика способствовала появлению на РДВ ряда китайских русскоязычных СМИ и организации китайского радиовещания на проживающую в этом регионе российскую аудиторию. В декабре 2006 г. во Владивостоке при ДВГУ благодаря поддержке правительства КНР был открыт Институт Конфуция – крупный образовательный и культурно-просветительский центр, взявший на себя функции подготовки и переподготовки китайцев в масштабах всего РДВ. Между тем, по свидетельству китайской стороны, число изучающих русский язык в СВК (Хейлунцзян) в эти годы продолжало быстро сокращаться³³¹.

В соответствии с весьма узко понимаемыми задачами функционирования дальневосточной границы в культурной сфере на данном этапе она практически не использовалась ни как инструмент стимулирования духовного присутствия России на территориях КНР и КНДР, ни как средство управления импортом инкультурных ценностей. Российские власти по-прежнему не предпринимали никаких мер по языковой и ценностной адаптации прибывающих из этих стран мигрантов. Обеспечение культурной, а точнее, информационной безопасности региона, координация которого в эти годы осуществлялась Межведомственной комиссией при полпреде Президента РФ в ДФО, по сути, сводилось к отдельным мероприятиям по защите государственно значимых сведений от несанкционированного доступа со стороны иностранных субъектов. Однако и в этой области эффективность регулирования трансграничных потоков была невысока³³².

Во второй половине 2006 г. на федеральном уровне был принят ряд законов, содержание которых указывало на намерение руководства страны внести в пограничную политику существенные коррективы. Главной предпосылкой к такому повороту стало осознание правящей элитой исчерпанности прежнего курса на повышение эффективности государственного механизма, включая систему границы, посредством «закручивания гаек», т.е. укрепления управленческой дисциплины и ужесточения санкций, применяемых к объектам управления. Упор на централизацию и административно-силовую барьеризацию в пограничном регулировании повлёк, с одной стороны, значительное недополучение

всё более необходимых России иностранных рабочих рук, а, с другой, – растущую «теневизацию» трансграничных потоков и коррупцию контролирующего их государственного аппарата³³³.

Корректировка федеральной пограничной политики, предполагавшая её смягчение и дальнейшую внутреннюю дифференциацию, хронологически и концептуально оказалась тесно сопряжённой с ревизией в 2007 г. правительственной программы развития Дальнего Востока и Забайкалья. Реанимированные в ней задачи опережающего экономического роста региона и его интеграции в пространство АТР прямо перекликались с идеей либерализации трансграничного взаимодействия, позволяя конкретизировать её смысл. Кроме того, в процессе разработки и реализации программы, центральные власти получили более точное представление о реальном состоянии дальневосточной окраины, что дало возможность определить наиболее перспективные для стимулирования направления её трансграничных связей. Наконец, резко возросшие бюджетные вложения в регион обеспечили определённые гарантии того, что новая пограничная политика получит более адекватное, чем предшествующие планы, материальное воплощение.

Таким образом, с 2007 г. под действием факторов одновременно федерального и регионального уровней, система дальневосточной границы вступила в следующий этап своей истории, продолжающийся до настоящего времени. Основными особенностями этого этапа стали прогрессирующая дифференциация целей различных направлений её функционирования и вместе с тем повышение согласованности в их постановке и реализации, целостности пограничной политики на РДВ. При этом общей тенденцией функционирования системы дальневосточной границы в 2007 – 2010 гг. явилось снижение уровня его жёсткости.

Раньше и глубже остальных сфер трансграничных отношений РДВ обновление государственной пограничной политики затронуло социально-демографические процессы. Ещё в июле 2006 г. Президент РФ подписал ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан» и утвердил поправки к ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ». В соответствии с ними, с января 2007 г. разрешительный порядок учёта иностранцев по месту их проживания и работы был заменён уведомительным, а его процедура существенно упрощена. Основные обязанности и ответственность по обеспечению учёта иммигрантов и получению разрешений на их работу были возложены на принимающую

сторону. Облегчая процесс легализации для иностранцев, новые нормы были призваны сделать временное пребывание их в России более комфортным и безопасным, и, в конечном счёте, способствовать увеличению миграционного притока в страну. Вместе с тем, следует отметить, что в 2007 – 2010 гг. продолжали действовать введённые ранее жёсткие административные и уголовные санкции за нарушение миграционного законодательства.

Несмотря на то, что на данном этапе миграционное регулирование было по-прежнему подчинено, в первую очередь, решению экономических задач (привлечение трудовых ресурсов), понижение уровня его жёсткости до умеренно контактного имело в виду и расширение собственно социального взаимодействия между сопредельными территориями, т.е. обмена потребителями нематериальных услуг. Курс на интенсификацию и повышение качества взаимного туризма был заявлен российским и китайскими властями в марте 2007 г., в рамках мероприятий, посвящённых открытию в России Года КНР³³⁴. С 2009 г. государство приступило к модернизации расположенных на дальневосточной границе пунктов пропуска, одной из задач которой являлось устранение инфраструктурных препятствий на пути растущих туристических потоков. В одобренной главами РФ и КНР в сентябре того же года Программе сотрудничества между Дальним Востоком и Восточной Сибирью и Северо-Восточным Китаем (2009 – 2018 гг.) было вновь продекларировано стремление сторон к развитию инфраструктуры и облегчению условий трансграничного туристического обмена³³⁵.

В целом, дальнейшее смягчение, в пределах умеренно контактного целевого уровня, было характерно в 2007 – 2010 гг. для функционирования системы дальневосточной границы в экономической сфере. При этом главными направлениями либерализации и стимулирования во взаимодействии РДВ с сопредельными странами в данной сфере стали использование иностранной рабочей силы и инвестиционное сотрудничество. Квоты на ввоз рабочей силы из КНР на РДВ продолжали повышаться вплоть до начала мирового экономического кризиса в 2008 г.³³⁶ Впрочем, кризис лишь ненадолго ограничил политику поощрения экспорта трудовых ресурсов, и уже осенью 2009 г. российская и китайская стороны договорились о новых поставках рабочих из Китая для нужд сельского хозяйства, животноводства и строительной отрасли региона. Ещё бо льшую активность на этом этапе российские власти проявляли в привлечении на РДВ китайских инве-

стиций. В конце 2006 г. им удалось достичь с Пекином соглашения об установлении режима наибольшего благоприятствования в двустороннем инвестиционном взаимодействии³³⁷.

Избирательному (ограниченному рядом отраслей и конкретных проектов) стимулированию притока китайской рабочей силы и инвестиций в производство, в то же время, сопутствовало целенаправленное ужесточение пограничного регулирования целого ряда направлений двусторонней торговли. Важнейшими среди барьерных мер, принятых правительством РФ в этой области экономических отношений с Китаем на данном этапе стали: запрет на ведение иностранцами розничной торговли в России (апрель 2007 г.) и очередное сокращение стоимости товаров, допускаемых к ввозу российскими челноками (начало 2009 г.), объявление МЭРТ трёхлетней кампании по борьбе с «серой» и «чёрной» растаможкой импорта (март 2007 г.), последовательное повышение пошлин на экспорт необработанного леса (с июля 2007 г.) и усиление нетарифных ограничений на ввоз из КНР продовольственных продуктов (с конца 2006 г.)³³⁸. Введение названных торговых барьеров, как правило, мотивировалось необходимостью поддержки отечественного импортозамещающего производства (в таких отраслях как лёгкая промышленность и сельское хозяйство) или повышения степени переработки экспортируемой продукции (лесной отрасли).

В основном неизменными в 2007 – 2010 гг. оставались задачи функционирования дальневосточной границы в сфере военно-политических отношений. Вместе с тем, заметную остроту на этом этапе приобрёл вопрос о методах реализации этих задач, ставший предметом политической борьбы, как на региональном, так и на федеральном уровне. К концу 2006 г. директором ФСБ была издана серия приказов, которые устанавливали на прилегающих к дальневосточной границе территориях (шириной от 3 до 30 км.) режим пограничной зоны и вводили правила, ограничивавшие въезд и пребывание в ней³³⁹. Осуществление этих мер фактически означало бы повышение жёсткости военно-политического функционирования границы до уровня высокой барьерности.

Принятые решения вызвали широкое недовольство населения дальневосточных субъектов РФ и ряд обращений представителей региональных властей в центральные государственные органы. В результате в течение 2007 г. ФСБ были выработаны новые нормативные документы, в соответствии с которыми размеры погранзон были существенно сокращены, а режим их по-

сещения смягчён³⁴⁰. Таким образом, государство по существу приостановило дальнейшую барьеризацию дальневосточной границы в военно-политической сфере, приходившую в противоречие не только с конкретными (хозяйственными и рекреационно-туристскими) интересами местного населения и бизнеса, но и с контактной направленностью его собственной пограничной политики в области регулирования социальных и экономических отношений.

2007 – 2010 гг. стали временем расширения регулирующего воздействия дальневосточной границы на трансграничные культурные процессы. Предпосылкой к этому послужило учреждение в 2007 г. институционального механизма осуществления государственной культурной политики на международной арене – фонда «Русский мир», филиал которого был открыт во Владивостоке. Одним из направлений деятельности фонда явилось содействие продвижению русского языка и культуры на территории КНР и КНДР путём создания зарубежных образовательных и культурно-просветительских центров, организации внешнего теле- и радиовещания³⁴¹. На этом же этапе государством была поставлена задача разработки инструментов культурной натурализации находящихся в стране иммигрантов, как необходимого условия их полноценной интеграции в российское общество.

Происходящие изменения в политике государства говорят о том, что, сохраняя минимальную (на уровне высокой контактности) степень вмешательства в трансграничное культурное взаимодействие региона с внешним миром, оно стремится сделать это взаимодействие более сбалансированным, двусторонним, а также добиться контроля над различными его формами. Если в предшествующий период функционирование дальневосточной границы в культурной сфере сводилось к принятию оперативных мер по пресечению оборота определённых видов государственно значимой информации, то в 2007 – 2010 гг. была предпринята попытка включить в него регулирование долговременных процессов формирования ценностей и идентичностей взаимодействующих обществ.

Незавершённость и непродолжительность рассматриваемого этапа истории дальневосточной границы не даёт возможности в полной мере оценить результаты описанных выше изменений в её функционировании. Кроме того, определение эффективности последнего затрудняет сильное влияние на трансграничные процессы такого внешнего фактора как мировой финансово-эконо-

мический кризис, наиболее острая фаза которого пришлась на вторую половину 2008 – 2009 гг. Поэтому предлагаемые далее оценки касаются лишь некоторых из направлений пограничной политики 2007 – 2010 гг. и носят предварительный характер.

Прежде всего, обращают на себя внимание результаты функционирования дальневосточной границы в социально-демографической сфере, политико-правовые основы которого подверглись на данном этапе наиболее решительной корректировке. Как показывает статистика миграционного обмена между РДВ и КНР, либерализация его условий пока не стала заметным фактором оживления трансграничных потоков в этой сфере. Так, величина притока граждан КНР на Дальний Восток по итогам 2010 г. не превысила соответствующий показатель 2005 г.³⁴² Причиной тому, судя по всему, послужил не только мировой кризис, сдерживающее влияние которого на межстрановую миграцию, особенно в 2009 г., действительно было весьма ощутимым. Более важной, на мой взгляд, причиной такого результата являлась та внутренняя структура, которую миграционные потоки между РДВ и КНР имели к началу изучаемого этапа. Как становится очевидным сегодня, очень значительную, а возможно и преобладающую их часть составляли лица, пересекавшие границу с целью ведения торговой деятельности. Жёсткие меры, принятые в 2007 – 2009 гг. в отношении участников челночной торговли, повлекли за собой резкое падение объёмов трансграничной миграции. Это падение не было в полной мере компенсировано за счёт роста въезда в Россию трудовых мигрантов: увеличившееся число китайских рабочих в ДФО в 2010 г. достигло лишь 90 тыс. чел.³⁴³ Ещё менее пополнению сокращающейся миграции мог поспособствовать туризм: количество «формальных» туристов с обеих сторон в эти годы существенно уменьшилось, число же туристов в узком смысле, перемещавшихся через границу с культурно-рекреационными целями, росло крайне медленно³⁴⁴.

В целом, если российские власти действительно ставили перед собой задачу перестройки структуры миграционного обмена между РДВ и КНР, с одновременным наращиванием его объёмов, то в настоящее время эта задача реализована лишь частично. Меры по стимулированию трансграничного движения рабочей силы, не говоря уже о туристах, ощутимого эффекта до сих пор не дали. Наряду с острыми инфраструктурными проблемами дальневосточной границы (материально-техническое состояние погранпереходов и транспортной сети), осуществлению государственной

политики, направленной на изменение модели трансграничного взаимодействия двух стран, препятствует инерционность сложившегося за предшествующие два десятилетия взаимного восприятия и интересов населения сопредельных территорий.

Та же заинтересованность китайских граждан и особенно несущих основную ответственность за соблюдение ими миграционного законодательства российских работодателей в сформировавшихся ранее неформальных «правилах игры», продолжает оставаться главным камнем преткновения для борьбы российских властей с нелегальной миграцией. По мнению самих представителей государственной власти, успехи, достигнутые ими в 2007 – 2010 гг. на этом направлении, весьма скромны. По словам главы ФМС К. Ромодановского, на июль 2010 г. его служба располагала данными о более чем 100 тыс. китайцев «задержавшихся» на РДВ с 2008 г. По признанию чиновника, эта цифра не является исчерпывающей, поскольку не включает в себя граждан КНР, прибывших в регион до 2008 г. и находящихся на его территории нелегально. Таким образом, учитывая, что к началу 2007 г. на РДВ пребывало не менее 200 тыс. китайцев, их общую численность в регионе на сегодня можно оценить примерно в 300 тыс. чел. Однако, если экстраполировать на РДВ приведённое тем же Ромодановским соотношение между легальными и нелегальными мигрантами для России в целом (1:4), то численность находящихся здесь китайцев оказывается значительно большей³⁴⁵.

Представленные данные свидетельствуют о том, что никакого существенного сокращения нелегальной иммиграции на РДВ в 2007 – 2010 гг. по сравнению с предшествующим этапом достичь не удалось. Смещение акцентов с барьерных на контактные функции дальневосточной границы в социально-демографической сфере ни как не сказалось на эффективности их практического осуществления. И в том, и в другом случае она является пока одинаково неудовлетворительной.

Столь же мало успешной остаётся и реализация дальневосточной границей большинства новых задач по регулированию трансграничных экономических отношений. Так, после преодоления кратковременного спада 2009 г. продолжается рост объёмов торговли РДВ с Китаем. В 2010 г. товарооборот между регионом и этой страной достиг величины в 5,5 млрд. долл.³⁴⁶ Однако ожидаемых качественных изменений в структуре двусторонней торговли в 2007 – 2010 гг. не произошло. Экспорт в КНР сохраняет преимущественно сырьевой характер. Одной из глав-

ных его товарных статей по-прежнему выступает лесная продукция, на 95% состоящая из необработанного кругляка. Повышение экспортных пошлин на него не способствовало сколько-нибудь заметному расширению в регионе лесобрабатывающего производства и увеличению вывоза пиломатериалов³⁴⁷.

В составе китайского импорта, на который приходится около двух третей всего товарооборота, как и в 90-е гг. преобладают потребительские промышленные и продовольственные товары³⁴⁸. Несмотря на введённые таможенные барьеры, их доля на дальневосточном рынке всё ещё очень велика. Таким образом, политика избирательной барьеризации не создала стимулов для существенного повышения в регионе спроса на продукцию отечественной лёгкой промышленности и сельского хозяйства. В последние годы значительное место в китайском импорте (его пятая часть в 2008 г.) заняли машины и оборудование.

Низкая результативность внешнеторговых ограничений во многом связана с сохранением широких возможностей для их обхода. По оценкам исследователей, в 2007 – 2010 гг. правительству действительно удалось в несколько раз сократить масштабы дальневосточной челночной торговли³⁴⁹. Однако в деятельности средних и крупных участников ВЭД доля «серых» операций, связанных с неполной таможенной очисткой товара, остаётся весьма высокой. Так, по сделанному в 2008 г. заявлению губернатора Хабаровского края В.И. Ишаева, половина экспортируемого в Китай и Японию дальневосточного леса вывозится «неофициально»³⁵⁰.

Выполнение дальневосточной границей контактных функций в экономической сфере, особенно в отношении таких ключевых направлений трансграничного сотрудничества как привлечение инвестиций и трудовых ресурсов, высокой эффективностью также не отличалось. За 2005 – 2009 гг. в РДВ китайской стороной было инвестировано лишь 108 млн. долл., что составляло 0,3% от общего объёма поступивших в эти годы в регион иностранных инвестиций. При этом за предшествующие 15 лет объём накопленных китайских инвестиций составил 1,3 млрд. долл.³⁵¹ Таким образом, приток китайского капитала на РДВ на изучаемом этапе замедлялся. Устойчивое нежелание китайских инвесторов вкладывать свои средства в регион, по всей видимости, связано в первую очередь не с тем, что российское инвестиционное законодательство и регулятивная практика, по их мнению, являются не достаточно либеральными³⁵². Более важной причиной этого, на

мой взгляд, выступает прямая незаинтересованность китайских властей и бизнеса в содействии России в развитии в дальневосточном регионе обрабатывающей промышленности.

Как уже отмечалось, в 2007 – 2010 гг. в регионе наблюдалось увеличение численности легально занятой китайской рабочей силы. Если учесть возросшее в те же годы количество трудовых мигрантов из КНДР (в 2009 г. в регионе их насчитывалось 17 тыс.³⁵³), то официальная численность рабочих из сопредельных стран на РДВ к концу изучаемого этапа превысила 100 тыс. чел. Однако с точки зрения объективных потребностей региона в трудовых ресурсах подобные масштабы использования китайских и корейских рабочих являются далеко не достаточными. Нарращиванию объёмов легальной трудовой иммиграции на РДВ на сегодняшний день мешает, прежде всего, сложная, продолжительная и дорогостоящая процедура оформления лицензий на привлечение иностранных рабочих, сдерживающую роль которой отмечают и китайские исследователи³⁵⁴.

По-прежнему достаточно высокую эффективность в 2007 – 2010 гг. дальневосточная граница показывала в сфере регулирования военно-политических отношений. Результативность действий пограничной службы, также органов ФСБ и МВД по таким направлениям как борьба с нарушениями границы и пресечение деятельности иностранных спецслужб в эти годы не снижалась, либо имела некоторую тенденцию к повышению. Так, количество зафиксированных нарушений российско-китайской границы в пределах ДФО, составлявшее в 2006 г. 437 случаев, в 2007 г. сократилось до 349³⁵⁵. По сообщениям дальневосточных пограничных управлений, сокращение числа нарушений и укрепление стабильности обстановки на границе продолжались и в последующие годы³⁵⁶. Менее успешно дальневосточная граница осуществляет барьерные функции в отношении трансграничной организованной преступности. Несмотря на рост количества выявляемых и ликвидируемых ОПГ, их контрабандная активность оставалась в эти годы устойчиво высокой³⁵⁷.

Важнейшим фактором укрепления политической безопасности дальневосточных рубежей, на фоне усиливающегося демографического, экономического и криминального давления на них со стороны сопредельных КНР и КНДР, на данном этапе по-прежнему выступало активное и регулярное сотрудничество пограничников, сотрудников ФСБ и МВД с их китайскими и северо-корейскими коллегами. Главными же препятствиями к повы-

шению эффективности регулирования трансграничных потоков в этой сфере являлись незавершённость модернизации инженерно-технической и информационной инфраструктуры дальневосточной границы и её неполная укомплектованность офицерскими кадрами.

Характерной особенностью этапа 2007 – 2010 гг. было быстрое повышение интенсивности культурно-информационных контактов РДВ с Китаем. Заметный импульс их развитию дала реализация таких межгосударственных проектов как Год России в Китае в 2006 г. и Год Китая в России в 2007 г., а также Год русского языка в Китае в 2009 г. и Год китайского языка в России в 2010 г. Подготовка целой серии крупных мероприятий в рамках «Годов» способствовала концептуальному и организационному упорядочению взаимной культурной политики двух стран, а также увеличению государственных вложений в эту сферу. Однако масштабы государственного вмешательства сторон в трансграничные культурные процессы, степень управляемости последних и достигнутые результаты были весьма различны. Рост числа школьников и студентов РДВ, изучающих китайский язык, умножение русскоязычных печатных СМИ и электронных ресурсов, создание в регионе новых китайских культурно-образовательных центров (в т.ч. Институтов Конфуция) указывают на то, что КНР успешно преодолевает былую идеологическую замкнутость и всесторонне расширяет своё ценностно-символическое присутствие в общественном сознании региона³⁵⁸. Успехи российской стороны выглядят куда менее внушительно. Крупнейшим её достижением на данном этапе стало открытие финансируемым Правительством РФ фондом «Русский мир» культурных центров в Пекине, Даляне и Чаньчуне в 2009 г.³⁵⁹ При этом, поддержка образовательных программ в Китае российскими властями осуществлялась только в форме разовых акций, и количество изучающих русский язык в этой стране продолжало сокращаться. Никаких практических мер государством не было принято для решения проблемы культурной адаптации находящихся в регионе восточноазиатских мигрантов. Подобная пассивность российской стороны в условиях почти полной культурно-информационной дебарьеризации дальневосточной границы и наступательного характера политики в этой сфере Китая может в скором времени привести к возникновению на РДВ серьёзных культурно-национальных противоречий и к размыванию нынешней идентичности населения региона.

4. Дальневосточная граница в 1988 – 2010 гг.: типологические особенности и тенденции развития

Исторически краткий период 1988 – 2010 гг. стал временем быстрых и, вместе с тем, противоречивых и непоследовательных изменений в системе дальневосточной границы. По своей общей направленности они в целом достаточно точно повторяли ход новейшей истории российского общества и его политической системы. Начав с резкого, по существу, революционного рывка в своём развитии, система дальневосточной границы очень скоро под давлением целого комплекса объективных факторов «легла на обратный курс», который, тем не менее, не привёл её к возвращению в исходное состояние.

С точки зрения используемой в настоящей работе стадийной типологии, развитие дальневосточного рубежа можно охарактеризовать как неудавшуюся попытку перехода от системы линейного типа к системе экстерриториального транснационализованного типа. Эта попытка была спровоцирована позднестроительной либерализацией массового сознания общества, надеждами на близкое торжество «общечеловеческих ценностей» и всеобъемлющую интеграцию страны в «цивилизованный мир», а также преувеличенными ожиданиями выгод от международного сотрудничества. В 1988 – 1993 гг. система дальневосточной границы (за исключением в определённой степени её военно-политической сферы) подверглась радикальному разгосударствлению, дерегулированию и децентрализации, которые уже к 1991 г. утратили черты планомерной политики, превратившись во многом в стихийный процесс.

Однако стремительное самоустранение государства от управления трансграничными отношениями не оправдало надежд большинства дальневосточников. Оказалось, что либеральная открытость миру несёт с собой не только выгоды и возможности, но и издержки и угрозы, причём последние прирастают явно с большей скоростью, чем первые. Освобождённое от государственного контроля трансграничное сотрудничество между РДВ, КНР и КНДР всё более принимало характер эгоистической борьбы за ресурсы, самым уязвимым и более всех теряющим участником которой становилась наиболее «свободная» из сторон. Подобная трансформация сотрудничества была обусловлена, прежде всего, тем, что шагнувшая в либеральное транснацио-

нальное будущее граница разделяла не только далеко не отвечавшие уровню развития либерального мира, но и глубоко взаимно различные общества. В условиях резко выраженного в конце 80-х – начале 90-х гг. неравенства демографического, социального и экономического потенциалов сторон, высокой специфичности их культурно-цивилизационных ценностей и поведенческих установок минимально регулируемое трансграничное взаимодействие между ними не могло привести к формированию взаимовыгодных и стабильных отношений. Менее чем через пять лет после начала процесса разгосударствления системы дальневосточной границы, встревоженные последствиями сотрудничества (и, прежде всего, массовым притоком китайских мигрантов) население и власти РДВ сами выступили инициаторами ужесточения режима её функционирования и, в конечном счёте, её ретатизации. Развернувшийся с 1993 г. процесс возвращения в систему дальневосточной границы государства и приведения её к параметрам рубежа линейного типа, по существу, продолжается до настоящего времени.

На сегодняшний день соответствие системы дальневосточной границы основным признакам рубежа линейного типа можно в целом считать восстановленным. Россия на практике обеспечивает однозначность и исключительность своего суверенитета (по крайней мере, в военно-политической сфере) над приграничными территориями РДВ. Более того, завершение в 2004 г. начатого соглашениями с КНДР 1985 г. и с КНР 1991 г. процесса делимитации дальневосточной границы, позволило существенно уточнить пространственные пределы российского суверенитета в регионе и поставить их на более прочное международно-правовое основание. За последние два десятилетия созданы новые, во многом более дифференцированные и изошрённые, чем в советский период, институциональные и особенно правовые механизмы государственного контроля, дающие возможность распространить его на значительно более широкий спектр трансграничных отношений, в первую очередь в таких их бурно развивающихся сферах как экономическая и социальная. Наконец, несмотря на все культурно-идеологические метаморфозы постсоветской эпохи, доминантой в общественном сознании и официальных доктринах остаётся «линейное» по своей сути представление о постоянстве и незыблемости дальневосточных рубежей страны, об их органической связи с символическим историко-географическим «телом» России. Об устойчивости и значимости этого представления сви-

детельствует острая (а на РДВ и массовая) реакция общества на возможные территориальные уступки в ходе уже упомянутой демаркации границы с КНР и высокая «чувствительность» к вопросам расположения пограничной линии, проявляемая жителями региона до сих пор.

Вместе с тем, произошедший к концу изучаемого периода возврат к линейной государственной границе не был полным. И сегодня система дальневосточной границы сохраняет в своей структуре целый ряд появившихся в основном в 90-е гг. элементов и отношений, свойственных рубежам транснационализованного типа. К таким элементам и отношениям, существование которых связано с ограничением в той или иной форме национально-государственного суверенитета, в первую очередь, следует отнести уже достаточно обширный пласт соглашений и внутренних правовых актов, регламентирующих вопросы трансграничного сотрудничества региональных и местных властей. Помимо десятков прямых договорённостей, достигнутых между городами, районами, областями и краями РДВ и городами, округами, уездами и провинциями Китая, в него входят и такие общие документы как «Соглашение о принципах сотрудничества между администрациями субъектов РФ и местными правительствами КНР» 1997 г., «Концепция приграничного сотрудничества в РФ» 2001 г. и ратифицированная Россией в июле 2002 г. «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» 1980 г. Во-вторых, в число элементов системы границы нового типа необходимо включить созданные на двусторонней основе органы управления трансграничным взаимодействием. Важнейшим среди них является учреждённый в 1998 г. российско-китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству, в составе которого находятся представители региональных и местных властей приграничья, а также центральных органов власти двух стран. В-третьих, о типологической неоднородности системы дальневосточной границы свидетельствует наличие в пограничном пространстве территорий с особыми либерализованными правовыми режимами, имеющих форму свободных экономических зон (в ЕАО, Находке) или приграничных торгово-экономических комплексов (Суйфунхе – Пограничный, Хейхе – Благовещенск). В-четвёртых, в логику рубежа линейного типа очевидно не вписываются социальные и культурные процессы формирования в системе границы транслокальных сооб-

ществ с присущим им транснациональным сознанием. Между тем, длительное функционирование трансграничных сетей и рынков в ряде приграничных районов РДВ уже привело к образованию социальных групп (предпринимателей и наёмных работников), практики и интересы которых связывают их с зарубежными контрагентами, по меньшей мере, столь же тесно и устойчиво, как и с вмещающим обществом.

Присутствующие в системе дальневосточной границы элементы и отношения транснационализированного типа на сегодняшний день в значительной степени пребывают в законсервированном или неформальном, теневом состоянии. Их потенциал (как конструктивный, так и деструктивный) пока во многом остаётся нереализованным. Однако изменение пограничной политики государства способно привести к их активации и быстрому росту, что повлечёт за собой возобновление типологической трансформации изучаемой границы. Определённые признаки корректировки этой политики в виде постепенной централизованной либерализации условий трансграничного взаимодействия РДВ с КНР можно обнаружить с середины 2000-х гг.³⁶⁰ Станет ли эта тенденция определяющей и приведёт ли она в дальнейшем к децентрализации управления трансграничными контактами, будет ясно из того, чем завершится длительная политическая борьба вокруг принятия ФЗ «О приграничном сотрудничестве».

Эволюция системы дальневосточной границы в период 1988 – 2010 гг. в направлении от линейного к транснационализированному типу была бы невозможна, если бы не достигнутое в те же годы существенное повышение устойчивости её пространственного положения. Линия дальневосточной границы, которая на протяжении большей части её истории оставалась проблематизированной, к концу изучаемого периода, наконец, стала обнаруживать типологические признаки стабильности. Стабилизация дальневосточной границы была обеспечена, прежде всего, демаркацией её северокорейского и китайского участков. В результате демаркационных работ, проводившихся в 1990-е – 2000-е гг., согласованная линия российско-китайского участка дальневосточной границы в значительной своей части (особенно на акваториях Амура и Уссури) была смещена относительно линии фактически охранявшегося в предшествующие годы рубежа. Однако общая площадь в итоге переданных сторонами друг другу территорий оказалась невелика³⁶¹. Вместе с тем, ценою этих локальных изменений, к 2008 г. длительный процесс международно-правового

оформления географических координат дальневосточной границы, начатый ещё в 50-е гг. XIX в., был полностью завершён. Успешная делимитация и демаркация способствовали тому, что в 2001 г. РФ и КНР документально подтвердили отсутствие у них взаимных территориальных претензий. Пролегание дальневосточной границы практически перестало быть предметом межгосударственных дипломатических, а тем более вооружённых, конфликтов³⁶².

Наряду с пространственной стабилизацией, важной предпосылкой дальнейшего стадийного развития системы дальневосточной границы явилась масштабная перестройка в 1988 – 2010 гг. её состава и структуры. Вместе с тем, всеохватывающей внутренней модернизации системы границы в изучаемый период была свойственна ярко выраженная неравномерность, асинхронность. При этом, наиболее активное обновление, расширение и специализация, несмотря на сильное влияние консервативной политики резтатизации, были характерны для правовой базы существования дальневосточной границы. В целом менее быстрыми темпами, с определённым запаздыванием, развивался её институциональный компонент, о чём, в частности, говорят незавершённость на РДВ начатого в 2003 г. процесса реформирования пограничных органов, а также сохраняющаяся ведомственная несамостоятельность, организационная зависимость миграционной службы от МВД. Самой же инертной, косной частью системы дальневосточной границы оказался её материально-технический компонент, и особенно контактная инфраструктура пунктов пропуска и транспортные коммуникации, планомерная работа по модернизации которых была развёрнута в регионе лишь в конце 2000-х гг.

Особую динамику в период 1988 – 2010 гг. имели такие компоненты системы изучаемой границы как социальный и культурный. Стремительное возвращение в первые годы этого периода в систему государственной границы общества происходило значительно быстрее правового и институционального упорядочения его активности. В результате общественное присутствие в системе границы приобрело преимущественно неформальный, а по мере ужесточения пограничной политики государства, в значительной мере и прямо нелегальный характер. При этом, на РДВ процесс «теневизации» социального компонента границы дополнительно усиливался тем, что игнорирующая региональную специфику общегосударственная политика барьеризации натал-

кивалась здесь на более высокую заинтересованность населения региона в трансграничных контактах. Таким образом, в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда занимающий фактически огромное место в системе дальневосточной границы социальный компонент существует в ней во многом обособленно и автономно, минимально участвуя в общем процессе её «официального» функционирования и реализуя себя в различных дисфункциональных практиках³⁶³.

Несовпадение с общим направлением государственных преобразований в системе дальневосточной границы было присуще и эволюции её культурного компонента. Если социальные практики активно вовлечённых в трансграничные процессы групп населения в изучаемый период были в целом (особенно с 1994 г.) «либеральнее» пограничной политики государства, то формируемое основной массой общества культурное сознание отличалось от неё скорее большим «консерватизмом». Так, несмотря на усилия властей по улучшению имиджа «великого соседа», восприятие Китая, и как следствие дальневосточной границы, россиянами и в особенности жителями РДВ остаётся преимущественно тревожным и вызывающим защитную реакцию. Это можно объяснить не только естественной инерционностью культуры, давлением складывавшихся в течение многих десятилетий стереотипных представлений и оценок. Тревожность образа дальневосточной границы подкрепляется и современным жизненным опытом граждан, слишком хорошо знакомых с неблагоприятным внутренним состоянием региона и негативными последствиями «теневизации» трансграничных отношений. Вместе с тем, тот же самый повседневный опыт является фактором и постепенно происходящих в культуре границы содержательных изменений. Массовые поездки за рубеж и контакты с мигрантами из сопредельных стран всё более убеждают дальневосточников в том, что исходящие из них угрозы носят не военно-политический, а социально-экономический характер, и не могут быть устранены путём перевода региона на «осадное положение».

Изменения в культуре дальневосточной границы служат одним из показателей того, что обновление входящих в систему этой границы элементов и подсистем сопровождалось существенным перераспределением между ними общесистемных функций. Если в советский период функционирование не только правового, институционального и материально-технического, но и социального и культурного компонентов границы было подчи-

нено, прежде всего, решению военно-политических задач, то в 1988 – 2010 гг. доминирующими сферами пограничного регулирования становятся экономические и социально-демографические отношения. Помимо корректировки культурных ценностей и бурного роста социального компонента границы, на это прямо указывает главным образом торгово-экономическая и миграционная направленность появившихся в этот период международных соглашений и внутреннего законодательства и резкое увеличение государственных вложений в развитие инфраструктуры пунктов пропуска. Особенно наглядно произошедший в 1988 – 2010 гг. «передел» сфер функционирования дальневосточной границы выявляет эволюция его институциональной составляющей: в этот период она характеризовалась не только быстрым расширением региональной сети таможенных органов и созданием на РДВ миграционной службы, но также сворачиванием и демилитаризацией структур пограничной охраны, переориентированных на борьбу с «новыми», невоенными угрозами.

Рассматривая функционирование дальневосточной границы 1988 – 2010 гг. на более конкретном уровне нельзя не обратить внимания на частые изменения в степени его жёсткости. Стремительная и всеобъемлющая (четырёхмерная) либерализация пограничного регулирования внешних связей РДВ в 1988 – 1993 гг., на этапе 1993 – 2000 гг. сменилась почти столь же резкой, но менее последовательной и комплексной барьеризацией. С начала 2000-х гг., постепенно освобождаясь от прямого влияния идеологических и социально-психологических факторов, государственная пограничная политика в регионе превращается в череду более или менее рационально осмысленных попыток нахождения баланса, оптимального соотношения между контактными и барьерными функциями дальневосточной границы. В этот период на дальневосточной границе стали применяться сложные режимы функционирования, связанные с установкой разных уровней жёсткости регулирования не только для различных сфер трансграничных отношений, но и для входящих в них отдельных направлений взаимодействия. Выстраивание таких дифференцированных режимов производилось российскими властями с учётом общих приоритетов национальной экономической и социальной политики, программ развития Дальнего Востока и Забайкалья, а с 2009 г. и плана правительства КНР по «возрождению» СВК. При этом, дифференциации пограничного регулирования в 2000-е гг.

сопутствовала тенденция к постепенному общему понижению степени его жёсткости.

Весьма специфическую динамику в изучаемый период демонстрировал характер функционирования дальневосточной границы в культурной сфере. В 90-е гг. эта область трансграничных отношений практически перестала быть объектом государственного регулирования. Восстановление культурного контура дальневосточной границы начинается лишь в 2000-е гг., при чём степень вмешательства государства в трансграничные культурно-информационные процессы до настоящего времени остаётся минимальной. Столь низкая (на уровне высокой контактности) степень жёсткости пограничного регулирования в культурной сфере, на мой взгляд, является результатом не столько сделанного российским руководством сознательного выбора, сколько отражением общей незрелости государственной культурной политики, неопределённости её целей и ценностной, идеологической основы.

Изменениям в период 1988 – 2010 гг. подвергался не только характер, но и направленность функционирования дальневосточной границы. Если на этапе либерализации 1988 – 1993 гг. уровень жёсткости регулирования трансграничных потоков, пересекавших эту границу «извне» и «изнутри», был в целом одинаковым, то введение со второй половины 1993 г. ряда ограничительных мер, касавшихся главным образом иностранных граждан и импортных товаров, привело к нарушению его симметричности. Несмотря на последующее смягчение российской пограничной политики и декларируемую в двусторонних соглашениях приверженность принципу равноправия, асимметричность уровней внешнего и внутреннего функционирования дальневосточной границы (особенно в социальной сфере) сохранялась и в 2000-е гг. Подобная эволюция дальневосточного рубежа в сторону относительного снижения его внешней проницаемости вполне закономерна и связана со стремлением российских властей функциональными, политическими средствами нейтрализовать последствия колоссального объективного неравенства демографических и экономических потенциалов РДВ и СВК.

Говоря о функционировании системы дальневосточной границы, следует напомнить о том, что его реальная практика в 1988 – 2010 гг. редко соответствовала тем целевым уровням жёсткости пограничного регулирования, которые устанавливались политическими и нормативно-правовыми документами государственной

власти. Наиболее разительным это расхождение между заявляемыми целями и их реализацией было в 1993 – 2000 гг., когда российские власти предприняли плохо подготовленную попытку резкого отхода от предшествующей политики «открытой границы». Однако и в 2000-е гг., при безусловно возросшем качестве исполнения государственных решений, проблемы эффективности функционирования дальневосточной границы оставались очень острыми.

Многочисленные причины значительного общего снижения в 1988 – 2010 гг. (в сравнении с советским периодом) эффективности системы дальневосточной границы, на мой взгляд, можно сгруппировать в два основных фактора. Первый из них состоит в хроническом отставании структурного, институционального и особенно материально-технического, развития системы границы от процесса обновления её функциональных задач. Этот фактор имеет для дальневосточной границы перманентную значимость, однако в период 1988 – 2010 гг. его влияние существенно возросло, что было обусловлено, с одной стороны, революционным ускорением изменений в содержании пограничной политики, а с другой, сокращением всех форм участия государства в развитии РДВ и его рубежей. Второй фактор снижения эффективности функционирования границы, специфичный именно для изучаемого периода, заключается в глубоком конфликте интересов основных вовлечённых в это функционирование субъектов, т.е. федерального центра, региональных властей, а также ориентированных на трансграничные отношения групп населения РДВ. При этом, если в 1993 – 2000 гг. ключевыми сторонами этого конфликта были Москва и администрации дальневосточных регионов, в публичном политическом пространстве боровшиеся, прежде всего, за само право управления границей, то в 2000 – 2010 гг. в нём столкнулись централизованное государство и частные субъекты, имевшие различные представления о допустимых уровне и направлениях либерализации пограничного регулирования. Это масштабное, но скрытое (а потому неразрешимое) противоборство, видимой частью которого служат регистрируемые факты контрабандных и коррупционных преступлений, сегодня по существу определяет собой характер отношений между государственными институтами и социальным компонентом системы дальневосточной границы, самым непосредственным образом сказываясь на эффективности её работы в целом.

Наиболее очевидным следствием эволюции системы дальневосточной границы в период 1988 – 2010 гг. явилась значительная интенсификация большинства форм трансграничных отношений РДВ с сопредельными территориями Китая. Трансформация дальневосточной границы из пассивной в высоко активную означала, что огромная часть потребностей РДВ стала обеспечиваться за счёт его внешних связей. При этом в число данных потребностей входили не только те, которые и в предшествующий период по объективным причинам не могли быть удовлетворены с помощью внутренних, национальных источников, т.е., прежде всего, потребности в рабочей силе и сельхозпродукции. Помимо компенсации исторически сложившихся структурных диспропорций общественной системы РДВ, в изучаемый период трансграничные связи использовались для смягчения последствий социально-экономического и управленческого кризиса в стране, т.е. удовлетворения целого ряда обусловленных ими новых нужд региона – в поставках потребительских промтоваров, машин и оборудования, сбыте сырья, туристических услугах и т.д.

Постепенный выход России из состояния системного кризиса в 2000-е гг. не повлек за собой уменьшения многосторонней зависимости РДВ от отношений с Китаем. За последние два десятилетия проблемы региона, послужившие предпосылками активизации его трансграничных отношений, так и не были решены. Не способствовали их решению и результаты самого трансграничного взаимодействия. Они не сгладили старых региональных диспропорций, но привели скорее к их углублению (деградация дальневосточного сельского хозяйства, рост безработицы среди местного населения и увеличение его оттока в западную часть страны), а также породили ряд новых противоречий, связанных с упадком перерабатывающих отраслей экономики региона и закреплением его сырьевой моноспециализации.

Не став в итоге фактором повышения устойчивости, сбалансированности и безопасности развития РДВ, трансграничное сотрудничество, вместе с тем, послужило мощным стимулом для укрепления потенциала СВК, всё более выступающего в роли социально-экономического центра для дальневосточной периферии. По существу, в последние годы в социально-экономической сфере СВК постепенно занимает по отношению к РДВ место, принадлежавшее ранее европейской части России. И то, что становление такой новой (трансграничной) формы центр-периферийных отношений сопровождается резким углублением в обще-

ственной системе РДВ структурных диспропорций можно считать вполне закономерным. Ведь взаимодействие центра и периферии, расположенных по разные стороны государственной границы, строится на чисто прагматическом, рыночном расчёте и лишено той минимальной общности интересов (прежде всего, военно-политических) и культурных ценностей, которая сдерживала рост этих диспропорций в предшествующий период.

Безусловно, характер функционирования дальневосточной границы в 1988 – 2010 гг. не может считаться ни единственной, ни даже ведущей причиной подобных результатов сотрудничества РДВ со своими соседями. Однако, учитывая управляемую, активную природу данного фактора, его роль нельзя недооценивать. Говоря о недоиспользованных возможностях дальневосточной границы как инструмента развития прилегающего к ней региона, на мой взгляд, следует обратить внимание, прежде всего, на два обстоятельства. Во-первых, пограничная политика России на Дальнем Востоке в 1988 – 2010 гг. характеризовалась постоянным запаздыванием, реактивностью. В результате инициатива в управлении трансграничным взаимодействием на различных уровнях (а значит, и наибольшая выгода) принадлежала в основном Китаю (в лице, прежде всего, органов государственной власти) и его отдельным частным субъектам с российской стороны (т.е. узкому кругу бизнесменов, чиновников и представителей криминалитета). Во-вторых, функционирование дальневосточной границы было, как правило, слабо согласовано с внутренней региональной политикой Москвы, с её программами развития РДВ³⁶⁴. О том, насколько тесной должна быть степень координации управления регионом и его внешней границей, ярко свидетельствует опыт того же СВК, где пограничная политика с 80-х гг. XX в. формируется как органическая часть общей стратегии регионального развития. Даже при неизменности привходящих факторов, решение названных проблем могло бы существенно изменить баланс выгод и издержек от трансграничного взаимодействия в пользу РДВ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование развития системы дальневосточной границы в период с середины XIX по начало XXI вв. позволило выявить ряд присущих этому развитию особенностей и исторических тенденций. Данные особенности и тенденции связаны, прежде всего, со следующими аспектами изучаемого явления и его среды: 1) природные факторы формирования границы; 2) общественные экзогенные факторы формирования границы; 3) общественные эндогенные факторы формирования границы; 4) правовой, институциональный и материально-технический компоненты системы границы; 5) социальный и культурный компоненты системы границы; 6) характер (режимы) функционирования системы границы; 7) типологические признаки системы границы; 8) роль границы в развитии дальневосточного региона России. В указанном порядке далее будут представлены основные выводы настоящего исследования.

1. Естественные (ландшафтные) условия проведения (генезиса) линии дальневосточной границы в целом оказывали на неё в рассматриваемый период уточняющее и стабилизирующее воздействие. В первую очередь, это относится к речному участку данной границы. Попытки Китая закрепиться на левобережье Амура («Зазейский клин»), а России – на правом берегу Амура и левом берегу Уссури (оккупация Северной Маньчжурии) обнаружили свою нежизнеспособность. На протяжении всего изучаемого периода русла Амура и Уссури наиболее точно и устойчиво соответствовали фактическим пространственным пределам государственных (военно-политических) и общественных (социально-демографических и экономических) возможностей России на Дальнем Востоке. Наличие в регионе таких чётко выраженных природных барьеров как названные реки выступало фактором ускорения процесса трансформации дальневосточной границы в рубеж линейного типа.

Вместе с тем, такие особенности Амура и Уссури как значительная ширина акваторий этих рек¹ и сравнительно высокая подвижность (под влиянием естественных и антропогенных причин) их фарватеров и берегов осложняли процесс фиксации географических координат линии дальневосточной границы. В изучаемый период они неоднократно становились основой для пограничных

(и в т.ч. демаркационных) споров. Судя по всему, определённую дестабилизирующую роль они будут играть и в будущем.

С точки зрения функционирования дальневосточной границы, её гидрографические и орографические условия создавали, в общем, благоприятные предпосылки для развития трансграничных отношений. Разветвлённая сеть притоков Амура, многие из которых доступны для судоходства, и равнинные пространства к югу от оз. Ханка служили объективной основой² для налаживания между сопредельными территориями России и Китая прочных транспортных коммуникаций с высокой пропускной способностью. В то же время, непривлекательность, в силу специфики климата и почв, большей части непосредственно прилегавших к дальневосточной границе районов³ России и Китая для заселения долгое время являлась фактором, сдерживавшим расширение трансграничного взаимодействия⁴.

2. В рассматриваемый период экзогенные общественные факторы играли, как правило, ведущую, наиболее активную роль в общей совокупности факторов формирования системы дальневосточной границы. При этом особенно сильное воздействие на развитие этой границы оказывали межгосударственные отношения в США, высокой уровень структурной нестабильности которых сохранялся с некоторыми перерывами с середины XIX и до начала 80-х гг. XX в. В контексте глубокой противоречивости и напряжённости межгосударственных отношений в США в целом, главную непосредственную угрозу военно-политической безопасности дальневосточной границы России представляла внешняя политика Японии и Китая. Своего максимального (предвоенного) уровня постепенно нарастающая острота этой угрозы достигла в советскую эпоху – сначала в 1929 – 1945 гг., а затем, в 1963 – 1982 гг.

Длительное внешнее военно-политическое давление на дальневосточную границу было важнейшей причиной исторической затянутости процесса её пространственной стабилизации. Кроме того, это давление обусловило устойчиво высокую степень милитаризации системы дальневосточной границы, безусловное преобладание в её составе элементов и функций военно-политического назначения. Тот же фактор лежит в основе и долговременной (вплоть до 80-х гг. XX в.) тенденции к повышению уровня жёсткости функционирования этой границы, касавшейся не только военно-политической, но и всех остальных его сфер.

Важными экзогенными факторами формирования дальневосточной границы являлись также превосходящий (избыточный) социально-демографический и экономический потенциал сопредельных территорий Китая и Кореи и их значительная объективная заинтересованность в выходе на рынки труда и товаров РДВ и в получении его сырьевых ресурсов. Проявлением действия этих факторов стало весомое китайское и корейское присутствие на РДВ с 60-х гг. XIX по вторую половину 30-х гг. XX вв. В силу упомянутых военно-политических обстоятельств, это присутствие рассматривалось российскими (советскими) властями, прежде всего, в ракурсе региональной безопасности и, как правило, расценивалось как угроза. Воспринимаемое таким образом, оно стало одной из главных причин ужесточения пограничной политики в регионе и, в конечном счёте, полного закрытия дальневосточной границы в 1930-е гг. Лишь в период 1988 – 2010 гг., благодаря успешной нормализации отношений с КНР, развитие трансграничных связей РДВ начало освобождаться от груза межгосударственных противоречий. Этот процесс открыл дорогу к смягчению режима функционирования системы дальневосточной границы и последующей перестройке всей её структуры.

3. Основными эндогенными факторами формирования дальневосточной границы были общественный (социально-экономический) потенциал РДВ, региональная (внутренняя) и пограничная политика государства. Эти факторы исторически обычно эволюционировали в тесной связи друг с другом, однако далеко не всегда их связь имела субъективно осмысленный, целенаправленный характер. Так, преимущественно инструментальная и потребительская политика государства в отношении РДВ в 1850-х – 1920-х гг., наряду с неблагоприятностью природных условий этого региона и его удалённостью от центральных районов страны, являлась одной из предпосылок замедленных темпов и неравномерности развития региональной общественной системы. В свою очередь, слаборазвитость и структурная (трудовая и отраслевая) несбалансированность региона оказывали на формирование системы дальневосточной границы двоякое влияние. С одной стороны, они обуславливали высокую и постоянную объективную потребность РДВ в трансграничном взаимодействии с соседними обществами, которое могло компенсировать его внутренние диспропорции. С другой, те же особенности региона существенно ограничивали возможности для налаживания эффективного пограничного регулирования данного взаимодействия, для создания

адекватной его интенсивности системы границы и особенно её материально-технического компонента.

В 1929 – 1988 гг. за счёт форсирования экономического и социально-демографического роста региона, советскому государству удалось существенно снизить зависимость Дальнего Востока от внешних (трансграничных) факторов его развития. В тот же период не виданный ранее размах приняла государственная пограничная политика, направленная, в первую очередь, на институциональное и материально-техническое укрепление дальневосточного рубежа. Результатами согласованной внутренней и пограничной политики Москвы стали резкое падение активности использования дальневосточной границы при одновременном значительном повышении её управляемости, слаженности и эффективности её системного функционирования.

Произошедшие в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. сворачивание государственного стимулирования развития региона и обрыв его связей с центром страны повлекли за собой углубление старых и появление новых диспропорций в региональной общественной системе. Одним из следствий этого явилось существенное оживление трансграничных отношений РДВ и кардинальное повышение нагрузки на дальневосточную границу. В то же время, наметившийся с 1988 г. кризис целей и инструментов пограничной политики государства, минимизация им своего присутствия в системе дальневосточной границы привели к тому, что её структурные (особенно материально-технические) возможности стали быстро отставать от стремительно расширяющихся и усложняющихся функциональных задач. К практическому приведению структуры дальневосточной границы в соответствие с её изменившимися в постсоветский период функциями, к планомерной и всесторонней модернизации данного рубежа, российское государство смогло приступить лишь во второй половине 2000-х гг.

4. В период 1854 – 1929 гг. формирование правового, институционального и материально-технического компонентов системы дальневосточной границы происходило, как правило, очень медленно⁵, главным образом, под влиянием прямой практической (функциональной) необходимости. Структура системы границы в этот период отличалась низкой степенью внутренней дифференциации, отсутствием чёткой специализации норм, институтов и материально-технических средств по сферам пограничного регулирования. В эти годы система дальневосточной границы по су-

ществу ещё не являлась единым объектом государственного управления. Управление её элементами было сосредоточено в основном на локальном уровне (погранкомиссариаты) и обычно носило характер ситуативной, оперативной координации.

Развитие структуры системы границы в 1929 – 1988 гг. характеризовалось высокой скоростью и столь же высокой неравномерностью. Структурная сложность дальневосточной границы в данный период наращивалась государством главным образом за счёт институциональных и материально-технических элементов военно-политического назначения. Создание на Дальнем Востоке иерархически организованных пограничных округов и их интеграция в унифицированную общесоюзную систему государственной границы позволили обеспечить жёсткую централизацию управления дальневосточными рубежами, придать ему регулярность и долгосрочный (стратегический) масштаб.

В 1988 – 2010 гг. структура системы дальневосточной границы быстро трансформировалась в направлении достижения большей сбалансированности. Опережающими темпами в этот период шло развитие правового компонента системы границы, а также институциональных и материально-технических элементов «гражданского», экономического и социального, профиля. Напротив, элементы, связанные с военно-политической сферой функционирования границы, подверглись значительному сокращению, утратив своё центральное, привилегированное положение в её структуре. Возросшая комплексность, структурная и функциональная неоднородность системы дальневосточной границы потребовала изменения порядка управления ею, приоритетной формой которого стала разноуровневая (региональная, окружная, федеральная) межведомственная координация как оперативного, так и стратегического характера.

5. Особая и взаимосвязанная историческая динамика была свойственна социальному и культурному компонентам дальневосточной границы.

До конца 20-х гг. XX в. в трансграничные отношения с сопредельными территориями Китая и Кореи была постоянно вовлечена значительная часть (от четверти до трети) населения РДВ. При этом интересы большинства региональных участников этих отношений прямо противоречили усилиям государства по укреплению своего контроля над границей и повышению её барьерности. Занимая весомое и в целом неформализованное, «теневое» положение в структуре системы дальневосточной границы

её социальный компонент играл в ней в основном дисфункциональную роль, существенно снижая эффективность государственного управления данным рубежом.

Столь значительное место в структуре изучаемой границы социального компонента оказывало прямое влияние на складывание её культурного образа. Если на уровне формируемого литературой и СМИ национального массового сознания образ дальневосточной границы с 90-х гг. XIX в. отличался выраженной тревожностью («жёлтая опасность»), то региональным обществом, воспринимавшим отношения с «жёлтым» Востоком скорее в социально-экономическом, чем в военно-политическом ключе, он оценивался менее однозначно.

Почти полное вытеснение социального компонента из системы дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. привело не только к её тотальному огосударствлению и значительному повышению эффективности реализации пограничной политики. Государство поставило под свой монопольный контроль и процесс формирования культуры границы. Даже для населения приграничных районов этот процесс приобрёл форму опосредованной целями власти индоктринации, усвоения унифицированных, не допускающих различных территориальных и групповых интерпретаций, представлений, ценностей и поведенческих установок. Исключая период советско-китайской «дружбы» 1945 – 1963 гг., презентовавший государством образ дальневосточной границы характеризовался высокой тревожностью. Однако, в отличие от периода 1854 – 1929 гг., эта тревожность имела под собой не расовую и культурно-религиозную (цивилизационную), но политико-идеологическую (классовую) основу.

Возвращение в 1988 – 2010 гг. в систему дальневосточной границы общества, осуществлявшееся во многом «теневым» путём, вновь принесло с собой, казалось, давно ушедшие в прошлое проблемы. Их фундаментом по-прежнему является глубокая противоречивость отношений входящих в структуру дальневосточной границы государственных институтов и негосударственных (частных) субъектов, проявляющая себя в многочисленных нарушениях и коррупционных искажениях в её функционировании. Действенные механизмы артикуляции и согласования государственных и региональных общественных интересов в процессе выработки и реализации на РДВ пограничной политики до сих пор не созданы.

Рост трансграничной активности населения РДВ вновь актуализировал различия в восприятии границы в регионе и в центре страны. При этом в общероссийском культурном дискурсе, во многом определяемом официальной позицией правящей элиты, к началу 2000-х гг. явно возобладал образ «границы вечного мира и дружбы», тогда как в региональном сознании тот же рубеж продолжает восприниматься скорее как источник опасности. Учитывая, что региональное восприятие границы, как и в 1854 – 1929 гг. имеет под собой социально-экономическую, а не военно-политическую, подоплёку, такая «рокировка» образов может быть объяснена только крайне скептическим отношением дальневосточников к современному социально-экономическому потенциалу РДВ и его способности укрепить этот потенциал в процессе трансграничного сотрудничества с Китаем.

6. Исходя из целей проводившейся на РДВ в 1854 – 1929 гг. государственной пограничной политики, общий режим функционирования дальневосточной границы на протяжении большей части этого периода⁶ можно определить как трёхканальную (экономическую, социальную и культурную) открытость. Принимая же во внимание то, что установленный государством в военно-политической сфере умеренно барьерный целевой уровень пограничного регулирования на практике им, как правило, не обеспечивался, фактический режим функционирования данной границы в это время правомерно квалифицировать как полную, четырёхканальную, открытость. Открытость дальневосточной границы имела двустороннюю направленность, но ассиметричный характер: если потоки, пересекавшие этот рубеж «изнутри», регулировались обычно на уровне высокой контактности, то пограничному регулированию трансграничного движения «извне» была присуща умеренная контактность.

Основным целевым режимом функционирования дальневосточной границы в 1929 – 1988 гг. являлась четырёхканальная закрытость, установленная на своём максимальном, высоко барьерном уровне. При этом фактический уровень жёсткости функционирования дальневосточной границы в данный период в целом близко соответствовал целевому. Лишь в 1945 – 1963 гг., в условиях особых отношений СССР с Китаем и Северной Кореей, режим границы в экономической и культурно-информационной сферах был смягчён до умеренно контактного уровня, а общая эффективность его поддержания (в 1953 – 1963 гг.) снизилась. С точки зрения своей направленности, функционирование дальне-

восточной границы в 1929 – 1988 гг. в основном характеризовалось симметричностью.

Особенностью периода 1988 – 2010 гг. являлась частая смена целевых режимов функционирования дальневосточной границы при устойчиво низкой степени их практической реализации. После четырёхканального открытия границы в 1988 – 1993 гг. и её трёхканальной (кроме культурной сферы) барьеризации в 1993 – 2000 гг., российское правительство становится на путь формирования сложных режимов, связанных с установлением разных уровней жёсткости регулирования не только для различных сфер трансграничных отношений, но и для входящих в них отдельных направлений взаимодействия. При этом, внутренней дифференциации режимов функционирования дальневосточной границы в 2000 – 2006 и 2007 – 2010 гг. сопутствовала тенденция к постепенному общему понижению степени их жёсткости. Характерной чертой пограничного регулирования данного периода (с 1993 г.) была его асимметричность, выражавшаяся в поддержании относительно меньшей внешней проницаемости дальневосточного рубежа, по сравнению с внутренней.

7. За полтора века своей истории система дальневосточной границы прошла значительную стадиальную эволюцию. Вплоть до 80-х гг. XIX в. эта граница в полной мере соответствовала специфике рубежа «широкого» типа, со свойственными для него нечёткостью (градуированностью) в определении территориальных пределов суверенных прав государств, слабостью и неполнотой государственного контроля над пограничной линией и восприятием последней в качестве временной, «черновой». В течение последующих пятидесяти лет дальневосточная граница совершила мощный рывок в своём историческом развитии, к концу 30-х гг. XX в. приблизившись к типологическим параметрам «линейного» рубежа. Территориальные контуры государственного суверенитета на Дальнем Востоке получили однозначное определение и практическую защиту, трансграничное движение было поставлено под жёсткий и комплексный (четырёхмерный) контроль, а сама линия дальневосточной границы стала восприниматься массовым сознанием⁷ как «священная и нерушимая». Бурные общественные процессы периода 1988 – 2010 гг., в итоге так и не приведшие к переходу системы изучаемой границы в следующую стадию своего развития, тем не менее, внесли в её структуру целый ряд элементов, присущих рубежам нового, экстритерриториального транснационализированного, типа. К ним от-

носятся как созданные за последнее двадцатилетие нормативно-правовые и институциональные механизмы трансграничного сотрудничества на уровне региональных и местных властей РДВ и СВК, так и формальные (СЭЗ и ПТЭК) и в особенности неформальные (трансграничные сети) структуры подобного же рода сотрудничества между бизнесом и населением сопредельных территорий.

С точки зрения пространственной устойчивости пограничной линии, полтора столетия истории дальневосточной границы были дорогой от её проблематизированности к стабильности. О принадлежности данной границы вплоть до 80-х г. XX в. к проблематизированному типу свидетельствовали неоднократно признававшаяся российской (советской) и китайской (японо-маньчжурской) сторонами неудовлетворительность её международно-правового оформления⁸, а также многочисленные дипломатические конфликты и вооружённые акции на самой пограничной линии, не раз приводившие к локальным изменениям её фактического (охраняемого) контура. Корректировка линии дальневосточной границы, произведённая в результате соглашений с КНДР 1985 г. и с КНР 1991 г. и продолжавшейся до 2008 г. демаркации, позволила существенно укрепить международно-правовую базу её существования и кардинально снизить уровень пограничной конфликтности.

Циклический характер имела историческая динамика интенсивности практического использования дальневосточного рубежа. В силу объективных средовых факторов дальневосточная граница на протяжении всей своей истории устойчиво тяготела к активному типу. Её пассивизация в период 1929 – 1988 гг. стала возможной лишь как следствие целенаправленной государственной политики, как результат принудительного, силового разрыва стихийно сложившихся массовых трансграничных отношений.

8. Проведённое исследование, на мой взгляд, достаточно полно выявляет ту огромную роль, которую в истории РДВ играли его трансграничные отношения с сопредельными территориями Китая и Кореи. Важнейшие предпосылки подобной значимости трансграничных отношений для региона связаны с особенностями его общественной системы, такими как экзогенная, основанная на внешнем, государственном, стимулировании, модель развития и закономерно вытекающие из этой модели структурные экономические и социально-демографические диспропорции, наиболее постоянными из которых были слаборазвитость отрас-

лей потребительского сектора и недостаток трудовых ресурсов. В то же время, с момента возникновения РДВ его непосредственными соседями являлись общества, которые, обладая значительно большим социальным и экономическим потенциалом, имели объективные возможности для восполнения практически всех внутренне присущих региону дисбалансов.

В этих обстоятельствах развитие дальневосточного региона России, и в географическом, и в структурном аспектах стихийно шло «от границы», постепенно, по мере расширения пограничного пространства, разворачиваясь вглубь российской территории. Таким образом, на РДВ государственная граница, и, прежде всего, её материковый участок, по форме будучи пространственным краем региона, по существу выполняла роль его центра. Именно в дальневосточном приграничье располагались районы первоначального и самого динамичного освоения, здесь было сконцентрировано сельскохозяйственное, а затем, промышленное производство, основные транспортные и информационные коммуникации, сосредоточена большая часть населения, происходили наиболее активные социальные, культурные и политические процессы. Длительная реализация дальневосточной границей функций системообразующей оси РДВ даёт основания относить его к особому – «околограничному» – типу регионов.

Имея исключительную значимость в качестве зоны активных трансграничных контактов, дальневосточная граница, однако, так и не стала действенным инструментом их регулирования. На протяжении большей части своей истории (с 1854 по 1909 гг., с 1914 по 1929 гг. и с 1988 по 2000 гг.) ввиду дефицита государственного управления, либо его низкой эффективности, система границы не оказывала на практике существенного влияния на развитие прилегающего региона. В период 1929 – 1988 гг. эффективность государственного управления дальневосточной границей заметно возросла, но в долгосрочном масштабе его характер стал для региональной динамики скорее тормозящим, чем стимулирующим фактором. Попытки целенаправленного соединения и согласования общегосударственных (прежде всего, военно-политических) приоритетов с задачами ускорения регионального развития в истории дальневосточной границы были редки. Наиболее серьёзные шаги в этом направлении предпринимались в периоды 1909 – 1914 и 2000 – 2010 гг.

Основной проблемой пограничной политики на РДВ было и остаётся нахождение конструктивного баланса между интересами

защиты (охраны и контроля) государственной границы и активизации международного, трансграничного сотрудничества. Без соблюдения первых не может быть обеспечена безопасность региона, его прочная интеграция в национальное общественно-политическое пространство, без реализации вторых – не могут быть достигнуты темпы и комплексность развития региональной системы, необходимые для поддержания её самодостаточности и устойчивости.

В основе сбалансированной пограничной политики должна лежать общая государственная концепция управления региональной общественной системой, которая выделяла бы в ней национально ориентированные компоненты, требующие развития в основном за счёт внутренних ресурсов и агентов (включая само государство), и транснационализируемые сектора, подлежащие широкому открытию для различных форм иностранного участия. Разумеется, что подобное распределение ответственности в отношении различных отраслевых и территориальных сегментов РДВ может производиться только с учётом мнения жителей региона, с использованием адекватных механизмов артикуляции их интересов, до сих пор отсутствующих. Иной путь выработки пограничной и региональной политики, даже при условии искренней озабоченности правительства задачами развития РДВ, скорее всего через некоторое время приведёт его в столкновение с хронической проблемой планов государства относительно региона – проблемой низкой эффективности их практического воплощения.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Придерживаясь этой точки зрения, автор, вместе с тем, считает, что и морской межгосударственный, и внутригосударственный участки границ РДВ должны стать объектами специальных комплексных исследований.

Глава I

- ¹ Атрибуты особой дисциплины в нашей стране лимнология приобретает только в последние годы. Так, в 2008 г. было издано первое в России учебное пособие по курсу лимнологии: Дмитриева С.И. Лимнология: учебное пособие. Воронеж, 2008.
- ² Наиболее тщательный анализ понятия границы в рамках теории социальных систем принадлежит Н. Луману (Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб., 2007. С. 58 – 61, 240 – 281.)
- ³ Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 168.
- ⁴ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. М., 2001. С. 33 – 34.
- ⁵ Основы регионоведения. / Под ред. И.Н. Барыгина. М., 2007. С. 329 – 337, 369 – 377.
- ⁶ Сходный процесс транснационализации характерен и для современных общественных и бизнес-организаций (Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006. С. 242 – 248.)
- ⁷ Монтескье Ш.Л. О духе законов / Сост., пер. и коммент. А.В. Матешук. М., 1999.
- ⁸ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 209.
- ⁹ Исаев Б.А. Геополитика. СПб., 2006. С. 140 – 161.
- ¹⁰ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 304 – 305.
- ¹¹ Исаев Б.А. Геополитика. С. 126 – 129.
- ¹² Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 302 – 304.
- ¹³ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 307 – 310.
- ¹⁴ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 309 – 310; Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С.В. Голунов. М., 2008. С. 20 – 21.
- ¹⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений. С. 106 – 109, 132 – 136.
- ¹⁶ Сегодня исследования пограничной безопасности претендуют на статус особой дисциплины, отделяющей свой предмет от предметного поля общей лимнологии. (Голунов С.В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Автореф...д. полит. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 3, 9.)
- ¹⁷ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 307 – 308.

- ¹⁸ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 307, 309.
- ¹⁹ См.: Eccles W.J. The Canadian Frontier. N.Y., 1969. Hennessy A. The Frontier in Latin American History. L., 1978. Lamb A. The Sino-Indian and Sino-Russian Borders: Some Comparisons and Contrasts // Studies in the Social History of China and South-East Asia. Cambridge, 1970. Perry T.M. Australian's First Frontier. L., 1963. Региональное измерение... С. 20 – 26.
- ²⁰ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта... С. 202.
- ²¹ Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. Edited by F. Barth. Oslo, 1969. (Русский перевод книги: Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий./ Под ред. Ф. Барта. М., 2006.)
- ²² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М., 2001.
- ²³ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 312 – 313, 318.
- ²⁴ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 314 – 318.
- ²⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений. С. 238, 251 – 252.
- ²⁶ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 331 – 334.
- ²⁷ Штёлтинг Э. Социальное значение границ // Кочующие границы: материалы международного семинара / Под ред. О. Бредниковой и В. Воронкова. Труды. Вып. 7. СПб., 1999. С.5–8.
- ²⁸ Одним из немногих примеров целенаправленного синтеза парадигмально различных методологических подходов в лимнологических исследованиях может служить диссертационная работа С.В. Голунова (См.: Голунов С.В. Фактор безопасности...).
- ²⁹ Достаточно отметить, что на сегодня на земном шаре (или, по крайней мере, в его населённой части) уже практически не осталось естественных ландшафтов, не испытавших на себе прямого или косвенного антропогенного воздействия.
- ³⁰ См.: Хаусхофер К. Границы... С. 55 – 79.
- ³¹ Хаусхофер К. Границы... С. 155 – 172.
- ³² Хаусхофер К. Границы... С. 173 – 193.
- ³³ Примером тому может служить активное, в т.ч. политическое, освоение заинтересованными государствами со второй половины XX в. Арктики и Антарктиды.
- ³⁴ Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. С. 97 – 113; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985.
- ³⁵ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008. С. 208 – 214.
- ³⁶ См., например: Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и её геополитика. М., 2000.
- ³⁷ Для обозначения такого рода территорий в исследованиях границ всё шире используется термин «borderlands». См., например: Adelman J., Aron S. From Borderlands to Borders: Empires, Nation-States, and the Peoples in between in North American History // The American Historical Review. Vol. 104. No. 3 (Jun., 1999). pp. 814-841; Холцленер Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №3. С. 102 – 111.
- ³⁸ По мнению С. Королёва, подобного рода ситуативно обусловленное «маятникообразное колебание между двумя – тремя уже избранными и маркированными историей рубежами» характеризует динамику западных границ России.

- (Королёв С. Края пространства. Российская граница: генезис и типология // Отечественные записки. 2002. №6. С. 265).
- 40 Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России/ Под редакцией Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. - Волгоград, 2002 // Научно-образовательный форум по международным отношениям: [сайт]. URL: <http://www.obrafoforum.ru/book/dictionary.htm>
- 41 Кузнецов А.М. Этнос и нация в условиях постсовременности // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Владивосток, 2008. С 28 – 29, 31 – 35; Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий./ Под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 9 – 48.
- 42 Голубчик М.М. Политическая география мира. Смоленск, 1998. С. 40 – 42; Прозрачные границы...
- 43 Впрочем, и в данном случае между исследователями возможны разногласия. Так, предметом дискуссии является вопрос об уровне административно-территориальных единиц, включаемых в пограничное пространство. Согласно одной точке зрения, такими единицами являются только примыкающие к границе районы, согласно другой, - более крупные региональные образования (в РФ – её субъекты).
- 44 ФЗ РФ от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе РФ» // Система «Гарант»; Прозрачные границы...
- 45 Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 364 – 365; Кудияров В. Пограничные пространства России // Границы России. 1996. №2; Прозрачные границы...
- 46 Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 365.
- 47 Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 365.
- 48 Шилова Н.В. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации в пограничной сфере // Аналитический вестник. 2009. № 12. С. 7 – 20.
- 49 Примером такого рода международных договоров являются Шенгенские соглашения.
- 50 Теоретический анализ сущности, стратегий репрезентации и интерпретации границы как историко-географического образа осуществлялся Д.Н. Замятинным (Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 102 – 114.)
- 51 Граница рассматривается мной в качестве компонента политической подсистемы общества, т.е. по отношению к общественной системе в целом – в качестве подсистемы второго уровня.
- 52 Таковы, в частности, многочисленные застойные эффекты в развитии приграничных территорий, нередко возникающие в результате закрытия границы.
- 53 Так, нарушения границы со стороны граждан государства могут привести к его втягиванию в международный конфликт.
- 54 Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009. С. 33.
- 55 Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. С. 32 – 35.
- 56 Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 365 – 368.
- 57 Не говоря уже о возможной разной степени выраженности этих функций.
- 58 Бредникова О. Последний рубеж? // Отечественные записки. 2002. №6. С. 276 – 284.
- 59 Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- 60 См.: Американский и сибирский фронт. Материалы международной научной конференции 4–6 окт. 1996 г. Томск, 1997; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в

- XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII вв.: историко-историографические очерки. Владивосток, 2003 и др.
- ⁶¹ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта... С. 199 – 203.
- ⁶² Киреев А.А. Специфика дальневосточной границы России: теория и история // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №2. С. 72.
- ⁶³ Хорошим примером создания «границ сверху» в иноэтнических районах являются колониальные геометрические границы на Африканском континенте, а на неосвоенных территориях – сходные с ними по своим очертаниям границы в Арктике и Антарктиде.
- ⁶⁴ За основу предлагаемой типологии автором взято проводимое в современных лимнологических исследованиях различение границ «де-юре» и «де-факто» (Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 331 – 334).

Глава II

- ¹ История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 1. Владивосток, 1987. С. 179 – 180; Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., 2007. С. 101.
- ² Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск-Москва, 2008. С. 34 – 35, 310 – 311.
- ³ Сибирь. Атлас Азиатской России. С. 272 – 273, 286 – 287.
- ⁴ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 176 – 177.
- ⁵ Об этом писал Н.Н. Муравьев (См.: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). Т.2. М., 1990. С. 195)
- ⁶ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 218.
- ⁷ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 412.
- ⁸ История Дальнего Востока... Т.2. С. 196 – 197.
- ⁹ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 238 – 239.
- ¹⁰ Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. М., 1983. С. 51.
- ¹¹ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917 гг.). М., 1985. С. 54 – 55.
- ¹² Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. С. 55 – 56.
- ¹³ История Дальнего Востока... Т.2. С. 198; История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 238.
- ¹⁴ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 246 – 247; Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница... С. 104.
- ¹⁵ Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1843-1925) // Труды московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. Т. VI. М., 1927. С. 55 – 56.
- ¹⁶ Сборник договоров... С. 56 – 59.
- ¹⁷ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 248.
- ¹⁸ Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница... С. 107; Формирование границы между Россией и Цинским Китаем. Кн. 2. М., 1970. С. 361.

- ¹⁹ Ивашинников Ю.К. Страны Япономорского региона и Китай. Экономическое развитие и экологические проблемы. Владивосток, 2007. С. 84; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2006. С. 136 – 137.
- ²⁰ Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница... С. 198 – 199; Формирование границы... С. 361.
- ²¹ Цит. по: Формирование границы... С. 358.
- ²² Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979. С. 237 – 238.
- ²³ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С.261.
- ²⁴ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1881 – 1889 гг. Владивосток, 2005. С. 27 – 28, 141; Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока. Владивосток, 2004. С. 162 – 163, 169.
- ²⁵ Ткаченко Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток, 1999. С. 30.
- ²⁶ Ткаченко Б.И. Россия – Китай... С. 30 – 38.
- ²⁷ Договор о тайном военном союзе России и Китая был подписан в мае 1896 г.
- ²⁸ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С.291 – 292.
- ²⁹ Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница... С. 213 – 217.
- ³⁰ Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница... С. 168 – 169.
- ³¹ Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница... С. 168, 218 – 221.
- ³² Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 358 – 398.
- ³³ В 1901 г. в составе Заамурского округа насчитывалось 25 тыс. солдат и офицеров. (Тихоокеанский рубеж. Владивосток, 2004. С. 17).
- ³⁴ Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 183 – 188.
- ³⁵ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 267 – 268.
- ³⁶ Изоляция СССР перестала быть полной после того, как в 1922 г был заключён Рапвальский договор с Германией.
- ³⁷ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М., 2007. С. 168 – 174.
- ³⁸ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001. С. 13.
- ³⁹ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке... С. 14.
- ⁴⁰ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке... С. 14.
- ⁴¹ Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница... С. 158.
- ⁴² Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2003. С. 382.
- ⁴³ Галенович Ю.М. Россия – Китай... С. 383.
- ⁴⁴ История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 87 – 88; Ткаченко Б.И. Россия – Китай... С. 46 – 47.
- ⁴⁵ История Северо-Восточного Китая... Кн. 2. С. 87.
- ⁴⁶ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии... С. 446 – 447.
- ⁴⁷ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке... С. 20; Ткаченко Б.И. Россия – Китай... С. 47.
- ⁴⁸ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке... С. 20 – 21.
- ⁴⁹ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке... С. 22; Дьякова Н.А., Чапелкин М.А. Границы России. М., 1994. С. 192.
- ⁵⁰ Сборник договоров... С. 55 – 57, 72 – 73.

- ⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 39. Л. 145 – 147об.; История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 255; Сборник договоров... С. 77 – 80.
- ⁵² История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 255.
- ⁵³ Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 25, 38.
- ⁵⁴ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856 – 1861 гг. Владивосток, 2002. С. 125, 138.
- ⁵⁵ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862 – 1870 гг. Владивосток, 2004. С. 187 – 188.
- ⁵⁶ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896 – 1899 гг. Владивосток, 2007. С. 29 – 30.
- ⁵⁷ Дальний Восток России: из истории системы управления. С. 60 – 64.
- ⁵⁸ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1881 – 1889 гг. Владивосток, 2005. С. 231 – 235.
- ⁵⁹ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 169.
- ⁶⁰ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1881 – 1889 гг. С. 141.
- ⁶¹ Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – начало XX вв.): Документы и материалы в 2-х кн. Кн. 1. Владивосток, 2004. С. 67 – 68; Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 162 – 163; Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке. 60 – 90-е гг. XIX в. Владивосток, 2000. С. 102 – 104.
- ⁶² РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 675. Л. 1об. – 3.
- ⁶³ Порто-франко на Дальнем Востоке: сб. документов и материалов. Владивосток, 2000. С. 115 – 116, 118 – 125.
- ⁶⁴ Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 249 – 256, 258 – 262.
- ⁶⁵ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 296.
- ⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 181. Л. 8; Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 275; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье. Благовещенск, 2003. С. 80 – 81.
- ⁶⁷ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 276.
- ⁶⁸ Советская военная энциклопедия. / Пред. Гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. Т. 6. М., 1978. С. 365 – 366.
- ⁶⁹ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток, 1990. С. 31; Советская военная энциклопедия. Т. 6. С. 366.
- ⁷⁰ Советская военная энциклопедия. Т. 6. С. 366.
- ⁷¹ Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. Ч. 1. 1899 – 1945. Владивосток, 2002. С. 112 – 117; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922 – 1930 гг.) Владивосток, 2002. С. 444 – 448.
- ⁷² Гражданином быть обязан. Владивосток, 2002. С. 24.
- ⁷³ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862 – 1870 гг. С. 176 – 178.
- ⁷⁴ Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. С. 79, 86.
- ⁷⁵ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856 – 1861 гг. С. 125 – 127, 138 – 139.
- ⁷⁶ Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. С. 86.
- ⁷⁷ Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. С. 86.

- ⁷⁸ Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. С. 87; Уссурийское казачье войско: история и современность / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С. 35 – 36.
- ⁷⁹ Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы в Южно-Уссурийском крае во второй половине XIX – начале XX вв. // Государственная служба российского казачества: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 1998. С. 22 – 23.
- ⁸⁰ Тихоокеанский рубеж. С. 34 – 40;
- ⁸¹ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 191. Л. 27об., 31об.
- ⁸² Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы... С. 22 – 24; Сиваков Т.В. Особые сотни и поселковое ополчение УКВ в системе охраны государственной границы // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Вып.2. Хабаровск, 2009. С. 70.
- ⁸³ Сиваков Т.В. Особые сотни... С. 67 – 69, 73; Тихоокеанский рубеж. С. 35 – 36.
- ⁸⁴ Сиваков Т.В. Особые сотни... С. 70; Тихоокеанский рубеж. С. 21 – 22, 35, 40.
- ⁸⁵ Цит. по: Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья (1860 – 1917 гг.) Владивосток, 2004. С. 15.
- ⁸⁶ Корейцы на российском Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 67 – 68, 120 – 123; Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 162 – 163.
- ⁸⁷ С начала 90-х гг. XIX в. ряд застав, находившихся на российско-китайском участке дальневосточной границы, производили таможенный учёт следовавших через него грузов (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 191. Л. 2 – 7об.)
- ⁸⁸ Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 67 – 70.
- ⁸⁹ Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 201.
- ⁹⁰ Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 10, 122.
- ⁹¹ История ДВТУ // Федеральная таможенная служба. Дальневосточное таможенное управление: [сайт]. URL: <http://dvtu.customs.ru/ru/about/history/>
- ⁹² Дальний Восток России: из истории системы управления. С. 72.
- ⁹³ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862 – 1870 гг. С. 187 – 188; Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896 – 1899 гг. С. 29 – 30.
- ⁹⁴ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... С. 134 – 135; Тихоокеанский рубеж. С. 23 – 24.
- ⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 91; Д. 307. Л. 1 – 3.
- ⁹⁶ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 358; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... С. 135 – 137.
- ⁹⁷ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 31 – 34.
- ⁹⁸ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 34 – 36, 51 – 52; Советская военная энциклопедия. Т. 6. С. 366.
- ⁹⁹ Положение об охране государственных границ СССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15 июня 1927 г.) // Законодательство Республики Беларусь: [сайт]. URL: [//pravo.levonevsky.org/](http://pravo.levonevsky.org/)
- ¹⁰⁰ Дроздов Э.А. Борьба с политическим бандитизмом (1920 – 1930 гг.) // Органы государственной безопасности Приморья: Взгляд в прошлое во имя будущего. Владивосток, 2003. С. 158 – 163; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 36, 51; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью... С. 395 – 399.

- ¹⁰¹ Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. С. 33 – 34.
- ¹⁰² Гражданином быть обязан. С. 24
- ¹⁰³ Печерица В.Ф. Очерки истории...С. 115 – 116.
- ¹⁰⁴ История ДВТУ...
- ¹⁰⁵ Печерица В.Ф. Очерки истории...С. 125; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью...С. 444 – 448.
- ¹⁰⁶ Уссурийское казачье войско...С. 10.
- ¹⁰⁷ Годовой отчёт Уссурийского казачьего войска по гражданской части за 1914 г. Владивосток, 1915. С. 2 – 4; Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин и др. М., 1994. Т. 1. С. 75.
- ¹⁰⁸ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862 – 1870 гг. Владивосток, 2004. С. 176 – 179.
- ¹⁰⁹ Сиваков Т.В. Особые сотни...С. 70.
- ¹¹⁰ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896 – 1899 гг. Владивосток, 2007. С. 117 – 119; Тихоокеанский рубеж. С. 21 – 22.
- ¹¹¹ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью...С. 438.
- ¹¹² Тихоокеанский рубеж. С. 59.
- ¹¹³ Пахомов Р.Г. Подготовка руководящего состава для органов пограничной охраны Советской России в период 1918 – 1930 гг. // Власть и управление на Дальнем Востоке России. 2008. №1. С. 95 – 97.
- ¹¹⁴ Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000. URL: <http://history.tuad.nsk.ru/Author/Russ/D/DacishenVG/gran/index.htm>
- ¹¹⁵ Подсчитано по: Гамерман. Е.В. Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (1856-1917 гг.). Владивосток, 2007 С. 58 – 65.
- ¹¹⁶ Печерица В.Ф. Очерки истории...С. 116 – 117.
- ¹¹⁷ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью...С. 510.
- ¹¹⁸ Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения: Дис...канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С. 60 – 61; Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. С. 84, 87 – 88; Уссурийское казачье войско...С. 35.
- ¹¹⁹ Цит. по: Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества...С. 60 – 61.
- ¹²⁰ Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел...С. 18.
- ¹²¹ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 179, 181.
- ¹²² Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 164 – 165, 278 – 279.
- ¹²³ Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. С. 81.
- ¹²⁴ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896 – 1899 гг. С. 204 – 212.
- ¹²⁵ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 264 – 265, 269 – 273.
- ¹²⁶ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1900 – 1902 гг. Владивосток, 2009. С. 172 – 173.
- ¹²⁷ Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 126, 200 – 202.
- ¹²⁸ Дацышен В.Г. Очерки истории...; Печерица В.Ф. Очерки истории...С. 49 – 51, 60 – 63.

- ¹²⁹ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 52; Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917–1928: (Из истории пограничных войск СССР). М., 1980. С. 163.
- ¹³⁰ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 54; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. М., 2008. С. 215.
- ¹³¹ ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 12. Л. 13, 22; Печерица В.Ф. Очерки истории... С. 117 – 118.
- ¹³² Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью... С. 250 – 251, 331 – 332.
- ¹³³ Тихоокеанский рубеж. С. 26 – 27.
- ¹³⁴ Тихоокеанский рубеж. С. 24; Ткаченко Б.И. Россия – Китай... С. 30 – 38.
- ¹³⁵ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна тангутов. М., 2007. С. 59, 84 – 85, 136 – 137.
- ¹³⁶ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... С. 197 – 201.
- ¹³⁷ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... С. 77.
- ¹³⁸ Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы... С. 24.
- ¹³⁹ Илларионов А.А. Государственная политика и частная инициатива как факторы развития транспортной системы Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) Автореф... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. С. 20 – 23.
- ¹⁴⁰ Строительство КВЖД сопровождалось прокладкой вдоль неё международной телеграфной линии (Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896 – 1899 гг. С. 75).
- ¹⁴¹ Илларионов А.А. Государственная политика... С. 21.
- ¹⁴² Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... С. 201 – 202.
- ¹⁴³ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... С. 77 – 78.
- ¹⁴⁴ Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 126, 200 – 202.
- ¹⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 191. Л. 5 – 6об., 17 – 18об., 27 – 27об.
- ¹⁴⁶ Алепко А.В. Государственная политика и международные экономические отношения на Дальнем Востоке (конец XVIII – 1917 г.). Хабаровск, 2006. С. 205.
- ¹⁴⁷ История Северо-Восточного Китая... Кн. 2. С. 85 – 89.
- ¹⁴⁸ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 214.
- ¹⁴⁹ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 214 – 215.
- ¹⁵⁰ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 52, 54; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 128, 215.
- ¹⁵¹ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 217.
- ¹⁵² Киреев А.А. Уссурийское казачество в системе трансграничных отношений российского Дальнего Востока с сопредельными территориями Китая и Кореи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Вып. 2. Хабаровск, 2009. С. 33 – 36.
- ¹⁵³ Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913. С. 102 – 103; Отчёт высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909. С. 78 – 81.
- ¹⁵⁴ Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С. 81

- 82; Кутузов М.А. Уссурийские казаки: национальный состав социальной группы // Там же. С. 102 – 103.
- ¹⁵⁵ Краснов П. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии СПб., 1903. С. 161; Труды Амурской экспедиции. В 16 вып. СПб., 1913. Вып. 9. С. 276.
- ¹⁵⁶ Отчёт высочайше командированного...С. 79 – 81.
- ¹⁵⁷ История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 296; Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900 – 1917 гг.) // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 119.
- ¹⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 1 об., 8 об. – 9; Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17 – 18 об.
- ¹⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 8 об. – 9, 18; Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17 – 18 об.
- ¹⁶⁰ ГАПК. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 4. Л. 65, 69; Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей...С. 119.
- ¹⁶¹ Алепко А.В. Государственная политика...С. 192; История Дальнего Востока... Т.2. С. 262, 331; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX вв. М., 1987. С. 85 – 89.
- ¹⁶² История Дальнего Востока... Т.2. С. 263; Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 70 – 73.
- ¹⁶³ Алепко А.В. Государственная политика...С. 201 – 208; Романова Г.Н. Экономические отношения...С. 83 – 85, 89 – 91.
- ¹⁶⁴ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 262 – 263, 265.
- ¹⁶⁵ Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 31 – 100.
- ¹⁶⁶ Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 125 – 144, 186 – 189, 249 – 254, 258 – 262.
- ¹⁶⁷ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 281 – 283.
- ¹⁶⁸ Алепко А.В. Государственная политика...С. 203 – 206.
- ¹⁶⁹ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 156; Приморский край...С. 249.
- ¹⁷⁰ Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 – 1917 гг.). М., 1989. С. 44 – 69.
- ¹⁷¹ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 274.
- ¹⁷² Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 93.
- ¹⁷³ Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917 – 1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 25; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 52, 56 – 57.
- ¹⁷⁴ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 262 – 263.
- ¹⁷⁵ История Северо-Восточного Китая...Кн. 2. С. 103 – 104.
- ¹⁷⁶ Киреев А.А. Уссурийское казачество в политическом процессе на Дальнем Востоке России. Дис... канд. полит. наук. Владивосток, 2002. С. 117 – 121.
- ¹⁷⁷ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 246; Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы...С. 15.
- ¹⁷⁸ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 232 – 234.
- ¹⁷⁹ Чернолуцкая Е.Н. Административное управление корейским и китайским населением в Приморье (конец XIX в. – 1930-е гг.) // Дальний Восток России в системе международных отношений в АТР: история, экономика, культура. Владивосток, 2006. С. 421 – 423.

- ¹⁸⁰ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 133; Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы...С. 103 – 105.
- ¹⁸¹ Работы М.И. Венюкова, Н.М. Пржевальского и П.А. Крапоткина.
- ¹⁸² Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв./ В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 58 – 59.
- ¹⁸³ Умрихин А.В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис... канд. ист. наук. Благовещенск, 1998. С. 92 – 93.
- ¹⁸⁴ Представления этих кругов выражались на страницах таких правых газет как «Гражданин», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», а также в статьях и книгах П.А. Бадмаева, Л.М. Болховитинова, А.Н. Куропаткина, А.Я. Максимова (См. подробнее: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 124 – 139, 150 – 152).
- ¹⁸⁵ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 138 – 139, 513.
- ¹⁸⁶ Доклад Николаевской на Амуре комиссии по вопросу о сохранении порто-франко в Приамурье. Хабаровск, 1907. С. 46 – 47.
- ¹⁸⁷ Взгляды этих кругов были представлены в газетах «Голос Москвы», «Речь», «Русское слово», журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Сибирские вопросы», работах В.К. Арсеньева, В.В. Граве, С.Д. Меркулова, А.А. Панова, Н.В. Слюнина. (См. подробнее: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 152 – 156; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 6 – 7.).
- ¹⁸⁸ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 48 – 49; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 154 – 156.
- ¹⁸⁹ Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке // Жёлтая опасность. Владивосток, 1995. С. 50 – 51, 60 – 62.
- ¹⁹⁰ У Н.А. Манькова, депутата амурского и уссурийского казачьих войск // Сибирские вопросы. 1908. № 35 – 36. С. 60 – 61.
- ¹⁹¹ Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков...С. 81 – 82; Иванов В.Д. Дальневосточное казачество на российско-китайской границе: исторический взгляд на современные проблемы приграничья// Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX – XX вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2006. С. 175 – 176; У Н.А. Манькова...С. 58 – 61.
- ¹⁹² Косвенным проявлением определённой девальвации региона в национальном сознании была та относительная лёгкость, с которой в 1922 г. большевистское правительство решилось на создание Дальневосточной республики.
- ¹⁹³ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 134 – 136.
- ¹⁹⁴ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 162 – 188.
- ¹⁹⁵ Симптоматичной в этом отношении стала подготовка в 1928 г В.К. Арсеньевым, в прошлом участником дискуссии по «жёлтому вопросу», доклада по проблемам китайской и корейской иммиграции, предназначенного для Далькрайкома ВКП (б) (Доклад В.К. Арсеньева Дальневосточному краевому комитету ВКП(б) // Жёлтая опасность. Владивосток, 1995. С. 96 – 117.).
- ¹⁹⁶ Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 37. Численность китайского населения Зазейского района в Амурской области была выяснена российскими

- властями только в результате переписи 1895 г. (Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 12).
- ¹⁹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 356. Л. 1 – 12; Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 119 – 124; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 173 – 175.
- ¹⁹⁸ Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 41 – 43; Петров А.И. Корейская диаспора...С. 77 – 78.
- ¹⁹⁹ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 115 – 117.
- ²⁰⁰ Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы...С. 23.
- ²⁰¹ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 115, 121.
- ²⁰² Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы...С. 23; Тихоокеанский рубеж. С. 23 – 26.
- ²⁰³ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 52 – 53, 85, 134.
- ²⁰⁴ С 1860 по 1882 гг. население Маньчжурии выросло с более чем 3 млн. до более чем 10 млн. чел., т.е. примерно в 3 раза (История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 195, 261.)
- ²⁰⁵ Алепко А.В. Государственная политика...С. 190 – 191; Романова Г.Н. Экономические отношения...С. 74; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 52.
- ²⁰⁶ Алепко А.В. Государственная политика...С. 187 – 188; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 70 – 71; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 103 – 104.
- ²⁰⁷ Надаров И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884. С. 38.
- ²⁰⁸ Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 86 – 88.
- ²⁰⁹ С 1885 г. данные правила начали действовать в Приморской области, а с 1886 г. – в Амурской.
- ²¹⁰ В 1885 г. на материковой границе края их было 8, а в начале XX в. – 15 (Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 77; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 42.)
- ²¹¹ Корейцы на российском Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 120 – 121; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 41 – 42.
- ²¹² Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003 //Иркутский МИОН: [сайт]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/index.html; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 41.
- ²¹³ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 167, 171 – 175.
- ²¹⁴ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 164 – 165; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 42 – 43.
- ²¹⁵ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 117 – 120.
- ²¹⁶ Корейцы на российском Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 106 – 107, 166 – 168; Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 178 – 182.
- ²¹⁷ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения...С. 135.
- ²¹⁸ Дацышен В.Г. Очерки истории...; Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 9.
- ²¹⁹ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 25, 26.
- ²²⁰ Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 360.
- ²²¹ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 226; Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. М., 1993. С. 84; Петров А.И. Корейская диаспора...С. 86.

- 222 Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 155; Петров А.И. Корейская диаспора в России: 1897 – 1917 гг. Владивосток, 2001. С. 37.
- 223 Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 156; Корейцы в СССР. Материалы советской печати. М., 2004. С. 223.
- 224 История Северо-Восточного Китая... Кн. 1. С. 270; Романова Г.Н. Экономические отношения... С. 138.
- 225 Алепко А.В. Государственная политика... С. 192.
- 226 Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906 – 1910 гг. СПб., 1912. С. 105.
- 227 Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество... С. 53.
- 228 Эту причину называет Ф.В. Соловьёв (см. предыдущую ссылку)
- 229 Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество... С. 88 – 89; Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 30.
- 230 Порто-франко на Дальнем Востоке. С. 12, 249 – 255, 258 – 262.
- 231 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 181. Л. 8; Д. 675. Л. 2об. – 3; Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 273 – 277.
- 232 Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество... С. 90.
- 233 Корейцы на российском Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 11 – 12, 358, 368 – 376; Синиченко В.В. Криминальная составляющая...
- 234 Алепко А.В. Государственная политика... С. 205.
- 235 Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы... С. 24.
- 236 Административная власть на территории Маньчжурии была утрачена пограничными комиссарами по окончании русско-японской войны.
- 237 Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... С. 134 – 137.
- 238 Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 156.
- 239 Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 361.
- 240 Корейцы в СССР... С. 223.
- 241 Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 18.
- 242 Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество... С. 17 – 18.
- 243 Алепко А.В. Государственная политика... С. 205 – 206; Нестерова Е.И. Русская администрация... С. 273 – 274, 280 – 285; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество... С. 44 – 45.
- 244 Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество... С. 52 – 53.
- 245 Романова Г.Н. Экономические отношения... С. 105 – 106.
- 246 Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество... С. 90.
- 247 Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 30; Синиченко В.В. Криминальная составляющая...
- 248 Ежуков Е. Становление концепции защиты и охраны границ Советского государства // Власть. 2008. № 12. С. 105 – 106; Положение об охране государственных границ СССР...
- 249 Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 235 – 236; Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы... С. 33 – 34.
- 250 Залеская О.В. Китайские мигранты... С. 235 – 236; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью... С. 503 – 505.
- 251 Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 75.
- 252 Печерица В.Ф. Очерки истории... С. 116 – 118; Кисловский Ю.Г. История таможи государства Российского. М., 1995. С. 127.

- ²⁵³ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 143 – 146, 167 – 168.
- ²⁵⁴ Бэ Ын Гиёнг. Участие корейцев в развитии экономики Дальневосточного региона (20 – 30-е гг. XX в.) // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004. С. 192, 194, 195.
- ²⁵⁵ Бэ Ын Гиёнг. Участие корейцев...С. 196.
- ²⁵⁶ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 234, 246.
- ²⁵⁷ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 255 – 260, 345.
- ²⁵⁸ Бэ Ын Гиёнг. Участие корейцев...С. 193.
- ²⁵⁹ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 236.
- ²⁶⁰ Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество...С. 52.
- ²⁶¹ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью...С. 438 – 439.
- ²⁶² Киреев А.А. Политические банды и крестьяне Приморья. 1920 – 1930 гг. // Россия и АТР. 2005. №4. С. 12 – 18.
- ²⁶³ Шульженко А.Б. Борьба органов ОГПУ советского Дальнего Востока с иностранными спецслужбами в 20-х гг. XX в. // Вестник ДВО РАН. 2008. №5. С. 97 – 99.
- ²⁶⁴ Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября. М., 1986. С. 158.
- ²⁶⁵ РДВ придавалось не столько позитивное, сколько негативное значение: смысл обладания им состоял в недопущении его перехода под власть западных держав.

Глава III

- ¹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2006. С. 139; Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., 2007. С. 162 – 165.
- ² Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 446 – 447; Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917 – 1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 251 – 254.
- ³ Системная история международных отношений в четырёх томах. События. 1918 – 1945./ Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т.1. М., 2000. С. 246 – 247.
- ⁴ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 257 – 258.
- ⁵ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 258 – 259; История международных отношений и внешней политики СССР. В 3-х т. / Под ред. И.А. Кирилина. Т. 1. М., 1986. С. 147.
- ⁶ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв./ В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 114, 116.
- ⁷ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 258 – 260;
- ⁸ История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 112 – 115.
- ⁹ Азиатская Россия...С. 114; Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 285; История Северо-Восточного Китая ... Кн. 2. С. 201, 226.
- ¹⁰ История Северо-Восточного Китая...Кн. 2. С. 226 – 227.
- ¹¹ История Северо-Восточного Китая...Кн. 2. С. 196 – 202, 224 – 228.
- ¹² Системная история международных отношений...Т. 1. С. 260 – 261.
- ¹³ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 285.
- ¹⁴ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001. С. 23 – 24.

- ¹⁵ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 24.
- ¹⁶ Дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены ещё в декабре 1932 г., во многом под влиянием японского вторжения в Маньчжурию.
- ¹⁷ История международных отношений...С. 182 – 183; Системная история международных отношений...Т. 1. 323 – 325, 329 – 332.
- ¹⁸ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 24 – 25.
- ¹⁹ История международных отношений...С. 251.
- ²⁰ Азиатская Россия...С. 111 – 116; Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток, 2009. С. 93 – 94.
- ²¹ Азиатская Россия...С. 115 – 116.
- ²² Азиатская Россия...С. 114 – 115, 133.
- ²³ Азиатская Россия...С. 116; Лыкова Е.А., Проскурина Л.Н. Деревня российского Дальнего Востока в 20 – 30-е гг. XX в. Владивосток, 2004. С. 133 – 134.
- ²⁴ Азиатская Россия...С. 137 – 139; Системная история международных отношений в четырёх томах. События и документы. 1918 – 2003./ Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т.3. М., 2003. С. 114 – 115, 120 – 121.
- ²⁵ Владимиров О. Советско-китайские отношения в сороковых – восьмидесятых годах. М., 1984. С. 18, 25.
- ²⁶ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 18 – 20.
- ²⁷ Азиатская Россия...С. 140.
- ²⁸ Системная история международных отношений...Т.3. С. 156 – 159, 328.
- ²⁹ Азиатская Россия...С. 133, 140.
- ³⁰ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 87, 155.
- ³¹ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 33 – 37, 87 – 91.
- ³² Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое...С. 96; История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 3. Владивосток, 2004. С. 95 – 104.
- ³³ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М., 2007. С. 223.
- ³⁴ Рябченко Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969 – 1982). Владивосток, 2006. С. 39 – 46.
- ³⁵ Такая практика, являющаяся характерной принадлежностью «широкой границы», существовала с того момента, как Россия и Китай стали соседями, и длительное время не встречала противодействия сторон.
- ³⁶ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 139 – 142, 151; Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 32 – 35.
- ³⁷ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 35 – 39.
- ³⁸ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 206 – 208, 212; Рябченко Н.П. КНР – СССР...С. 44 – 46.
- ³⁹ Системная история международных отношений...Т.3. С. 330 – 331, 334 – 335.
- ⁴⁰ Азиатская Россия...С. 147 – 149; Системная история международных отношений...Т.3. С. 329.
- ⁴¹ Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое...С. 97; Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток, 2006. С. 69.
- ⁴² Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 41 – 42.
- ⁴³ Азиатская Россия...С. 147 – 149; Рябченко Н.П. КНР – СССР...С. 123 – 125.
- ⁴⁴ Если «вынести за скобки» отношения с КНДР и МНР, то в рамках СВА СССР по существу находился в это время в изоляции.
- ⁴⁵ Азиатская Россия...С. 149; Системная история международных отношений...Т.3. С. 399 – 400, 402 – 403.

- ⁴⁶ С 1974 г. на Дальнем Востоке было возобновлено строительство Байкало-Амурской магистрали.
- ⁴⁷ Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия...С. 68 – 70.
- ⁴⁸ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии...С. 481; Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 43.
- ⁴⁹ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии...С. 481; Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия...С. 35.
- ⁵⁰ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 307 – 310; Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М., 2006. С. 59.
- ⁵¹ Азиатская Россия...С. 155 – 156; Системная история международных отношений...Т.3. С. 476 – 477.
- ⁵² Азиатская Россия...С. 156; Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 43 – 44, 51 – 57; Системная история международных отношений...Т.3. С. 478 – 479.
- ⁵³ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 52 – 57; Дьякова Н.А., Чапелкин М.А. Границы России. М., 1994. С. 193 – 194; Ткаченко Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток, 1999. С. 52 – 53.
- ⁵⁴ По оценкам специалистов, задания программы в итоге были выполнены лишь на 30% (Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия...С. 69).
- ⁵⁵ Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток, 2006. С. 33 – 34.
- ⁵⁶ Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток, 2006. С. 8.
- ⁵⁷ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 22 – 23; Соглашение о порядке плавания по пограничным рекам 1951 года // Аналитический Клуб: [сайт]. URL: <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=chna&art=1881>"; Фадеев Ю.Д. Проблемы Корейского полуострова и интересы России // Азиатская библиотека: [сайт]. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/koreas/border_regulation.htm
- ⁵⁸ Судя по всему, советско-северокорейское разграничение послужило также и определённым импульсом, ускорившим аналогичный процесс в отношениях СССР и КНР.
- ⁵⁹ Договор между СССР и КНДР о прохождении линии советско-корейской государственной границы 1985 г // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/3F4381A4DA9575AFC325785A003FB17C; Фадеев Ю.Д. Проблемы Корейского полуострова...
- ⁶⁰ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. М., 2008. С. 128.
- ⁶¹ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 203.
- ⁶² Уссурийское казачье войско: история и современность / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С. 57 – 58.
- ⁶³ Уссурийское казачье войско...С. 59.
- ⁶⁴ В его состав не входили, судя по всему, только внутриконтинентальные районы, располагавшиеся к северу от Амура.
- ⁶⁵ Пограничная служба России: Энциклопедия. М., 2009. С. 177; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 201, 203, 204.
- ⁶⁶ Пограничная служба России: Энциклопедия...С. 178.
- ⁶⁷ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 330.
- ⁶⁸ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 330 – 332.
- ⁶⁹ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 332 – 334.
- ⁷⁰ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 333 – 334.
- ⁷¹ В 1932 г. из ведения СНК они были переданы ОГПУ, а в 1934 г. оказались в составе НКВД.
- ⁷² Дибель В. Паспортная система России // Обозреватель-Observer. 2003. №5 // РАУ-Университет: [сайт]. URL: http://www.rau.su/observer/N5_2003/5_15.htm;

- Развитие паспортной системы в условиях укрепления административно-командной системы в СССР и в период перестройки в России // ФМС России: [сайт]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/5/>
- ⁷³ Дибель В. Паспортная система...; Развитие паспортной системы...
- ⁷⁴ Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. // Журнальный зал: [сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html
- ⁷⁵ Дибель В. Паспортная система...
- ⁷⁶ Любарский К. Паспортная система и система прописки в России // Институт прав человека: [сайт]. URL: <http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm>
- ⁷⁷ Дибель В. Паспортная система...; Положение о въезде в СССР и выезде из СССР (утв. Постановлением Совмина СССР от 22 сентября 1970 г.) // Система «Консультант Плюс»
- ⁷⁸ Дибель В. Паспортная система...; Развитие паспортной системы...
- ⁷⁹ Любарский К. Паспортная система...
- ⁸⁰ Пограничная зона // Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org>
- ⁸¹ Положение о въезде в СССР и выезде из СССР (утв. Постановлением Совмина СССР от 22 сентября 1970 г.); Развитие паспортной системы...
- ⁸² То есть «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР» 1970 г. и «Положение о паспортной системе» 1974 г.
- ⁸³ Кисловский Ю.Г. История таможи государства Российского. М., 1995. С. 143 – 148; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI вв.). Владивосток, 2008. С. 43 – 44.
- ⁸⁴ Кисловский Ю.Г. История таможи...С. 146.
- ⁸⁵ История российской таможи // Центральный музей таможенной службы РФ: [сайт]. URL: <http://museum.customs.ru/ru/history>
- ⁸⁶ История российской таможи...; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С. 103, 110.
- ⁸⁷ История российской таможи...; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С.106, 110.
- ⁸⁸ История российской таможи...
- ⁸⁹ Кисловский Ю.Г. История таможи...С. 142, 146.
- ⁹⁰ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 127.
- ⁹¹ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток, 1990. С. 34.
- ⁹² Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1960. Справочник. / Науч. ред. Р.Г. Пихоя. М., 1997. С. 134; Пограничная служба России: Энциклопедия... С. 321 – 323.
- ⁹³ Пограничная служба России: Энциклопедия... С. 322 – 323.
- ⁹⁴ Лубянка...С. 23, 134; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 174.
- ⁹⁵ В частности, они привлекались к борьбе с политическим бандитизмом в первые послевоенные годы.
- ⁹⁶ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 174 – 175.
- ⁹⁷ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 189.
- ⁹⁸ Охрана границ Советского государства (1917–1991 гг.) // Пограничная служба ФСБ России: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/history/general/text.htm%21id%3D10320628%40fsbArticle.html>;
- ⁹⁹ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 511 – 512. Лубянка...С. 72.
- ¹⁰⁰ Пограничная служба России: Энциклопедия... С. 333 – 334.
- ¹⁰¹ Мельников В.Н. Деятельность органов государственной власти СССР по обеспечению национальной безопасности страны в пограничной сфере Дальнего

- Востока (1949 – 1969 гг.). // Власть и управление на Дальнем Востоке России. 2008. №1. С. 110; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 281, 581.
- ¹⁰² Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 110 – 111; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 281 – 282; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 318 – 319.
- ¹⁰³ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 110 – 111; Охрана границ Советского государства...; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 281 – 282.
- ¹⁰⁴ Оно было подписано в один день с уже упоминавшимся Постановлением «Об установлении единой паспортной системы...»
- ¹⁰⁵ Гражданином быть обязан. Владивосток, 2002. С. 24 – 26.
- ¹⁰⁶ Гражданином быть обязан. С. 26; Дибель В. Паспортная система...
- ¹⁰⁷ Гражданином быть обязан. С. 29, 35 – 36; Развитие паспортной системы...
- ¹⁰⁸ Положение о въезде в СССР и о выезде из СССР (утв. Постановлением Совмина от 22 сентября 1970 г.)
- ¹⁰⁹ ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 14. Л. 1; Д. 46. Л. 1 – 2.
- ¹¹⁰ Кисловский Ю.Г. История таможи...С. 127; Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможи. Ч. 1. 1899 – 1945. Владивосток, 2002. С. 136 – 139.
- ¹¹¹ Более чем вековая история Благовещенской таможенной службы на Амуре начинается с 30 апреля 1902 года // Компания «Декларант-Плюс»: [сайт]. URL: <http://deklarant.ru/viewnews.php?id=2225&gid=6>
- ¹¹² Подсчитано автором на основе: Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 511 – 512.
- ¹¹³ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 110 – 111;
- ¹¹⁴ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 112 – 113; Охрана границ Советского государства...
- ¹¹⁵ Гражданином быть обязан. С. 26, 36 – 37.
- ¹¹⁶ ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 13. Л. 20.
- ¹¹⁷ Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С.104 – 105.
- ¹¹⁸ Из истории установления и оформления государственной границы России и становления службы по её охране // Пограничная служба ФСБ России: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/history/general/text.htm%21id%3D10320625%40fsbArticle.html>
- ¹¹⁹ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 109.
- ¹²⁰ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 53, 90 – 91.
- ¹²¹ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 110 – 111; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 282; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 318.
- ¹²² Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 112; Охрана границ Советского государства...
- ¹²³ Охрана границ Советского государства...; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 396 – 397.
- ¹²⁴ История российской таможи...; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 398.
- ¹²⁵ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 216.
- ¹²⁶ Очерки истории дальневосточных организаций КПСС (1938 – 1987). Хабаровск, 1987. С. 43 – 44.
- ¹²⁷ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 90 – 91.
- ¹²⁸ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 217 – 218.
- ¹²⁹ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 282 – 283.
- ¹³⁰ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 112 – 113.

- ¹³¹ Звежинский С.С., Иванов В.А., Сизов С.М., Трушин А.А. Охрана сухопутных границ СССР во второй половине XX в. // Специальная техника. 2007. №1. URL: http://st.ess.ru/publications/1_2007/sizov/index.htm; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 396 – 397.
- ¹³² Здания и помещения, использовавшиеся таможенными органами на дальневосточной границе в довоенный период, в связи с их закрытием, в 1937 – 1941 гг. были переданы в пользование пограничным войскам региона (ГАПК. Ф. 149. Оп. 8. Д. 50. Л. 1 – 12.)
- ¹³³ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 279. Л. 2, 111, 139, 140, 160, 229, 256, 299.
- ¹³⁴ Лыкова Е.А., Проскурина Л.Н. Деревня российского Дальнего Востока...С. 136.
- ¹³⁵ Лыкова Е.А., Проскурина Л.Н. Деревня российского Дальнего Востока...С. 139 – 140; Уссурийское казачье войско...С. 57 – 60.
- ¹³⁶ Следует отметить, что этнические депортации на РДВ в меньшем масштабе проводились и ранее. Так, выселения китайцев из приграничных районов региона имели место уже в 1929 г. (Дацьшен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Вып. 17 Иркутск, 2009. URL: http://penpolit.ru/papers/?ELEMENT_ID=947)
- ¹³⁷ Лыкова Е.А., Проскурина Л.Н. Деревня российского Дальнего Востока...С. 151.
- ¹³⁸ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 286 – 289; Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20 – 50-е гг.): Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 256.
- ¹³⁹ Лыкова Е.А., Проскурина Л.Н. Деревня российского Дальнего Востока...С. 153 – 154; Уссурийское казачье войско...С. 61 – 65.
- ¹⁴⁰ Лыкова Е.А., Проскурина Л.Н. Деревня российского Дальнего Востока...С. 140 – 144.
- ¹⁴¹ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 285 – 289; Уссурийское казачье войско...С. 59 – 64.
- ¹⁴² Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 34 – 35.
- ¹⁴³ Бредникова О. Последний рубеж? // Отечественные записки. 2002. №6. С. 276.
- ¹⁴⁴ Бредникова О. Последний рубеж?... С. 277.
- ¹⁴⁵ Примеры применения паремии «священные рубежи» к дальневосточной границе см.: Очерки истории дальневосточных организаций КПСС...С. 45, 46, 49.
- ¹⁴⁶ Судя по всему, одним из главных посредников в процессе усвоения этой традиции советской региональной элитой выступил В.К. Арсеньев. См.: Доклад В.К. Арсеньева Дальневосточному краевому комитету ВКП(б) // Жёлтая опасность. Владивосток, 1995. С. 93 – 117.
- ¹⁴⁷ Азиатская Россия...С. 113 – 114.
- ¹⁴⁸ К таким лицам относились китайские и корейские партизаны, военнотрудовые китайских войск, участвовавшие в борьбе с японцами и властями Маньчжоу-Го, а также жители Маньчжурии, бежавшие от японских репрессий.
- ¹⁴⁹ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 289 – 290; Корейцы в СССР. Материалы советской печати. М., 2004. С. 337.
- ¹⁵⁰ Корейцы в СССР – России: XX-й век. (История в документах). М., 2004. С. 78 – 79.
- ¹⁵¹ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 79; Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 256 – 260; История Северо-Восточного Китая...Кн. 2. С. 107.
- ¹⁵² Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 280 – 284.

- ¹⁵³ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 285 – 286, 333 – 334; Корейцы в СССР – России...С. 78 – 82.
- ¹⁵⁴ Киреев А.А. Политические банды и крестьяне Приморья. 1920 – 1930 гг. // Россия и АТР. 2005. №4. С. 14 – 17; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 188.
- ¹⁵⁵ Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. С. 48; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 200 – 201.
- ¹⁵⁶ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. 190 – 192.
- ¹⁵⁷ Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. С. 48, 55 – 56; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 190 – 192; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 205, 212.
- ¹⁵⁸ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 93; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 205, 212.
- ¹⁵⁹ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 265 – 267; История Северо-Восточного Китая...Кн. 2. С. 195; Корейцы в СССР...С. 279 – 282, 337.
- ¹⁶⁰ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 263 – 264.
- ¹⁶¹ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 267, 348.
- ¹⁶² Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 289; Торопов А.А. К вопросу о депортации...С. 256.
- ¹⁶³ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 270.
- ¹⁶⁴ Залеская О.В. Китайские мигранты...С. 281; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С. 43 – 44, 48.
- ¹⁶⁵ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 279. Л. 140, 199; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 943. Л. 211; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 191 – 192.
- ¹⁶⁶ Азиатская Россия...С. 140 – 142; Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 15 – 24; Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945 – 1960-е гг. Автореф... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. С. 19 – 20.
- ¹⁶⁷ Следует отметить, что объёмы эти были намного ниже действительных возможностей и потребностей сторон.
- ¹⁶⁸ Азиатская Россия...С. 141; Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика...С. 19 – 20.
- ¹⁶⁹ История Северо-Восточного Китая...Кн. 3. С. 58 – 59.
- ¹⁷⁰ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 88 – 95;
- ¹⁷¹ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 89; История Северо-Восточного Китая...Кн. 3. С. 100 – 102.
- ¹⁷² Увеличение числа корейцев на Дальнем Востоке было связано также с возвращением в состав СССР Южного Сахалина.
- ¹⁷³ Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика...С. 19.
- ¹⁷⁴ Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика...С. 19 – 20.
- ¹⁷⁵ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 33; История Северо-Восточного Китая...Кн. 3. С. 93.
- ¹⁷⁶ Любая активность населения в этой сфере расценивалась как уголовно наказуемая контрабанда.
- ¹⁷⁷ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 90 – 95.
- ¹⁷⁸ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 112.
- ¹⁷⁹ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 32 – 35.
- ¹⁸⁰ Ващук А.С. Иностранцы на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. Проблемы исторического исследования // Дальний Восток России в системе международных отношений в АТР: история, экономика, культура. Владивосток, 2006. С. 197; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 223.
- ¹⁸¹ История Северо-Восточного Китая, кн. 3., С. 204.

- ¹⁸² Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 31 – 38, 50 – 53; История Северо-Восточного Китая...Кн. 3. С. 96 – 104.
- ¹⁸³ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 91 – 95, 135 – 136.
- ¹⁸⁴ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 110 – 111.
- ¹⁸⁵ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке...С. 35.
- ¹⁸⁶ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 88 – 90.
- ¹⁸⁷ Ващук А.С. Иностранцы на Дальнем Востоке...С. 200.
- ¹⁸⁸ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 223.
- ¹⁸⁹ Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика...С. 25.
- ¹⁹⁰ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 92, 152; История Северо-Восточного Китая...Кн. 3. С. 206.
- ¹⁹¹ Этот режим был закреплён в «Договоре о торговле и мореплавании между СССР и КНР» от 23 апреля 1958 г. (История Северо-Восточного Китая...Кн. 3. С. 204 – 205).
- ¹⁹² Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 94, 135 – 136, 142 – 145, 155 – 157; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 226 – 227.
- ¹⁹³ Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 112 – 113; Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 320.
- ¹⁹⁴ История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945 – 1977 гг. / Под ред. С.Л. Тихвинского. Хабаровск, 1973. С. 430; Мельников В.Н. Деятельность органов...С. 112.
- ¹⁹⁵ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 180.
- ¹⁹⁶ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 24.
- ¹⁹⁷ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 182 – 183, 220.
- ¹⁹⁸ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 226 – 227.
- ¹⁹⁹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 226 – 227, 252 – 256.
- ²⁰⁰ Терешенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 320 – 321.
- ²⁰¹ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 320.
- ²⁰² Об этом говорит почти полное отсутствие на дальневосточной границе на этом этапе контрабандных операций.
- ²⁰³ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 221, 283; История Северо-Восточного Китая...Кн. 3. С. 204 – 205.
- ²⁰⁴ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 308.
- ²⁰⁵ Ващук А.С. Иностранцы на Дальнем Востоке...С. 200; Забровская Л. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х – 2003 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. №5. С. 64.
- ²⁰⁶ Владимиров О. Советско-китайские отношения...С. 327; Рябченко Н.П. КНР – СССР...С. 43.
- ²⁰⁷ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 239 – 252.
- ²⁰⁸ Во второй половине 30-х – начале 50-х гг. органы госбезопасности зачастую руководили органами пограничного контроля и на оперативном уровне.
- ²⁰⁹ Его две трети, включая этапы 1929 – 1945 и 1963 – 1988 гг.

Глава IV

- ¹ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 53; Лаврентьев А.В. Социально-экономическое развитие советского Дальнего Востока в ходе реализации программно-целевой стратегии периода «перестройки» (вт. пол. 80-х – 1991 г.) // Вестник ВГУЭС. 2009. №3. С. 60 – 61.
- ² Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток, 2006. С. 34 – 35; Татченко

- К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток, 2006. С. 88 – 92.
- ³ Лаврентьев А.В. Социально-экономическое развитие советского Дальнего Востока... С. 60 – 61.
- ⁴ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2006. С. 29. Для сравнения, в 1960 г. объём приграничной торговли между советским Дальним Востоком и Китаем оценивался в 15 млн. руб.
- ⁵ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 25 – 31.
- ⁶ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 26.
- ⁷ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы... С. 54; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 25.
- ⁸ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток, 1990. С. 423.
- ⁹ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв./ В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 156; Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. М., 2010. С. 44.
- ¹⁰ Лукин А.Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. Владивосток, 2009. С. 180 – 182.
- ¹¹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М., 2007. С. 470 – 471, 476 – 477.
- ¹² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 148 – 153.
- ¹³ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 148 – 153, 256 – 259, 261 – 267.
- ¹⁴ Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М., 2006. С. 79.
- ¹⁵ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 142, 147.
- ¹⁶ Ивасита А. 4000 километров проблем... С. 71 – 83; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 149 – 154; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 300 – 304.
- ¹⁷ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 311.
- ¹⁸ Ивасита А. 4000 километров проблем... С. 62 – 63; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 311; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 474 – 475.
- ¹⁹ Протопопов А.С., Козменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648 – 2000). М., 2001. С. 220 – 223; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 476 – 478.
- ²⁰ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 69 – 70.
- ²¹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 306 – 307.
- ²² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 71, 307.
- ²³ Азиатско-Тихоокеанский регион... С. 135 – 140.
- ²⁴ Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2003. С. 395 – 398; Системная история международных отношений в четырёх томах. События и документы. 1918 – 2003./ Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т.3. М., 2003. С. 606 – 607.
- ²⁵ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 61 – 62.
- ²⁶ Бусыгина И., Лебедева Е. Субъекты федерации в международном сотрудничестве. Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Вып. 3(32). М., 2008. С. 13 – 15; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 61 – 62, 264, 268.
- ²⁷ Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009. С. 184 – 187.
- ²⁸ Татченко К.В. Тенденции экономического взаимодействия... С. 69.
- ²⁹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 154 – 157.

- ³⁰ России отошли около 140 га, включая места захоронений участников Хасанских событий 1938 г., а Китаю – примерно 160 га этой территории.
- ³¹ Ивасита А. 4000 километров проблем...С. 78 – 83, 108 – 109.
- ³² Ивасита А. 4000 километров проблем...С. 110 – 113.
- ³³ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 58; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 361 – 362; Филонов А. Пограничная политика России в Дальневосточном регионе // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 36.
- ³⁴ Чань Бинь. К вопросу о китайско-российских отношениях в новом веке // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 13, 17 – 20.
- ³⁵ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 156 – 158.
- ³⁶ Азиатско-Тихоокеанский регион... С. 136 – 138.
- ³⁷ Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений в треугольнике Китай – Россия - США //Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 23 – 27; Чань Бинь. К вопросу о китайско-российских отношениях в новом веке. С. 13.
- ³⁸ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 61 – 64, 67 – 68; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 302 – 303; Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений...С. 26.
- ³⁹ Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 192 – 194.
- ⁴⁰ Для ряда дальневосточных регионов оно стало отрицательным уже в первой половине 2000-х гг.
- ⁴¹ Воскресенский А. Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 86 – 99; Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений России и Китая: взгляд из региона // Там же. С. 136 – 139; Миркасымов Б.З. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР // Там же. С.185 – 186; Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений...С. 28 – 29.
- ⁴² Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. С. 188 – 189.
- ⁴³ Воскресенский А. Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы...С. 116 – 122.
- ⁴⁴ Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. С. 199.
- ⁴⁵ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р // Минрегион РФ: [сайт]. URL: http://archive.minregion.ru/OpenFile.ashx/DV_rasp.PDF?AttachID=3774
- ⁴⁶ Королёва Э.В. Основные проблемы управления миграционными процессами в Приморском крае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. №3. С. 46 – 47; Ушакова В.Л. Международная миграция населения в Приморском крае // Вестник ДВО РАН. 2008. №5. С. 30.
- ⁴⁷ Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации (Росграница): [сайт]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/>; ФЦП «Государственная граница РФ» // Федеральные целевые программы России: [сайт]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/150/?yover=2010#>

- ⁴⁸ Концепция охраны государственной границы РФ на 2001 – 2005 гг. (утв. Президентом РФ 1сентября 2001 г.) // Морская коллегия: [сайт]. URL: http://www.morskayakollegiya.ru/legislation/doktrinalnye_i_k/kontseptsija_ohr/; Рыбалкин Н. Новая система охраны границы адекватна угрозам безопасности России // Пограничник. 2005. №9. URL: http://www.geraldika.org/04_2006_22.htm
- ⁴⁹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006. С. 350 – 372.
- ⁵⁰ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 145 – 146, 160.
- ⁵¹ В соответствии с ранее заключёнными договорами эта линия была проведена по китайскому берегу пограничных рек.
- ⁵² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 160 – 161.
- ⁵³ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 161.
- ⁵⁴ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 161 – 162.
- ⁵⁵ Ивасита А. 4000 километров проблем...С. 79 – 85, 311 – 312; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 142 – 147.
- ⁵⁶ Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на её восточной части // Министерство иностранных дел РФ (МИД РФ): [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/A7BB75D3FA653EDDC325785A003FB2DA; Информация о делимитации и демаркации государственной границы РФ // Росграница: [сайт]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/>.
- ⁵⁷ Ван Ци. Проблема Восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных учёных /Пер. с кит. Ю. Семёнова. М., 2010. С. 18.
- ⁵⁸ Информация о делимитации...; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 311 – 312.
- ⁵⁹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о режиме российской-китайской государственной границы РФ и КНР // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/6240726D41256F9BC325785A003FB38E
- ⁶⁰ Договор между Правительством СССР и Правительством КНДР о режиме советско-корейской государственной границы // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/E00072ADD13A70C9C325785A003FB136
- ⁶¹ Информация о делимитации...; Соглашение между Правительством РФ, Правительством КНР и Правительством КНДР об определении линии разграничения пограничных водных пространств трёх государств на р. Туманная // Предпринимательское право: [сайт]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_122276.html
- ⁶² Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. С. 395 – 400.
- ⁶³ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/B1A45C293258EF48C325785A003FAEA2
- ⁶⁴ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 54; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 195.
- ⁶⁵ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 54; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 169..
- ⁶⁶ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 54 – 55; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 195 – 196.
- ⁶⁷ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 16, 36 – 38.
- ⁶⁸ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 27 – 33, 234 – 239;
- ⁶⁹ Друзьяка А.В. Незаконная миграция на российском Дальнем Востоке в 1993 – 2002 гг. (на примере Амурской области) // Вестник ДВО РАН. 2008. №5. С. 34; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 57; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 383 – 384.

- ⁷⁰ Друзья А.В. Незаконная миграция...С. 34; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 57.
- ⁷¹ Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. С. 122, 124; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 60 – 61.
- ⁷² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 61 – 62, 91 – 92, 264.
- ⁷³ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 306 – 308.
- ⁷⁴ Забровская Л. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х – 2003 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. №5. С. 66; Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР об экономическом и техническом сотрудничестве // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/4DC100F29232B73BC325785A003FAEC8
- ⁷⁵ Бусыгина И., Лебедева Е. Субъекты федерации...С. 12, 13, 17.
- ⁷⁶ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 296 – 301.
- ⁷⁷ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. С. 20 – 24; Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/EACAAE6A8BCAE25DC325785A003FAE62
- ⁷⁸ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 67 – 68; Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г. // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/0338FC26B72C6613C325785A003FB37D
- ⁷⁹ Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений...С. 26; Торговое соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР на 2001 – 2005 гг. // Сборник основных официальных документов...С. 25 – 27.
- ⁸⁰ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 63.
- ⁸¹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов // Сборник основных официальных документов...С. 28 – 31; Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о поощрении и взаимной защите капиталовложений// МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/604C0339F57072E4C325785A003FB380
- ⁸² План действий по реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005 – 2008 годы) // Сборник основных официальных документов...С. 91 – 109.
- ⁸³ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае: [сайт] // <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc>
- ⁸⁴ Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. С. 85; Лузянин С.Г. Российско-китайское стратегическое партнёрство: регионально, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 174 – 175; Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений...С. 28.
- ⁸⁵ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР о поощрении и взаимной защите капиталовложений // Правотека. Ру URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/105/52444.html>; Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства // МИД РФ: [сайт]. URL:

- http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/6469AF365A727166C325785A003FB3B7; Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР о сотрудничестве в таможенных делах// Правотека. Ру. URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/747/373191.html>
- ⁸⁶ Лаврентьев А.В. Социально-экономическое развитие советского Дальнего Востока...С. 61; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 26.
- ⁸⁷ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 56; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 335.
- ⁸⁸ Пограничная зона // Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org>
- ⁸⁹ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 56 – 57; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI вв.). Владивосток, 2008. С. 80 – 81.
- ⁹⁰ Закон РФ от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе РФ» // Система «Гарант».
- ⁹¹ Закон РФ от 1 апреля 1993 г. №4730-1
- ⁹² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 383 – 384.
- ⁹³ Друзьяка А.В. Незаконная миграция...С. 35; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 114.
- ⁹⁴ Указ Президента РФ № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» от 16 декабря 1993 г. // Система «Гарант»; Указ Президента РФ № 2146 «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ» от 16 декабря 1993 г. // Система «Гарант».
- ⁹⁵ Постановление Правительства РФ «О мерах по предупреждению неконтролируемой внешней миграции» от 8 сентября 1994 г. // Система «Гарант»; Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1020 «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле» // Система «Гарант».
- ⁹⁶ ФЗ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» // Система «Гарант»;
- ⁹⁷ Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., 1999. С. 103; Таможенный кодекс РФ от 18 июня 1993 г. // Система «Гарант».
- ⁹⁸ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 59 – 60; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 361 – 362; Приказ ГТК РФ от 15 августа 1994 г. № 408 «О перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации» // Система «Консультант Плюс».
- ⁹⁹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. №339 // Система «Гарант»
- ¹⁰⁰ Основы пограничной политики РФ (утв. Президентом РФ 5 октября 1996 г.) // Совет Безопасности РФ: [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/28.html>
- ¹⁰¹ ФЗ РФ от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе РФ» (с изменениями от 29 ноября 1996 г.) // Система «Гарант»
- ¹⁰² Ежуков Е. Концепция защиты интересов России в пограничной сфере: прошлое, настоящее, будущее // Власть. 2008. №5. С. 43 – 44.
- ¹⁰³ Постановление Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 60 «Об утверждении Положения о пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» // Система «Гарант»
- ¹⁰⁴ Концепция охраны государственной границы РФ на 2001 – 2005 гг...
- ¹⁰⁵ См.: Основы пограничной политики РФ...
- ¹⁰⁶ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград, 2005. С. 120 – 121; Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государ-

- ственного управления в области безопасности Российской Федерации» // Система «Гарант»; Указ Президента РФ от 28 мая 2003 г. № 581 «О Государственной пограничной комиссии» // Система «Гарант».
- 107 Шилова Н.В. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации в пограничной сфере // Аналитический вестник. 2009. № 12. С. 11 – 12.
- 108 Нормативные правовые акты РФ и ФСБ России // Пограничная служба ФСБ: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/law.htm>
- 109 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 64 – 65; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 121 – 122.
- 110 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 68 – 69; ФЗ РФ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Система «Гарант»
- 112 Приказ МВД РФ, МИД РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Министерства информационных технологий и связи РФ от 10 марта 2006 г. № 148/2562/98/62/25 «О ведении и использовании центрального банка данных по учёту иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации» // Система «Гарант».
- 113 Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 123; Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ // Система «Гарант».
- 114 ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнейторговой деятельности» // Система «Гарант».
- 115 Забияко А.П., Кобызов Р.А. Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 66 – 67.
- 116 Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений...С. 139; Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества...С. 194.
- 117 Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. С. 196 - 197; Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества...С. 195.
- 119 Пограничная служба России: Энциклопедия... С. 337; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. М., 2008. С. 326.
- 120 Пограничная служба России: Энциклопедия...С. 337.
- 121 Из истории установления и оформления государственной границы России и становления службы по её охране // Пограничная служба ФСБ России: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/history/general/text.htm%21id%3D10320625%40fsbArticle.html>;
- 122 Пограничная служба России: Энциклопедия...С. 175 – 176, 342 – 344. Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 120 – 121; Рыбалкин Н. Новая система охраны границы... Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 308 Рыбалкин Н. Новая система охраны границы... Пограничная служба России: Энциклопедия...С. 338 – 340, 349 – 351. Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 120 – 123; Рыбалкин Н. Новая система охраны границы... Указ Президента РФ от 27 октября 2003 г. № 1264 «Об утверждении Положения о Государственной пограничной комиссии и её состава по должностям» // Система «Гарант».
- 128 Емельянова Е. Росграница готова работать в полную силу. URL: <http://www.morvesti.ru>; Росграница: [сайт]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/ru/agency>
- 129 Кузурманова И.В. Паспортная система Российской Федерации и её использование в деятельности пограничных органов ФСБ. Дисс... канд. воен. наук. М., 2004. С. 23; Развитие паспортной системы в условиях укрепления администра-

- тивно-командной системы в СССР и в период перестройки в России // ФМС России: [сайт]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/5/>
- ¹³⁰ Васкович Д.С. Иммиграционная политика РФ – Динамика изменений. Автореф. дисс... к. полит. наук. М., 2009. С. 15; Подливалов С.М. Институциональное развитие миграционных структур России в 90-е гг. XX в. – начале 2000-х гг. // Научный вестник УрГАС. 2008. №3. URL: <http://vestnik.uara.ru/issue/2008/03/20/>
- ¹³¹ Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2145 // Система «Гарант»; Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1020 // Система «Гарант»; Постановление Правительства РФ от 29 марта 1994 г. № 252 «О внесении изменений и дополнений в Положение о Федеральной миграционной службе России» // Система «Гарант».
- ¹³² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 399 – 400; Новиков А. Иностранцы в Хабаровском крае: проблемы и решения // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 33 – 34.
- ¹³³ Подливалов С.М. Институциональное развитие миграционных структур...; Подорожная гастарбайтеру // Российская газета. 2003. 2 декабря. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0212/4.shtm
- ¹³⁴ Приказ МИД РФ, МВД РФ, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, ФСБ РФ и Службы внешней разведки РФ от 30 марта 2005 г. N 3769/227/244/183/20 «О создании Межведомственной комиссии по упорядочению въезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Система «Гарант»;
- ¹³⁵ Приказ МВД РФ, МИД РФ, Минтранс РФ, МПС РФ, ГТК РФ и ФПС РФ от 11 ноября 2002 г. № 1095/16531/143/49/1189/692 «О введении в действие миграционных карт» // Система «Гарант»; Приказ МВД РФ, МИД РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Министерства информационных технологий и связи РФ от 10 марта 2006 г. № 148/2562/98/62/25 «О ведении и использовании центрального банка данных по учёту иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации» // Там же.
- ¹³⁶ Новиков А. Иностранцы в Хабаровском крае...С. 34; Ходаков С. Иммиграция и иммиграционная политика в Хабаровском крае // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 31.
- ¹³⁷ ФЗ РФ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ
- ¹³⁸ Пограничная зона...
- ¹³⁹ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 118; Указ Президента РФ от 25 октября 1994 г. № 2014 «Об утверждении Положения о Государственном таможенном комитете Российской Федерации» // Система «Гарант».
- ¹⁴⁰ Дальневосточная таможня в цифрах и фактах // ИА Sakha News. 5.08.2005. URL: <http://www.1sn.ru/>
- ¹⁴¹ Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С. 78 – 79, 83 – 84.
- ¹⁴² Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С. 84.
- ¹⁴³ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница.... 118; ФЗ от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» // Система «Гарант».
- ¹⁴⁴ Дальневосточная таможня в цифрах...; Интервью начальника Дальневосточного таможенного управления Сергея Пашко «Российской газете» от 24.11.2010 года // ФТС России: [сайт]. URL: <http://www.customs.ru/>
- ¹⁴⁵ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 123; Дальневосточная таможня в цифрах...

- ¹⁴⁶ Благопристойный рубеж // Дальневосточный капитал. 2010. №5. URL: <http://dvkapital.ru/2010/5/01.asp>
- ¹⁴⁷ Витковская Г.С. Дальневосточный регион России: внешние взаимодействия в сфере миграции // Семинар «Внешнеэкономическая деятельность регионов: роль в федерализации России». 30 ноября 1999 г. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/vitkovskaja.htm>; «Засечная стража» современной России // Красная звезда. 2006. 27 мая; Ивасита А. 4000 километров проблем...С. 312 – 313.
- ¹⁴⁸ Мохов В. Приоритет – пограничная безопасность // Красная звезда. 2002. 30 мая.
- ¹⁴⁹ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 123 – 124; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С. 80 – 81, 111 – 112.
- ¹⁵⁰ Новиков А. Иностранцы в Хабаровском крае...С. 34 - 35; Ходаков С. Иммиграция и иммиграционная политика...С. 31.
- ¹⁵¹ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 122.
- ¹⁵² ФЦП «Государственная граница РФ»...
- ¹⁵³ Куликов В. Метр границы подорожал // Российская газета. 2007. 8 июня. URL: <http://www.rg.ru/2007/06/08/metr.html>
- ¹⁵⁴ Емельянова Е. Росграница готова...; ФЦП «Государственная граница РФ»
- ¹⁵⁵ Благопристойный рубеж...
- ¹⁵⁶ Доронина Н. На Дальнем Востоке пограничники впервые приступили к охране рубежей вахтовым методом // Российская газета. 2010. 22 июня. URL: <http://www.rg.ru/2010/06/22/reg-dvostok/pogranichniki-anons.html>; Плугатарев И. В наряд - с компьютером и беспилотником // Независимое военное обозрение. 2006. 10 ноября. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2006-11-10/7_monitoring.html
- ¹⁵⁷ Вершинин О. Облик границы меняется // Красная звезда. 2008. 14 мая; Рыбалкин Н. Новая система охраны границы...
- ¹⁵⁸ Куликов В. Метр границы подорожал...; Мохов В. К границе XXI в. //Красная звезда. 2007. 5 декабря.
- ¹⁵⁹ Дальневосточная таможня в цифрах...; Оснащение таможенных органов Дальнего Востока новыми программными средствами может начаться уже в 2010 году // РИА Восток-Медиа. 7.07.2009. URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2009/07/07/0005>.
- ¹⁶⁰ Интервью начальника Главного управления информационных технологий ФТС России А. Шашаева. 15.09.2008// Виртуальная Таможня: [сайт]. URL: http://ya.vch.ru/hl/vch?url=webds/www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi%3Ftable_code%3D12%26action%3Dshow%26id%3D16687&mime=text/html&charset=windows-1251
- ¹⁶¹ Приграничные пункты пропуска на Дальнем Востоке подключат к информационной системе безопасности // Primamedia.ru. 13.10.2009. URL: <http://primamedia.ru/news/13.10.2009-108565>; Тезисы выступления руководителя Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации Д.А. Безделова на открытии выставки SOFTOOL-2009 // Росграница: [сайт] URL: <http://www.rosgranitsa.ru/node/1233>
- ¹⁶² Вершинин О. Облик границы...; Плугатарев И. ФПС: Сокращение «попутински»// Независимое военное обозрение. 2002. 26 января. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2002-01-26/1_fps.html
- ¹⁶³ Дальневосточная таможня в цифрах...; Таможня даёт добро // Парламентская газета. 2010. 7 августа. URL: http://www.parldv.ru/index.php?mod=art_show&id_art=842
- ¹⁶⁴ Плугатарев И. ФПС: Сокращение «попутински»
- ¹⁶⁵ Служба пограничника – самая почётная // РИА Ежедневные Новости Владивостока. 27.05.2010. URL: <http://novostivl.ru/msg/11240.htm>

- ¹⁶⁶ Сидоров С.А. Проблемы обеспечения безопасности РФ в пограничном пространстве ДФО // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. №11. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit89.html>
- ¹⁶⁷ Плугатарев И. ФПС: Сокращение «по-путински»...
- ¹⁶⁸ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница...С. 123 – 124; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С. 80 – 81.
- ¹⁶⁹ Дальневосточная таможня в цифрах...Дьяков В.И., Просьянников Н.Н. 10 лет высшему таможенному образованию на Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2004. № 3. С. 23 – 26.
- ¹⁷⁰ Дятликович В. Закрывать генерала // Русский репортёр. 2008. №4. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2008/04/granica_na_zamke/
- ¹⁷¹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 364.
- ¹⁷² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 336 – 337.
- ¹⁷³ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 340 – 341.
- ¹⁷⁴ Ивасита А. 4000 километров проблем...С. 244 – 250; Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск, 2009. С. 139 – 141; Ларин В.Л. Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России. Владивосток, 2010. С. 41.
- ¹⁷⁵ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 321.
- ¹⁷⁶ С начала 2000-х гг. численность китайцев на РДВ приобрела устойчивую тенденцию к повышению.
- ¹⁷⁷ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкраторова Л.А. Русские и китайцы...С. 76, 107 – 108.
- ¹⁷⁸ Дятлов В.И. Китайские мигранты в современной России: практики взаимной адаптации // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 180 – 185.
- ¹⁷⁹ Благопристойный рубеж...
- ¹⁸⁰ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 340 – 341.
- ¹⁸¹ Благопристойный рубеж...; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 363, 370 – 371.
- ¹⁸² Авдеев Ю., Пушкарев С., Ушакова В. Миграционная ситуация и рынки труда в Приморском крае // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 67; Друзяка А.В. Незаконная миграция...С. 34.
- ¹⁸³ Козлов Л.Е. Региональная политика федерального центра как фактор формирования сепаратистской идеологии на Дальнем Востоке России // Без темы. 2007. №2. URL: [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004\(02_2007\)&xsln=showArticle.xslt&id=a11&dос=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004(02_2007)&xsln=showArticle.xslt&id=a11&dос=../content.jsp)
- ¹⁸⁴ Челночный бизнес: бой с тенью // Рынок лёгкой промышленности. 2006. №46 // RusTM.net. URL: <http://www.rustm.net/catalog/article/113.html>
- ¹⁸⁵ Благопристойный рубеж...; Пункты пропуска на границе реконструируют. 21.09.2009. URL: <http://tamognia.ru>
- ¹⁸⁶ Дятликович В. Закрывать генерала...
- ¹⁸⁷ Козлов Л.Е. Региональная политика...
- ¹⁸⁸ «О проблемах развития делового сообщества и его роль в решении задач по преодолению экономического кризиса в ДФО». Доклад Председателя Дальневосточного объединения промышленников и предпринимателей Е. Шулепова. 4 декабря 2009 г. // Mega News. URL: <http://www.megamir.com/articles/publications/section3720/element403659/>; Татченко К.В. Тенденции экономического взаимодействия... С. 157 – 159.

- ¹⁸⁹ О проблемах развития делового сообщества... Характерно, что в докладе Е. Шулепова поднимается вопрос о необходимости принятия закона о лоббистской деятельности.
- ¹⁹⁰ О проблемах развития делового сообщества...; Протокол Совещания с участием подкомиссии по поддержке предпринимательства Межведомственной комиссии по безопасности в сфере экономики, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, представителей науки и общественных объединений предпринимателей по ДФО от 5 сентября 2003 г. //Правотека.ру. URL: http://www.pravoteka.ru/docs/khabarovskiy_kray/14297-r1.html
- ¹⁹¹ Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке...С. 285 – 288.
- ¹⁹² Круглый стол №8 «Развитие приграничного сотрудничества на Востоке России». 28 сентября 2005 г. // Дальневосточный международный экономический конгресс. URL: http://www.dvcongress.ru/material_Rec8.htm; О свободной экономической зоне. Письмо Председателю Правительства РФ В.В. Путину от ДВОПП от 10июля 2009 г. // Mega News. URL: <http://www.megamir.com/news/section1651/element392435/>; О проблемах развития делового сообщества...
- ¹⁹³ О проблемах развития делового сообщества...; Программа сотрудничества между регионами...
- ¹⁹⁴ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 103 – 104; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 157.
- ¹⁹⁵ Часто оба этих принципа общинной организации сочетаются: строительные бригады и объединения торговцев определённым товаром могут целиком состоять из выходцев из одной и той же местности.
- ¹⁹⁶ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 103 – 104; Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. С. 263 – 264.
- ¹⁹⁷ Самедова Е. Пуликовский защитит китайских бизнесменов // Независимая газета. 2004. 10 июня. URL: http://www.ng.ru/economics/2004-06-10/3_pulikovskiy.html
- ¹⁹⁸ Привлечение граждан РФ к защите государственной границы //Пограничная служба ФСБ России: [сайт] URL: <http://ps.fsb.ru/general/info/details.htm?id%3D10320572%40fsbArticle.html>; Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. С. 326; ФЗ РФ от 1 апреля 1993 г. №4730-1.
- ¹⁹⁹ Ермак Г.Г., Кабанов Н.А. Уссурийское казачество: проблемы этносоциального статуса и государственной службы // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Вып.2. Хабаровск, 2009. С. 20 – 21, 23; Уссурийское казачье войско: история и современность / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С. 77 – 87.
- ²⁰⁰ Ермак Г.Г., Кабанов Н.А. Уссурийское казачество...С. 20 – 21, 23; Уссурийское казачье войско: [сайт]. URL: <http://kazaki-ukv.ru>
- ²⁰¹ Амурское войсковое казачье общество: [сайт]. URL: <http://www.a-k-v.ru>
- ²⁰² Уссурийское казачье войско: [сайт]. URL: <http://kazaki-ukv.ru>
- ²⁰³ Ермак Г.Г., Кабанов Н.А. Уссурийское казачество...С. 25.
- ²⁰⁴ По России их общая численность составляет всего около 15 тыс. чел. (Привлечение граждан РФ к защите...)

- 205 Среди них можно назвать серию трудов по погранологии, журналы «Пограничник», «Таможня», «Таможенная политика России на Дальнем Востоке», многочисленные газеты региональных пограничных управлений
- 206 Бредникова О. Последний рубеж? // Отечественные записки. 2002. №6. С. 283 – 284.
- 207 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 269 – 273.
- 208 Информация о КНДР и низкоинтенсивном трансграничном взаимодействии с этой страной появляется сравнительно редко и исходит в основном из официальных и экспертных источников.
- 209 Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 271 – 285.
- 210 Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 332.
- 211 Карнеев А.Н. Человеческий фактор в российско-китайских отношениях // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 272.
- 212 Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 338 – 339.
- 213 Киреев А.А. Состояние и перспективы трансграничных отношений российского Дальнего Востока и Китая (по результатам экспертного опроса) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №3. С. 125 – 128.
- 214 Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом... С. 332 – 333.
- 215 Холцленер Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №3. С. 107 – 110;
- 216 См., например: Жёлтая опасность. Владивосток, 1995; Некоторые проблемы демаркации российско-китайской границы. 1991 – 1997 гг. М., 1997.
- 217 Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика... С. 115; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 281.
- 218 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 282 – 283.
- 219 Миндогулов В.В. Что думают жители Дальнего Востока о российско-китайских приграничных отношениях // Социологические исследования. 1995. №10. С. 115 – 116.
- 220 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы... С. 242 – 271.
- 221 Миндогулов В.В. Что думают жители... С. 116.
- 222 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы... С. 265, 293, 305.
- 223 Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика... С. 114 – 116.
- 224 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы... С. 265, 293, 305.
- 225 В описании подходов я опирался на классификацию И.С. Безрукова и Е.В. Горбенковой, внося в неё некоторые, необходимые, на мой взгляд, уточнения и дополнения (Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток, 2006. С. 32 – 40).
- 226 В работе Г.З. Витковской и Ж.А. Зайончковской (Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика... С. 80 – 120) она именуется «новой столыпинской политикой».
- 227 Демаркационные работы по результатам Дополнительного соглашения от 14 октября 2004 г. были завершены подписанием Протокола-описания российско-китайской границы в июле 2008 г.
- 228 Карнеев А.Н. Человеческий фактор... С. 272; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 305 – 307.
- 229 Холцленер Т. Восточная пористость... С. 108 – 109.

- ²³⁰ Лукин А.Л. Интеграционные процессы и институты...С. 222- 226, 232 – 238.
- ²³¹ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 288 – 289, 328.
- ²³² Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 298 – 299.
- ²³³ Отдельным и заслуживающим специального изучения вопросом является соотношение культурных потенциалов двух обществ.
- ²³⁴ Ващук А.С. Иностранцы на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. Проблемы исторического исследования // Дальний Восток России в системе международных отношений в АТР: история, экономика, культура. Владивосток, 2006. С. 199 – 201.
- ²³⁵ Лаврентьев А.В. Изменение внешнеэкономической политики государства на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1980-х – 1991 г.): основные результаты и противоречия // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. №2. С. 121.
- ²³⁶ Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 73 – 76; Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия...С. 86.
- ²³⁷ Северо-Восточный Китай на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2005. С. 27 – 28; Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия...С. 75 – 85.
- ²³⁸ Проблемы населения Дальнего Востока/ Авдеев Ю.А. и др. Владивосток, 2004. С. 43. Данные охватывают население территорий РДВ и Якутии, т.е. пространства ДФО.
- ²³⁹ Принятая в 1987 г. программа развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья предусматривала увеличение общих объёмов экспорта региона в 3 раза к 2000 г. Однако перспективы полномасштабного участия государства в осуществлении этого плана изначально были весьма сомнительны.
- ²⁴⁰ Лаврентьев А.В. Изменение внешнеэкономической политики...С. 120 – 121.
- ²⁴¹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 26.
- ²⁴² Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 56.
- ²⁴³ Ковалёв В.Н. Современные проблемы правового и экономического взаимодействия России и Китая (на примере Амурской области и провинции Хейлунцзян) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 1. Благовещенск, 2001. С. 446 – 448; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 91 – 92, 109 – 110.
- ²⁴⁴ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 54; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 194.
- ²⁴⁵ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 54 – 55; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 195 – 196, 382 – 383.
- ²⁴⁶ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 112 – 113, 125 – 129.
- ²⁴⁷ Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 422 – 423; Пограничная зона...
- ²⁴⁸ Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции...С. 259; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 382 – 385.
- ²⁴⁹ Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №5. С. 81
- ²⁵⁰ По данным региональных администраций, в 1993 г. на РДВ было более 10800 китайских рабочих (Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции...С. 258)
- ²⁵¹ Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 16; Ващук А.С. Иностранцы на Дальнем Востоке России...С. 200 – 202; Забровская Л. Трудовая миграция из КНДР в Россию...С. 69.
- ²⁵² За исключением отдельных нормативных актов региональных администраций, которые начали появляться с 1992 г.
- ²⁵³ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 398; Рыбаковский Л.Л. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: исто-

- рия, современность, последствия. URL:
254 <http://viperson.ru/data/200602/kovskiiel.immigracijdv.doc>
255 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 342.
В первой половине 90-х гг. бартер составлял более 90% в объёме экспорта и около 70% в объёме импорта РДВ в Китай (Расписание на завтра // ДВ-капитал. 2010. №10 // www)
- 256 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 364.
257 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 336; Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке...С. 269.
258 Расписание на завтрашний день // Дальневосточный капитал. 2010. №10. URL: <http://dvkapital.ru/2010/10/01.asp>.
- 259 Ковалёв В.Н. Современные проблемы...С. 444 – 448; Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке...С. 144 – 145, 269.
260 Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. С. 423 – 424.
261 Филонов А. Пограничная политика... С. 37 – 39.
262 Друзья А.В. Незаконная миграция...С. 35; Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие...С. 80 – 83; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 383 – 384, 398 – 400; Новиков А. Иностранцы в Хабаровском крае...С. 33 – 34.
263 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 94 – 95; Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой...С. 81 – 84; Региональное измерение трансграничной миграции в Россию/ Науч. ред. С.В. Голунов. М., 2008. С. 193.
264 Основы пограничной политики РФ...; Филонов А. Пограничная политика...С. 39.
265 Филонов А. Пограничная политика...С. 39.
266 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 47 – 48, 310 – 312; Филонов А. Пограничная политика...С. 37.
267 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 58.
268 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 275 – 279.
269 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 385 – 387.
270 Деятельность региональных миграционных служб на востоке Российской Федерации. Иркутск, 2006 URL:
http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/
- 271 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 386, 400 – 401.
272 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 399 – 401.
273 Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика...С. 97 – 98.
274 Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 10
275 Авдеев Ю., Пушкарёв С., Ушакова В. Миграционная ситуация...С. 65.
276 Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 14; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 119.
277 Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 16.
278 Ходаков С. Иммиграция и иммиграционная политика...С. 29.
279 Авдеев Ю., Пушкарёв С., Ушакова В. Миграционная ситуация...С. 67; Друзья А.В. Незаконная миграция...С. 33; Забровская Л. Трудовая миграция из КНДР в Россию...С. 65 – 66.
280 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 57; Новиков А. Иностранцы в Хабаровском крае...С. 35.
281 Друзья А.В. Незаконная миграция...С. 34; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 398 – 399; Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009. С.28 – 30.
282 Дробышёва И. Миллиард под боком // Дальневосточный капитал. 2003. №2. URL: <http://dvkapital.ru/subjnum/2003/0201.asp>; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 340 – 344, 349 – 350.

- 283 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 344, 364.
- 284 Филонов А. Пограничная политика...С. 38 – 39.
- 285 Дробышёва И. Миллиард под боком...С. 318 – 319; Россия – Северо-Восточная Азия. Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох / С. П. Быстрицкий, В. К. Заусаев. М., 2007. С. 170.
- 286 Ковалёв В.Н. Современные проблемы...С. 444 – 447; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 318 – 319; Россия – Северо-Восточная Азия. Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох / С. П. Быстрицкий, В. К. Заусаев. М., 2007. С. 170.
- 287 Особенно в условиях, когда российское законодательство о предпринимательской деятельности находилось ещё в зачаточном состоянии.
- 288 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 312 – 313.
- 289 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 312 – 313; Филонов А. Пограничная политика...С. 36 – 37.
- 290 Гельбрас В. Китайцы в России: сколько их? // Демоскоп Weekly. 2001. 3 – 16 декабря. URL: <http://demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php>.
- 291 Включая ОПГ транснационального типа, российско-китайские и российско-корейские.
- 292 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 321, 323 – 325; Номоконов В.А., Лелюхин С.Е. Китайская организованная преступность на Дальнем Востоке: угрозы и прогнозы. URL: <http://forum.nogliki.com/index.php?showtopic=5955&st=0&p=43668&>; Филонов А. Пограничная политика...С. 38 – 39.
- 293 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкраторова Л.А. Русские и китайцы...С. 101 – 104; Козлов Л.Е., Насакова Б.Б. Российский Дальний Восток как объект внешней культурной политики Японии и Китая // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып.2. Владивосток, 2008. URL: http://l-ekozlov.narod.ru/text/kozlov_nasakova.doc
- 294 С учётом мигрантов из внутреннего Китая она составляла 120 млн. чел
- 295 Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 27 – 28; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы...С. 74, 101.
- 296 Лукьянова Е.Л. Северо-Восток Китая в системе общеазиатского разделения труда. Автореф...канд. геогр. наук. Иркутск, 2010; Экономическое развитие КНР на современном этапе (Аналитический обзор)/ Кучерявенко В.Е., Изотов В.А. Хабаровск, 2007. С. 23.
- 297 Воскресенский А.Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы...С. 76 – 78; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкраторова Л.А. Русские и китайцы...С. 65; Северо-Восточный Китай на рубеже XX – XXI вв...С.121 – 123, 127 – 128.
- 298 Korea, North // CIA- The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html>
- 299 Ивашинников Ю.К. Страны Япономорского региона и Китай. Экономическое развитие и экологические проблемы. Владивосток, 2007. С. 12.
- 300 Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 50, 173.
- 301 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкраторова Л.А. Русские и китайцы...С. 71; Проблемы населения Дальнего Востока. С. 43.
- 302 Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования...С. 11 – 12, 51 – 52.
- 303 Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 251 – 253; Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития/ Под ред. С.Н. Градиrossoвского. М., 2005. С. 74 – 79, 101 – 103.

- ³⁰⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2002 г. №941; Постановление Правительства РФ от 21 августа 2004 г. № 429; Постановление Правительства РФ от 2 февраля 2005 г. №50 // Система «Гарант».
- ³⁰⁵ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 62 – 68; Региональное измерение трансграничной миграции...С. 194 – 195.
- ³⁰⁶ Концепция охраны государственной границы РФ на 2001 – 2005 гг.; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 311 – 324.
- ³⁰⁷ Доктрина информационной безопасности от 9 сентября 2000 г. // Совет Безопасности РФ: [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>
- ³⁰⁸ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/A492C27B118C6F9DC325785A003FB2B6
- ³⁰⁹ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 148 – 149.
- ³¹⁰ Голюк Н. С. Криминологическое обеспечение миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе России: Региональный компонент. Автореф... канд. юр. наук. Иркутск, 2007 // Юридическая Россия: [сайт]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1277577>; Деятельность региональных миграционных служб...; Сотни тысяч одних китайцев // Время новостей. №108. 21 июня 2002. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.html>
- ³¹¹ Камиль Исхаков: «Нужно сделать Дальний Восток привлекательным» // Демоскоп Weekly. 2006. 6 – 19 марта. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/gazeta024.php>
- ³¹² Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 150.
- ³¹³ Въезд туристов из КНР на территорию Дальнего Востока и Забайкалья за 2000 – 2006 гг. снизился с 223 до 118 тыс. чел. (Итоги деятельности туристской отрасли Востока России в 2007 году // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия «Дальний Восток и Забайкалье»: [сайт]. URL: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/econ_tourism_itogi2007.htm)
- ³¹⁴ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 83.
- ³¹⁵ Деятельность региональных миграционных служб...
- ³¹⁶ Баранник И.Н. Транснациональная организованная преступность и сотрудничество правоохранительных органов российского Дальнего Востока и стран АТР в борьбе с ней (криминологические аспекты). Автореф...канд.юр.наук. Владивосток, 2006 // Crime.vl.ru. Владивостокский центр исследований организованной преступности: [сайт]. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1038&more=1&c=1&tb=1&pb=1>
- ³¹⁷ Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Нелегальная миграция и организованная преступность: региональные аспекты // Crime.vl.ru. Владивостокский центр исследований организованной преступности: [сайт]. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1000&more=1>
- ³¹⁸ Рыжова Н.П. Приграничная торговля и интеграция. Китайский и российский подходы. URL: <http://www.hse.ru/data/688/385/1239/%D0%A0%D1%8B%D0%B6%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%A8%D0%AD.doc> (данные включают в себя товарооборот с КНР приграничных регионов РДВ)
- ³¹⁹ Таможенные органы организуют противодействие контрабанде китайских товаров // TKS.RU - всё о таможене. 6.07.2007. URL: <http://www.tks.ru/reviews/2007/07/06/04>
- ³²⁰ Врагова Н.К., Симутина Н.Л. Межбанковские расчёты как фактор цивилизованного развития внешнеторговых отношений приграничных регионов России и Китая // Деньги и кредит. 2007. №2. С. 60 – 61; Региональное измерение трансграничной миграции...С. 194.

- 321 Капралова Н.Л., Карасёва Л.А. Феномен челночной торговли в российской экономике и его эволюция. URL: <http://www.hse.ru/ic6/report38.doc>
- 322 Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 261.
- 323 Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск – Хейхе // Вестник ДВО РАН. 2007. №5. С. 139.
- 324 Номоконов В.А. Особенности организованной и транснациональной преступности на Дальнем Востоке России // Сибирский криминологический журнал. 2006. № 1. URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1244413#_ftnref9
- 325 Сказанное относится не только к дальневосточной таможне, но и органам МВД, пограничной службе и другим структурам ФСБ (См. например: Синь Янь, Н. П. Яблоков Борьба с мафией в Китае. Овчинский В.С. Мафия XXI в.: сделано в Китае. М., 2006. С. 157, 185 – 186.)
- 326 Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...С. 320; Сидоров С.А. Проблемы обеспечения безопасности...
- 327 Сидоров С.А. Проблемы обеспечения безопасности...
- 328 Контрразведка в деле-2 // Дебри-ДВ. URL: <http://www.debri-dv.ru/article/85>
- 329 Баранник И.Н. Транснациональная организованная преступность...
- 330 Трансграничный регион: понятие, сущность, форма // Науч. ред: П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток, 2010. С. 208 – 210.
- 331 Курилова К.А. Проект «Институт Конфуция» в свете новых аспектов российско-китайских культурных отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 276 – 285; Чжао Вей. Об основных достижениях Института русского языка Хейлунцзянского университета в подготовке русистов // Там же. С. 293.
- 332 Информационная безопасность на Дальнем Востоке оставляет желать лучшего // Хабаровск-новости. 18.10.2002. URL: <http://news.khb.ru/print.php3?news=4857>
- 333 Выхованец О. Два шага вперёд, шаг назад // НГ-сценарии. 2007. 27 февраля. URL: http://www.ng.ru/scenario/2007-02-27/12_twosteps.htm; Политика иммиграции и натурализации в России...С. 79 – 81.
- 334 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 67.
- 335 Благопристойный рубеж...; Программа сотрудничества между регионами...
- 336 Королёва Э.В. Основные проблемы управления миграционными процессами...С. 45 – 48.
- 337 Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 68.
- 338 Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений...С. 139; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы...С. 68 – 70; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России...С. 262 – 266.
- 339 Иноинвестиции с Россией. ДвФО. Том XXII. М., 2009. С. 34 – 35. URL: www.polpred.ru; Пограничная зона...
- 340 Козлов Л.Е. Региональная политика...; Обеспечение соблюдения правил пограничного режима // Пограничная служба ФСБ России: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/general/info/details.htm%21id%3D10320567%40fsbArticle.html>; Приказы ФСБ об установлении пограничной зоны // Путеводитель по России: [сайт]. URL: <http://www.mccme.ru/putevod/Border/border.html>
- 341 Фонд «Русский мир»: [сайт]. URL: <http://www.russkiymir.ru/>
- 342 Почти 400 тысяч иностранцев въехало в этом году на территорию Дальнего Востока // ИА PrimaMedia. 8.10. 2010. URL: <http://primamedia.ru/news/08.10.2010/136552/>
- 343 Дмитрий Медведев порекомендовал погранслужбам создавать современную инфраструктуру и правила, которые бы мигранты не хотели нарушать.

- 03.07.2010 // Правительство Амурской области: [сайт]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=&r=7&c=1877&n=814&n=1>
- 344 Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. 2010. Т. 8. №1 // <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm>
- 345 Стенографический отчет о совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах. 3 июля 2010 г. Благовещенск. // Президент России: [сайт]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/8278>
- 346 Товарооборот между Дальним Востоком и КНР в 2010 году вырос почти на \$1 млрд. - до \$5,5 млрд. // «РИА Новости». 14. 01. 2011. URL: <http://dv.rian.ru/economy/20110114/81963981.html>
- 347 Антонова Н.Е. и др. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009. №3. С. 142 – 145; Чубаров В. Эпоха развитого колониализма // Коммерсантъ Деньги. №3 (760). 25.01.2010. С. 14 – 18.
- 348 Деваева Е.И., Котова Т.Е. Внешняя торговля Дальнего Востока России: современное состояние и тенденции развития. // Пространственная экономика. 2009. №4. С. 51.
- 349 Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника...
- 350 Иноинвестиции с Россией... С. 75.
- 351 Аносов А. В. Проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока // Политическое образование: [сайт]. URL: <http://www.lawinrussia.ru/dokladi/2010-03-05/problemi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-dalnego-vostoka.html>
- 352 Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества... С. 195; Ли Чуаньсюнь. Анализ тенденций развития торговли и экономического сотрудничества между провинцией Хейлуцзян и Россией // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 155.
- 353 ИА Regnum. 25.11.2009. URL: <http://www.regnum.ru>
- 354 Ли Чуаньсюнь. Анализ тенденций развития торговли... С. 155.
- 355 Сидоров С.А. Проблемы обеспечения безопасности...
- 356 Пограничники ДФО и КНР договорились о сотрудничестве // MoiGorod.Ru. URL: <http://www.moigorod.ru>; На Дальнем Востоке снизилось число нарушений российско-китайской границы. 21.07.2008 // Агентство Новостей ChinaNews.Ru. URL: <http://www.chinanews.ru>
- 357 Сидоров С.А. Проблемы обеспечения безопасности...
- 358 Козлов Л.Е., Насакова Б.Б. Российский Дальний Восток как объект...
- 359 Толорая Г. Работа фонда в Китае продолжится и после закрытия Года русского языка // Фонд «Русский мир»: [сайт]. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/comments/comment0024.html>
- 360 Эта тенденция прослеживается в принятии таких национально- и международно-правовых актов как ФЗ «Об особых экономических зонах» (2005 г.), российско-китайское Соглашение «О поощрении и взаимной защите капиталовложений» (2006 г.), Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (на 2009 – 2018 гг.) (2009 г.).
- 361 В результате демаркационных работ КНР было передано в общей сложности около 1,5 тыс. кв. км. приграничной территории.
- 362 Вместе с тем, это, безусловно, не означает, что российско-китайская и российско-северокорейская демаркация окончательно устранила возможность возникновения пограничных споров. В данном отношении, следует обратить внимание на тот факт, что пограничные территории, не говоря уже об акваториях пограничных рек, обладают естественной и антропогенной динамикой, которая

сама по себе может нарушить существующую разметку линии границы (изменение русла рек, в т.ч. в результате гидротехнических работ).

³⁶³ К ним я отношу широкий спектр противоречащих государственной политике (незаконных) форм поведения – от «серых» и «чёрных» торговых и валютных операций до нелегальной миграции и формирования замкнутых диаспор.

³⁶⁴ Вплоть до 2007 г. такие программы имели к тому же по существу декларативное значение.

Заключение

¹ В районе Хабаровска ширина Амура достигает 2 км., а в среднем течении реки она составляет местами до 4 км.

² По многим причинам до сих пор не в полной мере востребованной.

³ За исключением территорий Зейско-Бурейской равнины и Приханкайской низменности.

⁴ Для российской стороны этот фактор в значительной степени остаётся актуальным и сегодня.

⁵ Исключая 1909 – 1914 гг.

⁶ Исключая этап 1922 – 1929 гг.

⁷ Во многом под воздействием государственной пропаганды.

⁸ При этом, конкретное содержание этой «неудовлетворительности» каждой стороной трактовалось по своему.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Неопубликованные источники

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1.
2. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702.
3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 704.
4. Государственный архив Приморского края. Ф. 149.
5. Государственный архив Приморского края. Ф. 1167.
6. Государственный архив Приморского края. Ф. П-85.
7. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2.

Опубликованные источники

Документы и сборники документов

1. Годовой отчет Усурийского казачьего войска по гражданской части за 1914 г. Владивосток, 1915.
2. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856 – 1861 гг. Владивосток, 2002.
3. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862 – 1870 гг. Владивосток, 2004.
4. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1881 – 1889 гг. Владивосток, 2005.
5. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896 – 1899 гг. Владивосток, 2007.
6. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1900 – 1902 гг. Владивосток, 2009.
7. Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999.
8. Договор между Правительством СССР и Правительством КНДР о режиме советско-корейской государственной границы // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/E00072ADD13A70C9C325785A003FB136
9. Договор между СССР и КНДР о прохождении линии советско-корейской государственной границы 1985 г // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/3F4381A4DA9575AFC325785A003FB17C
10. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/B1A45C293258EF48C325785A003FAEA2
11. Доклад Николаевской на Амуре комиссии по вопросу о сохранении порто-франко в Приамурье. Хабаровск, 1907.
12. Доктрина информационной безопасности от 9 сентября 2000 г. // Совет Безопасности РФ: [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>
13. Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее восточной части // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/A7BB75D3FA653EDDC325785A003FB2DA
14. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе РФ» // Система «Гарант».

15. Концепция охраны государственной границы РФ на 2001 – 2005 гг. (утв. Президентом РФ 1 сентября 2001 г.) // Морская коллегия: [сайт]. URL: http://www.morskayakollegiya.ru/legislation/doktrinalnye_i_k/kontseptsija_ohr/
16. Корейцы в СССР – России: XX-й век. (История в документах). М., 2004.
17. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – начало XX вв.): Документы и материалы в 2-х кн. Кн. 1. Владивосток, 2004.
18. О проблемах развития делового сообщества и его роль в решении задач по преодолению экономического кризиса в ДФО. Доклад Председателя Дальневосточного объединения промышленников и предпринимателей Е. Шулепова. 4 декабря 2009 г. // Mega News. URL: <http://www.mega-mir.com/articles/publications/section3720/element403659/>
19. О свободной экономической зоне. Письмо Председателю Правительства РФ В.В. Путину от ДВОПП от 10 июля 2009 г. // Mega News. URL: <http://www.mega-mir.com/news/section1651/element392435/>
20. Основы пограничной политики РФ (утв. Президентом РФ 5 октября 1996 г.) // Совет Безопасности РФ: [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/28.html>
21. Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909.
22. План действий по реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005 – 2008 годы) // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005.
23. Положение о въезде в СССР и выезде из СССР (утв. Постановлением Совмина СССР от 22 сентября 1970 г.) // Система «Консультант Плюс»
24. Положение об охране государственных границ СССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15 июня 1927 г.) // Законодательство Республики Беларусь: [сайт]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/>
25. Порто-франко на Дальнем Востоке: сб. документов и материалов. Владивосток, 2000.
26. Постановление Правительства РФ «О мерах по предупреждению неконтролируемой внешней миграции» от 8 сентября 1994 г. // Система «Гарант»
27. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. №339 // Система «Гарант»
28. Постановление Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 60 «Об утверждении Положения о пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» // Система «Гарант»
29. Постановление Правительства РФ от 2 февраля 2005 г. №50 // Система «Гарант».
30. Постановление Правительства РФ от 21 августа 2004 г. № 429// Система «Гарант».
31. Постановление Правительства РФ от 29 марта 1994 г. № 252 «О внесении изменений и дополнений в Положение о Федеральной миграционной службе России» // Система «Гарант»
32. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2002 г. №941// Система «Гарант».
33. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1021 // Система «Гарант»
34. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1020 «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле» // Система «Гарант».

35. Приказ ГТК РФ от 15 августа 1994 г. № 408 «О перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации» // Система «Консультант Плюс»
36. Приказ МВД РФ, МИД РФ, Минтранса РФ, МПС РФ, ГТК РФ и ФПС РФ от 11 ноября 2002 г. № 1095/16531/143/49/1189/692 «О введении в действие миграционных карт» // Система «Гарант»
37. Приказ МВД РФ, МИД РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Министерства информационных технологий и связи РФ от 10 марта 2006 г. № 148/2562/98/62/25 «О ведении и использовании центрального банка данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации» // Система «Гарант».
38. Приказ МВД РФ, МИД РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Министерства информационных технологий и связи РФ от 10 марта 2006 г. № 148/2562/98/62/25 «О ведении и использовании центрального банка данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации» // Система «Гарант»
39. Приказ МИД РФ, МВД РФ, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, ФСБ РФ и Службы внешней разведки РФ от 30 марта 2005 г. № 3769/227/244/183/20 «О создании Межведомственной комиссии по упорядочению въезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Система «Гарант»
40. Приказы ФСБ об установлении пограничной зоны // Путеводитель по России: [сайт]. URL: <http://www.mccme.ru/putevod/Border/border.html>
41. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае: [сайт]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc>
42. Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г. // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/0338FC26B72C6613C325785A003FB37D
43. Протокол Совещания с участием подкомиссии по поддержке предпринимательства Межведомственной комиссии по безопасности в сфере экономики, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, представителей науки и общественных объединений предпринимателей по ДФО от 5 сентября 2003 г. // Правотека.ру. URL: http://www.pravoteka.ru/docs/khabarovskiy_kray/14297-p1.html
44. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р // Минрегион РФ: [сайт]. URL: http://archive.minregion.ru/OpenFile.ashx/DV_rasp.PDF?AttachID=3774
45. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1843-1925) // Труды московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. Т. VI. М., 1927.
46. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/6469AF365A727166C325785A003FB3B7
47. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР о поощрении и взаимной защите капиталовложений // Правотека. Ру URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/105/52444.html>

48. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР о сотрудничестве в таможенных делах// Правотека. Ру. URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/747/373191.html>
49. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНДР об экономическом и техническом сотрудничестве // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/4DC100F29232B73BC325785A003FAEC8
50. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005.
51. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/A492C27B118C6F9DC325785A003FB2B6
52. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/EACAAE6A8BCAE25DC325785A003FAE62
53. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о поощрении и взаимной защите капиталовложений// МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/604C0339F57072E4C325785A003FB380
54. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о режиме российско-китайской государственной границы РФ и КНР // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/6240726D41256F9BC325785A003FB38E
55. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005.
56. Соглашение между Правительством РФ, Правительством КНР и Правительством КНДР об определении линии разграничения пограничных водных пространств трех государств на р. Туманная // Предпринимательское право: [сайт]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_122276.html
57. Соглашение о порядке плавания по пограничным рекам 1951 года // Аналитический Клуб: [сайт]. URL: <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=chna&art=1881>
58. Стенографический отчет о совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах. 3 июля 2010 г. Благовещенск. // Президент России: [сайт]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/8278>
59. Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ // Система «Гарант»
60. Таможенный кодекс РФ от 18 июня 1993 г. // Система «Гарант».
61. Торговое соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР на 2001 – 2005 гг. // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005.
62. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» // Система «Гарант»
63. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2146 «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ» // Система «Гарант»
64. Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» // Система «Гарант»

65. Указ Президента РФ от 25 октября 1994 г. № 2014 «Об утверждении Положения о Государственном таможенном комитете Российской Федерации» // Система «Гарант».
66. Указ Президента РФ от 27 октября 2003 г. № 1264 «Об утверждении Положения о Государственной пограничной комиссии и ее состава по должностям» // Система «Гарант».
67. Указ Президента РФ от 28 мая 2003 г. № 581 «О Государственной пограничной комиссии» // Система «Гарант»
68. ФЗ РФ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» // Система «Гарант»
69. ФЗ РФ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Система «Гарант»
70. ФЗ РФ от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» // Система «Гарант».
71. ФЗ РФ от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Система «Гарант».
72. ФЦП «Государственная граница РФ» // Федеральные целевые программы России: [сайт]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/150/?yover=2010#>

Информационные материалы

1. Амурское войсковое казачье общество: [сайт] URL: <http://www.a-k-v.ru>
2. Аносов А. В. Проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока // Политическое образование: [сайт]. URL: <http://www.lawinrussia.ru/dokladi/2010-03-05/problemsotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-dalnego-vostoka.html>
3. Благопристойный рубеж // Дальневосточный капитал. 2010. №5. URL: <http://dvkapital.ru/2010/5/01.asp>
4. Более чем вековая история Благовещенской таможенной службы на Амуре начинается с 30 апреля 1902 года // Компания «Декларант-Плюс»: [сайт]. URL: <http://deklarant.ru/viewnews.php?id=2225&gid=6>
5. Вершинин О. Облик границы меняется // Красная звезда. 2008. 14 мая.
6. Выхованец О. Два шага вперед, шаг назад // НГ-сценарии. 2007. 27 февраля. URL: http://www.ng.ru/scenario/2007-02-27/12_twosteps.htm
7. Гражданином быть обязан. Владивосток, 2002.
8. Дальневосточная таможня в цифрах и фактах // ИА Sakha News. 5.08.2005. URL: <http://www.1sn.ru/>
9. Дмитрий Медведев порекомендовал погранслужбам создавать современную инфраструктуру и правила, которые бы мигранты не хотели нарушать. 03.07.2010 // Правительство Амурской области: [сайт]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=&r=7&c=1877&n=814&rn=1>
10. Доронина Н. На Дальнем Востоке пограничники впервые приступили к охране рубежей вахтовым методом // Российская газета. 2010. 22 июня. URL: <http://www.rg.ru/2010/06/22/reg-dvostok/pogranichniki-anons.html>
11. Дробышева И. Миллиард под боком // Дальневосточный капитал. 2003. №2. URL: <http://dvkapital.ru/subjnum/2003/0201.asp>
12. Дятликович В. Закрыть генерала // Русский репортер. 2008. №4. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2008/04/granica_na_zamke/

13. Емельянова Е. Росграница готова работать в полную силу. URL: <http://www.morvesti.ru>
14. «Засечная стража» современной России // Красная звезда. 2006. 27 мая.
15. Из истории установления и оформления государственной границы России и становления службы по ее охране // Пограничная служба ФСБ России: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/history/general/text.htm%21id%3D10320625%40fsbArticle.html>
16. Иноинвестиции с Россией. ДвФО. Том XXII. М., 2009. URL: www.polpred.ru
17. Интервью начальника Главного управления информационных технологий ФТС России А. Шашаева. 15.09.2008// Виртуальная Таможня: [сайт]. URL: http://ya.vch.ru/hl/vch?url=webds/www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi%3Ftable_code%3D12%26action%3Dshow%26id%3D16687&mime=ext/html&charset=windows-1251
18. Интервью начальника Дальневосточного таможенного управления Сергея Пашко «Российской газете» от 24.11.2010 года // ФТС России: [сайт]. URL: <http://www.customs.ru/>
19. Информационная безопасность на Дальнем Востоке оставляет желать лучшего // Хабаровск-новости. 18.10.2002. URL: <http://news.khb.ru/print.php3?news=4857>
20. Информация о делимитации и демаркации государственной границы РФ // Росграница: [сайт]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/>.
21. История ДВТУ // Федеральная таможенная служба. Дальневосточное таможенное управление: [сайт]. URL: <http://dvtu.customs.ru/ru/about/history/>
22. История российской таможни // Центральный музей таможенной службы РФ: [сайт]. URL: <http://museum.customs.ru/ru/history>
23. Итоги деятельности туристской отрасли Востока России в 2007 году // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия «Дальний Восток и Забайкалье»: [сайт]. URL: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/econ_tourism_itogi2007.htm
24. Камиль Исхаков: «Нужно сделать Дальний Восток привлекательным» // Демоскоп Weekly. 2006. 6 – 19 марта. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/gazeta024.php>
25. Контрразведка в деле-2 // Дебри-ДВ. URL: <http://www.debri-dv.ru/article/85>
26. Кортцы в СССР. Материалы советской печати. М., 2004.
27. Краснов П. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии СПб., 1903.
28. Круглый стол №8 «Развитие приграничного сотрудничества на Востоке России». 28 сентября 2005 г. // Дальневосточный международный экономический конгресс. URL: http://www.dvcongress.ru/material_Rec8.htm
29. Куликов В. Метр границы подорожал // Российская газета. 2007. 8 июня. URL: <http://www.rg.ru/2007/06/08/metr.html>
30. Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913.
31. Мохов В. К границе XXI в. // Красная звезда. 2007. 5 декабря.
32. Мохов В. Приоритет – пограничная безопасность // Красная звезда. 2002. 30 мая.
33. На Дальнем Востоке снизилось число нарушений российско-китайской госграницы. 21.07.2008 // Агентство Новостей ChinaNews.Ru. URL: <http://www.chinanews.ru>
34. Нормативные правовые акты РФ и ФСБ России // Пограничная служба ФСБ: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/law.htm>
35. Обеспечение соблюдения правил пограничного режима // Пограничная служба ФСБ России: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/general/info/details.htm%21id%3D10320567%40fsbArticle.html>

36. Оснащение таможенных органов Дальнего Востока новыми программными средствами может начаться уже в 2010 году // РИА Восток-Медиа. 7.07.2009. URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2009/07/07/0005>
37. Охрана границ Советского государства (1917–1991 гг.) // Пограничная служба ФСБ России: [сайт]. URL: <http://ps.fsb.ru/history/general/text.htm%21id%3D10320628%40fsbArticle.html>
38. Плугатарев И. В наряд - с компьютером и беспилотником // Независимое военное обозрение. 2006. 10 ноября. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2006-11-10/7_monitoring.html
39. Плугатарев И. ФПС: Сокращение «по-путински»// Независимое военное обозрение. 2002. 26 января. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2002-01-26/1_fps.html
40. Пограничная зона // Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org>
41. Пограничники ДФО и КНР договорились о сотрудничестве // MoiGorod.Ru. URL: <http://www.moigorod.ru>
42. Подорожная гастарбайтеру // Российская газета. 2003. 2 декабря. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0212/4.shtm
43. Почти 400 тысяч иностранцев въехало в этом году на территорию Дальнего Востока // ИА PrimaMedia. 8.10. 2010. URL: <http://primamedia.ru/news/08.10.2010/136552/>
44. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна тангутов. М., 2007.
45. Привлечение граждан РФ к защите государственной границы //Пограничная служба ФСБ России: [сайт] URL: <http://ps.fsb.ru/general/info/details.html?id%3D10320572%40fsbArticle.html>
46. Приграничные пункты пропуска на Дальнем Востоке подключат к информационной системе безопасности // Primamedia.ru. 13.10.2009. URL: <http://primamedia.ru/news/13.10.2009-108565>
47. Пункты пропуска на границе реконструируют. 21.09.2009. URL: <http://tamognia.ru>
48. Развитие паспортной системы в условиях укрепления административно-командной системы в СССР и в период перестройки в России // ФМС России: [сайт]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/5/>
49. Расписание на завтрашний день // Дальневосточный капитал. 2010. №10. URL: <http://dvkapital.ru/2010/10/01.asp>.
50. Рыбалкин Н. Новая система охраны границы адекватна угрозам безопасности России // Пограничник. 2005. №9. URL: http://www.geraldika.org/04_2006_22.htm
51. Самедова Е. Пуликовский защитит китайских бизнесменов // Независимая газета. 2004. 10 июня. URL: http://www.ng.ru/economics/2004-06-10/3_pulikovskiy.html
52. Служба пограничника – самая почетная // РИА Ежедневные Новости Владивостока. 27.05.2010. URL: <http://novostivl.ru/msg/11240.htm>.
53. Сотни тысяч одних китайцев // Время новостей. №108. 21 июня 2002. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.htm>
54. Таможенные органы организуют противодействие контрабанде китайских товаров // TKS.RU - все о таможене. 6.07.2007. URL: <http://www.tks.ru/reviews/2007/07/06/04>
55. Таможня дает добро // Парламентская газета. 2010. 7 августа. URL: http://www.parldv.ru/index.php?mod=art_show&id_art=842
56. Тезисы выступления руководителя Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации Д.А. Безделова на открытии выставки SOFTOOL-2009 // Росграница: [сайт] URL: <http://www.rosgranitsa.ru/node/1233>

57. Товарооборот между Дальним Востоком и КНР в 2010 году вырос почти на \$1 млрд. - до \$5,5 млрд. // «РИА Новости». 14. 01. 2011. URL: <http://dv.rian.ru/economy/20110114/81963981.html>
58. Толорая Г. Работа фонда в Китае продолжится и после закрытия Года русского языка // Фонд «Русский мир»: [сайт]. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/publications/comments/comment0024.html>
59. У Н.А. Манькова, депутата амурского и уссурийского казачьих войск // Сибирские вопросы. 1908. № 35 – 36.
60. Уссурийское казачье войско: [сайт] URL: // kazaki-ukv.ru
61. Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации (Росграница): [сайт]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/>
62. Фонд «Русский мир»: [сайт]. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/>
63. Челочный бизнес: бой с тенью // Рынок легкой промышленности. 2006. №46 // RusTM.net. URL: <http://www.rustm.net/catalog/article/113.html>
64. Чубаров В. Эпоха развитого колониализма // Коммерсантъ Деньги. №3 (760). 25.01.2010.
65. Korea, North // CIA- The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html>

Научно-исследовательская литература

1. Авдеев Ю., Пушкарев С., Ушакова В. Миграционная ситуация и рынки труда в Приморском крае // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999.
2. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв./ В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004.
3. Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. М., 2010.
4. Алепко А.В. Государственная политика и международные экономические отношения на Дальнем Востоке (конец XVIII – 1917 г.). Хабаровск, 2006.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М., 2001.
6. Антонова Н.Е. и др. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009. №3.
7. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток, 2009.
8. Баранник И.Н. Транснациональная организованная преступность и сотрудничество правоохранительных органов российского Дальнего Востока и стран АТР в борьбе с ней (криминологические аспекты). Автореф...канд. юр. наук. Владивосток, 2006 // Crime.vl.ru. Владивостокский центр исследований организованной преступности: [сайт]. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1038&more=1&c=1&t=1&p=1>
9. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток, 2006.
10. Бредникова О. Последний рубеж? // Отечественные записки. 2002. №6.
11. Бусыгина И., Лебедева Е. Субъекты федерации в международном сотрудничестве. Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Вып. 3(32). М., 2008.
12. Бужков А.М. Казаки и охрана государственной границы в Южно-Уссурийском крае во второй половине XIX – начале XX вв.// Государственная служба российского казачества: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 1998.

13. Бэ Ын Гиёнг. Участие корейцев в развитии экономики Дальневосточного региона (20 – 30-е гг. XX в.) // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004.
14. Ван Ци. Проблема Восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных ученых / Пер. с кит. Ю. Семенова. М., 2010.
15. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009.
16. Васкович Д.С. Иммиграционная политика РФ – Динамика изменений. Автореф. дисс... к. полит. наук. М., 2009.
17. Ващук А.С. Иностранцы на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. Проблемы исторического исследования // Дальний Восток России в системе международных отношений в АТР: история, экономика, культура. Владивосток, 2006.
18. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002.
19. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., 1999.
20. Витковская Г.С. Дальневосточный регион России: внешние взаимодействия в сфере миграции // Семинар «Внешнеэкономическая деятельность регионов: роль в федерализации России». 30 ноября 1999 г. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/vitkovskaja.htm>
21. Владимирова О. Советско-китайские отношения в сороковых – восьмидесятих годах. М., 1984.
22. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
23. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004.
24. Врагова Н.К., Симутина Н.Л. Межбанковские расчеты как фактор цивилизованного развития внешнеторговых отношений приграничных регионов России и Китая // Деньги и кредит. 2007. №2.
25. Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2003.
26. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001.
27. Гамерман Е.В. Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (1856-1917 гг.). Владивосток, 2007.
28. Гельбрас В. Китайцы в России: сколько их? // Демоскоп Weekly. 2001. 3 – 16 декабря. URL: <http://demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php>.
29. Голубчик М.М. Политическая география мира. Смоленск, 1998.
30. Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград, 2005.
31. Голунов С.В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Автореф...д. полит. наук. Нижний Новгород, 2008.
32. Голюк Н.С. Криминологическое обеспечение миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе России: Региональный компонент. Автореф... канд. юр. наук. Иркутск, 2007 // Юридическая Россия: [сайт]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1277577>
33. Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений России и Китая: взгляд из региона // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
34. Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // Взаимодействие России и Ки-

- тая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
35. Дацышен В.Г. Очерки истории российской границы во 2-й половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000. URL: <http://history.tuad.nsk.ru/Author/Russ/D/DacishenVG/gran/index.htm>
 36. Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Вып. 17. Иркутск, 2009. URL: http://penpolit.ru/papers/?ELEMENT_ID=947
 37. Деваева Е.И., Котова Т.Е. Внешняя торговля Дальнего Востока России: современное состояние и тенденции развития. // Пространственная экономика. 2009. №4.
 38. Деятельность региональных миграционных служб на востоке Российской Федерации. Иркутск, 2006. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/
 39. Дибель В. Паспортная система России // Обозреватель-Observer. 2003. №5 // РАУ-Университет: [сайт]. URL: http://www.rau.su/observer/N5_2003/5_15.htm
 40. Доклад В.К. Арсеньева Дальневосточному краевому комитету ВКП(б) // Желтая опасность. Владивосток, 1995.
 41. Дроздов Э.А. Борьба с политическим бандитизмом (1920 – 1930 гг.) // Органы государственной безопасности Приморья: Взгляд в прошлое во имя будущего. Владивосток, 2003.
 42. Друзьяка А.В. Незаконная миграция на российском Дальнем Востоке в 1993 – 2002 гг. (на примере Амурской области) // Вестник ДВО РАН. 2008. №5.
 43. Дьяков В.И., Просянников Н.Н. 10 лет высшему таможенному образованию на Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2004. № 3.
 44. Дьякова Н.А., Чапелкин М.А. Границы России. М., 1994.
 45. Дятлов В.И. Китайские мигранты в современной России: практики взаимной адаптации // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
 46. Ежуков Е. Концепция защиты интересов России в пограничной сфере: прошлое, настоящее, будущее // Власть. 2008. №5.
 47. Ежуков Е. Становление концепции защиты и охраны границ Советского государства // Власть. 2008. № 12.
 48. Ермак Г.Г., Кабанов Н.А. Уссурийское казачество: проблемы этносоциального статуса и государственной службы // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Вып.2. Хабаровск, 2009.
 49. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Нелегальная миграция и организованная преступность: региональные аспекты // Crime.vl.ru. Владивостокский центр исследований организованной преступности: [сайт]. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1000&more=1>
 50. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009.
 51. Забровская Л. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х – 2003 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. №5.
 52. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. №1.
 53. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917 – 1938 гг.). Владивосток, 2009.
 54. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.

55. Звездинский С.С., Иванов В.А., Сизов С.М., Трушин А.А. Охрана сухопутных границ СССР во второй половине XX в. // Специальная техника. 2007. №1. URL: http://st.ess.ru/publications/1_2007/sizov/index.htm
56. Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999.
57. Иванов В.Д. Дальневосточное казачество на российско-китайской границе: исторический взгляд на современные проблемы приграничья // Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX – XX вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2006.
58. Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М., 2006.
59. Ивашинников Ю.К. Страны Япономорского региона и Китай. Экономическое развитие и экологические проблемы. Владивосток, 2007.
60. Илларионов А.А. Государственная политика и частная инициатива как факторы развития транспортной системы Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) Автореф... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.
61. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжовой. Иркутск, 2009.
62. Исаев Б.А. Геополитика. СПб., 2006.
63. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). Т.2. М., 1990.
64. История международных отношений и внешней политики СССР. В 3-х т. / Под ред. И.А. Кирилина. Т. 1. М., 1986.
65. История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945 – 1977 гг. / Под ред. С.Л. Тихвинского. Хабаровск, 1973.
66. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 1-3. Владивосток, 1987 – 2004.
67. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.
68. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917 гг.). М., 1985.
69. Капралова Н.Л., Карасева Л.А. Феномен челночной торговли в российской экономике и его эволюция. URL: <http://www.hse.ru/ic6/report38.doc>
70. Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №5.
71. Карнеев А.Н. Человеческий фактор в российско-китайских отношениях // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
72. Киреев А.А. Политические банды и крестьяне Приморья. 1920 – 1930 гг. // Россия и АТР. 2005. №4.
73. Киреев А.А. Состояние и перспективы трансграничных отношений российского Дальнего Востока и Китая (по результатам экспертного опроса) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №3.
74. Киреев А.А. Специфика дальневосточной границы России: теория и история // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №2.
75. Киреев А.А. Уссурийское казачество в политическом процессе на Дальнем Востоке России. Дис... канд. полит. наук. Владивосток, 2002.
76. Киреев А.А. Уссурийское казачество в системе трансграничных отношений российского Дальнего Востока с сопредельными территориями Китая и Кореи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Вып.2. Хабаровск, 2009.
77. Кисловский Ю.Г. История таможи государства Российского. М., 1995.
78. Ковалев В.Н. Современные проблемы правового и экономического взаимодействия России и Китая (на примере Амурской области и провинции Хейлуцунц-

- зьян) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 1. Благовещенск, 2001.
79. Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения: Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1995.
80. Козлов Л.Е. Региональная политика федерального центра как фактор формирования сепаратистской идеологии на Дальнем Востоке России // Без темы. 2007. №2. URL: [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004\(02_2007\)&xsln=showArticle.xslt&id=a11&os=.../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004(02_2007)&xsln=showArticle.xslt&id=a11&os=.../content.jsp)
81. Козлов Л.Е., Насакова Б.Б. Российский Дальний Восток как объект внешней культурной политики Японии и Китая // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып.2. Владивосток, 2008. URL: http://l-e-kozlov.narod.ru/text/kozlov_nasakova.doc
82. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
83. Королев С. Края пространства. Российская граница: генезис и типология // Отечественные записки. 2002. №6.
84. Королева Э.В. Основные проблемы управления миграционными процессами в Приморском крае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. №3.
85. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004.
86. Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900 – 1917 гг.) // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997.
87. Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945 – 1960-е гг. Автореф... канд. ист. наук. Владивосток, 2007.
88. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993.
89. Кузнецов А.М. Этнос и нация в условиях постсовременности // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Владивосток, 2008.
90. Кузурманова И.В. Паспортная система Российской Федерации и ее использование в деятельности пограничных органов ФСБ. Дисс... канд. воен. наук. М., 2004.
91. Курилова К.А. Проект «Институт Конфуция» в свете новых аспектов российско-китайских культурных отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
92. Кутузов М.А. Уссурийские казаки: национальный состав социальной группы // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999.
93. Лаврентьев А.В. Изменение внешнеэкономической политики государства на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1980-х – 1991 г.): основные результаты и противоречия // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. №2.
94. Лаврентьев А.В. Социально-экономическое развитие советского Дальнего Востока в ходе реализации программно-целевой стратегии периода «перестройки» (вт. пол. 80-х – 1991 г.) // Вестник ВГУЭС. 2009. №3.
95. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.
96. Ларин В.Л. Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России. Владивосток, 2010.
97. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. 2010. Т.8. №1 // <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm>
98. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2006.

99. Ли Чуаньсюнь. Анализ тенденций развития торговли и экономического сотрудничества между провинцией Хейлуцзян и Россией // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
100. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1960. Справочник. / Науч. ред. Р.Г. Пихоя. М., 1997.
101. Лузанин С.Г. Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
102. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М., 2007.
103. Лукин А.Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. Владивосток, 2009.
104. Лукьянова Е.Л. Северо-Восток Китая в системе общекайтайского разделения труда. Автореф... канд. геогр. наук. Иркутск, 2010.
105. Лыкова Е.А., Проскурина Л.Н. Деревня российского Дальнего Востока в 20 – 30-е гг. XX в. Владивосток, 2004.
106. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб., 2007.
107. Любарский К. Паспортная система и система прописки в России // Институт прав человека: [сайт]. URL: <http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm>
108. Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI вв.). Владивосток, 2008.
109. Мельников В.Н. Деятельность органов государственной власти СССР по обеспечению национальной безопасности страны в пограничной сфере Дальнего Востока (1949 – 1969 гг.). // Власть и управление на Дальнем Востоке России. 2008. № 1.
110. Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке // Желтая опасность. Владивосток, 1995.
111. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
112. Миндогулов В.В. Что думают жители Дальнего Востока о российско-китайских приграничных отношениях // Социологические исследования. 1995. № 10.
113. Миркасымов Б.З. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
114. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток, 2006.
115. Надаров И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884.
116. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока. Владивосток, 2004.
117. Новиков А. Иностранцы в Хабаровском крае: проблемы и решения // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999.
118. Номоконов В.А. Особенности организованной и транснациональной преступности на Дальнем Востоке России // Сибирский криминологический журнал. 2006. № 1. URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1244413#_ftnref9
119. Номоконов В.А., Лелюхин С.Е. Китайская организованная преступность на Дальнем Востоке: угрозы и прогнозы. URL: <http://forum.nogliki.com/index.php?showtopic=5955&st=0&p=43668&>

120. Основы регионоведения./ Под ред. И.Н. Барыгина. М., 2007.
121. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин и др. М., 1994. Т. 1.
122. Очерки истории дальневосточных организаций КПСС (1938 – 1987). Хабаровск, 1987.
123. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979.
124. Пахомов Р.Г. Подготовка руководящего состава для органов пограничной охраны Советской России в период 1918 – 1930 гг. // Власть и управление на Дальнем Востоке России. 2008. №1.
125. Петров А.И. Корейская диаспора в России: 1897 – 1917 гг. Владивосток, 2001.
126. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке. 60 – 90-е гг. XIX в. Владивосток, 2000.
127. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток, 1990.
128. Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. Ч. 1. 1899 – 1945. Владивосток, 2002.
129. Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., 2007.
130. Пограничная служба России: Энциклопедия. М., 2009.
131. Поддивалов С.М. Институциональное развитие миграционных структур России в 90-е гг. XX в. – начале 2000-х гг. // Научный вестник УрГАС. 2008. №3. URL: <http://vestnik.uapa.ru/issue/2008/03/20/>
132. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития / Под ред. С.Н. Градиrossoвского. М., 2005.
133. Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. №6. // Журнальный зал:[сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html
134. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997.
135. Проблемы населения Дальнего Востока/ Авдеев Ю.А. и др. Владивосток, 2004.
136. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России/ Под редакцией Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. - Волгоград, 2002 // Научно-образовательный форум по международным отношениям: [сайт]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/>
137. Протопопов А.С., Козменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648 – 2000). М., 2001.
138. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию/ Науч. ред. С.В. Голунов. М., 2008.
139. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.
140. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.
141. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX вв. М., 1987.
142. Россия – Северо-Восточная Азия. Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох / С. П. Быстрицкий, В. К. Заусаев. М., 2007.
143. Рыбаковский Л.Л. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. URL: <http://viperson.ru/data/200602/kovskiiinel.immigracijdv.doc>
144. Рыжова Н.П. Приграничная торговля и интеграция. Китайский и российский подходы. URL: <http://www.hse.ru/data/688/385/1239/%D0%A0%D1%8B%D0%B6%D0%BE>

- %D0%B2%D0%B0%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%A8%D0%AD.doc
145. Рябченко Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969 – 1982). Владивосток, 2006.
 146. Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября. М., 1986.
 147. Северо-Восточный Китай на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2005.
 148. Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. М., 1983.
 149. Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск-Москва, 2008.
 150. Сиваков Т.В. Особые сотни и поселковое ополчение УКВ в системе охраны государственной границы // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Вып.2. Хабаровск, 2009.
 151. Сидоров С.А. Проблемы обеспечения безопасности РФ в пограничном пространстве ДФО // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. №11. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit89.html>
 152. Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск – Хейхе // Вестник ДВО РАН. 2007. №5.
 153. Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003 // Иркутский МИОН: [сайт]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/index.html
 154. Сянь Янь, Н. П. Яблоков. Борьба с мафией в Китае. Овчинский В.С. Мафия XXI в.: сделано в Китае. М., 2006.
 155. Системная история международных отношений в четырех томах. События. 1918 – 1945./ Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т.1. М., 2000.
 156. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918 – 2003./ Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т.3. М., 2003.
 157. Советская военная энциклопедия. / Пред. Гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. Т. 6. М., 1978.
 158. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 – 1917 гг.). М., 1989.
 159. Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений в треугольнике Китай – Россия - США //Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
 160. Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток, 2006.
 161. Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. М., 2008.
 162. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье. Благовещенск, 2003.
 163. Тихоокеанский рубеж. Владивосток, 2004.
 164. Ткаченко Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток, 1999.
 165. Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20 – 50-е гг.): Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997.
 166. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.
 167. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма // Науч. ред.: П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток, 2010.
 168. Труды Амурской экспедиции. В 16 вып. Вып. 9. СПб., 1913.
 169. Умрихин А.В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис... канд. ист. наук. Благовещенск, 1998.

170. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906 – 1910 гг. СПб., 1912.
171. Уссурийское казачье войско: история и современность / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999.
172. Ушакова В.Л. Международная миграция населения в Приморском крае // Вестник ДВО РАН. 2008. №5.
173. Фадеев Ю.Д. Проблемы Корейского полуострова и интересы России // Азиатская библиотека: [сайт]. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/koreas/border_regulation.htm
174. Филонов А. Пограничная политика России в Дальневосточном регионе // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999.
175. Формирование границы между Россией и Цинским Китаем. Кн. 2. М., 1970.
176. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. М., 2001.
177. Ходаков С. Иммиграция и иммиграционная политика в Хабаровском крае // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999.
178. Холцленер Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №3.
179. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006.
180. Чань Бинь. К вопросу о китайско-российских отношениях в новом веке // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
181. Чернолуцкая Е.Н. Административное управление корейским и китайским населением в Приморье (конец XIX в. – 1930-е гг.) // Дальний Восток России в системе международных отношений в АТР: история, экономика, культура. Владивосток, 2006.
182. Чжао Вей. Об основных достижениях Института русского языка Хейлунцзянского университета в подготовке русистов // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
183. Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917–1928: (Из истории пограничных войск СССР). М., 1980.
184. Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922 – 1930 гг.) Владивосток, 2002.
185. Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья (1860 – 1917 гг.) Владивосток, 2004.
186. Шилова Н.В. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации в пограничной сфере // Аналитический вестник. 2009. № 12.
187. Штёлтинг Э. Социальное значение границ // Кочующие границы: материалы международного семинара / Под ред. О. Бредниковой и В. Воронкова. Труды. Вып. 7. СПб., 1999.
188. Шульженко А.Б. Борьба органов ОГПУ советского Дальнего Востока с иностранными спецслужбами в 20-х гг. XX в. // Вестник ДВО РАН. 2008. №5.
189. Экономическое развитие КНР на современном этапе (Аналитический обзор)/ Кучерявенко В.Е., Изотов В.А. Хабаровск, 2007.
190. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий./ Под ред. Ф. Барта. М., 2006.
191. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

- АКВ** – Амурское казачье войско
АСУ – автоматизированная система управления
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС – межправительственный форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество»
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВРП – валовой региональный продукт
ВСТО – нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан»
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
Госсовет – Государственный совет
ГПУ – Государственное политическое управление
ГТК – Государственный таможенный комитет
ГТУ – Главное таможенное управление
ГУМ – Главное управление милиции
ГУПВ – Главное управление пограничных войск
ГУПВВ – Главное управление пограничных и внутренних войск
ГУПВО – Главное управление пограничной и внутренней охраны
ДВГУ – Дальневосточный государственный университет
ДВК – Дальневосточный край
ДВО – Дальневосточная область
ДВПО – Дальневосточный пограничный округ
ДВТУ – Дальневосточное таможенное управление
ДНД – добровольная народная дружина
ДФО – Дальневосточный федеральный округ
ЕАО – Еврейская автономная область
ЗКВ – Забайкальское казачье войско
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
КГБ – Комитет государственной безопасности
КОГГ – Комитет по охране государственной границы
КПП – контрольно-пропускной пункт
КСП – контрольно-следовая полоса
КЧЖД – Китайская Чанчуньская железная дорога
МВД – Министерство внутренних дел
МВТ – Министерство внешней торговли
МГБ – Министерство государственной безопасности
МЗСР – Министерство здравоохранения и социального развития
МИАИС – Межведомственная интегрированная автоматизированная информационная система

- МИД** – Министерство иностранных дел
МИТС – Министерство информационных технологий и связи
МО – Министерство обороны
МФ – Министерство финансов
МЭРТ – Министерство экономического развития и торговли
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
НКС – Народный комиссариат связи
ОВиР – отдел виз и регистрации
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОПГ – организованная преступная группировка
ПВС – паспортно-визовая служба
ПС – Пограничная служба
ПТЭК – приграничный торгово-экономический комплекс
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РКМ – Рабоче-крестьянская милиция
Росграница – Федеральное агентство по обустройству государственной границы РФ
Россельхознадзор – Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору
СБСЕ – Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе
СВА – Северо-Восточная Азия
СВК – Северо-Восточный Китай
СВР – Служба внешней разведки
СНК – Совет народных комиссаров
Совмин – Совет министров
СТО – Совет труда и обороны
СЭЗ – свободная экономическая зона
УВД – управление внутренних дел
УВКО – Уссурийское войсковое казачье общество
УК – Уголовный кодекс
УКВ – Уссурийское казачье войско
ФЗ – федеральный закон
ФМС – Федеральная миграционная служба
ФПС – Федеральная пограничная служба
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ФТС – Федеральная таможенная служба
ФЗП – Федеральная целевая программа
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ЮМЖД – Южно-Маньчжурская железная дорога

Научное издание

Киреев Антон Александрович

**Дальневосточная граница России:
тенденции формирования и функционирования
(середина XIX – начало XXI вв.)**

Монография

Редактор А.А. Киреев
Компьютерная верстка В.Н. Караман

Подписано в печать 15.07.2011 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,55. Уч. -изд. л. 28,18.
Тираж 300 экз. Заказ 77

Издательство Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВФУ.
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56

Уважаемые читатели!

Об обнаруженных ошибках просьба сообщать по адресу:
antalkir@yandex.ru